

ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 23

В трех частях

Часть 1

Минск
РИВШ
2023

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 29 декабря 2022 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол. д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок*;
д-р филос. наук доц. *И. Н. Сидоренко*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р ист. наук доц. *А. В. Мартынюк*; д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*;
д-р полит. наук проф. *С. В. Решетников*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

З. В. Антановіч

Белорусский государственный университет, Минск

Z. V. Antanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 929:930:25(476)

СТАНАЎЛЕННЕ АРГАНІЗАЦЫЙНАЙ СТРУКТУРЫ ЕПАРХІЯЛЬНЫХ КАНСІСТОРЫЙ ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЙ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХІХ СТ.

FORMATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF DIOCESAN' CONSISTORIES OF CHRISTIAN CONFESSIONS IN BELARUS AT THE END OF THE 18TH – BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Аўтарам разглядаюцца падыходы хрысціянскіх цэркваў да структуравання органаў кіравання і духоўнага суда епархіяльнага ўзроўню (кансісторый) на беларускіх землях у канцы ХVІІІ – пачатку ХІХ ст. Захаваныя крыніцы сведчаць, што структура кансісторый і іх штатны склад у агульных рысах вызначаліся дзяржаўнымі патрабаваннямі, а спецыфіка была абумоўлена фактарамі аб'ектыўнага (асабліва сці кіравання цэрквамі, мовы справаводства і інш.) і суб'ектыўнага (асабістым стаўленнем кіраўнікоў епархій) характару. Кансісторый складаліся з прысутнасці, якая выпрацоўвала практы раішэнняў для прадстаўлення на разгляд епіскапа і канцэлярыі. Пры гэтым у канцэлярыях абавязкі служачых размяркоўваліся у адпаведнасці з іх функцыямі, а таксама з выкарыстаннем геаграфічнага крытэрыю.

Ключавыя словы: праваслаўная царква; уніяцкая царква; рымска-каталіцкая царква; кансісторыя; прысутнасць; канцэлярыя.

The author examines the approaches of Christian churches to the structuring of bodies and spiritual courts at the diocesan level (consistory) in the Belarusian lands in the late 18th and early 19th centuries. Preserved sources testify that the structure of the consistories and their staff were generally determined by state requirements, while the specifics were determined by factors of an objective (peculiarities of church management, language of administration, etc.) and subjective (personal attitude of the heads of dioceses) nature. The consistories consisted of the presence, which drafted decisions to be submitted to the bishop, and the chancellery. At the same time, in chancelleries, the duties of employees were distributed according to their functions, as well as using a geographical criterion.

Key words: orthodox church; Greek-catholic Church; Roman Catholic Church; consistory; collegium; chancellory.

Падчас падзелаў Рэчы Паспалітай змяняецца адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне канфесій на беларускіх землях і ўтвараюцца органы

кіраўніцтва і духоўнага суда імі, якімі сталі кансісторыі. Іх фарміраванне для праваслаўнай царквы ў Расійскай імперыі пачалося з маскоўскай духоўнай дыкастэрыі і ўдасканалывалася на працягу XVIII ст. [1, с. 126–137], у тым ліку з развіццём нарматыўнага рэгулявання дзейнасці калегіяльных органаў дзяржаўнага кіравання. У прыватнасці, Генеральным рэгламентам замацоўвалася дзяленне органаў на прысутнасць, паміж членамі якой размяркоўваліся абавязкі непасрэдна па сферы паўнамоцтваў і каардынацыі працы канцылярыі [2, гл. 8]. Склад і паўнамоцтвы службовых асоб апошняй (сакратар, натарыус, перакладчык, актуарыус, рэгістратар, канцылярысты, капіісты) таксама адлюстраваны ў згаданым дакуменце [2, гл. 9, 28–35]. Акрамя таго, прадугледжвалася наяўнасць асобнай канцылярыі кіраўніка адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі [2, гл. 17]. У пачатку XIX ст. канцылярыі падзяліліся на структурныя падраздзяленні – сталы і змяніліся асобныя пасады [3, гл. 3]. Гэта адлюстравалася на структуры канфесіянальнага кіраўніцтва. Аднак, калі гэтыя рэарганізацыі, асабліва Рускай праваслаўнай царквы, выступалі аб'ектам навуковага асэнсавання на працягу стагоддзяў, то станаўленне епархіяльнага кіраўніцтва на беларускіх землях разглядалася ў межах асобных канфесій і кантэкстуальна закранала перыяд канца XVIII – пачатку XIX ст. [1; 4–7]. У прыватнасці, шмат увагі станаўленню органаў кіраўніцтва праваслаўнай царквой у Расійскай імперыі канфесіянальнага і епархіяльнага ўзроўняў надаў Ц. В. Барсаў, аднак у яго працы не адлюстравана як спецыфіка дзейнасці апошніх на беларускіх землях, так і ў параўнанні з інаслаўнымі канфесіямі [1]. Гэты напрамак даследаванняў падтрымала таксама расійская даследчыца В. В. Алеўская, якая прысвяціла артыкул фарміраванню структуры Маскоўскага епархіяльнага кіраўніцтва, якое стала адным з прататыпаў для арганізацыі епархіяльнага кіраўніцтва на беларускіх землях [7]. Беларускія органы епархіяльнага кіраўніцтва заканамерна выступалі аб'ектамі даследавання айчынных навукоўцаў. Так, першы недахоп азначанай вышэй працы Ц. В. Барсава ў дачыненні Магілёўскай праваслаўнай кансісторыі быў выпраўлены П. С. Гаручка падчас даследавання органаў кіравання адпаведнай епархіяй [5, с. 36–40]. Інаслаўным канфесіянам таксама прысвячаліся асобныя працы. Так, кадравы склад Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый прааналізаваны ў працы, прысвечанай іх архівам. Пры гэтым, улічваючы даследчыцкаю мэту, аўтарам не ставілася задача іх супастаўлення [4, с. 30–31]. Сярод навукоўцаў, у сферу інтарэсаў якіх уваходзіла ўніяцкая царква, асобныя біяграфічныя звесткі складу кансісторый маюцца ў Д. В. Лісейчыкава і В. Лужынскага [6, с. 24–30, 34; 26, с. 134, 167, 174, 238, 279, 290, 356–357, 514].

На Магілёўскую праваслаўную епархію кіраўніцтва па расійскіх узорах было распаўсюджана ў 1774 г. [5, с. 36], аднак шырока вядомы толькі склад прысутнасці кансісторыі за 1798 г. У яго ўвайшлі ігумен Буйніцкага манастыра Сасіпатра, пратаіерэй кафедральнага сабору Міхаіл Багуслаўскі, настояцелі Магілёўскай Увакрасенскай царквы Андрэй Прыгароўскі і Ма-

гілёўскай Мікалаеўскай царквы Пётр Акаловіч, ігумен Аршанскага Бага-яўленскага манастыра і рэктар семінарыі Іасафат, ігумен Віцебскага Маркава манастыра Іосіф [5, с. 36–37; 8, арт. 13921]. Да 1803 г. колькасць членаў кансісторыі ўзрасла да дзевяці, аднак на пасяджэннях адначасова яны прысутнічалі рэдка [5, с. 36–40].

Першая праваслаўная кансісторыя на Міншчыне была ўтворана ў 1785 г., калі слуцкаму архімандрыту Віктару (Садкоўскаму), які стаў кіеўскім вікарным епіскапам і пераяслаўскім і барыспальскім епіскапам, былі аддадзены ў падпарадкаванне царквы на тэрыторыі Польшчы [8, арт. 16173]. Пры гэтым епіскап Віктар быў незалежным ад кіеўскага мітрапаліта, але па пасадзе імянаваўся каад'ютарам гэтай мітраполіі [9, арк. 1–1 адв., 3–6]. Пры епіскапе ў Слуцку была ўтворана кансісторыя, прысутнасць якой павінна была ўключаць прадстаўнікоў манаскага і прыходскага духавенства [8, арт. 13163]. Сінодам акрэсліваліся крытэрыі для фарміравання штатаў канцылярыі з манахаў Слуцкага Траецкага манастыра, якія б ведалі польскую мову і былі здольнымі да далейшага самаўдасканалення. У выпадку немагчымасці падбору падобных асоб епіскап мог прыцягнуць святароў і царкоўных служачых, але захоўваліся патрабаванні па веравызнаўчай прыналежнасці і моўнай падрыхтоўцы. Кандыдатуры на пасады сакратара і рэгістратара прадстаўляліся ў Сінод [10, арк. 1–1 адв.]. Выключнасць пасады сакратара і значэнне яго адукаванасці падкрэслівалася выкананнем функцый па наглядзе за выкананнем дзеючага заканадаўства, што падкрэслівалася на розных узроўнях кіравання царквой [11, арк. 2–5 адв.].

Арганізацыя працы згаданай кансісторыі працягвалася да 1789 г., калі епіскап быў арыштаваны ў Польшчы, аднак тое, што пасля вяртання ў 1792 г. В. Садкоўскі выклікаў да сябе архімандрытаў Кіпрыяна і Пратасія, а таксама прысутных кансісторыі Германа і Іаана Белазора, канцылярыстаў Мікалая Беяноўскага, Іаана Скулкоўскага, Іаана Кагадоўскага, а таксама падканцылярыста Паўла Баршчэўскага, разам з захаванымі звесткамі сведчыць пра яе аўтаномную дзейнасць у гэты перыяд [12, арк. 1–1 адв., 4; 13, арк. 1].

Мінская епархія на чале з мінскім, ізяслаўскім і брацлаўскім архіепіскапам, якім таксама стаў Віктар (Садкоўскі), была створана ў 1793 г. [9, арк. 1–1 адв., 3–6; 8, т. 23, арт. 17113]. У 1795 г. яе канцылярыя складалася з сакратара Панцелемона Корбута і ўтвараліся пасады пратакаліста і двух павытчыкаў, паміж якімі размяркоўваліся абавязкі, а таксама архіварыуса. Пратакалістам стаў Сямён Саўчанкаў, які займаўся разам з памочнікам Гаўрылам Маркоўскім дакументаваннем паседжанняў прысутнасці кансісторыі, улікам дакументаў, падрыхтоўкай ведамасцей і экстрактаў (вытрымак) у Сінод, а таксама дзейнасцю рэвізійнай экспедыцыі. Сферы паўнамоцтваў павышчяў (структурных падраздзяленняў) былі размеркаваны па геаграфічнай прыкмеце. Павытчыкам Слуцкай, Нясвіжскай, Мінскай, Барысаўскай, Ігуменскай і Вілейскай акруг, а таксама экспедыцыяй па справах

аб далучаных да праваслаўя асобах быў Антон Дашкевіч, якому асістывалі пісары Фама Сасіноўскі і Мікалай Жмуровіч. Павытчыкам Бабруйскай, Мазырскай, Пінскай, Давыдгарадзецкай, Пастаўскай, Дзісенскай і Докшыцкай акруг з'яўляўся Захарый Сахарэвіч, які разам з падканцылярыстам Фёдарам Бабарэкам і пісарам Паўлам Андрыеўскім таксама рыхтаваў да разгляду справы па замежных манастырах епархіі. Аднак пасада архіварыуса заставалася вакантнай [14, арк. 4–6; 15, арк. 2–3].

З 1799 г. структура мінскай кансісторыі ўскладнілася і да геаграфічнай прыкметы размеркавання спраў паміж павышцамі, якіх па-ранейшаму засталася два, была дададзена функцыянальная, па якой утвараліся прыказны і пратакольны сталы. У прыказным стале пад кіраўніцтвам С. Саўчанкава і яго памочніка Андрэя Логвінава працавалі два капіісты. Яны адказвалі за выкананне ўказаў Сінода, справаздачнасці перад ім і распараджэнняў епіскапа, справы семінарыі, фінансаванне яе, архірэйскага дома і кафедральнага сабору, штатных і пазаштатных манастыроў, у тым ліку пытанні атрымання манаскіх абетаў. У ім збіраліся фармулярныя ведамасці цэркваў, метрычныя кнігі і споведныя ведамасці праваслаўных і ўніяцкіх цэркваў, справы аб пераходах у праваслаўе. Пры гэтым архіў таксама аддаваўся пад апеку канцылярыста прыказнога стала А. Логвінава. Аднак, з-за напружанасці працы прыказнога стала архіў быў перададзены кіраўніку трэцяга павышца Г. Маркоўскаму ўжо ў сакавіку. Пратакольным сталом загадваў Мацвей Мілашэвіч, які з капіістам Аляксандрам Бараноўскім захоўвалі казённыя пячаткі, вялі рэестры спраў кансісторыі і складалі ведамасці па вырашаных і невырашаных з іх для прадстаўлення обер-пракурору Сінода, выдачы пашпартоў і ўказаў, перапіскі з Сінодам, агульную кнігу ўліку паштовых адпраўленняў. Адбылося таксама перамеркаванне спраў паміж павышцамі. Прыватныя справы па Слуцкім, Ігуменскім, Барысаўскім, Бабруйскім і Вілейскім паведах вяліся ў павышці пад кіраўніцтвам Гаўрылы Маркоўскага і капііста Якава Кранікоўскага, а справы па Мінскім, Пінскім, Мазырскім і Рэчыцкім паведах – у павышці Пятра Яфімовіча і капііста Восіпа Каржанеўскага [14, арк. 4–6].

Структура Беларускай рымска-каталіцкай і ўніяцкіх кансісторый у 1772 г. на агульнадзержаўным узроўні акрэслівалася да складу прысутнасці з 2–3 прадстаўнікоў духавенства [8, т. 19, арт. 13922]. Аднак, калі на ўтрыманне рымска-каталіцкага біскупа, яго дома і кансісторыі выдзялялася 10000 руб., то ўніяцкі пакідаўся на былым утрыманні [8, т. 19, арт. 13922, 14073]. Нягледзячы на такую суму, рэзідэнцыя беларускага біскупа Станіслава Богуш-Сестранцэвіча ў Магілёве была сціслай настолькі, што ледзве ўмясціла ўласную канцылярыю біскупа і кансісторыю [16, s. 42].

У выніку рэарганізацый, у 1804 г. штаты шасці рымска-каталіцкіх і трох ўніяцкіх кансісторый уключылі: афіцыяла, віцэ-вікарыя (віцэ-афіцыяла), трох асэсараў, двух сакратароў, пратакаліста і перакладчыка. У канцылярыях кожнай з кансісторый прадугледжваліся таксама пасады рэгістратара і кан-

цylinderскіх служачых, адпаведна напружанасці працы, але не звыш шасці. Таксама прадугледжвалася два вартаўнікі з адстаўных ваеннаслужачых [8, т. 28, арт. 21467].

Акрамя дзяржаўнага замацавання структуры кіраўніцтва рымска-каталіцкай царквой яна ўзгаднілася з Папам Рымскім, што ажыццявілася праз грамату нунцыя І. А. Аркеці. Адпаведна, кансісторыя зацвярджалася ў складзе каад'ютара (біскупа-суфрагана) і канонікаў капітула з ліку Асуньскага, Люцынскага, Магілёўскага і Невельскага пробашчаў. Пры гэтым пасады ў капітуле і кансісторыі яны першапачаткова павінны былі сумяшчаць, і маглі быць пазбаўлены пасады за адмову выконваць абавязкі ў адным з органаў [17, с. 32; 8, т. 21, арт. 15876]. Аналагічныя патрабаванні па кадравым складзе прысутнасці прадпісваліся і ў дачыненні іншых рымска-каталіцкіх кансісторый пры іх утварэнні ў 1798 г., у тым ліку ў Мінскай дыяцэзіі [17, с. 114; 8, т. 21, арт. 18504]. Як правіла, у Магілёўскай кансісторыі было тры асэсары ў мэтах прыняцця рашэнняў большасцю галасоў. Сярод першых у 1785 г. ўзначаліў кансісторыю Ян Беніслаўскі, асэсарамі былі Цыпрыян Адынец, Адам Вышамірскі, Андрэй Берэнт, Юзаф Бышкоўскі, Юзаф Шышко. Адначасова сакратаром кансісторый працаваў Сяргей Храчынскі, а сакратаром арцыбіскупа Вінцэнт Клімовіч [18, s. 124]. У 1788 г. асэсарамі Магілёўскай кансісторый з'яўляліся А. Берэнт, Ю. Бышкоўскі і Ігнацій Багамалец, а пазней – Мацвей Маздзенеўскі, Антоні Маеўскі, Антоні Сыхра [19, арк. 32; 20, арк. 5].

Паводле рэгламенту 1789 г. намеснікам кансісторыі (афіцыялам) замест каад'ютара прызначаўся афіцыял з ліку магілёўскага, кіеўскага і полацкага біскупаў-суфраганаў [21, арк. 2]. Са стварэннем Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі ў 1801 г. адбываецца па яе аналогіі ўпарадкаванне кансісторыі пад кіраўніцтвам згаданага А. Берэнта, прызначанага афіцыялам [4, с. 30–31; 18, к. 118] у якасці асэсараў змяняць С. Шантыр, Л. Васілеўскі, Ю. Гальнскі, а сакратаром стаў А. Маеўскі [16, s. 176–177, 194–195].

Канцылярыю кансісторыі першапачаткова фарміраваў біскуп, з 1801 г. яе служачыя зацвярджаліся Рымска-каталіцкай духоўнай калегіяй і вышэй-стаячымі органамі дзяржаўнай улады. У канцы XVIII – пачатку XIX ст. канцылярыя складалася з сакратара або двух, пратакаліста, рэгістратара і перакладчыка, дапаможных служачых (канцылярыстаў) згодна з аб'ёмам дакументапатокаў [8, т. 28, арт. 21467]. Да 1803 г. таксама быў інстыгатар (фіскал), які па сваіх абавязках у Рэчы Паспалітай павінен быў выклікаць да суду па даносах грамадства за парушэнні духоўнага ладу незалежна ад сапраўднасці пазначаных у іх звестак і безадказна для сябе, ліквідавалася, таму што ўсе звароты павінны былі падавацца на агульных падставах [8, т. 28, арт. 21467]. Абавязкі паміж пратакалістам і рэгістратарам размяркоўваліся адпаведна пасадам. Паралельна з 1788 г. дзейнічала таксама епархіяльнае ўпраўленне, якое ўвайшло ў другой трэці XIX ст. у склад кансісторыі

ў якасці першага стала [22, арк. 1]. Пры гэтым у штатах кансісторыі адсутнічала пасада архіварыуса [23, арк. 32].

У 1772 г. на беларускіх землях функцыянавалі мітрапалітальная Кіеўска-Віленская, Уладзіміра-Брэсцкая, Полацкая і Пінская уніяцкія епархіі [24, с. 6]. Акрамя таго, Ю. Лепкоўскі без наяўнасці епархіі займаў пасаду смаленскага ўніяцкага арцыбіскупа і архімандрыта ануфрыеўскага манастыра, якім валодаў [21, с. 197, 201; 25, с. 31, 54]. Пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у склад Расійскай імперыі ўвайшла Полацкая епархія на чале з Ясонам Смагаржэўскім, якая ахапіла ў 1772 г. уніяцкае духавенства, у тым ліку на тэрыторыі скасаванай Смаленскай епархіі, а з 1773 г. Гомельскага і Рагачоўскага дэканатаў Кіеўска-Віленскай епархіі. Аднак, Я. Смагаржэўскі выехаў за межы імперыі, а пасаду полацкага, віцебскага і мсціслаўскага арцыбіскупа заняў Іраклій Лісоўскі, які сфарміраваў кансісторыю з месцам знаходжання ў Ануфрыеўскім манастыры. Яе афіцыялам стаў Іаан Ястржэмбец-Красоўскі, а віцэ-афіцыялам Рыгор Кахановіч. У 1779 г. быў вызначаны склад кансісторыі з 3–4 расійскіх падданных. У 1785 г. І. Красоўскі замяшчаў арцыбіскупа падчас яго падарожжа ў Іерусалім, а пасля вяртання апошні перамясціў рэзідэнцыю недалёка – у в. Студзенец Мсціслаўскага пав. [6, с. 24–30, 34; 8, т. 19, арт. 13922; т. 20, арт. 15028].

Пашырэнне межаў Полацкай уніяцкай архіепархіі і ўваходжанне ў склад Расійскай імперыі Віленскай уніяцкай мітрапалітальнай епархіі звязана з другім і трэцім падзеламі Рэчы Паспалітай. У апошняй сярод асэсараў згадваюцца Ян Дылеўскі і Тамаш Вашчылловіч, а пісарам з’яўляўся Ян Макрыцкі [26, с. 174, 238, 356]. Пасля ліквідацыі ўсіх уніяцкіх епархій у 19 кастрычніка 1795 г., Кацярына II аднавіла іх структуру ўказам ад 28 красавіка 1798 г. Акрамя пазначаных вышэй ўзнавілі дзейнасць яшчэ дзве епархіі: Брэсцкая на чале з епіскапам А. Гланеўскім і Луцкая, якую ўзначаліў С. Левінскі. Дзейнасць мітрапалітальнай Літоўскай епархіі з цэнтрам у Вільні была адноўлена ў 1809 г. [8, т. 25, арт. 18503; т. 30, арт. 23482; т. 31, арт. 24118]. Месцам знаходжання Брэсцкай уніяцкай кансісторыі было м. Жыровічы. Структура ўніяцкіх кансісторый і штаты вызначаліся па аналогіі з рымска-каталіцкімі, як і падыходы да іх фарміравання. Пасаду афіцыяла (старшыні) кансісторыі на восьмым годзе службы заняў Антон Андрэвіч Тупальскі, які прыйшоў у яе асэсарам у 1799 г., у 1804 г. стаў віцэ-афіцыялам [26, с. 514]. Адзіным супрацоўнікам канцэлярыі, які стаў сурагатарам і віцэ-афіцыялам (віцэ-прэзідэнтам) кансісторыі, вядомы Антон Сымонавіч Малевіч, які прыйшоў на пасаду пратакаліста ў 1798 г. [26, с. 357]. У пачатку XIX ст. пасады асэсараў займалі Васіль Варсаба, Ян Захаравіч Камар, Карніловіч Казімір [26, с. 167, 279, 290]. Пры гэтым Адрыян Бародзіч займаў азначаную пасаду з 6 па 22 лютага 1800 г. [26, с. 134].

Дзейнасць мітрапалітальнай Літоўскай епархіі з цэнтрам у Вільні была адноўлена ў 1809 г. [8, т. 31, арт. 24118]. Яна ўтрымлівалася за кошт даходаў ад фальваркаў Вака, Шэйхоле, Навагрудак, Рута і Быкевічы, а афіцыялам

у кансісторыі, якая змясцілася ў былым базыльянскім кляштары, стаў Ілля Макржыцкі, віцэ-афіцыялам – Іосіф Шыдлоўскі, а асэсарамі – Кліменцій Карсецкі, Андрэй Багенскі, Міхаіл Кульвец. У складзе канцылярыі адзначаны сакратары арцыбіскупа Францішак Захарэўскі і кансісторыі Феліцыян Тамаковіч, пратакалістам быў Антоній Рыздзёўскі, а рэгістратарам – Якаў Пешко [27, арк. 22–23].

У пратэстанцкіх цэрквах прадугледжвалася заснаваць кансісторыі ў 1782 г. У іх складзе пры адсутнасці значнай колькасці духавенства былі пастар і дзве свецкія асобы, якія штогадова абіраліся прыхаджанамі [8, т. 21, арт. 15356]. Аднак паводле кансістарыяльнай ўстановы 1783 г., якая была прынята на Біржанскім сінодзе, Віленская кансісторыя павінна была складацца з 9 членаў (3 – ад духавенства, 3 – з дваран, 3 – з грамадзян), але на практыцы ў ёй было 6 членаў з ліку дваран. Члены абіраліся кожныя два гады на Сінодзе [28, т. 5, арт. 3741]. Канфесіянальнымі справамі рэфарматараў займаўся Літоўскі евангелічна-рэфарматарскі сінод [28, т. 15, арт. 13854].

Такім чынам, кансісторыі ў епархіяльных адзінках хрысціянскіх канфесій на беларускіх землях пачалі ўтварацца ў 1770–1780-я гг. у адпаведнасці з патрабаваннямі для арганізацыі органаў дзяржаўнага кіраўніцтва Расійскай імперыі, а перыяд іх арганізацыйнага станаўлення расцягнуўся да пачатку XIX ст., што звязана з паступовасцю падзелу Рэчы Паспалітай, а таксама спецыфікай канфесіяльнага кіраўніцтва, і дазволіла выкарыстоўваць вопыт папярэдкаў для павышэння аператыўнасці і эфектыўнасці арганізацыйных заходаў. Адпаведна, можна вылучыць два этапы кансістарыяльнага станаўлення на падставе зменаў у сістэме кіраўніцтва (за выключэннем пратэстанцкіх цэркваў), што адбылося на мяжы XVIII і XIX стст.

Кансісторыі з’яўляліся калегіяльнымі органамі, у якіх вырашальная роля належала главе епархіі (дыяцэзіі), а прысутнасць ажыццяўляла следства і рыхтавала праекты рашэнняў. Пры гэтым яе склад аднаўляўся кожныя тры гады, а ў праваслаўнай і ўніяцкай цэрквах павінен быў уключаць манаскае і прыходскае духавенства, а ў рымска-каталіцкіх кансісторыях яны сумяшчалі пасады з працай у капітуле. Члены прысутнасці, якіх у праваслаўных кансісторыях было ад 4 да 9, а рымска-каталіцкіх і ўніяцкіх па 3–4 пад кіраўніцтвам афіцыяла і віцэ-афіцыяла, у Віленскай лютэранскай кансісторыі 3–9 у разгледжаны час, акрамя выканання непасрэдных абавязкаў таксама курыравалі працу размеркаваных паміж імі структурных падраздзяленняў і службовых асоб канцылярыі. Пры гэтым у канцылярыях кансісторый не прадугледжвалася пасада актуарыуса, а яго абавязкі выконваў рэгістратар, замест натарыуса ўводзілася пасада пратакаліста, капіістамі ў рымска-каталіцкіх кансісторый былі памочнікі канцылярыстаў і быў перакладчык, а пасада інстыгатара (фіскала) існавала да 1803 г. Архіварыусы былі ўведзены ў якасці асобнай пасады ў праваслаўных кансісторыях, аднак яны сустракаліся з праблемай запаўнення вакансіі, таму гэтыя абавязкі

даручаліся аднаму з канцылярыстаў па напружанасці яго працы. Кіраўнікі епархій таксама карысталіся магчымасцю ўтрымання асобнай канцылярыі, якая пераважна абмяжоўвалася пасадай сакратара.

Нягледзячы на наяўнасць зацверджаных на агульнадзяржаўным узроўні штатаў канцылярыі, іх структура рэгламентавалася на ўзроўні Сінода ў праваслаўнай царкве і кіраўнікоў епархіяльных адзінак у інаслаўных цэрквах. Аднаводна канцылярыя мінскай праваслаўнай кансісторыі ўключала пратакаліста і два павышці, выдзеленыя па геаграфічнай прыкмеце, аднак у канцы XVIII – пачатку XIX ст. пры захаванні павышцяў было ўтворана два стала – прыказы і пратакольны. У рымска-каталіцкіх і уніяцкіх кансісторыях выкарыстоўвалася функцыянальная прыкмета размеркавання абавязкаў паміж пратакалістам і рэгістратарам, аднак у магилёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі асобна былі вылучаны справы епархіяльнага кіраўніцтва.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Барсов, Т. В. Синодальные учреждения прежнего времени / Т. В. Барсов. – СПб.: литография Ив. О. Пухира, 1897. – 249 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1329. Оп. 1. Д. 19. Лл. 692–712об.
3. РГИА. – Ф.1329. Оп.1. Д. 252. Лл. 74–86.
4. Антановіч, З. В. Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторыяў: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782–1918 гг.) / З. В. Антановіч. – Мінск: Экоперспектива, 2016. – 226 с.
5. Горючко, П. С. Из истории органов управления Могилевской епархией конца XVIII-го и начала XIX-го столетия / П. С. Горючко. — Могилев губ.: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда [1903?] // Могилевские епархиальные ведомости. – 1903. – № 3. – 32 с.
6. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: типография Императорского университета, 1885. – 312 с.
7. Олевская, В. В. К вопросу о становлении московского епархиального управления в начальный синодальный период // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II (32). – С. 7–17.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. – СПб.: Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1649–1825.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГА Беларусі). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 223.
10. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 20.
11. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 902.
12. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 173.
13. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 186.
14. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 1086.
15. НГА Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 547.
16. Szantyr, S. Zbiór wiadomości o kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rossyjskim, a szczególnie w prowincjach od Polski przyłączonych od czasu pierwszego rozbioru Polski aż do końca panowania Alexandra I i początków panowania Mikołaja I. Zebrany z piśm urzędowych, dokumentów i własnego widzenia jednego urzędnika rządowego – rossyjskiego / S. Szantyr. – Poznań: Wydawnictwo i druk. W. Stefańskiego, 1843. – Cz. 1–2. – 405 s.
17. Акты и грамоты об устройстве и управлении Римско-католической церкви в империи Российской и царстве Польском. – СПб.: Типография второго отделения Е. И. В. канцелярии, 1849. – 240 с.

18. Directorium divini officii et missarum pro ecclesiis Romano Catholicis archi-diecaesis Mohiloviensis per universum Imperium totius Russiae juxta computum veteris in annum post bissextilem primum a navitate vero domini MCCLXXXV. – Mohileviae: Typogr. IllmiE ac R. D. Archi-Epis. Mohil., 1785. – 124 s.

19. НГА Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 26. Спр. 352.

20. НГА Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 1.

21. НГА Беларусі. – Ф. 3219. Воп. 1. Спр. 778.

22. НГА Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 2.

23. НГА Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 2. Спр. 2220.

24. *Марозава, С. В.* «Сваёй веры ламаць не будзем...»: супраціў дэўнізацыі ў Беларусі (1780–1839 гг.) / С. В. Марозава. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2014. – 217 с.

25. *Wereda, D.* Biskupi unickiej metropolii kijowskiej w XVIII wieku / D. Wereda. — Siedlce-Lublin: Wydawnictwo Werset, 2013. – 375 S.

26. *Лісейчыкаў, Д. В.* Святар у беларускім соцыуме. Прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: Беларусь, 2015. – 719 с.

27. НГА Беларусі. – Ф. 3245. Воп. 5. Спр. 10.

28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. – СПб.: Тип. П отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1884.

(Дата падачы: 27.02.2023 г.)

У. Я. Аўсейчык

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай,
Наваполацк

U. Auseichyk

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk

УДК 392:273.2(476.5)

СТАРАВЕРСКІЯ АБШЧЫНЫ ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1960-Я – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1980-Х ГГ.

OLD BELIEVER COMMUNITIES OF THE VITEBSK REGION IN THE 1960S AND THE FIRST HALF OF THE 1980S

У артыкуле прадстаўлена характарыстыка стараверскіх абшчын на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў 1960 – першай палове 1980-х гг. На аснове архіўных крыніц разгледжаны іх стан у згаданы перыяд, прааналізаваны колькасныя змены, ахарактарызаваны некаторыя дэмаграфічныя паказчыкі, выяўлены асаблівасці тэрытарыяльнага размяшчэння абшчын у паўночнай Беларусі ў 1960 – першай палове 1980-х гг. Асаблівая ўвага звернута на ўзаемаадносіны стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў з органамі савецкай улады.

Ключавыя словы: стараверы; рэлігійная абшчына; этна-канфесійная група; канфесія; паўночная Беларусь; Віцебская вобласць; БССР.

The article reviews the Old Believers' communities on the territory of Vitebsk region in 1960s and first half of the 1980s, analyzes their situation in this period on the basis of archival sources, analyzes quantitative changes, characterizes some demographic indices, reveals the

peculiarities of territorial distribution of communities and Old Believers' settlement in northern Belarus in 1960s and first half of the 1980s. Special attention is paid to the relations between the Old Believer religious associations and Soviet bodies.

Key words: Old Believers; religious community; ethno-confessional group; confession; northern Belarus; Vitebsk region; BSSR.

Паўночная частка Беларусі з'яўляецца адным з буйнейшых рэгіёнаў кампактнага пражывання рускіх старавераў у межах краіны. На працягу больш чым трохсотгадовага перыяду на гэтых землях адбывалася фарміраванне даволі спецыфічнай этнаканфесійнай супольнасці. У межах рэгіёна вылучаюцца дзве зоны кампактнага рассялення старавераў. Адна з іх размяшчаецца ў заходняй яго частцы, а другая ахоплівае ўсходнюю частку Віцебшчыны.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць стан стараверскіх абшчын Віцебскай вобласці ў 1960–1980-я гг. Асновай для даследавання стаў комплекс архіўных крыніц. У працы выкарыстаны матэрыялы Дзяржаўнага архіву Віцебскай вобласці, Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь. *Геаграфічныя межы* даследавання будуць ахопліваюць тэрыторыю Віцебскай вобласці ў 1960–1980-х гг. Пасля ліквідацыі ў 1960 г. Маладзечанскай вобласці і далучэння яе паўночных раёнаў да Віцебскай, межы апошняй фактычна набылі сучасны выгляд.

На пачатку 1960-х гг. на тэрыторыі Віцебскай вобласці налічвалася 16 стараверскіх зарэгістраваных рэлігійных аб'яднанняў. Па іх колькасці вобласць з'яўлялася лідарам у Беларусі. На яе прыходзілася больш паловы ад усіх зарэгістраваных стараверскіх абшчын. У 1961 г. у Беларусі дзейнічала 30 зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў (29 – беспapoўцаў, 1 – папоўцаў Белакрыніцкага сагласа) [11, арк. 271]. У вобласці ўжо з гэтага часу стараверская царква становіцца другой пасля праваслаўнай па колькасці зарэгістраваных рэлігійных аб'яднанняў. Калі яшчэ ў самым пачатку 1960-х гг. колькасць каталіцкіх рэлігійных аб'яднанняў у вобласці была большай, чым стараверскіх, то ў наступныя гады сітуацыя змянілася. Згодна з данымі на 1 красавіка 1963 г. у межах Віцебскай вобласці ўжо налічвалася 58 праваслаўных рэлігійных аб'яднанняў, 14 – каталіцкіх, 16 – стараверскіх і 5 – баптысцкіх [2, с. 191].

На працягу 1960-х гг. колькасць зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў у межах Віцебскай вобласці заставалася даволі стабільнай (толькі ў канцы 1960-х гг. з рэгістрацыі былі знятыя дзве абшчыны, гл. ніжэй). Усе гэтыя абшчыны (Табліца) размяшчаліся на тэрыторыі сучасных Браслаўскага (5), Шаркаўшчынскага (3), Мёрскага (2), Пастаўскага (2), Глыбоцкага (1), Бешанковіцкага (1) раёнаў, г. Полацка (1) і г. Віцебска (1).

У канцы 1960-х гг. колькасць зарэгістраваных стараверскіх абшчын у Віцебскай вобласці скарачаецца да 14. У гэты перыяд з афіцыйнай рэгістрацыі былі знятыя абшчыны ў в. Светагорава Бешанковіцкага раёна і ў в. Мікалаюнцы Браслаўскага раёна. Светагораўская абшчына была знятая з рэгі-

страцыі 18 снежня 1968 г. [5, арк. 83, арк. 79]. У якасці прычын зняцця ўказваліся малая колькасць вернікаў, якія наведвалі храм, «слабасць» абшчыны, а таксама парушэнні святаром (духоўным настаўнікам) М. В. Карэліным заканадаўства аб культых (маленні на могілках на Тройцу, адпяванні памерлых і хрышчэнне ў хагах і інш.) [5, арк. 46, арк. 58 адв, 61 адв]. Рашэнне аб зняцці з рэгістрацыі Мікалаюнцаўскай абшчыны Віцебскі аблвыканкам прыняў 23 верасня 1969 г. [6, арк. 68]. А 20 лістапада 1969 г. Савет па справах рэлігіі пры Савеце Міністраў СССР падтрымаў рашэнне Віцебскага аблвыканкама [6, арк. 73].

Табліца

**Зарэгістраваныя стараверскія абшчыны Віцебскай вобласці
(па стану на 1961 і 1966 г.)***

№	Цэнтр абшчыны	1961 г.		1966 г.	
		Колькасць вернікаў**	Колькасць святароў	Колькасць вернікаў**	Колькасць святароў
Пастаўскі раён					
1	в. Апідамы	150–200	1	150	1
2	в. Кукляны	100–150	1	150	1
Браслаўскі раён					
3	в. Відзы	800	1	500	1
4	в. Мікалаюнцы	80	1	150	–
5	в. Мінкавічы	50	1	90	1
6	в. Булавішкі	500	1	300–350	1
7	в. Кірыліна	115	1	150	1
Мёрскі раён					
8	в. Ніўнікі	500	1	300	1
9	в. Кублішчына	200–250	1	200	1
Шаркаўшчынскі раён					
10	в. Ракаўцы	100	1	70–80	1
11	в. Варонка	200–230	–	200	1
12	в. Германавічы	200	1	80	1
Глыбоцкі раён					
13	в. Ластавічы	100	1	130	1
Полацкі раён					
14	г. Полацк	200–250	1	100	1
Бешанковіцкі раён					
15	в. Светагорава	150–200	1	150	1
Віцебскі раён					
16	г. Віцебск	1 000	1	500–600	1

* Адміністрацыйны падзел прадстаўлены па стану на сучасны перыяд

** За колькасць вернікаў, як вынікае з аналізу матэрыялаў, прадстаўлены даныя аб максімальнай колькасці прыхажанаў, якія наведвалі храм у вялікія рэлігійныя святы
Складзена аўтарам на аснове: [3, арк. 256–273; 4, арк. 19–26].

Яшчэ ў пачатку 1960-х гг. з боку абласных уладаў была прадпрынята спроба зняць з рэгістрацыі Варонкаўскую абшчыну Шаркаўшчынскага раёна за «парушэнне савецкіх законаў аб культурах». Пасля смерці ў 1959 г. духоўнага настаўніка новы выбраны святар не быў зарэгістраваны належным чынам і служыў без рэгістрацыі да 1961 г. У выніку рашэннем Віцебскага аблвыканкама ад 3 лістапада 1961 г. абшчына была знятая з рэгістрацыі [7, арк. 58]. Але такія працэдура і парадак зняцця не задаваліў Савет па справах рэлігійных культураў пры Савеце Міністраў СССР, які палічыў іх незаконным [7, арк. 58–64]. У 1962 г. быў зарэгістраваны ў якасці духоўнага настаўніка Варонкаўскай стараверскай абшчыны Г. Т. Зайцаў і абшчына працягнула сваю дзейнасць [7, арк. 75].

На працягу 1970–1980-х гг. колькасць зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў у Віцебскай вобласці заставалася стабільнай. У 1974 г. тут налічвалася 14 зарэгістраваных абшчын і 14 духоўных настаўнікаў [8, арк. 39]. Але ў 1975 г. дакументы сведчаць аб адсутнасці духоўнага настаўніка ў Кірылінскай абшчыне, а таму богаслужэнні не праводзіліся [9]. Аднак згодна з іншай інфармацыяй упаўнаважанага Савета па справах рэлігій па Віцебскай вобласці за 1975 г., богаслужэнні не праводзіліся з-за аварыйнасці Кірылінскага храма [2, с. 241]. У 1981 г. у межах Віцебскай вобласці налічвалася 12 зарэгістраваных духоўных настаўнікаў. Стараверскія храмы ў в. Кірыліна і в. Мінкавічы Браслаўскага раёна, як сведчаць афіцыйныя даныя, у гэты час не працавалі [10, арк. 7]. А ў 1984 г., як сведчаць архіўныя дакументы, у вобласці дзейнічала 14 зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў і 13 духоўных настаўнікаў. У Кірылінскай абшчыне па-ранейшаму богаслужэнні афіцыйна не вяліся [11, арк. 13–14].

На працягу 1960–1980-х гг. у межах Віцебскай вобласці дзейнічалі і незарэгістраваныя стараверскія абшчыны. Так, яшчэ ў 1961 г. быў праведзены ўлік рэлігійных аб’яднанняў па Віцебскай вобласці. У выніку былі выяўлены дзве незарэгістраваныя стараверскія абшчыны ў в. Лучай (сучасны Пастаўскі раён) і в. Дзедушкі Браслаўскага раёна, якія былі ўзяты пад улік. [3, арк. 264, арк. 272].

Стараверская абшчына ў в. Дзедушкі дзейнічала і ў папярэднія часы. Яе цэнтрам была в. Буеўшчына Браслаўскага раёна, дзе знаходзіўся храм. Але ў 1936 г. ён згарэў, і ў 1939 г. прыхажане пачалі будаваць новую царкву. У сувязі з пачаткам вайны дабудаваць храм не ўдалося. Пасля вайны гэты недабудаваны храм перайшоў ва ўласнасць мясцовага калгаса. Будынак быў дабудаваны калгасам і выкарыстоўваўся як зернесховішча. А таму вернікі былі вымушаны збірацца на богаслужэнні ў доме жыхара в. Дзедушкі Г. Т. Зайцава, які быў духоўным настаўнікам абшчыны. Пасля выяўлення незарэгістраванай абшчыны духоўнаму настаўніку было загадана спыніць яе «незаконную» дзейнасць [3, арк. 211–212].

Другое незарэгістраванае стараверскае рэлігійнае аб’яднанне функцыянавала у в. Лучай (на пачатку 1960-х гг. адміністрацыйна адносілася да

Глыбоцкага раёна, але ў сучасны перыяд гэта тэрыторыя Пастаўскага раёна). Яшчэ на пачатку 1960-х гг. абшчына мела асобны храм. Згодна з архіўнымі данымі, гэта абшчына дзейнічала прыкладна да 1948 г., калі духоўны настаўнік пакінуў яе. Працяглы перыяд яна не функцыянавала, але ў 1957 г. вернікі абралі сваім духоўным настаўнікам С. Е. Русалоўскага. Аднак дакументаў на афіцыйную рэгістрацыю абшчыны і духоўнага настаўніка яны не накіроўвалі. У выніку, пасля ўскрыцця «незаконнай» дзейнасці абшчыны, у 1961 г. яе праца была спынена. А ў 1963 г. Лучайскую стараверскую царкву разабралі і перадалі для рамонту школы ў в. Мікуліна (Глыбоцкі раён) [3, арк. 212–213, арк. 217; 12, арк. 32–37; 13, арк. 33, арк. 35, арк. 36].

Акрамя таго, у межах вобласці дзейнічалі яшчэ і іншыя незарэгістраваныя «групы веруючых-старавераў» ва ўсходняй частцы вобласці, якія на ўлік не браліся. Ужо з канца 1940-х гг. большасць стараверскіх абшчын гэтага рэгіёна была знята з афіцыйнай рэгістрацыі, а таму яны працягвалі дзейнасць нелегальна. Незарэгістраваныя рэлігійныя групы старавераў у даследуемы перыяд фіксаваліся ў Сіроцінскім (Шумілінскім) і Чашніцкім раёнах. У справаздачах мясцовых уладаў вельмі часта адзначалася, што ніякай актыўнасці гэтыя абшчыны не праяўляюць і на маленні не збіраюцца. Такая характарыстыка, напрыклад, датычылася абшчыны ў в. Бор Чашніцкага раёна: «Братъ на учет группу старообрядцев в д. Бор Дворецкого с/с нет надобности, так как в настоящее время [на 1961 г. – А.У.] никаких сборов там не проводится» [3, арк. 228]. Аднак у той жа час па былой Зазерыцкай абшчыне ў тым жа Чашніцкім раёне сустракаецца іншая характарыстыка. Так, згодна з данымі на той жа 1961 г., у в. Новы Двор вернікі-стараверы працягвалі збірацца ў гадавыя святы ў доме былога духоўнага настаўніка Е. І. Лебедзева [3, арк. 226].

Яшчэ адна незарэгістраваная група старавераў-папоўцаў Белакрыніцкага сагласа дзейнічала ў Віцебску. Яна функцыянавала легальна ў горадзе да 1932 г., калі яе знялі з рэгістрацыі. У перыяд акупацыі гэта абшчына аднавіла сваю працу і дзейнічала да 1944 г. Але пасля вайны яна не рэгістравалася і, згодна з афіцыйнай інфармацыяй, «прекратило свою деятельность». У снежні 1966 г. абшчына прадпрыняла спробу атрымаць афіцыйную рэгістрацыю. Аднак рашэннем ад 17 сакавіка 1967 г. Віцебскі аблвыканкам паставіў «у рэгістрацыі адмовіць» [14, арк. 4, арк. 6]. Новыя спробы па рэгістрацыі абшчыны былі прадпрыняты ў канцы 1980-х гг. Дазвол на рэгістрацыю абшчына атрымала толькі ў 1989 г. [14, арк. 8, арк. 12].

У 1960–1980-х гг. амаль усе стараверскія абшчыны Віцебскай вобласці адносіліся да беспapoўскага накірунку (за выключэннем адной незарэгістраванай абшчыны старавераў-папоўцаў Белакрыніцкага сагласа ў г. Віцебску). У дакументах таго часу сустракаецца пэўная неадназначнасць у вызначэнні сагласа беспapoўскіх абшчын. Так, большасць рэлігійных аб'яднанняў ва ўсходняй частцы вобласці, як у першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі, так і ў 1960–1980-я гг. указваюцца як паморскія. Але ў заходняй

частцы вобласці шэраг беспapoўскіх абшчын часта не мелі ніякага вызначэння сагласа, што праяўлялася і ў іх афіцыйных назвах (напрыклад, «Булавишское старообрядческое общество», «Кирилинская старообрядческая община», «Апидамское религиозное общество старообрядцев безпоповского согласия»). У той жа час шэраг абшчын у заходнім рэгіёне яшчэ ў сярэдзіне 1950-х гг. адносяцца да федасееўскага сагласа. Як сведчаць крыніцы, у пасляваенны перыяд Кублішчанская абшчына ўказвалася «федасееўскай» [16, арк. 24, арк. 25]. А пры перарэгістрацыі ў 1955 г. Ніўнікаўская абшчына ўказана як «Нивнинское старообрядческое общество верующих (федосеевцев) находящееся в дер. Нивники» [17, арк. 17]. Такім чынам, у заходняй частцы вобласці яшчэ ў 1960-я гг. не адбылося канчатковага пераходу стараверскіх абшчын у паморскі саглас. На гэту іх асаблівасць звярталі ўвагу і ў афіцыйных справах: «Объединения в западных районах <...> принадлежат к старообрядцам беспоповцам-поморцам-федосеевцам и у них, в отличие от беспоповцев-поморцев (восточных районов) существует обряд венчания. В предыдущие годы венчаний не было, и он по существу отжил» [18, арк. 85].

Мал. 2. Карта-схема размяшчэння зарэгістраваных стараверскіх абшчын на тэрыторыі Віцебскай вобласці (сярэдзіна 1960-х гг.)

Як вынікае з аналізу матэрыялаў, у 1960–1980-х гг. большасць стараверскіх абшчын знаходзілася ў заходняй частцы вобласці (мал. 1). Лідарам па іх колькасці па-ранейшаму заставаўся Браслаўскі раён. Паказальна, што на тэрыторыі раёна ў канцы 1970-х гг. па колькасці зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў нават лідыравалі. Так, на 1979 г. у Браслаўскага раёне дзейнічала 9 зарэгістраваных абшчын, з іх 4 – стараверскія, 3 – каталіцкія і 2 – праваслаўныя [2, с. 252]. У гэты перыяд істотная колькасць абшчын налічвалася таксама ў межах іншых заходніх раёнаў Віцебскай вобласці (Шаркаўшчынскім, Мёрскім, Пастаўскім, Глыбоцкім). Ва ўсход-

нім рэгіёне на працягу даследуемага перыяду засталіся толькі 3 абшчыны, а пасля зняцця з рэгістрацыі Светагораўскай абшчыны – толькі 2 (у г. Полацку і г. Віцебску).

Пры даследаванні стараверскіх абшчын у 1960–1980-х гг. складаным застаецца пытанне выяўлення колькасці іх вернікаў. Афіцыйныя даныя, якія прадстаўлены ў справаздачах упаўнаважаных Савета па справах рэлігійных культураў (з 1965 г. – Савета па справах рэлігій) тых часоў, не адлюстроўваюць рэальнай сітуацыі. У першую чаргу, гэта абумоўлена адсутнасцю сістэмы дакладнага падліку колькасці вернікаў у абшчынах. За гэту колькасць, як правіла, прымалі «максимальное количество верующих, посещающих молитвенные собрания в дни больших религиозных праздников» [3, арк. 256–273]. І гэтыя даныя прадстаўлялі ў якасці агульнай колькасці старавераў. Так, згодна з матэрыяламі, у пачатку 1960-х гг. колькасць старавераў у Віцебскай вобласці складала крыху больш чым 4,7 тыс. чалавек (табліца). А ў сярэдзіне 1960-х гг. (на 1966 г.) у вобласці агульная колькасць вернікаў-старавераў складала каля 4,3 тыс. чалавек [4, арк. 39]. Хоць гэтая лічбы і прадстаўлена ў дакументах як агульная колькасць старавераў у вобласці, але яны адпавядаюць толькі афіцыйнай статыстыцы па наведванні храмаў. Так, згодна з архіўнымі дакументамі, ва ўсіх абшчынах Віцебскай вобласці ў 1962 г. на вялікія святы ў храмах было каля 4600–4800 чалавек [19, арк. 113]. А, згодна з падлікамі за 1967 і 1968 гг., колькасць прыхажанаў па Віцебскай вобласці, якія наведвалі стараверскія храмы ў нядзелю на Пасху, складала каля 4,3 тыс. (у 1967–4330, у 1968–4225) [20, арк. 11]. Але ў сваю чаргу падлікі па асобных абшчынах паказваюць іншую карціну. Так, калі падсумаваць даныя аб наведваннях па асобных абшчынах за 1966 г. (табліца), то атрымаецца лічба значна меншая, чым 4,3 тыс. – толькі каля 3,4 тыс. чалавек. Такім чынам, нават у адных і тых жа дакументах фіксуецца істотныя разыходжанні ў вызначэнні колькасці вернікаў, якія наведвалі стараверскія храмы ў вялікія святы. Разам з тым узнікаюць сур’ёзныя пытанні і да даставернасці такіх падлікаў. Вядома, што ніякага дакладнага падліку не вялося, а колькасць вернікаў вызначалася па суб’ектыўным меркаванні прысутных на багаслужэнні.

Умоўнасць вышэйпрыведзенай статыстыкі, якая заснаваная на наведванні храмаў, праяўляецца і выніку яе супастаўлення з афіцыйнай колькасцю прыхажанаў абшчын. Так, афіцыйная статыстыка на 1961–1966 гг. па Апідамскай абшчыне Пастаўскага раёна прадстаўляе колькасць вернікаў у 150–200 чалавек (табліца). Але ў той жа час толькі ў пратаколе прысутных на паседжанні абшчыны 30.04.1967 г. указана 307 чалавек [21, арк. 65]. Згодна з вышэйпрыведзенымі афіцыйнымі данымі, абшчына ў в. Мінкавічы Браслаўскага раёна ў 1966 г. налічвала 90 чалавек (табліца). А ў 1968 г. адбылася афіцыйная зверка колькасці яе вернікаў, якіх аказалася 226 чалавек [17, арк. 35–38 адв.]. Тая ж сітуацыя характэрна і для Полацкай абшчыны. Так, згодна з данымі на 1961 г. (табліца), яна налічвала 200–250 чалавек, а на

1966 г. – толькі 100. Пры гэтым у 1960 г. быў удакладнены спіс яе вернікаў, у якім налічвалася 376 чалавек [22, арк. 48–57 адв.].

Як вынікае з аналізу дэмаграфічных даных, рэальная колькасць вернікаў была істотна большай чым дае афіцыйная статыстыка. Гэта яскрава ілюструюць наступныя прыклады. Так, Ніўнікаўскую царкву, згодна з інфармацыяй яго духоўнага настаўніка Ф. С. Войтава, наведалі ў 1962 г. каля 400–500 чалавек [17, арк. 31], што адпавядае і афіцыйным даным, прадстаўленым у Табліцы. Але пры гэтым нават у афіцыйнай справаздачы за 1955 г. колькасць вернікаў абшчыны вызначалася каля 2 тыс. чалавек [17, арк. 5]. У Варонкаўскай абшчыне Шаркаўшчынскага раёна колькасць прыхажанаў, згодна з афіцыйнымі данымі, у першай палове 1960-х гг. складала 200–230 чалавек (Табліца). Прыкладна такая ж колькасць вернікаў зафіксавана ў афіцыйным спісе абшчыны (на 1960 г. у ім адзначалася 230 чалавек) [7, арк. 62]. Але самі прыхажане вызначалі сваю колькасць значна большай – «каля 300 сямействаў» [7, арк. 64].

Такім чынам, на аснове аналізу крыніц приходзім да наступных высноў. У межах Віцебскай вобласці ў 1960 – першай палове 1980-х гг. дзейнічала значная колькасць стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў (на пачатку 1960-х гг. толькі зарэгістраваных абшчын было 16, а ў канцы 1960-х гг. іх колькасць скарацілася да 14). На яе тэрыторыі было сканцэнтравана больш паловы ад усіх зарэгістраваных стараверскіх абшчын Беларусі. У межах вобласці таксама дзейнічалі на працягу ўсяго перыяда шэраг незарэгістраваных абшчын і груп вернікаў. Большасць стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў было сканцэнтравана на захадзе вобласці (асноўная колькасць у Браслаўскім, Шаркаўшчынскім, Мёрскім, Пастаўскім раёнах). У той жа час ва ўсходняй частцы рэгіёна іх было значна менш (з канца 1960-х гг. афіцыйна дзейнічалі толькі абшчыны ў г. Віцебску і г. Полацку). Нягледзячы на тое, што афіцыйная статыстыка таго часу не ў поўнай меры адлюстроўвае рэальную колькасць стараверскага насельніцтва ў рэгіёне, аднак нават з яе вынікае аб яго даволі значнай колькасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 4. Спр. 32.
2. Православная царква на Вітебшине (1918–1991): док. и материалы / ред.-кол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 4029. Воп.1. Спр.13.
4. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 1.
5. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 151.
6. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 145.
7. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 139.
8. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 29.
9. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 141.
10. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 56.
11. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 68.

12. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 15.
13. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 3. Спр. 34.
14. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 152.
15. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 149.
16. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 137.
17. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 146.
18. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 4. Спр. 45.
19. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 4. Спр. 32.
20. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 2. Спр. 8.
21. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 150.
22. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 135.

(Дата падачы: 05.02.2023 г.)

Bai Suetun

Белорусский государственный университет, Минск

Bai Xuetong

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510:430)2004/2020

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И ФРГ В ЭПОХУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (2004–2020 ГГ.)

THE MAIN DIRECTIONS OF HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN CHINA AND GERMANY IN THE ERA OF STRATEGIC PARTNERSHIP (2004–2020)

Статья посвящена исследованию гуманитарного сотрудничества КНР и ФРГ в 2004–2020 гг. На основе анализа широкого круга источников определены приоритетные направления и формы китайско-германского гуманитарного обмена, рассмотрены основные механизмы их реализации, проанализирована их роль и значение в комплексе китайско-германских отношений. Отдельное внимание уделено выявлению проблемных аспектов гуманитарного диалога. Сделан вывод о том, что обмен и сотрудничество в гуманитарной сфере стали одной из ключевых составляющих стратегического партнерства между КНР и ФРГ в рассматриваемый период.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; КНР; ФРГ; стратегическое партнерство; китайско-германские отношения.

The article examines humanitarian cooperation between china and germany from 2004 to 2020. the priority areas and forms of sino-german humanitarian cooperation are identified, the main mechanisms for their implementation are studied, and their role and significance in the comprehensive system of sino-german relations are examined. a special emphasis is placed on identifying the problematic aspects of the humanitarian dialogue. during the period under consideration, humanitarian exchanges and cooperation have become one of the main components of the sino-german strategic partnership.

Key words: humanitarian cooperation; China; Germany; strategic partnership; sino-german relations.

В 2004 г. китайско-германские отношения вышли на уровень стратегического партнерства в рамках диалога КНР и ЕС. Практическое сотрудничество между двумя странами в экономической и политической областях привели к углублению обменов в гуманитарной сфере. После 2020 г. в связи с пандемией Covid-19 и нарастанием международной напряженности китайско-германские гуманитарные обмены столкнулись с новыми вызовами.

Целью данной статьи является изучение основных направлений и форм гуманитарного сотрудничества КНР и ФРГ в 2004–2020 гг. При подготовке статьи были использованы источники и литература на китайском, русском, английском и немецком языках, что способствовало достижению относительной объективности результатов исследования. Ученые Юй Фан, Чжэн Чуньжун, Ф. Хартиг, Чжан Лихуа, А. К. Галимзянов, А. К. Иванисенко, И. Д'Хуге, Б. Понграц внесли важный вклад в изучение отдельных аспектов темы.

Развитие гуманитарного сотрудничества КНР и ФРГ оказалось сопряжено с эволюцией межгосударственных отношений. Китайско-германский гуманитарный обмен заметно активизировался с установлением стратегического партнерства Китая и стран ЕС в 2004 г. В ноябре 2005 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве КНР и ФРГ, которое стало договорной основой дальнейших контактов [1]. В июле 2010 г. было обнародовано китайско-германское совместное коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства и создан механизм межправительственных консультаций. Третья часть коммюнике оказалась посвящена социально-культурному сотрудничеству. Стороны согласились, что продвижение стратегического партнерства требует постоянного расширения обменов в гуманитарной области. КНР и ФРГ выразили готовность сосредоточиться на расширении взаимодействия в области образования, молодежных обменов и СМИ [2].

В 2014 г. китайско-германские отношения были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, что сопровождалось публикацией «Программы действий по китайско-германскому сотрудничеству». Стороны подчеркнули важность системы образования для социально-экономического и инновационного развития, а также отметили позитивную роль культурных обменов в укреплении взаимопонимания. В четвертой части документа были перечислены 13 проектов сотрудничества в области образования, культуры, спорта и СМИ [3]. Возросший уровень партнерства создал более прочную основу для гуманитарного обмена между государствами.

В 2017 г. по случаю 45-й годовщины установления дипломатических отношений КНР и ФРГ опубликовали «Совместное заявление о создании китайско-германского механизма диалога на высоком уровне для гуманитарных обменов». В ходе первого заседания участников диалога было под-

писано 7 соглашений о сотрудничестве и определено 25 ключевых проектов. Диалог охватил пять областей: образование, культура, СМИ, спорт и молодежные обмены. По мере совершенствования механизма стороны могли включать в него другие области, представляющие взаимный интерес [4]. Китайско-германский диалог был призван превратить гуманитарную сферу в один из трех столпов китайско-германского стратегического партнерства наряду с торгово-экономическим сотрудничеством и взаимным политическим доверием.

Образование традиционно являлось важной областью гуманитарного сотрудничества КНР и ФРГ. С 1980-х годов китайско-германские образовательные обмены развивались поступательно и характеризовались целенаправленностью, разнообразными формами, сильной государственной поддержкой [5]. В 2004 г. Министерство образования Китая и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии создали механизм регулярных консультаций – китайско-германский стратегический диалог по вопросам образовательной политики. С помощью этого механизма стороны обсуждали вопросы, представляющие взаимный интерес в процессе реформы и развития высшего образования [6].

Во время первого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в 2011 г. министр образования КНР Юань Гуйжэнь и федеральный министр образования и научных исследований Германии А. Шаван заявили о намерении создать альянс по сотрудничеству в области профессионального образования. Предполагалось установление стратегического партнерства в области высшего образования, укрепление сотрудничества в области профессионального образования и преподавания языков [7].

В марте 2014 г. во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в ФРГ была подписана «Совместная декларация о намерениях дальнейшего укрепления стратегического сотрудничества и всесторонней модернизации образовательных и научных обменов между двумя странами» [8]. В октябре 2015 г. в ФРГ была опубликована стратегия в отношении Китая на 2015–2020 гг., которая устанавливала приоритеты китайско-германского сотрудничества в области образования и научных исследований [9]. В ходе пятого раунда китайско-германских межправительственных консультаций в июле 2018 г. была подписана совместная декларация об углублении сотрудничества в области высшего и профессионального образования [10]. Документ свидетельствовал о высокой значимости контактов в указанной сфере для плодотворной кооперации КНР и ФРГ в производственной и инновационной областях.

В китайско-германском сотрудничестве в области образования можно выделить три основных направления: высшее образование, профессионально-техническое образование и преподавание языков. Высшее образование является наиболее приоритетным вектором. С 2004 по 2020 г. количество граждан КНР, получающих высшее образование в Германии, выросло

с 24 тыс. до более 40 тыс. чел [11]. С 2011 г. китайцы составляют большинство зарубежных студентов в вузах ФРГ [12, с. 80]. С ростом международного статуса Китая и широким распространением китайской культуры за рубежом, привлекательность китайской образовательной среды также растет. С 2004 по 2020 г. количество немецких студентов, обучающихся в Китае, увеличилось с 2187 до 8079 человек [13]. Китай является важным международным партнером для германских вузов. Университетами двух стран было реализовано 1359 совместных проектов [14]. Сотрудничество между Университетом Тунцзи и немецкими университетами стало одной из лучших практик в продвижения гуманитарных обменов КНР и ФРГ.

Профессиональное образование является одним из важнейших направлений сотрудничества двух стран. С момента установления стратегического партнерства в 2004 г. КНР и ФРГ подписали ряд соглашений о взаимодействии в данной сфере [8]. И Китай, и Германия придают большое значение роли профессионального образования в развитии экономики и сохранении занятости. Внедрение таких стратегий, как «Сделано в Китае 2025» и «Индустрия 4.0», предоставило сторонам возможность сотрудничать в области подготовки специалистов высокотехнологичного производства. Под руководством правительств укрепляется межшкольное сотрудничество в области профессионального образования. К 2020 г. действовало 59 китайско-германских учебных заведений и программ высшего специального образования [15].

Китайско-германское сотрудничество в различных областях неотделимо от языкового общения. Преподавание и изучение языка является средством и инструментом продвижения обменов. Во время второго раунда китайско-германских межправительственных консультаций в 2012 г. стороны инициировали проведение Года китайского и немецкого языков. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отметил, что подобное мероприятие будет иметь огромное значение для развития гуманитарных обменов между Китаем и Германией [16]. Институт Конфуция и Институт Гете являются важными центрами сотрудничества в области языкового образования. В 2020 г. в Германии действовали 19 институтов Конфуция и пять классов Конфуция. В Китае работают три института Гете, расположенные в Пекине, Гонконге и Тайбэе, а также девять языковых центров Гете. Согласно докладу «Доиче альс фремдшпрахе вельтвайт 2020», в Китае немецкий язык изучали в общей сложности около 145 тыс. чел. Благодаря проекту «Школы – партнеры будущего» (PASCH) значительно увеличилось число изучающих немецкий язык в начальной и средней школе Китая. Около 23,4 тыс. учащихся изучали немецкий язык, что сделало его вторым по популярности иностранным языком в КНР после английского [17, с. 30].

В ФРГ число изучающих китайский язык в 2020 г. оставалось на уровне 5 тыс. человек [18, с. 43]. Германия стала рассматривать преподавание китайского языка как основу углубления гуманитарных обменов. Федеральное

министерство образования и научных исследований Германии, Конференция министров образования и Федеральное министерство иностранных дел, а также другие ведомства совместно призвали к усилению и расширению компонента китайского языка в системе образования. В 2020 г. 121 школа Германии предлагала китайский язык в качестве обязательного предмета. Земля Северный Рейн-Вестфалия, где было зарегистрировано 34 подобных школы, возглавляла федеральный список [19, с. 6].

Китайско-германские обмены в области культуры в 2004–2020 гг. включали широкий спектр областей: искусство, культурное наследие, музыка, театр и кино. Китайский культурный центр Берлина основанный в 2008 г., и Институт Гете в Пекине основанный в 1988 г., являлись важными организациями культурного обмена. По мере развития китайско-германских отношений, количество проектов в области культуры значительно увеличилось. В рассматриваемый период наиболее важными стали мероприятия «Германия и Китай – рука об руку (2007–2010)»; 61-я Франкфуртская международная книжная ярмарка 2009 г., в которой Китай принял участие в качестве почетного гостя; «Искусство Просвещения» – выставка, организованная совместно Национальным музеем Китая и Немецким национальным музеем в Берлине, Национальной художественной коллекцией в Дрездене и Баварской национальной коллекцией живописи в Пекине (2011–2012 гг.); Год китайской культуры в ФРГ (2012–2013 гг.); Выставка современного искусства «Китай 8» (2015); Выставка современного искусства «Германия 8» (2017) и др. [8].

СМИ играют важную роль в продвижении взаимопонимания и доверия между народами разных стран, а также в формировании имиджа государств. В 2011 г. по инициативе Информационного управления Госсовета КНР и МИД ФРГ был создан китайско-германский медиадIALOG. Он был организован как механизм обмена информацией между правительствами и позволил сблизить медиасообщества двух стран [20]. Эпоха интернета сделала всемирную сеть важной площадкой гуманитарного общения. Китай начал активно развивать дипломатию СМИ, социальных сетей и политических сообщений. Зарубежные социальные сети (преимущественно «Твиттер» и «Фейсбук») постепенно стали важной платформой для внешних коммуникаций Китая. В то же время немецкие дипломатические учреждения в Китае, компании и корпорации, учреждения культуры и даже национальная сборная Германии по футболу завели аккаунты в основных социальных сетях Китая.

Спортивные обмены также стали неотъемлемой частью китайско-германского гуманитарного диалога. В 2008 г. страны подписали «Письмо о намерениях китайско-германского сотрудничества в области спорта» [21]. В центре китайско-германского диалога находился футбол. Германия имеет богатую футбольную культуру, развитую систему подготовки молодежи и передовой опыт. Китайское правительство придает большое значение

идее возрождения национального футбола и надеется на содействие немецкой стороны. В ноябре 2016 г. в ходе саммита Форума Китай – ЕС в Гамбурге представители Китая и Германии подписали три документа о стратегическом сотрудничестве в области футбола [22]. В июле 2017 г. во время своего визита в ФРГ Си Цзиньпин совместно с канцлером А. Меркель посетили товарищеский футбольный матч между китайской и немецкой юношескими командами [23].

Заключительное, но не менее важное направление гуманитарного сотрудничества – молодежные обмены. В сентябре 2006 г. во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в ФРГ, страны подписали «Соглашение между Всекитайской федерацией молодежи КНР и Федеральным министерством по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи Германии о китайско-германских молодежных обменах». Стороны установили диалог в области молодежной политики и разработали механизм обмена визитами [21]. В октябре 2015 г. во время визита А. Меркель в Китай состоялось подписание межправительственной совместной декларации об организации китайско-германского Года молодежных обменов. Соответствующая инициатива была запущена в марте 2016 г. под лозунгом «Общение, дружба, будущее». Состоялось более 250 мероприятий в области образования, науки и техники, культуры, спорта и СМИ, в них приняли участие более 60 тыс. молодых людей [24].

В условиях глобальных перемен для Китая и Германии как никогда важно расширять гуманитарное сотрудничество с целью укрепления взаимного политического доверия. Вместе с тем, несмотря на достигнутый прогресс, в данном направлении сотрудничества обнаружилось немало проблем. Так, тема Китая практически не освещалась в области базового образования ФРГ, где лишь небольшое количество детей изучало китайский язык по сравнению с другими странами ЕС. Одновременно исследование MERICS показало, что представители немецкого бизнеса наиболее заинтересованы в обретении базовых языковых навыков и понимании китайской системы управления [18, с. 21]. Из этого следует, что интерес к китайской культуре и языку напрямую связан с экономическими интересами ФРГ.

Неутешительными выглядели данные Исследовательского центра Пью, согласно которым Германия являлась страной с наиболее негативным восприятием Китая [25]. Эта проблема отчасти связана с освещением Китая в немецких и европейских СМИ. За последние годы ситуация усугубилась дискуссией вокруг теории китайской угрозы, американо-китайским соперничеством, ситуацией в Гонконге и СУАР, а также пандемией Covid-19.

К числу слабых сторон диалога следует отнести однородность участников китайско-германских гуманитарных обменов. Со своей стороны, Китай в проведении крупных мероприятий полагается в основном на государственные ведомства, а немецкая сторона работает в основном через зарубежные агентства, такие как Институт Гете. В итоге среди участников меро-

приятый культурного обмена большинство составляли правительственные чиновники, деятели искусства и ученые, в то время как широкая общественность часто оставалась не охваченной.

Таким образом, китайско-германское гуманитарное сотрудничество являлось одним из ключевых компонентов отношений стратегического партнерства, установленных в 2004 г. Взаимодействие в приоритетных областях, таких как образование, культура и спорт оказалось наиболее плодотворным. С выходом межгосударственных отношений КНР и ФРГ на качественно новые уровни в 2010 и 2014 гг. гуманитарные контакты между сторонами расширялись, взаимодействие охватывало новые сферы, значительно возросло значение молодежных обменов и диалога СМИ. Вместе с тем в рассматриваемый период китайско-германское сотрудничество в области гуманитарных обменов заметно отставало от экономического, торгового и политического диалога. Оно столкнулось с проблемой существенных различий во взаимном восприятии народов двух государств. К 2020 г. актуальной задачей китайско-германских отношений в гуманитарной сфере представлялось совершенствование механизмов обмена и расширение сети взаимных контактов граждан.

Список использованных источников

1. Соглашение между Правительством КНР и Правительством ФРГ о культурном сотрудничестве = 中华人民共和国政府和德意志联邦共和国政府文化合作协定 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://china.diplo.de/blob/1337972/ce3e001acb9c54977a395bbccb0896ab/kulturabkommen-zh-data.pdf>. – Дата доступа: 04.01.2023 (на кит. яз.).

2. Китайско-германское совместное коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства = 中德关于全面推进战略伙伴关系的联合公报 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/201104/t20110414_9661184.shtml. – Дата доступа: 21.01.2023 (на кит. яз.).

3. Программа действий китайско-германского сотрудничеству = 中德合作行动纲要 [Электронный ресурс] // Посольство КНР в ФРГ. – Режим доступа: http://munich.china-consulate.gov.cn/sbwl/201411/t20141124_10235211.htm. – Дата доступа: 10.01.2023 (на кит. яз.).

4. Брифинг о китайско-германском диалоге по культурным обменам на высоком уровне = 中德高级别人文交流对话机制相关情况介绍 [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_070516/170516_sfc1/201705/t20170516_304763.html. – Дата доступа: 10.01.2023 (на кит. яз.).

5. Общая информация о китайско-германских образовательных обменах = 中德教育交流总体情况 [Электронный ресурс] // Отдел образования Посольства КНР в ФРГ. – Режим доступа: http://www.de-moe.org/article/read_one/1957. – Дата доступа: 10.01.2023 (на кит. яз.).

6. Обзор платформ и механизмов китайско-германского сотрудничества в области образования = 中德教育合作平台和机制概况 [Электронный ресурс] // Отдел образования Посольства КНР в ФРГ. – Режим доступа: http://www.de-moe.org/article/read_one/1963. – Дата доступа: 10.01.2023 (на кит. яз.).

7. Китай и Германия достигли ряда соглашений по продвижению инноваций и устойчивого развития = 中德达成推进创新和可持续发展一系列协议 [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. – Режим доступа: <https://www.zjchina.org/cms/shtml/gzdt/124.shtml>. – Дата доступа: 10.01.2023 (на кит. яз.).

8. Отношения между Китаем и Германией = 中国同德国的关系 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679086/sbgx_679090/. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

9. China Strategy 2015-2020 - Strategic Framework for Cooperation with China in Research, Science and Education [Electronic resource] // BMBF. – Mode of access: <https://www.readkong.com/page/china-strategy-2015-2020-strategic-framework-for-8655422>. – Date of access: 14.01.2023.

10. Пятый раунд китайско-германских правительственных консультаций = 第五轮中德政府磋商联合声明 (全文) [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2018-07/10/content_5305483.htm. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

11. Internationale Studierende in Deutschland [Electronic resource] // Wissenschaft weltoffen. – Mode of access: <https://www.wissenschaft-weltoffen.de/de/daten/>. – Date of access: 14.01.2023.

12. Ван, Хуйяо = 王辉耀. Доклад о развитии обучения китайских студентов в абсорде 2022 = 中国留学发展报告 (2022) / Хуйяо Ван = 王辉耀 // Издательство литературы по общественным наукам = 社会科学文献出版社. – 2022. – 388 с. (на кит. яз.).

13. Министерство образования КНР = 中华人民共和国教育部 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

14. Statistik über Kooperationen und Institutionen [Electronic resource] // Ein Angebot der Hochschulrektorenkonferenz. – Mode of access: https://www.internationale-hochschulk Kooperationen.de/statistik/act/stat.html?tx_szcooperationsearch_pi2%5Bcontroller%5D=CooperationResults&cHash=43826ae86ab83901a6afc0a42ccf4849. – Date of access: 14.01.2023.

15. Список китайских и зарубежных учебных заведений и программ совместного образования = 中外合作办学机构与项目 (含内地与港台地区合作办学机构与项目) 名单 [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. – Режим доступа: <https://www.crs.jsj.edu.cn/approval/orglists>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

16. Создание новой славы в китайско-германском сотрудничестве = 创造中德合作新辉煌 [Электронный ресурс] // Гуанмин жибао. – Режим доступа: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2013-05/29/nw.D110000gmrb_20130529_2-03.htm. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

17. Deutsch als Fremdsprache weltweit 2020. – Auswärtiges Amt, 2020. – 56 p.

18. *Stepan, M.* China kennen, China können: Ausgangspunkte für den Ausbau von China-Kompetenz in Deutschland / M. Stepan // MERICS. – 2018. – 112 p.

19. Macht mehr Chinesisch. – Bildungsnetzwerk China, 2021. – 60 p.

20. Седьмой китайско-германский меди диалог в Берлине = 第七届中德媒体对话在柏林举行 [Электронный ресурс] // Синьхуа жибао. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2018-05/07/c_1122796961.htm. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

21. Достижения и перспективы китайско-германского сотрудничества = 中德合作成就与展望 [Электронный ресурс] // Посольство КНР в ФРГ. – Режим доступа: http://de.china-embassy.org/chn/zt/wjb/201106/t20110623_3120366.htm. – Дата доступа: 12.03.2023. (на кит. яз.).

22. Große Kooperation mit China [Electronic resource] // DFB. – Mode of access: <https://www.dfb.de/internationales/news-detail/grosse-kooperation-mit-china-159690/full/1/>. – Date of access: 14.01.2023.

23. DFB und DFL: Austausch mit Merkel und Xi in Berlin [Electronic resource] // DFB. – Mode of access: <https://www.dfb.de/news/detail/dfb-und-dfl-austausch-mit-merkel-und-xi-in-berlin-170310/>. – Date of access: 14.01.2023.

24. Церемония закрытия Китайско-германского года молодежных обменов 2016 года = 2016中德青少年交流年闭幕式举行 [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1126/c1002-28897528.html>. – Дата доступа: 22.01.2023 (на кит. яз.).

25. Opinion of China [Electronic resource] // Pew Research Center. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/24/country/de>. – Date of access: 14.01.2023.

(Дата подачі: 16.02.2023 г.)

Я. А. Бодрыкаў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Ya. A. Bodrykau

Belarusian State University, Minsk

УДК 947.6 (“1914/1918”)

АДУКАЦЫЙНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ТАВАРЫСТВА ДАПАМОГІ ПАЦЯРПЕЛЫМ АД ВАЙНЫ (1915–1918 ГГ.)

EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE BELARUSIAN SOCIETY FOR ASSISTANCE TO WAR VICTIMS (1915-1918)

У артыкуле даследуецца адукацыйная дзейнасць Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны ў 1915–1918 гг. Звяртаецца ўвага на з’яўленне сеткі беларускіх навучальных устаноў, дасягненні беларускай дабрачыннай арганізацыі ў сферы пашырэння адукацыі на беларускай мове сярод мясцовага насельніцтва і адукацыйную дапамогу пацярпеламу ад вайны насельніцтву, у тым ліку для дзяцей бежанцаў. Параўноўваецца адукацыйная дзейнасць арганізацыі ў акупаванай і неакупаванай частках беларускіх губерняў.

Ключавыя словы: Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны; Школьная камісія; дабрачынная арганізацыя; навучальная ўстанова; дзіцячы прытулак.

The article examines the educational activities of the Belarusian Society for Assistance to War Victims in 1915–1918. Attention is drawn to the emergence of a network of Belarusian educational institutions, the achievements of the Belarusian charitable organization in the field of expanding education in the Belarusian language among the local population and educational assistance to the war-affected population, including for refugee children. The educational activities of the organization in the occupied and unoccupied parts of the Belarusian provinces are compared.

Key words: Belarusian Society for Assistance to War Victims; School Commission; charity organization; educational institution; children's shelter.

Першая сусветная вайна прывяла да істотных змен у сацыяльнай, нацыянальнай і адукацыйнай палітыцы ўладаў Расійскай імперыі. Няўдалы ход баявых дзеянняў выклікаў з'яўленне маштабных праблем бежанства і дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву. Дзяржаўныя органы ўлады і агульнарасійскія дабрачынныя арганізацыі аказаліся не ў стане самастойна і тэрмінова вырашыць праблемы жыхароў прыфрантавых губерняў, таму ўлады вымушаны былі дазволіць ствараць уласныя нацыянальныя дабрачынныя арганізацыі дапамогі пацярпеламу ад вайны насельніцтву актыўным прадстаўнікам нацыянальных рухаў заходніх губерняў Расійскай імперыі. Сярод такіх арганізацый было створана і Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (далей – БТДПВ), вядомае таксама як Беларускае таварыства па аказанню помачы пацярпеўшым ад вайны, або Беларускае таварыства дапамогі ахвярам вайны [1, арк. 143 адв.].

Дзейнасць БТДПВ неаднаразова становілася аб'ектам шэрагу даследаванняў айчынных гісторыкаў і замежных даследчыкаў беларускага паходжання. Аднак, у працах В. Р. Карнялюка [2] і С. Ф. Лапановіча [3, 4] дзейнасць таварыства разглядаецца выключна ў кантэксце пытанняў бежанства і дзейнасці арганізацый, якія аказвалі дапамогу бежанцам. У даследаваннях М. Б. Шчаўлінскага [5] і М. В. Цубы [6–8] асноўны аспект робіцца на нацыянальна-культурнай дзейнасці арганізацыі. Дзейнасць Мінскага аддзела БТДПВ асобна разглядаецца ў артыкулах В. У. Скалабана [9] і Я. А. Бодрыкава [10]. Варта адзначыць і біяграфічныя даследаванні А. Ф. Смалянчука [11], А. М. Чарнякевіча [12] і Ю. Туронка [13], прысвечаныя розным дзеячам таварыства. Аднак, у дадзеных працах адукацыйны аспект дзейнасці арганізацыі закранаецца ўскосна. Асобна варта адзначыць манаграфію У. В. Ляхоўскага [14], у якой даследуецца пытанне развіцця школьнай адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі падчас Першай сусветнай вайны. Такім чынам, не гледзячы на значную колькасць даследаванняў дзейнасці БТДПВ, адукацыйны аспект дзейнасці азначанай арганізацыі даследаваны недастаткова і мае патэнцыял для далейшага вывучэння.

У другой палове 1914 – пачатку 1915 г. у Расійскай імперыі з'явіўся шэраг агульнарасійскіх і нацыянальных дабрачынных арганізацый, якія ставілі сваёй мэтай дапамогу пацярпеламу ад вайны насельніцтву. БТДПВ распачало сваю працу пазней, чым першыя аналагічныя яўрэйскія і польскія арганізацыі. Дазвол на дзейнасць арганізацыя атрымала ад віленскіх губернскіх уладаў толькі ў сакавіку 1915 г., а распачала сваю працу ў красавіку 1915 г. [8, с. 21]. Першапачаткова аддзяленне таварыства знаходзілася толькі ў Вільні, аднак у статуце таварыства тэрыторыяй дзейнасці арганізацыі аб'яшчалася Віленская, Гродзенская, Віцебская, Мінская і Магілёўская губерні. Летам 1915 г. БТДПВ адкрыла свае аддзелы ў Мінску, Полацку, Вілейцы, Дзісне, Гожы, Друскеніках і Празароках. Найбольш актыўным з філіялаў быў Мінскі аддзел [6, с. 107].

Старшынёй (маршалкам) БТДПВ быў абраны В. Л. Іваноўскі, а яго намеснікамі А. І. Луцкевіч і В. Ю. Ластоўскі. Варта адзначыць, што да гэтага моманту В. Л. Іваноўскі ўжо меў асабісты вопыт адукацыйнай дзейнасці ў якасці выкладчыка, а ў 1902 г. разам з братамі Антонам і Іванам Луцкевічамі нават арганізаваў Беларускі кружок народнай асветы [13, с. 35–36]. Пры гэтым першапачаткова ў Статуце таварыства сярод задач арганізацыі асветніцкая дзейнасць не адзначалася, а асноўны акцэнт рабіўся на аказанне харчовай, медыцынскай і грашовай дапамогі пацярпелым ад вайны за кошт ахвяраванняў, членскіх узносаў і даходаў з дабрачынных мерапрыемстваў [15, арк. 6–8]. Аднак, вялікая колькасць непісьменных ці малапісьменных дзяцей і падлеткаў сярод бежанцаў прымусіла ў рознай ступені ўсе дабрачынныя арганізацыі Расійскай імперыі пашырыць клопат аб стварэнні сеткі навучальных устаноў ці арганізацыі дадатковых заняткаў для дзяцей бежанцаў. Для нацыянальных дабрачынных арганізацый гэта давала магчымасць стварэння ці павелічэння колькасці школ на роднай мове і пашырэння нацыянальнай свядомасці вучняў.

У выніку наступлення летам – восенню 1915 г. тэрыторыя Гродзенскай і большая частка Віленскай губерні апынуліся пад нямецкай акупацыяй. Лінія фронту фактычна цалкам перарвала сувязь паміж праўленнем БТДПВ у Вільні і аддзелаў арганізацыі, якія засталіся на неакупаванай тэрыторыі беларускіх губерняў. Частка віленскіх дзеячаў таварыства, сярод якіх кіраўнік арганізацыі В. І. Іваноўскі і П. П. Аляксюк, эвакуіравалася ва ўнутраныя губерні Расійскай імперыі. Такім чынам, з другой паловы 1915 г. аддзелы на акупаваных і неакупаваных тэрыторыях беларускіх губерняў развіваліся цалкам самастойна, што аказала істотны ўплыў і на іх асветніцкую дзейнасць [10, с. 55].

На неакупаванай частцы беларускіх губерняў найбольш актыўную дзейнасць працягнуў Мінскі аддзел пад кіраўніцтвам В. І. Чавусава, а пазней Р. А. Скірмунта. Дзейнасць астатніх аддзелаў на неакупаванай тэрыторыі беларускіх губерняў з восені 1915 г. істотна скарацілася ці цалкам спынілася, таму Мінскі аддзел БТДПВ стаў фактычна самастойнай дабрачыннай арганізацыяй [10, с. 55–57].

Мінскі аддзел БТДПВ прыкладаў актыўныя намаганні ў сферы пашырэння адукацыйнай дзейнасці ў краі. Так у 1915 г. былі адкрытыя дзіцячыя прытулкі ў раёнах Камароўкі і Залатой Горкі, а таксама мінскі прытулак для школьнікаў № 6, дзе навучанне адбывалася на роднай мове. Акрамя таго, былі спробы адкрыцця дзіцячых прытулкаў і ў іншых беларускіх гарадах [8, с. 23]. Аднак дадзены кірунак дзейнасці быў нерэалізаваны з-за малых фінансавых магчымасцяў арганізацыі. Намаганнямі БТДПВ у Мінску былі адкрытыя сельскагаспадарчыя курсы для дарослых, заняткі на якіх праводзіліся на беларускай мове. Найбольш актыўнай культурна-адукацыйнай дзейнасцю адзначалася аб'яднанне «Беларуская хатка», створанае на базе платнай сталовай Мінскага аддзела БТДПВ, дзе рэгулярна адбываліся

культурна-адукацыйныя мерапрыемствы. Актыўным дзеячам «Беларускай хаткі» восенню 1916 г. быў вядомы беларускі паэт М. А. Багдановіч [3, с. 106].

Шматлікія ініцыятывы і адукацыйныя праекты Мінскага аддзела БТДПВ забараняліся ўладамі. Так, улады Мінскай губерні адмовілі даць дазвол на выданне штотыднёвай беларускамоўнай газеты ў горадзе і адхілілі прашэнне аб правядзенні Максімам Багдановічам публічнай беларускамоўнай лекцыі «Беларускае Адраджэнне» [11, с. 253]. Акрамя таго, агульнарасійскія дабрачынныя арганізацыі не імкнуліся да падтрымкі ініцыятыў БТДПВ. Напрыклад, Таццянінскі камітэт адмовіў таварыству аказаць грашовую дапамогу на ўтрыманне дзіцячых прытулкаў, у выніку чаго фінансавыя магчымасцей Мінскага аддзела БТДПВ у сферы адукацыі былі вельмі абмежаванымі і базіраваліся пераважна на ўласных сродках і ахвяраваннях [10, арк. 56–57].

Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. прывяла да істотных змен у дзейнасці арганізацыі ў Мінску. Кіраўнік аддзела Р. А. Скірмунт ініцыяваў ператварэнне арганізацыі ў Беларускі нацыянальны камітэт, які ставіў перад сабой у першую чаргу палітычныя задачы [11, с. 259]. Такім чынам, у сакавіку 1917 г. дзейнасць Мінскага аддзела БТДПВ скончылася. Трэба адзначыць, што не гледзячы на адносна сціплыя вынікі сваёй асветніцкай дзейнасці, мінскі філіял спрыяў пашырэнню адукацыі і пісьменнасці ў горадзе як праз работу сваіх дзіцячых прытулкаў і курсаў, так і правядзеннем культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў «Беларускай хаткі». Аднак, перашкоды з боку ўладаў і адсутнасць дастатковага фінансавання не спрыялі стварэнню сапраўды масавай беларускай адукацыйнай сістэмы, а ў асветніцкія праекты таварыства была ўцягнутая даволі нязначная па колькасці частка беларусаў з ліку бежанцаў і мясцовых жыхароў.

Іншае становішча ў справе пашырэння адукацыйнай дзейнасці складалася на акупаваных нямецкімі войскамі тэрыторыях беларускіх губерняў. Разглядаючы магчымасць далучэння часткі акупаваных тэрыторый да Германскай імперыі, акупацыйныя ўлады жадалі зменшыць уплыў рускай культуры і адукацыі на насельніцтва гэтых тэрыторый за кошт пашырэння сетак польскіх, літоўскіх і беларускіх школ з навучаннем на родных мовах. Акрамя таго, як адзначаў гісторык У. В. Ляхоўскі, ляяльнасць акупацыйных уладаў да мясцовых нацыянальнасцяў павінна была стварыць станоўчы імідж Германскай імперыі як «абаронцы малых народаў Еўропы» [14, с. 76].

Планы германскіх уладаў былі ўдала скарыстаны ў адукацыйнай сферы БТДПВ, якое пасля эвакуацыі В. Л. Іваноўскага ўзначаліў А. І. Луцкевіч [7, с. 45]. У кастрычніку 1915 г. Віленскім аддзелам БТДПВ была створана Школьная камісія, якая актыўна займалася адукацыйнай справай сярод беларускага насельніцтва. У некаторых акупаваных паветах нямецкія ўлады аказвалі істотную падтрымку працэсу арганізацыі беларускіх школ, аднак

на некаторых тэрыторыях наадварот рабілі перашкоды ў інтарэсах літоўскіх ці польскіх дзеячаў. Канкурэнцыя за ўплыў паміж польскімі, беларускімі і літоўскімі школамі працягвалася ўвесь тэрмін нямецкай акупацыі [14, с. 79].

Першая беларуская школа на акупаваных тэрыторыях была адкрыта 13 лістапада 1915 г. у Вільні. Цягам зімы 1915–1916 гг. у горадзе былі адкрыты яшчэ 5 беларускіх школ. Большая частка фінансавання школ належала самой Школьнай камісіі БДТПВ або дабрачынным ахвяраванням. Для арганізацый дзейнасці першых беларускіх школ істотна не хапала мэблі, пісьмовых прыналежнасцей і падручнікаў, што таксама ўплывала на колькасць навучэнцаў. Так, у першай беларускай школе ў Вільні першапачатковая колькасць вучняў складала ўсяго 36 чалавек. На пачатак 1917 г. у віленскіх беларускіх школах навучалася ўсяго каля 200 вучняў. Пры школах для дзяцей-сірот і бедных школьнікаў з віленскіх прадмесцяў ствараліся бясплатныя прытулкі з харчаваннем [14, с. 120].

Навучанне, забеспячэнне пісьмовымі прыладамі, падручнікамі і гарачымі абедамі было бясплатным, а вучні з бедных сем'яў маглі атрымліваць і бясплатную зімовую вопратку. Ва ўмовах паступовага пагаршэння харчавання ў чэрвені 1917 г. Школьная камісія БДТПВ наладзіла працу двух летнікаў для вучняў-беларусаў па-за межамі горада. У 1916–1917 гг. пры трох віленскіх беларускіх школах былі створаны рамесныя майстэрні. Найлепшыя вырабы вучняў ішлі на продаж, грошы ад якога атрымлівала школа [14, с. 122].

Кіраўніцтва Школьнай камісіі імкнулася пашырыць сетку школ у Вільні і яе ваколіцах, выкарыстоўваючы пустыя будынкі навучальных устаноў. Аднак, рэалізацыі гэтых планаў перашкодзіла адсутнасць дастатковай колькасці арганізатараў і настаўнікаў сярод беларускай інтэлігенцыі. Недахоп кваліфікаваных настаўнікаў прывёў да таго, што ў некаторых школах выкладалі 18-гадовыя падлеткі. Значная колькасць мясцовых настаўнікаў-беларусаў і беларускіх нацыянальных дзеячаў была эвакуіраваная ва ўнутраныя губерні Расійскай імперыі ці мабілізаваная ў расійскае войска [12, с. 21]. Дзеля ўдасканалення навыкаў і ведаў маладых настаўнікаў Школьная камісія ў 1915 г. арганізавала настаўніцкія курсы, на якія запісаліся 23 чалавека, з якіх толькі 10 скончылі курсы ў верасні 1916 г. Для падрыхтоўкі новых настаўніцкіх кадраў у кастрычніку 1916 г. была створана Свіслацкая беларуская гімназія, навучанне ў якой прайшло 144 чалавека [8, с. 26]. Аднак, дзейнасць камісіі рэгулявалася фактычна акупацыйнымі ўладамі. Камісія скончыла сваё існаванне ў лістападзе 1918 г., напярэдадні сканчэння нямецкай акупацыі [14, с. 132].

Ва ўмовах нямецкай акупацыі і недахопу фінансавых сродкаў Школьнай камісіі БДТПВ не атрымалася адкрыць вялікую колькасць беларускіх школ у іншых гарадах і сельскай мясцовасці на акупаваных тэрыторыях. У некаторых выпадках імкненне і магчымасць стварыць беларускую школу

сутыкаліся з нежаданнем мясцовых жыхароў, якія імкнулася аддаць сваіх дзяцей у польскую ці рускую школу [16, арк. 5].

Дзеля супрацьстаяння актыўнай польскай агітацыі на акупаваных тэрыторыях нямецкія ўлады згадзіліся на стварэнне сеткі беларускіх казённых школ. Аднак дадзеныя ўстановы фінансаваліся з нямецкіх сродкаў і, адпаведна, знаходзіліся пад кіраваннем акупацыйных уладаў, не падпарадкоўваючыся БТДПВ. Так, пры нямецкай фінансавай падтрымцы толькі ў генеральнай акрузе «Беласток – Гродна» колькасць беларускіх школ павялічылася з 3 да 79, а колькасць вучняў з 497 да больш чым 3 тыс. адпаведна. У розных даследаваннях агульная колькасць беларускіх школ у зоне акупацыі Ober Ost ацэньваецца ад 100 да 350. Па меркаванні даследчыка У. В. Ляхоўскага, агульная колькасць школ на адзначаных тэрыторыях склала каля 100 навучальных устаноў, з якіх каля 20–25 знаходзілася пад непасрэдным кіраўніцтвам Школьнай камісіі БТДПВ. Менавіта гэтыя ўстановы ў большасці выпадкаў працягнулі сваю працу пасля сканчэння нямецкай акупацыі ў 1918 г., у той час як казённыя школы скончылі сваю дзейнасць разам з адходам нямецкіх войскаў [14, с. 126–135].

Важнай сферай дзейнасці Школьнай камісіі БТДПВ стала выданне беларускамоўных падручнікаў. Намаганнямі А. І. Луцкевіча, В. Ю. Ластоўскага, А. С. Пашкевіч і іншых дзеячаў у 1916–1918 гг. было выдадзена больш за 20 найменняў школьных падручнікаў і хрэстаматый [14, с. 126].

У лютым – сакавіку 1918 г. нямецкія войскі здзейснілі новае наступленне, у выніку якога пад акупацыю трапіла ўжо большая частка беларускіх губерняў. Аднак, Школьная камісія БТДПВ не пашырала асветніцкую дзейнасць на беларускія тэрыторыі, акупаваныя ў 1918 г. У гэты перыяд у Мінску шэраг беларускіх дзеячаў абвясціў аб стварэнні Беларускай народнай рэспублікі, урад і Народны Сакратарыят асветы якой займаўся пытаннем пашырэння сеткі беларускіх школ на тэрыторыі «новай акупацыі» [17, арк. 77]. Такім чынам, у 1918 г. асветніцкая дзейнасць Школьнай камісіі БТДПВ адзначалася далейшым фінансаваннем і кіраўніцтвам уласных беларускіх навучальных устаноў, створаных на тэрыторыі Ober Ost, а таксама распрацоўкай і выданнем дадатковых школьных падручнікаў. Са сканчэннем нямецкай акупацыі беларускіх тэрыторый у другой палове 1918 – пачатку 1919 гг. дзейнасць БТДПВ фактычна спынілася. У 1919–1925 гг. адбываліся спробы аднаўлення дзейнасці арганізацыі, у тым ліку ў адукацыйнай сферы. Аднак, спробы наладзіць працу ў ранейшых маштабах не мелі поспеху.

Трэба дадаць, што дзеячамі БТДПВ у розныя гады неаднаразова ўздымалася пытанне аднаўлення дзейнасці Віленскага ўніверсітэта або стварэння ўніверсітэта ў Мінску ці іншым беларускім горадзе. Аднак расійскія, а тым больш нямецкія ўлады скептычна ставіліся да перспектывы стварэння ВНУ на беларускіх землях. Нават хадайніцтвы ад мясцовых органаў самакіравання Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў да Міністэрства народ-

най асветы Расійскай імперыі па гэтаму пытанню не прывялі да старэння краёвага ўніверсітэта [14, с. 215–220].

У заключэнні варта адзначыць, што адукацыйная дзейнасць Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны прывяла да стварэння першых беларускіх навучальных устаноў як на тэрыторыі, падкантрольнай расійскім уладам, так і на акупаваных нямецкімі вайскоўцамі землях. Дзейнасць Віленскага і Мінскага аддзелаў БТДПВ па розных бакі фронту мела шмат супольных праблем, аднак прывяла да розных вынікаў. Агульнымі праблемамі двух аддзелаў быў недахоп фінансавых сродкаў; адсутнасць вопыту ў арганізацыі і працы недзяржаўных навучальных устаноў; супярэчлівая пазіцыя мясцовых і дзяржаўных уладаў, пры якой дзейнасць аддзелаў перыядычна ўскладнялася і абмяжоўвалася. Германскія акупацыйныя органы, жадаючы замацаваць сваю ўладу на захопленых тэрыторыях, былі больш зацікаўленыя ў змяненні існуючага становішча ў адукацыйнай сістэме краю і развіцці беларускай школьнай справы. Гэта прывяло да стварэння дзясяткаў беларускіх школ і прытулкаў на акупаванай тэрыторыі беларускіх губерняў у параўнанні з адзінкамі падобных устаноў на неакупаваных тэрыторыях. Аднак, большая частка адкрытых навучальных устаноў не мела трывалай фінансавай базы, абпіраючыся ў асноўным на ахвяраванні ці падтрымку ўладаў. Такая фінансавая несамастойнасць прывяла да таго, што тэрмін дзеяння і адукацыйныя магчымасці ўстаноў былі вельмі абмежаванымі.

У выніку адукацыйнай дзейнасці аддзелаў БТДПВ не толькі з’явіліся новыя школы і прытулкі ў Вільне, Мінску і іншых населеных пунктах, але адбываліся масавыя культурна-асветніцкія мерапрыемствы і выходзілі беларускія школьныя падручнікі і хрэстаматы на роднай мове. Усе гэтыя мерапрыемствы спрыялі фарміраванню і ўмацаванню нацыянальнай свядомасці ў навучэнцаў-беларусаў, павелічэнню пісьменнасці тысяч дзяцей бежанцаў і мясцовых жыхароў, давалі магчымасць атрымаць ці паглыбіць адукацыю для дарослых. Акрамя таго, у тым ліку дзякуючы актыўнай дзейнасці аддзелаў БТДПВ у Вільні і Мінску гэтыя гарады ў далейшым сталі буйнымі адукацыйнымі і навуковымі цэнтрамі міжваеннага перыяду.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 124.
2. *Карнялюк, В. Р.* Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной: манаграфія / В. Р. Карнялюк. – Гродна: ГрДУ, 2019. – 329 с., [1] л. карт.
3. *Лапановіч, С. Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С. Ф. Лапановіч. – Мінск: Акадэмія МУС, 2010. – 126, [1] с.
4. *Лапановіч, С. Ф.* Бежанства і эвакуацыя на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў / С. Ф. Лапановіч. – Мінск: Акадэмія МУС, 2020. – 425 с.

5. *Щавлинский, Н. Б.* Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 136, [1] с.
6. *Цуба, М. В.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі з пачатку Першай сусветнай вайны да Лютаўскай рэвалюцыі (жнівень 1914 – люты 1917 гг.): матэрыялы да курса «Гісторыя Беларусі» / М. В. Цуба. – Минск: [б. в.], 2006. – 230 с.
7. *Цуба, М. В.* Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг. / М. В. Цуба. – Пінск: ПалесДУ, 2010. – 303 с.
8. *Цуба, М. В.* Нацыянальна-культурная і дабрачынная дзейнасць Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (1915–1917 гг.) / М. В. Цуба // Вестник Полесского государственного университета: научно-практический журнал / учредитель УО «Полесский государственный университет». – 2012. – № 2. – С. 21–30.
9. *Скалабан, В. У.* Мінскі адзел Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны / В. Скалабан // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 182.
10. *Бодрыкаў, Я. А.* Дзейнасць Мінскага аддзела Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (1915–1917 гг.) / Я. А. Бодрыкаў // Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1 – С. 54 – 59/
11. *Смалянчук, А. Ф.* Раман Скірмунт (1868–1939): жыццяпіс грамадзяніна Краю: апошнім грамадзянам Вялікага Княства Літоўскага прысвячаецца / А. Ф. Смалянчук. – Мінск: Зміцер Колас, 2018. – 692, [1] с.
12. *Чарнякевіч, А. М.* Чужы сярод чужых: Павел Алясюк і беларускія «паланафілы» / А. М. Чарнякевіч. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017. – 315, [1] с.
13. *Турунак, Ю.* Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі: пер. з польск. / Ю. Турунак. – Мінск: Медисонт, 2006. – 178 с.
14. *Ляхоўскі, У. В.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.) / У. В. Ляхоўскі. – Вільня [Вільнюс]: Інстытут беларусістыкі: Беласток, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 340 с.
15. БДАМЛіМ. – Фо. 3. Воп. 1. Спр. 125.
16. БДАМЛіМ. – Фо. 3. Воп. 1. Спр. 134.
17. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 325. Воп. 1. Спр. 10.

(Дата падачы: 25.02.2023 г.)

Н. А. Гуль

Белорусский государственный университет, Минск

N. A. Hul

Belarussian State University, Minsk

УДК 94(34)

ВЛИЯНИЕ ИДЕЛОГОВ ДВИЖЕНИЯ «ХИНДУТВА» НА ИСТОРИОГРАФИЮ РАННЕЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

THE INFLUENCE OF THE IDEOLOGUES OF THE “HINDUTVA” MOVEMENT ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE EARLY HISTORY OF ANCIENT INDIA

Целью работы является анализ существующих теорий о ранней истории Древней Индии и выявление роли идеологов «хиндутвы» на становление и развитие этих теорий в первой половине и середине XX в. Приведены основные критические замечания противников «теорий автохтонного происхождения индоариев». Особое внимание уделено вопросу этногенеза индоариев с точки зрения общественных деятелей «хиндутвы», таких как В. Д. Саваркар и М. С. Голвалкар. На основе оценки научной составляющей указанной идеологии был сделан вывод о возможности использования данных идей при изучении истории процессов этно- и политогенеза в Древней Индии.

Ключевые слова: Древняя Индия; индоарии; нидоевропейцы; этногенез; В. Д. Саваркар; М. С. Голвалкар; «хиндутва».

The aim of the work is to analyze the existing theories about the early history of Ancient India and to identify the role of Hindutva ideologists in the formation and development of these theories in the first half and middle of the 20th century. The main critical remarks of the opponents of the “theories of the autochthonous Indo-Aryans” are given. Particular attention is paid to the issue of the ethnogenesis of the Indo-Aryans from the point of view of Hindutva public figures, such as V. D. Savarkar and M. S. Golvalkar. Based on the assessment of the scientific component of this ideology, a conclusion was made about the possibility of using their ideas in studying the history of the processes of ethno- and politogenesis in Ancient India.

Keywords: Ancient India, Indo-Aryans; Indo-Europeans; ethnogenesis; V. D. Savarkar; M. S. Golvalkar; Hindutva.

Вопросы этногенеза и политогенеза всегда являются важными для каждого государства. Данная проблематика приобретает острую актуальность особенно в период обретения независимости, так как формирование идеологических основ и написание своей собственной истории является основой государственности.

Изучение начала истории и процесса этногенеза в Индии началось задолго до обретения страной независимости в 1947 г. Несмотря на то, что историография в колониальный период не была независима от политических обстоятельств, однако фактологический материал накапливался, проводились научные изыскания, например археологические раскопки

в 1920-х долине р. Инд. Интерес к изучению древних восточных обществ значительно вырос ещё с середины XIX в. Результатом переводов древних текстов стала идея о родстве древних языков с современными и поиск закономерностей таких связей. Был сделан вывод о существовании некогда единого языка – протоиндоевропейского. Стоит отметить, что зачастую приставка прото- опускается, либо исследователи не разграничивают понятия индоевропейцев и протоиндоевропейцев и их языки. Это происходит вследствие размытости критериев и использовании исключительно археологических и лингвистических данных в воссозданных конструктах.

На протяжении XIX и в начале XX вв. в научной среде термин «индоевропейцы» использовался как синоним термина «арии». Эта терминология активно использовалась в историографии ранней истории древней Индии и связывалась с Ригведой, так как арии считались её создателями. Термин «арий» использовался в качестве определителя как лингвистической группы, так и расовой. Имело место противопоставление кочевников-завоевателей ариев, пришедшие в Индию с севера, местному темнокожему населению «дасам» или «дасью», которое значительно уступало ариям в цивилизационном развитии.

Своё виденье значения этого слово было у сторонников движения Арья-самадж, созданного в 1875 г. Свами Даянандой Сарасвати. Он был знаком с переводом вед Ф. Макс Мюллера и вёл с ним переписку. Так, используя в том числе и его переводы, он пришел к совершенно иным выводам. Его определение ариев связано с системой ведийского индуизма и в Ригведе имело значение «благородный, хороший», выступая в роли нравственного определителя [1, р. 33].

На данный момент в науке принято считать, что термин «арий» является этнической характеристикой, нежели лингвистической, и отрицается его расовое значение. Подчеркивается, что арии противопоставлялись «неариям».

Определение ариев как пришлых кочевников и легло в основу «теории арийского вторжения», которая сформировалась в трудах европейских исследователей Ф. Боппа, Ф. Макс Мюллера [2, с.147–149], У. Джонса и является основной в индоевропеистике. Протоиндоевропейцы продвигались из места своей прародины на территорию северной Индии и распространились по всему полуострову. Этногенез индоариев соотносится с процессами, происходящими на месте индоевропейской прародины и по пути миграций. Основные цивилизационные характеристики общества индоариев, такие как ведическая религия и санскрит, происходят вне территории Индии.

То есть, подчеркивает пришлый характер индийской цивилизации. Данная теория шла в разрез с представлениями индийских общественных деятелей и отрицалась ими. Однако тезис об автохтонности ариев в современном понимании не был широко распространен в конце XIX в., скорее существовала совмещенная теория.

Индийский философ Свами Вивекананда (1863–1902) указывал на неопределенность прародины ариев в «теории вторжения», так как уже на тот момент их прародиной определялись различные территории, начиная от Тибета и заканчивая Северным полюсом. Ариев же он считал цивилизованными носителями ведической культуры. Он относил место их первоначальной родины в Гималаях и оттуда мирным способом они распространились по территории Евразии, в том числе и на современные территории Индии. Однако этот взгляд синкретичен еще и потому, что, как считал философ, этнические территории Индии простирались шире полуострова Индостан и включали северные территории, и по сути для него арии принесли свою культуру из одной части Индии в другую [3, p.133–134].

Одним из первых тезисов об автохтонности индийской цивилизации предложил общественный и политический деятель Хар Билас Сарда (1867–1955). Он использует термин «Арьяварта» в значении Северная Индия. В Ману-смирти (2:22) [4, с. 33] она располагалась между горными массивами Гималаев и Виндхья, другие литературные источники (Васиштхадхармасутра, Баудхаяна-дхармасутра) локализуют её примерно там же. Именно из этой территории произошли арии и расселились по всему миру, а также принесли свою культуру во многие отдаленные от Индии территории. Это весьма напоминает современные теории автохтонного происхождения. Примерно этого же мнения придерживался и С. Д. Сарасвати. Он считал, что арии пришли в Арьяварту с Тибета и оттуда распространились по континенту, неся свою высокоразвитую культуру.

Термин «Арьяварта» использует и один из идеологов «хиндутьвы» и индийского коммунизма, с 1937 г. президент партии Акхил Бхарат Хинду Махасабха В. Д. Саваркар. Он считал, что население древней Индии представляло собой не дравидов и ариев, а людей, которые живут как дети общей родины, обожающие свою общую святую землю. Эта концепция именуется Акханд Бхарат, т. е. «неделимая Индия» и противопоставляется лозунгу «разделяй и властвуй». Её использовали многие националистические индийские организации – Вишва Хинду Паришад, Индуист Сена, Хинду Махасабха. Однако, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал Тибет, согласно этой теории, тоже Акханд Бхарат. В послании к руководимой им партии в 1938 г. в г. Нигпур он подчеркивал: «5 тысяч лет назад прослеживается начало хинду нации в ведическую эпоху. Наши предки жили в Сапта-Синдху и строили основу нации. Расово и культурно это были арии. Они пересекли реки Ганг и Годавари и отправились колонизировать и завоевывать южные, восточные и западные территории Индии. Политически, расово и культурно завоевывали и ассимилировали неариев [5, с. 382].

М. С. Голвалкар, глава коммунистической партии Раштрия сваямсевак сангх с 1940 по 1973 г., также высказывал теорию преемственности и непрерывного цивилизационного развития на территории Индии [5, с.145]. Он использовал весьма отличающейся от общепринятого понятие слова

«раса». По его мнению, «раса» – это не первичные биогенетические признаки и не внешние, а скорее социальное, религиозное и политическое единство и общность традиций, а также говорит о величии индусов как расы [6, р. 26–27]. Сейчас вышеперечисленные идеи объявляются ненаучными и даже националистскими.

Эти идеи по своей сути схожи с теориями автохтонного происхождения индоариев. Согласно этим теориям, факт вторжения ариев в Индию отрицается и подчёркивается её самостоятельное развитие, самодостаточность ведической культуры. Идеология «хиндутва» многими исследователями относится к националистической. Её идеологи использовали существующую в тот период теорию арийского вторжения в своих интересах, показав древнее прошлое ариев, глубокие корни индуизма. В то же время они указывали на отсутствие каст в древности и были против социального расслоения Индии в настоящее время. В противовес этому мнению о единстве существует идея о том, что пришлые арии – это брахманы, а низшие касты – это дасью, то есть местное население, и арии не являются объединителями территорий, распространявшие мирно ведическую религию по всей территории Индии.

В доказательство тезиса о брахманах-ариях исследователи приводят генетику. В 2010 г. было проведено исследование, в результате которого выяснилось, что в Бенгалии (северо-восток южной Индии) группа брахманов генетически ближе к брахманам Уттар-Прадеша, чем к другим небрахманским группам населения Бенгалии. Однако результаты сравнения с самым югом Индией показали иные результаты. Брахманы Уттар-Прадеша и джати Пенджаба генетически более близки к жителям западной части Евразии, чем к брахманам из Тамил-Наду, расположенном на самом юге Индии [7, 422–38]. В целом южная Индия – это скорее исключение из всех теорий не только в генетическом, но и в лингвистическом плане. Таким образом, генетика опровергает тезис идеологов «хиндутвы» о схожести всех индусов между собой.

Если говорить о том, как сейчас представляется начало истории древней Индии, то те, кто придерживается неклассического взгляда на историю Древней Индии, используют веды как источник по изучению прошлого. Согласно этому, исторический период в Индии начался со Сваямбхува Ману – первого человека. На основе литературных источников выделяются пять династий, которые произошли от Вайвасвата Ману. Согласно ведам, он имел пять детей: дочь Илу и четырёх сыновей, имена которых Пуруравас, Аюс, Нахуша и Яяти. Яяти имел пять сыновей, которые начали свои династии в различных частях северной Индии. Пуруравас был сыном Илы и, завоевав Душанту, стал основателем лунной династии. Другая династия, начинающаяся с Ману и продолжающаяся через Икшваку, известна как солнечная династия. Цари Сагор, Бхагиратха и Рама являются самыми знаменитыми царями этой династии. В ранние времена при царях находились мудрецы, советники и духовные наставники. Все они назывались пурохи-

ты. Вашиштва был пурохитом солнечной династии. В Пуранах содержится подробная информация о генеалогии. Из этого следует датировка, согласно которой начало прединастической эпохи относится к 6100 г. до н. э., появление поселений Харапской цивилизации – 5900 г. до н. э., заселение долины Ганга-5000 лет до н. э., ведийский период начался в 4500 г. до н. э., время появления ригведийских царств – 4000 л. до н. э., жизнь Рамы из Солнечной династии – 3500 г. до н. э., 1900 г. до н. э. датируется конец ведийского периода [8, р. 58–59].

Историография этногенеза древних индийцев в XX в. была тесно связана с политикой, социальными и религиозными обстоятельствами. Это обстоятельство осталось неизменным и сейчас. Однако во многом риторика об этногенезе исходила от общественных деятелей и имела в большей степени политический или философский характер и была не похожа на историческое исследование.

Идеи «хиндутвы», в русскоязычной историографии используют термин «индусскость», имеют националистический характер. Они сформировались в период борьбы за получение независимости, и существование некой индивидуальности индийцев было необходимо для общества в тот период. Среди идеологов не было профессиональных исследователей. Основой теорий являлась философия и риторика, а не исторические данные, также отсутствовала доказательная база. Более того, симпатии многих идеологов «хиндутвы» к фашистскому режиму [9, с.77] являются неприемлимыми для современного общества, что также бросает тень на их идеи.

Теории «хиндутвы» в основном рассматривают территории Индии и близлежащих стран, в отличие от автохтонных теорий, где прослеживают конкретные пути миграций индоариев, исследуются археологические данные на пути их следования.

Однако многие современные автохтонные теории лишены националистического начала и основаны на анализе источников, хотя иногда их методология подвергается сомнению. Это же можно сказать и о методологии «теории арийского вторжения». Тот факт, что «теории автохтонного происхождения» отождествляются с мнениями общественных деятелей «хиндутвы» и обвиняются в национализме, не является верным. Это не способствует непредвзятому взгляду на историю древней Индии и этногенез индоариев. Даже в случаях, когда данные невозможно подвергнуть сомнению и необходимо переосмысление исторических процессов в древности этого не происходит. Примером здесь может служить историография Харапской цивилизации. В 1920-х гг., когда были открыты поселения этой цивилизации в долине реки Инда, были проведены масштабные раскопки. Результатом стало издание ряда трудов исключительно описательного характера [10, р. 3–75]. Историки разделились во мнении, считать ли эту цивилизацией индоарийской или дравидийской или же это нечто отдельное. В современной науке считается, что цивилизация Инда-Сарасвати пришла в упадок по

причине природных катаклизмов, а не нашествия ариев. Однако внятного этнического определения до сих пор нет, и эта цивилизация практически не встроена в теории этногенеза в древней Индии, не смотря на то, что все данные указывают на её автохтонность и независимость развития.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идеология «хиндутва» оказала значительное влияние не только на процесс становления независимой государственности Индии в XX в., но и на вопрос этногенеза древних индоариев и появления у них государственности. Однако концепции идеологов этого движения не смогли прочно закрепиться в науке, во многом по причине недостаточности доказательной базы и обвинений в использовании древней истории как инструмента по достижению политических целей.

Список использованных источников

1. *Jaffrelot, C.* The Hindu Nationalist Movement in India / C. Jaffrelot. – New York: Columbia University Press, 1996. – 360 p.

2. *Мюллер, Ф. М.* Введение в науку о религии: четыре лекции, прочитанные в Лондонском Королевском институте в феврале-марте 1870 года / Ф. М. Мюллер; пер. с англ. Е. Эмбакаян / А. Н. Красикова. – М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. – 264 с.

3. *Figueira, D. M.* Aryana, Jews, Brahmins: Theorizing Authority through Myths and Identity / D.M. Figueira. – New York: Suny Press, 2002. – 203 с.

4. *Эльманович, С. Д.* Законы Ману [Электронный ресурс] / С. Д. Эльманович, Г. Ф. Ильин. – М.: Наука, 1992. – Режим доступа: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=6638>. – Дата доступа: 12.02.2022.

5. *Альбедиль, М. Ф.* Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянский. – М.: Республика, 1996. – 576 с.

6. *Golwalkar, M. S.* We or Our Nationhood Defined / M. S. Golwalkar. – Nagpur: Bharat Publications, 1939. – 149 p.

7. *Singh, L.* Genetic evidence for recent population mixture in India / L. Singh // The American Journal of Human Genetics. – 2013. – № 3. – P. 422–438.

8. *Kapur, K.* Portraits of a Nation: History of Ancient India / K. Kapur. – New Delhi: Sterling Publisher Private Limited, 2010. – 684 p.

9. *Абрамов Д. Б.* Светское государство и религиозный радикализм в Индии / Д. Б. Абрамов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 187 с.

10. *Dals, G. F.* Excavations at Mohenjo-Daro, Pakistan: The Pottery / G. F. Dals, J. M. Kenoyer. – Pensilvania: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1986. – 607 p.

(Дата подачи: 22.02.2023 г.)

П. Л. Дзям'ян

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

P. Dziamyan

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476)“1654/1667”

**ДЫПЛАМАТЫЧНЫЯ КАНТАКТЫ Б. РАДЗІВІЛА
ЯК СРОДАК АБАРОНЫ СВАІХ УЛАДАННЯЎ
НА ТЭРЫТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
ПАДЧАС ВАЙНЫ 1654–1667 ГГ.**

**B. RADZIWILL'S DIPLOMATIC CONTACTS
AS A MEANS OF PROTECTING HIS POSSESSIONS
ON THE TERRITORY OF THE GRAND DUCHY OF
LITHUANIA IN THE PERIOD OF THE WAR OF 1654–1667**

У артыкуле на падставе архіўных і апублікаваных крыніц даследаваны дыпламатычныя кантакты князя Б. Радзівіла з Маскоўскай дзяржавай і Гетманшчынай у сярэдзіне XVII ст. Прааналізаваныя аўтарам крыніцы дазволілі разгледзець асноўныя этапы дадзеных кантактаў, апісаць і параўнаць іх вынікі як важнага сродку абароны ўладанняў Б. Радзівіла на тэрыторыі ВКЛ у перыяд вайны 1654–1667 гг.

Ключавыя словы: Радзівілы; Маскоўская дзяржава; вайна 1654–1667 гг.

Based on archival and published sources, the article examines the diplomatic contacts of Prince B. Radziwill with the Moscow State and the Hetmanate in the middle of the 17th century. The sources analyzed by the author made it possible to consider the main stages of these contacts, describe and compare their results as an important means of protecting the possessions of B. Radziwill on the territory of the Grand Duchy of Lithuania during the war of 1654-1667.

Key words: Radziwills; Moscow state; war of 1654–1667.

Вайна паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай пачалася ў маі 1654 г. У выніку першага этапу вайны 1654–1655 гг., амаль усё Вялікае Княства Літоўскае апынулася пад уладай цара Аляксея Міхайлавіча. Выключэннем былі толькі частка Наваградскага і Берасцейскага ваяводстваў. Тэрыторыя Берасцейскага ваяводства засталася па кантролем войска ВКЛ, якое захавала вернасць каралю Рэчы Паспалітай, а Наваградчына, дзе былі вялікія ўладанні князя Багуслава Радзівіла, аказалася пад пратэктаратам шведскага караля.

Падобная сітуацыя склалася ў выніку Кейданскай уніі, якую падпісала частка эліты ВКЛ у жніўні 1655 г. Па яе умовах ВКЛ разрывала ўсе сувязі з Польшчай і становілася часткай Шведскага каралеўства. Узамен за гэта шведскі кароль абяцаў вызваліць усе захопленыя ў 1654–1655 гг. Масквой тэрыторыі ВКЛ. Галоўнымі ініцыятарамі гэтай палітычнай акцыі былі прадстаўнікі біржанскай лініі роду Радзівілаў – князі Януш і Багуслаў. Яны перайшлі пад пратэктарат Швецыі разам са сваімі ўладаннямі. Аснову

гэтых маёнткаў складалі Слуцкае і Капыльскае княствы, а таксама больш дробныя двары. Пачынаючы з 1655 г. уладанні Б. Радзівіла на Наваградчыне былі з розных бакоў акружаныя тэрыторыяй ВКЛ, якая была падкантрольная Маскве і запарожскім казакам. Войска ВКЛ таксама разглядала ўладанні князя як непрыйцельскія, паколькі ён прыняў шведскую пратэкцыю.

У такой сітуацыі Б. Радзівіл не мог спадзявацца выключна на ваенны шлях абароны сваіх уладанняў. У сувязі з гэтым князь актыўна прыбягаў да выкарыстання дыпламатычных сродкаў для абароны сваіх маёнткаў на тэрыторыі Наваградскага ваяводства падчас вайны 1654–1667 гг.

У гістарыяграфіі пытанне дыпламатычных кантактаў прадстаўнікоў роду Радзівілаў з Гетманшчынай і Маскоўскай дзяржавай у сярэдзіне XVII ст. разглядалася ў работах польскіх, украінскіх і расійскіх даследчыкаў. Дыпламатычныя кантакты Б. Радзівіла з гетманам Багданам Хмяльніцкім даследаваў польска-канадскі гісторык Эндру Пернал [1]. Аўтар падрабязна апісаў ход і вынікі двух дыпламатычных місій прадстаўніка Б. Радзівіла – Самуэля Стэфановіча да запарожскага гетмана ў 1656 г. Пра дыпламатычныя спосабы абароны маёнткаў Б. Радзівіла на Наваградчыне, у перыяд вайны 1654–1667 гг., згадваюць у сваіх артыкулах польскія гісторыкі Конрад Бабятынскі і Кшыштаф Касажэцкі [2; 3]. У грунтоўнай рабоце ўкраінскага даследчыка Міхаіла Грушэўскага «Гісторыя Украіны-Русі» таксама закранаецца тэма дыпламатычных сувязей Б. Радзівіла і Б. Хмяльніцкага [4]. Аўтар выкарыстаў шэраг крыніц маскоўскага паходжання, што дазволіла яму паказаць рэакцыю маскоўскіх ваяводаў на кантакты гетмана Б. Хмяльніцкага з прадстаўнікамі Б. Радзівіла ў 1656 г. Акрамя выключна палітычнага боку дадзеных сустрэч, М. Грушэўскі закрануў гандлёва-эканамічныя стасункі, якія існавалі паміж слупкімі ўладаннямі Б. Радзівіла і Гетманшчынай у акрэслены перыяд. У расійскай гістарыяграфіі пытанне дыпламатычных кантактаў Б. Радзівіла з царскім урадам даследаваў Барыс Мікалаевіч Флора [5]. Ён разгледзеў дадзеную праблематыку ў межах сваёй манаграфіі, прасвечанай дыпламатычным кантактам Маскоўскай дзяржавы ў 1655–1660 гг. з еўрапейскімі краінамі. Таксама Б. М. Флора прысвяціў асобны артыкул дыпламатычным стасункам Б. Радзівіла з прадстаўнікамі Маскоўскай дзяржавы ў перыяд вайны 1654–1667 гг. [6].

Асноўную групу крыніц па тэме даследавання складаюць матэрыялы эпістальнага і актавага характару. Пэўныя кантакты з сярэдзіны XVII ст. Б. Радзівіл падтрымліваў з прадстаўнікамі Маскоўскай дзяржавы. Захаваўся шэраг лістоў князя да ваяводы Афанасія Ордзін-Нашчокіна і ваяводы Івана Хаванскага за 1660 г. [7; 8]. Шляхам пастаянных кантактаў Б. Радзівіл спрабаваў пераканаць маскоўскіх ваявод у сваёй прыязнасці і такім чынам абараніць свае ўладанні ад магчымых нападаў і знішчэння маскоўскім войскам. Акрамя гэтага захаваліся лісты Б. Радзівіла да прадстаўнікоў сваёй адміністрацыі ў Слуцку. Для нас у першую чаргу інтарэс уяўляюць лісты да С. Стэфановіча і іншых асоб. Гэтыя дакументы з’яўляюцца важнымі для

вывучэння дыпламатычных кантактаў з Гетманшчынай у сярэдзіне XVII ст. Актавыя крыніцы прадстаўлены разнастайнымі ўніверсаламі гетмана Б. Хмяльніцкага і палкоўнікаў Войска Запарожскага. Гэтыя дакументы даваліся з мэтай аховы маёнткаў Б. Радзівіла ад нападаў запарожскіх казакоў у перыяд вайны 1654–1667 гг. [9].

Як бачна, пытанне дыпламатычных кантактаў Б. Радзівіла з Гетманшчынай і Маскоўскай дзяржавай у акрэслены перыяд ужо часткова даследавана ў работах папярэдніх даследчыкаў. Тым не менш, гісторыкі не разглядалі дыпламатычныя захады Б. Радзівіла як адзін з спосабаў забяспечыць абарону для сваіх маёнткаў, што разам з наяўнасцю шэрагу не выкарыстаных раней крыніц дазваляе больш грунтоўна вывучыць дадзенае пытанне.

Мэта дадзенага артыкула палягае ў наступным: разгледзець дыпламатычныя кантакты Б. Радзівіла з Гетманшчынай і Маскоўскай дзяржавай, у перыяд вайны 1654–1667 гг., у кантэксце захадаў па абароне сваіх ўладанняў на тэрыторыі Наваградскага ваяводства.

Цягам 1654–1655 гг. запарожскія казакі змаглі авалодаць паўднёваўсходнімі павятамі ВКЛ. Прысутнасць запарожцаў на землях ВКЛ стала прычынай актывізацыі працэса паказання мясцовых жыхароў і стварэння новых казацкіх атрадаў. Актывінасць гэтых атрадаў распаўсюджвалася ў тым ліку на тэрыторыю Наваградчыны, дзе пэўны час дзейнічаў казацкі сотнік Дзяніс Мурашка.

З’яўленне казакоў паблізу ад уладанняў Б. Радзівіла стварала шэраг відавочных праблем, паколькі яны нападалі на шляхецкія маёнткі, забівалі шляхту, а мясцовыя сяляне далучаліся да казацкіх ватаг. Вырашыць гэта пытанне без прамых кантактаў з гетманам Б. Хмяльніцкім не прадстаўлялася магчымым. Для запарожскага гетмана кантакты з Б. Радзівілам таксама былі цікавыя, паколькі праз прадстаўнікоў князя можна было падтрымліваць сувязі са шведскім каралём. Асабліва важнай для запарожскага гетмана дадзеная магчымасць стала ў 1656–1657 гг., калі Б. Хмяльніцкі імкнуўся разам са шведамі арганізаваць антыпольскі саюз, а функцыю дыпламатычных пасрэднікаў у гэтай сітуацыі выконвалі прадстаўнікі Б. Радзівіла.

Першае пасольства Б. Радзівіла да запарожскага гетмана адбылося вясной 1656 г., яго ўзначальваў служкі войт Самуэль Стэфановіч. У пачатку красавіка ён атрымаў ад Б. Радзівіла інструкцыі для будучага пасольства [1, р. 519–520]. Пасля гэтага, 4 красавіка 1656 г., С. Стэфановіч выехаў у Кіеў. Туды ён прыбыў 11 красавіка і затрымаўся ў Кіеве на адзін тыдзень, пасля чаго выправіўся ў Чыгірын, дзе знаходзіўся сам гетман. У гетманскую сталіцу С. Стэфановіч прыехаў толькі 24 красавіка [1, р. 520]. Падчас асабістага прыёму прадстаўнік Б. Радзівіла перадаў лісты князя Б. Хмяльніцкаму і правёў размову, бакі запэўнілі адзін аднаго ў шчырасці і гатоўнасці да супрацоўніцтва. Акрамя палітычных пытанняў, якія былі абмеркаваны, Б. Хмяльніцкі пагадзіўся выдаць ахоўныя ўніверсалы на ўладанні Б. Радзівіла на Наваградчыне. Першы ўніверсал быў датаваны 28 красавіка 1656 г.

[1, р. 521]. У ім гетман забараняў сваім казакам чыніць свавольства ва ўладаннях Б. Радзівіла. Крыху пазней, 17 траўня, быў выдадзены яшчэ адзін універсал, які пашыраў змест папярэдняга і ўтрымліваў дазвол на свабодны гандаль для случкіх купцоў у Гетманшчыне [1, р. 521; 9, с. 187]. Пасля завяршэння сваёй місіі С. Стэфановіч у канцы мая 1656 г. вярнуўся ў Слуцк.

У другі раз случкі вайт быў накіраваны да запарожскага гетмана напрыканцы ліпеня 1656 г. Вядомы ліст Б. Радзівіла да С. Стэфановіча ад 22 ліпеня з падзякай за службу і абяцаннем узнагародзіць за паслугі [7, с.103]. Праз два дні, 24 ліпеня, князь выслаў новую інструкцыю для пасольства. Згодна інструкцыі, С. Стэфановіч павінен быў запэўніць гетмана ў ранейшай прыязнасці і прасіць пра новыя ўніверсалы на абарону ўладанняў Б. Радзівіла [7, с.104–106]. Пры гэтым князь прасіў не проста забараніць казакам рабаваць свае ўладанні, размова ішла пра абарону маёнткаў на Наваградчыне ў больш шырокім сэнсе. Б. Радзівіл прасіў абараніць свае ўладанні ад «польскіх людзей», пад гэтай фразай, відаць, разумелася войска Рэчы Паспалітай вернае каралю Яну Казіміру і маскавітаў. Такім чынам можна гаварыць пра пэўную форму пратэкцыі з боку гетмана Б. Хмяльніцкага над уладаннямі Б. Радзівіла. Акрамя гэтага, запарожскаму гетману былі перададзены лісты каменданта Слуцка Яна Гроса, у якіх былі скаргі на свавольства казакоў на Слуцчыне [1, р. 523–524].

Другое пасольства С. Стэфановіча ў Чыгрын завяршылася таксама паспяхова. Гетман Б. Хмяльніцкі ў сярэдзіне жніўня 1656 г. выдаў новы ўніверсал на імя палкоўніка Івана Нячая, якім забараняў здзяйсняць напады на Слуцк і ваколіцы [9, с. 205]. Таксама гетман даў адказ на скаргі Я. Гроса. Ён запэўніў каменданта Слуцка, што не загадваў казакам рабаваць маёнткі Б. Радзівіла, а сотнік Мурашка, якога згадвае ў лісце Я. Грос, увогуле не вядомы Б. Хмяльніцкаму [7, с. 106]. Пры гэтым І. Нячаю быў дадзены загад караць розных свавольнікаў, якія дзейнічаюць ад імя Войска Запарожскага. Праз пэўны час, у канцы лістапада 1656 г., з'явіўся яшчэ адзін гетманскі ўніверсал на абарону Слуцка. Гэтым універсалам Б. Хмяльніцкі пацвердзіў сваю пратэкцыю над Слуцкім княствам і чарговы раз нагадаў казакам, што любыя напады на гэтыя ўладанні катэгарычна забаронены [9, с. 215]. Акрамя, выключна, клопатаў пра недатактыльнасць сваіх маёнткаў з боку казакоў, Б. Радзівіл дбаў пра забеспячэнне Слуцка належнымі прадуктамі харчавання, якія можна было набыць на ўкраінскіх землях. Гандаль меў значныя маштабы, паколькі прыцягнуў увагу маскоўскіх ваяводаў у Кіеве. Яны запатрабавалі ад Б. Хмяльніцкага спыніць продаж розных тавараў у Слуцк, што і было фармальна выканана [4, с.1269–1272]. Тым не менш, праз пэўны час маскоўскія ваяводы зноў адзначалі вываз тавараў з Гетманшчыны ў розныя гарады ВКЛ, але Б. Хмяльніцкі на іх запыты па гэтым пытанні ніяк не рэагаваў.

Акрамя дыпламатычных кантактаў з Гетманшчынай, Б. Радзівіл спрабаваў пэўным чынам падтрымліваць сувязь з прадстаўнікамі Маскоўскай

дзяржавы. Першыя крокі на гэтым накірунку былі зробленыя восенню 1655 г. У выніку ваеннай кампаніі лета-восені 1655 г. уладанні Б. Радзівіла ў Наваградскім ваяводстве былі разбураны войскамі ваяводы Аляксея Трубяцкога. Гэта падштурхнула Б. Радзівіла звярнуцца за пасрэдніцтвам да шведскага намесніка ў Інфлянтах Магнуса де Лагардзі. Літоўскі магнат прасіў М. де Лагардзі пра абарону сваіх маёнткаў ад царскага войска, паколькі падчас перамоў у верасні 1655 г. з паслом Афанасіям Несцеравым шведскі намеснік узяў гэтае пытанне. Ён заявіў, што Слуцк і Нясвіж знаходзяцца пад шведскай уладай як уладанні Б. Радзівіла. Акрамя гэтага М. де Лагардзі заявіў, што частка шляхты з гэтых уладанняў ужо прысягнула шведскаму каралю. Маскоўскі бок на гэтыя просьбы адрэагаваў адмоўна. Той жа А. Несцераў падчас перамоў заявіў, што шведскаму каралю патрэбна: «Радывіла і ту шляхту достоить держать в своих городех» [цыт. па 6, с. 27–28].

У першай палове 1656 г. усё больш відавочнай становілася перспектыва будучай вайны паміж Швецыяй і Маскоўскай дзяржавай. Гэта паспрыяла таму, што Б. Радзівіл пачаў шукаць новых пасрэднікаў для далейшых кантактаў з Масквой. На гэтым этапе ён змог знайсці падтрымку ў Брандэнбургу. Так, у маі 1656 г. прускі канцлер падчас перамоў з царскім дыпламатам Даніілам Мышецкім прасіў, у выпадку магчымай вайны з Швецыяй, не крапаць маёнткі Б. Радзівіла. Гэтая просьба выклікала негатывную рэакцыю Д. Мышецкага паколькі Б. Радзівіл быў пад пратэктарыяй шведскага караля, а значыць, разглядаўся як магчымы праціўнік [6, с. 28–29]. Пачынаючы з канца 1656 г. і да восені 1657 г. Б. Радзівіл спрабаваў наладзіць пэўныя кантакты з прадстаўнікамі Маскоўскай дзяржавы за пасрэдніцтвам удавы свайго стрыечнага брата Я. Радзівіла – Марыі Радзівіл, а таксама канцлера курляндскага герцага. На гэтым этапе Б. Радзівілу не ўдалося дасягнуць паразумення з Масквой. Тым не менш, князь працягваў шукаць новыя спосабы для дасягнення сваіх мэтай [6, с. 30–33].

Да змены ва ўзаемных кантактах паміж Б. Радзівілам і царскім урадам дайшло ў 1658 г., калі на сойме Рэчы Паспалітай павінна была разглядацца кандыдатура цара на польскі трон. У гэтай сітуацыі Аляксею Міхайлавічу патрэбна было шукаць прыхільнікаў для ўмацавання сваіх пазіцый падчас элекцыі. Менавіта ў такім кантэксце на Б. Радзівіла звярнулі ўвагу на царскім двары. Каб прыцягнуць літоўскага магната на свой бок, маскоўскаму паслу А. Несцераву, які павінен быў ехаць да брандэнбургскага князя, былі дадзеныя царскія граматы з пацверджаным маёмасных правоў для Б. Радзівіла. Пры гэтым, былі сфармуляваныя дзве ўмовы, выканаўшы якія, Б. Радзівіл мог атрымаць царскія граматы: па-першае, ён павінен быў падтрымаць царскую кандыдатуру на сойме, а па-другое, – прыняць маскоўскае падданства [6, с. 34–36]. Згадзіцца на гэтыя ўмовы Б. Радзівіл на той момант не мог, паколькі яго становішча ўжо істотна змянілася. У кастрычніку 1657 г. ён быў прызначаны намеснікам брандэнбургскага князя ў каралеўскай Прусіі, а ў лістападзе таго ж году атрымаў поўную амністыю ў Рэчы Паспалітай.

Пасля гэтага пераход ў царскае падданства для Б. Радзівіла страціў усякі сэнс.

Тым не менш, кантакты з царскімі ваяводамі па-ранейшаму былі актуальнымі для Б. Радзівіла. Восенню 1659 г. у Коўне былі затрыманьня два караблі з соллю, якія належалі князю канюшаму. Гэта было адказам на дзеянні атрадаў з Слуцка, якія дазвалялі сабе здзяйсняць напады на казакоў і маскоўскія атрады ў гэты час. Уся гэтая сітуацыя адбывалася на фоне новага наступу ваяводы І. Хаванскага ў заходнія паветы ВКЛ восенню 1659 г., што стварала небяспеку для уладанняў Б. Радзівіла на Наваградчыне [6, s. 37].

Для таго каб залагодзіць сітуацыю Б. Радзівіл выслаў у студзені 1660 г. да ваяводы А. Ордзін-Нашчокіна свайго прадстаўніка Пятра Хофмана. У сваім лісце ад 2 студзеня 1660 г. Б. Радзівіл паведамляў ваяводзе апошнія еўрапейскія навіны і прасіў яго: «каб веры даў, таму, што ад майго імя (пасланнік) перадаць» [5, с. 554–555; 8, s. 104]. Другі ліст, дата якога не вядома, Б. Радзівіл адправіў да А. Ордзін-Нашчокіна ўжо пасля вяртання П. Хофмана. У гэтым лісце князь запэўнівае маскоўскага ваяводу ў тым, што яго войскі са Слуцка не бралі ўдзел у нападзе на Магілёў. Ён сцвярджае, што даў загад свайму гарнізону ў Слуцку, каб яны: «спакойна і па-прыяцельску жылі з людзьмі царскай вялікасці», а адказным за напад на Магілёў, паводле Б. Радзівіла, быў аддзела палкоўніка Яна Сасноўскага з войска ВКЛ. Акрамя гэтага князь дзякаваў А. Ордзін-Нашчокіну за абяцанне выдаць граматы на ахову яго маёнткаў ад нападаў царскага войска. Ён прасіў аддаць гэтыя дакументы пасланцу, каторы меў пры сабе рээстр, на якія канкрэтна маёнткі патрэбныя абаронныя граматы. Было таксама ўзнята пытанне пра затрыманую соль у Коўне. Б. Радзівіл сцвярджаў, што тры віціны з соллю былі затрыманы незаконна, паколькі ўсе пошліны ў царскую казну былі заплачаны¹. Акрамя гэтага князь прыгадаў пра свайго слугу, які суправаджаў віціны і быў затрыманы ў Коўне. Ён прасіў аддаць загад вызваліць яго з вязніцы. Таксама было ўзнята яшчэ адно гандлёвае пытанне. Б. Радзівіл прасіў ваяводу даць «пашпарт або ліст» на вольны вываз са Слуцкага княства ў Каралівец лясных тавараў. Напрыканцы князь запэўніў А. Ордзін-Нашчокіна ў тым, што і далей будзе паведамляць ваяводзе ўсе важныя ваенныя і палітычныя навіны, пра якія мае інфармацыю сам [8, s. 105–106; 107].

Вясной 1660 г., калі ў самым разгары была аблога Ляхавічаў, князь Б. Радзівіл напісаў яшчэ адзін ліст, датаваны 4 мая, да маскоўскага ваяводы Івана Хаванскага. У гэтым лісце Б. Радзівіл звяртаецца да І. Хаванскага з просьбай захаваць яго маёнткі ад разбурэнняў з боку маскоўскага войска. Ён матываваў гэта тым, што цар і брандэнбургскі князь заключылі вечны мір, а ён з'яўляецца прускім намеснікам і слугой князя. У сувязі з чым, нібыта, цар гарантаваў бяспеку для яго ўладанняў ад знішчэння сваім вой-

¹ Б. Н. Флора сцвярджае, што віцін было дзве, але гэта разыходзіцца з інфармацыяй, якую падае ў сваім лісце Б. Радзівіл.

скам. Акрамя гэтага Б. Радзівіл прасіў ваяводу ў выпадку калі да яго будуць звяртацца слугі князя, каб той «праявіў сваё ласку» да іх [3, с. 306; 8, s.178]. Якія вынікі мог мець дадзены ліст і якую рэакцыю ён выклікаў у ваяводы – сказаць складана. Пасля паразы І. Хаванскага пад Палонкай небяспека для ўладанняў Б. Радзівіла істотна зменшылася, як і неабходнасць падтрымліваць пастаянныя кантакты з прадстаўнікамі Масквы, хаця пэўныя сувязі з асобнымі ваяводамі князь захоўваў і ў наступныя гады [7, с.118–119,120].

Дыпламатычныя кантакты Б. Радзівіла з Маскоўскай дзяржавай і Гетманшчынай у перыяд вайны 1654–1667 гг. былі важным сродкам для абароны ўладанняў князя ў Наваградскім ваяводстве. Найбольшых поспехаў удалося дасягнуць у кантактах з Б. Хмяльніцкім. Запарожскі гетман у 1656 г. задаволіў усе просьбы Б. Радзівіла, якія тычыліся абароны маёнткаў апошняга ад нападаў казакоў, больш таго, па выніках другога пасольства С. Стэфановіча Б. Хмяльніцкі фактычна ўзяў пад пратэктарат уладанні князя на Наваградчыне і паабяцаў абараняць іх ад любых ворагаў. Акрамя гэтага, паміж Слуцкам і ўкраінскімі землямі актыўна развіваліся ўзаемавыгадныя гандлёва-эканамічныя адносіны. Паспяховасць дыпламатычных кантактаў Б. Радзівіла з Б. Хмяльніцкім была вынікам узаемнай зацікаўленасці і выгады для бакоў.

Інакш выглядаюць кантакты Б. Радзівіла з Маскоўскай дзяржавай. Пачынаючы з 1655 г. князь канюшы спрабаваў дамагчыся прызнання сваіх правоў на маёнткі ў ВКЛ і абараніць іх ад магчымага знішчэння. Для гэтага князь хацеў атрымаць царскія граматы, але маскоўскі бок пагаджаўся задаволіць гэтыя просьбы толькі пасля прыняцця царскага падданства Б. Радзівілам, што было невыгодна для апошняга. Таму дасягнуць істотнага прагрэсу ва ўзаемных кантактах не ўдалося. Прычына гэтага, на нашу думку, заключалася ў адсутнасці сапраўднай зацікаўленасці бакоў. Для Маскоўскай дзяржавы пазіцыя Б. Радзівіл да пэўнага моманту не была цікавай, таму ісці насустрач просьбам магната ніхто не збіраўся. Тое самае можна сказаць пра паводзіны Б. Радзівіла, якія, па словах польскага гісторыка К. Бабятынскага, былі часткай «тыповай для тагачасных магнатаў і шляхты гульні, асноўнай мэтай якой было ўратаванне ад знішчэння маскоўскімі войскамі ўласных уладанняў» [2, с.14]. Нягледзячы на адсутнасць значных поспехаў Б. Радзівіл падтрымліваў пастаянныя кантакты з маскоўскімі ваяводамі да лета 1660 г. Сітуацыя змянілася пасля бітвы пад Палонкай, дзе былі разбітыя войскі І. Хаванскага, а маскоўская пагроза для значнай часткі ВКЛ была знята. Пасля гэтага кантакты з Масквой для Б. Радзівіла страцілі сваю раейшую актуальнасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Pernal, A. Diplomatic Contacts between Bogusław Radziwiłł and Bohdan Khmel'nyts'kyi in 1656: Two Unpublished Documents / A. Pernal // *Mapra Mundi: Збірник науковых праць на пошану Я. Дашкевича з нагоды яго 70-річчя.* – Львів; К.; Нью-Йорк, 1996. – P. 509–532.

2. *Бабятынскі, К.* Прыватныя фартэцыі ў ВКЛ пад час вайны з Масквою (1654–1667) / *К. Бабятынскі* // Беларускі гістарычны агляд. – 2012. – Т. 19, Сшытак 1–2. – С. 3–30.
3. *Касажэцкі, К.* Слуцк перад абліччам маскоўскай і казацкай пагрозы падчас вайны з Масквой у 1654–1667 гг. / *К. Касажэцкі* // *Arche* Пачатак: Вайсковая гісторыя Вялікага Княства Літоўскага. – 2012. – № 6. – С. 285–314.
4. *Грушевський, М. С.* Історія України – Руси: в 11 томах, 12 книгах / *М. С. Грушевський*, редкол.: *П. С. Сохань* (голова) [та ін.]. – Київ: Наукова думка, 1991–1998. – Т. 9. – Кн. 1. – Київ, 1996. – 880 с.
5. *Флоря, Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.) / *Б. Н. Флоря*. – М.: Индрик, 2010. – 656 с.
6. *Floria, B. N.* Bogusław Radziwiłł a Rosja / *B.N. Floria* // *Kwartalnik Historyczny*. – 2009. – Т. 116, Z. 4. – S. 27–41.
7. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 7 [документы 1433–1791 гг.] / собранный в Несвиже и изданный П. Гильтебрандтом и А. Миротворцевым. – Печатня А. Г. Сыркина, 1870. – 375 с.
8. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. – Dz. IV. Syg. 745. – Korespondencja Bogusława Radziwiłła. 1659–1660. – 184 s.
9. Універсали Богдана Хмельницького 1648–1657 / упорядн.: *І. Крип'якевич, І. Бутич*; ред. кол.: *В. Смолій* (голова); НАН України. Інститут історії України, Інститут української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. – Київ: Альтернативи, 1998. – 416 с.

(Дата падачы: 20.02.2023 г.)

К. Д. Довматович

Белорусский государственный университет, Минск

K. D. Dovmatovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476 ВКЛ):930(4–11)«18/19»+328(474/476 ВКЛ)

СЕЙМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

THE SEJMS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE HISTORIOGRAPHY OF EASTERN EUROPE IN THE END OF THE 19TH – THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Автором были определены сформированные на рубеже XIX–XX вв. московское, киевское и петербургское направления исторической мысли в изучении сейма Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Сделан вывод о том, что единое научное пространство и взаимоотношения учитель – ученик в университетской среде позволило на протяжении 1920–1930-х гг. обеспечить функционирование классического нарратива, посвященного сейму ВКЛ.

Ключевые слова: сейм Великого Княжества Литовского; историография; направления исторической мысли; Восточная Европа.

The author identified formed at the turn of the XIX–XX centuries Moscow, Kiev and Petersburg directions of historical thought in the study of the sejm of the Grand Duchy of Lithuania. It is concluded that a single scientific space and teacher–student relationships in the university environment made it possible during the 1920s–1930s ensure the functioning of the classic narrative dedicated to the sejm of the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: Sejm of the Grand Duchy of Lithuania; historiography; direction of historical thought; Eastern Europe.

На рубеже XIX–XX вв. в научном историческом сообществе Российской Империи ряд ученых обратили внимание на историю ВКЛ. В значительной степени это было связано с идеологическим наступлением со стороны российских властей после подавления восстаний 1830–1831 и 1863–1863 гг. Несмотря на это, многие ученые с позиций историзма и объективизма подходили к изучению «Северо-Западного края» Российской Империи, обращая внимание на парламентскую проблематику этих земель в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Данная проблематика также рассматривалась в польской историографии. После Первой мировой войны сформированный сеймовый нарратив функционировал в университетской среде Восточной Европы. Это было связано с теми учеными, которые затронули своей научной биографией российскоимперский период. Однако начало Второй мировой и Великой Отечественной войн стало рубежом в развитии историографии, что связано с очередной сменой поколений в исторической науке.

В стенах историко-филологического факультета Императорского Московского университета учеником В. О. Ключевского М. К. Любавским в 1900 г. была издана докторская диссертация «Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства». Эта работа является первым фундаментальным трудом по обозначенной проблематике. Идеи Матвея Кузьмича в последствии определили московское направление исторической мысли по тематике сейма ВКЛ. Наиболее ярким маркером данного направления является концепция происхождения сейма ВКЛ.

Московский историк относил зарождение сейма ВКЛ к началу XV в. Это связывалось с установлением очередных унийных отношений с Королевством Польским, которые «вызвали къ политической дѣятельности крупнейшія общественныя силы великаго княжества, дали имъ возможность обнаружить свою мощь и значеніе и повлекли за собою признаніе извѣстныхъ правъ за ихъ совокупностью в лицѣ литовско-русскаго сейма» [1, с. 10]. Представленные «общественныя силы» появились в годы правления Витовта, когда областные князья утратили свою политическую роль, чье место заняли «второстепенные литовскіе и русскіе князья и литовское боярство» [1, с. 19–26]. В 1401 г. именно эта политическая сила выступила

в роли общегосударственного представительства «въ качестве *правоспособнаго* участника въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, съ извѣстною признанною по этой части *компетенціею* (курсив автора. – К. Д.)» [1, с. 28–29]. Именно к этому году М. К. Любавский относил «рожденіе литовско-русскаго сейма» [1, с. 10].

В это же время в стенах Императорского Киевского университета Святого Владимира оформился ряд историографических школ. Из киевской окружения с 1894 г. в Москве работал М. В. Довнар-Запольский, ученик историка В. Б. Антоновича. М. В. Довнар-Запольский в это время работал над изданиями исторических источников, в которых также представлены документы по сеймовой проблематике. Так, в 1897 г. был издан сборник «Документы Московскаго архива Министерства юстиціи», в котором М. В. Довнар-Запольский помимо публикации исторических документов привел следующую классификацию сеймовых источников времен Сигизмунда Августа: сеймовые ухвалы; просьбы послов и ответы монарха на них; господарские универсалы, которые, однако, не представлены в издании [2, с. XIX]. При этом подобное разнообразие источников этого периода объяснялось тем, что во времена правления Сигизмунда Августа «сеймъ формируется, получаетъ правильную постановку» [2, с. XIX]. В этом же году под авторством М. В. Довнар-Запольскаго из печати вышел исторический очерк под названием «Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г.», в котором ярко показано развитие унийных отношений между ВКЛ и Польши через призму парламентской практики [3]. В 1901 г. Митрофан Викторович издал рецензию на диссертацию М. К. Любавскаго, в которой оспорил ряд положений московскаго историка, в том числе в вопросе о происхождении сейма [4]. Сюжеты из парламентской жизни ВКЛ также представлены в его магистерской диссертации [5].

По мимо чисто историческаго направления Киевскаго университета в стенах юридическаго факультета к концу XIX столетія функционировала, так называемая, школа «западнорусскаго» права. Её основателями считаются историки Ф. И. Леонтович и М. Ф. Владимировскій-Буданов [6]. Ученик послѣдняго Н. А. Максимейко в Харьковѣ в 1902 г. издал свою магистерскую диссертацию «Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской унии 1569 г.». Это второй фундаментальный труд, посвященный сейму ВКЛ. В этом произведении представлено совершенно иное видение происхождения сейма, которое стало характерной чертой киевскаго направления исторической мысли.

Историк Н. А. Максимейко относил зарождение сейма ВКЛ к концу XV в. По его мнѣнію, в основе этого государственнаго органа лежали сеймы отдельных областей («областные сеймы»), обладавшие такой же компетенціей, которая была характерна для сейма ВКЛ (избрание местных князей, заключение уний, рассмотрение вопросов войны и мира, законотворчество, судопроизводство) [7, с. 1–33]. Общегосударственный сейм рассматривался

исследователем как «высшая стадия государственного объединения Литовской Руси» [7, с. 43]. Соответственно, нужно было «найти» дату централизации земель ВКЛ, которая была определена Н. А. Максимейко в сюжете о ликвидации княжеской власти в Киеве в 1471 г. [8, с. 70]. Также ученым учитывался внешнеполитический фактор в виде военной угрозы со стороны Московского государства и Крымского ханства, который подталкивал к консолидации земель ВКЛ [7, с. 44]. К 1492 г. Николай Алексеевич относил «первое опрѣделенное и несомнѣнное свидѣтельство о литовско-русском сѣйме, какъ собраніи отдѣльныхъ областей государства» [7, с. 40]. Также украинский ученый внес свою лепту в развитие дискуссии вокруг работы М. К. Любавского как на страницах своей монографии, так и на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» [8–12].

Второй ученик М. Ф. Владимировского-Буданова И. А. Малиновский основной свой упор сделал на изучение Панов-Рады ВКЛ. Поскольку Паны-Рада тесно были связаны и с парламентской жизнью, то И. А. Малиновский не мог не затронуть сеймовую проблематику. В Томске сначала в 1901 г. им был издан «Сборник документов, относящихся к истории Панов-рады Великого Княжества Литовского», который, например, содержит документы, относящиеся к Виленскому сейму 1534 г. [13, с. 212–216]. А уже в 1912 г. было опубликовано его исследование под названием «Рада Великого Княжества Литовского в связи с Боярской думой древней России. Часть II. Рада Великого Княжества Литовского». Прежде всего, украинский ученый обратил внимание на то, что «Собрания, обсуждающія вопросы государственнаго управления, обозначаются въ памятниках русскаго права различными терминами» [14, с. 105–106]. При этом, Иоанникий Алексеевич отметил, что «Многочудныя собранія паповъ-рад во второй половины XV в. и въ началѣ XVI в. называются “conventions generals”, “сеймы великіе”, или “вальные”» [14, с. 107]. Однако нужда монарха в дополнительных финансовых ресурсах со стороны землевладельцев в виду военной угрозы побудили Сигизмунда Старого к созыву в 1507 г. Виленского сейма. Резюмируя, И. А. Малиновский обозначил, что с этого времени «Сейм пановъ-радъ превращается в сеймъ пановъ-радъ, княжат, панять, урядниковъ земскихъ и дворныхъ и рыцарства-шляхты» [14, с. 107–108].

Между изданиями этих трудов один из основателей киевской школы «западнорусского» права профессор Ф. И. Леонтович внес свою лепту в развитие сеймовой проблематики. Он в 1910 г. опубликовал обширную статью под названием «Веча, сеймы и сеймики в Великом Княжестве Литовском» [15–16]. Относительно сеймовой практики, автор выделил областные сеймы; сеймы великих и удельных князей по делам, касавшихся всех или нескольких областей; польско-литовские «спольные» сеймы, учрежденные в 1413 г.; военно-полевые или лагерные сеймы; отдельные сеймы панов-рад; общий или вальный сейм [15, с. 248–250]. При этом вопрос о возникновении вального сейма Ф. И. Леонтович трактовал в лоне идей

Н. А. Максимейко и относил возникновение этого института к концу XV в. [15, с. 251–252].

В это же время из среды историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета выделилась фигура И. И. Лаппо. Он и А. Е. Пресняков являлись учениками С. Ф. Платонова. В 1911 г. в Юрьеве И. И. Лаппо опубликовал труд «Великое Княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик» [17]. В этой книге впервые всесторонне была освещена проблематика локальных форм парламентской жизни в ВКЛ. Уже в 1914 г. при участии Ивана Ивановича вышел XXX-й том издания «Русская Историческая Библиотека», в котором русским историком был опубликован значительный пласт сеймовых документов 1530–1560-х гг. [18]. В этом же году началась Первая мировая война, которая оказала всеобъемлющее влияние на развитие Восточной Европы.

После революционных событий 1917 г. в Восточной Европе оформляются государства Беларуси, Украины и России, которые в дальнейшем развивались на советско-социалистической основе. Складывание национальных государств требовало создания собственного исторического нарратива. Так, в Советской Беларуси в 1921 и 1922 гг. были открыты Белорусский государственный университет и Институт белорусской культуры. Первый белорусский университет возглавил историк, выпускник Московского университета В. И. Пичета. Еще в дореволюционную эпоху В. И. Пичета эпизодически затрагивал сеймовую проблематику [19]. Однако новые реалии требовали от ученого создание целостной белорусской истории. Имея определенный опыт в написании истории Беларуси, Владимир Иванович в 1924 г. в Москве – Ленинграде издал труд «Гісторыя Беларусі частка першая». В нем прослеживается влияние М. К. Любавского на изложение истории ВКЛ. Наиболее ярко это можно представить в рамках сюжета о происхождении сейма. Так, Владимир Иванович относил «зараджэньне вялікага вальнага сойму [...] да моманту завязанья трэцяй вуні з Польшчай (1401)» [20, с. 109].

В 1925 г. на работу в БГУ и ИБК приехал М. В. Довнар-Запольский. Он также взял на себя ношу написания целостной истории Беларуси. Однако «История Беларуси» под авторством Митрофана Викторовича не прошла советскую цензуру, поэтому труд белорусского историка увидел свет только в 1994 г. Тем не менее, анализируя научное творчество М. В. Довнар-Запольского этого периода, так или иначе прослеживается влияние киевского направления исторической мысли. Так, происхождение сейма белорусский ученый видел на основе традиции съездов феодалов с великим князем, которые после привилея 1447 г. стали обязательными для монарха в случае ухвалы налогов [21, с. 82–83]. Сеймы с 1447 по 1566 г., по мнению историка, имели «неарганізаваны характар» [21, с. 83]. Также на страницах книги Митрофан Викторович обратился к проблеме «областных сеймов»,

которая являлась системообразующей в работах Н. А. Максимейко. Так, «конструируя» вальный сейм ВКЛ, М. В. Довнар-Запольский обозначил, что «соймы мясцовай шляхты [...] у Віцебская, Полацкай і іншых землях..., [якія] ...імкнуща зліцца ў адзін агульны (вальны) для рашэння шляхецкіх спраў не толькі мясцовага, але і агульнадзяржаўнага характару» [21, с. 84]. Белорусским историком была предложена попытка «найти» начало сейма ВКЛ в середине XV в., в которой прослеживается влияние идей киевской школы «западнорусского» права.

Также в это время в стенах БГУ парламентская проблематика была затронута выпускником Юрьевского университета, белорусским историком В. Д. Друщицом. Им в 1925 г. была опубликована статья «Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай вуніі», в которой в контексте истории белорусской государственности затрагивалась проблема сейма. Так, сейм ВКЛ с XV в. представлялся ученым как заседание монарха и Панов-Рады. Однако с первой четверти XVI в. к заседаниям сейма помимо богатых землевладельцев привлекались бедные и средние феодалы [22, с. 242–243].

Общественно-политический климат белорусской советской науки предопределил то, что уже к концу 1920-х гг. В. И. Пичеты и М. В. Довнар-Запольского в Минске уже не было. В 1937 г. был репрессирован В. Д. Друщиц. Однако дореволюционный нарратив в Советском Союзе еще функционировал в стенах Ленинградского государственного университета. В 1939 г. учеником А. Е. Преснякова Б. А. Романовым был издан второй том курса лекций учителя, который Александр Евгеньевич читал в дореволюционную эпоху, – «Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовско-Русское государство». Рассматривая сеймовую проблематику, на страницах «Лекций» А. Е. Преснякова отмечается, что «Основа сейма при всей неопределенности этого понятия – расширение собраний рады великого князя привлечением к участию в совещаниях и выработке решений военно-землевладельческого класса» [23, с. 104]. Несмотря на то, что Александром Евгеньевичем не было предложено оригинальной концепции происхождения сейма ВКЛ, касательно идеи М. К. Любавского петербургским историком отмечалось: «И тут вопреки Любавскому не видно сейма в настоящем смысле слова. Сейм – слово, в эту эпоху не имеющее позднейшего технического значения; это собрание вообще, в частности съезд областных правителей, сейм рады великого князя, его панов радных» [23, с. 109]. Следует отметить, что подобные замечания петербургского историка могли исходить из трудов М. В. Довнар-Запольского, на которые в рамках разбираемых сюжетов он активно ссылался. Дальнейшая история «Литовско-Русского государства» из-под пера А. Е. Преснякова представляется синтезом дореволюционных работ по различным проблемам, в том числе и парламентской жизни.

Проблематика сейма ВКЛ наиболее основательно была разработана учеными в Российской Империи рубежа XIX–XX вв. В это время был опу-

бликован обширный пласт документов, относящихся к сеймовой тематике, а также сформированы основные подходы в изучении парламентской проблематики. Маркером этих подходов является сюжет о происхождении сейма. Так, для московского направления характерна идея М. К. Любавского о происхождении сейма ВКЛ в начале XV в. Киевское направление исторической мысли определяло происхождение сейма поздним временем: для М. В. Довнар-Запольского – это середина XV в., для Н. А. Максимейки – это конец XV в. А для Ф. И. Леонтовича и И. А. Малиновского ключевым моментом являлась терминологическая составляющая и в зависимости от нее период определяется от середины XV до начала XVI в. При этом для некоторых представителей Киевского университета одним из ключевых сюжетов стал «областной сейм» в рамках рассмотрения проблематики происхождения сейма. Определенной обобщенностью отличились петербургские историки, представители школы С. Ф. Платонова – И. И. Лаппо и А. Е. Пресняков. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. сложился классический проблемный нарратив, повешенного сейму ВКЛ. Важнейшей составляющей этого феномена следует считать единое политическое и научное пространство Российской Империи.

Отмечая все перипетии советского периода в историографии Восточной Европы, прослеживается функционирование классического сеймового нарратива. На примере Белорусского государственного университета первой половины 1920-х гг. видны три тенденции реализации дореволюционных идей. Первая – это московская, связанная с именем В. И. Пичеты. Она объясняется однородной средой Московского университета, с которым связано научное творчество М. К. Любавского и становление В. И. Пичеты как ученого. Вторая – киевская, связанная с именем М. К. Довнар-Запольского. Он являлся представителем среды Киевского университета. Однако белорусским историком были сделаны определенные шаги для создания своей оригинальной идеи на основе системообразующих сюжетов киевской школы «западнорусского» права. Третья – петербургская, связанная с именем В. Д. Друщицом, для работы которого характерна обобщенность относительно рассмотрения ранней истории сейма ВКЛ. В значительной степени это направление носит опосредованный характер связей в Юрьевском университете между обучавшимся там В. Д. Друщицом и преподававшим там петербуржцем И. И. Лаппо. В 1930-е гг. в стенах Ленинградского государственного университета благодаря поколенческой связи школы С. Ф. Платонова (С. Ф. Платонов – А. Е. Пресняков – Б. А. Романов) сохранился дореволюционный нарратив А. Е. Преснякова, который характеризуется обобщенностью по сюжетам парламентской жизни в ВКЛ и аккумулирует ряд трудов дореволюционных историков. Таким образом, благодаря единому научному пространству и взаимоотношениям учитель–ученик в университетской среде позволило на протяжении 1920–1930-х гг. обеспечить функционирование классического дореволюционного нарратива, посвященного сейму ВКЛ.

Список использованных источников

1. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: Московский ун-т, 1901. – 850 с.
2. Документы Московского архива Министерства юстиции / подготовил М. Довнар-Запольский. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. – Т. 1. – 569 с.
3. *Довнар-Запольский, М. В.* Польско-литовская уния на сеймах до 1569 года: исторический очерк / М. В. Довнар-Запольский. – М., 1897. – 28 с.
4. *Довнар-Запольский, М.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. Довнар-Запольский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб., 1901 – Ч. СССХХХVII. – С. 454–498.
5. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах / М. В. Доўнар-Запольскі; падр. А. І. Груша, Р. А. Аляхновіч. – Мінск: Беларус. навука, 2009 – 759 с.
6. *Бондарук, Т. І.* Західноруське право: дослідження і дослідники / Т. І. Бондарук. – Київ: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2000. – 160 с.
7. *Максимейко, Н. А.* Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1902.
8. *Максимейко, Н. А.* К вопросу о литовско-русских сеймах ответ проф. М. Любавскому / Н. А. Максимейко. – СПб.: Сенат. тип. 1904. – 22 с.
9. *Максимейко, Н.* К вопросу о литовско-русских сеймах / Н. Максимейко // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенат. тип., 1904. – Ч. ССCLII. – С. 360–378.
10. *Любавский, М.* Новые труды по истории литовско-русского сейма / М. Любавский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенат. тип. 1903. – Ч. СССХХХХV. – С. 379–393.
11. *Любавский, М.* Новые труды по истории литовско-русского сейма / М. Любавский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенат. тип., 1903. – Ч. СССХХХХVI. – С. 121–167.
12. *Довматович, К. Д.* Происхождение сейма Великого Княжества Литовского в научной дискуссии М. К. Любавского и Н. А. Максимейко / К. Д. Довматович // Пічэтаўскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: А. Г. Кахановіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2022. – С. 309–315.
13. Сборник материалов, относящихся к истории панов–рады Великого Княжества Литовского / И. А. Малиновский. – Томск: Паровая тип. П. И. Макушина, 1901. – 508 с.
14. *Малиновский, И.* Рада Великого Княжества Литовского в связи с боярской думой древней России: в 2 ч. / И. Малиновский. – Томск: Паровая типография П. И. Макушина, 1903–1911. – Ч. 2. – 1911. – 492 с.
15. *Леонтович, Ф.* Веча, сеймы и сеймики в Великом Княжестве Литовском / Ф. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – № 2, ч. XXV – С. 233–274.
16. *Леонтович, Ф.* Веча, сеймы и сеймики в Великом Княжестве Литовском / Ф. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – № 3, ч. XXVI – С. 37–61.
17. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский совет и его сеймик / И. И. Лаппо. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. – 834 с.
18. Русская историческая библиотека: в XXXIX т. / Археографическая комиссия; И. Лаппо. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXX. – 1914. – 896 с.

19. Пичета, В. И. Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты / В. И. Пичета // Сб. статей, посв. В. О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. – М., 1909. — С. 605–631.

20. Пичета, У. Гісторыя Беларусі: частка першая / У. Пичета. – М.; Ленінград: Дзяржаўнае выдавецтва, 1924. – 134 с.

21. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / Беларус. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь; пер. з рус. Т. М. Бутэвіч [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.

22. Дружчыц В. Палажэньне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай уніі / В. Дружчыц // Працы Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту. – Мінск: Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі, 1925. – № 6–7. – С. 216–251.

23. Пресняков, А. К. Лекции по русской истории: в 2 т. / А. Е. Пресняков; подготовил Б. А. Романов, предисловие Н. Л. Рубинштейн. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938–1939. – Т. 2: Вып. 1. – 1939. – 248 с.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

Л. А. Довнар

Белорусский национальный технический университет, Минск

L. A. Dovnar

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 930,2

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧАСОВОГО МЕХАНИЗМА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XVI–XX ВВ.

THE HISTORY OF THE APPEARANCE AND IMPROVEMENT OF THE CLOCKWORK MECHANISM IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE XVI–XX CENTURIES

В статье рассмотрена история совершенствования конструкции механических часов. Особое внимание уделено белорусским мастерам часового дела и их обучению в вузах страны.

Ключевые слова: бильянец; шпиндель; маятник; якорно-анкерный спуск; пружинный механизм.

The article deals with the history of improving the design of mechanical watches. Special attention is paid to Belarusian watchmakers and their training in the country's universities.

Key words: Bilyanets; spindle; pendulum; anchor escapement; spring mechanism.

Часы всегда занимали между механическими приборами высокое положение благодаря своему искусному устройству и своей важной цели. Они представляют собой одну из необходимых машин – распределитель гражданской жизни, регулятор деловых отношений. Часы являются также неуто-

мым помощником научного исследования, особенно в физике и астрономии. Измерение времени составляло предмет особой заботы людей на всех этапах развития человеческой цивилизации. Солнечные огненные, водяные и песочные часы были весьма непрактичными и зависимыми от изменений внешней среды. В XIV в. был создан надежный прибор измерения времени, работа которого подчинялась неизменным законам механики и не зависела от природных условий. Сведения о более ранних моделях, созданных якобы в Древнем Китае или монахом Гербертом в Майнбурге носят скорее легендарный характер и не имеют вещественных доказательств [1, с. 14]. В конце XIV в. появились часы в Солсберийском соборе (Великобритания), в крепости Сагишоаре (Румыния) в Страсбургском соборе (Германия), в Праге на Староместской площади (Чехия), в тосканской Лукке (Италия) [2, с. 3]. В качестве источника информации по истории механических часов на белорусских землях особое внимание заслуживает труд Р. Гудена, в котором он отмечает мастеров-часовщиков Северо-западного края. Интересно практическое пособие Г. Канна, где он подробно описывает методические приемы по изготовлению часов, которым обучил его отец – знаменитый минский мастер. Деятельность зекгармистров в Беларуси в XVI–XX вв. исследовал в своей работе А. Титов. Историю самых старых в Европе часов рассмотрел А. А. Малинкевич. В фонде 31 Национального архива Республики Беларусь имеются статистические данные о количестве часовых мастерских в годы НЭПа на территории БССР. В данной статье рассмотрен исторический опыт создания механических часов на белорусских землях.

Первые механические часы имели внушительные размеры и размещались в высокой башне на городской площади как символ того, что город имеет право на самоуправление и горожане сами регулируют свою жизнь, путем избрания городского парламента – магистрата. Самые старинные городские куранты в Европе сохранились в Гродно. Их работа началась не позднее 1391 г., когда этот город получил магдебургское право, причем средневековый механизм мало изменился и функционирует до сих пор, в отличии, скажем, от модернизированного лондонского Биг-Бена. Историю их создания подробно исследовал А. В. Малинкевич [3, с. 16]. Первоначально приводной механизм гродненских курантов был устроен так: на гладкий деревянный вала наматывался канат с грузом массой 160 кг. Под действием силы тяжести груз опускался вниз, что вызывало вращение вала. Это движение через систему зубчатых колес передавалось храповому колесу, которое было соединено со стрелками, указывающими время. Равномерность вращения вала обеспечивал билянцево-шпиндельный механизм. Билянец гродненских часов был похож на коромысло с грузами по 70 кг. Это «коромысло» соединялось со шпинделем – стержнем с двумя лопастями на концах. При каждом качании билянца лопасти шпинделя попадали с двух сторон в углубления между зубцами храпового колеса. В результате груз опускался равномерно и часы шли точно [1, с. 16]. Зубчатые колеса

и трибы к ним изготавливались из дерева, причем число оборотов триба было во столько раз больше числа оборотов колеса, во сколько раз число зубьев колеса больше числа зубьев триба. Отношение числа зубьев ведущего колеса к числу зубьев ведомого принято было называть передаточным числом. Следует отметить, что циферблат курантов изначально делился на 24 сегмента, деление на 12 появилось только с XVIII в. В башенных часах имелось также соединение с рычажным молотком, который ударял по колоколу, как только часовая стрелка совершала поворот. Башенные часы требовали тщательного ухода. В 1541 г. королева Бона Сфорца отдала распоряжение магистрату Гродно взять на службу четырех зекгармистров для обслуживания городских часов. Это было сложным делом. Гирию приходилось поднимать на большую высоту по несколько раз в день, причем канаты, сделанные из овечьих кишок, часто рвались. Часовой механизм чудом уцелел и после разрушения Гродно московскими войсками в 1655–1660 гг. В 1661 г. его перенесли в новую ратушу, построенную в соответствии с распоряжением королевского канцлера Яна Грабовского. Такое внимание к городу в целом и к городским часам в частности со стороны высокопоставленных особ объяснялось тем, что именно в Гродно проходил каждый третий сейм Королевства Польского и Великого княжества Литовского [4, с. 35].

Следует отметить, что куранты имелись во всех белорусских городах, получивших магдебургское право, то есть всего башенных часов было около 30. Часовщики, или зекгармистры, считались элитной ремесленной специальностью. Некоторые из них получали награды от королей. Например, 28 июня 1593 г. брестский зекгармистр Симон Янович за свою работу получил от короля польского и великого князя литовского Сигизмунда III Вазы усадебный участок в Берестье и угодье в Козловичах [4, с. 41].

В XVII в. механизм часов был значительно усовершенствован. В 1657 г. Х. Гюйгенс предложил заменить билянец на маятник, а вал на стальную пружину. В 1660 г. Р. Гук изобрел якорно-анкерный спуск, который стали использовать вместо шпинделя. На ось маятника насаживался якорь с палетами. Раскачиваясь вместе с маятником, палеты попеременно внедрялись в ходовое колесо, подчиняя его вращение периоду колебания маятника. Колесо успевало повернуться на один зуб при каждом колебании. Такой спусковой механизм позволял маятнику получать периодические толчки, которые не давали ему остановиться. Благодаря этим нововведениям стало возможным изготавливать часы значительно меньших размеров: настенные и напольные. В 1668 г. С. Костер предложил заменить маятник на балансый регулятор. Он состоял из тончайшей спирали, прикрепленной к круглому ободу с перекладной по диаметру. Этот регулятор совершал периодические колебания, заводя, либо отпуская спираль. Энергия движения передавалась на анкерную вилку, которая равномерно то отпускала, то запирала колесную систему. С помощью стрелки на балансвом мосту

можно было изменять длину спирали. Если ее удлинить, то часы спешили, а если укоротить – отставали. Это нововведение позволило создавать маленькие карманные часы.

Белорусские зекгармистры старались использовать последние технические достижения своего времени. Большинство местных часовых цехов производили шварцвальдские ходики с одной гирей. В механизм ходиков входило всего три зубчатых колеса: цепное, храповое и спусковое. Движение стрелок также обеспечивалось вексельным (минутным) и часовым колесами и трибами к ним. Иногда такие часы снабжались простейшим звуковым механизмом, состоявшим из проволочного рычага и двух штифтов, вставленных в минутную трибку. Более дорогой вариант – часы с кукушкой. Имитация кукования достигалась благодаря обыкновенным свисткам, к верхним концам которых были приспособлены маленькие меха из мягкой козловой кожи. При каждом движении проволочного механизма меха приводились в действие. Цепное колесо в этих часах двигалось в обратном направлении. При подъеме колеса меха вбирали в себя воздух, а при опускании – они сжимались под давлением тяжелых крышек и выпускали воздух, при этом свистки следовали один за другим, подражая звукам кукушки. Маятниковые часы с металлическим стержнем в тепле опаздывали, а на холоде спешили. В 1715 г. Д. Грэхам предложил компенсационный ртутный маятник, у которого груз или линза представляли собой сосуд с ртутью. Когда температура повышается, центральный и боковые стержни маятника удлиняются книзу, а ртуть из линзы подымается по стержням вверх. В результате центр качаний маятника всегда сохраняет свое положение. Тем не менее, пары ртути делали такие часы весьма неблагоприятными для здоровья владельца. В 1726 г. Дж. Гаррисон предложил делать стержень маятника из нескольких металлических прутьев, одни из которых под температурным воздействием расширялись вверх, а другие вниз, благодаря чему общая математическая длина оставалась одинаковой при любой температуре. Белорусские мастера для компенсации температурного влияния изготавливали стержень маятника из еловой или сосновой древесины, волокна которых обладают наименьшим температурным удлинением. Чтобы в древесину не проникала влага, ее предварительно пропитывали льняным маслом. В механизм гродненских курантов с 1773 г. были также включили маятник и якорно-анкерный спуск, а сами часы были перенесены из городской ратуши в костел святого Франциска Ксаверия.

Длительное время часы изготавливались исключительно кустарным способом, а секреты мастерства передавались лично от мастера ученику. Первая часовая мануфактура была создана в Беларуси, в городе Дубровно в 1784 г. Предприятие принадлежало Г. Потемкину. Обучением крестьянских детей для работы на часовом производстве занимался Петр Норштейн. Использовалось разделение труда. Одни мастера изготавливали пружинный двигатель, другие – спусковой механизм, третьи – балансировый регулятор,

четвертые – циферблат и стрелочный механизм. Здесь имелись токарные станки, приводимые в движение водяным колесом. На этих станках изготавливали зубчатые колеса и трибы к ним. Белорусские мастера придумали систему защиты оси баланса в случае падения часов. В конце оси баланса были расположены маленькие круглые камешки в металлической оправе. Они вкладывались в коническое гнездо накладки и удерживались эластичной пружиной. Это создавало амортизационную опору. При регулировке маятника часовщик должен был определить центр качаний маятника, который находится между центром тяжести всего маятника и центром груза. Для этого мастер устанавливал маятник горизонтально на лезвие ножа так, чтобы он сохранял полное равновесие. Точка опоры указывала направление к искомому центру тяжести. Чтобы часы шли дольше, белорусские мастера увеличили общее передаточное отношение, поэтому помещали между ведущим колесом барабана и ведомым минутным колесом еще 1–2 дополнительных колеса. В месяц на мануфактуре выпускали 10 карманных часов, 18 каминных маятниковых часов, оказывали услуги по ремонту и обслуживанию башенных часов [2, с. 16].

В XIX в. из 250 часовых дел мастеров Российской империи 50 являлись уроженцами Беларуси. Среди них такие всемирно известные имена, как Е. Якобсон, К. Гурин, Г. Сон, И. Лейзеровский. Каждый из них прославился своими авторскими достижениями. Е. Якобсон, работавший в 60-х гг. XVIII в. в г. Несвиж, известен в истории техники как изобретатель механического калькулятора. Его часы отличались своей точностью и требовали завода всего один раз в год. Другой зегармистр из Несвижа К. Гурин, находившийся с 1807 г. в штате личных слуг князей Радзивиллов, изготавливал невиданные до того будильники, показывавшие не только часы, минуты и секунды, но и число дней в каждом месяце. Могилевский зегармистр Г. Сон при создании своих часов располагал зубчатые колеса механизма не в двух плоскостях, как обычно делали, а в четырех или в пяти друг над другом, что дало возможность сократить в несколько раз диаметр карманных часов. Его шедевр – часы размером с пулю – экспонировались на Всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. и были удостоены почетного отзыва. Минский часовщик И. Лейзеровский известен своими «механическими спектаклями», которые сопровождали каждый поворот часовой стрелки: то поезд проезжает по маленькой железной дороге, то пароход проплывает по рву с водой, то солдаты ведут бой за взятие моста. Газета «Минский листок» в 1897 г. не скупилась на восторженные комментарии о творениях Лейзеровского и выражала сожаление о том, что городская дума Минска отказалась установить в Александровском сквере часы работы этого мастера. Во второй половине XIX в. часы перестают быть предметом роскоши и становятся элементом повседневного быта. При изготовлении деталей механизма уже не используют драгоценные металлы, дизайн также становится значительно скромнее.

Традиции часового мастерства на белорусских землях сохранились и в XX в. Известно, что в 20-е гг. в БССР имелось 130 мастерских по изготовлению часов, причем 41 из них находилась в Минске [5, с. 17]. Примечательно, что несмотря на то, что почти все часовщики работали одни, имея 2–3 учеников, фининспекторы относили их к промышленникам, а не к кустарям или ремесленникам. Причинами были механизация производства: у каждого мастера был универсальный токарный станок, а также высокая доходность предприятия. Поэтому никаких налоговых льгот владельцам часовых мастерских не полагалось, а сами они были ограничены в правах как «нетрудовые элементы». Те предприниматели, которые указывали в анкетах специализацию «ювелир», также являлись часовыми мастерами, что закономерно, в силу общих технических навыков, а также из-за того, что подшипники для уменьшения трения деталей часового механизма изготавливались из ювелирных камней: рубинов или сапфиров. Высшим пилотажем часового мастерства было умение сделать часы с турбийоном – дополнительным механизмом для повышения точности часов путем устранения негативно-го влияния гравитации. Это изобретение А. Брегге сделало швейцарские часы эталоном качества, но повторить его крайне сложно из-за большого количества мелких деталей и сложности сборки. Производство часов с турбийоном требовало много времени и сил, поэтому лучшие белорусские часовщики свои шедевры не продавали, а размещали при входе, чтобы клиент знал с мастером какого уровня он имеет дело. Одним из таких талантливых мастеров М. Канн, уроженец Минска. После того, как часовщикам, как и другим предпринимателям, запретили заниматься своей деятельностью, его сын, Г. Канн, занялся обучением часовщиков для госпредприятий. Он же написал пособие по часовому делу, которое длительное время служило основным учебником для желающих освоить искусство создания часов. В 1959 г. Политехнический институт начал обучение по специальности «Производство приборов времени», готовы кадры для Минского часового завода «Луч», чья продукция и сейчас известна своим качеством и красивым дизайном. В настоящее время освоить часовое мастерство возможно в БНТУ на приборостроительном факультете, пройдя обучение по специальности «Механические и электромеханические приборы и системы».

Таким образом, вследствие особенной важности верного хода часов над их усовершенствованием трудилось много знаменитых механиков. По этой причине часы можно рассматривать как образцовое произведение механического искусства. совершенствование часового механизма позволило уменьшить размер часов. Несмотря на большое разнообразие часов все они состоят из трех главных частей: двигателя, которым может быть груз или пружина, регулятора, который уравнивает движение, производимое движущейся силой, и спуска, препятствующего накопившейся работе израсходовать ее бесполезно в короткое время. Билянцево-шпиндельный механизм регулировал ход средневековых курантов. Использование маятника

и пружинного регулятора позволили уменьшить размер часов и сделать их предметом домашнего обихода. Белорусские часовщики не уступали по уровню мастерства коллегам из Западной Европы и также внесли свой вклад в эволюцию механических часов. Даже сейчас механические часы ручной работы не потеряли своей ценности и практической значимости и успешно конкурируют с электронными и кварцевыми хронометрами.

Список использованных источников

1. Гуден, Р. Часовое мастерство / Р. Гуден. – СПб.: А. Ф. Сухов. Тип. СПб. Градоначальства, 1913. – 194 с.
2. Канн, Г. Практическое руководство по часовому делу: практическое пособие / Г. Канн. – М.: ОНТИ НКТП СССР, 1938. – 91 с.
3. Малинкевич, А. В. История и техническое устройство гродненских башенных часов / А. В. Малинкевич // Памятники науки и техники. – АН СССР. – М., 1989. – С. 25–32.
4. Цітоў, А. К. Зэгармістры Беларусі. Гадзіннікавых спраў майстры / А. К. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 2017. – 158 с.
5. НАРБ. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 214.

(Дата подачи: 10.02.2023 г.)

А. К. Дубовик

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. K. Dubovik

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 9:378.662 (476)

СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 20–30-Е ГГ. XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ FORMATION OF HIGHER TECHNICAL EDUCATION IN SOVIET BELARUS IN THE 20–30^S OF THE 20TH CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

В статье дан историографический обзор проблемы становления высшего технического образования в Советской Беларуси в межвоенный период. В историографии проблемы выделены три этапа: 1) 1920–1950-е гг.; 2) 1960–1980-е гг.; 3) современный, с начала 1990-х гг. Отмечается, что одним из первых затронул вопрос об истории технического образования в Беларуси академик В. И. Пичета в своей работе «Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым», опубликованной в 1928 г. Проблема получила освещение в трудах по истории первенца высшей технической школы республики – Белорусского политехнического института (сейчас Белорусский национальный технический университет), а также по истории Белорусского лесотехнического института (сейчас Белорусский государственный технологический университет). Опубликовано и ряд общих работ о подготовке специалистов для народного хозяйства и формировании технической

интеллигенции Советской Беларуси. Показано, что наиболее активно исследуется данная тема на современном этапе.

Ключевые слова: Советская Беларусь; историография; В. И. Пичета; высшее техническое образование; инженеры; Белорусский политехнический институт; Белорусский лесотехнический институт.

The article gives a historiographic review of the problem of the formation of higher technical education in Soviet Belarus in the interwar period. Three stages are distinguished in the historiography of the problem: 1) 1920–1950s; 2) 1960–1980s; 3) modern, since the early 1990s. It is noted that one of the first to raise the issue of the history of technical education in Belarus was academician V. I. Picheta in his work «The issue of higher education in Belarus in the past» published in 1928. The problem has received coverage in the works on the history of the firstborn of higher technical education in republic – Belarusian Polytechnical Institute (current Belarusian National Technical University) as well as on the history of the Belarusian Forestry Institute (current Belarusian State Technological University). A number of general works on the training of specialists for the national economy and the formation of the technical intelligentsia of Soviet Belarus have also been published. It is shown that this topic is most actively studied at the present stage.

Key words: Soviet Belarus; historiography; V. I. Picheta; higher technical education; engineers; Belarusian Polytechnical Institute; Belarusian Forestry Institute.

Важная роль в формировании и развитии научно-технического потенциала общества принадлежит системе высшего технического образования. Рост численности и профессионализма инженерно-технической интеллигенции в значительной степени определяет качество и темпы научно-технического прогресса, является фактором стабильного развития общества. В этой связи актуальным представляется анализ историографии по проблеме становления высшего технического образования в Советской Беларуси в 1920–1930-е гг.

Следует отметить, что в дореволюционный период инженерных учебных заведений в белорусских губерниях Российской империи не было. Промышленность в них была развита слабо, и кадры инженерно-технических работников были немногочисленны, в основном иностранцы. Так, в 1784 г. граф Г. А. Потёмкин пригласил в свое кричевское имение в Могилевской губернии английского инженера С. Бентама, под руководством которого была построена верфь и созданы мануфактуры для обеспечения строившегося на юге Черноморского флота [1, с. 153]. Из-за отсутствия вузов уроженцы белорусских губерний вынуждены были получать техническое образование за их пределами, а невозможность применения полученных знаний на родине приводила к тому, что большинство из них трудоустраивались в промышленных районах России и за рубежом.

Одним из первых затронул проблему истории технического образования в БССР академик В. И. Пичета в работе «Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым», опубликованной в 1928 г. [2]. Ректор Белорусского государственного университета (БГУ) отметил, что после закрытия в 1863 г. Горы-Горецкого сельскохозяйственного института Беларусь утратила свое единственное высшее учебное заведение [2, с. 12]. В конце 1880-х гг. в пе-

чати был поднят вопрос о создании вуза в Беларуси, одни авторы высказывались за открытие университета, другие – политехникума. Газетная полемика не дала реальных результатов. Под влиянием хозяйственного подъема в Российской империи 1890-х гг. выдвигается идея об открытии института с техническим и практическим уклоном. В августе 1901 г. в Вильно съезд представителей сельскохозяйственных обществ высказался за открытие политехникума с отделениями сельскохозяйственным, лесным, химическим, механическим и строительным как наиболее соответствующими местным потребностям. Однако вопрос далее не подвинулся. Российское правительство боялось открытия на территории Беларуси вуза [2, с. 13–14].

В статье «Савецкая ўлада і пытанне аб адчыненні універсітэта на Беларусі», опубликованной в 1928 г. в журнале «Советское строительство», В. И. Пичета отметил тот факт, что после оставления Минска немцами в декабре 1920 г. среднее техническое училище реформировалось в государственный политехникум [3, с. 137]. Действительно, создание системы инженерного образования в БССР началось 10 декабря 1920 г., когда постановлением Военно-революционного комитета ССРБ Минское политехническое училище было преобразовано в Белорусский Государственный Политехникум, или Политехнический институт (БГПИ) с пятью факультетами: механическим, инженерно-строительным, культурно-техническим, химико-технологическим и электротехническим. Директором БГПИ являлся ученый-агроном Н. К. Ярошевич [4, с. 16–17, 240].

Однако, по мнению В. И. Пичеты, для развития Политехникума не было почвы. В Беларуси ощущалась потребность в агрономическом и мелиоративном факультетах, но факультеты технико-промышленного характера при отсутствии крупной промышленности были не нужны. Оборудовать Политехникум при тогдашних условиях было невозможно и он с момента своего открытия оказался без кабинетов и лабораторий, без которых подготовка не являлась возможной. Кафедры недостаточно были обеспечены педагогическими кадрами [3, с. 137–138]. Вместе с тем ученый признает: «Всё же и государственный политехникум сыграл свою значительную роль. Его задачи и цель были связаны с реальной жизнью, а молодежь, лишённая возможности поступить в другие учебные высшие заведения, заполнила его аудитории и относилась к своей работе с большим энтузиазмом. Кроме того, политехникум, идя навстречу жизни и ощущая битьё пульса революционной эпохи, открыл двери для всех трудящихся» [3, с. 138].

Рассматривая ход подготовки к созданию БГУ и обсуждение его структуры, В. И. Пичета отмечает, что постановление ЦИК от 17 апреля 1921 г. об открытии в Минске агрономического факультета подняло вопрос о взаимоотношениях будущего Белорусского университета и Политехникума. 18 апреля педагогический персонал БГПИ вместе с членом временного правления БГУ обсудили данный вопрос. Была принята резолюция, которая носила, по определению В. И. Пичеты, компромиссный характер и «не раз-

вязывала вопрос об отношениях государственного университета и политехникума. Последний допускал возможность объединения с университетом, но, в то же время, желал сохранить полностью все свои технические факультеты, для развития которых в Беларуси не было соответствующей почвы и средств. Совсем было ясно, что при таком широком размахе не могли развиваться ни Белорусский государственный университет, ни государственный политехникум» [3, с. 142].

Открытие БГУ состоялось 11 июля 1921 г. на торжественном заседании в театре, приуроченном к годовщине освобождения Минска и Беларуси от польских оккупантов. Занятия в БГУ начались 30 октября 1921 г. [2, с. 3; 3, с. 143]. А 29 июня 1922 г. коллегии наркоматов просвещения и земледелия БССР приняли постановление преобразовать БГПИ в Белорусский государственный институт сельского хозяйства (БГИСХ). Принятие решения аргументировалось тем, что республика нуждалась в кадрах в основном для сельского хозяйства, а также итогами проверки комиссией Главпрофобра РСФСР, пришедшей к заключению, что технические факультеты БГПИ по материальной базе и организации учебного процесса не совсем соответствовали факультетам вуза. К моменту реорганизации в БГПИ насчитывалось 732 студента. Большинство их продолжили учебу в БГИСХ, торжественное открытие которого состоялось 7 ноября 1921 г., а около 200 студентов технических специальностей получили места на факультетах втузов Москвы и Петрограда [5, с. 58–59].

Первый краткий исторический очерк Белорусского государственного политехнического института увидел свет на страницах журнала «Народное хозяйство Белоруссии» уже в 1922 г. В статье показано становление вуза, приводятся данные о национальном и социальном составе студентов [6]. По национальности студенты БГПИ распределялись в 1922 г. следующим образом: белорусов – 335, евреев – 370, русских – 9, поляков – 8, татар – 7, немцев – 3; по социальному положению: рабочих – 228, крестьян – 247, детей служащих – 194, лиц интеллигентных профессий – 15 и прочих – 48. В числе 732 студентов была 61 женщина [6, с. 87].

В результате реорганизации со второй половины 1922 г. в БССР не было высших технических учебных заведений. Вместе с тем, в ходе происходившей в конце 1920-х гг. политики индустриализации росла потребность в кадрах с инженерным образованием. Поэтому Совет народных комиссаров (СНК) БССР 14 декабря 1929 г. принял решение организовать высшее техническое учебное заведение – Политехнический институт в Минске, а постановлением от 12 января 1930 г. установил его следующую структуру: химико-технологический факультет (переводился из БГУ), механический, строительный, промышленно-экономический факультеты [7, л. 11, 33].

Однако 17 июля 1930 г., в связи с взятым в стране курсом на создание небольших вузов с узкой специализацией и трех-четырёхлетним сроком

обучения, СНК БССР постановил открыть не один политехнический институт, а химико-технологический, строительный и электротехнический институты в Минске и механический в Гомеле. Также в 1930 г. решением правительства БССР был открыт Лесной институт в Гомеле, переименованный в 1932 г. в Белорусский лесотехнический институт (с 1935 г. имени С. М. Кирова). В 1932 г. сеть вузов пополнил торфяной институт, и количество обучающихся во вузах Беларуси достигло 2511 человек, или четверти всего студенчества республики [5, с. 65].

Но плохая материально-техническая база вновь созданных учебных заведений, острый дефицит преподавательских кадров негативно сказывались на качестве подготовки специалистов [8, с. 80–82]. По этой причине в июле 1933 г. постановлением СНК БССР в Минске из нескольких «карликовых» вузов был создан политехнический институт (БПИ), на его четырех факультетах (химико-технологическом, строительном, энергетическом, торфомелиоративном) обучалось 1200 студентов. В 1934 г. состоялся первый выпуск специалистов в количестве 120 человек [4, с. 19]. В 1935 г. в БПИ был открыт механический факультет, который готовил инженеров для металлообрабатывающей промышленности республики. Сюда были переведены студенты из закрытого в Гомеле механико-машиностроительного института [5, с. 69–70].

В результате укрупнения технических учебных заведений среднее число студентов, обучавшихся в одном вузе, увеличилось за годы второй пятилетки с 279 до 1133 человек. За пять лет вузы БССР подготовили 1006 инженеров. В первые годы третьей пятилетки количество студентов в них возросло до 2500 человек. Только за 1938–1939 гг. вузы осуществили выпуск 860 инженеров для промышленности и строительства республики [5, с. 71–72]. Перед Великой Отечественной войной инженерно-техническая интеллигенция Беларуси насчитывала в своем составе, кроме практиков-выдвиженцев, 5,1 тыс. дипломированных инженеров [9, с. 70].

В 1939 г. отмечалось 10-летие создания БПИ. В газетах, в частности «Чырвонай змене», появился ряд статей, посвященных этому юбилею [10]. Очевидно, что историю вуза тогда исчисляли от решения СНК БССР в 1929 г. создать Политехнический институт в Минске.

Большой интерес вызывает брошюра, опубликованная в 1940 г. к 10-летию Белорусского лесотехнического института (БЛТИ). В ней в статье директора БЛТИ А. К. Лобасенка и других материалах содержатся ценные сведения о структуре, учебной, научной и общественно-политической жизни данного вуза, готовившего инженерные кадры для лесного хозяйства, лесной и деревообрабатывающей промышленности. В 1930-е гг. было подготовлено 655 инженеров разных специальностей, из которых более 360 оставлено на работе в БССР, а остальные трудились на предприятиях в других союзных республиках СССР. В 1940 г. в БЛТИ обучалось 442 студента, работало 53 научно-педагогических работника, в том числе 6 профессоров,

36 доцентов и старших преподавателей, 11 преподавателей и ассистентов [11, с. 9].

В первое послевоенное десятилетие история БПИ отсчитывалась с 1933 г. 15 мая 1954 г. в Белорусском государственном театре оперы и балета состоялось торжественное заседание, посвященное 20-летию БПИ им. И. В. Сталина. В 1954 г. увидел свет Юбилейный сборник, в 12 статьях которого подводились итоги развития института и его факультетов за 20 лет, с 1933 по 1953 г. В статье ректора М. В. Дорошевича показана роль БПИ в развитии технического образования в БССР [12].

В 1955 г. заведующим кафедрой иностранных языков БПИ В. М. Хриповым была защищена в Москве диссертация «Развитие высшего технического образования в Белорусской ССР» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук [13]. Автор отмечал, что начало высшего технического образования в БССР было заложено в конце 1920 г. решением о реорганизации Минского политехнического училища в политехнический институт [13, с. 6].

Новый этап в историографии проблемы начался в 1960-е гг. и продолжался до конца 1980-х гг. В этот период был опубликован ряд обобщающих работ о подготовке специалистов для народного хозяйства и формировании производственно-технической интеллигенции БССР, монографии Н. В. Василевской [5], Н. И. Красовского [14]. Вышло несколько книг и брошюр, посвященных истории БПИ [15–17]. В брошюре, изданной в 1968 г., отмечалось, что БПИ был создан в 1933 г. на базе 6 отраслевых вузов [15, с. 8]. Начиная с 1972 г., во всех изданиях о БПИ приводится факт преобразования 10 декабря 1920 г. Минского политехнического училища (техникума) в Белорусский государственный политехникум (институт) [16, с. 7]. Следует выделить коллективную монографию, вышедшую в 1974 г. В ней сделан акцент на том, что история БПИ начинается не с 1933 г., а с декабря 1920 г., рассказано, как общественность республики торжественно отметила 27 октября 1972 г. 50-летие высшего технического образования в БССР и Белорусского политехнического института [17, с. 129–130].

Наиболее широко и глубоко исследуется проблема истории высшего технического образования в БССР на современном этапе, начавшемся в условиях независимости Республики Беларусь. Опубликованы солидные коллективные монографии по истории БПИ–БНТУ, а также его отдельных факультетов [4; 18; 19]. Активно занимаются исследованием истории БНТУ ученые К. И. Баландин, А. Н. Кукса, А. К. Дубовик и др. [20–23]. В работах кандидата исторических наук, доцента БНТУ А. Н. Куксы нашли отражение вопросы создания БГПИ в 1920 г., возрождения политехнического института в 1929–1933 гг., проекты создания технических вузов и попытки их реализации в Гомельской губернии, реформирования высшего технического образования в СССР в 1930-е гг., военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси и др. [24–31]. В изданных

трудах по истории БНТУ отмечается, что в начале 1941 г. в БПИ было 32 кафедры, где работали 180 преподавателей, из них 19 профессоров и 71 доцент, действовало 18 лабораторий, 12 кабинетов и мастерских, типография. За 1933–1941 гг. вуз подготовил 2025 инженеров, в том числе 500 гидротехников, 409 химиков, 275 механиков, 122 энергетика, 132 инженера торфяной промышленности и т. д. Многие из выпускников БПИ работали руководителями предприятий, трестов и наркоматов. Так, выпускник института 1935 г. И. Л. Черный в апреле 1938 г. стал председателем Госплана, заместителем председателя Совнаркома БССР, выпускник 1935 г. В. С. Забелло в 1938–1941 гг. был наркомом коммунального хозяйства БССР, а после войны заместителем председателя правительства республики [4, с. 24, 219, 220].

Вышли и юбилейные издания по истории Белорусского государственного технологического университета (БГТУ), основанного в 1930 г. как Лесной институт в Гомеле, в 1932 г. преобразованного в Белорусский лесотехнический институт, в мае 1935 г. ему было присвоено имя С. М. Кирова [32, с. 55–57]. В довоенные годы состоялось 9 выпусков, было подготовлено 675 инженеров разных специальностей. Выпускник 1936 г. инженер-механик И. С. Былинский в июне 1940 г. был назначен председателем СНК БССР [33, с. 8]. История Белорусского лесотехнического института в довоенный период также освещена в статье доктора исторических наук, профессора В. Е. Козлякова [34].

Таким образом, проблема становления высшего технического образования в Советской Беларуси в 1920–1930-е гг. нашла достаточно широкое отражение в научной и научно-популярной литературе, особенно изданной в последние годы. Вместе с тем не все аспекты темы получили должное освещение. Пока слабо отражена в научных публикациях история небольших вузов, существовавших в начале 1930-х гг. и вошедших в качестве факультетов в состав БПИ, возобновившего работу в 1933 г. Имеются пробелы и в раскрытии довоенной истории нынешних БНТУ и БГТУ, в том числе по причине того, что в годы войны не сохранилось много ценных документов высших учебных заведений республики. На наш взгляд, назрела необходимость создания крупного научного труда, посвященного истории развития инженерного образования в Беларуси, где достойное место должно занять освещение этапа его становления в 1920–1930-е гг.

Список использованных источников

1. Дубовик, А. К. Из истории развития предпринимательства в Восточной Беларуси в 70–80-е гг. XVIII в. (на примере деятельности Г. А. Потемкина) / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия V. Вып. XV. – Минск, 2007. – С. 153–156.
2. Пічэта, У. І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. І. Пічэта // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1928. – № 19. – С. 3–19.
3. Пічэта, У. І. Савецкая ўлада і пытаньне аб адчыненні ўніверсітэту на Беларусі / У. І. Пічэта // Советское строительство. – 1928. – № 6. – С. 137–144.

4. БНТУ. 100 лет истории / К. И. Баландин [и др.]. – Минск: БНТУ, 2020. – 244 с.
5. *Василевская, Н. В.* Формирование производственно-технической интеллигенции БССР. 1921–1941 гг. / Н. В. Василевская. – Минск: Наука и техника, 1986. – 155 с.
6. Исторический очерк Белорусского Государственного Политехнического Института // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 3. – С. 83–87.
7. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 689.
8. *Дубовик, А. К.* От химико-технологического факультета БГУ к самостоятельному институту и факультету Белорусского политехнического института (1929–1933 гг.) / А. К. Дубовик // Пічэтаўскія чытанні 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф. / рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) і інш.; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. – Минск: БДУ, 2021. – С. 78–84.
9. *Дубовик, А. К.* Высшее техническое образование в Беларуси: история и современность / А. К. Дубовик // Высшее образование в Беларуси: истоки и современность: сб. науч. статей по итогам Респ. науч.-теорет. конф. – Минск: БНТУ, 2015. – С. 69–76.
10. 10 год Мінскага палітэхнічнага інстытута // Чырв. змена. – 1939. – 8 кастр. – С. 3.
11. 10-летие Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова и 20-летие высшего лесного образования в БССР. – Гомель, 1940. – 76 с.
12. Юбилейный сборник. 1933–1953 / Белорусский политехнический институт имени И. В. Сталина. Вып. 45. – Минск: Изд.-во АН БССР, 1954. – 179 с.
13. *Хрипков, В. М.* Развитие высшего технического образования в Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. М. Хрипков; Первый Московский государственный педагогический институт иностранных языков. – М., 1955. – 17 с.
14. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – 2-е изд., переработ. и расшир. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – 313 с.
15. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт. – Минск: Польша, 1968. – 86 с.
16. Беларускі політэхнічны інстытут = Белорусский политехнический институт: БПИ – 50 / Пад агул. рэд. А. Лавыша. – Минск, 1972. – 96 с.
17. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт / [А. П. Подосенова и др.]; редколлегия: П. И. Ящерицын (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 142 с.
18. История Белорусского национального технического университета. 1920–2010 / К. И. Баландин [и др.]; под ред. Б. М. Хрусталева. – 2-е изд., доп. и испр. – Минск: БНТУ, 2010. – 258 с.
19. *Овчинников, Э. В.* Строительный факультет БПИ – БГПА: ист. очерк, 1920–2000 / Э. В. Овчинников, П. И. Лавренко. – Минск: Технопринт, 2000. – 187 с.
20. *Баландин, К. И.* Первые шаги к высшему техническому образованию в Белоруссии / К. И. Баландин, А. Н. Кукса // Вестник БНТУ. – 2010. – № 1. – С. 5–11.
21. *Баландин, К. И.* БПИ: на пути реорганизации и становления (1920–1930-е гг.) / К. И. Баландин, А. Н. Кукса // Вестник БНТУ. – 2010. – № 3. – С. 5–10.
22. *Дубовік, А. К.* Абмеркаванне пытання аб стварэнні вышэйшай тэхнічнай навучальнай установы ў БССР у канцы 1920-х гг. / А. К. Дубовік // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: Матэрыялы Рэсп. навук. канф. (14 кастр. 2021 г.); рэдкал.: А. Яшчанка [і інш.]. – Гомель: ГДУ, 2021. – С. 91–95.
23. *Дубовик, А. К.* Из истории химико-технологического образования в Белорусском политехническом институте (1920–1975 гг.) / А. К. Дубовик // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2022. – № 2 (263). – С. 56–60.
24. *Кукса, А. Н.* К. Ярошевич – первый ректор Белорусского государственного политехнического института / А. Н. Кукса. – Минск: БГАТУ, 2011. – 88 с.

25. *Кукса, А. Н.* Предпосылки создания политехникума в условиях общественно-политического кризиса 1914–1920 гг. / А. Н. Кукса // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2021. – № 21-1. – С. 235–243.
26. *Кукса, А. Н.* БГПИ: первый технический вуз Беларуси / А. Н. Кукса // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітар. навукі. – 2022. – № 1. – С. 69–73.
27. *Кукса, А. Н.* Возрождение ВТУЗа Беларуси и реформа высшей школы 1930 г. / А. Н. Кукса // Вышэйшая школа. – 2022. – № 2. – С. 47–51.
28. *Кукса, А. Н.* Гомельский машиностроительный институт (1929–1932 гг.) / А. Н. Кукса // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2022. – № 22-1. – С. 276–283.
29. *Кукса, А. Н.* Политехнические институты: основные тенденции, проекты и попытки реализации в Гомельской губернии (1920–1930 гг.) / А. Н. Кукса // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2022. – № 4. – С. 30–35.
30. *Кукса, А. Н.* Реформа высшего образования и технические вузы Беларуси в 1930–1936 гг. / А. Н. Кукса // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 4. – С. 5–14.
31. *Кукса, А. Н.* Военно-патриотическая подготовка в системе высшей технической школы Беларуси (1920–1930-е гг.) / А. Н. Кукса // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2022. – № 1 (257). – С. 50–54.
32. Белорусский государственный технологический университет (1930–2020) / авт.-сост. И. В. Войтов [и др.]. – Минск: БГТУ, 2020. – 372 с.
33. Белорусский государственный технологический университет. 1930–1995. – Минск: БГТУ, 1996. – 324 с.
34. *Козляков, В. Е.* Из истории формирования в Беларуси системы подготовки специалистов лесного хозяйства и становления Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2018. – № 2. – С. 5–9.

(Дата подачи: 02.02.2023 г.)

А. Н. Дулов

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

Е. В. Мацулевич

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск; Республиканский институт высшей школы, Минск

A. N. Dulov

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

E. V. Matsulevich

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk;
National Institute For Higher Education, Minsk

УДК 930:316.4:001:32

ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ¹

THE CONCEPT OF «HISTORICAL MEMORY» IN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSES

В статье проведен анализ смыслового наполнения термина «историческая память». Проанализированы основные концепты исторической памяти в отечественном и зарубежном научном дискурсах, а также ее понимание в рамках исторической политики государства. Даны ответы на вопросы 1) откуда берет истоки понятие «историческая память»? 2) как понимается «историческая память» современными исследователями? 3) что подразумевается под «исторической памятью» в рамках государственной политики? В результате выявлены основные характеристики, приписываемые исторической памяти, на основе чего сделана попытка дать обобщенное/универсальное определение термина.

Ключевые слова: историческая память; историческая политика; дискурс; историография.

The article analyzes the semantic content of the term «historical memory». The political discourse is analyzed, the measures implemented within the framework of historical policy aimed at the formation and strengthening of historical memory are considered. The main concepts of historical memory in the scientific discourse of domestic and foreign researchers are also considered. Questions answered: 1) what does «historical memory» mean in the state policy; 2) what does «historical memory» mean in researches, 3) where does the concept come from. As a result, the main characteristics attributed to historical memory are determined, and author's definition of the term is formulated.

Key words: historical memory; historical policy; discourse, historiography.

В последние годы на постсоветском пространстве возрастает интерес исследователей к изучению феномена исторической памяти, что обусловлено социальным и политическим заказом. В Беларуси реализуется госу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках НИР (Договор № Г22УЗБ-065 от 4 мая 2022 г., науч. рук. – А. Н. Дулов, к. и. н., доцент).

дарственная историческая политика, направленная на укрепление и формирование исторической памяти, появляются публикации исследователей, связанные с различными аспектами памяти (например, Великая Отечественная война в исторической памяти белорусов).

Работы по исторической памяти разнообразны по тематике и представляют собой отдельное междисциплинарное направление научных исследований. Однако в силу того, что это направление лишь зарождается и проходит стадию методологического оформления, существует проблема понимания термина «историческая память». Наряду с ним употребляются понятия «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «память», «воспоминания», осуществляются попытки обосновать их тождественность или различие с «исторической памятью». В настоящее время наблюдается ситуация, когда содержание понятия формируется быстрее, чем оформляется теоретико-методологический аппарат разработки аспектов, связанных с этим понятием.

Как нам представляется, на основе анализа смыслового содержания понятия возможно выработать то определение, которое обозначит смыслы, закладываемые большинством в термин «историческая память». Для этого необходимо проанализировать истоки понятия, его современные трактовки исследователями, выяснить, что подразумевается под «исторической памятью» в рамках государственной исторической политики.

Цель статьи – определить основные трактовки понятия «историческая память» в научном и политическом дискурсах, а также в рамках государственной исторической политики, на основе чего сформулировать обобщенное авторское определение.

Истоки понятия. Трудями, которые заложили основу современной концепции исторической памяти считаются работы западных социологов, философов, психологов. На это обратила внимание российский ученый профессор Л. П. Репина, сопоставив трактовки феномена памяти, получившие широкое освещение в научной литературе, с новыми концептуальными разработками российских ученых в области философии, психологии, филологии, культурологии [1].

При поиске исходных трактовок термина «историческая память» необходимо учитывать, что исследования памяти проводились в различных отраслях наук, в рамках которых термин «историческая память» не использовался, речь шла о памяти в широком и разнообразном понимании. Лишь через сравнение тех смыслов, которые закладываются в дискурс об исторической памяти сегодня и тех смыслов, которые использовали исследователи при изучении «памяти», можно говорить об истоках понятия «историческая память» и его понимании, отождествлять современный термин «историческая память» с иными, которые использовали исследователи, но в своем содержании близкими к современному смыслу этого словосочетания.

Основателем теории исторической памяти принято считать представителя социологической школы Дюркгейма М. Хальбвакса (Maurice Halbwachs). Его основные идеи по этой теме были заложены в труде «Коллективная память» (*M. Halbwachs. La Mémoire collective. 1950.*). Особое значение социолог и его последователи придают коллективному характеру памяти, тем самым понимая под коллективной памятью общий, групповой, взгляд на свое прошлое. Основная функция такой памяти – самоидентификация социальной группы. При этом отличием такой памяти является ее опора не на исторические факты, записанные в учебнике и т. п., «не на выученную, а на прожитую историю» [2]. Механизм ее формирования и суть обозначены так: «воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину» [2].

Продолжателем исследований М. Хальбвакса стал французский историк П. Нора (Pierre Nora) – автор концепции «мест памяти» (*Les Lieux de memoire: en 7 vol. P. Nora [et al.]. Paris: Gallimard, 1984–1993.*). Исследователи отмечают, что на автора оказало влияние такое философское течение, как постмодернизм, для которого характерна идея о том, что реальной истории не существует, а есть только конструируемые образы прошлого.

После Второй мировой войны память начала изучаться в контексте вопроса о немецкой ответственности за войну. Представитель Франкфуртской школы Т. Адорно (Theodor Adorno) изучал свойство «вытеснения» из коллективной памяти исторических фактов [3]. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что автор считал память коллективной и субъективной, продуктом проекции современных условий на восприятие и понимание прошлого.

Большое влияние на возрастающий интерес к исследованиям памяти оказало третье поколение школы «Анналов», представители которого обратились к изучению ментальности как системы коллективных представлений, существовавших в прошлом. Классическими для формирования такой концепции исследований стали труды Ж. Ле Гоффа (Jacques Le Goff) (*J. Le Goff. L'imaginaire medieval. Paris: Gallimard, 1985.; J. Le Goff. Pour un autre Moyen Âge. Paris: Gallimard, 1977.*).

Выделить понятие «культурная память» или «помнящая культура» предложил немецкий историк-египтолог Я. Ассман (Jan Assmann). Такая память, в понимании автора, «направлена на фиксированные моменты в прошлом. В нем прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. Истории патриархов, исход, странствие по пустыне, поселение на Земле обетованной, рассеяние – все это фигуры воспоминания, которые воскрешаются в кинопоследовании праздников и освещают ту или

иную современную ситуацию» [4, с. 54–55]. Т. е. она является продуктом осмысления прошлого и отражается в современной культуре.

Еще один термин, который был предложен английским историком Ф. Йетсом (Frances Yates) для обозначения того, что сегодня близко к смысловому наполнению термина «историческая память», – «искусство памяти», которое использовало технику запечатления в памяти неких «образов» и «мест» (F. Yates. *The art of memory*. London: The University of Chicago Press, Routledge and Kegan Paul Ltd, 1966).

Французский историк Б. Гене понимал под памятью то, что объединяет и определяет социальную группу, политическое общество, цивилизацию, построено на «их истории, но не той истории, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки» [5, с. 19].

Таким образом, сравнив те смыслы, которые придаются термину «историческая память» современными исследователями (подробнее об этом см. ниже), с теми, которые приписывались «памяти» классическими трудами по коллективной, социальной и культурной памяти, можно сделать вывод о том, что истоки термина «историческая память» заложены в исследованиях различных аспектов памяти. Это порождает проблему разграничения понятий памяти исторической, коллективной, социальной, культурной.

Проблема разнообразия современных трактовок «исторической памяти» в академических кругах. В работах последних лет наблюдается обращение исследователей к пониманию сути термина «историческая память» с опорой на теоретические положения исследований социальной, коллективной и культурной памяти. Исследователи стран Запада обратили внимание на эволюцию учений о коллективной памяти в такие направления, как историческая социология и мнемотехника [6]. Те свойства, которые приписывались человеческой и коллективной памяти, стали основой для изучения исторической памяти, дополняясь определенными характеристиками, которые представители различных научных школ, направлений и отраслей знаний положили в основу своих исследований по общей тематике исторической памяти или ее отдельным аспектам.

Проанализировав российскую историографию, С. П. Шендрикова и М. А. Царина выделили такие характеристики, которые приписывают исторической памяти исследователи в России:

- отражает события прошлого, образна;
- представляет собой ментальный смысл, память о событии в коллективном сознании;
- помогает сформировать свою идентичность и консолидировать общество;
- субъективна, не тождественна понятию «история», но не абсолютно различна ему;
- несет аксиологическую (ценностную) функцию;

- призвана охранять культурное наследие и целостность государства, сохранять национальную идентичность;
- выражается в традициях;
- является фактором социализации;
- политически ангажированное (идеологическое) отражение социальной действительности;
- инструмент государственной политики;
- продукт коллективной памяти и политики государства [7].

Первым основательным трудом по теории исторической памяти в белорусской науке стала диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук О. М. Ростовской [8]. Исследователем сделано замечание, что в белорусской науке «отсутствует концептуальный философский подход к изучению феномена исторической памяти» [8, с. 3]. Историческая память, по мнению автора, – «социокультурно обусловленный феномен, который проявляется в отдельных формах, дифференцируемых в зависимости от специфики мнемического субъекта (индивидуальная и коллективная память) и способа передачи информации о прошлом (коммуникативная и культурная память)» [8, с. 6].

Белорусские ученые наполняют «историческую память» такими смыслами:

- это тот инструмент, который влияет на культурную среду общества;
- она эмоционально окрашена, является регулятором национального сознания и социализации человека [9, с. 3–4];
- принципиально отличается от исторической науки своей субъективностью [9, с. 5];
- является элементом государственной политики, направленным на защиту национальных интересов, необходимой социально-политической и идеологической установкой, культурным феноменом [9, с. 8];
- является разновидностью коллективной, культурной памяти [9, с. 30–31];
- является памятью о событиях прошлого, выработанной поколениями [9, с. 43];
- парадоксальна по сути [9, с. 45].

О. А. Матусевич попытался, что «в Беларуси представлены исторические/историографические и социологические исследования» по исторической памяти [10, с. 74]. Белорусский социолог Н. М. Бровчук рассматривает историческую память «как особый, постоянно развивающийся социально-культурный феномен, содержащий в себе совокупность знаний, мнений, оценок, убеждений и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, формирующийся посредством специфических социально-культурных действий и практик» [11]. Данное определение подчеркивает динамичный характер исторической памяти, которая находится в постоянном развитии.

Встречаются сторонники использовать термины «историческая память», «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «память», «воспоминания» как синонимы [9].

Таким образом, в академических кругах историческую память понимают как социальный, культурный, политико-идеологический феномен, наделенный такими чертами, как коллективность в понимании исторического прошлого, избирательность и субъективность усвоения фактов прошлого, динамизм, способный регулировать поведение человека в настоящем.

Понимание термина «историческая память» на государственном уровне. В Беларуси 2022 год был Годом исторической памяти. Впервые этот термин стал широкоупотребительным в обществе. Отличительной чертой стала его тесная связь с исторической политикой в Беларуси. Смысловое наполнение в данном случае определяли те мероприятия, которые проходили в рамках Года исторической памяти и общественно-политический дискурс руководства страны, официальных представителей различных ведомств и организаций.

Можно утверждать, что историческая память в политическом дискурсе Беларуси конструируется из двух ключевых элементов: 1) историческое знание (знание основных событий истории), 2) усвоение уроков истории и понимание важности тех или иных событий, а также поступков людей-героев для современного развития белорусского государства. Об этом свидетельствует характер мероприятий в рамках Года исторической памяти: празднование дней, приуроченных к значимым историческим событиям, «проведение мероприятий, посвященных памятным и юбилейным датам», «организация и проведение мероприятий, направленных на сохранение памяти об известных земляках», «наполнение общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках», «проведение мероприятий по популяризации становления и развития белорусской государственности», проведение полевых поисковых работ, проведение исторических реконструкций, тематических выставок и концертов, спортивных и массовых мероприятий [12]. Государственные праздники и памятные даты фактически являются важнейшим инструментом сохранения и обеспечения преемственности исторической памяти в Беларуси [13].

Таким образом, на официальном уровне историческая память в Республике Беларусь понимается как память об исторических событиях, имеющих определяющее значение для современного развития государства. Общим посылом всех мероприятий, ответом на вопрос, зачем нужен Год исторической памяти и сама историческая память, является тезис о том, что историческое прошлое влияет на культуру современного общества, самоопределение человека, групповую идентификацию общности людей как принадлежащих к одной нации (национальное самосознание). Такой посыл был продиктован общественно-политической обстановкой в стране в 2020 г., когда были зафиксированы факты разжигания розни среди бело-

русов и организации протестных акций иностранными агентами и спецслужбами. Историческая память как реакция на события, подрывающие единство нации, является инструментом ее сплочения на основе укрепления единства самосознания, построенного на усвоении общего исторического опыта, а также инструментом противостояния внешним вызовам, угрожающим подорвать основы суверенитета страны, с помощью поддержания в памяти народа истории становления белорусского суверенитета.

Схожие послы диктуют понимание исторической памяти на государственном уровне в России. Однако характерной чертой появления дискурса об исторической памяти здесь выступает политика борьбы с информационными «фейками» и искажениями. Обращение к исторической памяти в России развернулось на фоне углубления кризиса между Кремлем и Западом. Одним из элементов политики ряда западных стран стало стремление пересмотреть такие вопросы истории, как ошибки и достижения советской системы, а также роль Советского Союза в борьбе с нацизмом. В связи с этим в Российской Федерации внимание стало уделяться мероприятиям, направленным на увековечение памяти о героях Великой Отечественной войны и их вкладе в Великую Победу, а также на те события российской истории, которые свидетельствуют о высоком международном значении страны в исторической ретроспективе, из которой выводится дискурс величия державы в настоящее время в контексте столкновения с антироссийскими настроениями на Западе. Примерами таких мероприятий являются традиционные празднования Дня Победы 9 мая, а также ряд научных и научно-популярных мероприятий, проходивших в 2022 г., приуроченных к 350-летию со дня рождения российского императора Петра I.

На примере России и Беларуси видно, что историческая память сегодня является формой выражения идеологии государства, инструментом государственной политики. Транслируясь через праздники, т. е. ритуалы по своей сути, историческая память понимается как культурная память. Она является продуктом осмысления прошлого и отражается в современной культуре. В связи с этим еще одним элементом государственной политики в рамках формирования исторической памяти народа является монументальное закрепление символов исторических событий, а также развитие музейного дела и туризма. В то же время политизация и идеологизация рассматриваемого феномена отличает «историческую память» от «культурной», расширяет это понятие.

В рамках государственной политики «историческая память» выступает как элемент идеологии, инструмент государственной политики, направленный на фиксирование в памяти нации ключевых моментов исторического прошлого, определяющих современное благополучие, сохранение и развитие государственности, выраженный в культурной сфере (мероприятия, символы).

Таким образом, в настоящее время происходит проблематизация термина «историческая память», который в своем определении включает понятие «память» в широком разнообразии трактовок. Смысловое наполнение термина определяют те мероприятия, которые проходят в рамках государственной исторической политики, общественно-политический дискурс руководства стран, официальных представителей различных ведомств и организаций, а также академический дискурс. Ее наделяют такими свойствами, как связь с историческим прошлым и современной культурой, субъективность, политизация и идеологизированность, социальная направленность, коллективный характер.

Историческая память выступает инструментом, призванным консолидировать общество, а также выполняет аксиологическую (ценностную) и регулятивную функции. Она выражается в образно-символьной форме и транслируется в современной культуре посредством традиций. Тем самым историческая память является социальным, культурным, политико-идеологическим феноменом. Совокупность этих черт отделяет понятие «историческая память» от близких – «культурная память», «социальная память», «коллективная память», при определении которых доминирует одна черта (выраженность в культуре, или значение для общества, или общность для группы людей). В то же время историческая память является составляющей более широкого понятия «память», из которого «историческая память» берет свое смысловое наполнение.

Обобщение смыслов, которые наполняют понятие «историческая память», позволяет сформулировать следующее его определение:

Историческая память – это субъективные представления о прошлом, свойственные группе людей и выступающие средством само- и групповой идентификации, сформированные с целью понимания современных процессов на основе личностного осмысления (искажения) исторических фактов, закрепленные в духовной и материальной культуре (представлениях, традициях, обычаях, праздниках, фольклоре, «местах памяти»).

Список использованных источников

1. *Ретина, Л. П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л. П. Ретина // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 153(3). – С. 191–201.

2. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс; пер. с фр. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20170521035437/http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html>. – Дата доступа: 03.06.2022.

3. *Адорно, Т.* Что значит «проработка прошлого» / Т. Адорно; пер. с нем. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20170515161334/http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4-pr.html>. – Дата доступа: 03.06.2022.

4. *Ассман, Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

5. *Гене, Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Б. Гене; пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской; отв. ред. И. И. Соколова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

6. *Olick, J.* Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices / J. Olick, J. Robbins // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 105–140.

7. *Шедрикова, С. П.* Понятие исторической памяти в отечественной историографии / С. П. Шедрикова, М. А. Царина // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2020. – № 4 (56). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-istoricheskoy-pamyati-v-otechestvennoy-istoriografii>. – Дата доступа: 08.02.2023.

8. *Ростовская, О. М.* Историческая память как объект социально-философского исследования: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / О. М. Ростовская. – Минск, 2019. – 23 с.

9. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / редкол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. – 360 с.

10. *Матусевич, О. А.* Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы / О. А. Матусевич // *Труды БГТУ. Серия 6*. – 2017. – № 2. – С. 74–78.

11. *Бровчук, Н. М.* Что такое историческая память и почему она интересна белорусской социологии? [Электронный ресурс] / Н. М. Бровчук // *Инстытут сацыялогіі*. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/chto-takoe-istoricheskaya-pamyat-i-pochemu-ona-interesna-belorusskoj-sotsiologii/>. – Дата доступа: 20.02.2023.

12. О республиканском плане мероприятий по проведению в 2022 году Года исторической памяти: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 27 янв. 2022 г., № 50 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200050&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 20.09.2022.

13. *Валаханович, И.* Единство исторической памяти белорусов через призму государственных, общереспубликанских праздников и памятных дат / И. Валаханович, В. Пунченко // *Беларуская Думка*. – 2021. – № 11. – С. 66–72.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

А. У. Ерашэвіч

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. V. Yerashevich

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК [94(476)+371.134(476)(091)] «1803-1860»

**ПРАФЕСІЙНАЯ ПАДРЫХОЎКА КВАЛІФІКАВАНЫХ
ПЕДАГАГІЧНЫХ КАДРАЎ ДЛЯ НАВУЧАЛЬНЫХ
УСТАНОЎ¹ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ
РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫЎ ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.:
АРГАНІЗАЦЫЙНА-ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ**

**PROFESSIONAL TRAINING OF QUALIFIED
PEDAGOGICAL PERSONNEL FOR EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN
PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST
HALF OF THE 19TH CENTURY: ORGANIZATIONAL
AND FINANCIAL ASPECTS**

У артыкуле на аснове выкарыстання апублікаваных заканадаўчых актаў адукацыйнага ведамства і архіўных дакументаў разгледжаны арганізацыйна-фінансавыя перадумовы забеспячэння працэсу прафесійнай падрыхтоўкі настаўніцкіх кадраў для гімназій, дваранскіх, павятовых і прыходскіх вучылішч Міністэрства народнай асветы ў беларуска-літоўскіх губернях у першай палове ХІХ ст. Цэнтрамі спецыяльнай педагагічнай адукацыі з мэтай падрыхтоўкі настаўнікаў для навучальных устаноў Віленскай і Беларускай навучальных акруг былі педагагічны інстытут пры Віленскім універсітэце і настаўніцкая семінарыя пры губернскай гімназіі ў Віцебску (1834–1839). Асноўныя выкладчыцкія кадры для навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў у 1832–1850-я гг. рыхтаваліся ў Галоўным педагагічным інстытуце ў Пецяярбургу – адзінай спецыяльнай вышэйшай навучальнай установе па падрыхтоўцы педагогаў у Расійскай імперыі зыходу прыгонніцкай эпохі.

Ключавыя словы: прафесійная падрыхтоўка; педагагічныя кадры; беларуска-літоўскія губерні; Расійская імперыя; фінансаванне; настаўніцкія семінары; Галоўны педагагічны інстытут.

The article, based on the use of published legislative acts of the educational department and archival documents, examines the organizational and financial prerequisites for providing the process of teacher training for gymnasiums, noble, district and parish schools of the Ministry of Public Education in the Belarusian-Lithuanian provinces in the first half of the 19th century. The Pedagogical Institute at Vilna University and the Teachers' seminary at the Vitebsk provincial

¹ Улічваючы тое, што ў беларуска-літоўскіх губернях Расійскай імперыі ў першай палове ХІХ ст. функцыянавалі розныя тыпы адукацыйных устаноў, у артыкуле разгледжаны толькі арганізацыя і фінансавыя забеспячэнне працэсу падрыхтоўкі настаўнікаў для дзяржаўных, агульнаадукацыйных, свецкіх, грамадзянскіх гарадскіх і месчачковых пачатковых і сярэдніх навучальных устаноў у падпарадкаванні Міністэрства народнай асветы з 1803 да 1860 г.

Gymnasium (1834–1839) were the centers of special pedagogical education for the purpose of teacher training for educational institutions of the Vilna and Belarusian educational districts. The main teaching staff for educational institutions of the Belarusian-Lithuanian provinces in the 1832–1850s had been prepared at the Main Pedagogical Institute in St. Petersburg – the only special higher educational institution for teacher training in the Russian Empire at the end of the serfdom era.

Key words: teacher training; teaching staff; Belarusian-Lithuanian provinces; Russian Empire; financing; teachers' seminaries; Main Pedagogical Institute.

У сучасных умовах жыццядзейнасці грамадства ад вызначаных дзяржавай патрабаванняў адносна прынцыпаў, зместу, якасці прафесійнай падрыхтоўкі кваліфікаваных педагагічных кадраў шмат у чым залежыць узровень выкладання ў навучальных установах Беларусі ўсіх тыпаў. Таму абгрунтаванай уяўляецца цікавасць да камплектавання адукацыйным персаналам сярэдніх і пачатковых навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў ў першай палове XIX ст. Рэтраспектыўны аналіз падрыхтоўкі настаўнікаў для гімназій, дваранскіх, павятовых і прыходскіх вучылішч зыходу прыгонніцкай эпохі дазволіць больш зразумець і асэнсаваць механізм пераёмнасці традыцый у працэсе падрыхтоўкі айчынных выкладчыцкіх кадраў.

Аб падрыхтоўцы настаўнікаў для навучальных устаноў Літвы ў 1773–1850-я гг. згадваў літоўскі савецкі гісторык адукацыі М. Лукшіене [1, с. 44, 46]. Арганізацыю і дзейнасць Віцебскай настаўніцкай семінарыі – першай на тэрыторыі Беларусі спецыяльнай навучальнай установы, у якой у 1834–1839 гг. рыхтаваліся выкладчыкі для навучальных устаноў Беларускай навучальнай акругі – вывучаў беларускі гісторык асветы У. С. Пасэ [2]. Аднак цэласнай карціны фінансавання працэсу падрыхтоўкі настаўніцкіх кадраў для навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. у беларускай гістарыяграфіі не створана.

Мэта працы – вызначыць фінансавыя асновы арганізацыі і дзейнасці цэнтраў падрыхтоўкі настаўнікаў для патрэб навучальных устаноў беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі ў 1803–1860 гг. Для рэалізацыі мэты былі выкарыстаны найбольш поўна прадстаўлены ў серыйным выданні зборнікаў Міністэрства народнай асветы апублікаваныя заканадаўчыя акты адукацыйнага ведамства, у якіх размешчаны імператарскія ўказы, зацверджаныя вярхоўнай уладай меркаванні Дзяржаўнага Савета, палажэнні Камітэта міністраў, міністэрскія пастановы, ведамасныя распараджэнні, цыркуляры і прадпісанні [3; 4], з дадаткам архіўных дакументаў і мемуарнага сведчання.

У Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. адсутнічала цэласная (адзіная) сістэма педагагічнай адукацыі, шматузроўневая прафесійная спецыялізаваная падрыхтоўка настаўніцкіх кадраў для розных тыпаў навучальных устаноў шматлікіх ведамстваў. Не размяжоўваліся розныя віды і формы падрыхтоўкі выкладчыкаў (педагагічныя, псіхалагічныя, прак-

тычныя з фарміраваннем навыкаў). За рэдкім выключэннем, не праводзілася, акрамя практыкі самаўдасканалення ў ведах і навыках і нешматлікіх вучэбных камандзіровак, сістэмнае і планамернае павышэнне кваліфікацыі выкладчыкаў і перападрыхтоўка настаўнікаў у спецыяльных навучальных цэнтрах.

Да таго ж, на патрэбу ў якаснай падрыхтоўцы выкладчыцкіх кадраў, неабходных для стварэння, функцыянавання і развіцця розных тыпаў навучальных устаноў, значны ўплыў аказвалі наступныя фактары: маладаступнасць адукацыі для асноўнай масы сялянскага насельніцтва; розніца ў формах і спосабах задавальнення прывярытэтных эканамічных, сацыяльных, палітычных, культурных патрабаванняў і інтарэсаў для прадстаўнікоў розных саслоўяў і сацыяльных груп грамадства; барацьба за сферы культурна-адукацыйнага ўплыву паміж свецкімі і духоўнымі навучальнымі ўстановамі ў працэсе секулярызацыі школы; сацыяльна-эканамічныя і сацыякультурныя бар'еры, размежаванні і перашкоды (тэрытарыяльныя, моўныя, этна-канфесійныя, сацыяльна-маёмасныя, нацыянальна-культурныя) паміж горадам і вёскай, саслоўна-сацыяльнымі станами; уздзеянне на адукацыйна-выхаваўчы працэс ранейшых асветна-адукацыйных традыцый Рэчы Паспалітай, заходнееўрапейскай і рускай школы і інш. Прафесія настаўніка ў першай палове XIX ст. не карысталася аўтарытэтам і не была прэстыжнай у грамадскай свядомасці.

З мэтай падрыхтоўкі педагагічных кадраў настаўнікаў для губернскіх і павятовых вучылішчаў Віленскай навучальнай акругі з 1.09.1803 г. пры Віленскім універсітэце была адкрыта 4-класная настаўніцкая семінарыя, ці педагагічны інстытут [5, стб. 429–435].

Штогод на яе штатнае ўтрыманне павінна было выдаткоўвацца 4500 руб. серабром. У сапраўднасці ж настаўніцкай семінарыі было пералічана ў 1805 г. 3882 руб., у 1806 г. – 4003 руб., у 1807 г. – 2809 руб., у 1808 г. – 2667 руб., у 1810 г. – 3804 руб., у 1811 г. – 3813,81 руб., у 1812 г. – 2967 руб., у 1813 г. – 1464,76 руб., у 1816 г. – 2828 руб., у 1817 г. – 3373 руб., у 1818 г. – 3806,36 руб., у 1819 г. – 3414,65 руб., у 1820 г. – 3308 руб., у 1823 г. – 3977,01 руб. Доля адлічэнняў з расходаў Віленскага ўніверсітэта на ўтрыманне настаўніцкай семінарыі і яе прэфекта была невысокай – ад 1,9 % (1816 г.) да 3,9 % (1823 г.) [6, с. 330–391]. Прэфект настаўніцкай семінарыі атрымліваў 300 руб. серабром.

У 1803 г. у настаўніцкую семінарыю былі прынятыя 13, а ў наступным 1804 г. 12 чал. [7, стб. 137, 402]. У 1804 г. у гэтай вучэльні з 19 навучэнцаў толькі 2 вучыліся на ўласны кошт, а астатнія мелі казённае ўтрыманне ў памеры 150 руб. серабром штогод (кожнаму вучню выдавалі па 150 руб. серабром стыпендыі) [8, с. 125]. У настаўніцкай семінарыі штогод навучалася да 20 асоб, ці 5–8 % усіх віленскіх студэнтаў [9, с. 215]. Будучыя настаўнікі размяшчаліся бясплатна ў будынках былой школы кадэтаў, адноўленай у 1807 г. (утрыманне каштавала 5 тыс. руб. серабром). Штогодны

кошт утрымання семінарыстаў уключаў выдаткі на набыццё харчавання за 90 руб. (па 25 кап. у дзень), адзення за 83 руб., на асвятленне, лекі і інш. у памеры 27,7 руб., на паперу і інш. прыналежнасці коштам у 5,3 руб. [10, s. 299]. Апроч таго, для атрымання ведаў штогод 8 вучняў з Віленскага ўніверсітэта павінны былі адпраўляцца ў Санкт-Пецярбургскі педагагічны інстытут. У 1810 г. на гэтую акцыю было выкарыстана 161 руб., у 1811 г. – 47,67 руб., у 1814 г. – 352 руб.

У 1819 г. пры Віленскім універсітэце была заснавана семінарыя для навучання 20 прыходскіх настаўнікаў і арганістаў [11; 3, т. 1, стб. 1289–1293]. На яе ўтрыманне штогод выдзялялася 3 тыс. руб. з агульнага адукацыйнага фондушу і аднаразова 4 тыс. руб. [3, т. 1, дополнение, с. 30, штаты и приложения, с. 35]. Штогод на ўтрыманне 20 выхаванцаў адлічалася 1725,3 руб. (па 86,265 руб. на вучня) (57,5 %), на заробак наглядачыку семінарыі (адначасова быў настаўнікам), другому настаўніку і арганісту – 725 руб. (24,2 %), на ўтрыманне вучылішнага дома – 522 руб. (17,4 %), на непрадбачаныя выдаткі – 27,7 руб. (0,9 %). На ўтрыманне семінарыі прыходскіх настаўнікаў і арганістаў было выдаткавана ў 1829 г. 2992,61 руб., у 1830 г. – 2956,53 руб., у 1831 г. – 1507,99 руб. серабром пры наяўнасці рэшткі да 1831 г. у памеры 258,32 руб. (ва ўніверсітэцкім казначэйстве знаходзілася 214,78 руб., у гімназічнай казне – 43,54 руб.) [12, арк. 21–23].

Мемуарныя звесткі даводзяць, што кожны навучэнец педагагічнай семінарыі атрымліваў па 168 руб. серабром штогоднага ўтрымання (штомесячна выдавалі па 9 руб. у першыя тры месяцы і па 29 руб. на чацвёрты месяц). Вучні мясціліся ў супольнай кватэры ў мурах касцёла св. Яна на трэцім паверсе пры мінералагічным кабінэце ў чатырох вялікіх залах, карысталіся паслугамі інвалідаў-салдат і лакея. Абеды для 2–3 навучэнцаў дастаўлялі з тракціраў. На сняданак і вячэру падавалі каву, гарбату альбо свежае малако з булкай. Усе патрэбы студэнты аплочвалі са свайго ўтрымання, і нават нешта з грошай заставалася (З. Рэўкоўскі мог аддаваць больш 30 руб. для падтрымкі малодшых сясцёр у пансіянатах).

Педагагічны інстытут меў перарыў у дзейнасці з 1822 да 1.09.1825 г. Пасля чатырох гадоў слухання ўніверсітэцкіх курсаў кожны навучэнец атрымліваў ступень сапраўднага студэнта, кандыдата альбо магістра, а іншыя, якія мелі пэўную ступень, пасля сканчэння педагагічнага інстытута высылаліся настаўнікамі школ і гімназій Віленскай навучальнай акругі. Здольныя выпускнікі працягвалі вучобу ў так званым інстытуце прафесараў Дэрпскага ўніверсітэта. З мэтай удаканалення ў рускай мове некаторыя асобы на два гады выязджалі ў Пецярбургскі і Маскоўскі ўніверсітэты [13, s. 77–78].

За 27 гадоў існавання настаўніцкай семінарыі ў ёй было падрыхтавана каля 150 настаўнікаў [10, s. 301]. У педагагічнай падрыхтоўцы будучых настаўнікаў актыўны ўдзел прымалі манахі, і свецкая адукацыя яшчэ не была канчаткова адзелена ад рэлігійнай. Выпускнікі педагагічнага інстытута былі

абавязаны адпрацаваць на пасадзе без права выбару навучальнай установы не менш 6 гадоў.

Пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта ў 1832 г. з настаўніцкай семінарыяй пры ім і змене курсу дзяржаўнай адукацыйнай палітыкі ў заходнім краі паўстала праблема камплектавання педагагічнымі кадрамі зноў рэарганізаваных навучальных устаноў, асабліва ў зноў створанай Беларускай навучальнай акрузе, якая не мела свайго цэнтра вышэйшай адукацыі. Прафесійная падрыхтоўка кваліфікаваных педагагічных кадраў была неабходнай умовай для замяшчэння штатных настаўніцкіх вакансій і размеркавання на службу казённых выхаванцаў.

Адсутнасць у беларуска-літоўскім краі шматпрофільнай вышэйшай навучальнай установы пасля скасавання Віленскага ўніверсітэта падвялі адукацыйнае кіраўніцтва да думкі, да ўладкавання Беларускага ліцэя, аб заснаванні ў Беларускай навучальнай акрузе семінарыі для падрыхтоўкі прыходскіх настаўнікаў, якія б дастаткова ведалі рускую мову і маглі б заняць выкладчыцкія пасады ў адкрываемых замест духоўных свецкіх вучылішчах. 4.11.1833 г. выйшла міністэрскае распараджэнне аб адкрыцці настаўніцкай семінарыі ў Віцебску і свецкіх прыходскіх вучылішч у Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях. Па ўзору былой Віленскай настаўніцкай семінарыі 4-гадавы курс навучання да 30 чал. забяспечваўся грашовым утрыманнем у 3000 руб. з дадаткам 300 руб. на наём і ўтрыманне дома, на выдачу зарплат (грашовай дапамогі) упраўляючаму, гавернеру і настаўнікам, разам 3300 руб. серабром штогод з даходаў маёнткаў скасаваных рымска-каталіцкіх манастыроў [14, ч. 1, № 2, с. СХХХІІ–СХХХІІІ; 12, арк. 14–14 адв., 17–17 адв.; 4, т. 1, стб. 876–878]. Семінарыя для падрыхтоўкі прыходскіх настаўнікаў была адкрыта ў Віцебску пры губернскай гімназіі 6.08.1834 г. [15, ч. 6, № 4, с. СІ]. (па іншых больш верагодных звестках пачала працу 6.09.1834 г.) [14, ч. 4, с. 433]. Пры адкрыцці семінарыі ў яе былі прыняты 28 выхаванцаў на поўнае ўтрыманне і 23 кандыдаты з даданнем кожнаму па 5 руб. серабром у месяц грашовай дапамогі [16, с. 64].

Кіраўніком семінарыі прыходскіх настаўнікаў пры Віцебскай гімназіі быў упраўляючы ланкастэрскімі вучылішчамі Беларускай навучальнай акругі Аглоблін, начальнік Віцебскага ланкастэрскага вучылішча Вінаградаў і настаўнік-наглядчык. 4-класная Віцебская настаўніцкая семінарыя размяшчалася ў мураваным найманым у стацкага саветніка Побентала за 1500 руб. штогод 2-х павярховым доме, мела ў складзе адміністрацыйна-вучэбнага персанала ўпраўляючага і 3 настаўнікаў, выплаты жалавання якім ажыццяўляліся з гарадскіх даходаў.

Для грашовага ўтрымання 7 асоб (упраўляючага, наглядчыка, 2 настаўнікаў, 3 служыцелей) было асігнавана да выдачы прыкладна 851 руб. серабром. Забеспячэнне 30 выхаванцаў адзеннем і харчаваннем каштавала штогод 3295,45 руб., на набыццё мэблі і посуду было выдзелена 1014,3 руб. Такім чынам, з 5160,75 руб. агульнай сумы на забеспячэнне навучэнцаў

Віцебскай настаўніцкай семінарыі пайшло 63,9 %, на ўладкаванне памяшканняў было вылучана 19,6 %, на заробкі персанала было адлічана 16,5 %. Да 1.11.1834 г. было сапраўды выдаткавана на выдачу жалавання, на адзенне, размяшчэнне і інш. 3445,68 руб. (66,8 %). Даныя каштарысу на 1839 г. сведчаць, што са штатнай сумы ў 3300 руб. серабром на ўтрыманне наглядчыку і настаўніку рускай мовы было адпушчана 200 руб., настаўніку малявання – 150 руб., музыкі і спеваў – 250 руб., 3 служыцелям, кухарцы і 2 прачкам – 203 руб., на бялізну – 211,6 руб., на адзенне – 420 руб., на абутак – 782,63 руб., на патрэбы размяшчэння – 566,52 руб., на розныя выдаткі – 140,48 руб., на вучэбныя патрэбы – 156,81 руб., разам 3299,52 руб. пры рэштцы ў 1051,06 руб. серабром [12, арк. 44–49 адв., 132, 302–306]. Такім чынам, 3 выкладчыкам паступала толькі 18,2 % сумы, а астатнія грашовыя сродкі выкарыстоўваліся пераважна для задавальнення розных гаспадарчых патрэб.

Прыём выхаванцаў у педагагічную семінарыю ў Віцебску з прадстаўнікоў вольных станаў (дваран, мяшчан, обер-афіцэраў, праваслаўных царкоўнаслужыцелей) праходзіў марудна. У міністэрскім распараджэнні ад 15.04.1836 г. гаварылася аб наборы ў Віцебскую семінарыю прыходскіх настаўнікаў пераважна асоб з папярэдняй адукацыяй для гадзічнага курса навучання ў ёй з мэтай хуткай падрыхтоўкі настаўнікаў [4, т. 2, стб. 112]. Апошні набор выхаванцаў быў разлічаны на 3-гадавы курс навучання [4, т. 2, стб. 416]. У вучобе перавага аддавалася паскоранаму вывучэнню семінарыстамі рускай мовы, расійскай геаграфіі, гісторыі, арыфметыкі, ланкастарскай методыцы ўзаемнага навучання.

Паводле прапановы памочніка папячыцеля Беларускай навучальнай акругі Э. А. Грубера міністр народнай асветы С. С. Увараў прызнаў бескарысным далейшае існаванне Віцебскай семінарыі прыходскіх настаўнікаў. Міністэрскае распараджэнне ад 9.09.1839 г. засведчыла факт яе закрыцця і пераводу адпускаемай дагэтуль сумы на заснаванне і ўтрыманне новых прыходскіх вучылішч [4, т. 2, стб. 416–424]. Галоўным матывам ліквідацыі настаўніцкай семінарыі ў Віцебску было тое, што адсутнічалі грашовыя сродкі, неабходныя для заснавання новых прыходскіх вучылішч і ператварэння старых рымска-каталіцкіх школ. Значныя фінансавыя сродкі ўтрымання самой настаўніцкай семінарыі (аплата найму памяшкання, гаспадарчыя выдаткі ўладкавання, набыццё кніг, часопісаў і вучэбных дапаможнікаў, выдача жалавання настаўнікам і інш.) не былі апраўданы з пункту гледжання ўтрымання малой колькасці навучэнцаў, з прычыны малалікасці адкрываемых прыходскіх вучылішч. Па сутнасці Віцебская настаўніцкая семінарыя пераўтварылася ў канвікт пры губернскай гімназіі, а яе выхаванцы не атрымлівалі спецыяльных ведаў, акрамя таго, што спасцігалі асновы ланкастарскага метаду ўзаемнага навучання пры Віцебскім прыходскім вучылішчы, а некаторыя з іх вучыліся музыцы і спевам. Агульную падрыхтоўку настаўнікаў на рускай мове для прыходскіх

вучылішч за кошт шматлікай і беднай шляхты маглі б забяспечыць гімназіі і павятовыя дваранскія вучылішчы [4, т. 2, стб. 419]. Спасыталіся на вопыт падрыхтоўкі педагагічных кадраў і ў Віленскай семінарыі з 1819 па 1831 г., амаль усе выхаванцы якой альбо пераходзілі ва ўніверсітэт, ці ў іншыя званні, і не займалі пасады прыходскіх настаўнікаў, у тым ліку і таму, што не выконваліся ўмовы заключанага ў 1829 г. канкардата паміж Віленскім універсітэтам і віленскім епіскапам аб заснаванні ў Віленскай епархіі на кошт духавенства 265 прыходскіх вучылішч [4, т. 2, стб. 420–421]. Да таго ж, у Галоўным педагагічным інстытуце ў Санкт-Пецярбургу стваралася асобнае аддзяленне для падрыхтоўкі настаўнікаў павятовых і прыходскіх вучылішч. У сапраўднасці, 11 выпускнікоў Віцебскай настаўніцкай семінарыі засталіся без вакантных настаўніцкіх месцаў [4, т. 2, стб. 417, 421]. Было вырашана чатырох яе выхаванцаў пакінуць у Віцебскай гімназіі для сканчэння курса з дапамогай стыпендыяльных сум з наступным накіраваннем іх на вучобу ва ўніверсітэты, ці прызначыць настаўнікамі павятовых вучылішч, а 7 чал. заставіць пры гімназіі кандыдатамі для паступлення ў прыходскія настаўнікі з утрыманнем па 5 руб. серабром штомесячна з эканамічных сум семінарыі [4, т. 2, стб. 422, 424; 12, арк. 321–321 адв.]. Усяго за час свайго існавання з ліку выхаванцаў і кандыдатаў прыходскай семінарыі ў Віцебску былі выпушчаны 62 настаўнікі для прыходскіх пачатковых школ, павятовых вучылішч і падрыхтоўчых класаў гімназій [4, т. 2, стб. 417–418].

Пасля адмовы ад арганізацыі ліцэя ў Оршы сэканомленыя грашовыя сродкі выдаткоўваліся для падрыхтоўкі патэнцыяльных настаўнікаў у 2 расійскіх сталічных універсітэтах, якіх пасля сканчэння вучобы размяркоўвалі выкладчыкамі ў сярэднія навучальныя ўстановы. Педагагічны савет Віцебскай гімназіі прызначыў выпускнікам, якія навучаліся ва ўніверсітэтах, грашовую дапамогу для набыцця адзення і кніг. Віцебская дырэкцыя вучылішчаў вылучыла да выдачы кожнаму з навучэнцаў па 400 руб. штогод [17, арк. 1–9, 71].

2.10.1838 г. імператар пагадзіўся з заснаваннем, згодна з агульным уставам імператарскіх расійскіх універсітэтаў ад 26.07.1835 г., у Санкт-Пецярбургскім, Маскоўскім, Харкаўскім і Казанскім універсітэтах на кошт дзяржаўнага казначэйства 20 месц для заняцця іх кандыдатамі з ліку выхаванцаў гімназій, настаўнікаў гімназій і павятовых вучылішч Беларускай навучальнай акругі [4, т. 3, стб. 30–31]. Адпаведна вышэйшага загада ад 21.10.1838 г. кожнаму з 20 блуганадзейных у палітычных адносінах праваслаўных студэнтаў адлічалася да выдачы па 142,855 руб. серабром штогод з дзяржаўнага казначэйства [4, т. 3, стб. 1021, 1023]. Пасля сканчэння ўніверсітэтаў казённакоштныя студэнты пераводзіліся ў настаўніцкае званне. Паводле асобных распараджэнняў яшчэ залічаліся казённыя пансіянеры розных ведамстваў: да 1840 г. у Пецярбургу праходзілі навучанне да 50 будучых педагогаў, у тым ліку 5 выхаванцаў беларускіх гімназій, якія прызначаліся для выкладчыцкай дзейнасці ў навучальных ўстановах Бела-

рускай навучальнай акругі [18, с. 298]. З прычыны пералічэння Віцебскай і Магілёўскай губерняў з былой Беларускай у Санкт-Пецяўбургскую навучальную акругу лепшым выпускнікам Віцебскай і Магілёўскай гімназій 6.09.1850 г. было прызначана ў Санкт-Пецяўбургскім універсітэце 2 пастаянныя стыпендыі з 5 месц для пансіянераў былой Беларускай навучальнай акругі [4, т. 3, стб. 30–31]. Казённакоштныя вакансіі былі ліквідаваны, сума іх забеспячэння пераведзена ў Галоўны педагагічны інстытут, які быў скасаваны ў 1858 г. Замест яго пры Пецяўбургскім універсітэце былі наладжаны педагагічныя курсы, куды залічаліся кандыдаты пасля сканчэння ўніверсітэцкага курса навук яшчэ на 2 гады з выдачай стыпендыі і з залікам потым у сапраўдную службу. У 1860 г. з 30 кандытатаў 8 будучых настаўнікаў прызначаліся для задавальнення патрэбы ў педагагічных кадрах для Віленскай навучальнай акругі [18, с. 299–300]. Цыркуляр міністра народнай асветы ад 13.10.1849 г., пацверджаны 26.06.1852 г. і 23.10.1859 г., дазваляў праваслаўным з ліку пансіянераў Віленскай навучальнай акругі паступаць ва ўніверсітэты [4, т. 3, стб. 1021–1023, 1023–1024]. 23.10.1859 г. выйшла цыркулярная прапанова Міністэрства народнай асветы аб прызначэнні ў Віленскую навучальную акругу на вакантныя настаўніцкія пасады ў вучэбных установах узамен стыпендыятаў з ураджэнцаў заходніх губерняў студэнтаў з прыродных рускіх, акрамя праваслаўных. 3-за аддаленасці ад гімназій Віленскай навучальнай акругі Казанскага і Харкаўскага ўніверсітэтаў 13.03.1860 г. адбылося перамеркаванне колькасці вакансій для беларускіх стыпендыятаў ва ўніверсітэтах: 9 месцаў стала ў Маскоўскім, 8 у Пецяўбургскім і толькі 3 у Харкаўскім універсітэтах [4, т. 3, стб. 1025].

Падрыхтоўка выкладчыкаў для вышэйшых навучальных устаноў Расійскай імперыі адбывалася ў адкрытым у 1828 г. прафесарскім інстытуце пры Дэрпцкім універсітэце [3, т. 2, ч. 1, стб. 131–135]. Згодна з зацверджаным імператарам Аляксандрам I меркаваннем Дзяржаўнага Савета ад 14.04.1823 г. з дзяржаўнай казны ў распараджэнне Дэрпцкага ўніверсітэта штогод адлічалася па 1200 руб. серабром для выплаты 6 пастаянных стыпендыі кандыдатам (па 200 руб.) з ліку выхаванцаў Літоўскага евангеліцка-рэфармацкага Сінода з мэтай падрыхтоўкі пастараў. Пастановай ад 18.01.1838 г. 2 стыпендыі (400 руб.) былі перададзены ў Пецяўбургскі ўніверсітэт для выхавання 2 студэнтаў-пансіянераў Сінода, якія прызначаліся для заняцця настаўніцкіх вакансій у Слуцкай гімназіі. Рэштак ад стыпендыяльнай сумы выдаваўся выпускнікам на пуцявыя выдаткі зваротнага шляху [3, т. 2, ч. 1, стб. 1316–1317].

Першай спецыяльнай асобнай вышэйшай навучальнай установай педагагічнага профілю ў Расійскай імперыі ў дарэфарменны час стаў адкрыты на аснове настаўніцкай семінары педагагічны інстытут (з 1816 г. Галоўны педагагічны інстытут) у Санкт-Пецяўбургу, які працаваў у 1804–1819 гг. і рыхтаваў настаўнікаў гімназій. Пасля ў 1819 г. ён быў перайменаваны ў Пецяўбургскі ўніверсітэт. У 1828 г. адноўлены Галоўны педагагічны інстытут

на 100 штатных месцаў у складзе аддзяленняў філасофскага і юрыдычнага (апошнія скасавана ў 1847 г.), фізіка-матэматычных і гістарычна-славесных навук вёў да 1858(59) г. падрыхтоўку настаўнікаў і прафесараў для навучальных устаноў Міністэрства народнай асветы [3, т. 2, ч. 1, стб. 157–189]. Яго выпускнікі былі абавязаны праслужыць 8 гадоў па ведамству адукацыйнага Міністэрства.

Імператар Мікалай I 9.05.1833 г. дазволіў выкладаць у Галоўным педагагічным інстытуце польскую мову для навучэнцаў, якія пасля выпуску прызначаліся настаўнікамі ў вучылішчы заходніх губерняў, але з-за хуткага распаўсюджвання рускай мовы ў вучылішчах беларускіх губерняў падобная манаршая ласка ўжо 29.01.1836 г. была спынена [3, т. 2, ч. 1, стб. 560–561, 1080–1081]. Пазней 2.11.1850 г. выйшла міністэрскае распараджэнне аб непрыманні ў Галоўны педагагічны інстытут ураджэнцаў заходніх губерняў, акрамя праваслаўных [4, т. 3, стб. 41–42].

За 25 гадоў дзейнасці з Галоўнага педагагічнага інстытута на настаўніцкую службу ў юрысдыкцыі Міністэрства народнай асветы і іншых вучэбных ведамстваў было прызначана 526 чал., у тым ліку 116 (22,1 %) выхаванцаў у навучальныя ўстановы Віленскай і Беларускай навучальных акруг. Па нашых падліках, у 1832–1833, 1835–1837, 1839–1840 гг. адбылося размеркаванне 78 выпускнікоў, у 1841–1843, 1845, 1847–1848, 1850 гг. – 26 выкладчыкаў, у 1851, 1853 гг. – 18 настаўнікаў, разам 122 чал. у навучальныя ўстановы 6 беларуска-літоўскіх губерняў. З гэтай колькасці найбольшая колькасць педагогаў для заняцця настаўніцкіх вакансій у дваранскіх вучылішчах і гімназіях, павятовых і прыходскіх вучылішчах беларуска-літоўскіх зямель прыпадала на 1833 г. (25 чал.) і 1839 г. (18 чал.). Частка будучых настаўнікаў выпускалася пасля сканчэння скарачаных (папярэдніх) курсаў [19, с. 111–135].

Такім чынам, спецыяльная падрыхтоўка настаўнікаў для навучальных устаноў беларуска-літоўскіх зямель у 1803–1860 гг. вялася ў некалькіх адукацыйных цэнтрах, у асноўным у педагагічных аддзяленнях пры ўніверсітэтах. Прафесійнай падрыхтоўкай выкладчыкаў для патрэб сярэдніх і пачатковых навучальных устаноў Віленскай навучальнай акругі займалася створанае пры Віленскім універсітэце, як і пры іншых расійскіх, асобнае арганізацыйна-штатнае адміністрацыйнае структурнае падраздзяленне – настаўніцкая семінарыя ці педагагічны інстытут (1803–1832, з перапынкам у 1822–1825 гг.). Новым цэнтрам забеспячэння і камплектавання педагагічнымі кадрамі прыходскіх вучылішч адкрытай Беларускай навучальнай акругі непрацяглы час была настаўніцкая семінарыя для падрыхтоўкі рускамоўных прыходскіх настаўнікаў пры губернскай гімназіі ў Віцебску (1834–1839), якая працавала нядоўга і з-за неспрыяльных абставін і галоўнае па фінансавых матывах была закрыта.

Пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. настаўнікаў для гімназій, дваранскіх, павятовых і прыходскіх вучылішчаў беларуска-літоўскага

краю па палітычных матывах было вырашана рыхтаваць удалечыні ад раёнаў распаўсюджвання польскіх патрыятычных сепаратысцкіх памкненняў – у Галоўным педагагічным інстытуце ў Пецяярбургу, да таго ж адзінай спецыяльнай вышэйшай навучальнай установе па падрыхтоўцы педагогаў у Расійскай імперыі ў 1828–1859 гг., якая выпускала асноўныя выкладчыцкія кадры для навучальных устаноў 6 беларуска-літоўскіх губерняў у 1832–1850-я гг. У гэтую навучальную ўстанову, з дадаткам Маскоўскага, Пецяярбургскага, Казанскага, Харкаўскага ўніверсітэтаў, адбываліся мэтавыя наборы студэнтаў казённакоштных (бюджэтных) ці стыпендыятаў з ураджэнцаў заходніх губерняў з наступным іх размеркаваннем і абавязкам прымуsoвай адпрацоўкі ў навучальных установах беларуска-літоўскіх губерняў. Пасля актыўных выпускаў 1830-х гг. і ўкамплектавання настаўнікамі навучальных устаноў беларуска-літоўскіх зямель тэмпы падрыхтоўкі педагагічных спецыялістаў паменшыліся, тым больш што выкладчыкі займалі пасады працягла час, і пільная патрэба ў ніх адпала.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Лукишине, М.* Подготовка учителей в Литве в период кризиса феодализма / М. Лукишине // Проблемы подготовки учителей в истории развития народного образования в Прибалтике: межведомственный сборник научных трудов / под ред. Л. И. Жукова. – Рига: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1981. – С. 34–48.
2. *Пасэ, У. С.* Віцебская настаўніцкая семінарыя / У. С. Пасэ // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2: Беліцк-Гімн / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 326.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1876. – Т. 1: Царствование императора Александра I 1802–1825 гг. – 1875. – 1864 стб., 43 с., 44 стб.; Т. 2. Отд. 1: Царствование императора Николая I 1825–1839 гг. – 1875. – 1576 стб., 69 с., 54 стб.; Т. 2. Отд. 2: Царствование императора Николая I 1840–1855 гг. – 1876. – 1648 стб., 107 с., 58 стб.; Т. 3: Царствование императора Александра II 1855–1864. – 1876. – 1528 стб., 140 с., 48 стб.
4. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: в 10 т. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866–1907. – Т. 1: 1802–1834. – 1866. – 988 стб., 43 с., 32 стб.; Т. 2: 1835–1849. – 1866. – 1102 стб., 74 с., 58 стб.; Т. 3: 1850–1864. – 1867. – VI с., 1068 стб., 124 с., 50 стб.
5. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения: в 4 т. – СПб.: 1893–1902. – Т. 2: Учебные заведения в западных губерниях 1802–1804 / введение И. Корнилова. – СПб.: Синодальная тип., 1897. – XXVII, XCVI с., 1160 стб.
6. *Bieliński, J.* Uniwersytet Wileński 1579–1831: w 3 t. / J. Bieliński. – Kraków: Druk Anczyca i Spółki, 1899–1900. – Т. 1: Prawa. Urządzenia zewnętrzne. Majątek. – 1899. – 486 s.
7. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения: в 4 т. – СПб.: 1893–1902. – Т. 4. Вып. 1 / предисловие А. Погодина Виленский учебный округ 1803–1831 гг. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1902. – IV, CXXXIII с., 432 стб.
8. *Поссе, В. С.* Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. С. Поссе. – Минск, 1963. – XXI, 385, X л.
9. *Bartnicka, K.* Działalność edukacyjna Jana Śniadeckiego / K. Bartnicka. – Wrocław etc.: wyd. Polskiej akademii nauk, 1980. – 445 s.

10. *Beauvois, D.* Wilno – polska stolica kulturalna zaboru Rosyjskiego 1803–1832 / *D. Beauvois.* – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. – 824 s., il.

11. Об утверждении положения и штата учреждаемой при Виленском университете семинарии для образования приходских учителей и органистов: высочайше утвержденное 9.07.1819 г. мнение Государственного Совета, опубликованное Сенатом 31.08.1819 г. // Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. (ПСЗ-1). – Т. 36. – № 27875. – С. 278–280.

12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 3157. Воп. 1. Спр. 173.

13. *Rewkowski, Z.* Pamiętniki / *Z. Rewkowski*; z oryginału do druku przygotował, wstępem i przypisami opatrzył Witold Więśław. – Wrocław: Instytut Matematyczny Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. – Т. 1: Wilno. Ostatnie lata Uniwersytetu. Na prawach rękopisu. – 187 s.

14. Журнал Министерства народного просвещения. – 1834.

15. Журнал Министерства народного просвещения. – 1835.

16. *Сапунов, А.* Историческая записка 75-летия Витебской гимназии / *А. Сапунов.* – Витебск: Типография губернского правления, 1884. – 167, CLXXVII с.

17. НГАБ. – Ф. 2554. Воп. 1. Спр. 29.

18. *Григорьев, В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка / *В. В. Григорьев.* – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1870. – 679 с. разд. паг.

19. Акт двадцатипятилетнего юбилея Главного педагогического института 30 сентября 1853 г. – СПб.: Тип. императорской Академии наук, 1853. – [2], 14, II, 176, 4 с.

(Дата падачы: 24.02.2023 г.)

А. Л. Зянько

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

L. Zianko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94:379.85(476)"18/19"

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ СТАНАЎЛЕННЯ ТУРЫСТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

SOCIO-ECONOMIC PREREQUISITES OF THE ORIGINATION OF EXCURSION ACTIVITIES IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURY

Артыкул прысвечаны аналізу перадумоў узнікнення турыстычнай дзейнасці на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст. Паказана роля эканамічных, сацыяльных і культурных змен, што адбываліся ў Беларусі ў дадзены час, у працэсе фарміравання турызму як асобнага віду дзейнасці.

Ключавыя словы: турызм; падарожжа; мадэрнізацыя; урбанізацыя; транспарт; інфраструктура; сярэдні клас; вольны час; арганізаваны адпачынак.

The article presents the analysis of the prerequisites of the origination of excursion activities on the territory of the Belarusian provinces in the second half of the XIX – early XX century. The article shows the role of economic, social and cultural changes that took place in Belarus at that time in the origination of tourism as a separate type of activity.

Key words: tourism; travelling; modernization; urbanization; transport; infrastructure; middle class; spare time; organized recreation.

У айчынай і расійскай гістарыяграфіі адсутнічае адзінае меркаванне наконт перадумоў узнікнення турыстычнай дзейнасці. Адны даследчыкі (А. А. Захарава, Л. І. Сізінцава, Л. П. Варанкова і інш.) разглядаюць турызм у першую чаргу як сацыякультурны феномен і звязваюць яго ўзнікненне з сацыяльнымі і культурнымі пераўтварэннямі, у той жа час значная частка гісторыкаў турызму (Ю. С. Путрык, В. Э. Багдасаран, І. Б. Арлоў, М. Б. Біржакоў і інш.) аддаюць перавагу ва ўзнікненні турызму эканамічным перадумовам: «пераважнымі заўсёды былі, ёсць і будуць эканамічныя перадумовы, таму што турызм у значнай меры катэгорыя эканамічная, палітычная і толькі потым – сацыяльная» [1, с. 26].

На наш погляд, станаўленне і развіццё турызму нельга разглядаць аднабакова, у адрыве ад эканамічных, сацыяльных і культурных працэсаў, што адбываліся ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Найбольш значны ўплыў на іх аказала мадэрнізацыя беларускага грамадства, якая атрымала моцны штуршок у выніку правядзення буржуазна-ліберальных рэформ 1860–1870-х гг. у Расійскай імперыі. «Вялікія рэформы 60–70-х гг. XIX ст. сталі вехавай падзей развіцця мадэрнізацыйных працэсаў» [2, с. 43]. Турызм як сацыякультурная, эканамічная і ў пэўнай ступені палітычная з’ява стаў адлюстраваннем тых змен, якія мелі месца ў беларускім грамадстве. Паспрабуем паказаць іх уплыў на станаўленне і развіццё турыстычнай справы ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Нягледзячы на запознены час і дастаткова запаволення тэмпы індустрыяльнага развіцця, у Беларусі фарміруецца фабрычна-заводская вытворчасць. Калі ў 1861–1879 гг. колькасць фабрык і заводаў у беларускалітоўскіх губернях складала 29, то ў 1880–1900 гг. іх было ўжо 484 [3, с. 233], а ў 1908 г. – 1008 [3, с. 237]. Да 1913 г. было пабудавана яшчэ 200 новых прадпрыемстваў [2, с. 54]. Такая дынаміка росту прамысловасці прывяла да значнага павелічэння колькасці наёмных работнікаў. Да 1913 г. іх налічвалася 400 тыс. (без уліку наёмных сельскагаспадарчых рабочых) [3, с. 250].

Адным з вызначальных працэсаў мадэрнізацыі грамадства, які быў непасрэдна звязаны з індустрыялізацыяй, з’яўлялася ўрбанізацыя. Гарадам Беларусі належала вядучая роля ў фарміраванні індустрыяльнага грамадства тагачаснай Беларусі. Па сваім сацыяльна-эканамічным і культурным узроўні развіцця яны пераўзыходзілі ўсе іншыя мясцовыя паселішчы. На мяжы XIX–XX стст. на беларускіх землях налічвалася 44 афіцыйныя гарады. З 1863 па 1913 г. колькасць гараджан вырасла ў 2,8 раза [4, с. 213].

Згаданыя вышэй эканамічныя і сацыяльныя працэсы прывялі не толькі да колькаснага павелічэння наёмных работнікаў, але і да пашырэння сфер ужытку наёмнай працы. З’явіліся новыя галіны гарадской гаспадаркі, узрасла неабходнасць у высокакваліфікаваных спецыялістах, асабліва тэхнічных, павысілася роля працаўнікоў нематэрыяльнай сферы. «Пры агульнай тэндэнцыі росту колькасці наёмных работнікаў найбольш вялікі прырост адзначаўся сярод настаўнікаў (амаль у 5,5 раза), банкаўскіх служачых (больш чым у 4 разы). Колькасць служачых пошты і тэлеграфа вырасла ў 1,9 раза, устаноў дзяржаўнага і мясцовага кіравання – не менш як у 1,8. У пачатку XX ст. лік лекараў і служачых павялічыўся ў 1,8 раза» [3, с. 317].

Яшчэ адным праяўленнем мадэрнізацыі беларускага грамадства ў значаны час з’явілася пашырэнне пісьменнасці сярод насельніцтва. Акрамя таго, адукацыя ва ўмовах XIX – пачатку XX ст. і валодання элементарнай граматай былі надзейнай асновай для прадстаўнікоў розных сацыяльных слаёў насельніцтва павялічыць свой сацыяльны статус, руху ўверх па сацыяльнай іерархіі [5, с. 66]. Адукацыйны цэнз пачынае мець вырашальнае значэнне пры прыёме на дзяржаўную службу, пошту і тэлеграф, у банкаўскую сферу, органы арганізацыі і кіравання вытворчасцю. Работнікі, якія мелі адукацыю, пачынаюць атрымліваць вышэйшую заробточную плату.

Паступова адбываецца фарміраванне так званага «сярэдняга класа», які меў фінансавыя магчымасці і пэўны вольны час для арганізацыі свайго адпачынку. Вучоныя разглядаюць сярэдні клас як сукупнасць груп самастойнай і наёмнай працы, якія займаюць «сярэдзіннае», прамежкавае становішча паміж вышэйшымі і ніжэйшымі пластамі ў большасці статусных іерархій. Важнейшымі паказчыкамі сярэдняга класа з’яўляюцца ўзровень даходаў, наяўнасць адукацыі, пастаяннай працы і дастаткова высокай кваліфікацыі [6, с. 24].

Даследчыкі звяртаюць увагу на «існаванне пэўнага пласта, які нагадвае сярэдні клас, валодае часам і свабодай выбіраць новыя спосабы траты гэтага часу» ў Расійскай імперыі ўжо ў сярэдзіне XIX ст. [7, с. 148].

Да 60–70-х гадоў XIX ст. арганізаваны адпачынак з’яўляўся пераважным правам сацыяльнай эліты (у першую чаргу дваранства). Паездкі «на воды», марскія курорты з’яўляліся не столькі магчымасцю паправіць здароўе, колькі неабходным доказам статуснасці, саслоўным прывілам.

На прыканцы XIX – пачатку XX ст. у Расійскай імперыі да арганізаванага адпачынку актыўна далучаюцца буржуазныя слаі грамадства і інтэлігенцыя. Змены ў складзе тых, хто мог ажыццявіць турыстычныя паездкі, адбыліся ва ўмовах хуткай урбанізацыі, калі сталі фарміравацца новыя культурныя практыкі, якія прывялі да ўзнікнення вольнага часу. Новыя структуры занятасці ва ўмовах мадэрнізацыі не абавязкова азначалі значнае павелічэнне вольнага часу, але вялі да таго, што ён пачаў выкарыстоўвацца для рэалізацыі розных тыпаў дзейнасці, у тым ліку і падарожжаў [7, с. 142].

Буржуазія і сярэдні клас пачынаюць пераймаць тыя элементы жыцця вышэйшых слаёў грамадства, якія яны могуць без саслоўных абмежаванняў і пры наяўнасці матэрыяльных рэсурсаў перанесці ў сваё жыццё. Адным з такіх элементаў з'яўляюцца падарожжы, якія з часам трансфармуюцца ў турызм. «Недастаткова было дасягнуць пэўнага ўзроўню матэрыяльнага дабрабыту, параўняцца ў даходах з прадстаўнікамі больш высокага сацыяльнага слоя. Патрэбна было прыняць новы стандарт бытавой культуры, а таксама засвоіць узор паводзін, характэрны для больш высокай сацыяльнай групы, уключыцца ў сістэму яе сацыяльных сувязяў, сацыяльнага акружэння» [5, с. 81].

Аналізуючы даходы сярэдніх слаёў насельніцтва ў канцы XIX – пачатку XX ст. можна прыйсці да высновы, што паступовы рост дабрабыту дазваляў ім патраціць частку сродкаў на адпачынак. Так, начальнік дэпо і інжынер на чыгунцы зараблялі 1800 руб. у год, обермашыніст – 1200, служачыя-чыгуначнікі (тэлеграфісты, касіры і г. д.) мелі месячны заробак 95–96 руб. [8, с. 193]. Сярэдні даход урача ў Мінску складаў 2400 руб. у год, фельчара 420–600. Штогадовы заробак народнага настаўніка ў канцы XIX ст. быў прыкладна 300 руб., а паводле закона 7 ліпеня 1913 г., з улікам даплаты за працоўны стаж, мог дасягаць 600 руб. у год [9, с. 54–56].

Даволі значная колькасць прадпрымальнікаў, прадстаўнікі тэхнічнай інтэлігенцыі, урачоў, выкладчыкаў і вышэйшых чыноўнікаў маглі сабе дазволіць далёкія падарожжы. Так, білет у Парыж з Пецярбурга ў вагоне III класа каштаваў 42 руб. 60 кап. З увядзеннем зваротных білетаў кошт знізіўся да 62 руб. туды і назад. Уцэлым, паездка на тыдзень ў Парыж (з харчаваннем, пражываннем і расходамі на пашпарт) у пачатку XX ст. абыходзілася ў сярэднім 150 руб. [10, с. 46]. Існавалі таварыствы і арганізацыі, якія прапаноўвалі такія паслугі значна танней.

Зразумела, пераважная большасць сярэдніх пластоў грамадства беларускіх губерняў не планавала замежныя паездкі, так як не магла іх дазволіць сабе матэрыяльна. Аднак наведванне мясцовых, або размешчаных у суседніх расійскіх і польскіх губернях, канфесійных, гістарычных і культурных славуцасяў паступова станавілася папулярным відам адпачынку. Паездкі на лецішча за горад, прагулкі, наведванне цікавых мясцін сталі моднымі паказальнікамі заможнага жыцця.

Зараджэнню арганізаванага адпачынку ў канцы XIX ст. спрыялі і змены ў працоўным заканадаўстве Расійскай імперыі, якія датычыліся скарачэння рабочага часу. Так, згодна з законам 1897 г. «Аб працягласці і размеркаванні рабочага часу ва ўстановах фабрычна-заводскай прамысловасці», рабочы дзень на прадпрыемствах фабрычна-заводскай, горназдабываючай прамысловасці, чыгуначных майстэрнях, а таксама казённых прадпрыемствах быў абмежаваны 11,5 гадзінамі, а ў начны час і суботу – 10 гадзінамі. «Аднак расійскае фабрычна-заводскае заканадаўства спазнялася з фіксацыяй норм, і рэальнасць у асобных выпадках абганяла заканадаўства... на

многіх прадпрыемствах сярэдні рабочы дзень быў на гадзіну ніжэй названай нормы» [11, с. 22]. Акрамя нядзелі ўстанаўліваліся яшчэ 14 абавязковых для адпачынку дзён, у 1900 г. да іх дадалі яшчэ 3 дні [12, с. 38].

Капіталістычная мадэрнізацыя эканомікі патрабавала ўкаранення новых метадаў вытворчасці, развіцця прадпрымальніцкай ініцыятывы і пашырэння ўсебаковай асветніцкай дзейнасці сярод сельскагаспадарчых вытворцаў. Адным з новых спосабаў рэалізацыі азначаных задач стала правядзенне сельскагаспадарчых экскурсій. Напрыклад, пры актыўнай падтрымцы Мінскага сельскагаспадарчага таварыства вытворчыя экскурсіі для беларускіх сялян у пачатку XX ст. былі арганізаваны не толькі на мясцовыя выбітныя гаспадаркі, але і ў замежныя краіны, напрыклад Германію, Швецыю, Данію [13].

Найбольш значным фактарам, які падштурхнуў развіццё турызму ў XIX ст., стала так званая «транспартная рэвалюцыя» з актыўным выкарыстаннем паравога рухавіка. З’яўляюцца штучныя водныя шляхі з сістэмамі каналаў і шлюзаў і штучныя сухапутныя шляхі – чыгункі. Таксама з’яўляюцца прынцыпова новыя транспартныя сродкі – параходы і паравозы [14, с. 138].

У другой палове XIX ст. на буйнейшых беларускіх рэках пачынаюць дзейнічаць рэгулярныя параходныя рэйсы. Так, створанае ў 1858 г. «Таварыства параходства на Дняпры і яго прытоках» у пачатку XX ст. мела 28 параходаў, а самыя вялікія з іх ажыццяўлялі рэйсы ад Гомеля да Кіева. Акцыянерныя параходныя таварыствы былі створаны таксама на Заходняй Дзвіне, Нёмане. «На працягу 1860–1900 гг. колькасць паравых судоў на рэках беларуска-літоўскіх зямель узрасла больш чым у 8 разоў (з 20 да 164) [15, с. 205].

Да канца XIX ст. немалаважнае значэнне ў транспартнай сістэме Беларусі працягвалі адыгрываць шашэйныя дарогі. У 80-я гг. большасць беларускіх шасэ былі аднесены да першага разраду – дарог агульнадзяржаўнай значнасці. На тэрыторыі беларускіх губерняў іх колькасць і якасць перавышалі такія ж паказчыкі іншых губерняў Расійскай імперыі, але значна саступалі еўрапейскім. Усяго ў паўночна-заходніх губернях у 1913 г. на 1000 квадратных вёрст прыходзілася прыкладна 322 вярсты грунтава-шашэйных дарог [15, с. 366]. Гужавы транспарт заставаўся асноўным сродкам перамяшчэння ў тым мясціны, дзе не было чыгункі. Грамадзяне, што не мелі магчымасці падарожнічаць на ўласным транспарце, карысталіся паслугамі фурманаў, якія ажыццяўлялі пасажырскія перавозкі ў так званых фургонах. Напрыклад, на шашы Мінск – Брэст было пабудавана 37 станцыйных дамоў 3-х разрадаў з адлегласцю паміж станцыямі 19 км. Сучаснікі адзначалі гэтыя станцыі як лепшыя – у гасцініцах заўсёды была гарачая ежа, трымалася дастатковая колькасць коней [16, с. 43]. Таксама мелася магчымасць выкарыстаць транспартную паштовую службу, але для гэтага неабходна было мець пацвярджальны дзяржаўны дакумент – падарожную, або прагонную.

З сярэдзіны XIX ст. на беларускіх землях пачынаецца будаўніцтва чыгунак. Яны «... як лакаматыў, і ў літаральным, і ў пераносным сэнсах, пацягнулі за сабой беларускую гаспадарку...». Да таго ж, яны сталі «адным з яркіх гістарычных прыкладаў уздзеяння на соцыум тэхнагеннага фактару» [17, с. 117].

Дзякуючы чыгуначнаму будаўніцтву карэнным чынам змянілася і развіццё турыстычнага руху, яго інтэнсіўнасць і геаграфічная прастора. Чыгункі становяцца найбольш надзейным, хуткім, зручным і дастаткова танным спосабам падарожжа.

Першым беларускім горадам, у які прыйшла «чыгуначная цывілізацыя» стала Гародня (1862), у 1866 г. Рыга–Арлоўская чыгунка прайшла праз Віцебск, у 1870 г. чыгуначныя рэйкі былі пракладзены праз Брэст да Варшавы. Важнейшым чыгуначным вузлом стаў Мінск, праз які прайшлі адразу дзве чыгункі – Маскоўска-Брэсцкая (1871) і Лібава-Роменская (1874). У 80-я гг. XIX ст. увайшла ў строй сетка Палескіх чыгунак, якая ахапіла поўдзень Беларусі, звязаўшы Брэст і Гомель. Апошнім губернскім горадам, які атрымаў чыгуначную сувязь у 1899 г., стаў Магілёў. Беларусь аказалася звязана чыгункай з Масквой, Пецярбургам, Варшавай, Кіевам, Рыгай, Вільняй і іншымі буйнейшымі гарадамі Расійскай імперыі. Таксама «для перамяшчэння грузаў і пасажыраў былі падпісаны адпаведныя пагадненні з чыгункамі еўрапейскіх дзяржаў» [15, с. 204], што пераўтварыла Беларусь ў важнейшы транзітны рэгіён на заходняй мяжы Расійскай імперыі. У 1913 г. насычанасць Беларусі чыгункамі была ў 1,8 разы вышэй, чым па Еўрапейскай частцы Расійскай імперыі» [5, с. 365]. Аб важнейшым значэнні чыгунак у пашырэнні тэрытарыяльнай мабільнасці насельніцтва гавораць наступныя факты: за 1863 год на чыгунцы Пецярбург – Варшава было перавезена 1 254 207 пасажыраў [8, с. 911], а за 1899 год па Лібава-Роменскай дарозе – да двух мільёнаў [18, с. 2].

Развіццё чыгуначнага транспарту аказала значны ўплыў не толькі на хуткасць, камфортнасць і адлегласць перамяшчэнняў. Вакзалы ў населеных пунктах «пачалі адыгрываць ролю асяродкаў культурна-эканамічнага жыцця: тут з'яўляліся крамы, рэстараны, кіёскі для продажу газет, праводзіліся культурныя мерапрыемствы, адбываліся провады сяброў» [3, с. 432], што, ў сваю чаргу, прываблівала турыстаў.

Павышэнню бяспекі і надзейнасці падарожжаў спрыяла наяўнасць сувязі. Разам з дзейнасцю традыцыйнай паштовай сувязі ў сярэдзіне XIX ст. у Расійскай імперыі будуюцца першыя лініі электрычнага тэлеграфа. Да канца XIX ст. беларускія губерні былі ўключаны ў адзіную сістэму тэлеграфнай сувязі імперыі [3, с. 459]. Праз Беларусь таксама прайшлі транзітныя тэлеграфныя лініі ў Польшчу і Украіну. У пачатку XX ст. тэлефонныя станцыі акрамя Мінска былі пабудаваны яшчэ ў 15 гарадах Беларусі. Паступова тэлеграфная і тэлефонная сувязь пачалі выкарыстоўвацца на водных і чыгуначных шляхах.

Большасць навукоўцаў звязваюць станаўленне масавага турызму ў Беларусі са з'яўленнем веласіпеда і дзейнасцю ў беларускіх гарадах аддзяленняў Рускага таварыства веласіпедыстаў-турыстаў. «Веласіпед стаў адным з цэнтраў развіцця спорту, ... спрыяў узнікненню турызму як масавай грамадскай з'явы» [19, с. 28].

Станаўленне турызму пачало мяняць і прыроду турыстычнай інфраструктуры, у першую чаргу гасцінічнага і рэстараннага бізнесу. У пачатку ХХ ст. у Мінску было ўжо больш 30 гасцініц, а таксама вялікая колькасць мэбляваных пакояў. Кошт пражывання вагаўся ад 20 кап. да 3 руб., у залежнасці ад прадстаўленых умоў [20, с. 59]. Самай вялікай, камфортнай і дарагой (ад 1 да 6 руб.) з'яўлялася гасцініца «Еўропа» на Губернатарскай вуліцы ў доме Поляка. У нумарах былі тэлефон, электраасвятленне, цэнтральнае вадзяное ацяпленне, ванна. Пры гасцініцы дзейнічалі рэстаран, цырульні, чытальны зал і адзіны ў горадзе ліфт. Турысты маглі спыніцца ў беларускіх гасцініцах, разлічваючы на свой густ і даходы, а затым наведаць рэстаран, кінематограф, выставу, тэатр, азнаёміцца з архітэктурнымі помнікамі горада.

Працэс станаўлення і развіцця ўласна турызму, як сацыяльна-эканамічнай, культурнай з'явы і асобнай сферы дзейнасці ў другой палове ХІХ – пачатку ХХ ст. быў абумоўлены мадэрнізацыйнай беларускага грамадства. Яна суправаджалася прамысловым пераваротам, інтэнсіфікацыйнай працы, хуткімі тэмпамі ўрбанізацыі, пашырэннем пісьменнасці і адукацыі, павышэннем узроўню жыцця, фарміраваннем новай сацыяльнай структуры грамадства і з'яўленнем сярэдняга класа. Змены ў працоўным заканадаўстве прывялі да паступовага павелічэння часу, вольнага ад працы, што дало магчымасць выкарыстоўваць яго для арганізаванага адпачынку, у тым ліку і турызму. Змяняецца склад экскурсантаў і турыстаў, у які, акрамя эліты грамадства, пачынаюць уключацца інтэлігенцыя, буржуазія і іншыя прадстаўнікі сярэдняга класа. Турыстычныя паездкі не даюць ім магчымасць атрымаць матэрыяльны прыбытак, але служаць спосабам умацаваць свой сацыяльны статус.

Павелічэнне колькасці наведвальнікаў гарадоў прывяло да ўзрастання попыту на ўстановы, якія спецыялізаваліся на абслугоўванні турыстаў – гасцініцы, рэстараны, забаўляльныя ўстановы, і пераўтварэння іх у стабільны і прыбытковы бізнес.

Важнейшую ролю ў развіцці турызму адыграла развіццё транспарту, і ў першую чаргу чыгуначнага, які зрабіў перамяшчэнне па Беларусі і за яе межы больш хуткім, надзейным і танным. Удасканаленне паштовай і з'яўленне тэлеграфнай і тэлефоннай сувязі павысіла якасць і бяспеку падарожжаў. Развіццё транспартнай сістэмы на беларускіх землях прывяло не толькі да кардынальных эканамічных змен, а самае галоўнае – духоўнага пад'ёму, стымуляванаму ў тым ліку, і падарожжамі па родным краі. Менавіта адкрыццё сваёй зямлі перадавай інтэлігенцыяй прывяло да духоўнага адраджэння беларусаў у канцы ХІХ – пачатку ХХ ст. [21, с. 20].

Беручы да ўвагі погляды даследчыкаў турызму розных кірункаў, абпіраючыся на ўласныя назіранні, аўтар прыходзіць да высновы аб неабходнасці комплекснага вывучэння феномену ўзнікнення турызму ў Беларусі толькі ў звязку з аналізам эканамічнай, сацыяльнай і культурнай дзейнасці людзей, іх побыту і захапленняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Биржаков, М. Б.* Введение в туризм / М. Б. Биржаков. – СПб.: Герда, 2000. – 308 с.
2. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
3. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.]; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 684 с.
4. *Шыбека, З. В.* Гароды Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.
5. *Каханоўскі, А. Г.* Міжаслоўная сацыяльная мабільнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханоўскі // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – С. 80–91.
6. *Чернов, В.* Особенности формирования среднего класса в Беларуси / В. Чернов, С. Николок // Палітычная сфера. – 2007. – № 9. – С. 23–39.
7. *Ловелл, С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование / С. Ловелл // Антропологический Форум. – 2005. – № 2. – С. 136–173.
8. История белорусской железной дороги. Из XIX века – в XXI век / В. В. Яновская [и др.]. – Минск: Мастацкая літаратура, 2012. – 958 с.
9. *Шыбека, З. В.* Минск сто гадоў таму / З. В. Шыбека. – Мінск: Беларусь, 2007. – 304 с.
10. *Захарова Е. А.* Стратегия туризма в столичных городах в конце XIX – начале XX в. (Санкт-Петербург, Москва, Париж) дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Захарова. – М., 2017. – 312 л.
11. *Кирьянов, Ю. И.* Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов // Экономическая история. Обзорение – 2000. – № 4. – С. 20–38.
12. *Валетов, Т. Я.* Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции / Т. Я. Валетов // Экономическая история. Обзорение. – 2007. – № 13. – С. 34–44.
13. *Зянько, А. Л.* Арганізацыя сельскагаспадарчых экскурсій у Беларусі ў пачатку XX ст. / А. Л. Зянько // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28.09.2022 г.) / редкол.: И. Н. Воронович (пред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2022. – С. 433–439.
14. *Киштымов, А. Л.* Пути сообщения и их влияние на урбанизацию Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) / А. Л. Киштымов // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі ў XIX – пачатку XXI ст.: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал. І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэдактары) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 138–143.
15. Гісторыя Беларусі: у 6 т. /рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 518 с.
16. *Сардаров, А. С.* История и архитектура дорог Белоруссии / А. С. Сардаров. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 152 с.

17. *Киштымов, А. Л.* Этапы железнодорожного строительства на Беларуси / А. Л. Киштымов // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 7. – С. 116–143.
18. Церкви, школы и больницы Л[ибаво]-Р[оменской] Ж[елезной] Д[ороги] / МПС. – Минск: Паровая типолитография Х. Я. Дворжецкого, 1901. – 49 с.
19. *Бусько, С. И.* Велосипед в повседневной жизни белорусских губерний (конец XIX – начало XX в.) / С. И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2014. – С. 22–29.
20. *Яхимович, С. М.* Весь Минск, или Спутник по Минску / С. М. Яхимович. – 1-е изд. – Минск: Типография Фельдмана и Перского, 1911. – 130 с.
21. *Сардаров, А. С.* Путеворение: история и культура белорусских дорог / А. С. Сардаров. – Минск: Беларуская навука, 2009. – 191 с.

(Дата падачы: 09.02.2023 г.)

А. Г. Казак

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

А. У. Кімбар

Мінскі гарадскі педагагічны каледж, Мінск

A. Kazak

Belarusian State University of Economics, Minsk

A. Kimbar

SEI «Minsk City Pedagogical College», Minsk

УДК 371.13(476)(091)”1920/1930”

СТАНАЎЛЕННЕ СЯРЭДНЯЙ СПЕЦЫЯЛЬнай ПЕДАГАГІчнай АДУКАцыі ў Мінску ў 1920–1930-я ГГ.

THE BECOMING OF SECONDARY SPECIAL PEDAGOGICAL EDUCATION IN MINSK IN THE 1920S – 1930S.

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці фарміравання сістэмы сярэдняй спецыяльнай педагагічнай адукацыі ў Мінску ў 1920-я – 1930-я гг. На аснове дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, матэрыялаў прэсы аналізуецца тэхнічная база, асаблівасці арганізацыі побыту і адукацыйнага працэсу навуачнага і навуковага патэнцыяла сталічных педагагічных тэхнікумаў. Мэта артыкула – выяўленне на аснове ўпершыню ўведзеных у навуковы зварот дакументаў сутнасных характарыстык функцыянавання педагагічных тэхнікумаў Мінска ў кантэксце грамадска-палітычнага, сацыяльна-эканамічнага, нацыянальна-культурнага жыцця БССР 1920-х – 1930-х гг.

Ключавыя словы: Мінскі Беларускі педагагічны тэхнікум; Мінскі Польшкі педагагічны тэхнікум; Мінскі Яўрэйскі педагагічны тэхнікум, сярэдняя спецыяльная педагагічная адукацыя.

The article examines the features of the formation of the system of secondary special pedagogical education in Minsk in the 1920s and 1930s. On the basis of the documents of the National Archives of the Republic of Belarus, the State Archives of the Minsk region and press materials, the technical base, the peculiarities of the organization of daily life and the educational process of students and the scientific potential of the metropolitan pedagogical technical schools are analyzed. The purpose of the article is to reveal, on the basis of the documents introduced for the first time in scientific circulation, the essential characteristics of the functioning of Minsk pedagogical technical schools in the context of the socio-political, socio-economic, national and cultural life of the BSSR in the 1920s – 1930s.

Keywords: Minsk Belarusian Pedagogical College; Minsk Polish Pedagogical College; Minsk Jewish Pedagogical College; secondary special pedagogical education.

У 1920–1930-я гг. адбываецца станаўленне беларускай савецкай грамадска-палітычнай і сацыяльна-эканамічнай сістэм. Адною з праблем, з якой сутыкнулася савецкая ўлада ў Беларусі, быў высокі ўзровень непісьменнасці насельніцтва. У 1920-я гг. пачынае фарміравацца сістэма беларускай савецкай адукацыі.

Адным з істотных элементаў гэтай сістэмы становяцца педагагічныя сярэднія спецыяльныя навучальныя ўстановы. Стварэнне сеткі сярэдніх спецыяльных устаноў па тыпу «тэхнікум» было запатрабаванай мерай ва ўмовах аднаўлення народнай гаспадаркі. У тэхнікумах можна было вырашыць праблему падрыхтоўкі кваліфікаваных спецыялістаў для ўстаноў адукацыі больш хутка, чым у вышэйшых навучальных установах. Акрамя таго, арганізацыя дзейнасці тэхнікумаў патрабавала меншых матэрыяльных расходаў [1, с. 35].

У Мінску для забеспячэння настаўніцкімі кадрамі былі створаныя Мінскі Беларускі педагагічны тэхнікум (далей – МБПТ), Мінскі Польскі педагагічны тэхнікум (далей – МППТ) і Мінскі Яўрэйскі педагагічны тэхнікум (далей – МЯПТ).

У айчынай гістарыяграфіі вывучэнне станаўлення сістэмы сярэдняй спецыяльнай педагагічнай адукацыі ў Мінску не знайшло комплекснага адлюстравання. Некаторыя звесткі пра функцыянаванне МБПТ, пра выпускнікоў і выкладчыкаў дадзенай навучальнай установы змяшчаюцца ў калектыўнай манаграфіі «Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945 гг.)» [2], артыкулах А. М. Каспяровіча і Н. У. Каспяровіч [1], Л. У. Маракова [3]. Аўтары названых работ аналізавалі агульныя тэндэнцыі грамадска-палітычнага і культурнага жыцця Савецкай Беларусі 1920-х гг. і не факусіравалі ўвагу на дзейнасці МБПТ.

Асобныя звесткі пра дзейнасць МППТ змяшчаюцца ў даследаваннях, прысвечаных становішчу польскай нацыянальнай меншасці ў БССР (работы беларускага гісторыка В. М. Жука [4], польскіх гісторыкаў А. Бялага [5], М. Іванова [6]). Важная інфармацыя змяшчаецца ў дакументальным выданні І. Раманавай [7], якое выйшла ў 2019 г. У працы прадстаўлены дакументы з фондаў Сакрэтнага аддзела/Спецыяльнага сектара Цэнтральнага камітэта (далей – ЦК) Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі (да-

лей – КП(б)Б) 1929–1939 гг., якія таксама адлюстроўваюць асноўныя падзеі з жыцця польскай нацыянальнай меншасці ў Савецкай Беларусі.

Даследаванне сістэмы яўрэйскай адукацыі ў БССР у 1920-я – 1930-я гг. знайшло адлюстраванне ў працах гісторыкаў міжваеннага перыяду. Так, Л. Мышкоўскі [8] надаваў вялікую ўвагу дзейнасці яўрэйскай школы і падрыхтоўцы педагогічных кадраў для гэтых устаноў. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі да вывучэння яўрэйскага грамадска-палітычнага руху ў міжваенны перыяд у сваіх працах звяртаюцца І. А. Пушкін [9] і іншыя даследчыкі. Пры гэтым, функцыянаванне МЯПТ не знаходзіць дастатковага адлюстравання ў айчынай гістарыяграфіі.

Мэта дадзенага артыкула – выяўленне на аснове ўпершыню ўведзеных у навуковы абарот дакументаў сутнасных характарыстык дзейнасці педагогічных тэхнікумаў Мінска ў кантэксце грамадска-палітычнага, сацыяльна-эканамічнага, нацыянальна-культурнага жыцця БССР 1920-х гг.

Аналіз архіўных дакументаў, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы абарот, дае магчымасць не толькі рэканструяваць гісторыю зараджэння сярэдняй спецыяльнай педагогічнай адукацыі ў Мінску, але і дапоўніць агульную карціну нацыянальна-культурнага будаўніцтва ў БССР. Асноўнымі крыніцамі артыкула сталі дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці.

Час стварэння педагогічных тэхнікумаў у Мінску прыпадае на пачатак 1920-х гг. Так, МБПТ пачаў сваю працу ў кастрычніку 1921 г. Навучальная ўстанова размяшчалася ў двухпавярховым мураваным будынку па вуліцы Захар’еўскай (з 1922 г. – вул. Савецкая), пабудаваным у пачатку 1880-х гг. на сродкі дзяржавы для рэальнага вучылішча. У гады Першай сусветнай вайны памяшканні пуставалі, з восені 1918 г. у іх праводзіліся заняткі Мінскага педагогічнага інстытута, у 1920–1921 гг. – Інстытута народнай адукацыі [10, арк. 64 аб.].

МППТ пачаў сваю дзейнасць у 1922 г. на базе арганізаваных годам раней настаўніцкіх курсаў [11, с. 196]. Курс навучання ў тэхнікуме першапачаткова быў шасцігадовым, потым, па меры павелічэння колькасці сямігадовых польскіх школ, пяцігадовым, а з 1927/1928 навучальнага года – чатырохгадовым. Абітурыенты павінны былі авалодаць ведамі ў рамках сямігадовай школы. Пры гэтым выпускнікі польскай сямігодкі прымаліся без іспытаў, у той час як асобы, якія скончылі беларускія школы, здавалі іспыт па польскай мове [4, с. 44]. З 1926 г. пры тэхнікуме дзейнічала гадавое падрыхтоўчае аддзяленне («рабфак»), выпускнікі якога залічваліся ў навучальную ўстанову без іспытаў [6, с. 233].

У 1920-я гг савецкае кіраўніцтва надавала вялікую ўвагу рабоце з яўрэйскім насельніцтвам Беларусі. Стваралася сетка яўрэйскіх школ. Пры гэтым адзначалася, што паспешлівае адкрыццё яўрэйскіх навучальных устаноў прыводзіла да таго, што на работу ўладкоўваліся настаўнікі і выкладчыкі, якія дагэтуль працавалі ў грамадзянскіх школах «клірыкальна-

сіяністычнага» характару і не адпавядалі ідэалагічным патрабаванням. Для яўрэйскіх настаўнікаў стваралі адмысловыя курсы для перападрыхтоўкі ў адпаведнасці з новымі патрабаваннямі, але гэтыя захады апынуліся недастатковымі [8, с. 34]. У 1920–1921 г. змяняецца падыход да яўрэйскай школы. Частка школ закрываецца, але пры гэтым у адукацыйнай палітыцы савецкага кіраўніцтва робіцца стаўка на яўрэйскія школы як інструмент барацьбы з хэдэрамі [12, с. 136]. Паўстае пытанне аб неабходнасці стварэння МЯПТ, які павінен быў рыхтаваць яўрэйскія педагагічныя кадры. Тэхнікум размяшчаўся ў двухпавярховым будынку плошчай 484,4 м², пабудаваным яўрэйскім таварыствам пад Талмуд-Тору па вуліцы Ракаўскай. Адметна, што ўжо ў 1922/1923 навучальным годзе ў тэхнікуме вучыліся яўрэі не толькі са сталіцы, але і з беларускіх павеятаў, з Гомеля, Віцебска (у той час уваходзілі ў склад РСФСР); з Ніжняга Ноўгарада (РСФСР), з Белай Царквы (УСССР), з Польшчы [13, арк. 54–54 аб.]. Гэта паказвае, што тэхнікум становіцца адукацыйным цэнтрам для яўрэяў не толькі БССР, але і суседніх рэспублік.

Пры арганізацыі дзейнасці адміністрацыі тэхнікумаў сутыкнуліся з вялікімі матэрыяльнымі праблемамі. Так, стан матэрыяльнай базы МБПТ на працягу 1920-х гг. заставаўся вельмі цяжкім. У кароткай тлумачальнай запісцы, накіраванай дырэктарыя тэхнікума ў Народны камісарыят асветы (далей – НКА) БССР 17 лютага 1923 г., адзначалася, у прыватнасці, «недастатковае абсталяванне мэбляй»: «Сталы для выкладчыкаў трухлявыя, якія маюць выгляд хламу і якія патрабуюць замены на новыя. У канцылярыі, выкладчыцкай, бібліятэцы і чытальні зусім няма крэслаў, іх замяняюць лаўкі прымітыўнай работы». У дакуменце падкрэслівалася неабходнасць папаўнення фондаў бібліятэкі і матэрыяльнай базы навучальных кабінетаў. Паведамлялася таксама, што студэнты атрымлівалі стыпендыі не грашовымі знакамі, а ў выглядзе прадуктовых пайкоў (у студзені 1923 г. – 150 пайкоў, у лютым – 170 пайкоў). Пайкі размяркоўваліся «толькі паміж тымі, хто найбольш мае патрэбу». Інтэрнат МБПТ быў разлічаны на 60 чалавек, хаця тых, хто меў у ім неабходнасць, было нашмат больш [14, арк. 2–4]. У другой палове 1920-х гг. выкладчыкі тэхнікума спрабавалі замацаваць лабараторны метады выкладання. Але гэтая ініцыятыва сутыкнулася з шэрагам цяжкасцей, якія ў асноўным былі выкліканы кепскім матэрыяльным становішчам (у першую чаргу недахопам падручнікаў) і з арганізацыйнымі праблемамі [15, с. 6].

Матэрыяльнае становішча МППТ таксама было цяжкім. Адсутнічаў шэраг прадметных кабінетаў, адчуваўся недахоп плошчаў, холад у памяшканнях [16, с. 124]. У лісце, падрыхтаваным супрацоўнікамі Польскага бюро ЦК КП(б)Б і накіраваным у ЦК партыі, адзначалася, што будынак тэхнікума (адрас – вул. Савецкая, 14) складаўся з 15 пакояў плошчай 192 м². Памяшканні былі без вентыляцыі, цёмныя, малапрыдатныя для адукацыйнага працэсу. У кабінетах фізікі і хіміі не хапала не толькі мэблі, але і дошак, іншых вучэбных прылад. Інтэрнат, у якім пражывала 80 чалавек, меў пло-

шчу ўсяго 62 м², ложкаў і пасцельнай бялізны не хапала. Кухня і сталовая на 114 студэнтаў размяшчаліся на плошчы 11 м² [5, s. 141–142]. На працягу 1920-х гг. сітуацыя ў лепшы бок кардынальна не мянялася. У справаздачы агульнага сходу ячэйкі КП(б)Б пры МППТ за 1926 г. адзначалася, што фінансаванне навучальнай установы складала 60 % ад неабходнага, будынак меў патрэбу ў капітальным рамонце, колькасць стыпендыятаў была недастатковай [17, арк. 55]. Напярэдадні 1927/1928 навучальнага года дырэктар тэхнікума М. Вайнер быў вымушаны накіраваць у НКА БССР ліст з просьбай не скарачаць бюджэт навучальнай установы ў параўнанні з папярэднімі годам [18, арк. 6].

Кіраўніцтва МЯПТ, у склад якога ўваходзілі дырэктар тэхнікума, прадстаўнік педагагічнага савета, старшыня камуністычнай ячэйкі, прадстаўнік выканкама, а таксама адказны сакратар Галоўнага бюро ЦК КПБ, сутыкнулася з аналагічнымі цяжкасцямі. Адсутнічалі элементарныя ўмовы для пражывання і работы. Будынкі не былі прыстасаваныя пад тэхнікум і інтэрнат. Не хапала дапаможнікаў і падручнікаў, кабінеты і лабараторыі былі слаба абсталяваныя для правядзення вучэбных заняткаў. У інтэрнаце не хапала бялізны, адзежы, абутку, было халодна і цесна [13, арк. 9 аб. – 10].

Нягледзячы на даволі складаныя матэрыяльныя ўмовы, навучэнцы педагагічных тэхнікумаў былі актыўна ўключаны ў адукацыйны працэс і культурнае жыццё сталіцы. Большая частка выкладчыкаў сумяшчала працу ў МБПТ і ў іншых навуковых і педагагічных установах. У справаздачы супрацоўніка НКА БССР за 1929 г. адзначалася, што тэхнікум з’яўляўся асноўным месцам працы толькі для 6 з 33 выкладчыкаў (гэтая з’ява атрымала назву «гастралёрства») [19, арк. 345].

Многія выкладчыкі МБПТ працавалі ў Інбелкульце і БДУ. Сумяшчальніцтва давала магчымасць выкарыстоўваць у адукацыйным працэсе больш рэсурсаў, укараняць новыя метадыкі. Такія выкладчыкі мелі больш высокі навуковы ўзровень, што спрыяла ўсебаковым даследаванням і папулярызцыі навукі сярод навучэнцаў тэхнікума, а таксама пашырэнню іх кругагляду. Напрыклад, быў распрацаваны шэраг экскурсій на розныя аб’екты для азнаямлення навучэнцаў з асаблівасцямі іх работы. М. А. Грамыка і М. В. Азбукін з навуковымі мэтамі арганізоўвалі экскурсіі на балотную станцыю, І. М. Серада ў сувязі з выкладаннем заалогіі – на бойню, арганізоўваліся экскурсіі на электрычную станцыю, у музеі і нават на бровар [10, арк. 78]. З іншага боку, такія выкладчыкі фактычна не прымалі ўдзел у грамадскім жыцці тэхнікума, недастаткова праводзілі працу ў гуртках, не наладжвалі патрэбных сувязей з сельскімі настаўнікамі [19, арк. 345].

У 1920-я гг. МБПТ з’яўляўся адным з буйных цэнтраў культурнага жыцця сталіцы Савецкай Беларусі. Так, М. М. Пятуховіч сумесна з прадстаўніком студэнцтва А. І. Аляксандравічам (у будучыні – вядомы беларускі паэт) узначальваў літаратурны гурток тэхнікума. У справаздачы тэхнікума за 1923/1924 навучальны год апісвалася праца гуртка: «Адзін-два разы на

месяц слухачамі ставяцца спектаклі ў клубе «Беларуская хатка». Звычайным складам наведвальнікаў былі ўсе слухачы тэхнікума і староннія, па запрашэнні, прычым кожны вечар запрашаліся дэлегацыі Яўрэйскага і Польскага педагагічных тэхнікумаў, рабфака ўніверсітэта і прадстаўнікі камсамола. Вечары карысталіся папулярнасцю сярод студэнцкай моладзі» [10, арк. 74 аб.].

Не менш востра пытанне педагагічных кадраў стаяла ў МППТ. У 1924 г. калектыў тэхнікума складаўся з 22 выкладчыкаў, але толькі для двух з іх тэхнікум з'яўляўся асноўным месцам працы. Мовай навучання ў тэхнікуме была польская, аднак двое выкладчыкаў вялі заняткі на беларускай мове, трое – на рускай [16, с. 124–125]. У наступныя гады сітуацыя практычна не змянялася. Адміністрацыя навучальнай установы спрабавала перавесці навучанне цалкам на польскую мову, але праз недахоп прафесійных выкладчыкаў ажыццявіць дадзенае мерапрыемства не атрымалася. У 1926 г. сакратар ячэйкі КП(б)Б пры МППТ, дырэктар Я. Клыс адзначаў: «Мы трымаем курс на польскіх выкладчыкаў, але лепш браць рускага педагога, чым не мець педагога зусім». Асобныя выкладчыкі фізічна не паспявалі з аднаго месца працы на іншае, у выніку чаго даволі часта іх лекцыі зрываліся. Безумоўна, такія з'явы негатыўна адбіваліся на навучальным працэсе [17, арк. 55]. Большасць выкладчыкаў не прымала ўдзелу ў грамадскім жыцці тэхнікума, слаба арыентавалася ў мэтах нацыянальнай палітыкі БССР, цьмяна ўяўляла этнакультурную спецыфіку беларускіх палякаў.

Але нягледзячы на кадравыя і фінансавыя складанасці, МППТ таксама з'яўляўся буйным культурным цэнтрам Мінска. Першая польская літаратурная секцыя была створана ў 1925 г. пры тэхнікуме. У 1928 г. на яе базе была створана Польская секцыя Беларускай асацыяцыі пралетарскіх пісьменнікаў, якая аб'ядноўвала 63 польскіх пісьменнікаў і паэтаў [20, с. 45]. Дзякуючы іх старанням 17 жніўня 1931 г. у Мінску прайшоў Першы (і адзіны) з'езд польскіх пралетарскіх пісьменнікаў [6, с. 187]. Навучэнцы і выкладчыкі тэхнікума ўдзельнічалі ў культурна-асветніцкіх мерапрыемствах польскага клуба імя Р. Люксембург у Мінску [17, арк. 55]. Вялікім поспехам у гледачоў карысталіся выступы аркестра і хору студэнтаў МППТ [21, с. 37–39]. Навучэнцы аказвалі шэфскую дапамогу вёскам з польскім насельніцтвам (дапамога ў сельскагаспадарчых працах, правядзенне культурна-масавых мерапрыемстваў) [22, с. 9], арганізавалі пункты па ліквідацыі непісьменнасці [23, с. 4].

Выкладчыкі МЯПТ мелі высокі ўзровень падрыхтоўкі і былі спецыялістамі ў сваёй справе. Дырэктар тэхнікума Л. І. Мышкоўскі, выпускнік Віленскага яўрэйскага настаўніцкага інстытута, выкладаў палітычную эканомію і геаграфію. Выкладчык музыкі Т. А. Шнітман скончыў Варшаўскую кансерваторыю ў 1892 г. М. Я. Палены атрымаў політэхнічную адукацыю ў Германіі [13, арк. 55 аб.].

Навучэнцы тэхнікума паходзілі з рабочага асяроддзя, былі накіраваныя на навучанне партыйнымі, камсамольскімі і прафесійнымі арганізацыямі. Вывучалі батаніку, заалогію, мінералогію, геалогію, географію, фізіку, матэматыку, тэхналогію, яўрэйскую і рускую мовы, палітэканомію, гістарычны матэрыялізм, усеагульную гісторыю, музыку, фізічнае выхаванне, ручную працу і маляванне. Навучанне арганізоўвалася лабараторным метадам. Так, батаніку і аграномію вывучалі на ферме, якая была спецыяльна замацавана за тэхнікумам і знаходзілася ў бліжэйшым лесе [13, арк. 6–6 аб.]. Вопыты па фізіцы, хіміі, прыродазнаўстве праводзіліся як у тэхнікуме, так і ў іншых навучальных установах [13, арк. 57]. Арганізоўваліся экскурсіі на заводы і фабрыкі (напрыклад, былі арганізаваныя чатыры экскурсіі на завод «Энергія», дзве – на электрычную станцыю, дзве – на гарбарню, дзве – на дражджавы завод, 16 – на ферму «Курасоўшчына» [13, арк. 64]). Пры МЯПТ былі арганізаваныя грамадская сталовая, пральня і майстэрні: сталярная, швейная і шавецкая [13, арк. 6 аб.].

На высокім узроўні было арганізавана грамадскае і культурнае жыццё навучэнцаў МЯПТ. У навучальнай установе дзейнічала 18 палітычных гурткоў. Меліся клуб-чытальня і бібліятэка (6 тыс. кніг), пры якіх існавалі драматычны і літаратурны гурткі. Клубная камісія выдавала часопіс, на чытанні якога запрашаліся прадстаўнікі партыйных, савецкіх і прафесійных арганізацый, а таксама мясцовага настаўніцтва [13, арк. 7–7 аб.]. Былі арганізаваныя гурткі па гісторыі партыі, па вывучэнні праграмы партыі, політэхнічны, палітэканомічны, музычны (раяль, скрыпка), па маляванні, два спартыўныя, харавы, шахматны [13, арк. 64 аб.].

У пачатку 1930-х гг. наступае новы этап у нацыянальнай палітыцы савецкай дзяржавы. Згортваецца беларусізацыя, адбываецца пераход да інтэрнацыяналізацыі культурнага жыцця. Пачынаюцца рэпрэсіі ўлад у адносінах да «нацыянал-дэмакратаў». У красавіку 1937 г. Пастановай Савета Народных Камісараў БССР і ЦК КП(б)Б педагагічныя тэхнікумы былі перайменаваныя ў педагагічныя вучылішчы. У тлумачэнні адзначалася, што дадзеныя навучальныя ўстановы не ставілі перад сабой задачы даць навучэнцам тэхнічнай адукацыі [2, с. 399].

Такім чынам, у 1920-я гг. фарміруецца сістэма сярэдняй спецыяльнай педагагічнай адукацыі Мінска, якая была прадстаўлена МБПТ, МППТ і МЯПТ. Дадзеныя навучальныя ўстановы, нягледзячы на няпростое матэрыяльнае становішча, забяспечвалі кваліфікаванымі кадрамі беларускія, польскія і яўрэйскія школы, якія размяшчаліся ў розных рэгіёнах не толькі Савецкай Беларусі, але і суседніх рэспублік. Практычныя і метадалагічныя напрацоўкі выкладчыкаў педагагічных тэхнікумаў заклалі аснову для далейшага развіцця педагагічнай адукацыі ў Мінску. Дадзеныя навучальныя ўстановы з'яўляліся буйнымі культурнымі цэнтрамі, якія далі дарогу ў жыццё цэлай плеядзе таленавітых пісьменнікаў і педагогаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Каспяровіч, А. М.* Развіццё свярэдняй спецыяльнай педагагічнай адукацыі ў Савецкай Беларусі ў 20-х гг. XX стагоддзя / А. М. Каспяровіч, Н. У. Каспяровіч // Педагогическое образование и наука: история и современность (к 95-летию со дня образования БГПУ). – Ч. 1. – Минск, 2009 – С. 35–37.
2. Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945 гг.) / М. С. Крот [і інш.]. – Минск: Народная асвета, 1993. – 494 с.
3. *Маракоў, Л. У.* Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі, 1794–1991: энцыклапедычны даведнік: у 3 т. / Л. У. Маракоў. – Минск: Athenaеum, 2004. – 534 с.
4. *Жук, В. Н.* Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Н. Жук. – Минск, 2008. – 144 л.
5. *Biały, A.* Mniejszość polska na Białorusi Sowietckiej w latach 1921–1939 / A. Biały. – Przasnysz: Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Przasnyskiej, 2018. – 839 s.
6. *Iwanow, M.* Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921–1939 / M. Iwanow. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. – 424 s.
7. *Раманава, І.* Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гг. У дакументах Сакрэтнага аддзела / І. Раманава; Асобага сектара ЦК КП(б)Б. – Мінск: Логвінаў, 2019. – 1120 с.
8. *Мышкоўскі, Л.* Жыдоўская асьветная справа ў Беларусі / Л. Мышкоўскі // Асвета. – 1924. – № 2. – С. 32–37.
9. *Пушкін, І. А.* Уздел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гг.): анаграфія / І. А. Пушкін. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 319 с.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусі (НАРБ). – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1430.
11. *Мычко, Ю. В.* Партийно-государственная политика в БССР в отношении польского национального меньшинства / Ю. В. Мычко // Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 17 марта 2009 г. / редкол.: Н. М. Забавский [и др.]. – Минск, 2009. – С. 193–197.
12. Дасягненні ў культурна-асветнай працы сярод нацыянальных меншасцяў БССР к 10-й гадавіне Кастрычнікавай рэвалюцыі // Асвета. – 1927. – № 7. – С. 135–142.
13. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1437.
14. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1449.
15. У Менскім Беларускам Педагагічным Тэхнікуме // Беларуская справа. – 1926. – 14 траўня. – С. 6.
16. Праца Польскага Педагагічнага Тэхнікуму ў Менску і яе сучасныя вынікі // Асвета. – 1927. – № 5. – С. 123–125.
17. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 162п. Воп.1. Спр. 211.
18. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 2023.
19. ДАМВ. – Ф. 12п. Воп. 1. Спр. 1086.
20. *Альшэўская, С. І.* Некаторыя аспекты развіцця культуры польскага этнаса ў БССР (міжваенны перыяд) / С. І. Альшэўская, В. А. Йошос // Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 23 июня 2011 г. / редкол.: В. В. Тугай [и др.]. – Минск, 2011. – С. 45–47.
21. Польская школа і польскі настаўнік у Савецкай Беларусі // Асвета. – 1924. – № 2. – С. 37–39.
22. *Parfjanowicz, S.* O pracy stowarzyszenia szefowskiego przy PTP / S. Parfjanowicz // Orka. – 1926. – 27 czerwca. – S. 9.
23. Z murów uczelni – w masy // Orka. – 1928. – 17 października. – S. 4.

(Дата падачы: 27.02.2023 г.)

К. Н. Карпович

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. N. Karpovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.34

ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

INSTITUTE OF JUDICIAL INVESTIGATORS IN MODERN RUSSIAN AND BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

В статье рассматривается современная российская и белорусская историография, посвященная деятельности института судебных следователей в Российской империи (1860–1914 гг.). Показывается, что история деятельности судебных следователей в белорусских губерниях не стала предметом отдельного изучения.

Ключевые слова: судебный следователь; судебная реформа 1864 г.; предварительное следствие; демократизация судебной системы.

The article deals with modern Russian and Belarusian historiography dedicated to the activities of the institute of judicial investigators in the Russian Empire. It is shown that the history of the activities of judicial investigators in the Belarusian provinces has not become the subject of a separate study.

Keywords: judicial investigator; judicial reform of 1864; preliminary investigation; democratization of the judicial system.

История создания и развития института судебных следователей сохраняет актуальность не только для исторической, но также и для юридической науки. Существующие научные работы было бы корректно разделить на две группы. К первой можно отнести историко-правовые исследования, в которых сочетается рассмотрение юридических и исторических аспектов функционирования института судебных следователей. Вторая группа включает в себя работы исключительно юридического характера, которые направлены на использование опыта функционирования института судебных следователей в современной Российской Федерации.

Следует отметить, что история судебных следователей разрабатывается преимущественно в российской историографии. В белорусской исторической науке данная проблематика в основном упоминается в контексте вопросов, связанных с реализацией судебной реформы 1864 г. в белорусских губерниях. Вплоть до настоящего времени остается широкий круг нераскрытых вопросов, связанных с функционированием института судебных следователей в белорусских губерниях и особенностях его региональной специфики. Начиная с дореволюционной научной литературы сложилась

определенная историографическая традиция изучения деятельности института судебных следователей, однако в настоящей статье анализируется современная российская и белорусская историография проблемы.

Большая часть историко-правовых исследований представлена отдельными статьями. В частности, в статье Д. О. Серова проанализированы причины создания института судебных следователей, функционирование в переходный период с 1860 по 1864 г., особенности его становления в различных регионах Российской империи. Автор изучает трансформацию дореформенных следственных участков уездных судов в следственные участки окружных судов. Особенно детально историк останавливается на полномочиях судебных следователей и их взаимоотношениях с другими участниками досудебного производства. По его мнению, к концу XIX в. в России сложился целостный следственный аппарат, и только к этому времени идеи, заложенные реформаторами судебной системы, стали последовательно реализовываться на практике [1, с. 117].

В работе Е. В. Саньковой показано, какие полномочия были присущи судебным следователям, а какие полиции, в каких случаях их деятельность пересекалась, и как происходило взаимодействие при расследовании преступлений. Она делает акцент на том, что зачастую общая полиция не исполняла свои функциональные обязанности, что в итоге приводило и к недоработкам судебных следователей [2, с. 52].

В статье И. В. Упорова рассматривается эволюция взглядов по вопросу создания органов предварительного следствия и отделения их от полиции. В ней анализируются разногласия в правительственных верхах по вопросу о месте и роли судебных следователей в системе Министерства юстиции. Так, некоторые консервативно настроенные государственные деятели, несмотря на позитивные моменты, связанные с введением судебных следователей, предлагали его упразднить [3, с. 169].

Л. И. Лавдаренко отмечал, что появление судебных следователей было реакцией на то, что следственная часть в составе полиции уже не соответствовала требованиям времени и не могла успешно выполнять свою работу. Автор проанализировал полномочия судебного следователя в соответствии с судебными уставами и уделил внимание его взаимодействию с другими участниками следственно-судебных мероприятий [4, с. 20]. С. В. Валов «подчеркивал взаимоисключающий характер ряда статей, определяющих права и обязанности судебных следователей [5, с. 39]. Историк А. К. Аверченко писал о том, что должность судебного следователя по своим обязанностям относилась к судебным органам, что не исключало выполнения не свойственных ему функций [6, с. 223]. С. А. Шейфер оценивал институт судебных следователей, как прогрессивное и достаточно своевременное нововведение в судебной практике. Автор достаточно подробно остановился на рассмотрении полномочий судебного следователя, особенно в вопросе его взаимоотношений с работниками судебных учреждений Министерства

юстиции (прокурорами, судьями и др.). Однако в статье упоминается и либеральная критика в адрес института судебных следователей. В частности, упоминаются оценки такого деятеля, как В. П. Даневского, который считал, что предварительное следствие является самой слабой частью уголовного производства. Либерально настроенные юристы критиковали институт судебных следователей за сильную зависимость личности следователя от прокурора и уже упоминавшуюся выше перегруженность не свойственными ему функциями [7, с. 113].

Институт судебных следователей стал предметом нескольких диссертационных исследований. Так, Л. Л. Соловьева в 2007 г. защитила диссертацию по теме «Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века: на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний». Автор подчеркивает важную роль предварительного следствия в судебном процессе, а причины низкого качества следствия в современной России пытается проследить в прошлом. Данная работа интересна тем, что является примером изучения истории деятельности судебных следователей на региональном уровне. Исследовательница указывает на недоработки уставов, регламентировавших деятельность судебных следователей. В частности, основным недостатком, по мнению Л. Л. Соловьевой, являлось отсутствие четкого разделения на дознание и предварительное следствие. Она акцентирует внимание на проблемных сторонах становления института в центральных губерниях. К ним относилось стремление государства поставить под свой контроль фигуру судебного следователя посредством детальной бюрократической регламентации со стороны Министерства юстиции. Особенностью работы является то, что на уровне ряда губерний раскрыты различные аспекты функционирования института судебных следователей, которые оставались малоизученными в российской историко-правовой науке. Л. Л. Соловьевой выявлены организационные особенности становления института судебных следователей в Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерниях, показаны характерные черты их повседневной деятельности, определен характер взаимодействия судебных следователей с другими структурами Министерства юстиции [8, с. 16].

В своей диссертации А. А. Волчкова обосновывает тезис о том, что появление судебных следователей способствовало демократизации следственного процесса и постепенному отхождению от инквизиционно-административного наследия крепостнической эпохи, способствовало более эффективной работе органов предварительного следствия. Помимо чисто юридических аспектов вопроса в диссертации анализируются особенности деятельности судебных следователей в пределах Нижегородской губернии. На основании местных архивных источников автор проследила этапы реализации указа об учреждении института судебных следователей в Нижегородской губернии [9, с. 18].

В диссертации Ю. В. Рошиной «Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России» автор предполагает использовать опыт дореволюционного института судебных следователей в современной юридической практике. Она проводит параллели между дореволюционным и современным ей законодательством о предварительном следствии. В ходе своего анализа автор доказывает, что полномочия, которыми обладал судебный следователь, и его принадлежность к судебному ведомству способствовали объективизации проведения следственных мероприятий [10, с. 25].

В отечественной историографии деятельность судебных следователей специально не рассматривалась, а сам институт лишь упоминается в контексте описания осуществления судебной реформы в белорусских губерниях. Например, в многотомном издании «История Беларуси» под редакцией М. П. Костюка фигура судебного следователя упоминается в списке состава служащих окружных судов [11, с. 173]. В коллективном труде «История белорусской государственности» кратко сообщается о создании института судебных следователей в рамках деятельности окружного суда в белорусских губерниях [12, с. 120]. В статье И. Д. Носкевича говорится о создании органа предварительного следствия в 1860 г. в рамках описания развития следственных органов на территории Беларуси с 1468 г. до 2011 г. Автор кратко сообщает о функциональных обязанностях судебного следователя и его роли в пореформенной судебной системе [13, с. 90]. В обзорной публикации А. П. Пацкевича «Генезис и этапы развития следственного аппарата на территории Беларуси в XI–XIX веках» институт судебных следователей рассматривается как один из концептуальных этапов в развитии следственных органов на территории Беларуси. В ней анализируются причины реформирования аппарата досудебного производства в Российской империи и появления должности судебного следователя, его полномочия и взаимодействие с другими сторонами судопроизводства [14, с. 3]. Наконец, в статье А. А. Косенко, посвященной предварительному полицейскому дознанию, судебные следователи упоминаются в «фоновом» режиме, а основной акцент делается на анализе роли чинов общей полиции в предварительном дознании [15, с. 3].

В обзорных работах по истории белорусского государства и права институт судебных следователей также не получил заметного отражения. Так, А. Ф. Вишневецкий только сообщает о статусе несменяемости, которым обладал судебный следователь в соответствии с судебными уставами [16, с. 162]. В книге И. А. Юхо «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» вообще не приводится информация о судебных следователях [17, с. 333]. В свою очередь Т. И. Довнар в своем труде «История государства и права Беларуси» ограничилась лишь упоминанием о появлении судебных следователей в результате судебной реформы 1864 г. [18].

Вторым направлением в изучении судебных следователей являются труды сугубо юридического характера, в которых исследуются исключительно

правовые аспекты организации института судебных следователей. При этом непосредственно историческая составляющая тематики уходит на второй план, а на первый выдвигаются актуальные проблемы современного следствия. Так, в статье Ю. А. Цветкова рассмотрена возможность восстановления подобного учреждения в Российской Федерации. В ней отмечается ряд возможных положительных последствий такого решения. В их числе обращается внимание на нейтральность судебного следователя по отношению и к суду, и к предварительному дознанию. Однако отмечается, что введение данного института в Российской Федерации потребует пересмотра различных функций следственных и судебных органов. В итоге делается вывод, что полностью в нынешних условиях реализовать концептуальные основы дореволюционного института судебных следователей невозможно, но частичное их применение с целью совершенствования существующей системы может дать положительные результаты. Основным позитивным моментом виделась возможность появления относительно независимой от административной власти фигуры [19, с. 27]. В публикации А. Е. Шарихина были проанализированы попытки реформировать сферу предварительного следствия за период с 2011 по 2021 гг. и делался вывод о том, что введение должности по образцу существовавших до 1917 г. судебных следователей позволило бы демократизировать процесс сбора доказательств виновности и объективизировать судебный процесс [20, с. 33]. К. А. Московцева в своей публикации рассматривает положительные и отрицательные стороны восстановления должности судебных следователей по дореволюционной модели. По ее мнению, одной из основных проблем их функционирования стало бы выполнение несвойственных судебным следователям функций. В связи с этим увеличивалось бы количество оправдательных вердиктов из-за неполноты проводимых следственных мероприятий. Положительной стороной, скорее всего, стало бы отделение предварительного следствия от органов полиции, что способствовало бы укреплению более независимого от административной власти статуса судебного следователя [21, с. 49].

Таким образом, постсоветской российской исторической и историко-правовой наукой накоплен и проанализирован значительный объем информации, посвященной деятельности института судебных следователей. В дореволюционной научной литературе основной целью изучения судебных следователей являлось выявление проблемных сторон их функционирования, а полученные результаты предполагалось использовать в исправлении недостатков в деятельности следователей. Напротив, в современной историографии на первом месте стоит не столько прикладной, сколько сугубо научный интерес к истории этого института. Вместе с тем следует отметить, что в современной российской юридической науке рассматривается возможность использования дореволюционного опыта следствия в текущей правоохранительной практике. Современные исследователи стараются недредвзято показать особенности эволюции предварительного следствия

в Российской империи как одного из важнейших этапов развития следственных органов на территории России. В белорусской историографии не имеется специальных работ, детально раскрывающих историю становления и механизм функционирования института судебных следователей в белорусских губерниях. Показательно, что в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» отсутствует отдельная тематическая статья, а сами судебные следователи лишь упоминаются при характеристике судебной реформы [22].

Список использованных источников

1. Серов, Д. О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века / Д. О. Серов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9. – С. 114–135.
2. Санькова, Е. В. Взаимодействие следователей с органами полиции в свете судебной реформы Александра II / Е. В. Санькова // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10 летию Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 15 апреля 2021 г. / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; ред.: Ю. А. Цветков [и др.]. – М., 2021. – С. 51–58.
3. Упоров, И. В. Учреждение судебных следователей как начало модернизации судебной системы Российской империи во второй половине XIX в. / И. В. Упоров // Наука и современность. – 2016. – № 1 – С. 166–170.
4. Лавдаренко, Л. И. Учреждение органа предварительного действия в результате судебной реформы 1860–1864 гг. / Л. И. Лавдаренко // Глаголь Правосудия. – 2014. – № 2. – С. 17–24.
5. Валов, С. В. Решения Александра II о производстве предварительного следствия / С. В. Валов // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: всероссийская. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию учреждения должности судебного следователя, Москва, 24 сентября 2020 г. / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; ред.: Д. Н. Кожухарик [и др.]. – М., 2020. – С. 36–40.
6. Аверченко, А. К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы). / А. К. Аверченко // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – С. 217–231.
7. Шейфер, С. А. Следственная власть: история и современность / С. А. Шейфер // Уголовная юстиция: связь времен: материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г. / Междунар. ассоц. содейств. правосуд; редкол.: А. В. Смирнов (гл. ред.) [и др.]. – СПб., 2010. – С. 111.
8. Соловьева, Л. Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л. Л. Соловьева; Нижегородская академия МВД России. – Владимир, 2007. – 22 с.
9. Волчкова, А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России (Историко-правовой анализ): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. А. Волчкова; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2005. – 32 с.
10. Рощина, Ю. В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю. В. Рощина; РУДН. – М., 2006. – 36 с.
11. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. В. Біч [і інш]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай Імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.

12. История белорусской государственности. в 6 т. / Н. В. Смехович [и др.]; отв. ред. тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 2: Беларуская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). – 413 с.

13. *Носкевич, И. Д.* Формирование и реформирование органов предварительного расследования Республики Беларусь / И. Д. Носкевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 88–94.

14. *Пацкевич, А. П.* Генезис и этапы развития следственного аппарата на территории Беларуси в XI–XIX веках / А. П. Пацкевич // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика: сборник статей [международного научно-практического семинара, Минск, 5 февраля 2021 г.] / Академия управления при Президенте Республики Беларусь; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2021. – С. 35–39.

15. *Косенко, А. А.* Формирование и реформирование органов предварительного расследования Республики Беларусь / А. А. Косенко // Журн. Белорус. гос. ун-та. – 2022. – № 10. – С. 88–94.

16. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. – Мінск: Акадэмія МУС РБ, 2003. – 320 с.

17. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: дапаможнік: у 2 ч. / Я. А. Юхо. – Мінск: РІВШ, 2000. – Ч. 1. – 349 с.

18. *Довнар, Т. И.* История государства и права Беларуси [Электронный ресурс] / Т. И. Довнар // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/55185>. – Дата доступа: 07.02.2023.

19. *Цветков, Ю. А.* Возможно ли воссоздать институт судебных следователей в российской федерации? / Ю. А. Цветков // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10 летию Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 15 апр. 2021 г. / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; ред.: Ю. А. Цветков [и др.]. – Москва, 2021. – С. 25–29.

20. *Шарихин, А. Е.* Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на УПК РФ / А. Е. Шарихин // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 15 апреля 2021 г. / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; ред.: Ю. А. Цветков [и др.]. – М., 2021. – С. 29–35.

21. *Московцева, К. А.* Ретроспективный взгляд на реформу предварительного следствия / К. А. Московцева // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Следственного комитета Российской Федерации, Москва, 15 апреля 2021 г. / Московская академия Следственного комитета Российской Федерации; ред.: Ю. А. Цветков [и др.]. – М., 2021. – С. 49–51.

22. *Сакалова, М.* Судовая рэформа 1864 / М. Сакалова // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі / Беларуская Энцыклапедыя; рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – 2001. – Т. 6, кн. 1: Пузелі – Усяя. – С. 442.

(Дата подачи: 21.02.2023 г.)

Г. С. Касяноўская

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна

A. S. Kasyanovskaya

Yanka Kupala State University, Grodno

УДК 94 (476) «15/19»

МЯСТЭЧКІ Ў СІСТЭМЕ ПАСЕЛІШЧАЎ БЕЛАРУСІ (XVI–XX СТСТ.)

TOWNSHIP IN THE SYSTEM OF SETTLEMENTS IN BELARUS (XVI–XX CENTURIES)

Артыкул прысвечаны развіццю мястэчак у сістэме населеных пунктаў Беларусі ў XVI–XX стст. Аўтарам аналізуюцца ўмовы і асаблівасці функцыянавання гэтых паселішчаў у складзе ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, Польшчы, БССР; раскрываюцца метадалічныя падыходы да дэфініцыі «мястэчка», робіцца навуковая спроба вызначэння іх колькасці і крытэрыяў тыпалагізацыі, а таксама аналізуюцца фактары, якія вызіялялі іх ролю ў структуры населеных пунктаў Беларусі.

Ключавыя словы: мястэчка; населены пункт.; працэсы ўрбанізацыі; культурна-гістарычная спадчына; колькасць насельніцтва; тыпалагізацыя.

The article is devoted to the historical stages of the development of Belarusian towns in the 16th – 20th centuries. The author analyzes the conditions and features of the functioning of these settlements as part of the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Russian Empire, Poland, and the BSSR. The methodological approaches to the definition of “town” are revealed, a scientific attempt is made to determine their number and typology criteria, and the factors that distinguished their role in the structure of settlements of Belarus are analyzed.

Key words: small Townships; settlement; urbanization processes; cultural and historical heritage; population, typology.

Адной з галоўных задач айчынай і замежнай урбаністыкі з’яўляецца вывучэнне малых гарадоў, як іх сучаснага стану, так і гістарычнага мінулага. З улікам дзяржаўнай палітыкі Рэспублікі Беларусь, накіраванай на падтрымку малых і сярэдніх гарадскіх паселішчаў як цэнтраў развіцця прадпрымальніцтва, аграпрамысловай вытворчасці і турызму, узрастае неабходнасць вывучэння іх культурна-гістарычнай спадчыны.

Беларускія мястэчкі – культурна-гістарычны феномен, пераходны тып паселішчаў паміж горадам і вёскай з уласцівымі традыцыйнымі рысамі развіцця, што знайшло адлюстраванне ў разнастайнасці заняткаў жыхароў, полінацыянальным складзе насельніцтва, асаблівым сацыякультурным асяроддзі. На працягу XVI–XX ст. мястэчкі як асобныя тыпы паселішчаў былі часткай сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця беларускага народа. Даследаванне іх гісторыі – важны напрамак у вывучэнні айчынай гісторыі, які пашырае і паглыбляе веды аб сацыяльна-эканамічным і культурным развіцці Беларусі. Комплексныя навуковыя працы, прысвечаныя

гісторыі беларускіх мястэчак як асобых паселішчаў ад пачатку іх заснаван-
ня і да іх ліквідацыі, у айчыннай гістарыяграфіі адсутнічаюць.

Кожная гістарычная эпоха не проста ўплывала на мястэчкі Беларусі,
вызначаючы іх ўмовы развіцця, але і фарміравала спецыфіку гэтага тыпу
паселішчаў. Мястэчкі, на думку даследчыцы І. Соркінай, былі не толькі пе-
раходным тыпам паселішчаў паміж горадам і вёскай, але і самадастатковай
адметнай з'явай сацыяльна-эканамічнага і культурнага жыцця Беларусі [1,
с. 344].

Слова мястэчка паходзіць ад агульнаславянскага «места» – так называ-
лі на Беларусі гарады ў XVI–XVIII стст. Нягледзячы на тое, што мястэчкі
ў ВКЛ узнікаюць ужо ў XV ст., дакладная трактоўка гэтага тэрміну з'яві-
лася толькі ў другой палове XVIII ст. У пастанове Варшаўскага Сойма аб
генеральным падымным за 1775 г. усе гарадскія пасяленні Рэчы Паспалітай
падзяляліся на тры групы: «гарады вялікія», «гарады меншыя», «мястэчкі».
Сцвярджалася, што «*пад мястэчкамі трэба разумець такія, каторыя ад-
ным земляробствам жывуць і меней як 300 дымоў налічваюць*» [1, с. 49].

Пад мястэчкам XVI–XIX стст. большасць даследчыкаў разумеюць на-
селены пункт, які адрозніваўся ад горада меншай колькасцю насельніцтва,
адсутнасцю абарончых збудаванняў, аграрнымі рысамі; ад сяла і вёскі – на-
яўнасцю гандлю і рамяства як сталых заняткаў часткі жыхароў, большай
культурнай і адміністрацыйнай значнасцю, а таксама большай складанасцю
планіроўкі і забудовы [2, с. 28].

У гісторыі мястэчак можна выдзеліць наступныя этапы: 1) з'яўленне
і станаўленне мястэчак (XIV–XVI стст.), 2) колькасны рост мястэчак як
тыпу паселішчаў (XVII – першая палова XVIII ст.); 3) трансфармацыя ролі
мястэчак у складзе Расійскай імперыі; 4) дэградацыя мястэчак у савецкі час
(1919–1939 гг.); 5) ліквідацыя мястэчак як тыпу паселішчаў (1938–1940 гг.).

Гандаль быў першым вызначальным фактарам узнікнення і развіцця
мястэчка. Большасць беларускіх мястэчак былі заснаваны на месцы тар-
гоў непасрэдна ад вялікакняжацкіх альбо іншых прыватнаўласніцкіх сядзіб,
замкаў, манастыроў, выконваючы ролю гандлёва-пасрэдніцкіх цэнтраў па-
між горадам і вёскай. Самыя старажытныя мястэчкі былі ўтвораны побач
з замкамі (Іказнь, заснавана ў 1504 г.), манастырамі (Жыровічы, заснаваны
ў 1643 г.), а таксама на скрыжаваннях гандлёвых шляхоў (Станькава, Ма-
гільнае, Мікалаеўшчына і інш.) на месцы былых вёсак (Новы Свержан,
Стоўбцы, Стваловічы, Ярэмчы і інш.). [1, с. 97].

Стварэнне мястэчак афармлялася, як правіла, каралеўскімі граматамі,
якія вызначалі прывілеі таго ці іншага мястэчка, павіннасці жыхароў, струк-
туру кіравання і г. д. Ва ўзнікненні мястэчкаў былі зацікаўлены каралеўская
ўлада, магнаты і іншыя землеўладальнікі, якія шукалі новых крыніц даходу
ад гандлю, рамяства і промыслаў.

Паводле маёмаснай прыналежнасці да пэўнага ўладання мястэч-
кі з XVI ст. падзяляліся: на дзяржаўныя («каралеўскія», «казенныя»),

прыватнаўласніцкія, царкоўныя. Каралям польскім (яны ж – вялікія князі літоўскія), напрыклад, належалі Азёры, Гомель, Дрысвяты, Лунна, Сураж, Ушачы. Многімі мястэчкамі валодалі буйныя магнаты: Радзівілы – Любчай, Лагішынам, Койданавам; Сапегі – Чашнікамі, Бешанковічамі; Кішкі – Докшыцамі; Глябовічы – Зэльвай; Астрожскія – Баранню, Смалявічамі; Заслаўскія – Свіслаччу; Тызенгаўзены – Паставамі. Былі мястэчкі, якія знаходзіліся ва ўласнасці царквы – Ігумен, Відзы, Жыровіцы, Пяршаі [3, с. 217].

Аб значнай ролі мястэчак у тагачасным жыцці дзяржавы ВКЛ, пазней Рэчы Паспалітай сведчыў такі факт: некаторыя з іх мелі ўласны герб і карысталіся Магдэбурскім правам на гарадское самакіраванне – Высокае (з 1494 г.), Радашковічы (з 1564 г.), Мір (з 1579 г.), Любча (з 1590 г.), Капыль (з 1632 г.), Ружаны (з 1637 г.), Жыровіцы (з 1652 г.), Вызна (з XVI ст.), Лагішын (з канца XVI ст.), Пружаны (з канца XVI ст.), Рэчыца (з XVI ст.) і г. д. [4].

Колькасны рост мястэчак пачаўся ў XVI ст. З. Ю. Капыскі на карце Т. Маркоўскага (1613 г.) налічыў на беларускіх землях 272 мястэчкі, 109 з якіх знаходзіліся ў басейне Нёмана, 62 – у басейне Дняпра, 55 – Заходняй Дзвіны, 42 – Прыпяці, 4 – Буга [5, с. 68].

Да сярэдзіны XVII ст. на беларускіх землях налічвалася 37 гарадоў і 425 мястэчак [5, с. 96]. Падзелы Рэчы Паспалітай, барацьба з Маскоўскай дзяржавай, далучэнне беларускіх зямель да Расійскай імперыі садзейнічалі скарачэнню іх колькасці (у другой палове XVII ст. налічвалася 350 мястэчак) [6, с. 69].

У XVIII – першай палове XIX ст. назіраўся колькасны рост местачковага насельніцтва. На становішча і прававы статус мястэчак істотны ўплыў аказала палітыка расійскіх улад у галіне горадаўтварэння. Па падліках А. Карпачова, у другой палове XVIII ст. на тэрыторыі Беларусі было 438 гарадскіх паселішчаў: 39 гарадоў і 399 мястэчак [7, с. 49]. Найбольшы уплыў на колькасны рост гарадоў і мястэчак мелі высяленні яўрэяў з сельскай мясцовасці («Палажэнне аб яўрэях» 1835 г.). За час знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі ў беларускіх мястэчках склаліся як мінімум два значныя этнічныя асяроддзі – яўрэйскае і беларускае, якія колькасна выдзяляліся ў сацыяльнай структуры тагачаснага грамадства. Мястэчкі працягвалі быць эканамічна запатрабаванымі, выконваць значную ролю на мясцовым рынку. Іх рост стымуляваўся рачным гандлем, неабходнасцю абслугоўваць экспарт збожжа з Расійскай імперыі на Запад. Спецыялізацыя мястэчак вызначалася пераважна эканамічнымі паказчыкамі.

Расійскае заканадаўства не давала пэўнага і дакладнага вызначэння статуса мястэчка, што ўскладняла дакладны падлік іх колькасці. Гэта былі паселішчы, невядомыя раней Расіі. Статус іх тлумачыўся па-рознаму, у залежнасці ад тых інтарэсаў, якімі кіраваліся ўлады. Імперскае заканадаўства ў адных выпадках адносіла мястэчкі да гарадскіх паселішчаў, а ў іншых – да сельскіх. Адна і тая ж мясцовасць у розных афіцыйных дакументах называ-

лася то горадам, то мястэчкам, то нават вёскаю. З 3 399 беларускіх мястэчак 38 (ці амаль 10 % ад агульнай колькасці) мелі самакіраванне паводле магдэбургскага права [7, с. 91]. Пасля далучэння беларускіх зямель да Расіі магдэбургскае права тут было паступова ліквідавана: у Магілёўскай і Пскоўскай губернях – у лістападзе 1775 г., у Мінскай – у маі 1795 г., у Слонімскай і Віленскай – у снежні 1795 г. [8, с. 6]. Прыклады барацьбы местачкоўцаў-беларусаў за вяртанне мяшчанскага статусу ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. шматлікія: Воўпа, Гарадзец, Глуск, Дывін, Давыд-Гарадок, Камянец, Капыль, Крошына, Крэва, Крынкі, Лагішын, Мальча, Масты, Петрыкаў, Скідзель і інш. Асабліва актыўнымі былі жыхары мястэчак Гродзенскай губерні, што падрабязна апісана ў даследаваннях М. Улашчыка [9], В. Карнелюка [10], С. Такця [11].

На рубяжы XIX–XX ст. адбываецца размыванне мястэчак, сціраліся адметныя рысы мястэчка ад іншых тыпаў паселішчаў: ад вёсак і асабліва ад гарадоў. Гэта быў вынік цэлага комплексу фактараў і прычын: па-першае, мястэчкі Беларусі паступова пачалі страчваць ролю эканамічнага пасрэдніка паміж горадам і вёскай. Найбольш буйныя мястэчкі, уцягнутыя ў таварна-грашовыя адносіны, усё больш і больш набліжаліся да гарадоў. Паралельна значная колькасць мястэчак апускалася да становішча сельскіх паселішчаў, у якіх не назіралася ніякай гандлёвай актыўнасці. Гэтыя працэсы асабліва ўзмацніліся ў 20–30 гг. XX ст., які і стаў апошнім гістарычным перыядам існавання як самастойных паселішчаў.

У пачатку XX ст. у межах Беларусі налічвалася 325 гарадскіх паселішчаў, у тым ліку 280 мястэчак (*Ковенская і Віленская губерні* (беларуская частка): 8 гарадоў і 56 мястэчак; *Віцебская губерня*: 6 і 23; *Гродзенская губерня*: 8 і 43; *Магілёўская губерня*: 13 і 68; *Сувалкаўская* (беларуская частка) і *Менская губерні*: 2 і 88 [12, с. 11–44]. Змена палітычнага ладу ў 1917 г., польска-савецкая вайна 1919–1921 гг. прывялі да падзелу беларускіх зямель паміж РСФСР і Польшчай, да трансфармацыі ўрбанізацыйных працэсаў.

У 1921 г. пасля Рыжскага міру мястэчкі Заходняй Беларусі былі ўключаны ў новую тэрытарыяльна-адміністрацыйную сістэму Польшчы. Тэрытарыяльна-адміністрацыйны падзел польскай дзяржавы на ваяводства, паветы і гміны прадвызначыў змену статусу многіх пасяленняў, асабліва мястэчак, якія ва ўмовах нешматлікасці гарадоў сталі цэнтрамі гмін. Прававы статус мястэчак у 1921–1939 гг. вызначаўся ў адпаведнасці з пастановамі Генеральнага Камісара Усходніх зямель ад 27 чэрвеня 1919 г. – «Устава аб гарадах» і ад 7 лістапада 1919 г. «Аб крытэрыях падзелу на гарады і мястэчкі» [13, арк. 24, 27]. Мястэчкамі называліся пасяленні местачковага тыпу, якія налічвалі ад 2000 да 4000 чалавек. Звыш за 4000 чалавек налічваў ужо горад. У 1921–1939 гг. новых прававых нормаў, якія вызначалі прававы статус мястэчка, польскім урадам прынята не было. За аснову вызначэння мястэчка як тыпу паселішча быў узяты фармальны крытэрыў колькасці насельніцтва. Аднак і гэты крытэрыў не ва ўсіх выпадках выконваўся.

Рост колькасці заходнебеларускіх гарадоў у 1927–1939 гг. адбываўся за кошт мястэчак, і палітыка польскага ўрада садзейнічала гэтаму працэсу. У 1921–1929 гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі налічвалася 198 мястэчак, у 1931–1939 гг. іх колькасць зменшылася да 180. У 1929–1939 гг. 16 мястэчак набылі статус горада, аднак у Заходняй Беларусі пераважалі мястэчкі-сёлы і дробныя мястэчкі з сярэдняй колькасцю жыхароў ад 700 да 1500 чалавек [2, с. 40].

У БССР колькасць мястэчак да сярэдзіны 1920-х гг. рэзка скарацілася да 43, а затым у 1934 г. падрасла да 68 (пасля ўзбуйненняў тэрыторыі БССР у 1924 і 1926 гг.). Захаваўшы свой самастойны статус, мястэчкі паспяхова развіваліся да канца 1930-х гг., павялічвалася колькасць іх насельніцтва [6, с. 70]. Працэсы індустрыялізацыі і эканамічнай рэгіяналізацыі ў БССР паўплывалі на прававы статус асобных мястэчак. Па падліках Г. У. Рыдзеўскага, 12 мястэчак у канцы 30-х гг. XX ст. сталі значнымі субрэгіянальнымі цэнтрамі БССР і набылі гарадскі статус [14, с.17].

Мястэчкі як самастойны тып паселішчаў былі афіцыйна ліквідаваны ў 1938 г. ва ўсходняй, у 1939 г. – у заходняй частцы нашай краіны. Частка мястэчак набыла статус гарадоў (Крычаў, Койданава, Дзяржынск, Касцюковічы і інш.), іншая частка стала гарадскімі пасёлкамі (Краснаполле, Копысь, Беразіно, Капыль, Старобін, Альбертын і інш.) і раённымі цэнтрамі (Ула, Ветрына, Дрэтунь, Янавічы, Багушэўск, Плешчаніцы і інш.), астатнія пераводзіліся ў разрад вёсак (Расна, Радамля, Мілаславічы, Бялынкавічы, Дрыбін, Доўск, Горы, Круглае, Журавічы, Зембін, Гайна, Крайск і інш.) – цэнтраў сельскіх саветаў, раёнаў. Фактычна мястэчкі перасталі існаваць пасля Вялікай Айчыннай вайны, калі падчас халакосту была знішчана значная частка яўрэяў.

Адной з галоўных метадалагічных праблем у вучэбніку мястэчак Беларусі з’яўляецца іх класіфікацыя (тыпалагізацыя). Асаблівасці вучэбамага храналагічнага перыяду, тэарэтычная складанасць і неадназначнасць дэфініцыі *мястэчка* ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі, мноства падыходаў і крытэрыяў да спецыфікі мястэчак як тыпу паселішчаў выклікае неабходнасць стварэння пэўнага кансэнсусу ў напрамку вызначэння крытэрыяў, па якіх можна класіфікаваць гэтыя населеныя пункты. Найбольш распаўсюджанай класіфікацыяй населеных пунктаў Беларусі ў айчыннай гістарыяграфіі з’яўляецца тыпалагізацыя паселішчаў па колькасцям паказчыку (г.зн. колькасці насельніцтва).

Згодна з класіфікацыяй Захара Шыбекі, у адпаведнасці з велічынёй (колькасцю насельніцтва) мястэчкі можна ўмоўна падзяліць на чатыры групы: мястэчкі-сёлы, дробныя, вялікія, буйныя. Колькасная мяжа паміж гэтымі групамі наступная: мястэчкі-сёлы (да 500 жыхароў), дробныя (ад 500 да 2000), вялікія (ад 2000 да 5000), буйныя (больш за 5000) [2, с. 79].

Мястэчкі Беларусі ў XVI–XX стст. з’яўляліся эканамічнымі цэнтрамі. Разнастайнасць заняткаў насельніцтва пераўтварала гэтыя паселішчы

ў сельскагаспадарчыя, рамесныя, прамысловыя, гандлёвыя цэнтры, забяспечваючы тым самым спецыялізацыю губерняў і ваяводстваў, паветаў, уездаў, гмін і раёнаў.

Беларускі даследчык А. Лакотка ў сваіх працах дапаўняе тыпалагізацыю мястэчак [14, с. 271].

Камунікацыі (шляхі зносін) вызначалі такія планіровачныя тыпы мястэчак як аднавулічныя і многавулічныя.

Паводле ландшафтнай прывязкі, яскрава вызначаюцца берагавыя, сухадольныя і балотныя мястэчкі.

Па рысах прыналежнасці ўрбаністычнай забудовы да стылявых прымет пэўных гістарычных эпох мястэчкі можна падзяліць на гатычныя, барочныя, ампірныя.

Нельга не згадзіцца з беларускімі даследчыкамі В. Рагойшай і І. Соркінай, якія адзначылі, што мястэчка – гэта сацыякультурны феномен нашага мінулага [1, с. 345; 16, с. 23]. З такога пункту гледжання беларускае мястэчка выступае як унікальная форма спакойнага, талерантнага прадуцыравання і сужыцця нацыянальных культур, спецыфічная лабараторыя іх інтэнсіўных узаемасувязей і ўзаемабагачэння, выпрацоўкі на гэтай аснове своеасаблівага феномена поліэтнічнай, поліканфесійнай, полілінгвістычнай местачковай культуры.

Мястэчкі ў XV–XX стст. былі найбольш поліэтнічнымі (беларусы-літвіны, рускія, палякі, латышы, літоўцы, яўрэі, яўрэі-літвачкі, немцы, караімы, татары, цыганы і інш.), поліканфесійнымі (уніяты, праваслаўныя, стараабраднікі, каталікі, лютэране, мусульмане, яўрэі і інш.) паселішчамі Беларусі. Пасля ліквідацыі ВКЛ і далучэння зямель да Расіі, мястэчкі сталі набываць выгляд яўрэйскіх рэзервацый, аднак, дзякуючы яўрэйскім абшчынам, многія мястэчкі выдзяляліся эканамічнымі функцыямі як значныя цэнтры рамяства і гандлю. У складзе польскай дзяржавы мястэчкі адчулі ўсе праявы паланізацыйных працэсаў, якія запавольвалі працэсы іх культурнай мадэрнізацыі ў параўнанні з горадам. Нягледзячы на палітыку паланізацыі, якую актыўна праводзіла польская дзяржава, у мястэчках назіралася актывізацыя культурнага жыцця насельніцтва ўсіх нацыянальнасцей. Усталяванне ў мястэчках Заходняй Беларусі польскай улады адмоўна было ўспрынята абсалютнай большасцю іх жыхароў. Польская нацыянальная культура ў местачковым грамадстве выразна ўспрымалася як чужая і стварала востры псіхалагічны бар’ер, пераадолець які польская ўлада, нягледзячы на ўсе намаганні, не магла аж да 1939 г. Ступень «апалячвання» мястэчак Заходняй Беларусі была значна меншай, чым гарадоў. Галоўным фактарам гэтага былі этнаканфесійныя працэсы.

Рэзюміруючы сказанае, адзначым, што беларускія мястэчкі – асобы тып паселішчаў, з уласцівымі ім традыцыйнымі рысамі. Полінацыянальная і шматкультурная сутнасць мястэчак адлюстроўвала асаблівасці іх эканамічнага, сацыяльнага і культурнага развіцця ў XVI–XX стст. Дзякуючы сваёй

шматлікасаці, адміністрацыйнай, эканамічнай і культурнай ролі мястэчкі занялі сваё месца ў развіцці Беларусі ў XVI–XX стст.

У кожным раёне Беларусі знаходзіцца шмат былых мястэчак, напоўненых своеасаблівай архітэктурай, духам нацыянальнай традыцыі і культуры. Стылістычная стракатасць пабудоў, арганізацыя вулічнай сеткі, размяшчэнне жылой забудовы – усе гэтыя асаблівасці, уласцівыя горадабудаўніцтву XVII–XX ст., сведчаць, што прыхільнасць да нацыянальных традыцый не прыводзіла да шаблону, а набывала яркія індывідуальныя рысы пры рэалізацыі ў канкрэтным мястэчковым асяроддзі. Выяўленне і комплекснае вывучэнне помнікаў гісторыі і архітэктуры ў мястэчках могуць стаць асновай для іх захавання, навуковай базай для фарміравання эстэтычна паўнаважнага асяроддзя сучасных паселішчаў на аснове перамяшчэння іх развіцця.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Соркіна, І. В.* Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. В. Соркіна. – Вільня: ЕГУ, 2010. – 488 с.
2. *Вайцешчык, Г. С.* Мястэчкі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё: дыс. ... канд. гіст. навук: 07 00 02 / Г. С. Вайцешчык. – Гродна, 2013. – 203 с.
3. *Гісторыя Беларускай ССР: у 5 тамах.* – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1 Першабытнаабшчыны лад на тэрыторыі Беларусі: эпоха феадалізма. – 546 с.
4. *Цітоў, В. С.* Мястэчка / В. С. Цітоў // Народная культура Беларусі: энцыклап. давед. – Мінск: Навука і тэхніка, 2002. – С. 248.
5. *Копытский, З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З. Ю. Копытский. – Минск: Наука и техника, 1973. – 191 с.
6. *Шаруха, И. Н.* Местечки Беларуси: из прошлого в будущее / И. Н. Шаруха // Псковский регионалогический журнал. – 2010. – № 10. – С. 65 – 71.
7. *Карпачев, А. М.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в.: дис. ... доктора ист. наук / А. М. Карпачев. – Минск, 1970. – 213 с.
8. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.].* – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5: М – Пуд. – 592 с.; іл.
9. *Улащик, Н. Н.* Сборник о крестьянском движении в Белоруссии / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1960. – 303 с.
10. *Карнялюк, В. Р.* 3 гісторыі барацьбы жыхароў мястэчка Крынкі за свае правы ў першай палове XIX ст. // Герольд Litherland. Гродна. – 2004. – № 1–2 (13–14). – С. 29–34.
11. *Токць, С. М.* Беларуская вёска ў эпоху зменаў: другая палова XIX – першая трэць XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: Тэхналогія, 2007. – 308 с.
12. *Жучкевич, В. А.* Города и села Белорусской ССР / В. А. Жучкевич, А. Я. Малышев, И. Е. Рогозин. – Минск: Учпедгиз БССР, 1959. – 278 с.
13. *Archiwum Akt Nowych w Warszawie.* – Zespół 55. – Sygn. 350. Dziennik urzędowy Z.G.Z.W №13. Postanowienie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich w stosunku ustroju miasteczek 25 sierpnia 1919 r.
14. *Ридевский, Г. В.* Урбанизация и процессы регионализации в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. / Г. В. Ридевский // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст.: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 15–19.

15. Локотко, А. И. Белорусское народное зодчество. Середина XIX–XX в. / А. И. Локотко. – Минск: Наука и техника, 1991. – 286 с.

16. Рагойша, В. Заходнебеларускае мястэчка як асяродак беларуска-польскага культурнага сумежжа / В. Рагойша // Куфэрак Віленшчыны. – 2000. – № 2. – С. 23–29.

(Дата падачы: 24.02.2023 г.)

Ю. Н. Кежа

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Kezha

Belarusian State University, Minsk

УДК 913(4):82-94

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦАХ РУСИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ¹

IMAGINATIONS ABOUT THE BORDERS OF RUSSIA IN THE TALE OF BYGONE YEARS

В статье рассматриваются представления о границах Руси, нашедшие отражение в наиболее раннем письменном памятнике Восточной Европы – «Повести временных лет». На основе анализа летописного материала делается вывод о восприятии границ в Древней Руси в двух основных значениях. В первом значении граница рассматривалась как зона соприкосновения с иноязычным, как правило, языческим миром. При контактах с представителями нехристианских народов лимитирование границы сопровождалось строительством городов на занятых территориях, что предусматривало включение некогда чужого пространства в освоенную, христианскую ойкумену. Второе значение границы предусматривало условное разделение владений правивших на Руси князей-Рюриковичей. Представление о границах внутри владений княжеской династии осмыслялось в соответствии с библейской традицией, где важнейшим принципом разделения земель было дальнейшее мирное сосуществование между представителями правящего рода.

Ключевые слова: Повесть временных лет; граница; Древняя Русь; печенеги; половцы; князья-Рюриковичи.

The article discusses the ideas about the borders of Rus, reflected in the earliest written monument of Eastern Europe – "The Tale of Bygone Years". Based on the analysis of chronicle material, a conclusion is made about the perception of borders in Ancient Russia in two main meanings. In the first sense, the border was considered as a zone of contact with a foreign language, usually a pagan world. During border contacts with representatives of non-Christian peoples, the limitation of the border was accompanied by the construction of cities in the occupied territories, which provided for the inclusion of the once foreign space in the developed, Christian ecumene. The second meaning of the border provided for the conditional division of the possessions of the Rurik princes who ruled Russia. The concept of boundaries within the possessions of the princely dynasty was comprehended in accordance with the biblical tradition,

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

where the most important principle of the division of lands was further peaceful coexistence between representatives of the ruling family.

Key words: The Tale of Bygone Years; the border; Ancient Rus; Pechenegs; Cumans; Rurik princes.

Образ пространства, которое обозначается границами, является частью картины мира любого сообщества. Сама категория пространства, воспринимаемая современным человеком как понятная и универсальная, в различные исторические периоды осмыслялась по-разному [1, с. 52–87]. Для человека Древней Руси X–XIII вв., как и практически любого человека доиндустриальной эпохи, пространство ограничивалось территорией, освоенной представителями «своего» сообщества. Конструируемые граница(цы), были призваны служить маркером, отделяющим освоенную и безопасную территорию от территории чужой и враждебной. Отделение «своих» от «чужих» являлось основополагающим принципом формирования фронтиров.

Помимо этого, на землях Древней Руси, где господствовала княжеская династия Рюриковичей, уже с последней четверти X в. началось разделение земель между представителями правящего рода [2, стб. 69п]. К середине XII в. в Древней Руси существовало около 10 земель-княжеств [3, с. 40]. Между владениями древнерусских князей также приходилось выстраивать границы, которые при условности их географической лимитации нашли своё отражение в летописях и осознавались если не всеми жителями Древней Руси, то представителями княжеского рода и летописцами-интеллектуалами.

Таким образом, в соответствии с анализом летописного материала, в Повести временных лет (далее – ПВЛ) можно выделить два уровня восприятия границ. В случаях внешней агрессии и военных столкновений Руси со степными нехристианскими, а также иноязычными народами, древнерусский летописец обозначает границы как зоны контактов с чужим и, следовательно, враждебным миром. В летописных сообщениях также встречается информация о границах между владениями князей-Рюриковичей. Восприятие границ внутри древнерусских земель, в данном случае, соотносилось с библейским сюжетом о разделении земель и было связано с отношениями внутри княжеского рода.

Изучение представлений о древнерусском пограничье и вытекающие из него социальный и ментальный аспекты понимания «своего» и «чужого» миров уже несколько десятилетий привлекают внимание исследователей. Восприятие этнокультурной границы Руси сквозь призму библейских образов рассматривали И. Н. Данилевский и А. В. Лаушкин [4, с. 301–356; 5]. К проблеме осмысления внешнего мира домонгольской Руси и формирования представлений об иноэтнических сообществах обращались В. Я. Петрухин, В. В. Долгов, М. Ю. Андрейчева [6, с. 58–101; 7, с. 40–66; 8, с. 266–393; 9]. Изучением представлений о формировании государственной территории

Древней Руси и разделении власти внутри рода Рюриковиче подробно занимались А. Н. Насонов В. А. Кучкин, А. В. Назаренко [10; 11; 12; 13]. При наличии многочисленных работ по социально-политической истории Руси и изучении этнокультурных представлений, остаётся до сих пор актуальным исследование древнерусского фронта, а именно – способов формирования пространственных ориентиров и связанных с этим политических и культурных практик.

«Внешние» границы. В отличие от современного восприятия границ как чётко очерченных линий, которые являются неотъемлемым атрибутом любого современного государства, границы в Древней Руси представляли собой широкое пространство между отдельными населёнными пунктами или обжитыми областями [4, с. 300; 14, с. 129]. Данное восприятие границ характерно для доиндустриальных обществ, и определяется при помощи методов гуманистической географии. Согласно основателю данного направления И Фу Туану, существуют различия между «местом» (place) и «пространством» (space). «Место» – это освоенная, знакомая территория, которая связана с непосредственным опытом человека. Конкретное место соотносится с ощущением покоя и безопасности. Месту противостоит «пространство» – обширная, малоизвестная территория, которая воспринимается как незащищённая и опасная [15, с. 19–33]. Данный подход находит своё проявление в древнерусском летописном материале, где освоенному «месту» (древнерусскому городу) противостоит неизвестное «пространство» (печенежская/половецкая степь).

В ПВЛ немаловажное значение уделено описанию обозначений границ и их обустройству. Впервые подобные действия летописец относит к правлению киевского князя Владимира Святославича. Под 989 г. описывается строительство древнерусских городов на границе с враждебной печенежской степью: *«и нача ставити (Владимир. – Ю. К.) городы по Деснь. и по Востри. и по Трубешеву. и по Суль. и по Стугнь. и поча нарубати мужь лучьшиъ. ѿ Словень и ѿ Кривичъ. и ѿ Чюди. и ѿ Вятичъ. и ѿ сихъ насели грады. бѣ бо рать ѿ Печен[г]ъ. и бѣ воюеса с ними. и идолае имъ»* [2, стб. 121]. В 1032 г. сын Владимира Ярослав, также руководил возведением городов на границе со степью по реке Рось: *«Ярославъ поча ставити городы по Ръси»* [2, стб. 150].

В сообщениях ПВЛ 989 и 1032 гг. степь (поле) – пространство, трактуемое как культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров. Эта территория, которая характеризуется безжизненностью, незаселённостью, а значит рассматривается как чужая и небезопасная [16, с. 134].

С конфессиональной точки зрения днепровские степи – место обитания язычников-печенегов которые нападают на земли Руси и разоряют её христианское население. С середины XI в. на земли печенегов приходят половцы, которые вплоть до монгольского нашествия являлись одной из самых актуальных проблем внешней политики русских князей.

На протяжении домонгольского периода, древнерусскими летописцами обозначается принадлежность половцев к язычеству, что находит отражение в наименовании их как «поганого», «безбожного», «беззаконного» народа. Это подчёркивает их антагонистичность к христианской вере и христианским святыням [17, с. 182–183; 5, с. 248]. В период составления ПВЛ (конец XI – начало XII вв.) подобное отношение экстраполировалось на более ранний период и также относилось к печенегам и торкам как потомкам ветхозаветного Измаила из «Откровения» Мефодия Патарского [9, с. 133–134]. В конце X в. Русь, обретающая христианское самосознание, на своих границах приобретает собственных варваров, которыми являлись нехристианские степные народы – печенеги и половцы [18, с. 486].

Согласно средневековому восприятию пространства в древнерусской книжной культуре, оппозиция «своё»/«чужое» воспринималась как вариант противопоставления «хорошее»/«плохое», что в свою очередь предполагало деление земель на праведные и грешные [19, с. 244]. Создание же городов, помимо сугубо рациональной цели – предотвращения набегов степняков, следует рассматривать в символическом контексте как маркирование «своего», христианского «окультуренного» пространства, которое отделяет русские земли от пространства «чужого» и нехристианского.

В подобном контексте следует воспринимать возведение в 992 г. Владимиром города Переяславля Южного. Город был возведён на месте победы русского войска над печенегами: «*Володимеръ же радъ бывъ. заложи городъ на бротъ томъ. и наре и Переаславль*» [2, стб. 123]. Семантика города, как обозначение границы между «своими» и «чужими» мирами просматривается при возведении в 1030 г. Ярославом Владимировичем приграничного города Юрьева после победы над чудью: «*Иде Ярославъ на Чюдь. и побъди а. и постави градъ Юрьевъ*» [2, стб. 149 п]. Как и в сообщении 992 г., основание города на месте победы над враждебным войском показывает символическое лимитирование границы и обозначение освоенного пространства.

В годы правления в Киеве Ярослава Мудрого (1018–1054) актуализируется идея богоизбранности Руси. Организация городского пространства Киева по образцу Константинополя могла восприниматься как претензия на право стать новым центром богоспасаемого мира – Русской земли [4, с. 306–308]. Данные идеи были воплощены в градостроительной деятельности Ярослава, а также в произведении «Слово о законе и благодати» его современника Иллариона [2, стб. 151; 20, с. 95–96]. «Богоизбранная Русская земля», таким образом, обозначает свою территорию путём возведения небольших городов, за которыми простирается враждебное пространство языческой печенежской/половецкой степи. Градостроительная деятельность древнерусских князей показывает их как непосредственных организаторов данного пространства.

Во многих летописных сообщениях довольно чётким обозначением приграничных территорий являются реки. Река в традиционных славянских культурах осмысливается как граница, разделяющая природное пространство на «своё» и «чужое». Местность за рекой изображалось в фольклорных текстах как мифическая страна или потусторонний мир [21, с. 417].

В недатированной части ПВЛ места проживания славянских племён обозначаются именно реками [2, стб. 6]. Как уже было отмечено выше, реки Десна, Остёр, Трубеж, Сула, Стугна и Рось являлись в XI–XIII вв. границей Руси со степным миром. В более ранний период, до правления Владимира Святославича (80-е гг. X в.), летописец не упоминает городов южнее Киева. Впервые, для защиты Руси от кочевников крепость на Стугне ставит Владимир, и, вероятно, именно эта река была пограничной рекой между Русью и степью [4, с. 323]. Спустя сто лет после Владимира, река Стугна выступает как граница со степью при походе древнерусских князей на половцев в 1093 г.: *«Стѣполкъ же и Володимеръ. и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ. хотаче поступити чересь рѣку (Стугну. – Ю. К.) ... Киеве же не всхотѣша [свѣта сего]. но рекоша хочемъ сѧ бити. поступимъ на вну сторону рѣки. [и] възлюбиша свѣто сѧ и преидоша Стугну рѣку»* [2, стб. 219–220].

Во многих летописных сообщениях приграничная река является местом встречи двух враждебных войск. В 992 г. войско Владимира Святославича встречается с печенегами на реке Трубеж: *«Володимеръ же поиде противу имъ и срете и на Трубеши ни бродѣ. кде нѣнѣ Переяславль. и ста Володимеръ на сеи сторонѣ. а Печенѣзи на инои. и не смаху си на вну страну. ни ини на сю страну. и приѣха князь Печенѣжскѣи к рѣкѣ. во[з]ва Володимера и речѣ ему. выпусти ты свои мужь а а свои да сѧ борета.»* [2, стб. 122]. В данном сообщении река символизирует границу между враждебными войсками, через которую между правителями ведутся переговоры о поединке.

Подобным образом в 1018 г. на берегу реки Западный Буг встречаются войска польского короля Болеслава Храброго со Святополком и войска киевского князя Ярослава Мудрого: *«Приде Болеславъ съ Стѣполкомъ на Ярославѧ с Ляхы. Ярославъ же совокупитъ Русь. и Варягы. и Словѣнѣ. поиде противу Болеславу. и Стополку. [и] приде Волынню. и стаиша вбаполь рѣкѣ. Буга. и бѣ оу Ярославѧ кормилецъ. и воевода. именовъ Буды. нача оукарати Болеслава глѧ. да то ти прободемъ трѣскою черево. твое тольстоѣ»* [2, стб. 142–143]. В сообщении река Буг является границей между русскими землями и польскими владениями Болеслава.

Встречи на приграничных территориях, согласно повествованию летописца, могли начинаться с переговоров о поединке между противоборствующими сторонами. При описании битвы войска Владимира с печенегами в 992 г., столкновение предваряет стояние двух войск друг напротив друга по берегам реки Трубеж. С обеих сторон выставляется по одному воину,

битва которых должна решить исход противостояния. Итогом пригранично-го конфликта 992 г. стала победа русского воина и основание города Переяславля. Как и в предыдущих сообщениях, возведение города символизирует маркирование занятого, а значит «освоенного» и христианизированного пространства [2, с. 123]. Похожее по сюжету сообщение датируется в ПВЛ 1022 г. Речь идёт о военном походе тмутараканского князя Мстислава Владимировича на кавказский народ касогов [2, с. 146–147].

«Внутренние» границы. В древнерусских нарративах граница(цы) обозначаются не только в контексте разделения двух конфессиональных и враждебных миров, но и как черта, лимитирующая владения между князьями-Рюриковичами.

Одной из особенностей раннесредневековых политических образований Европы был взгляд на подвластную территорию как на коллективное владение, которое передавалось от правителя-отца всей совокупности сыновей-наследников [12, с. 7]. Данное явление в историографии получило наименование «*corpus fratrum*» и предусматривало равное участие всех представителей династии в управлении государством, при номинальном подчинении младших братьев-правителей старшему. Принцип и идея коллективного правления нашли своё проявление в политической истории Древней Руси X–XII вв. [13, с. 136].

Само начало истории всех известных народов автор ПВЛ связывает с разделом земли после Потопа между библейскими сыновьями Ноя – Симом, Хамом и Иафетом: «*Сим[ъже] Хамъ. и Афеть раздѣлившѣ землю жребьи метавше. не преступати никому же. въ жребии братень. [и] живахо кождо въ своѣи части*» [2, стб. 4–5]. Описание разделения земель между сыновьями Ноя в ПВЛ, как было отмечено ещё А. А. Шахматовым, представляло собой компиляции, которые были основаны на Хронике Георгия Амартола и «Хронографу по великому изложению» [22, с. 42–44]. Вероятно, что само понимание разделения пространства (владений) в древнерусской интеллектуальной среде основывалось на переводных источниках, которые, в свою очередь, ориентировались на библейскую парадигму.

Ключевыми действиями трёх библейских братьев стало формирование границ («*жребьи метавше*»), а также договор в соблюдении «территориальной целостности» владений друг друга («*не преступати никому же въ жребии братень*»). Именно принцип взаимного признания владений и отсутствия территориальных споров между князьями Рюриковичами станет ведущим лейтмотивом при разрешении межкняжеских конфликтов в XI–XII вв.

Отчётливая параллель библейского сюжета о разделе земель между сыновьями Ноя отражена в сообщении ПВЛ о смерти киевского князя Ярослава Владимировича в 1054 г. [6, с. 122]. На смертном одре великий киевский князь делит земли Руси между пятью своими сыновьями – Изяславом, Святославом, Всеволодом, Игорем и Вячеславом: «*се же поручаю в собе*

мѣсто столь старѣйшему снѣ моему и брату вашему Изяславу Къевѣ. сего послушайте аки послушасте мене. да то вы будете в мене мѣсто. а Стѣславу даю Черниговѣ. а Всеволоду Переяславль. [а Игорю Володимерь] а Вячеславу Смоленскѣ. и тако раздѣли имѣ грады. заповѣдавъ имѣ не преступати предѣла братна .» [2, стб. 161]. Как отмечал С. Франклин, «Завещание Ярослава» 1054 г. имеет явное литературное происхождение [23, р. 11].

В полном тексте сообщения ПВЛ о разделе земель между сыновьями Ярослава фигурируют пять сыновей киевского князя. В младшей редакции Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) находится запись, где при описании раздела земель фигурируют не пять сыновей, а три старших князя – Изяслав, Святослав и Всеволод: *«И преставися Ярославъ, и оставиша 3 сынове его: вятиши Изяславъ, а средний Святославъ, мениши Всеволод. И раздѣлиши землю, и взя болиши Изяславъ Къевѣ и Новѣгород и инши города многи киевскыя во предѣлах; а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволожье»* [24, с. 160]. В сообщении отсутствует упоминание о какой бы то ни было политической воли со стороны Ярослава. Территория Руси, согласно НПЛ, делится между тремя братьями уже после смерти киевского князя. Представляется очевидным, что сокращение числа Ярославичей до трёх было обусловлено началом летописного текста – библейским сюжетом о разделе земель между тремя сыновьями Ноя [25, с. 136]. Политическая реальность Руси 60–70-х гг. XI в. – правления трёх старших Ярославичей после смерти младших князей Вячеслава (1057) и Игоря (1060) актуализировало «иеротопические» библейские мотивы о сыновьях Ноя и заповеди мирного отношения между братьями [18, с. 488].

Идея мирного существования между князьями-братьями, по аналогии с библейской историей о сыновьях Ноя, составляет основу сообщений о разделе земель между Ярославичами в ПВЛ и НПЛ. Поэтому вполне понятно негодование летописца по поводу нарушения мира между князьями в 1073 г., изгнания старшего Изяслава и раздела прежних территорий между Святославом и Всеволодом: *«а Стѣславъ стѣде Къевѣ прогнавъ брата своего. преступивъ заповѣдь вѣню. паче же Бжѣю. велии бо естъ грѣхъ преступающе заповѣдь вѣца своего. ибо исперва преступиши снѣве Хамови. на землю Сиову»* [2, стб. 183]. Святослав как инициатор нарушения установленного отцом порядка коллективного властвования в Русской земле сравнивается с потомками библейского Хама, которые вторглись на землю Сифа [6, с. 66]. Рассказ о сыновьях Ноя является образцом, согласно которому основой мирного сосуществования между князьями-Рюриковичами является соблюдения границ властвования (*«не преступати предѣла братна»*). Нарушение же установленных границ, овладение соседними территориями, изгнание князя из его владений также находит библейскую аналогию в сюжете о Хаме и Симе.

Как и при разделении земель на «свои» и «чужие», конкретной границей, разделяющей владения между древнерусскими князьями, выступают реки. По Днепру проводится граница между владениями киевского князя Ярослава Владимировича и его брата, черниговского князя Мстислава в 1026 г.: *«Ярославъ совокупи воа многы. и приде Къйеву и створи миръ с братомъ своимъ. Мъстиславомъ оу Городьца. и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю. Ярославъ прие сю сторону. а Мъстиславъ вну. и начаста жити мирно. и в братолюбствѣ. и оуста оусобица и матежь. и быс тишина велика в земли»* [2, стб. 149 п]. На этой же реке в 1068 г. происходят переговоры между южнорусскими князьями Изяславом, Святославом, Всеволодом и полоцким князем Всеславом Брячиславичем [2, стб. 167]. На реке Западный Буг в 1097 г. состоялись переговоры между Давыдом Игоревичем и киевским князем Святополком Изяславичем [2, стб. 269].

Речная граница как символическое обозначение княжеских владений наряду с отсылкой к библейскому пассажи о разделе земли между братьями и соблюдении как территориальных границ, так и границ власти находит своё отражение в летописном сюжете об убийстве Бориса Владимировича. В сообщении о борьбе за власть в 1015 г. отчётливо просматривается идея мирного существования между братьями и признания младшим братом властных прав брата старшего: *«и ста (Борис. – Ю. К.) на Льтѣ пришедь. рѣша же кѣму дружина вѣтна. се дружина оу тебе вѣтна и вои. поиди сади Къйевъ на столь вѣтнн. внѣ же реч не буди мнѣ възнати рукы на брата своего старѣишаго. аще и вѣѣ ми оумре. то съ ми буди въ вѣѣ мѣсто»* [2, стб. 132].

В сообщении наблюдается параллель с рассказом о разделе земли между сыновьями Ноя и заповедью *«не преступати никомуже. въ жребии братьень»*. После смерти Владимира Святославича Киев был занят Святополком – одним из его старших сыновей. Один из младших сыновей Владимира, Борис, находился за пределами киевской земли в походе на печенегов. Отцовская дружина предлагает молодому князю занять киевский стол, однако Борис отказывается пойти на нарушения принципа старейшинства. В данном сообщении автор обозначает границу Русской земли на реке Алты, которая разделяет половецкую степь и русские княжества. Переход речной границы в данном случае обозначает вторжение на территорию старшего брата, посягательство на верховную власть и, следовательно, нарушение принципа династического старейшинства.

Таким образом, исходя из имеющегося летописного материала, отражённого в ПВЛ, понятие «границы» в Древней Руси воспринималось в двух основных значениях: как зона соприкосновения с иноязычным, как правило, языческим миром и как условные рубежи внутри восточнославянских земель, которые разделяли владения правивших на Руси князей-Рюриковичей.

При приграничных контактах с представителями враждебных Руси обществ (печенегами, половцами, фино-угорскими народами) лимитиро-

вание границы сопровождалось строительством городов на занятых территориях, что предусматривало включение некогда чужого пространства в освоенную христианскую ойкумену. Представление о границах внутри владений династии Рюриковичей осмыслялось сквозь призму библейских параллелей, где важнейшим принципом разделения было мирное сосуществование между представителями правящего рода.

Список использованных источников

1. *Гуревич, А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.
2. Полное собрание русских летописей. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 379 с.
3. *Кучкин, В.* Своя рубашка ближе к телу. Древнерусские княжества IX–XIII вв. / В. Кучкин // Родина. – 2002. – № 11–12. – С. 38–41.
4. *Данилевский, И. Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет / И. Н. Данилевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2019. – 448 с.
5. *Лаушкин, А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. / А. В. Лаушкин. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науки, 2019. – 304 с.
6. *Петрухин, В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. / В. Я. Петрухин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с.
7. *Петрухин, В. Я.* «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки / В. Я. Петрухин. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 384 с.
8. *Долгов, В. В.* Быт и нравы Древней Руси / В. В. Долгов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
9. *Андрейчева, М. Ю.* Образы иноверцев в Повести временных лет / М. Ю. Андрейчева. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.
10. *Насонов, А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование / А. Н. Насонов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 256 с.
11. *Кучкин, В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. / В. А. Кучкин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. – М.: Наука, 1995. – С. 74–100.
12. *Назаренко, А. В.* «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии / А. В. Назаренко // Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2009. – С. 29–46.
13. *Назаренко, А. В.* Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. – М.: Индрик, 2008. – С. 132–179.
14. *Дёмин, А. С.* «Повесть временных лет» / А. С. Дёмин // Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. – М.: Наследие, 1996. – С. 100–156.
15. *Yi-Fu, Tuan.* Space and Place. The Perspective of Experience / Tuan Yi-Fu – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. – 235 p.
16. *Агапкина, Т. А.* Поле / Т. Я. Агапкина // Славянские древности: этнолингв. слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – Т. 4. – С. 133–137.
17. *Коньявская, Е. Л.* Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев / Е. Л. Коньявская // Словяне (Slovene). – 2015. – № 1–2. – С. 180–190.

18. *Петрухин, В. Я.* Иеротопия Русской земли и начальное летописание / В. Я. Петрухин // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М.: Индрик, 2006. – С. 480–490.

19. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

20. *Молдован, А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдован. – Киев: Наукова думка, 1984. – 240 с.

21. *Виноградова, Л. Н.* Река / Л. Н. Виноградова // Славянские древности: этнолингв. слов.: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2009. – Т. 4. – С. 416–419.

22. *Шахматов, А. А.* «Повесть временных лет» и её источники / А. А. Шахматов // ТОДРЛ, Т. 4. – М.; Л.: Академия Наук СССР, 1940. – 150 с.

23. *Franchlin, S.* Some Apocryphal sources of Kievan Russian History / S. Franchlin // Oxford Slavonic Papers: New Series., 1982. – Vol. 15. – P. 6–15.

24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с., ил.

25. *Гиппиус, А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет / А. А. Гиппиус // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тезисы и материалы симпозиума. – М., 1994. – С. 136–141.

(Дата подачи: 26.01.2023 г.)

О. Б. Келлер

Белорусский государственный университет, Минск

O. B. Keller

Belarusian State University, Minsk

УДК 94:34(430)

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ АТРИБУТЫ ПАЛОМНИЧЕСТВА ХРИСТИАН В СРЕДНИЕ ВЕКА

INTEGRAL ATTRIBUTES OF THE PILGRIMAGE OF CHRISTIANS IN THE MIDDLE AGES

Данная статья посвящена неотъемлемой атрибутике паломничества христиан в период Средневековья. Паломничество христиан, или их благочестивое путешествие к Святому месту, – одно из интереснейших явлений, уходящее корнями в период античности. Период расцвета паломничества христиан приходится на Средние века, особенно на 1150–1450 гг. Паломничество продолжает играть важную роль в Новое и Новейшее время, к тому же оно характерно не только для христианской религии, но является феноменом, присущим и иным религиям. В статье сделан вывод о том, что паломничество христиан в Средние века невозможно представить без трёх важных элементов: 1) получения благословения для осуществления паломнической миссии; 2) облачения паломника в специальную одежду (кляку, шляпу, суму, пелерину); 3) решения паломником всех своих мирских дел перед дорогой.

Ключевые слова: паломники; священный обет; кляку; шляпа; пелерина; сумы; моти-вы совершения паломничества; помощь религиозных братств.

This article is devoted to the integral attributes of the pilgrimage of Christians during the Middle Ages. The pilgrimage of Christians, or their pious journey to the Holy Place, is one of the most interesting phenomena, rooted in the period of antiquity. The heyday of Christian pilgrimage falls on the Middle Ages, especially in 1150–1450. Pilgrimage continues to play an important role in modern and modern times, moreover, it is characteristic not only of the Christian religion, but is a phenomenon inherent in other religions. The article concludes that the pilgrimage of Christians in the Middle Ages cannot be imagined without three important elements: 1) without receiving a blessing for the implementation of the pilgrimage mission; 2) without dressing the pilgrim in special clothing (club, hat, bag, veil); 3) without the pilgrim deciding all his worldly affairs before the road.

Keywords: Pilgrims; sacred vow; stick; hat; pelerina; suma; motives of pilgrimage; help of religious brotherhoods.

Практически каждого средневекового паломника-христианина характеризует девиз «Я пришёл, увидел и прикоснулся». Прежде чем отправиться в долгий путь, паломник должен был получить благословение священника. Также к неотъемлемым атрибутам паломничества следует отнести специально предназначенную для этой цели одежду. Будущий паломник обязан был уладить до отправления к Святому месту все свои мирские дела (оплатить долги, уладить разногласия с соседями, получить согласие супруга/супруги). И, наконец, если на то была необходимость, будущему паломнику следовало иметь согласие своего феодала.

Итак, в период Средневековья, действительно, можно считать девиз «Я пришёл, увидел и прикоснулся» характерным для паломников. Средневековый немецкий поэт Вальтер фон дер Фогельвайде резюмирует подобный опыт паломников следующими словами: «Alerst lebe ich mir werde, sit min sündic ouge siht, daz reine lant und ouch die erde, der man so vil eren giht. Ez ist geschehen, des ich ie bat: ich bin komen an die stat, da got menschlichen trat» (L. 14, 38) [1, с. 468–469], что в переводе на русский язык означает: «Только теперь я живу достойно, так как мой грешный глаз видит чистую землю, а также землю, к которой так много почитается. То, о чём я всегда просил, сбылось: я пришёл к месту, где Бог коснулся земли, как человек» [2, с. 7].

Период с 1150 по 1450 г. по праву называют «тремя великими веками паломничества». Данной теме был посвящён ряд исследований как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Наиболее значительными представляются работы Томаса Бурке, Сидней Хеат, Йонатана Сумпциона, Нормана Фостера, Барбары Хаупт, Вильгельма Буссе и др. Предложенная статья базируется на оригинальных источниках, в частности, на воспоминаниях средневековых паломников (итальянского рыцаря Санта Браски; одного путешествующего вместе со слугой из Оксфорда в Авиньон), хрониках («Хроника Собора Кентербери») и пр.

Если в Средние века христианин-мирянин или христианин-дворянин решил отправиться в паломничество и подтвердил это соответствующей клятвой, то это выглядело не просто так, что он попрощался с женой и деть-

ми или возлюбленным/возлюбленной поцелуем, надел свою шляпу и отправился в путь. Священный обет для паломничества являлся сложной и ритуализированной церемонией! Причём эта церемония оставалась неизменной с XI по XVI в., за исключением незначительных региональных различий (сразу хотелось бы отметить, что не следует принимать во внимание паломничество, к которому были «осуждены» преступники мужского или женского пола, поскольку расстояние, продолжительность и трудности путешествия вышеуказанных зависели от масштабов их преступлений [3, с. 211]).

Простые мужчина или женщина сначала давали обет перед алтарем приходской церкви, а затем уже их намерение отправиться в паломничество освящалось священником. Если же свои паломнические обеты давали рыцарь мужского пола или благородная женщина, то это делалось перед алтарём Собора, а своё благословение они получали от епископа. В принципе, особой разницы между простыми и благородными не было, разве что паломники из народа платили священнику и давали меньшие подношения, чем представители благородного сословия. Ну и, наверное, второй момент: церковное благословение было важно для рыцарей и благородных дам, потому что после подобной церемонии они становились членами своего рода «паломнического клуба». Это было похоже на обет, который дают, вступая в церковный или мирской Орден [3, с. 212].

Все паломники облачались в характерный костюм, что являлось отличительным знаком данной миссии и безопасным пропуском, гарантировавшим паломнику некоторую защиту на улицах.

Для бедных паломников характерная одежда также зачастую означала бесплатное проживание и питание в специальных местах ночлега, находившихся под эгидой частично церковью, частично религиозных братств или Орден. В местах, где специальные места для ночлегов отсутствовали, паломнику могли иногда предложить остановиться переночевать и в частном доме.

Костюм паломника состоял прежде всего из пары прочных, тяжёлых низких туфель или сапог и, если он мог себе это позволить, из запасной пары обуви.

Он также включал длинный деревянный посох, по возможности, с крючком наверху, где висела бутылка (выдолбленная тыква) с запасом воды или вина. Нижний конец посоха (трости, клюки) обязательно должен был быть снабжён металлическим наконечником с целью облегчения ходьбы. Посох также служил хорошим оружием для защиты от хищных животных, а наряду с этим им удобно было сбивать по пути фрукты с деревьев. Но самое главное, что следует отметить: деревянный посох должен был символизировать деревянный крест Иисуса Христа, который, как предполагал и надеялся паломник, поможет ему в поисках «спасения». Некоторые церковнослужители даже называли посох паломника его «третьей ногой», а так как три – это число «Троицы», то посох, по их мнению, был подобен свя-

ценному тотему, отгонявшему зло. Церемония, с помощью которой посох благославлялся, мало чем отличалась от ритуального посвящения в средневековые рыцари [3, с. 213].

Паломник также носил огромную шляпу, края которой были спереди приподняты наверх. Чтобы шляпа в дороге не спадала, некоторые прикрепляли к её задней части длинные подвесные шарфы, которые затем оборачивались вокруг талии [3, с. 214]. Приподнятые края шляпы были замечательным местом для прикрепления значка или эмблемы места его паломничества. Так, к примеру, головной убор совершающих паломничество к крупнейшему испанскому центру паломничества Сантьяго-де-Компостела жители Германии именовали «шляпа с ракушкой» («Muschelhut») или «капюшон с ракушкой» («Muschelhaube»), потому что на нём была прикреплена ракушка [4].

Следующей составной и неотъемлемой частью костюма паломника была сума, обычно кожаная, прикрепленная к его талии. В этой суме паломника находилась его дорожная провизия, нож, тарелка, чашка для питья и пр. Он также хранил в ней свои деньги и доверительную грамоту. Без официальной доверительной грамоты паломника вполне могли отправить в тюрьму как авантюриста или как мародёра (английский король Ричард II даже составил соответствующий указ об этом в 1388 г.).

В XV в. итальянский рыцарь Санта Браска рекомендовал брать с собой в паломничество ко второму важнейшему месту паломничества в Иерусалим две сумы: «Первую – с терпением, а вторую – с 200 (или хотя бы со 150) венецианскими дукатами, которые нужны каждому для путешествия, потому что мужчине, который любит свою жену и привык вести достойную приятную жизнь, ничего не будет не хватать. Остальные 50 дукатов были необходимы на случай болезни или иных непредвиденных событий, которые могли бы произойти» [5].

У кого сума была слишком маленькой, чтобы вместить много провизии или денег, тот должен был быть готов принимать благотворительность и милостыню от других.

Дополнял костюм паломника длинный плащ – пелерина, – названный так в его же честь. Паломник мог завернуться в пелерину, и тогда плащ согревал его на улице, а также служил для него одеялом в том месте, где он останавливался на ночлег.

Вышеупомянутый итальянский рыцарь Санта Браска советовал совершающим паломничество в Иерусалим брать с собой следующее: «Много рубашек, чтобы избежать вшей и другой грязи, скатерти, полотенца, простыни, наволочки и другие чистые вещи»; в качестве провианта он рекомендует паломникам иметь с собой «энное количество ломбардского сыра, колбас и другого солёного мяса, белого печенья, нескольких караваев, несколько сортов консервированных сахарных кондитерских изделий, наряду с этим достаточно фруктового сока, который сохраняет человеку жизнь в жару, а также имбирного сока для успокоения желудка» [5].

После того, как паломник собрал всё своё дорожное снаряжение и получил благословение, ему надлежало доказать, что он уладил все свои мирские дела, а именно, что уплатил все долги, уладил все споры с соседями, получил согласие супруги/супруга, а также, если это было необходимо, что имел согласие своего феодала.

Паломникам было дозволено занимать деньги у церкви.

Кроме того, паломники имели право оставлять завещание (пользовались привилегией составления завещания), что было редкостью в Средние века. Исполнителями этих завещаний были, в основном, монастыри. Делалось это на определённый срок: в Северной Франции, например, этот период составлял 1 год и 1 день. Они же (монастыри) управляли делами отсутствующего паломника.

Наряду с вышеозначенным паломник был освобождён от всех гражданских требований; период служения Господу также откладывался на время его паломничества.

В целом, паломничество служило дополнительной мотивацией оставить позади повседневное однообразие деревни и домашнего быта.

Если паломник не возвращался после специально установленного для паломничества времени, будучи женатым и имевшим семью, то он терял 50 % своего имущества. Если же паломник в установленный срок не вернулся, но у него не было наследников, то он терял всё свое имущество в пользу церкви. Эти гарантии и правовые постановления, инициированные и пропагандируемые церковью, были особенно актуальны и привлекательны ввиду высокой доли невозвращающихся паломников.

Не говоря уже о крестовых походах, расходы на которые, по существу, покрывал каждый отдельный дворянин, который часто сдавал свои владения церкви, чтобы профинансировать свои расходы. Тысячи паломников погибли в юбилейные годы Римской империи. Подсчитано, что число тех, кто отправился к третьей главной цели средневекового паломничества в Рим в 1350 г., и был ограблен или убит по пути в Италию, составляет около 50 % [6, с. 182].

Такие кампании по страхованию души сделали церковь безмерно и безгранично богатой организацией. Обычно именно церковь считалась наследницей средневековых женщин и мужчин, которые якобы были «духовно» перед ней в долгу.

В период Позднего Средневековья паломника или группу паломников во время их передвижения по городу сопровождали члены того либо иного религиозного братства. Достаточно бедным, нищим паломникам члены религиозного братства зачастую давали несколько монет, а также снабжали их в дальнейший путь дополнительной провизией. Ответвления некоторых из этих старых братств всё ещё активны и сегодня. Иными словами, можно сказать, что эти братства являлись своего рода «религиозными клубами» и были посвящены какому-то конкретному святому и его реликвиям. Одна

из задач/целей членов братства – обеспечить нуждающегося паломника всем недостающим или необходимым на его пути к Святому месту. Они также стремились сделать паломничество доступным для большинства бедного и среднего населения.

Несмотря на то, что о средневековых религиозных братствах написано или сказано не очень много, нельзя не отметить тот факт, что эти братства внесли достойный вклад в «дело паломничества»: построили множество мест для ночлега паломников, ремонтировали дороги и мосты, кормили и помогали паломникам на их пути, хоронили некоторых из них.

Некоторые из братств – рыцари-тамплиеры, рыцари Святого Иоанна или Орден рыцарей Сантьяго – превратились в мощные военные Ордена и заполнили свои собственные страницы в «Книге истории». Их работа в сфере паломничества начиналась с ответов на вопросы: «Как попасть на юг? Где находится запад? Как далеко до следующего места ночлега?» При этом нельзя забывать, что всё это происходило во времена, когда насчитывалось всего несколько главных дорог и очень мало боковых дорог; когда уличных знаков и указателей было мало, да и то они были расположены далеко друг от друга; и когда число тех, кто мог прочесть слова, высеченные на камне, было ещё меньше. Так, к примеру, в XIV в. один паломник из Германии почти 6 недель кружил по кругу по горам и лесам Северной Испании в надежде добраться до Сантьяго-де-Компостела и попал туда лишь после того, как присоединился к большой группе паломников [3, с. 217].

Каждый паломник двигался к своей цели в светлое, а не в тёмное время суток. Ближе к сумеркам они искали себе место для ночлега. Так, например, в Англии в сумерках английские города в лесистой местности старались предупреждать акустическим сигналом (звоном колоколов), что для перемещающихся в позднее время путешественников скоро будут закрыты городские ворота. К башням церкви прикреплялись факелы (огненные тигли), горевшие по ночам, чтобы указывать не успевшим вернуться засветло путь в безопасное место города. Путешественники, которых приводили в безопасное место звон колоколов или сигнальные огни, иногда оставляли потом этим церквям в качестве подношения деньги, дабы они и впоследствии могли оказывать подобную услугу будущим путешественникам [7, с. 189].

Начиная с X в. рыцари «Тевтонского/Немецкого Ордена» охраняли лесные тропы Германии. «Орден рыцарей Сантьяго» патрулировал в болотистых пограничных районах северной Испании вдоль Пути Святого Иакова. Что касается иерусалимских паломников, которые плыли в Иерусалим по морю, то тут следует подчеркнуть, что морские пути контролировались галерами рыцарей «Ордена Святого Иоанна», а военные корабли из Венеции еженедельно сопровождали гражданские суда в «паломнический круиз» на Святую Землю [3, с. 219].

Сухопутные маршруты также являлись утомительными и небезопасными. Паломники избегали путешествий по рекам и ручьям Европы, предпо-

читая передвигаться к намеченной цели по берегу. В XII в. паломнику из Кентебери требовалось почти три месяца, чтобы добраться из Англии в Рим по хорошо охраняемым дорогам Европы [8, с. 25]. Через 200 лет, в XIV в., состояние дорог было уже намного лучше. В XV в. за сутки можно было преодолеть пешком расстояние от 10 до 13 км [9, с. 114], а верхом на лошади от 30 до 40 км. Ну а если речь шла о всаднике на достойной лошади и о благоприятной для передвижения местности, то иногда верхом можно даже было проскакать и до 50 км в день.

Согласно рассказу одного человека из Оксфорда о его путешествии с деловой целью к Папе Римскому в Авиньон в 1331 г., такое путешествие на лошадях из Оксфорда в Авиньон заняло всего 34 дня. У него и его слуги были с собой также постельные принадлежности (на запасном, третьем коне), причём мужчина сообщает, что они останавливались на 18 станциях/остановках, имеющихся в то время на пути из Лондона в Лион [3, с. 220].

Итак, были ли различия между паломничествами бедных и богатых? Конечно же, да. Бедные люди, в большинстве своём, шли пешком. Наиболее богобоязненные из них шли вообще босиком, приближаясь к Святому месту. Богатые с пышностью и комфортом гарцевали верхом на своих скакунах, спешиваясь с них за милю или две до прибытия в Святое место, чтобы пройти последний отрезок пути пешком, проявив тем самым благочестие.

Паломничество богатых и их прохождение через деревни и города было одним из интереснейших зрелищ Средневековья. Несметное количество слуг расчищало дорогу процессии в качестве авангарда и объявляло о прибытии светского богатого дворянина или представителя церковной элиты. Когда шикарная по всем параметрам процессия проходила мимо бродяг на обочине дороги, дворянин или епископ, выступая своего рода покровителями, могли милостиво бросить несколько монет в сторону бедных.

Рассмотрим в качестве небольшого примера путешествие канцлера Томаса Бекета (Томас Бекет или Фома Кентерберийский, род. 21.12.1118, умер 29.12.1170, первоначально канцлер Генриха II, затем архиепископ Кентерберийский с 1162 по 1170 гг. – *О. К.*), отправившегося в 1158 г. во Францию. С Томасом Бекетом было свыше 200 конных слуг. Рыцари, писцы, управляющие и молодые дворяне, которые служили в его доме, – все в новых великолепных одеждах «с иголки» для праздничного путешествия. В обязанности последних входила помимо прочего забота о поддержании полного порядка и чистоты в обширном гардеробе Бекета. Канцлер имел с собой столько одежды, что мог бы переодеться 24 раза. В состав сопроводительной процессии входили также охотничьи собаки и соколы различных видов, так как они приводили в восторг богачей, а также 8 изумительных колесниц, каждая из которых была запряжена пятью восхитительными лошадьми, и каждая имевшая достаточное количество людей, охранявших драгоценное содержимое. Две из колесниц были загружены железными кольцевыми бочками, полными знаменитого английского «эля», дабы «удивить» французов

этим английским изобретением. Три из восьми можно отнести к разряду так называемых «личных» карет Бекета: первая представляла собой нечто вроде капеллы, где он молился; во второй располагались необходимые ему личные вещи; третья представляла собой его личную кухню. В остальных повозках находились тонны мяса и напитков, подушки, постельные принадлежности и различная мебель. Тут же следует упомянуть двенадцать навьюченных лошадей, восемь ящиков с золотой и серебряной посудой канцлера, глиняные горшки, посуду, чашки, чайники, чаши, соляные бочки, ложки и т. д. Остальные коробки содержали обильный запас монет для возможных трат канцлера на подарки или на ежедневные расходы. Все эти кареты, колесницы, повозки охраняли специально предназначенные для этого охранники и специально обученные сторожевые псы [10, с. 432].

Несколькими столетиями позже, когда Томас Бекет скончался, его «реликварий» в Кентерберии стал одним из 18 важных мест английского паломничества в XIV в. «Хроника Собора Кентерберии» фиксировала ежегодно до 200 тыс. паломников, которые прибывали в Кентерберии, чтобы отдать дань уважения священному мученику Томасу Бекету. Эти паломники оставляли в «реликварии» немалые суммы денег, что также было зафиксировано ревностными монахами в «Летописи». Так, в течение года «реликварий Томаса Бекета» приносил от 800 до 950 фунтов, в то время как «алтарь Господа Бога» рядом с ним приносил только от 0 до 3 фунтов, 25 шиллингов и 6 пенсов даже в хорошие годы [8, с. 21].

Немецкие князья также умели производить неизгладимое впечатление, когда прибывали в значимое для паломничества Святое место. Так, герцог Саксонии Эрнст (род. 24 марта 1441 г., умер 26 августа 1486 г. – *О. К.*) в 1480 г. приехал в Рим в качестве паломника. Вместе с ним прибыло 200 слуг верхом на лошадях. Это было воистину достойное зрелище, поскольку все эти всадники гарцевали в чёрных ливреях, а уздечки лошадей были усыпаны драгоценностями.

Итак, самое главное и первое, что обязательно следует подчеркнуть: только после того, как паломник получал соответственное благословение в церкви (и от церкви), был надлежащим образом одет, а также выполнил все условия касательно управления своими делами, он мог отправиться в путь.

Паломники, как правило, старались передвигаться днём, а не ночью. Ночью они искали ночлег в специально предназначенных для этого местах, которые зачастую им предоставляли сами церкви или члены различных многочисленных религиозных братств/Орден. Никому не хотелось стать добычей разбойников на суше или морских пиратов на воде.

Расстояние, которое проходили паломники в начале Средневековья и в конце периода Средних веков за один день, существенно отличалось. Так, в XIV–XV вв. оно составляло порядка 10–13 км пешком и 30–40 км верхом.

В завершение хотелось бы привести некоторые статистические данные. Число паломников, которые проделали свой путь в течение трёх «великих веков паломничества», примерно с 1150 по 1450 г., варьирует от 20 до почти 50 % от общего количества всего взрослого населения Европы. Население, оцениваемое в VIII в. 27 миллионами человек, в начале XIV в. выросло до примерно 70 миллионов человек; только во Франции их было около 20–22 миллионов [11, с. 441]. Но и как и почти ко всей статистике по Средневековью к этой статистике также нужно относиться с осторожностью. Почему? Да потому, что в эти века жизнь «маленького человека», раба или крестьянина, будь то слуга или свободный человек, вряд ли могла считаться «достойной регистрации». Как это ни прискорбно, но комплексное исследование «Социология Средневековья» пока не увидела свет.

Список использованных источников

1. Von der Vogelweide, Walther. Werke, Gesamtausgabe. Band 2: Liedlyrik. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch // Walther von der Vogelweide / Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Günther Schweikle. – Stuttgart: Reclam, 1998. – 832 S.
2. Haupt, Barbara. Pilgerreisen in Mittelalter und Renaissance // Barbara Haupt, Wilhelm G. Busse. – Düsseldorf: Droste Verlag, 2006. – 220 S.
3. Foster, Norman. Die Pilger. Reiselust in Gottes Namen / Norman Foster. – Frankfurt am Main: Wolfgang Krüger Verlag, 1982. – 302 S.
4. Grimm, Jacob. Deutsches Wörterbuch, Band 6. L, M // Jacob Grimm, Wilhelm Grimm / Bearbeitet von Moriz Heyne. – Leipzig: Hirzel, 1886. – VIII, 2848.
5. Canon Pietr Casola's Pilgrimage to Jerusalem in the Year 1494 / Translated by M. Margaret Newett. – Manchester: University press, 1907. – VII, 427 p.
6. Sumption, Jonathan. Pilgrimage: an Image of Medieval Religion / Jonathan Sumption. – London: Faber & Faber, 1975. – 391 p.
7. Burke, Thomas. Travel in England from Pilgrim and Pack-Horse to Light Car and Plane / Thomas Burke. – London: Batsford, 1942. – 214 p.
8. Heath, Sidney. In the Steps of the Pilgrims / Sidney Heath. – New York: Putnam, 1951. – 296 p.
9. Cohen, Esther. In The Name of God and of Profit: the Pilgrimage Industry in Southern France in the Middle Ages / Esther Cohen. – Diss. Phil. Brown University: Brown University, 1976. – V, 217 p.
10. Coulton, George Gordon. Social Life in Britain from the Conquest to the Reformation. Repr. / George Gordon Coulton. – Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1938. – XX, 566 p.
11. Coulton, George Gordon. The Medieval Scene: an informal introd. to the Middle Ages / George Gordon Coulton. – Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1930. – IX, 163 p.

(Дата подачи: 03.02.2023 г.)

А. А. Киселёв

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. A. Kiselev

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 94(476):351.745.5+377.3

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX В.

POLICE EDUCATION IN THE BELARUSIAN PROVINCES AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

В статье показывается, что полицейское образование в белорусских губерниях получали исключительно нижние чины уездной и городской полиции. Однако полицейские школы для чинов уездной полиции существовали не во всех белорусских губерниях. Школа для нижних чинов городской полиции была открыта только в Брестском Городском полицейском управлении. Во всех случаях открытие школ было результатом инициативы местных властей. Содержание образования имело прикладную направленность и готовило нижних чинов к исполнению их служебных обязанностей. В 1913 г. в Минской губернии было принято решение о необходимости специальных экзаменов для полицейских чиновников.

Ключевые слова: профессиональное образование; уездная полиция; городская полиция; белорусские губернии; Российская империя.

The article shows that only the lower ranks of the county and city police received police education in the Belarusian provinces. However, police schools for district police officials did not exist in all Belarusian provinces. The school for the lower ranks of the city police was opened only in the Brest City Police Department. In all cases, the opening of schools was the result of the initiative of local authorities. The content of education had an applied orientation and prepared the lower ranks for the performance of their official duties. In 1913, in the Minsk province, a decision was made on the need for special examinations for police officials.

Keywords: professional education; county police; city police; Belarusian provinces; Russian empire.

Особенность профессионального образования чиновников общей полиции заключалась в том, что право на занятие классных должностей и последующая служба по полиции не обуславливались прохождением обучения в каком-либо специальном учебном заведении. По словам публициста ведомственного «Вестника полиции», «одна полиция правит свою службу не только без соответствующей, но часто без всякой предварительной подготовки, без всякой выучки» [1, с. 548]. Это не случайно, поскольку в начале XX в. «никаких учебных заведений, ни казенных, ни частных, для специальной полицейской подготовки не существовало и не существует» [1, с. 548].

Вместе с тем, для нижних чинов уездных и городских полиций стали появляться отдельные школы, курсы, призванные подготовить к будущей полицейской службе кандидатов на должности полицейских урядников уездной стражи и городовых. Так, профессиональное образование для нижних

чинов уездной полиции свелось к созданию школ полицейских урядников, причем самая первая в империи школа полицейских урядников была создана в Гродненской губернии в 1879 г. [2]. С введением в 1903 г. уездной полицейской стражи началась третья «волна» создания полицейских учебных заведений, при этом первые в империи «школы «третьей волны» для подготовки стражников были открыты в Виленской и Гродненской губерниях» [3, с. 538]. Впервые организация Школы Виленской полицейской стражи была детально описана в коллективном труде «Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века» на основании «Отчета о школе Виленской полицейской стражи», составленного приставом Б. Н. Дункелем. Вместе с тем некоторые аспекты возникновения и деятельности школы не затрагивались в данной работе. Это обуславливает необходимость дополнить исследование российских историков с целью уточнения ряда моментов.

В своем рапорте на имя виленского генерал-губернатора кн. П. С. Святополка-Мирского от 29 ноября 1903 г. губернатор К. К. Пален указывает время начало работы школы 1 октября 1903 г. Причиной ее создания, по словам губернатора, стало проведение им обзора губернии, который выявил, что большинство полицейских урядников «крайне слабо ознакомлено с основами полицейской службы» [4, л. 6]. С учетом того, что с 1 января 1904 г. предполагалось развернуть в Виленской губернии полицейскую стражу, губернатор высказывал опасение о том, что одновременное «назначение в полицейскую стражу значительного числа лиц, совершенно неподготовленных к службе, могло бы иметь весьма вредные последствия и уронить в глазах населения предпринятое правительством преобразование полиции» [4, л. 6]. Губернатор помимо обучения урядников и стражников уездной полиции предполагал пропустить через школу состав всех городских Виленского ГПУ. В качестве преподавателей школы были приглашены 10 местных чиновников разных ведомств. За образец для учебной программы с существенными поправками, обусловленными спецификой службы уездной стражи, была взята программа резерва Санкт-Петербургской столичной полиции. Будущим нижним чинам полиции предстояло изучить уголовное «законоведение», «сведения, касающиеся благоустройства селений (в отношении пожарном, санитарном и экономическом)», устройство и ремонт «грунтовых дорог, при помощи местных крестьян», врачебно-полицейский и санитарный надзор, основы «ветеринарной полиции», акцизный устав, правила продажи табачных изделий и прессованных дрожжей, пожарный устав, лесное законодательство, учет военнообязанных, арифметика, русский язык и география. Особо следует выделить строевые и практические занятия, которые включали в себя приемы самообороны, стрельбу из револьверов, тушение пожаров и т. д. [5, л. 19–21].

С самого начала деятельности школы губернатор К. К. Пален просил о ее финансировании за счет остатков средств, выделенных на содержание

уездной полицейской стражи, или предоставление отдельной статьи расходов. Однако практически сразу он натолкнулся на нежелание Министерства внутренних дел идти на денежную поддержку губернаторской инициативы. Так, в ответ на рапорт от 16 декабря 1903 г. Департамент полиции в своем отношении на имя виленского генерал-губернатора от 3 января 1904 г. уведомлял его о том, что ходатайство удовлетворено быть не может. В ответ на это виленский генерал-губернатор обратился 18 января 1904 г. к министру внутренних дел В. К. Плеве с просьбой пересмотреть решение, апеллируя к тому, что в министерстве неверно оценили суть обращения губернатора. Генерал-губернатор П. С. Святополк-Мирский указывал на то, что компенсацию расходов на создание школы в размере 1353 руб. предполагалось «отнести на имеющийся уже остаток от содержания полицейских урядников и хозяйственных расходов» [4, л. 14]. Начальник края настаивал на том, что «в виду того важного значения, какое имеет названное учреждение в смысле подготовки чинов стражи к полицейской службе, дальнейшее ее существование школы представляется весьма желательным» [4, л. 14]. Сама ежегодная сумма на поддержание функционирования школы в размере всего 200 руб. не являлась обременительной и легко покрывалась бы из средств, выделенных на стражу, поскольку появление вакансий в течение года среди стражников было практически неизбежно. Однако ответа не последовало, что побудило виленского губернатора 9 марта 1905 г. вновь обратиться за поддержкой к виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе, а 5 марта 1905 г. напрямую обратиться в Департамент полиции с просьбой о компенсации 750 руб., потраченных на оборудование учебного класса, его отопление и освещение. Губернатор просил выделить деньги из перечисленных в казначейство остатков от выданных по линии Министерства внутренних дел на содержание полиции, а точнее уездной стражи.

Однако 25 апреля 1905 г. Департамент полиции отказал виленскому губернатору в его ходатайстве на обеспечение содержания школы за счет средств из выделенных на содержание стражи. В своем циркуляре от 30 ноября 1905 г. виленский губернатор рекомендовал комплектовать должности конных стражников пешими стражниками из числа лиц, окончивших школу. Допуская невозможность заместить все посты выпускниками школы, губернатор советовал назначать лиц из числа запасных нижних чинов при одном условии – откомандировании их для обучения в полицейской школе при ее открытии. Однако это распоряжение осталось нереализованным, поскольку возобновить деятельность школы не удалось.

Интересно, что в последующем неоднократно отмечалась эффективность обучения в школе. Так, после инспекции полицейской стражи в Виленской губернии полковник Слезкин специально отметил, что во время беспорядков на усиление белостокской городской полиции в город в 1904 г. была направлена «отдельная команда виленских стражников, окончивших курс (шестинедельный) в Виленской школе; отряд этот зарекомендовал себя

с самой лучшей стороны» [4, л. 91]. Несмотря на пользу от существования школы, ее деятельность прервалась в 1905 г. по причине нежелания Министерства внутренних дел выделять на поддержку ее существования относительно незначительной суммы. Достаточно сказать, что ежегодная сумма в 200 рублей, требуемая губернатором, была меньше на 100 рублей жалования одного конного стражника. Эффективность деятельности полицейской школы не стала аргументом в пользу продления ее существования.

В Гродненской губернии школа для урядников изначально задумывалась как временное учреждение, которое просуществовало в губернской столице с 15 августа 1904 г. по 1 января 1905 г. На прохождение учебного курса выделялось 6 недель. За все время ее действия было сделано три выпуска, а всего школу окончили «около 600 человек» [4, л. 99–100]. При этом формируемая стража комплектовалась «исключительно из лиц, прошедших курс» в этой специальной полицейской школе [4, л. 99]. Надзор над деятельностью школы поручался советнику губернского правления В. В. Ярошенко, а непосредственное руководство осуществлял помощник пристава Белостокского ГПУ И. Ю. Мыц. Поскольку школа действовала сравнительно недолго, то ее финансирование обошлось всего в 450 руб. Две трети всех денег выделялись Гродненской Городской думой, а оставшаяся треть была изъята из средств, предоставленных на усиление белостокской городской полиции. В период обучения стражникам самим приходилось обеспечивать свое питание за счет личных средств.

С 16 по 18 февраля 1913 г. на Особом совещании начальников полиций Минской губернии под председательством губернатора было принято решение об открытии школы при Минском Уездном полицейском управлении или учебной команды урядников. В нее помимо подготовки кандидатов на должности полицейских урядников по ходатайству минского полицеймейстера приняли решение «командировать в эту школу 5 человек кандидатов на должность околоточных надзирателей» [6, л. 67 об.]. Школу предполагалось открыть с 1 октября 1913 г. Для кандидатов предусматривался шестимесячный срок обучения. Строевой частью школы должен был заведывать офицер полицейской стражи. Обучение завершалось сдачей экзамена перед комиссией под председательством губернатора.

Вслед за школой в Минской губернии была организована школа полицейских урядников в Витебской губернии. Она приняла первый набор 15 января 1914 г., когда после вступительного испытания зачислили 32 нижних чина [7, с. 354]. Им предстояло изучать Закон Божий, устройство и обязанности полицейской службы, судебные функции полиции, государственное устройство Российской империи, историю и географию, медицину и санитарию, ветеринарию, обязанности полиции по строительному уставу, сыскное дело. Конечно же, уделялось внимание навыкам конной езды и обращения с оружием, строевой подготовке и гимнастике. Занятия проводили губернские чиновники или начальники отдельных подразделений. Так,

азам сыска будущих урядников предстояло обучать начальнику сысского отделения А. И. Чернявскому, а судебным функциям полиции – товарищу губернского прокурора В. А. Старкову. 30 мая 1914 г. после четырехмесячного обучения состоялся первый выпуск, причем до выпускных испытаний дошли уже 30 стражников. Выпускная комиссия во главе с губернатором приняла экзамены у всех, причем большинство закончили «с отметкой «отлично» [8, с. 443].

В белорусских губерниях первым опытом подготовки городских, т. е. нижних чинов городских полицейских управлений, стала, по всей видимости, организация при Брестском Городском полицейском управлении Школы городских. Школа была учреждена по инициативе брестского полицеймейстера П. С. Геннисаретского. В своем рапорте на имя губернатора от 14 февраля 1911 г. он уведомлял о том, что оборудовал помещение школы «для подготовки в ней кандидатов на должности младших и старших городских по прилагаемой у сего программе» и испрашивал разрешения губернатора. Согласие губернского начальства последовало 22 февраля 1911 г. В приказе по Брестскому ГПУ от 27 февраля 1911 г. за № 57 брестский полицеймейстер объявил о создании «при подведомственном мне полицейском управлении “школы городских” [9, л. 4]. Однако официальной датой создания школы городских является 4 марта 1911 г., когда на ее открытие прибыл гродненский губернатор Борзенко. Полицеймейстером была даже подготовлена заметка для «Вестника полиции», которая была размещена в 13 номере издания от 30 марта 1911 г. Программа обучения состояла из двух частей. Первая была предназначена для подготовки кандидатов, желающих стать городскими, или уже исполнявших обязанности младших городских. Претендентам предстояло «преподание лишь самых элементарных знаний полицейской службы младших городских, круг деятельности коих не выходит из ежедневного обслуживания своего поста» [10, с. 357]. В число этих простейших знаний и навыков входила тренировка «под диктовку в составлении записок о случаях и происшествиях» [9, л. 3], изучение должностной инструкции, штатного оружия от разборки и сборки до его хранения, «прицелка и стрельба дробинками», а также «правила и случаи употребления в дело оружия одиночными городскими» [9, л. 3]. Нижним чинам предстояло усвоить значение и роль полиции в государстве, их обязанности и права. Наконец, стражам порядка предстояло познакомиться с примерами «из практики действий одиночных городских в разных случаях» [9, л. 3].

Вторая часть школьной программы для старших городских была шире, «так как они, за неимением сысского отделения, являются первыми и весьма важными помощниками классных чинов и околоточных надзирателей при розысках и вытекающих отсюда действий полиции» [10, с. 357]. Кроме того, они «занимаются вручением повесток и объявлений судебных мест и лиц, а отбывая все наряды и таким образом входя в соприкосновение со

всеми слоями населения, не должны быть ни в коем случае менее развиты рядовых обывателей» [10, с. 357]. От старших городских требовалось «бойкое чтение и свободное письмо под диктовку» и знание четырех правил арифметики. Им следовало понимать различия между преступлением и проступком, иметь представление о соучастничестве и укрывательстве. Городовые изучали значение и порядок регистрации преступников и «предосудительного поведения лиц» [9, л. 3 об.]. Их знакомили с азами розыска. Больше всего программа обучения старших городских уделяла внимание обязанностям «чинов полиции по делам уголовным и ответственность». В частности, им предстояло освоить 50 статей из Устава уголовного судопроизводства, причем теория осваивалась с «указанием в некоторых случаях примеров из практики» [9, л. 3 об.]. Наконец, городовым было необходимо ознакомиться с содержанием обязательных постановлений гродненского губернатора.

Если потребность в образовании нижних чинов общей полиции привела к появлению школ, то необходимость повышения образовательного уровня полицейских чиновников осознавалась, но не привела к каким-либо попыткам создания учебных учреждений. По крайней мере, на упоминавшемся выше Особом совещании начальников полиции Минской губернии 16–18 февраля 1913 г. была утверждена программа экзаменов для кандидатов на должности станových приставов, частных приставов, их помощников и полицейских надзирателей. Программа испытаний была достаточно обширна и состояла из 29 пунктов. От кандидатов требовалось знакомство с рядом уставов (от устава о предупреждении и пресечении наказаний, паспортного до содержащихся под стражей), правил (о призыве войск, об употреблении в дело оружия, об учете и призыве на действительную службу, пребывании евреев в черте оседлости и за ее пределами, охоте, операций с земельной недвижимостью в западных губерниях), текущее законодательство по вопросам поддержания общественного порядка (обязательные постановления, временные правила об обществах и союзах, инструкции), основы уголовно-процессуального и уголовного права. При этом от кандидатов не требовалось текстуальное запоминание статей, а «общее, но твердое и ясное знакомство с ними и умение толково разобраться в них для применения на практике» [6, л. 67 об.]. Претендентам следовало отделять дела политические от общеуголовных, разбираться в подсудности. Кроме того, ценилась способность составить протокол, в котором суть дела излагалась бы «просто, толково и ясно, чтобы можно было составить себе полное понятие об описываемом случае». Экзамен по программе принимался особой комиссией, в которую входили губернатор, вице-губернатор, прокурор, начальник губернского жандармского управления, советник правления, минский полицеймейстер и исправник. Комиссия собиралась четыре раза в год, однако в 1913 г. планировались три заседания: 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Интересно, что подготовка к экзаменам зависела от личной инициативы

кандидата, т. е. не предусматривалось никаких учебных курсов или образовательного ценза.

Таким образом, Виленская и Гродненская губернии в начале XX в. выступили в качестве пионеров в деле полицейского образования стражи. Однако в 1905 г. обе школы полицейской стражи прекратили свое существование. К началу Первой мировой войны полицейские школы действовали в Минской и Витебской губерниях. В марте 1911 г. при Брестском ГПУ появляется первая в белорусских губерниях школа, предназначенная для обучения нижних чинов городской полиции. Вместе с тем появление таких полицейских школ происходило исключительно по местной инициативе, а не в силу централизованной правительственной политики. Показательно, что первое в империи учебное заведение для полицейской стражи, созданное в Виленской губернии, закрылось в 1905 г. из-за нехватки средств при полном нежелании Министерства внутренних дел пойти на встречу виленскому губернатору К. К. Палену. Ее закрытие прошло настолько незамеченным, что в ведомственном «Вестнике полиции» старейшим учреждением для подготовки стражи называлась школа в Саратове [11, с. 255]. В белорусских губерниях не сформировалась сеть учебных заведений или курсов, которая позволяла бы полностью охватить всех кандидатов на должности урядников, стражников и городских. Следует отметить, что содержание образования имело практическую направленность и заключалось в формировании необходимых профессиональных навыков, изучении основных должностных обязанностей, прав и полномочий, развитии компетенций в объеме начального образования. Наконец, в феврале 1913 г. в Минской губернии было принято решение об обязательном экзамене для лиц, претендующих на занятие полицейских офицерских должностей. Этот экзамен проверял у кандидатов на классные должности в уездной и городской полиции познания в законодательстве и наличие у них некоторых полезных в служебном делопроизводстве навыков. Это первая известная нам попытка обусловить назначение на должность наличием правовых знаний, необходимых в профессиональной деятельности.

Список использованных источников

1. *Овсянников. Почему нужно и как можно учредить полицейские курсы?* / Овсянников // Вестник полиции. – 1911. – № 22. – С. 548–550.
2. *Киселев, А. А. Школы полицейских урядников в белорусских губерниях* / А. А. Киселев // Источники права: проблемы теории и практики: материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 февр. 2013 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2013. – С. 138–143.
3. *Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века: монография* / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2018. – 685 с.
4. *Об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи* // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 208. Д. 91.

5. Отчет о работе школы Виленской полицейской стражи за 1904 // ЛГИА. – Ф. 420. Оп 2. Д. 881.

6. Журнал особого совещания сотрудников полиции Минской губернии 16–18 февраля 1913 г. об организации, правах и обязанностях полиции, описи дел жандармского управления, подлежащих сдаче в архив и к уничтожению // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 705. Оп. 1. Д 10.

7. *Зазулевский, С.* Витебская школа урядников / С. Зазулевский // Вестник полиции. – 1914. – № 19. – С. 354.

8. *Зазулевский, С.* Годовой выпуск школы урядников в Витебске / С. Зазулевский // Вестник полиции. – 1914. – № 24. – С. 443.

9. Распоряжение гродненского губернатора о разрешении открытия школы городских // НИАБ в Гродно. – Ф. 674. Оп. 1. Д. 99.

10. *П. Г.* Школа городских / Г. П. // Вестник полиции. – 1911. – № 13. – С. 356–357.

11. *С. Б.* К вопросу об устройстве полицейских школ // Вестник полиции. – 1911. – № 9. – С. 254–256.

(Дата подачи: 20.02.2023 г.)

М. К. Климко

Белорусский национальный технический университет, Минск

M. K. Klimko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 355.233.233.1:378

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1860–1914 ГГ. НА ВОЕННУЮ ПОДГОТОВКУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

THE IMPACT OF SOCIO-POLITICAL EVENTS OF 1860–1914 FOR MILITARY TRAINING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE VILNA EDUCATIONAL DISTRICT

В статье исследуется влияние общественно-политической обстановки второй половины XIX – начала XX в. на систему просвещения. Автором раскрывается роль военной гимнастики, строевой подготовки в допризывной подготовке молодежи. Рассматривается взаимодействия между военными структурами и Виленским учебным округом в деле военной подготовки учащихся.

Ключевые слова: реформы; образование; воинская повинность; льготы; военная гимнастика; молодежные дружины; допризывная подготовка.

The article examines the influence of the socio-political situation of the second half of the XIX – early XX centuries on the education system. The author reveals the role of military gymnastics, drill training in pre-conscription training of young people. The article examines the interaction between military structures and the Vilna School District in the military training of students.

Key words: reforms; education, military offense; privileges; military gymnastics; youth squads; pre-conscription training.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. остро поставило вопрос о необходимости реформирования России. Проведение реформ стало той необходимостью, которая могла бы восстановить мощь Российской империи. Одной из ключевых реформ 1860–1870 гг. стала военная, которая повлияла на систему образования и способствовала изменению структуры всего общества. В Беларуси реформы имели свои особенности, связанные с восстанием 1863–1864 г., но в целом, Министерством Народного Просвещения (МНП) были поддержаны интересы государства в укреплении армии. В Виленском учебном округе было введено преподавание военной гимнастики, создана молодежная дружина, налаживались взаимодействия между военными подразделениями и учреждениями образования. Данные меры способствовали укреплению физического состояния призывников, а также основ патриотического воспитания в системе образования.

В историографии влияние буржуазных реформ на систему образования Беларуси освещалось в диссертационных исследованиях. Так, З. А. Пастуховой проанализировано развитие средней школы Беларуси [1], А. В. Трухан – процесс демократизации народного образования [2], Е. Л. Евдокимовой – развитие гимназического образования [3], вопросы становления профессионального образования стали предметом исследования Н. Е. Новик [4], а развития народного образования на примере Могилевской губернии – Т. Г. Шатюк [5]. В работах С. В. Снаповской проанализирована специфика положения белорусских губерний в системе просвещения в 1860-е гг., а также образовательная политика в пореформенный период и после революции 1905–1907 гг. [6], Е. Н. Бусел раскрыл региональные и национальные особенности образовательной практики Витебской губернии [7], в работе Л. Н. Семеновой раскрыта роль городского ремесла г. Минска, социально-трудовые отношения в ремесленном сообществе, цеховое ученичество [8]. Исследования различных аспектов народного образования в Виленском учебном округе отражены в статьях С. А. Моторова, который рассматривал развитие системы среднего образования на территории Виленской губернии [9], С. И. Бусько осветивший на примере летних курсов 1913 г. систему подготовки учителей в белорусских губерниях накануне Первой мировой войны [10], О. И. Ершова рассматривала образовательную политику российского правительства в белорусских губерниях [11], А. Н. Кукса анализировал процесс создания и деятельность Народных университетов, распространение технических знаний и создание первого технического вуза Беларуси – Белорусский государственный политехнический институт [12]. Однако влияние общественно-политических событий на военизацию системы образования не стало отдельным предметом исследования.

Одним из недостатков армии Российской империи была её феодально-сословная структура, основанная на системе рекрутских наборов среди

крестьян и закрепленным правом дворян на занятие офицерских должностей. Введение всесословной воинской повинности, подготовка обученных резервов и офицерских кадров, перевооружение, – таковы основные направления реформ, проведенных военным министром Д. А. Милютиним. Начало им положил «Манифест о введении всеобщей воинской повинности» (01.01.1874 г.) и «Устав о воинской повинности» (Устав). Согласно Уставу, на все сословия возлагалась воинская повинность. Отменялся рекрутский набор в армию. Был определен срок службы – 15 лет в сухопутных войсках и 10 лет на флоте. Пехота, пешая артиллерия комплектовались по территориальному принципу. На военную службу призывались все мужчины, достигшие 21 года, а освобожденные от службы в армии зачислялись в ополчение. Вышедшие в запас солдаты могли призываться на учебные сборы [13].

Уставом предусматривались отсрочки и льготы в соответствии с образовательным цензом. На основании п. 3 ст. 63 Устава, учителя, имеющие свидетельство на звание учителя начального народного училища, освобождались от «поступления на службу в войска». Свидетельства на звание учителя начального народного училища выдавалось согласно Циркулярного предложения МНП от 7 сентября 1874 г. за № 9281 [14, л. 9]. В каждой губернии, согласно Устава, утверждались губернские по воинской повинности присутствия, которые находились в ведении Управления по делам воинской повинности Главного штаба Военного министерства Российской империи.

На основании п. 4 ст. 56 Устава 1 января 1874 г., Министерством Народного Просвещения, по согласованию с Военным Министерством и с IV Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а так же с Министерством Внутренних Дел, 15 октября 1874 г. были составлены Правила для выдачи свидетельств о знании курса начальных училищ лицами, желающими при отбывании воинской повинности воспользоваться льготой. Свидетельства выдавались, окончившим «курс учения» в начальных народных училищах и школах, перечисленных в приложении к ст. 53 Устава.

Для получения свидетельства, перед окончанием «курса учения» в училищах проводились экзамены. Для проведения экзаменов создавалась комиссия из: лица назначенного подлежащим Советом и под его председательством, законоучителя и учителя училища. Местные инспекторы народных училищ и другие лица учебного ведомства обязаны были, посещать училища во время проведения испытаний. Требования к знаниям учащихся по каждому предмету – Закону Божьему, чтению, письму, арифметике определялись объемом преподаваемого, который не мог быть ниже программы, приложенной к § 26 Правил [15, л. 1–12].

Попечителем Виленского учебного округа 7 ноября 1874 г., за № 7529, было предложено организовать проведение испытаний для выдачи свидетельств. На основании данного предписания в народных училищах были

созданы комиссии и проводились экзамены. Так же, при Полоцкой учительской семинарии была создана «испытательная комиссия» для лиц, желающих воспользоваться льготой, но не учившихся или не окончивших курс в народных училищах. Был определен возрастной ценз: лицам должно было быть не меньше «16 лет от роду» и «не свыше» призывного возраста [16, л. 47].

Реформы 1860–1870 гг. изменили социально-политические основы страны, но не были доведены до конца. Трагическая гибель Александра II привела к откату от реформ и переходу к контрреформам, итоги которых имели значительные последствия и в сфере образования.

Постановка школьного дела была неразрывно связана с военной подготовкой молодежи и соответствовала потребностям и интересам государства. Так, с начала 1889/1890 учебного года в училищах, семинариях Виленского учебного округа было введено преподавание военной гимнастики по Программе утвержденной Министром Народного Просвещения 26 апреля 1889 г. для подготовки «воспитанников» (народных наставников) к преподаванию данного предмета в начальных народных училищах. Циркуляром № 2792 от 30 апреля 1891 г. попечитель Виленского учебного округа, «озабочиваясь скорейшим распространением знаний военной гимнастики между учениками народных школ» и потребностью иметь информацию о качестве ее преподавания, поручал директору народных училищ Витебской губернии организовать «тщательное наблюдение» за преподаванием военной гимнастики и составлять годовые отчеты [17, л. 1–2].

В 1891/1892 уч. году в Витебской губернии преподавание военной гимнастики велось: в четырех городских училищах – Динабургском 1, 2, Режицком и Лепельском; в шести уездных училищах – Себежском, Невельском, Дриссенском, Велижском, Люцинском и Суражском; в четырех еврейских начальных училищах – Витебском, Полоцком, Велижском и Динабургском; в 60 народных училищах. Преподавание велось согласно Инструкции утвержденной Министром Народного Просвещения 26 апреля 1889 г. На занятия гимнастикой, по расписанию уроков, отводились еженедельно 3 часа во внеклассное время. В летнее время устраивались гимнастические прогулки. Занятия проводили военные – офицер, унтер-офицер, фельдфебель, нижние чины и преподаватели из состава учебных заведений, «знакомые с приемами обучения военной гимнастики». Так, в годичном отчете за 1891/1892 г. преподавателя военной гимнастики Режицкого городского училища представлены следующие сведения: 77 учеников разделены на две группы. Еженедельно на каждую группу приходилось 3 часа уроков. Обе группы обучались порознь и вместе: четыре раз в неделю получасовые уроки для каждой группы и раз в неделю совместный часовой урок. В учебном заведении был просторный гимнастический зал, что позволяло в холодное осеннее и весеннее время, а также зимой проводить уроки. Устраивались часовые прогулки за город [17, л. 9].

Поражение армии Российской империи в войне с Японией 1904–1905 гг. значительно повысило значение военной подготовки молодежи. Основной целью внешкольной подготовки были прописаны: укрепление веры в Бога, беззаветной любви к Царю и Отечеству, «добрых нравственных правил» и уважения закона; ознакомление с «доблестным духом» русской армии и основами воинской дисциплины; обучение «военному строю», физическое развитие; «привитие с юных лет» духовных и физических качеств необходимых солдату во время войны [18, л. 280].

Дружины и отряды по внешкольной подготовке молодежи могли быть образованы только с согласия губернатора или градоначальника, а об образовании дружин докладывалось уездному «воинскому начальнику». Преподавателями военного строя и гимнастики могли быть находящиеся на действительной военной службе и отставные офицеры. Так же могли привлекаться унтер-офицеры, при получении ими от своего начальства соответствующего удостоверения. Обучение должно было вестись только на русском языке, по утвержденной военным министром программе. Разрешались деревянные ружья. В дружинах могла быть введена «однообразная» одежда. Так же позволялось иметь свой или наемный «хор музыки». Формами обучения могли быть: учения на площадях, прогулки по улицам, упражнения в «разведочной службе» в ближайших лесах и полях, маневры нескольких дружин. Обучение заканчивалось походами в «один пункт» для общих учений, смотров и парадов. По пути следования дружины сопровождалась полицией [18, л. 281–283].

16 декабря 1911 г. попечителем Виленского учебного округа было направлено Витебской дирекции народных училищ циркулярное распоряжение за № 31964. В циркуляре сообщалось о Положении о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе, и ввиду того, что § 20 данного Положения предусматривалось «устройство смешанных дружин» состоящих из «внешкольной» молодежи и учащихся учебных заведений МНП, Министерство «просило» распоряжением № 4136 9 сентября 1911 г. широко распространить данное Положение [18, л. 279].

Еще до поступления данного распоряжения начальник гарнизона г. Витебска обратился к губернатору г. Витебска и получил «одобрение к образованию в г. Витебске дружины» [18, л. 280]. Далее, 27.11.1911 г. он обращался к директору народных училищ Витебской дирекции за разрешением «набирать контингент» в Витебскую дружину молодежи из народных школ. Планировал следующую организацию и подготовку молодежной дружины. Вначале с письменного согласия родителей, набирались мальчики 5-го приходского училища, которое располагалось наиболее близко к казармам. Занятия проводить предвиделось «какого-либо урочного характера с обязательным усвоением каких-либо уроков». С молодежью Витебской дружины планировалось проводить беседы, с целью ознакомления с «Великой Россией, со знаменательной историей вообще и с победоносной историей

русского воинства»; физические упражнения – гимнастику, соответственно «их детскому организму»; прогулки для изучения местности в военном отношении; «развивать спорт – катание на лыжах и коньках, лазание по горам, деревьям и другие упражнения для развития «смелости и ловкости». Также «будет обращено внимание» на пение гимна и русских величественных патриотических и национальных песен [19, л. 24–26].

Выстраивались и налаживались взаимодействия между военными структурами и структурами образования Виленского учебного округа в деле военной подготовки учащихся. Так, командующий войсками 19.06.1912 г. «предписал» предложить учебному ведомству «услугу» со стороны войскового начальства в «форме опытных инструкторов по строю и гимнастике», пользованием помещениями, «гимнастическими машинами» «оркестрами музыки» для игры при военных упражнениях учащихся. Вследствие данного «отношения», начальник 3-го армейского корпуса предложил учебным заведениям в течение двух месяцев связаться с войсковыми частями по их выбору. Командующий войсками поручил командирам гарнизонов и частей войск в предстоящий зимний период оказать, «не ожидая особых просьб со стороны учебных заведений», содействие в деле физического развития и строевого образования [20, Л.102, 106]. Начальник 25-й пехотной дивизии «отношением» от 5 января 1913 г. за № 98 обратился к попечителю Виленского учебного округа с просьбой сделать распоряжение, чтобы все начальники Двинских учебных заведений, «в интересах дела», приглашали инструкторов по строю и гимнастике «с его ведома». 19 января 1913 г. Витебской дирекцией народных училищ данное обращение было доведено до сведения подведомственным учебным учреждениям [21, л. 1].

Таким образом, общественно-политическая обстановка второй половины XIX – начала XX в. привела к значительным изменениям не только в системе организации армии Российской империи, системы набора и продвижения по службе, которые были непосредственно завязаны на уровне образовательного ценза, но и в системе просвещения. Отсрочки и льготы при отбывании воинской повинности сделали образование более привлекательным для разных слоев населения и способствовали повышению уровня народного образования. Введение военной гимнастики и элементов строевой подготовки способствовали повышению уровня физической подготовки, взрослению учащихся, готовности нести воинскую службу и защищать свое Отечество.

Список использованных источников

1. *Пастухова, З. А.* Средняя школа в Белоруссии во второй половине XIX и начале XX веков: автореф. дис... канд. пед. наук. / З. А. Пастухова. – М., 1964. – 22 с.
2. *Трухан, А. В.* Борьба белорусской прогрессивной общественности за демократизацию народного образования во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. / А. В. Трухан. – Минск, 1969. – 20 с.
3. *Евдокимова, Е. Л.* Гимназическое образование в Беларуси (XIX – нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. / Е. Л. Евдокимова. – Минск, 1995. – 18 с.

4. Новик, Н. Е. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Н. Е. Новик. – Минск, 1998. – 17 с.
5. Шатюк, Т. Г. Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. / Т. Г. Шатюк.– Минск, 2000. – 17 с.
6. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв.: монография / С. В. Снапковская – М.: УРАО ИТИП, 2011. – 308 с.
7. Бусел, Е. Н. Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века: монография / Е. Н. Бусел. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – 172 с.
8. Семенова, Л. Н. Ремесленный Минск на исходе XIX столетия / Л. Н. Семенова. – Минск: БНТУ, 2015. – 229 с.
9. Моторов С. А. Развитие системы среднего и профессионального образования на территории Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / С. А. Моторов, Н. С. Моторова // Учебные записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». Сер. Общественные и гуманитарные науки. История. – 2006. – Т. 5 – С. 3–21.
10. Бусько, С. И. Система подготовки учителей гимназии в Виленском учебном округе накануне Первой мировой войны / С. И. Бусько // Исторические и педагогические науки: сб. науч. статей / ГУО РИВШ; редкол.: В. А. Гайсенко (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 207.
11. Ершова, О. И. Реформы народного образования на Беларуси в XIX в. / О. И. Ершова // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. статей. – Вып. 2. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 137–142.
12. Кукса, А. Н. Техническое образование и Народные университеты (1908–1919 гг.) / А. Н. Кукса // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадзянскіх і гуманітарных навук, 2022. – № 2 (221). – С. 21–27.
13. Головин, Н. Н. Русские законы о всеобщей воинской службе // Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/01.html. – Дата доступа: 04.02.2023.
14. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2507. Оп. 1. Д. 4354. Л. 9.
15. НИАБ.– Ф. 2507. Оп.1. Д.1579.
16. НИАБ.– Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1531.
17. НИАБ. – Ф. 2507. Оп.1. Д.1865.
18. НИАБ.– Ф. 2507. Оп. 1. Д. 4192.
19. НИАБ.– Ф. 2507. Оп. 1. Д. 3906.
20. НИАБ.– Ф.2507. Оп. 1. Д. 4363.
21. НИАБ.– Ф.2507. Оп. 1. Д.4452.

(Дата подачи: 20.02.2023 г.)

И. И. Ковяко

Белорусский государственный университет, Минск

I. I. Kaviaka

Belarusian State University, Minsk

УДК [94(430):338.245]:303.446.4

**ПРОЕКТ ЕДИНОЙ ГЕРМАНИИ
В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ
ПЛАНИРОВАНИИ 1945–1990 ГГ.:
АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА
PROJECT OF UNITED GERMANY IN THE SOVIET
FOREIGN POLICY PLANNING, 1945–1990:
ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE**

В статье представлены основные результаты анализа англо-американской историографии, посвященной послевоенной политике СССР по вопросу германского единства. Установлены основные тематические поля, в рамках которых проводились заявленные исследования. Определены различия в подходах консервативных и либеральных авторов. Сделан вывод о том, что исследование проблематики в Великобритании и США сохраняло высокую актуальность на протяжении всего послевоенного периода, поскольку оказалось сопряжено с практическими задачами внешней политики данных государств в Европе.

Ключевые слова: англо-американская историография; единая Германия; советское внешнеполитическое планирование; холодная война; германский вопрос.

The article presents the main results of the analysis of Anglo-American historiography devoted to the post-war policy of the USSR on the issue of German unity. The main thematic fields within which the declared research was carried out established. Differences in the approaches of conservative and liberal authors determined. It is concluded that the study of this issue in the UK and the US remained highly relevant throughout the entire post-war period, since it turned out to be associated with the practical tasks of the foreign policy of those states in Europe.

Key words: anglo-american historiography; united Germany; Soviet foreign policy planning; cold war; German question.

В первой половине XX в. Российская империя, а затем и СССР дважды оказывались вовлеченными в вооруженное противостояние с Германией. Особенно травмирующим оказался опыт Второй мировой войны, ведь нападение Германии на СССР произошло во многом неожиданно и вопреки логике советско-германского сотрудничества предшествовавших десятилетий. В годы войны СССР понес колоссальные потери и существенно переосмыслил внешнеполитическое планирование в отношении противника. На заключительном этапе войны очевидной представлялась потребность в обеспечении национальной безопасности и предотвращении возможной немецкой агрессии в будущем. В связи с этим особую актуальность приобретал вопрос демилитаризации Германии и закрепления ее нейтрального статуса.

Следует отметить, что в послевоенные годы аналогичные цели преследовала американская оккупационная администрация в Японии. Рассматривая Японию как главную угрозу интересам США в Тихоокеанском регионе, Вашингтон отказался выделить союзникам зоны оккупации и принял на себя все функции послевоенного переустройства. Германия, однако, оказалась разделена на четыре зоны, и решение ее дальнейшей судьбы зависело от согласования интересов великих держав. На фоне нарастающих противоречий привести позиции всех участников к общему знаменателю было все сложнее, а к концу 1940-х гг. и вовсе стало невозможным.

В англо-американской историографии традиционно уделялось особое внимание советскому внешнеполитическому планированию. Исследователи спорили о мотивах и целях германской политики СССР, о соотношении в ней продуманного плана и ситуативной импровизации. Особый интерес представляет анализ политики СССР в отношении германского единства. Изучение данной темы являлось актуальной научной и социально-политической задачей зарубежных исследователей. Инициативы стран Запада, направленные на закрепление германского раскола и провозглашение ФРГ, нуждались в дополнительном обосновании на фоне объединительных проектов СССР. В связи с этим перед британскими и американскими авторами появлялась непростая задача: объяснить читателю (в том числе немецкому), почему две Германии лучше одной. С другой стороны, представлялось необходимым объяснить причины советского интереса к сохранению германского единства.

В данной статье предпринята попытка проанализировать проект германского единства во внешней политике СССР, предложенный британскими и американскими исследователями. Комплексных исследований по заявленной проблематике обнаружено не было. Как правило, изучение вопроса в англо-американской историографии происходило в контексте более широких тематических полей. Впервые мы встречаемся с анализом подобного проекта внешнеполитического планирования СССР в рамках вопроса об ответственности великих держав за раскол Германии. Проблема ответственности являлась важной и актуальной для британских и американских ученых. После создания ФРГ и привлечения молодого государства к участию в западных интеграционных структурах, представлялось необходимым объяснить причины раскола. При этом значительное внимание уделялось роли СССР и его позиции по вопросу германского единства. Следует отметить, что несмотря на существование различных подходов и оценок, большинство авторов так или иначе подтверждали стремление СССР к сохранению единой Германии после Второй мировой войны. Консервативные исследователи усматривали в этом далеко идущие планы Москвы по распространению своего влияния не только на Германию, но и Западную Европу. С этой точки зрения, жесткие репарационные мероприятия в советской зоне оккупации, а также блокада Берлина рассматривались как элементы стратегиче-

ского планирования Кремля. Их главной целью называлась дестабилизация ситуации в Германии, формирование предпосылок социалистической революции и/или прихода к власти левых сил, лояльных СССР. Таким образом, германская политика советского государства в первые послевоенные годы рассматривалась как пролог к созданию единой «красной» Германии, а затем, возможно, и Европы. В такой ситуации раскол Германии представлялся вынужденной мерой, на которую страны Запада решились под давлением советского курса [1, с. 286; 2, с. 426; 3, с. 119; 4, с. 391].

Либеральные авторы уделяли гораздо больше внимания анализу тяжелого послевоенного положения СССР и его потребностям в сфере безопасности. С этой точки зрения формирование единой Германии также рассматривалось как важная цель советской послевоенной политики. Однако анализ ее потенциальной опасности для стран Запада не получил распространения среди либералов. Основное внимание оказалось сосредоточено на изучении интересов и потребностей послевоенного СССР, что позволило сдержанно (и по сравнению с консерваторами лояльно) оценивать репарационную политику Москвы и блокаду Берлина 1948–1949 гг. Создание единой Германии зачастую рассматривалось авторами как естественное стремление советского государства обезопасить собственные границы и установить максимальный контроль над вчерашним противником. Основная ответственность за раскол Германии возлагалась на западных союзников [5, с. 13; 6, с. 238; 7, с. 589; 8, с. 31].

Таким образом, если консерваторы приписывали германской политике СССР наступательную природу, то либералы скорее рассматривали ее как оборонительную, направленную, в первую очередь, на защиту национальных интересов. Вместе с тем представители различных направлений, как правило, сходились в том, что в послевоенные годы Советский Союз оставался крайне заинтересованным в сохранении германского единства.

Второе тематическое направление охватывает анализ советских инициатив начала 1950-х гг. и одновременной подготовки к подписанию Парижских соглашений. Анализируя международное положение СССР в начале 1950-х гг., британские и американские исследователи отмечают актуализацию вопроса о создании единой Германии. Корейская война значительно осложнила отношения советского государства со странами Запада, в том числе в торгово-экономической сфере. Одновременно создание ФРГ, а также постепенный курс на ее перевооружение и интеграцию в НАТО предполагал ответное наращивание военных расходов СССР и укрепление обороноспособности ГДР. В такой непростой ситуации перезагрузка четырехсторонних отношений по германскому вопросу представлялась важной и актуальной задачей советской дипломатии.

Серия советских нот начала 1950-х гг., в которых предлагался проект создания единой нейтральной Германии, подверглась тщательному анализу в англо-американской историографии. В академической среде шла дискус-

сия о мотивах германской политики СССР и возможных перспективах реализации советских инициатив. Консервативные авторы, преимущественно американские, были склонны рассматривать предложения Москвы исключительно как провокацию, направленную на срыв ремилитаризации ФРГ и ее присоединения к НАТО. Создание единой нейтральной Германии рассматривалось как нежелательное и крайне рискованное мероприятие, которое в конечном итоге могло лишь усилить советское влияние в Европе [9, с. 138; 10, с. 93]. Вызывала опасения перспектива возвращения нейтральной Германии к политике лавирования между Востоком и Западом в преследовании собственных национальных интересов [11, с. 27; 12, с. 171]. В условиях холодной войны это представляло немалую угрозу и могло спровоцировать конфликт сверхдержав. Распространенным являлось суждение об изначальной несерьезности советских нот – этим объяснялось недостаточное внимание к ним со стороны стран Запада [13, с. 25; 14, с. 243; 15, с. 280–281]. Авторы отмечали и фактор усталости западных союзников от бесплодных переговоров предыдущих лет, которые так и не привели четверку держав к взаимовыгодному компромиссу [11, с. 113].

Другая группа исследователей была склонна рассматривать советскую нотную дипломатию начала 1950-х гг. как реальную (и упущенную) возможность решения германского вопроса. Либеральные авторы критиковали руководство западных стран за невнимательное отношение к предложениям Москвы и отход от внешнеполитического курса Ф. Д. Рузвельта. С точки зрения авторов, заинтересованность СССР в создании единой нейтральной Германии была искренней и обоснованной, что подтверждает согласие Кремля на проведение свободных общегерманских выборов. Исследователи отмечали, что И. В. Сталин никогда не был заинтересован в германском расколе, следовательно, его предложения по созданию единой нейтральной Германии представлялись логичными и последовательными [16, с. 254; 17, р. 42; 18, с. 270]. Однако стратегическое планирование западных союзников к тому времени уже располагало совершенно иными ориентирами: приоритетами европейской политики стали интеграция экономического и военного потенциала ФРГ в структуры Запада. В такой ситуации ответные ноты западных стран рассматривались авторами как имитация переговоров с целью затягивания времени до подписания Парижских соглашений, определивших дальнейшую судьбу ФРГ и ее членство в НАТО [6, с. 261; 19, с. 16; 20, с. 105].

Несмотря на различия в оценках советских инициатив начала 1950-х гг., которые демонстрирует англо-американская историография, представляется очевидным интерес зарубежных авторов к вопросу германского единства. Представители различных направлений и взглядов сходятся во мнении, что создание единой нейтральной Германии являлось предпочтительным решением проблемы для СССР. Это позволяло укрепить национальную безопасность западных рубежей, создать своеобразный буфер

между капиталистическими и социалистическими странами в Европе. В стратегическом отношении в объединенной Германии сохранялась вероятность прихода к власти левых сил и ее возможное сближение с Москвой. Именно эта перспектива больше всего настораживала руководство стран Запада. Впоследствии это обстоятельство активно использовалось британскими и американскими авторами при объяснении отказа от советских предложений.

Третья группа работ, в которых затрагивается вопрос германского единства во внешнеполитическом планировании СССР, сосредоточена на феномене ГДР в первой половине 1950-х гг. В англо-американской историографии за ГДР закрепился образ «нелюбимого ребенка» И. В. Сталина. Авторы отмечали изначальное нежелание советского руководства производить раздел Германии. Стратегической целью Москвы в Европе называлось сохранение единой Германии, которая не представляла бы угрозы СССР. В такой ситуации курс западных союзников на образование ФРГ был воспринят как серьезный вызов советскому внешнеполитическому планированию. Авторы приходят к выводу, что создание ГДР никогда не являлось намеренной целью политики СССР, а стало ответным и вынужденным шагом в ответ на действия стран Запада [9, с. 138; 21, с. 32; 22, с. 149].

Восточная Германия вплоть до середины 1950-х гг. имела все шансы исчезнуть с политической карты Европы. Именно в это время активно развивалась нотная дипломатия Москвы. Даже после вынужденного образования восточногерманского государства СССР не отказалась от своей стратегической цели – создания единой Германии. Ввиду приоритетности германского единства для И. В. Сталина (и формально схожей позиции Л. П. Бери) вся дальнейшая судьба ГДР представлялась исследователям крайне неопределенной. Изучая данный феномен, они пришли к заключению, что политика СССР в отношении германского единства стала трансформироваться только в конце 1954 г. после принятия решения о ремилитаризации ФРГ и ее включении в НАТО. Парижские соглашения ознаменовали крах надежд советского руководства на германское единство и одновременно предоставили прочные гарантии дальнейшего существования ГДР [23, с. 70; 24, с. 167; 25, с. 25; 26, с. 96].

Заключительное тематическое поле, связанное с проблемой германского единства во внешней политике СССР, охватывает события 1989–1990 гг. За рубежом авторы отмечали, что объединение Германии произошло во многом (а возможно и только) благодаря позиции СССР во время восточногерманского кризиса. Анализируя предпосылки и причины исчезновения ГДР, они отмечали влияние экономических и финансовых факторов (перестройка всей мировой экономической системы и увеличение зависимости ГДР от ФРГ), принимали во внимание нарастание противоречий внутри правящей элиты, а также усиление оппозиционных настроений в обществе. Однако большинство исследователей пришли к схожим выводам: объединение Гер-

мании в том виде, в котором оно произошло, было бы невозможно при более жесткой позиции советского государства [27, с. 157; 28, с. 98; 29, с. 216].

Уступчивость СССР по ряду вопросов (включая фактическое согласие на членство объединенной Германии в НАТО) оказалась приятной неожиданностью для политического руководства стран Запада и подверглась пристальному анализу в академической среде. По мнению ряда исследователей, к 1990 г. ГДР сохраняла достаточно высокую жизнеспособность. В таких условиях существовали высокие шансы на сохранение восточногерманского государства в качестве суверенного субъекта международных отношений (возможно, в формате германской конфедерации). Однако экономическая слабость СССР, нежелание М. С. Горбачева осложнять отношения с партнерами и надежды на получение масштабной помощи Запада обусловили слабость советской позиции по германскому вопросу [29, с. 282; 30, с. 428–434; 31, с. 193]. На рубеже 1980–1990-х гг. СССР не смог отстоять свои стратегические интересы в Европе. Проект единства, предложенный Западом, оказался далеким от послевоенных целей Советского Союза. Единая Германия была создана, однако советской дипломатии так и не удалось закрепить ключевое условие единства – нейтральный статус новообразованного государства.

Англо-американская историография послевоенных лет уделяла значительное внимание проекту германского единства в советском внешнеполитическом планировании. Это было обусловлено стратегическими интересами и практическими задачами США и Великобритании в Европе, которые дополнялись осознанием чувствительности немцев к вопросу единства, а также опасениями по поводу роста советского влияния. Изучение заявленной проблемы проводилось в рамках конкретных тематических полей: вопроса ответственности великих держав за раскол Германии; нотной дипломатии СССР начала 1950-х гг.; феномена ГДР; кризисных событий 1989–1990 гг. и объединения Германии. Несмотря на различие подходов и оценок, предложенных британскими и американскими исследователями, большинство авторов пришли к схожим выводам: проект единой нейтральной Германии рассматривался как генеральная цель советского внешнеполитического планирования, которая была обусловлена интересами безопасности СССР в Европе. В первое послевоенное десятилетие, несмотря на целенаправленные усилия советской стороны, данная цель так и не была достигнута. Стремительное объединение Германии на условиях Запада, последовавшее в 1990 г., рассматривается как стратегическое поражение СССР, которого, по мнению отдельных авторов, можно было бы избежать.

Список использованных источников

1. *Botting, D.* From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949 / D. Botting. – New York: Crown Publishers, 1985. – 341 p.
2. *Dulles, A. W.* Alternatives for Germany / A. W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – №3. – P. 421–432.

3. *Slusser, R.* Soviet policy and the division of Germany, 1941–1945 / R. M. Slusser // *The impact of World War II on the Soviet Union* / ed. by S.J. Linz. – Irvine: Rowman&Allanheld, 1985. – P. 107–125.
4. *Strang, L. W.* Germany between East and West / L. W. Strang // *Foreign Affairs*. – 1955. – Vol. 33. – №3. – P. 387–401.
5. *Childs, D.* The GDR: Moscow's German ally / D. Childs. – London: Allen&Unwinn, 1983. – 346 p.
6. *Fulbrook, M.* A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / M. Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.
7. *Mosely, P.* The occupation of Germany. New light on how the zones were drawn / P. Mosely // *Foreign Affairs*. – 1950. – Vol. 28. – № 4. – P. 580–604.
8. *Turner, H. A.* Germany from partition to unification / H. A. Turner Jr. – New Haven and London: Yale University Press, 1992. – 269 p.
9. *Pritchard, G.* The making of the GDR, 1945–53. From antifascism to Stalinism / G. Pritchard. – Manchester: Manchester University, 2000. – 244 p.
10. *Cohen, E.* Soviet foreign policy and West Germany / E. Cohen // *Social Science*. – 1957. – Vol. 32. – № 2. – P. 90–95.
11. *Richardson, J. L.* Germany and the Atlantic Alliance: The interaction of strategy and politics / J. L. Richardson. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1966. – 403 p.
12. *James, H.* A German identity / H. James. – New York: Routledge, 1989. – 240 p.
13. *Banchoff, T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / T. Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.
14. *Judt, T.* Postwar. A history of Europe since 1945 / T. Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
15. *Tucker, R. C.* The cold war in Stalin's time: What the new sources reveal / R. C. Tucker // *Diplomatic History*. – 1997. – Vol. 21. – № 2. – P. 273–281.
16. *Bitzer, R.* Soviet policy on German reunification in 1952 / R. Bitzer // *World Affairs*. – 1969. – Vol. 132. – № 3. – P. 245–256.
17. *Naimark, N.* Stalin and Europe in the postwar period, 1945–1953 issues and problems / N. Naimark // *Journal of Modern European History*. – 2004. – Vol. 2. – № 1. – P. 28–57.
18. *Warburg, J.* Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 1953. – 344 p.
19. *Hughes, G.* Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / G. Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.
20. *Mawby, S.* Containing Germany. Britain and the arming of Federal Republic / S. Mawby. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 244 p.
21. *Roberts, G.* The Ostpolitik and relations between the two Germanies / G. Roberts // *The Ostpolitik and political change in Germany* / ed. by R. Tilford. – Westmead: Saxon House, 1975. – P. 77–93.
22. *McCauley, M.* The German Democratic Republic and the Soviet Union / M. McCauley // *Honecker's Germany* / ed. by D. Childs. – London: Allen&Unwinn, 1985. – P. 147–165.
23. *Steele, J.* Inside East Germany: the state that came in from the cold / J. Steele. – New York: Urizen, 1977. – 256 p.
24. *Nettl, J. P.* A decade of post-war Germany / P. J. Nettl // *Political Quarterly*. – 1956. – Vol. 27. – № 2. – P. 162–175.
25. *Morgan, R.* 54: West Germany's foreign policy agenda / R. Morgan // *The Washington papers*. – Vol. VI. – London: Sage, 1978. – 79 p.
26. *Hanrieder, W. F.* German-American relations in the postwar decades / W. F. Hanrieder // *America and the Germans. An assessment of a three-hundred-year history* / ed. by F. Tommler and J. McVeigh. Vol. 2: The relationship in the twentieth century. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1985. – P. 91–116.

27. *Grieder, P.* “To learn from the Soviet Union how to win”: The East German revolution 1989–90 / P. Grieder // *Revolution and resistance in Eastern Europe* / ed. by K. McDermott, M. Stibbe. – Oxford: Berg, 2006. – P. 157–179.

28. *Roberts, G.* The Soviet Union in world politics. Coexistence, revolution and cold war, 1945–1991 / G. Roberts. – London; New York: Routledge, 1999. – 125 p.

29. *Newnham, R.* The price of German unity / R. Newnham // *German Studies Review*. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – P. 421–446.

30. *Maier, C.* Dissolution: the crisis of communism and the end of East Germany / C. Maier. – Princeton: Princeton University, 1997. – 440 p.

31. *Sarotte, M.* 1989: The struggle to create post-cold war Europe / M. Sarotte. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 349 p.

(Дата подачи: 14.02.2023 г.)

A. A. Козлов

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

A. Kozlov

Vitebsk State P.M. Masherov University, Vitebsk

УДК 94(476) «1991/2018»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ БССР И РСФСР В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ACTIVITIES OF LOCAL CENSORSHIP BODIES IN BELARUSIAN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

В представленной статье рассматривается белорусская и российская историография деятельности цензуры в БССР и РСФСР. В ней сделан обзор отдельных публикаций авторов, посвященных данной проблематике. Показан уровень развития исследований в Республике Беларусь в области изучения деятельности Главлита БССР и его местных органов. Опубликованные исследования затрагивают работу самого Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати. Деятельность его местных органов (обллитов) изучена значительно слабее. На основе собранной информации делается вывод, о необходимости проведения комплексных исследований истории региональной цензуры в БССР.

Ключевые слова: белорусская историография; цензура; Главлит БССР; обллиты; белорусские исследователи.

The article discusses the Belarusian and Russian historiography of censorship in the BSSR and RSFSR. It provides an overview of individual publications of the authors devoted to this issue. The level of development of research in the Republic of Belarus in the field of studying the activities of the Glavlit of the BSSR and its local authorities is shown. The published studies affect the work of the Main Directorate for the Protection of Military and State Secrets in the press. The activities of its local authorities (obllits) have been studied much less. Based on the

collected information, it is concluded that it is necessary to conduct comprehensive studies of the history of regional censorship in the BSSR.

Key words: Belarusian historiography; censorship; BSSR Glavlit; obllits; Belarusian researchers.

Существование системы государственной цензуры было обусловлено многочисленными факторами. Военное, идеологическое, экономическое противостояние с Западом диктовало необходимость защиты военных и промышленных секретов, борьбу с так называемой «антисоветской пропагандой». Внутривнутриполитическая обстановка также оказывала влияние на работу государственной цензуры. В принципе любая информация, которая, по мнению властей, могла нанести любой вред государству, не подавалась огласке, что делало порой контроль информационного пространства со стороны облитов чрезмерным.

Актуальность изучения местных органов цензуры заключается в том, что они являлись важной частью советской политической системы, взаимодействовали со многими структурами, а их деятельность была отражением тех политических, экономических, культурных процессов, которые происходили в советском обществе. Поэтому изучение советской цензуры необходимо для понимания функционирования советской государственной системы. Несомненно, что цензура имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Неоднозначность и двойственность цензуры сказывается на отношении к ней в обществе. Ещё больше эта проблема актуализировалась из-за возможностей Интернета. Таким образом, дальнейшее развитие общества требует изучения проблем государственной цензуры. Только рассмотрев положительные и отрицательные функции цензуры, можно дать объективную оценку ее деятельности в рассматриваемый период и оценить возможность использования опыта предшественников в настоящее время.

В советской историографии тема политической цензуры в открытых исследованиях по идеологическим причинам не затрагивалась. Поэтому зарубежные историки смогли первыми приступить к исследованию советской цензуры. Так, на основе материалов Смоленского архива написал свою книгу «Смоленск под властью советов» (1958 г.) Мерл Фэйнсон. Глава 19 посвящена государственной цензуре [1]. Эти документы позволили рассмотреть советский цензурный аппарат в 1930-е гг., а также рычаги руководства цензурными органами со стороны партийных инстанций. Автор пришел к выводу, что цензура служит для одной цели – как инструмент влияния государства на общественную мысль.

Только с начала 1990-х гг. историки бывшего СССР начинают проявлять интерес к деятельности Главлита и его местных органов. Первыми к исследованию этого вопроса приступили российские историки. Все работы российских ученых, посвященные истории местных органов Главлита, условно можно разделить на три направления. Первое направление представлено работами, в которых исследователи изучали вопросы становления института

политической цензуры на территории РСФСР. В ней следует выделить диссертационные работы Ф. К. Ярмолича, С. А. Дианова и М. С. Виноградова.

Объектом исследования диссертации Ф. К. Ярмолича «Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.». Предметом исследования выступает структура, кадровый состав, основные направления деятельности советской цензуры. Ф. К. Ярмолич на основе региональных материалов сделал вывод, что к началу 1940-х гг. не сформировалось четкой структуры органов Главлита, она была организована эпизодично и на уровне крупных городов. Со второй половины 1940-х гг. произошло частичное слияние цензора и работника СМИ – редакторы сами начинают осуществлять функции цензора. Имела место эволюция системы цензуры, но ее характер в разных регионах был не одинаков. Так, если в Леноблгорлите было поступательное развитие, то в Карелии и на Кольском полуострове эволюция шла скачкообразно [2].

Местные органы Главлита на Урале (1922–1938 гг.) в своей кандидатской диссертации подверг анализу в контексте институциональной теории С. А. Дианов. Изложив основные вехи истории органов Главлита в Коми-Пермяцком национальном округе, С. А. Дианов сделал следующие выводы. Во-первых, в цензорских пунктах работали люди, хорошо знающие журналистское и издательское дело. Во-вторых, «тотального» контроля за информационно-культурной средой в национальном округе не существовало [3].

В этом же направлении работал и М. С. Виноградов. Он провел исследование местных органов цензуры на примере Горьковского обллита в период с 1953 по 1966 г. Автору удалось дать характеристику этапам эволюции кадрового состава и системе его профессиональной подготовки и обучения, выяснить особенности деятельности Горьковского обллита по сравнению с другими местными органами цензуры. М. С. Виноградов выделил этапы эволюции структуры и штатов местных органов, определил зависимость структуры и штатов от изменения цензурных требований, отметил тесную связь обллита с обкомами КПСС [6].

Второе направление представлено работами, авторы которых занимались изучением форм взаимодействия Главлита и других органов советской цензуры. К этому направлению можно отнести диссертацию Е. В. Кочетовой «Средства массовой информации и цензура в послевоенные годы: 1945–1953 гг.» основывается на архивных материалах Пензенской области. По мнению Е. В. Кочетовой, в советском государстве была тщательно отработана всеохватывающая система идеологического контроля, открывшего путь для дезинформации общества и манипулирования общественным мнением. Материалы ее исследования показали, что борьба за чистоту языка, за грамотность и культуру письменной и устной речи были важнейшей задачей цензоров обллита. Характерными чертой работы региональных органов цензуры исследуемого периода были постоянные массовые изъятия книг из

библиотек области и поиски перечневых ошибок, т. е. фактов, содержащих информацию о предприятиях области [5].

Третье направление представляют исследования, посвященные изучению социального статуса работников органов Главлита. Эту тему исследовала Е. Н. Ефремова. Ее статья «Статус советского цензора в отчетах Свердловллита» посвящена изучению положения цензоров Свердловского обллита в 1930 г. гг. Она отмечает роль личности самих цензоров в формировании общественного сознания. Определяя статус цензоров автор, приводит факты об образовательном уровне цензоров, функциях цензуры и неустойчивом положении, но не уделяет внимания заработной плате работников цензуры. А без учета этого фактора определение фактического положения статуса работников цензуры оказывается неполным [6].

Собранные российскими исследователями данные по истории региональных органов Главлита позволяет провести сравнительный анализ работы местных органов государственной цензуры БССР и РСФСР.

К истории цензуры в БССР обращались белорусские исследователи: А. А. Гужаловский, В. М. Матох, В. К. Ракашевич, Е. В. Сумко, и др. В 1995 г. в Минске был издан сборник документальных очерков «Исключить всякие упоминания...», который включал различные публикации, посвященные истории советской культуры, в том числе и статью о цензуре, а также документы с комментариями [9].

Наиболее подробно история цензуры в БССР отражена в работах А. А. Гужаловского. Итоги своих исследований А. А. Гужаловский подвел в монографии «Чырвоны аловак». Автор использует понимание «цензуры» в узком смысле (деятельность Главлитбела, Отдела военной цензуры и Главлита БССР, а также Главреперткома), лишь по необходимости используя широкую трактовку данного социального феномена (как систематическую деятельность партийных и государственных органов по ограничению доступа общества к информации). Автор показал роль Главлита в системе информационного контроля общества, литературы, прессы, радио и телевидения, театра, эстрады и кино, деятельность цензуры в ограничении доступа к культурному наследию. Также показана деятельность местных органов цензуры (обллитов и райлитов) как подчиненных органов Главлита БССР. А. А. Гужаловский пришел к выводу, что цензура наибольший вред нанесла общественному сознанию, создав у жителей БССР цензурную ментальность (самоцензуру), которая выбрасывала из поля зрения целые пласты национальной и мировой истории и культуры. Было создано утопическое пространство, закрытое от внешнего мира и от самого себя. Цензура повлияла на формирование национального сознания, создав мировоззрение нескольких поколений белорусов [8; 9].

Статьи В. М. Матоха «Цензура в БССР» и «Дзейнасць Галоўліта БССР у 1930-я гады», посвященные истории советской политической цензуры в республике, подчеркивают важность этого института для власти [10; 11].

В. М. Матох считает, что Главлит являлся неотъемлемой частью созданной в СССР своеобразной государственной идеологической системы, все усилия которой были направлены на воспитание «нового советского человека» и «новой пролетарской культуры». С отменой цензуры, как ее необходимой части, был неизбежен социальный конфликт в стране [11].

К истории политической цензуры в БССР обращался и В. К. Ракашевич. В своей статье «Главлит БССР», он на основании имеющихся документов и материалов рассматривает деятельность Главлита как специфического органа в системе управления общественной жизнью в республике на различных этапах ее развития. Он отмечает, как и многие другие исследователи, что органы цензуры в республике строго охраняли существовавшие в действительности и искусственно придуманные ими государственные тайны. Особенно это касается периода 1920–1930-х гг., когда цензоры постоянно выискивали «враждебные» общественному строю произведения литературы и искусства, бесцеремонно клеймили классовым позором творческую и научную интеллигенцию [12].

Истории цензуры в БССР довоенного периода посвящены статьи А. В. Сумко: «Дзейнасць Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў БССР (1922-пач. 1941 гг.)», «Месца і роля цензурных органаў ў трансфармацыйных працэсах Заходняй Беларусі (1939–1941)», «Роля і месца цензурных органаў у рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР з 1919 па 1929 год». А. В. Сумко отмечает, что после провозглашения БССР цензура носила неустойчивый характер и осуществлялась многочисленными дублирующими учреждениями. Только после создания Главлита устанавливается систематичность цензорского контроля. Границы между разрешенным и запрещенным определяли стандартные инструкции, обязательные для всех союзных республик. Однако в делах книгоиздательской деятельности на территории БССР Главлитбел пользовался самостоятельностью [13].

Статья Н. М. Пурьшевой «Становление и деятельность органов литературной цензуры в БССР в 1920-е годы» освещает ранний период в истории политической цензуры. Н. М. Пурьшева отмечает достаточно осторожную первоначальную цензурную политику Главлита, упор которой делался на разъяснительную работу с авторами. Безоговорочно запрещались лишь работы с ярко выраженной национальной ориентацией, которые квалифицировались как антипролетарские и антисоветские. Цензурные запреты распространялись также на художественную продукцию, в которой проявлялись элементы религиозного содержания. Ужесточение цензуры, по наблюдению автора, началось с 1928 г. [14].

Белорусские ученые занимались изучением истории региональных органов политической цензуры, но работ посвященных этой теме крайне мало. Функционированию областных органов политической цензуры посвящены работы таких исследователей, как Г. Н. Яковлева и Д. А. Криво-

шей. Г. Н. Яковлева в своей статье «Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели» показала, что Витебский обллит лишь формально подчинился облисполкому, т. к. работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. В статье показано, что структура, функции и объем работы местного органа цензуры зависели от значимости региона в политической, культурной, научно-технической, военно-промышленной жизни страны. При этом огромное влияние на деятельность органов цензуры оказывали политические коллизии этого времени (частые смены политических элит). Деятельность Витебского обллита была направлена не только на реальную охрану военной и государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, телевидения, музеев, библиотек области именно с этих позиций. А в условиях повышенной секретности работники обллита часто охраняли не только реальные, но и огромное количество «псевдотайн» [15].

Постановку цензурской работы в 1951–1953 гг. на примере существовавшей в тот период Пинской области исследовал Д. А. Кривошей в своей статье «Будні «літаратурных работнікаў». Обзор деятельности областных и районных цензоров за эти два года позволили автору сделать выводы о том, что в постановке контроля за информацией существовали серьезные недостатки. На взгляд Д. А. Кривошея основной причиной этого было безразличие районных цензоров к порученному им делу, особенно у тех, у кого эта работа была не основной. Выявленные факты привели автора к заключению о том, что «вертикаль» цензурской власти фактически заканчивалась на областном уровне, причем даже в сталинский период, не говоря уже о более позднем периоде [16].

Белорусский кинематограф также обращался к теме цензуры в БССР. В 2010 г. вышел документальный фильм «Железный занавес цензуры (реж. А. Лескин). Там работа органов цензуры показана в контексте исторических событий 1946–1991 гг. В фильме использованы интервью, как непосредственных свидетелей деятельности цензуры (Н. Абрамчика, старшего редактора журнала «Польмя», В. Дорошевич, старшего редактора издательства «Мастацкая літаратура» в 1956–1963 гг., А. Шабалина, помощника секретаря ЦК КПБ по идеологии), так и самих работников Главлита БССР (Г. Ярошевской, старшего редактора Главлита БССР, М. Высоцкой, старшего редактора, заместителя начальника Главлита БССР в 1969–1991 гг.). Рассматривается цензура литературы, телевидения и других СМИ, при этом основной акцент сделан на глушение западных радиостанций. Несмотря на сравнительно небольшой хронометраж фильма (25 минут), авторам удалось показать основные особенности работы Главлита БССР. Создатели фильма сделали вывод о преобладании идеологического контроля в деятельности цензуры [17].

Таким образом, в изучении истории советской цензуры можно выделить два этапа. На первом этапе до 1991 г. доминировали западные историки, посвятившие свои специальные работы советской цензуре. Ряд их выводов до настоящего времени используется в историографии. С 1991 г. начинается активное изучение цензуры и в бывших республиках СССР. Большая часть работ представлена российскими учеными. Исследования региональной цензуры в России имеют различные направления и освещают различные аспекты деятельности цензуры. Анализ современной белорусской историографии показывает, что объектом исследования становилась история органов государственной цензуры 1920–30-х гг. или деятельность Главлита БССР в целом. Публикаций, затрагивающих историю функционирования областных органов государственной цензуры значительно меньше. В большинстве из них рассматривались отдельные аспекты работы областных управлений цензуры, многие вопросы находили лишь фрагментарное отображение в публикациях белорусских исследователей или не изучены вовсе.

Список использованных источников

1. *Фэйнсод, М.* Смоленск под властью Советов [Электронный ресурс] / М. Фэйнсод; под общ. ред. Е. В. Кодина; пер. с англ. Л. А. Кузьмина; Смоленск. гос. пед. ин-т. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1995. – 495 с. – Режим доступа: <http://old-smolensk.ru/?p=8363>. – Дата доступа: 05.06.2017.

2. *Ярмолич, Ф. К.* Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / Ярмолич, Ф. К. – СПб. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tsenzura-na-severo-zapade-sssr-1922-1964-gg>. – Дата доступа: 01.11.2016.

3. *Дианов, С. А.* «Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры»: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / С. А. Дианов. – М., 2011. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-mestnykh-organov-glavlita-na-urale-v-1922-1938-gg-struktura-funktsii-kadry#ixzz4QC8esCQq>. – Дата доступа: 14.06.2017.

4. *Виноградов, М. С.* Местные органы цензуры в 1953–1966 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / М. С. Виноградов. – М., 2012. – Режим доступа: <http://dissers.ru/1raznoe/mestnie-organi-cenzuri-1953.php>. – Дата доступа: 14.06.2017.

5. *Кочетова, Е. В.* Средства массовой информации и цензура в послевоенные годы: 1945–1953 : На материалах Пензенской области дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / Е. В. Кочетова. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/redstva-massovoi-informatsii-i-tsenzura-v-poslevoennye-gody-1945-1953-na-materialakh-penzen>. – Дата доступа: 03.11.2016.

6. *Ефремова, Е. Н.* Статус советского цензора в отчетах Свердловобллита [Электронный ресурс] / Е. Н. Ефремова. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/?id=3469>. – Дата доступа: 04.07.2017.

7. Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / сост., авт. предисл. Т. М. Горяева. – Минск; М.: Старый Свет-принт: Время и место, 1995. – 332 с.

8. *Гужалоўскі, А. А.* Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цензуры ў БССР; у 2 кн. / А. А. Гужалоўскі. – Минск: А. М. Янушкевіч, 2018. – Кн. 2: 1943–1991 гг. – 320 с.

9. *Гужалоўскі, А. А.* Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цензуры ў БССР; у 2 кн. / А. А. Гужалоўскі. – Минск: Рэдакцыя газеты «Звязда», 2012. – Кн. 1: 1919–1941 гг. – 304 с.

10. *Матох, В. М.* Дзейнасць Галоўліта БССР ў 1930-я гады / В. М. Матох // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 6. – С. 13–21.
11. *Матох, В. М.* Цензура в БССР [Электронный ресурс] / В. Матох. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arithv_bg/14455/. – Дата доступа: 27.11.2014.
12. *Ракашевич, В. К.* Главлит БССР / В. К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1. / рэд. кал.: Р. П. Платонаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: БелНДДАС, 2000. – 266 с.
13. *Сумко, А. В.* Дзейнасць Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў БССР (1922 – пач. 1941 гг.) / А. В. Сумко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 67–71.
14. *Пурышева, Н. М.* Становление и деятельность органов литературной цензуры в БССР в 1920-е годы / Н. М. Пурышева // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнар. навук.-практыч. канферэнцыі, 2007. – С. 224.
15. *Смиловицкий, Л. Л.* Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 / Л. Л. Смиловицкий. – Иерусалим, 2015. – 360 с.
16. *Яковлева, Г. Н.* Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели» / Г. Н. Яковлева // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – Т. 16. – С. 35–45.
17. *Крывашэй, З.* Будні «літаратурных работнікаў»: Пастаноўка цэнзарскай працы ў пасляваеннай правінцы (на пракладзе Пінскай вобласці 1951–1953 гг.) / З. Крывашэй // Arche. – 2011. – № 10. – С. 86–96.
18. «Железный занавес цензуры» / реж. А. Лескин // ЗАО «Второй национальный телеканал». – 2010.

(Дата подачи: 23.02.2023 г.)

В. А. Кравченко

Институт истории НАН Беларуси;
Белорусский государственный университет, Минск

V. Kravchenko

Institute of history of National Academy of Sciences of Belarus;
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(415)"1920/199"

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СОЗДАНИЯ И ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ ИРЛАНДИИ 1937 Г.

THE CONFSSIONAL CONTEXT OF THE CREATION AND ENACTMENT OF 1937 CONSTITUTION OF IRELAND

В статье рассматриваются исторический контекст и ход разработки Конституции Ирландии 1937 г. Автор характеризует причины и факторы, обусловившие существенное влияние католицизма на содержание документа. Сделан вывод, что составители Конституции Ирландии 1937 г. смогли соединить в её содержании как положения социальной доктрины католической церкви с принципами ирландского национализма, так

и наследие политической культуры и институтов британского конституционализма с влиянием корпоративной мысли межвоенного времени.

Ключевые слова: Ирландское Свободное государство; Конституция Ирландии 1937 г.; Римско-Католическая церковь; раздел Ирландии; «Фианна Файл»; Имон Де Валера.

The paper examines historical context and drafting of 1937 Constitution of Ireland. The author specifies the reasons and factors that caused the significant influence of Catholicism on the text of the document. It is concluded that the drafters of the Irish Constitution were able to combine in its content both the provisions of the social doctrine of the Catholic Church with the principles of Irish nationalism, and the legacy of the political culture and institutions of British constitutionalism with the influence of corporate thought of the interwar period.

Keywords: Irish Free State; 1937 Constitution of Ireland; Roman Catholic church; partition of Ireland; Fianna Fail; Eamon de Valera.

Проблематика статьи разрабатывалась в рамках двух ведущих историографических традиций. К первой относятся исследователи права, не занимающиеся историей, а фокусирующиеся на юридических новшествах в тексте Конституции 1937 г. и её месте в рамках европейского конституционализма межвоенного времени [1; 2]. Вторая группа представлена историками, рассматривающими преимущественно степень влияния римско-католической мысли на содержание Конституции 1937 г. [3; 4]. Наиболее актуальным исследованием является двухтомная работа Д. К. Коффи, осуществившего комплексный анализ всей документации, созданной в ходе разработки Конституции [5; 6].

На протяжении XIX в. в Соединённом Королевстве Великобритании и Ирландии происходил процесс расширения прав до того момента притесняемого католического населения страны. Особое значение данные события приобретали в контексте положения населения Ирландии, продолжавшего оставаться преимущественно католическим. Ключевыми событиями католической эмансипации стало принятие Акта о помощи Римско-Католической церкви 1829 г., предоставившим католикам право занимать государственные должности, и Акта о ликвидации Ирландской церкви 1869 г., лишившего протестантскую Церковь Ирландии статуса государственной [7; 8]. Развёрнутые в 1886 г. парламентские обсуждения по вопросу предоставления Ирландии ограниченного самоуправления (гомруля) вызвали обеспокоенность общественности, считавшей, что переход к автономии позволит католицизму закрепиться в Ирландии в качестве государственной религии, и «самоуправление Ирландии будет означать правление Рима» [9, р. 43]. Создание в 1922 г. Ирландского Свободного государства (ИСГ), ставшего британским доминионом, позволило восстановить институциональные связи между ирландской государственностью и католической церковью, однако законодательно статус последней закреплён не был.

В 1932 г. партия «Фианна Файл», руководимая лидером ирландских республиканцев И. Де Валера, одержала победу на выборах и сформировала правительство ИСГ. В ходе агитации И. Де Валера недвусмысленно заявлял о приверженности своей партии католическим принципам, и его партия

подчёркивала свою приверженность «ирландскому духу, переплетенному с католицизмом» [10, р. 329]. По мнению ирландского премьер-министра, именно религия была наиболее очевидной отличительной чертой ирландцев, способной консолидировать их общество, разобщенное гражданской войной 1922–1923 гг. [11, р. 177]. Роль католицизма в общественной жизни Ирландии должна быть закреплена в новой конституции, которую планировали в ближайшее время принять республиканцы.

Процесс работы по составлению текста новой конституции был начат весной 1935 г., когда И. Де Валера дал поручение Дж. Хирну, юрисконсульту при министерстве иностранных дел, начать разработку проекта документа, а также дал ряд инструкций о положениях, которые должны лечь в его основу [5, р. 72]. В документе должен быть отражён томистский взгляд о преобладании естественного права над позитивным [12, р. 252]. Это обусловлено сложным синтезом ирландской государственности и Римско-Католической церкви в межвоенное время. Лояльность католической церкви проистекала из понимания, что правительство не будет посягать её прерогативы в области образования и здравоохранения. Ирландское государство же было не в состоянии заменить чем-либо те услуги, которые ей предоставляла церковь. Авторитет клириков подчёркивался не прямым столкновением государства и церкви, а полным отсутствием такового [13, р. 122]. Также правительство «Фианна Файл» на уровне публичной риторики не признавало существовавший раздел Ирландии законным и было намерено добиться в будущем воссоединения доминиона с Северной Ирландией, и данное стремление также должно было найти отражение в конституции.

Помимо И. Де Валера и Дж. Хирна в процессе разработки конституции приняли участие ещё ряд государственных и публичных деятелей. Первоначальное влияние католического конституционализма шло от проектов католических по духу конституций Польши, Португалии и Австрии межвоенного периода, которыми вдохновлялись составители, а уже впоследствии имело место персональное влияние со стороны президента колледжа Блэкрок Дж. Маккуэйда, представивший свои наработки, основанные на папских энцикликах. Определённое влияние оказали ирландские иезуиты, подготовившие проект статей о религии, семье, частной собственности и свободе слова [6, pp. 31–32]. Также И. Де Валера консультировался с архиепископом Дублина Э. Бирном, архиепископом Армы кардиналом Дж. МакРори и папским нунцием П. Робинсоном [11, р. 175].

Финальный вариант проекта конституции датируется 30 апреля 1937 г. [6, р. 305]. В ходе обсуждений проекта конституции в ирландском парламенте, по выражению И. Де Валера, были внесены лишь незначительные поправки, затронувшие только детали [14, р. 490]. Документ начинался с преамбулы, провозглашавшей «происхождение всякой власти от Троицы», и признававшей обязательства народа Ирландии перед «Божественным Господином Иисусом Христом» [15, с. 415]. Статья 5 закрепляла за Ирлан-

дией статус «суверенного, независимого, демократического государства» [15, с. 416]. Несмотря на констатацию независимого положения Ирландии, в тексте отсутствовало определение формы государственного устройства. В историографии утвердилось мнение, что отказ от употребления термина «республика» был намеренным, так как его присутствие вызвало бы неприятие со стороны правительства и населения Северной Ирландии, нацеленных на сохранение унии с Соединённым Королевством [12, р. 252; 11, р. 176; 13, р. 124; 16, р. 202]. Правительство «Фианна Файл» же намеревалось в ближайшее время сделать проблему раздела Ирландии, по мнению республиканцев, являвшегося насильственным актом, краеугольным пунктом переговоров в рамках урегулирования отношений между Великобританией и Ирландией [17, с. 154].

Определённые правки планировались в положениях о верхней палате парламента – Сенате. Согласно статье 30 конституции 1922 г., Сенат должен был состоять «из граждан, предложенных на основании того, что они были полезны нации своей государственной службой или в силу особой квалификации или достижений они представляют важные аспекты жизни нации» [18, р. 6]. В результате разработки новой конституции предполагалось создание верхней палаты с чистого листа, и та, при сохранении прежней численности в 60 членов, будет комплектоваться людьми, обладающими знаниями и опытом в одной из пяти групп профессий, и представленными в списках соответствующих коллегий. По итогу, от каждого списка в Сенат должны попасть от пяти до одиннадцати человек; в сумме же количество коллегиальных избранников должно было составить 43 человека [15, с. 429]. Подобная структура верхней палаты парламента теоретически обоснована положениями из социальной доктрины Римско-Католической церкви, сформулированных в энцикликах понтификов «*Rerum Novarum*» 1891 г. Льва XIII и «*Quadragesimo Anno*» 1931 г. Пия XI [19; 20]. На практике теоретические выкладки социальной доктрины католической церкви уже были реализованы в конституциях Австрии 1934 г. и Португалии 1933 г., и положения о Сенате являлись синтезом влияния корпоративной и католической мысли [12, р. 246].

В статье 44 за государством закреплено обязательство «уважать и почитать религию» [15, с. 453]. В конституции официально утверждалось особое положение католической церкви, государством также признавалось существование и других вероисповеданий, хоть их статус и был ниже, чем у католицизма, что, однако, не отменяло права граждан на свободное вероисповедание и отказ государства от дискриминации по конфессиональному признаку [15, с. 453]. В числе признанных конфессий была и еврейская конгрегация, что было нетипичным для Европы 1930-х гг., в которой в значительной степени имели место антисемитские настроения [21, р. 127; 9 р. 46]. Историк Дж. Ли назвал статью о статусе религий «проницательной формулировкой принципа религиозной свободы в преимуше-

ственно католической стране» [16, р. 203]. Однако, прямая формулировка, провозглашавшая принцип свободы вероисповедания, уже присутствовала в Конституции 1922 г. [18, р. 3]. Усложнение простой дефиниции религиозной свободы в стране было призвано отразить рост влияния католической церкви на государственную политику: если в условиях политической конфигурации 1922 г. клерикалы могли довольствоваться равным статусом с другими конфессиями, то уже в 1935–1937 гг. отказ от документального закрепления ведущей роли католицизма в политической и общественной жизни Ирландии мог осложнить отношения между церковью и государством. При сохранении намерения положительно для себя решить проблему раздела Ирландии И. Де Валера и его коллегам пришлось искать более нейтральную формулировку, которая могла бы совместить в себе две непримиримые позиции.

Влияние католической мысли прослеживается в разделе «Семья». В статье 41 семья характеризуется как «основная групповая единица общества и как нравственный институт, обладающий ... правами, предшествующими всякому позитивному праву и стоящими выше его» [15, с. 450–451]. Исходя из данной оценки роли института семьи государство брало на себя обязательство по его защите как «необходимой основы социального порядка» [15, с. 450]. В формулировке роли семьи в общественной жизни прослеживается влияние аналогичного определения в статье 12 Конституции Португалии 1933 г., гласившего, что «государство обеспечивает создание и охрану семьи ... как первичной основы воспитания, дисциплины и социальной гармонии, как фундамента политического и административного порядка ...» [5, р. 145–146; 15, с. 753]. На защиту ирландской семьи были направлены два положения, прописанных в конституции: закреплённое за государством обязательство по защите брака путём запрета инициативы по его расторжению и стремление уберечь женщин от необходимости работать в ущерб «домашним обязанностям» [15, с. 451]. Последний пункт вступал в определённое противоречие с традициями ирландского национализма, для которого характерно активное участие женщин в политической деятельности. В связи с этим женскими организациями была развёрнута кампания против принятия конституции.

В раздел «Руководящие принципы социальной политики» были выделены социальные обязательства государства, которыми должен руководствоваться парламент при разработке законопроектов. Главной идеей является стремление совместить право человека на частную собственность, признанное естественным в статье 43, со стремлением государства обеспечить рост народного благосостояния и социальную справедливость. Для этого указано необходимым распределение между частными лицами и социальными слоями материальных благ, а также обеспечение защиты экономических интересов более слабых слоёв общества и, в случае необходимости, содействие их поддержанию [15, с. 454–455]. Указанные принципы призваны сгладить

социальные конфликты и предотвратить рост популярности радикальных политических идеологий.

В перечисленных разделах влияние католицизма прослеживается более всего. На это указывает характеристика семьи как важнейшего института и оценка её роли в общественной жизни, а также отношение к расторжению брака. Фактически же, Конституция 1937 г. институционализовала сотрудничество религии и государства [9, р. 47].

Отдельно в конституции выражен республиканский взгляд на проблему раздела Ирландии. Статьи 2 и 3 провозглашали, что «национальная территория состоит из острова Ирландия и смежных островов», однако констатировалось, что в текущий момент реализация власти парламента и правительства возможна только на территории, ранее подчинявшейся законодательству ИСГ [15, с. 415–416]. Указанные статьи были призваны усилить позиции ирландской делегации на будущих британо-ирландских переговорах, игнорируя существование Северной Ирландии как субъекта, добровольно оформившего унию с Великобританией в рамках Соединённого Королевства. Помимо этого, не учитывалось, что содержание конституции должно было вызвать неприятие у любого уважающего себя протестанта. При этом составители конституции, не желая отторгнуть протестантское население шести северо-восточных графств, отказались от характеристики государственного строя как республиканского, но при этом выделили Римско-Католическую церковь среди других конфессий, и ввели ряд положений из её социальной доктрины, которые могли вступить в противоречие с протестантской этикой, в основной документ страны. По сути, полностью проигнорированным со стороны ирландского руководства остался основной мотив, побудивший протестантов севера отделиться – страх быть религиозным меньшинством в католической стране.

В апреле 1937 г. секретарь министерства иностранных дел Ирландии Дж. Уолш прибыл с визитом в Рим. Ему было поручено добиться аудиенции у Папы Римского Пия XI и получить его благословление статей проекта конституции. В ходе встреч с кардиналами Дж. Пиццардо и Э. Пачелли Дж. Уолшу были разъяснены те проблемные положения, которые Папа Римский, являясь главой Римско-Католической церкви, был не в праве одобрить вне зависимости от своего личного желания. По словам кардиналов, позиция руководства Ирландии являлась еретической уже по факту признания любой другой церкви, кроме Римско-Католической [22]. К тому же формулировка о возможности расторжения брака при его противоречии законодательству другого государства, но запрещавшая этому же лицу вступить в брак уже в Ирландии, с позиции церковного учения также являлась еретической. В ходе аудиенции Пий XI выразил свою позицию следующим образом: «Я не одобряю, но и не осуждаю, мы сохраним молчание» [22]. Ответ был предельно возможным из тех, который мог дать понтифик, и ирландское руководство это понимало. Как итог, Дж. Уолш в ходе визита

в Рим добился лишь официального утверждения Папой Римским названия Римско-Католической церкви в тексте конституции, именуемой как «Святая католическая и апостольская Римская церковь» [23].

Конституция 1937 г. была одобрена на плебисците 1 июля 1937 г. с 685105 голосами «за» против 526945 высказавшихся отрицательно, и вступила в силу 29 декабря 1937 г. [12, р. 240]. Итоги голосования были смешанными, так как за принятие конституции с сильным католическим влиянием в стране, католическое население которой составляло, согласно переписи 1936 г., 93,4 %, высказалось всего 56,5 % голосовавших [24, р. 3]. Подобный результат объясняется несколькими причинами. Плебисцит проводился одновременно с партийными выборами, и их результаты прямо коррелируют: электорат «Фианна Файл» голосовал за принятие конституции, сторонники их основных оппонентов из «Финэ Гэл» – против [5, р. 186]. Те же граждане, которые не поддерживали ни одну из двух ведущих политических партий, высказались преимущественно против принятия конституции [5, р. 187]. На их волеизъявление повлияла кампания женских организаций против конституции, также большинство голосов «против» было в городском округе Дублина и одноимённом графстве, где проживала много протестантов [5, р. 187–190].

Конституция 1937 г., помимо синтеза идеологии республиканизма и католических доктрин, частично сохранила в своём тексте наследие норм политической культуры и институтов, характерных для Великобритании и других стран Британского Содружества наций. В связи с этим стоит подчеркнуть ещё большую уникальность ирландской конституции, поскольку ей удалось совместить частично унаследованные институты британского конституционализма, для которого характерна чрезвычайная политическая устойчивость, с влиянием конституционализма стран, в которых, как и в Ирландии, был крайне высок авторитет католической церкви, но на момент принятия своих основных законов или несколько позже уже эволюционировавших в авторитарные режимы: Польши, Португалии и Австрии. Ирландия, заимствуя элементы авторитарной традиции, сохранила демократическую основу своей государственности.

В качестве вывода стоит выделить, что Конституция Ирландии 1937 г. своим содержанием отразила существенный рост влияния Римско-Католической церкви на ирландскую государственность за пятнадцать лет, прошедшие с момента её провозглашения, так как составители конституции стремились подчеркнуть статус католицизма в качестве одной из основ ирландской идентичности, и, вместе с тем, закрепить прерогативы клерикалистов, обрётённые в рамках взаимовыгодного сотрудничества государства и церкви.

Список использованных источников

1. *Kelly, J. M. The Irish Constitution / J. M. Kelly. – Butterworth, 1994. – 1222 p.*

2. *Kissane, B.* New Beginnings: Constitutionalism and Democracy in Modern Ireland / B. Kissane. – Dublin: University College Dublin Press. – 88 p.
3. *Whyte, J. H.* Church and State in Modern Ireland, 1923–1970 / J. H. Whyte. – Dublin: Gill and Macmillan, 1971. – 466 p.
4. *Keogh, D.* The Making of the Irish Constitution 1937 / D. Keogh., A. McCarthy. – Cork: Mercier Press, 2007. – 699 p.
5. *Coffey, D. K.* Constitutionalism in Ireland, 1932–1938 / D. K. Coffey. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 235 p.
6. *Coffey, D. K.* Drafting the Irish Constitution, 1935–1937 / D. K. Coffey. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 312 p.
7. The Catholic Relief Act, 1829 [Electronic resource] – Mode of access: http://members.pcug.org.au/~ppmay/acts/relief_act_1829.htm. – Date of access: 15.12.2022.
8. Irish Church Act, 1869 [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1869/act/42/enacted/en/print>. – Date of access: 15.12.2022.
9. *Buckley, D. T. R.* Faithful to secularism: The Religious Policy of Democratic Ireland, Senegal and Phillipines / D. T. R. Buckley. – New York: Columbia University press, 2017. – 264 p.
10. *English, R.* Irish freedom: the history of nationalism in Ireland / R. English. – London: Pan books, 2008. – 625 p.
11. *Fanning, R.* Eamon de Valera: A Will to Power / R. Fanning. – London: Faiber and Faiber, 2015. – 307 p.
12. *Ward, A. J.* The Irish constitutional tradition: responsible government and modern Ireland 1782–1992 / A. J. Ward. – Washington D.C.: The Catholic University of America press, 1994. – 412 p.
13. *Bourke, R.* The Princeton history of modern Ireland / R. Bourke, I. McBride. – Princeton: Princeton University press, 2016. – 526 p.
14. *Coogan, T. P.* Eamon de Valera: the man who was Ireland / T. P. Coogan. – New York: Barnes and Noble books, 1999. – 772 p.
15. Конституции буржуазных государств Европы / сост.: Кублицкий Ф. А.; пер.: Гурвич Г. С. (под ред.). – М.: Иностр. лит., 1957. – 1142 с.
16. *Lee, J. J.* Ireland 1912–1985: politics and society / J. J. Lee. – New York: Cambridge university press, 1990. – 754 p.
17. *Кравченко В. А.* Проблема раздела Ирландии на британо-ирландских переговорах 1938 г. / В. А. Кравченко // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 19–20 мая 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. П. Косов (гл. ред.). – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 154–157.
18. Constitution of Saorstat Eireann [Electronic resource]. – Mode of access: https://data.oireachtas.ie/ie/oireachtas/bill/1922/1/eng/ver_b/bills1922-23a-03.pdf. – Date of access: 15.12.2022.
19. *Rerum Novarum* Encyclical of Pope Leo XIII on capital and labor [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html. – Date of access: 15.12.2022.
20. *Quadragesimo Anno* Encyclical of Pope Pius XI on reconstruction of the social order to our venerable brethren, the patriarchs, primates, archbishops, bishops, and other ordinaries in peace and communion with the Apostolic See, and likewise to all the faithful of the Catholic world [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html. – Date of access: 15.12.2022.
21. *Troubled Geographies: A spatial history of religion and society in Ireland / Gregory I. N. [et al.].* – Bloomington: Indiana University press, 2013. – 243 p.

22. Handwritten report from Joseph P. Walshe for Eamon de Valera [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1937/visit-to-rome-constitution/2189/#section-documentpage>. – Date of access: 15.12.2022.

23. Code telegram from Joseph P. Walshe to the Department of External Affairs (Dublin) (Copy) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.difp.ie/volume-5/1937/title-of-church-in-constitution/2191/#section-documentpage>. – Date of access: 15.12.2022.

24. Ireland census of population 1936. Volume 3 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cso.ie/en/media/csoie/census/census1936results/volume3/C_1936_Vol_3_entire.pdf. – Date of access: 15.12.2022.

(Дата подачи 05.02.2023 г.)

Ю. Г. Крeпский

Республиканский институт высшей школы, Минск

Yu. G. Krepsky

National Institute for Higher Education, Minsk.

УДК 07.00.02

ЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ УСТАВОВ 1786 И 1828 ГГ. ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

THE SIGNIFICANCE OF SCHOOL CHARTERS OF 1786 AND 1828 FOR THE NATIONAL EDUCATION SYSTEM

Статья посвящена проблеме функционирования белорусского школьного образования в конце XVIII – первой трети XIX в., а также значению уставов народных училищ 1786 и 1828 гг. для отечественной системы образования. В исследовании рассматривается общее состояние школьного дела в регионе, определяется его специфика в сравнении с учебными заведениями в России. Представленная статья содержит подробный разбор текстов школьных уставов 1786 и 1828 гг., а также рассматривает процесс реализации их положений на территории Беларуси. Автором делается вывод относительно роли данных постановлений в процессе интеграции отечественной школы в общероссийское образовательное пространство.

Ключевые слова: школьное образование; школьный устав; народное училище; приходское училище; уездное училище; гимназия; учебная программа.

The article is devoted to the problem of the functioning of the Belarusian school education at the end of the 18th – the first third of the 19th century, as well as the significance of the statutes of public schools in 1786 and 1828. for the domestic education system. The study examines the general state of schooling in the region, determines its specificity in comparison with educational institutions in Russia. The presented article contains a detailed analysis of the texts of the school charters of 1786 and 1828, and also examines the process of implementing their provisions on the territory of Belarus. The author draws a conclusion regarding the role of these resolutions in the process of integrating the national school into the all-Russian educational space.

Key words: school education; school charter; public school; parochial school; county school; gymnasium; training program.

Функционирование национальной системы образования является важным аспектом общественной жизни в государстве. Процесс ее развития и совершенствования не возможен без всестороннего изучения и анализа истории отечественного просветительского дела.

Проблеме развития и функционирования школьного образования конца XVIII – первой трети XIX в. посвящен ряд работ отечественных и зарубежных историков. Первыми исследователями, которые обратили свое внимание на историю школьного дела Беларуси рассматриваемого периода, стали С. Бархатцев и М. Сухомлинов. Они сконцентрировали свое внимание на процессе становления общероссийской системы образования, впервые ввели в научный оборот ряд важных документов из архивов Министерства народного просвещения и Виленского учебного округа [1]. Заслуживают внимания работы А. Погодина, Ю. Крачковского, А. Белецкого, стремившихся в своих исследованиях отразить развитие отдельных светских и духовных учебных заведений, проследить эволюцию их учебных программ [2]. В послевоенной отечественной историографии, посвященной рассматриваемой проблеме, значительного внимания заслуживают работы В. Поссе. Исходя из богатого архивного материала, он дает детальное описание процессов трансформации светских учебных заведений в крае, определяет основные этапы их развития [3]. Среди работ зарубежных авторов необходимо выделить монографию Д. Бовуа, в которой на основе архивных источников изучается деятельность начальных и средних учебных заведений, анализируются учебные программы и пособия, приводится описание органов управления учебными заведениями [4]. Современная отечественная историография представленного вопроса включает в себя работы А. Самусика, А. Гурецкого и других авторов.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных истории образования представленного периода, проблема изучения и анализа школьных уставов 1786 и 1828 гг. и их значения в процессе интеграции отечественных заведений в общероссийскую систему образования, не нашли своего комплексного отражения в историографии. Данное обстоятельство определяет актуальность предложенного исследования. Целью представленной статьи является анализ содержания и значения уставов народных училищ 1786 и 1828 гг. для отечественной системы образования.

На момент присоединения к Российской империи белорусские земли имели богатый культурно-исторический опыт и устойчивые культурные традиции, которые складывались на протяжении столетий. Включение в новую государственную структуру, которая в свою очередь характеризовалась собственными, давно сложившимися, культурными традициями, не могло не повлиять на дальнейшее развитие белорусских земель. Представленная тенденция предопределила особенности развития всех сфер духовной жизни региона, в особенности народного просвещения [5, с. 9–10].

Первое, достаточно сильное влияние с российской стороны, ощутили учебные заведения восточной Беларуси, территории присоединенной к России в 1772 г. В данном регионе продолжала существовать сформированная на протяжении столетий система шляхетского образования, которую не успели затронуть революционные реформы Эдукационной комиссии Речи Посполитой. В Витебске, Полоцке, Могилеве, Мстиславле, Орше и Динабурге продолжали действовать иезуитские коллегии, в Сенно и Сокольниках – францисканские, в Витебске – пиарская, в Толочине – базилианская школы [6, с. 10]. Состояние образовательного процесса в представленных учреждениях характеризовалось значительной консервативностью. Обучение начиналось с освоения латинского языка и польской грамматики, включало в себя ознакомление с историей, арифметикой и географией. В дальнейшем предусматривалось преподавание логики, метафизики, химии, астрономии, механики и философии. Обучение велось на латыни и польском языке. Изучались так же европейские и русский языки.

Таким образом, первый раздел Речи Посполитой поставил перед царским правительством серьезную проблему включения отечественных учебных заведений в общероссийскую систему образования. Последняя, в это время, фактически только начинала формироваться. В 1770-е гг. она состояла из двух гимназий (при Академии наук и Московском университете), 26 духовных епархиальных училищ и нескольких сотен школ грамоты при монастырях [7, с. 50]. Осуществление школьной реформы в Российской империи началось после утверждения 5 июля 1786 г. «Устава народных училищ». Он предусматривал организацию на территории страны сети четырехклассных главных и двухклассных малых народных училищ, расположенных, соответственно, в губернских и уездных городах. По причине нехватки средств, подготовленных учителей и пособий, учебные программы данных школ были рассчитаны только на необходимый для повседневной жизни минимум знаний по общеобразовательным предметам. Предусматривалось обучение по следующим дисциплинам: русский язык, отечественная и всеобщая история, география, обязанности человека и гражданина, арифметика, основы геометрии, механика, физика, гражданская архитектура, катехизис и объяснение евангелий, рисование. Планировалась организация изучения иностранных языков – латыни, для планировавших продолжить обучение в университете, а также языка, распространенного в ближайшем приграничье [8, с. 646–647].

Учебный процесс организовывался структурированно и в соответствии с принципами последовательности и преемственности. Устав отражал четкую поочередность изучения предметов, содержались методические рекомендации относительно организации учебного процесса и изучения конкретных дисциплин. Предусматривался также перечень учебных пособий и других дидактических материалов, которые допускалось использовать в народных училищах. Регламентировалось количество учителей, закре-

пленных за главным и малым народным училищем (шесть и два соответственно), их должностные обязанности. Содержались предписания относительно времени и объема изучения каждой дисциплины, после завершения которого предусматривался экзамен [8, с. 648–652]. Рассматриваемый Устав содержал предписание главным народным училищам относительно организации подготовки педагогических кадров для малых училищ. Желавшие преподавать в данных заведениях должны были обучаться методике и выполнить специализированное испытание. При успешном завершении обучения выдавалось свидетельство директора народного училища с ведома Приказа общественного призрения [8, с. 647]. Срок обучения в малых народных училищах составлял два года. Учебная программа в представленных заведениях соответствовала программе главных училищ первого и второго года обучения. В том числе сохранялось обучение иностранным языкам. Единственным отличием в учебных программах являлся объем изучения арифметики во втором учебном разряде (предусматривалось изучение всего курса в течении года, вместо двух лет в главном училище [8, с. 648]).

Непосредственное управление и организация учебного и воспитательного процесса в народных училищах, являлось компетенцией директоров, назначаемых на должность Приказами общественного призрения. Высшее руководство новыми школами на местах поручалось генерал-губернаторам и губернаторам, которые получали звания попечителей народных училищ. Их главной обязанностью в просветительском деле являлся контроль за деятельностью учебных заведений с ежегодной ревизией, а также их соответствующее финансирование [9, с. 88].

На востоке Беларуси создание данных типов школ началось в 1789 г., когда в Могилеве и Полоцке были основаны главные народные училища. В 1791 г. малые народные училища были открыты в Орше, Копыси, Мстиславле, Черикове и Чаусах. В 1794 г. четырехклассное народное училище начинает действовать в Витебске. Видится возможным отметить частичную изоляцию представленных учебных заведений от местной общественной и образовательной среды. Школы размещались при местных государственных и духовных православных учреждениях. В данных училищах преимущественно обучались дети российских чиновников, офицеров и православного духовенства [7, с. 57]. Учебные пособия завозились исключительно из России. Учителя также были преимущественно выходцами из русских городов, или набирались из собственных воспитанников и выпускников Могилевской духовной семинарии. Только пять должностей в народных училищах занимали местные жители, закончившие отечественные монашеские школы [7, с. 58].

Образованные после принятия Устава русские народные училища представляли собой учебные заведения просветительского типа, призванными воспитать молодые поколения в духе общечеловеческих, гражданских и па-

триотических добродетелей. Они создавались по образцу прусских и австрийских школ, под управлением утвержденной в 1782 г. императорской Комиссии по учреждению народных училищ [8, с. 14–16]. Представленные учебные заведения открывали свои двери для представителей различных сословий, практиковали совместное обучение мальчиков и девочек. На востоке Беларуси они создавались как альтернатива местным традиционным коллегиям. Обучение в народных училищах было бесплатным. Учителя представленных школ в своем большинстве были хорошо подготовлены профессионально и отличались искренней приверженностью делу расширения образованности и идеалов Просвещения [9, с. 86–90].

Таким образом, утверждение Устава народных училищ в 1786 г. положило начало процессу создания новых типов учебных заведений на востоке Беларуси. Документ содержал в себе ряд передовых идей, направленных на создание общегосударственной образовательной системы и унификацию школьного образования: предусматривался единый комплекс учебных дисциплин, подлежащих изучению, перечень учебных пособий и дидактических материалов, рекомендованных к использованию, регламентировались должностные обязанности учителей. Представленные народные училища являлись первыми крупными очагами русской культуры и просвещения на белорусских землях. Их организация становится первым шагом на пути интеграции отечественного школьного дела в общероссийскую образовательную систему.

Процесс включения белорусского школьного образования в единую российскую систему значительно ускорится в начале и первой половине XIX в.. Новый школьный устав, утвержденный 8 декабря 1828 г., ликвидировал преемственность учебных заведений. Для крестьян и беднейших представителей городского сословия отныне предназначались приходские училища, содержать которые должны были помещики, духовенство и горожане [10, с. 93]. Представленный тип учебных заведений открывался повсеместно и был ориентирован на организацию передачи элементарных общеобразовательных и практических знаний детям низших сословий. В учебную программу приходских училищ был включен ряд дисциплин богословского содержания, основы грамматики и арифметики. Обучение для детей крестьян организовывалось в свободное от полевых работ время, но не менее четырех месяцев в течении года. В школы принимались как мальчики, так и девочки в возрасте старше восьми лет [11, с. 1097–1103]. Обучение в приходских училищах могло строиться по классической модели либо по ланкастерской системе. Данное обстоятельство могло свидетельствовать о нехватке квалифицированных кадров учителей. На должность учителя принимались представители всех сословий, при условии прохождения успешного испытания в уездном училище [11, с. 1100]. Преподавателям данных учреждений присваивался 14-й класс государственных служащих. Уставом регламентировались их должностные обязанности, порядок

предоставления жалования. Обязанность по преподаванию богословских дисциплин возлагалась на приходских священников. Контроль за деятельностью приходских училищ устанавливался через штатных Приходских смотрителей. Представленный тип учебных заведений не выполнял задачу подготовки к получению образования более высокого уровня, фактически ограничиваясь предоставлением базовых знаний [12, с. 412].

Второй уровень начального образования, согласно школьному уставу 1828 г., обеспечивался трехклассными уездными училищами. Данный тип учебных заведений предназначался преимущественно для детей горожан, ремесленников и торговцев. Принимались в них только лица мужского пола [11, с. 1104]. Курс обучения в представленных школах состоял из следующих дисциплин: закон божий и священная история, русский язык, арифметика, геометрия, отечественная и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование. Помимо общеобразовательных предметов предусматривалась возможность изучения дополнительных курсов, ориентированных на приобретение теоретических знаний и практических умений, сопряженных с особенностями хозяйственного развития региона в котором располагалось училище. Уставом рекомендовались курсы, ориентированные на изучение основ права, коммерческих наук и бухгалтерии, механики и технологий, агрономии [11, с. 1104].

В качестве учителей представленных заведений использовались, преимущественно, выпускники гимназий и университетов, компетенция которых не вызывала сомнений у губернских смотрителей. Определялась штатная численность педагогов уездного училища, регламентировались их должностные обязанности и порядок начисления жалования. Уставом предпринималась попытка систематизации учебного процесса данных школ – устанавливались обязательная продолжительность занятий, рекомендации относительно учебного расписания, перечень отчетной документации [11, с. 1105]. Для непосредственной организации и управления образовательным процессом вводилась должность штатного уездного Смотрителя, в компетенцию которого входили так же приходские и частные учебные заведения, расположенные в пределах уезда. Штатный Смотритель и учителя приравнивались к государственным служащим 12-го и 14-го классов соответственно [11, с. 1107].

Получение среднего образования, согласно школьному Уставу 1828 года, обеспечивалось деятельностью губернских гимназий. Срок обучения в них составлял семь лет. Для обучения в представленных учреждениях допускались дети дворян и чиновников, в возрасте старше десяти лет. При гимназиях обеспечивалась деятельность специализированных пансионов [11, с. 1110–1122]. Гимназии открывались с разрешения министра Народного Просвещения и состояли в ведомстве одного из университетов.

Для управления и преподавания в губернских гимназиях назначались Директор, Инспектор, Законоучитель и десять младших и старших учителя.

лей. Значительную роль в управлении учреждениями отыгрывали Попечители губернских гимназий, избираемые дворянским собранием на срок в три года. Полномочия данных должностных лиц были строго регламентированы. Они приравнялись к государственным служащим с соответствующим чином: Директор гимназии не выше 7-го класса, Инспектор – 8-го, учителя – 9–10 класса государственной службы [11, с. 1111–1118].

Учебная программа представленных учреждений включала в себя широкий перечень общеобразовательных и богословских дисциплин. К таковым относились: закон Божий, священная и церковная история, русская грамматика и словесность, логика, иностранные языки (немецкий и французский), латынь, математика, география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. В гимназиях, состоящих при университетах, предусматривалось изучение греческого языка [11, с. 1111].

Регламентировался объем общеобразовательных дисциплин, необходимый для усвоения учащимися, предусматривался перечень отчетной документации, в том числе классная книга с учетом успеваемости. Занятия осуществлялись в течении всего года, за исключением обязательных летних каникул. Ежегодно и после окончания учебного заведения предусматривались экзамены. При завершении обучения выпускники получали соответствующие свидетельства и возможность осуществления гражданской службы [11, с. 1112–1118]. Учебная программа губернских гимназий была ориентирована в том числе и на подготовку к обучению в университете.

Таким образом, принятие школьных уставов 1786 и 1828 гг. является важным этапом интеграции отечественного школьного дела в общероссийскую систему образования. Учреждаемые народные училища и гимназии были призваны не только передавать общеобразовательные знания и практические навыки подрастающему поколению, но и осуществляли организацию воспитательного процесса в общероссийском идеологическом русле. Деятельность представленных учреждений была направлена и на выполнение важной политической функции – закрепления Российской империи на присоединенных землях Речи Посполитой.

Вступление в силу школьных уставов и практическое осуществление реформирования системы образования имело ряд позитивных последствий для отечественной школы. Осуществлялась попытка организации образовательного процесса в духе идей Просвещения, создания преемственности различных этапов обучения, унификации учебных программ. Внедряемые положения школьных уставов ставили целью расширить доступ к начальному образованию для представителей разных сословий.

Список использованных источников

1. *Бархатцев, С.* Из истории Виленского учебного округа / С. Бархатцев // Русский архив. – 1874. – Т. 1. – С. 1149–1262; *Сухомлинов, М.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. Сухомлинов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1865. – № 10. – С. 9–172.

2. *Белецкий, А. В.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803–1832 / А. В. Белецкий. – Отд. 3. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1906; *Крачковский Ю. Ф.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа / Ю. Ф. Крачковский. – Ч. 1. – Отд. 1. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1905; По-годин А. Виленский учебный округ. 1803–1831. – СПб: Тип. П. Сойкина, 1901.

3. *Поссе В. С.* Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX веков: Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / В. С. Поссе; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1963. – 20 с.

4. *Beauvois, D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach Litewsko-Ruskich. 1803–1832 / D. Beauvois. – Lublin: Redakcja Wydawnictwo KUL, 1991. – Т. 1–2.

5. *Самусік, А. Ф.* Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-х гадах XVIII – 30-х гадах XIX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. Ф. Самусік; НАН РБ. Ін-т гісторыі. – Минск, 1998. – 18 с.

6. *Гурецкий, А. А.* Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX в. (1772–1825): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. А. Гурецкий; Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1996. – 20 с.

7. *Самусік, А. Ф.* Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошняй трэці XVIII – другой палове XIX ст. / А. Ф. Самусік // Гістарычны альманах. – Гродна-Беласток, 2008. – Т. 14. – С. 48–93.

8. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. – 1-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1830. – Т. 22.

9. *Пасэ, У. С.* Рускія народныя школы ў Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя / У. С. Пасэ // Народная асвета. – 1962. – № 5. – С. 86–90.

10. *Кузнецова, С. А.* Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця / С. А. Кузнецова // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: Зборнік артыкулаў. – Мінск: БДУ, 1992. – С. 92–102.

11. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – 2-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1867. – Т. 3.

12. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 788 с.

(Дата подачі: 24.02.2023 г.)

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск

L. V. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 930(470)“1917/1921”:316.728

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И РАБОТА ИСТОРИКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)

HISTORICAL SCIENCE AND THE WORK OF A HISTORIAN IN THE FIRST YEARS OF SOVIET RULE (AN EVERYDAY LIFE ASPECT)

В статье показаны условия социокультурной ломки первых советских лет через призму условий жизни и работы историков и становления советской исторической науки. В фокусе авторского внимания – изменения содержания их научно-педагогической деятельности, бытовые условия (жилье, питание, одежда и др.), состояние здоровья, а также начало процесса радикальной смены поколений в исторической науке.

Ключевые слова: социокультурная трансформация; историческая наука; Октябрьская революция; идеологические приоритеты; материальная культура; повседневность.

The article shows the conditions of the socio-cultural breakdown in the first Soviet years through the prism of the living and working conditions of historians. The author focuses on changes in the content of their scientific and pedagogical activities, living conditions (housing, food, clothing, etc.), state of health, as well as the beginning of the process of a radical change of generations in historical science.

Key words: socio-cultural transformation; historical science; October Revolution; ideological priorities; material culture; everyday life.

Исследование повседневности представляет собой по сути безграничную область в современном гуманитарном знании. В зависимости от научного интереса, здесь перекрываются проблемные поля истории, культурологии, антропологии, социальной психологии, социологии, демографии, гендерной истории, экономической истории, археологии, этнографии, истории науки и т. д. Фактор повседневности тотален – идет ли речь об экономике, демографии, политике, войне или культуре. История повседневности предельно антропоцентрична. Она раскрывает все многообразие материальных, духовных, социальных, физических практик человека в онтологическом и историческом аспектах. В гносеологическом аспекте история повседневности максимально притягательна для познания. Даже человеку, далекому от исторической науки, интересно, а зачастую и полезно знать, чем были для его предков жизнь и смерть, пространство и время, красота и уродство, закон и право, богатство и бедность; как воспринимались государство, статус, власть, социальная иерархия, возраст, телесность, здоровье,

болезни, чем люди питались, во что одевались, как обустроивали жилище, создавали семьи, воспитывали детей, хоронили своих близких, сохраняли память о них и т. д.

Однако история повседневности может рассматриваться и в более сложном ракурсе, формулирующем проблему возможностей исторического познания и интерпретации. Итоги внутренней и внешней политики, предпосылки и последствия войн и революций, достижения либо провалы в экономике, политике и культуре, научные открытия и техногенные катастрофы в конечном счете являются результатом деятельности зачастую конкретных людей, живущих во всей сложности современной им повседневности. Осмысление данного обстоятельства и понимание множественности и разнонаправленности влияния факторов в контитууме повседневности приводят к осознанию того, что проблема роли личности в истории, соотношения в ней объективного и субъективного далека от окончательного разрешения.

Октябрьская революция сопровождалась глубокой и болезненной социокультурной, экономической и психологической ломкой, растянувшейся на весь межвоенный период, что напрямую отражалось на становление образования и науки. В белорусской историографии эти процессы раскрыты, в частности, в статье А. А. Гужаловского «Антропология революции: повседневная жизнь минчан в 1917 г.» [1] и фундаментальной коллективной работе «Интеллектуальная элита Беларуси», где отражены, с одной стороны, тяжелые условия становления высшей школы в БССР, а с другой – прослежены судьбы живших и работавших в то время белорусских историков – В. И. Пичеты, В. М. Игнатовского, Н. М. Никольского, В. Н. Перцева, В. К. Щербакова, М. В. Довнар-Запольского [2].

Фоном проведения культурной революции и становления системы высшего образования в первые послереволюционные годы служили окончание Первой мировой и развертывание Гражданской войны, политика «военного коммунизма», реалии диктатуры пролетариата и ухудшение криминальной обстановки. Разрушение экономики, торговли, транспорта, коммунальной инфраструктуры, ломка здравоохранения, образования, правовой системы, отношений собственности и статусных характеристик приводили к радикальным изменениям условий выживания как отдельных людей, так и целых социальных групп.

Психологический перелом в обществе сопровождался внедрением революционной идеологии. При этом в желании «отречься от старого мира» перестройке подвергались все – от государственных институтов до материальных основ повседневности. Указанное захватило и Советскую Беларусь, где последствия войн были особенно тяжелыми, и Советскую Россию, руководство которой в огромной степени определяло политическую и экономическую ситуацию на территории Беларуси.

На уровне массового сознания формирование новой картины мира осуществлялось, например, на советских «революционных празднествах».

Главным их символом был Призрак истории в обрамлении событий, символизировавших борьбу старого и нового мира. Исторические события имели значение лишь как этапы развития идеи революции и ее носителя – пролетария. Очередность событий значения не имела, смысл заключался в борьбе «мирового пролетариата» с «мировой буржуазией» – вселенских Добра и Зла. Подчеркивалось разрушительное начало истории, противопоставлялись героическое настоящее и низвергнутое революцией прошлое [3, с. 231–236].

По такой же логике реорганизовалась и система обучения общественным наукам. Историческая наука была призвана воспитывать граждан в соответствующем идейном ключе, пропагандировать новую идеологию и создавать новые кадры – от школьного до академического уровня. При этом, ввиду стремления отмежеваться от дореволюционных трактовок и методик, история как отдельная дисциплина в средней школе была упразднена. Обществоведение, вводимое вместо истории, было учением о социально-экономических формациях. Учебников, кроме «Русской истории в самом жагом очерке» М. Н. Покровского, не было [4, с. 282–284].

Как альтернатива историко-филологическим в российских университетах создавались факультеты общественных наук (ФОНы). На территории же Советской Беларуси высших учебных заведений не было, между тем как задачи культурной революции и подготовки научных кадров диктовали необходимость их создания. Данная цель была реализована – основанный 25 февраля 1919 г. Белорусский государственный университет начал занятия 30 октября 1921 г. [2, с. 13–16].

Исходные условия для формирования советского высшего образования в России и Беларуси принципиально отличались. В России, несмотря на настороженность и репрессивные меры в отношении дореволюционной интеллигенции, не было критической кадровой нехватки в реорганизуемых университетах. Для ученых, состоявших до революции, сохранялась возможность работать, если их научные интересы не входили в столкновение с новыми идеологическими реалиями. Более того, опыт дореволюционных специалистов был необходим при отсутствии новых кадров. В Беларуси, где не было университетов, не могло быть и преподавателей. Соответственно, в создаваемый БГУ приглашались ученые, получившие образование в самых разных городах – от Киева до Берлина. Например, основатель белорусской медиевистики и новистики В. Н. Перцев, уроженец Курска, учившийся в Москве, Вене и Берлине, в 1918 г. вместе с В. И. Пичетой, Н. М. Никольским и В. Н. Дьяковым был направлен в Западную область, в Смоленский университет. Затем Перцев участвовал в подготовке к открытию БГУ, где в 1921 г. был избран профессором кафедры всеобщей истории.

Революционные идеологические реалии проявлялись, с одной стороны, в жестком контроле и упразднении университетской автономии, с другой – в широком распространении научно-просветительских лекций на

новой классовой основе. Например, будущий академик Н. М. Дружинин, разделявший идеи большевиков, вспоминал о лекциях, читаемых перед солдатами – как в аудиториях, так и в госпиталях. Дружинин основное внимание уделял российскому революционному движению, увязывая лекционный материал с современностью [5, с. 30–31]. В. Н. Перцев на протяжении 1920-х гг. выступал с докладами о Парижской коммуне, бакунизме и т. д., а публичная лекция «Аграрный вопрос на Западе» 16 января 1926 г. собрала огромную аудиторию в актовом зале БГУ [2, с. 183].

Крупнейший российский исследователь Новой истории Н. И. Кареев занимался культурно-просветительной деятельностью на Смоленщине. Это были город Сычевка, села Зайцево, где было начальное училище, Аносово, принадлежавшее матери Кареева и национализированное в 1928 г., и другие места. Кареев вспоминал о зиме 1920 г.: «Отчасти для развлечения, отчасти для добывания хлеба в буквальном смысле я ездил по соседним селениям и в крестьянских избах просвещал людей относительно устройства Вселенной и солнечной системы, возил с собою глобус и кое-какие картинки... в виде же гонорара получал рожь, крупу, льняное масло. Кроме того, в народном доме... я тоже часто читал лекции на темы, иногда подсказывавшиеся мне слушателями. Там меня попросили прочесть о Марксе, “имя которого так часто слышишь”. Лекция о Герцене мне тоже почти была подсказана. Декабристов я выбрал в связи с инсценировкой Некрасовских “Русских женщин” и чтением из “Декабристов” Мережковского» [6, с. 280].

Системный кризис в стране разладил университетскую жизнь. Полупустые аудитории не отапливались, преподаватели и студенты были в верхней одежде, шапках и валенках. Молодежи, отмечал Кареев, было не до учения» – она была занята службой и зарабатыванием денег, т. е. выживанием, а вечером, после работы, занятия часто были невозможны из-за отсутствия освещения [6, с. 274]. Резко ухудшились условия научной деятельности. Поездки ученых за границу стали невозможны, перестала поступать научная литература из-за рубежа, закрывались типографии, прекращался выход научной периодики и даже писчая бумага стала малодоступной [6, с. 274–275].

Большинство граждан бывлой Российской империи в годы Гражданской войны, разрухи и «военного коммунизма», очевидно, могли подписаться под такими словами Н. И. Кареева: «Вспоминаются холод, тьма, недоедание, безденежье и невозможность многое достать и за деньги» [6, с. 272]. Остродефицитными стали одежда, белье и особенно обувь. Крахмальные воротнички и манжеты «отошли в область преданий», подошвы и галоши привязывали к развалившейся обуви, а заплатки на одежде стали обычным явлением [6, с. 273].

Самую большую угрозу представлял голод. Кареев так описывал питание в Петрограде 1920–1921 гг.: «Хлеб выдавался только по карточкам в небольшом количестве, доходившем иногда до одной четверти или даже

восьмушки фунта в сутки, а не то вместо хлеба отпускался овес, который приходилось парить и дважды пропускать через мясорубку, чтобы делать из него нечто вроде каши. По целым неделям мы не ели никаких жиров, хотя бы растительных, не говоря уже о каком-либо мясе, если не считать плохой, жесткой и сухой конины. Чай и кофей заменялись всякими суррогатами и пились, конечно, без сливок, даже без молока, без сахара, вместо которого не всегда можно было достать и сахарин. Белые булки были только предметом воспоминаний» [6, с. 272]. От недоедания и холода руки Кареева покрылись язвами, а ногти размягчились. Он потерял треть веса, который не восстановился, в 1920 г. переболел гриппом-«испанкой». Поэтесса З. Гиппиус вспоминала это же время в связи с тем, что из-за голода ее знакомые изменились до неузнаваемости, между тем как к весне картофель вообще исчез, и исчезли считавшиеся лакомством лепешки из картофельных шкурок [7, с. 295].

О санитарии тех лет свидетельствовал такой факт. Летом 1921 г. Кареев и его жена по дороге из Аносова были покусаны на железной дороге вшами, что вызвало у обоих долго не проходящую экзему на груди [6, с. 273, 279, 286]. В Петрограде зимой 1919–1920- гг. замерзли и полопались водопроводные трубы. Писатель и литературовед В. Шкловский отмечал, что замерзли уборные, замерзла вода в трубах, люди не мылись. На улицу выносили помой и нечистоты, участились случаи отправления там естественной нужды. Для неотложных потребностей воду носили в ведрах с улицы [7, с. 302]. Стирка была проблематичной не только из-за отсутствия воды, тепла и моющих средств, но и потому, что прачечные как «буржуазный элемент» исчезли. Единственная в Петрограде прачечная работала только по госзаказу, а стирка у частных прачек была малодоступной ввиду дороговизны.

Помимо голода и антисанитарии, людей угнетал холод, нулевая и отрицательная температура в жилых помещениях стала привычным явлением. Необходимость обогреться заставляла людей сжигать все подряд. В Шкловский эмоционально писал об этом: «Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги. Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы и оказался бы к весне без конечностей». Деревянные дома в Петрограде разбирались на топливо, на улицах стали образовываться рукотворные руины [7, с. 303–304].

Такие условия существования пагубно сказывались на физическом и психологическом состоянии людей. Например, исследователь феодальной России, археограф С. Б. Веселовский 2 января 1919 г. написал в своем дневнике: «Все ходят и держат себя, как приговоренные к медленной, но неминуемой смерти. Некоторые поддерживают еще с трудом свой туалет, но другие уже не скрывают своей нужды и полного упадка духа. Очень тяжело приходится Любавскому. Он сам приготовляет себе пищу, сам стирает себе белье, и т. д.; ходит нестриженный и непричесанный» [8, с. 42].

Прерывалось ранее интенсивное общение в академической среде. «Как-то и не тянуло в гости, – отмечал Кареев, – тем более, что по временам не было совсем трамвайного сообщения, а извозчики, как и многое другое, отошли в область преданий. Сходишь на лекцию, да и вернешься домой усталый, голодный. Умирали у нас знакомые, и не всегда удавалось побывать на панихиде, тем более проводить покойника на кладбище или даже посетить осиротевшую семью. Не было ни сил, ни расположения [6, с. 274].

Вариантами выживания были пайки, получаемые в зависимости от рода занятости. Советское руководство относило интеллектуалов к классу буржуазии, и, согласно постановлению Петроградского совета от 29 мая 1918 г. о классовом пайке, интеллигенция получала низший уровень пайкового обеспечения (всего было 4 категории пайков). При этом даже получение пайка первой категории покрывало лишь пятую часть нормального рациона. Широкое распространение получило явление, называемое «пайколовством» и ставшее стилем жизни. Художнику Ю. Анненкову, очевидно, это удавалось. Так, он получал общий гражданский, или голодный паек, затем “ученый паек” как профессор академии художеств. К ним добавлялся “милицейский паек” за создание культурно-просветительной студии для милиционеров. Спасительными были также “усиленный паек Балтфлота”, «просто так, за дружбу с моряками», и, наконец, курьезный паек “матери, кормящей грудью” за то, что Анненков «в Родильном центре “Капли молока имени Розы Люксембург” читал акушеркам лекции по истории скульптуры» [7, с. 296–297]. Однако далеко не всем так везло.

Спасением от голода была жизнь в деревне, где питание было лучше, а также продажа ценных вещей ради покупки продуктов. Ситуация, описанная Н. И. Кареевым, была достаточно типична: «Мы были вынуждены продавать разные вещи, вроде серебряных ложек, дорогой чайной посуды, занавесок, ковров» [6, с. 273]. Осенью 1921 года Кареев вынужден был продать часть своей библиотеки, чтобы купить на зиму дрова и печку-«буржуйку», маленькую плитку для несложного приготовления пищи [6, с. 273].

Описываемые условия не были чем-либо уникальным. Каждая социальная группа выживала по мере собственных возможностей и в зависимости от близости к новой правящей элите и бюрократии, что предоставляло гораздо больший доступ к распределению товаров. Значительно активизировались криминальные структуры, в деятельности которых переплетались политический и бытовой бандитизм. Выход же из состояния социального и экономического кризиса начался с переходом к новой экономической политике весной 1921 г.

Таким образом, в экстремальных условиях социально-политической фрустрации, войны и угрозы голода большинство советских граждан не только выживали, но работали и воевали, что целиком относится и к академическому сообществу. Историческая наука и высшая школа вступили в переходный период реорганизаций, а также методологических и полити-

ческих дискуссий. На протяжении 1920-х гг. происходил ряд теоретических споров в русле толкования марксистской методологии и создания социологических схем, призванных раскрыть сущность исторического процесса как смены общественно-экономических формаций. В тяжелой повседневности послереволюционного десятилетия развертывалась смена поколений в исторической науке. Наконец, важнейшим последствием переходных 1920-х гг. стало укрепление марксистской методологии в исторической науке, результатом чего явилось формирование советского историографического канона во второй половине 1930-х гг.

Список использованных источников

1. *Гужалоўскі, А. А.* Антрапалогія рэвалюцыі: паўсядзённае жыццё мінчан у 1917 г. / А. А. Гужалоўскі // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2017. – № 3. – С. 20–29.
2. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.]; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. – Минск: БГУ, 2017. – С. 11–41, 62–74, 98–107, 181–189, 197–209, 254–263.
3. *Мальшева, С. Ю.* Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов / С. Ю. Мальшева // Диалог со временем: альм. интеллект. истории / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр интеллект. истории. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 231–254.
4. *Ястер, И. В.* Партийно-государственное влияние на содержание и структуру школьного исторического образования в 1920-х – 1930-х гг. / И. В. Ястер // Диалог со временем. Альм. интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории; гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 282–288.
5. *Дружинин, Н. М.* Воспоминания и мысли историка / Н. М. Дружинин. – 2-е изд. – М.: Наука, 1979. – 166 с.
6. *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л.: Ленингр. ун-т, 1990. – 384 с.
7. *Яковлев, А. А.* Повседневная жизнь «не-маленьких людей»: новые подходы к истории повседневности / А. А. Яковлев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2014. – Вып. 48. – С. 292–308.
8. Мир историка. XX век: монография / под ред. А. Н. Сахарова. – М.: Институт российской истории РАН, 2002. – 476 с.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

Лань Пэнхэ

Белорусский государственный университет, Минск

Lan Penghe

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510+479.22) (091) “1992/2022”

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ГРУЗИЕЙ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1992–2022 ГГ.)

COOPERATION BETWEEN CHINA AND GEORGIA IN HIGHER EDUCATION (1992–2022)

В статье прослеживается развитие взаимодействия Китая и Грузии в области высшего образования, показаны усилия двух стран по его интернационализации. Автор рассмотрел нормативную базу, институты, формы и направления китайско-грузинских связей в исследуемой области. Выделены этапы сотрудничества, раскрыто их содержание, отмечены результаты и перспективы, выявлены проблемы. Подчеркнута роль Грузии и ее значение для Китая в контексте инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: интернационализация высшего образования; международное сотрудничество; Китай; Грузия; инициатива «Один пояс, один путь».

The article shows the development of the interaction of China and Georgia in the field of higher education, and the efforts of the two countries in their internationalization. The author reviewed the regulatory framework, institutions, forms and directions of Chinese-Georgian relations in the field by focusing on the stages of cooperation and contents, as well as noting results and prospects. In the end, the author identified problems and emphasized the role of Georgia and its significance for China in the context of the “Belt and Road” Initiative.

Keywords: internationalisation of higher education; international cooperation; China; Georgia; Belt and Road Initiative.

Тема китайско-грузинского сотрудничества в белорусской историографии не исследовалась, а китайские и грузинские эксперты занимались её отдельными аспектами. Так, Чэнь Сюэфэй и Ма Ваньхуа на конкретном материале выделяют следующие формы двустороннего международного сотрудничества в области высшего образования: студенческие обмены и повышение квалификации преподавателей, совместные научные исследования и проекты, продвижение языков и национальных культур [1, с. 59; 2, с. 43]. Гао Юнь рассматривает международное сотрудничество в сфере высшего образования как важное средство усиления образовательного и культурного влияния страны, повышение ее международного статуса [3, с. 17]. Цзя Шаосюэ подчеркивает, что образовательные связи являются одним из важных элементов инициативы «Один пояс, один путь». Активное продвижение обменов в области образования, науки и технологий укрепляет взаимопонимание и доверие между странами и народами, помогает китайской культуре выйти в мир и способствует культурной интеграции между регионами [4, с. 9]. Ян Шу на основе анализа образования, науки и техно-

логий Грузии в 1990-е гг. отметил слабость её обменов с другими странами [5, с. 94]. Лю Цзинь занимался изучением системы высшего образования Грузии [6, с. 36]. Че Рушан провел анализ потенциала сотрудничества двух стран в контексте инициативы ОПОП [7, с. 48].

Марина Гибрадзе проанализировала развитие китаеведения и преподавания китайского языка в Грузии [8, с. 109]. Б. В. Маилян (Армения) рассмотрел основные тенденции внешней политики Грузии и сотрудничества с КНР [9, с. 311]. Г. Г. Мачавариани охарактеризовал грузино-китайское сотрудничество в различных областях, обратив особое внимание на «мягкую силу» образования КНР [10, с. 142]. Б. А. Владимирова (Россия) подчеркнула, что концепция «Сообщества единой судьбы человечества» является одной из основных дипломатических стратегий КНР [11, с. 140]. А. Ч. Мокрецкий обосновал тезис о том, что сотрудничество между Китаем и странами Южного Кавказа неуклонно развивается, а Южный Кавказ рассматривается Пекином как один из важных регионов для реализации стратегии ОПОП [12, с. 150]. По мнению автора статьи, результаты исследований китайских и зарубежных ученых по вопросам обменов и сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Грузией носят разрозненный и бессистемный характер. Цель автора – на основе анализа большого массива документальных источников проследить развитие китайско-грузинского образовательного взаимодействия в 1992–2022 гг.

С ускорением процесса регионального и международного сотрудничества, постоянным расширением масштабов студенческих обменов образовательная реформа и интернационализация образования стали одной из заметных тенденций развития мирового образования, возросло значение международного сотрудничества в сфере высшего образования. Китай разработал стратегию развития, направленную на «укрепление страны с помощью образования». В 1983 г. Дэн Сяопин предложил *«стоять лицом к модернизации, ко всему миру, к будущему»*, а спустя два года Китай выдвинул цель создания университетов мирового класса и университетов высокого уровня. После установления между Китаем и Грузией дипломатических отношений (9 июня 1992 г.) их взаимодействие в области высшего образования прошло несколько этапов.

Начальный этап (1992–2005 гг.)

В 1993 г. ЦК КПК и Госсовет КНР обнародовали *«Основные положения реформы и развития образования Китая»*, в которых были выдвинуты общие требования к международному сотрудничеству в этой области. *«Закон КНР о высшем образовании»* (1998) поощряет и поддерживает международные обмены и сотрудничество в области высшего образования. *«План действий по активизации образования в XXI веке»* Министерства образования (1999) выдвигает особые требования к образовательным обменам в высших учебных заведениях, подчеркивает важное место высшего образования в международном сотрудничестве. В январе 2001 г. Министер-

ство образования обнародовало *«Положение об управлении стипендиями китайского правительства»*, которым были учреждены стипендии студентам и ученым со всего мира для обучения и исследовательской работы в китайских высших учебных заведениях [13]. В том же году Китай вступил во Всемирную торговую организацию, что означало полное и глубокое вовлечение страны в процесс глобализации. В 2003 году китайское правительство издало *«Положения о китайско-иностранном сотрудничестве в управлении школами»* [14, с. 21]. Эти документы обеспечивают Китаю благоприятную политическую поддержку в укреплении международных обменов и сотрудничества, внедрении высококачественных образовательных ресурсов и повышении уровня обменов и сотрудничества.

В 1992 г. Китай и Грузия подписали *«Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений»*. В июне 1993 г. в Пекине было подписано совместное заявление о готовности содействовать сотрудничеству и обмену между двумя странами в области культуры, науки, образования, спорта и туризма, укреплять дружественные обмены между соответствующими организациями, группами и отдельными лицами, а также три важных документа о сотрудничестве в области высшего образования. *«Соглашение о культурном сотрудничестве»* предусматривает, что договаривающиеся стороны будут поощрять обмены в области высшего, среднего, профессионального и технического образования. В *«Соглашении о научно-техническом сотрудничестве»* содержится обязательство содействовать научно-техническому сотрудничеству между соответствующими ведомствами двух стран (включая высшие учебные заведения), предприятиями и институтами. *«Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки»* поощряет установление прямых отношений между медицинскими школами и исследовательскими институтами. Подписание и реализация этих документов заложили правовую основу для китайско-грузинского взаимодействия в области высшего образования [15, с. 554–559].

Тбилисский институт Азии и Африки учредил кафедру китайского языка (1992 г.), а Министерство образования Китая приступило к практике направления туда преподавателей. Спустя три года студенты института получили возможность учиться за государственный счет в Китае [8, с. 109]. В 1996 г. по приглашению Исследовательского центра развития Госсовета КНР главный советник МИД Грузии Гела Чарквиани нанес визит в Китай, а в 2000 г. Грузию посетила делегация Министерства науки и технологий Китая. Правительства двух стран учредили Комитет по научно-техническому сотрудничеству, на первом заседании которого обсуждались конкретные совместные проекты научно-исследовательских институтов и университетов [16, с. 290]. В апреле 2001 г. вице-премьер Китая Ли Ланьцин посетил Грузию и подписал *«Соглашение о сотрудничестве в области образования»* [17, с. 250]. Спустя три года Александр Рондели, директор Центра стратегиче-

ских и международных исследований Грузии, принял участие в Азиатском семинаре высокого уровня на тему «Угрозы, вызовы и перемены», проходившем в Ханчжоу, где обсудил вопросы сотрудничества вузов [18, с. 119].

Этап развития (2006–2012 гг.)

С течением времени сотрудничество между двумя сторонами в области высшего образования углубляется. В июле 2010 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли *«Государственную программу реформ и развития сферы образования на средне- и долгосрочную перспективу (2010–2020)»* [19]. Это первая программа в области образования, принятая Китаем после вступления в XXI в.

Автор считает, что этап развития двухстороннего сотрудничества начался в апреле 2006 г., когда президент Грузии Михаил Саакашвили совершил официальный визит в КНР и подписал *«Совместное заявление о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества»* [20]. В документе подчеркивается, что связи между государствами обладают большим потенциалом, в том числе в образовании.

Масштабный международный конкурс «Мост китайского языка» был впервые проведен в Грузии в 2010 г. [21]. Организуемый Центром языкового образования и сотрудничества КНР, он направлен на дальнейшее продвижение китайской культуры, повышение осведомленности и понимания Китая, содействие обменам и сотрудничеству. В ноябре того же года был учрежден первый Институт Конфуция (при Тбилиском свободном университете), который стал важной платформой для взаимодействия в гуманитарной сфере.

Заметный вклад в развитие связей в области образования внесли дипломаты обеих стран. В мае 2010 г. проректор Пекинского университета Цзяотон Чэнь Фэн встретился с послом Грузии в Китае Карло Сихарулизе с целью содействия установлению отношений сотрудничества между университетами Грузии и Пекинским университетом Цзяотон [22], а в июне 2011 г. состоялась встреча посла Китая в Грузии Чэнь Цзяньфу с министром образования и науки Дмитрием Шашкиным [23].

Этап быстрого развития (2013–2022 гг.)

18-й съезд КПК (ноябрь 2012 г.) подтвердил стремление КНР к открытости внешнему миру. В следующем году председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу «Один пояс, один путь», а в марте 2015 г. был принят межведомственный документ *«Перспективы и практические действия, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и Морского Шелкового пути XXI века»*. В соответствии с этим документом, Китай ежегодно предоставляет 10 тыс. государственных стипендий странам, расположенным вдоль маршрута [24].

В апреле 2016 г. ЦК КПК и правительство КНР опубликовали *«Мнения об открытости образования для внешнего мира в новую эпоху»* [25], подчеркнув «настойчивость в расширении открытости, укреплении

китайского образования, содействии культурным обменам, постоянное улучшение качества китайского образования, национальной мягкой силы и международного влияния». В июле того же года Министерство образования Китая приняло *«План действий в сфере образования по содействию совместному строительству инициативы Один пояс, один путь»* [26], в котором «расширение открытости» рассматривается как одно из условий сотрудничества в области образования между странами, расположенными вдоль ОПОП. В документе подчеркивается важность развития обменов, консультаций, согласования общей схемы сотрудничества и создания его механизмов.

Документ ЦК КПК и Госсовета КНР *«Модернизация образования Китая 2035»* (февраль 2019 г.) [27] подчеркивает, что «создание новой модели открытости образования внешнему миру» является одной из десяти стратегических задач по содействию модернизации образования.

Приведем конкретные примеры реализации указанных документов. В 2013 г. ректор Тбилисского государственного университета (ТГУ) Александр Квиташвили посетил Пекинский технологический университет и подписал меморандум о взаимопонимании по межшкольному сотрудничеству [28]. В октябре 2014 г. в Тбилиси был подписан *«Протокол к соглашению о сотрудничестве в области образования»*, в соответствии с которым значительно увеличивалось количество взаимных стипендий. В 2015 г. в ТГУ был создан Центр китайского языка и культуры, что стимулировало преподавание китайского языка и подготовку специалистов. Первым профессиональным академическим учреждением Китая, специализирующимся на системном исследовании Грузии, стал основанный в марте 2017 г. *Исследовательский центр Грузии при Ланьчжоуском университете*. Он предоставляет интеллектуальную поддержку и консультации по принятию решений с целью реализации инициативы ОПОП [29, с. 81–83].

Чтобы укрепить языковую и культурную коммуникации с целью продвижения инициативы ОПОП, Пекинский университет иностранных языков и Пекинский университет языка и культуры в 2017–2018 гг. открыли специальность «грузинский язык» [30, с. 192]. В 2018 г. в Тбилиси состоялся международный форум «ОПОП в глобальной перспективе», организованный Университетом Ланьчжоу и Тбилисским открытым университетом [31]. Тянь Ган, проректор Пекинского университета, нанес визит в ТГУ. Подчеркнем, что делегация впервые посетила регион Южного Кавказа, энергично продвигая региональные и страновые исследования в рамках инициативы ОПОП [32].

В феврале 2019 г. был подписан межправительственный *«Меморандум о взаимопонимании по содействию преподаванию китайского языка»* [33]. Китайская сторона обязалась создать команду учителей китайского языка, разработать учебные материалы, помогать проводить оценку и мони-

торинг качества преподавания проектов на китайском языке. Правительство Грузии включило преподавание китайского языка в национальную систему образования и присвоило ему юридический статус второго иностранного языка [34, с. 113].

В 2019 г. ТГУ и Пекинский университет подписали в Тбилиси меморандум о взаимопонимании и стратегическом партнерстве [35]. В грузинской столице состоялись церемония открытия *Китайского исследовательского центра* (Китайская академия социальных наук – Технологический университет Грузии) и семинар на тему «Китай и Грузия: совместная реализация инициативы ОПОП» [36]. Делегация Китайской академии наук посетила Академию наук Грузии, Национальный ботанический сад, Институт ботаники Национального университета Ильи и Батумский ботанический сад. Результатом визита стал *«Меморандум о взаимопонимании по научно-техническому сотрудничеству между КАН и Академией наук Грузии»*. Визит способствовал подключению Грузии к Альянсу международных научных организаций ОПОП (ANSO), а также совместным исследованиям по тематике «биоразнообразия и зоология Кавказа», сотрудничеству в области высшего образования [37].

2020 год в истории китайско-грузинского взаимодействия в сфере высшего образования начался с визита делегации Сычуаньского института туризма в Кавказский университет и подписания соглашения о сотрудничестве по подготовке специалистов по туризму; был учрежден «Кавказский исследовательский центр» при Сычуаньском институте туризма [38]. Шанхайский морской университет и Международная ассоциация преподавателей морского дела (IMLA) организовали курсы повышения квалификации в контексте инициативы ОПОП для преподавателей национальных морских колледжей и университетов. Слушателями курсов стали более 200 преподавателей и менеджеров, в том числе из Грузии [39].

Весьма продуктивно китайско-грузинские отношения в сфере высшего образования развивались в 2022 году. Чжао Байге, председатель Экспертного комитета Международного аналитического центра ОПОП Китайской Академии общественных наук, провел в Пекине встречу с послом Грузии Арчилем Каландией [40]. Обе стороны выразили мнение, что двустороннее сотрудничество должны углубляться. Евразийский исследовательский центр Университета Цинхуа, созданный в ноябре 2022 г., установил тесные связи с Фондом стратегических и международных исследований Грузии [41].

По состоянию на 2022 г. в Грузии действовали два института Конфуция. Как уже отмечалось, в ноябре 2010 г. был создан первый Институт Конфуция (при Тбилисском свободном университете). Его первоначальный партнёр – Университет Ланьчжоу, а в 2019 г. им стал Университет Чжэнчжоу. Институт Конфуция при Университете Алте (Тбилиси) – второй институт Конфуция (партнёр – Университет Ланьчжоу), действующий с декабря 2019 г. В Грузии

насчитывается более 20 учебных заведений, предлагающих курсы китайского языка, которые посещали более тысячи учащихся. Десятки стипендий, ежегодно предоставляемых китайской стороной, помогли грузинским студентам получить образование в Китае [42].

Отметим, что объем международных студенческих обменов пока невелик, своего максимума он достиг в 2018 г. По данным автора, полученным из Министерства образования КНР и Статистического управления Грузии, 74 грузинских студента обучались в Китае и только 13 китайских – в Грузии. Разница связана с активным продвижением КНР инициативы ОПОП, а также предоставлением стипендий и других преференций.

После обретения Грузией независимости, в условиях сложной внешне- и внутривнутриполитической, а также экономической ситуации, в образовании и научно-техническом развитии страны отсутствовал заметный прогресс, позитивные перемены начались только после вступления в XXI век. В китайско-грузинском взаимодействии в области высшего образования автор выделяет три этапа. *На первом этапе (1992–2005 гг.)* была в основном создана правовая база, на *втором этапе (2006–2012)* оно постепенно институционализируется, приобретает конкретные формы. Содержанием третьего этапа (*2013–2022*) стала интенсификация взаимодействия в контексте инициативы ОПОП.

В образовательных обменах и сотрудничестве между Китаем и Грузией в области высшего образования можно выделить четыре формы, а именно: модель Института Конфуция; Китайско-Грузинский исследовательский центр; совместная подготовка кадров; другие (форумы, визиты, учебные курсы, академические обмены и т. д.).

Остановимся на проблемах. *Во-первых*, не существует единого национального координационного органа по сотрудничеству (как *Комиссия по сотрудничеству в области образования Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству*), было прервано внедрение механизма регулярных заседаний Китайско-грузинского комитета по научно-техническому сотрудничеству. После первого заседания Комитета (2000) второе заседание не проводилось. Двум странам следует создать Комитет по сотрудничеству в области образования и активно изучать возможность проведения второго заседания Комитета по научно-техническому сотрудничеству. *Во-вторых*, не реализован потенциал сотрудничества в транснациональных научно-исследовательских проектах. В рамках инициативы ОПОП обе стороны должны и далее укреплять взаимодействие между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, активно оформлять заявки на проекты сотрудничества национальным фондам социальных наук двух стран и Национальному фонду естественных наук Китая. *В-третьих*, следует обратить внимание на сложные геополитические риски на Южном Кавказе (политические и военные конфликты в регионе). *В-четвертых*, хотя двустороннее сотрудничество

и обмена в области высшего образования интенсифицируются с 2013 г., их уровень по-прежнему остается низким.

Вспышка коронавирусной инфекции в 2020 г. стала вызовом для международного сотрудничества в области высшего образования. Китаю и Грузии следует обобщить свой опыт, извлечь уроки и идти вперед. По оценке автора, в рамках инициативы ОПОП сотрудничество в области высшего образования между двумя странами имеет благоприятные перспективы.

Список используемых источников

1. Чэнь Сюэфэй. Интернационализация высшего образования – от истории к теории и стратегии / Сюэфэй Чэнь. // Шанхайские исследования в области высшего образования. – 1997. – № 11. – С. 59–63.
2. Ма Ваньхуа. Транснациональное образование – это не только новая тенденция в интернационализации высшего образования / Ваньхуа Ма // Китайское высшее образование. – 2005. – № 11. – С. 43–44.
3. Гао Юнь. Исследование по наращиванию потенциала и трансграничному высшему образованию в развивающихся странах / Юнь Гао // Высшее сельскохозяйственное образование. – 2006. – № 7. – С. 17–20.
4. Цзя Шаосюэ. Исследование тенденций научно-технических и гуманитарных обменов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Шаосюэ Цзя // Научные управленческие исследования. – 2015. – № 6. – С. 9–12.
5. Ян Шу. Текущая ситуация в сфере образования, науки и техники в Грузии / Шу Ян // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. – 1997. – № 5. – С. 94–97.
6. Лю Цзинь. Исследование текущей ситуации и тенденций развития высшего образования в странах, расположенных вдоль инициативы «Один пояс, один путь» (17) – Грузия / Цзинь Лю // Информация о мировом образовании. – 2018. – № 23. – С. 36–41.
7. Че Рушан. Основы и потенциал сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Грузией в контексте инициативы «Один пояс, один путь» / Рушан Че // Исследования в области высшего образования в Чунцине. – 2020. – № 3. – С. 48–57.
8. Гибрадзе, М. Ситуация и развитие китаеведения и преподавания китайского языка в Грузии / М. Гибрадзе // Преподавание китайского языка в мире. – 2014. – № 4. – С. 109–111.
9. Маилая, Б. В. Основные тенденции внешнеполитического курса Грузии и некоторые аспекты ее сотрудничества с Китайской Народной Республикой / Б. В. Маилая // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2016. – № 2. – С. 311–322.
10. Мачавариани, Г. Г. Грузия-Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества / Г. Г. Мачавариани // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 142–151.
11. Владимирова, Б. А. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» / Б. А. Владимирова // Теория и проблемы политических исследований. – 2020. – № 9. – С. 120–140.
12. Мокрецкий, А. Ч. Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» / А. Ч. Мокрецкий // Китай в мировой и регион. политике. История и современность. – 2020. – № 9. – С. 150–158.
13. Импульс развития китайского образования [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_2082/zl_2018n/2018_zl90/201812/t20181210_362815.html. – Дата доступа: 19.01.2023.
14. Гу Минъюань. Серия Образование в Китае – Китайское образование в начале XXI века / Минъюань Гу. – Ухань: Изд-во образования Хубэй, 2015. – 627 с.

15. Министерство иностранных дел КНР. Собрание договоров Китайской Народной Республики (1993). – Пекин: Пресса по международным делам, 1996. – 936 с.
16. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2001). – Пекин: Пресса по международным делам, 2001. – 751 с.
17. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2002). – Пекин: Пресса по международным делам, 2002. – 628 с.
18. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2005). – Пекин: Пресса по международным делам, 2005. – 512 с.
19. Китайский информационный Интернет-центр – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/txt/2010-05/07/content_19992153.htm. – Дата доступа: 17.01.2023.
20. Переговоры Ху Цзиньтао с президентом Грузии Саакашвили в Пекине [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2006-04/11/content_251448.htm. – Дата доступа: 21.01.2023.
21. В Грузии прошел онлайн-финал 20-го конкурса на знание китайского языка «Мост китайского языка» для иностранных студентов колледжей, на котором выступил посол Ли Янь [Электронный ресурс] // Посольство Китая в Грузии – Режим доступа: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/202107/t20210719_8931759.htm. – Дата доступа: 27.01.2023.
22. Чэнь Фэн встретился с послом Грузии в Китае [Электронный ресурс] // Пекинский университет – Режим доступа: <http://news.bjtu.edu.cn/info/1012/5188.htm>. – Дата доступа: 22.01.2023.
23. Посол Чэнь Цзяньфу встретился с министром образования и науки Грузии [Электронный ресурс] // Посольство Китая в Грузии – Режим доступа: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201106/t20110623_1093216.htm. – Дата доступа: 22.01.2023.
24. Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2015. – 44 с.
25. Канцелярия ЦК КПК и канцелярия Государственного совета Китая опубликовали «Мнения об открытости образования для внешнего мира в новую эпоху» [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/29/content_5069311.htm. – Дата доступа: 22.01.2023.
26. План действий в сфере образования по содействию совместному строительству инициативы «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Министерство образования КНР. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A20/s7068/201608/t20160811_274679.html. – Дата доступа: 20.01.2023.
27. Модернизация образования Китая 2035 [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство КНР. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/201902/23/content_5367987.htm?from=groupmessage&isappinstalled=0. – Дата доступа: 23.01.2023.
28. Ректор Тбилисского государственного университета посетил Пекинский технологический институт [Электронный ресурс] // Пекинский технологический институт – Режим доступа: <https://www.bit.edu.cn/xww/xwtt/a86407.htm>. – Дата доступа: 23.01.2023.
29. Лань Пэнхэ. Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013–2022 гг.) / Пэнхэ Лань // Труды БГТУ. – Сер. 6. – История, философия. – 2022. – № 2 (263). – С. 79–89.
30. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2019). – Пекин: Пресса по международным делам, 2019. – 636 с.
31. Международный форум «Один пояс, один путь» с глобальной точки зрения состоялся в Тбилиском открытом университете [Электронный ресурс] // Университет Ланьчжоу. – Режим доступа: <https://news.lzu.edu.cn/c/201805/48898.html>. – Дата доступа: 20.01.2023.

32. Делегация Пекинского университета посетила Азербайджан и Грузию [Электронный ресурс] // Пекинский университет. – Режим доступа: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/129-303549.html>. – Дата доступа: 20.01.2023.

33. Посол Китая в Грузии Джи Янчи встретился с министром образования, науки, культуры и спорта Грузии Баттиашвили [Электронный ресурс] // Посольство Китая. – Режим доступа: http://ge.china-embassy.gov.cn/kxjy/201902/t20190216_1093513.htm. – Дата доступа: 11.02.2023.

34. Министерство иностранных дел КНР. Китайская дипломатия (2020). – Пекин: Пресса по международным делам, 2020. – 425 с.

35. В Грузию с обменным визитом отправилась делегация Института общественного здравоохранения Пекинского университета [Электронный ресурс] // Пекинский университет. – Режим доступа: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/043e97f5bfdd4347badf001649aa0016.htm>. – Дата доступа: 01.02.2023.

36. Состоялась церемония запуска Китайского исследовательского центра (Китайская академия социальных наук – Технологический университет Грузии) [Электронный ресурс] // China Daily. – Режим доступа: <http://ex.chinadaily.com.cn/exchange/partners/82/rss/channel/cn/columns/j3u3t6/stories/WS5daebdd9a31099ab995e72ac.html>. – Дата доступа: 01.02.2023.

37. Чжан Япин посещает Грузию, Польшу и Россию [Электронный ресурс] // Китайская академия наук. – Режим доступа: https://www.cas.cn/zhangyaping/hd/201909/t20190926_4718296.shtml. – Дата доступа: 03.01.2023.

38. Делегация посетила Кавказский университет Грузии и подписала соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Сычуаньский институт туризма. – Режим доступа: <http://www.sctu.edu.cn/kjc/info/1070/1279.htm>. – Дата доступа: 06.01.2023.

39. Завершен курс повышения квалификации для преподавателей морских колледжей и университетов вдоль инициативы «Один пояс, один путь» (2022) [Электронный ресурс] // Шанхайский морской университет. – Режим доступа: <https://www.shmtu.edu.cn/imagenews/2022yi-dai-yi-lu-hai-shi-guo-jia-hang-hai-yuan-xiao-shi-zi-gao-ji-pei-xun-ban-jie-ye.htm>. – Дата доступа: 05.01.2023.

40. Чжао Байге, председатель экспертного комитета Международного аналитического центра Landi, встретился с послом Грузии в Китае Арчи Каландией [Электронный ресурс] // Китайская академия социальных наук. – Режим доступа: <https://www.rdi.org.cn/c1014/20220716/i5219.phtml>. – Дата доступа: 02.01.2023.

41. Евразийский исследовательский центр Института международных и региональных исследований Университета Цинхуа [Электронный ресурс] // Университета Цинхуа. – Режим доступа: <http://ias.tsinghua.edu.cn/research-center/>. – Дата доступа: 09.01.2023.

42. Китайский язык – это наш связующий мост, Китай и Грузия – одна семья [Электронный ресурс] // Веб-сайт Sinomedia. – Режим доступа: <https://sinomedia.ge/93-2/>. – Дата доступа: 17.02.2023.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

О. В. Лицкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

O. V. Litskevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.2

**ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦЫ ПОЛОЦКОГО
КНЯЖЕСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
С ЛИВОНИЕЙ В XIII–XV ВВ.:
ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ**

**FORMATION OF THE BORDERS OF THE PRINCIPALITY
OF POLOTSK AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
WITH LIVONIA IN THE XIII-XV CENTURIES:
A GENERAL REVIEW OF HISTORIOGRAPHY**

Статья посвящена историографии формирования границ Полоцкого княжества и ВКЛ с Ливонией в XIII–XIV вв. Сделан вывод, что лучше всего исследованы пределы населенных областей и межевых пространств Жемайтии, Земгалии, Куронии, Латгалии, Литвы, Селонии, Полоцкой земли в XIII – начале XV в. В последние годы активизировалось изучение процедур делимитации и демаркации границы ВКЛ с Тевтонским орденом в XV–XVI вв. Однако линейные границы ВКЛ с Ливонией, установленные в правление великого князя Витовта (1426 г.) и короля Казимира (1473–1477 гг.), изучены еще недостаточно.

Ключевые слова: границы; Ливония; Тевтонский орден; Великое Княжество Литовское.

The article analyses the historiography of the formation of the borders of the Principality of Polotsk and the GDL with Livonia in the 13th – 14th centuries. The conclusion is made that the limits of populated areas and border zones of Samogitia, Zemgale, Kuronia, Latgale, Lithuania, Selonia and Polotsk land in the 13th – early 14th centuries were studied most thoroughly. During last years the study of delimitation and demarcation procedures of the border between the GDL and the Teutonic Order in the 15th – 16th centuries became more active. But the linear borders between the GDL and Livonia, fixed during the reign of Grand Duke Vitovt (1426) and King Casimir (1473–1477), have been studied insufficiently.

Key words: borders; Livonia; Teutonic Order; the Grand Duchy of Lithuania.

Вопрос о предпосылках и процессах формирования границы Полоцкого княжества и Великого Княжества Литовского с Ливонией имеет большое значение для изучения истории белорусской государственности. Возникновение отдельных участков этой границы, например полоцко-ливонского, невозможно рассматривать изолированно, не учитывая аналогичные процессы формирования межевых пространств и линейных границ, происходившие в соседних областях, по которым пролегла граница ВКЛ с Ливонией.

Систематическое изучение древних рубежей приграничных областей ВКЛ и Ливонии (Жемайтии, Земгалии, Куронии, Латгалии, исторической Литвы, Селонии, Полоцкой земли) началось в конце XIX – начале XX в.

К тому времени был опубликован крупный массив актовых и нарративных источников по этой проблематике, в том числе большинство томов серийного издания «Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch». Основной темой ранней историографии была локализация населенных пунктов порубежья и определение древнейших рубежей племенных областей XIII–XIV вв. Опираясь на археологические данные, В. Е. Данилевич уже в 1896 г. первым определил древнюю «этнографическую границу полочан» к северу от Западной Двины, проведя ее от района восточнее Придруйска в северо-восточном направлении к оз. Себеж; к северо-западу от этой линии, по его мнению, проживали латгалы или, возможно, смешанное латгальско-полочанское население [1, с. 4]. В фундаментальном исследовании А. Биленштейна «Границы латышского племени и латышского языка в настоящее время и в XIII веке» (1892 г.) [2] особую ценность имеет подробный анализ топонимов и гидронимов ливонского пограничья, упоминаемых в источниках XIII в.

В монографии С. Зайончковского по истории Жемайтии (1927 г.) отдельный раздел посвящен границам Жемайтии в XIII в. [3, с. 5–42]. Несмотря на множество ценных наблюдений, уязвимым для критики местом работы является то, что при реконструкции северных рубежей Жемайтии времен Миндовга автор воспользовался гораздо более поздними данными – положениями Мельнского договора 1422 г. и отрывочными данными о демаркации границы между ВКЛ и Ливонией, осуществленной в 1426 г. [3, с. 20–23, карта].

А. Салис в 1930 г. впервые скрупулезно собрал и систематизировал данные большинства известных источников о географических пунктах Жемайтии XIII–XV вв. [4]. По его мнению, в XIII–XIV вв. населенная область Жемайтии лежала в следующих границах: исток р. Муши и верховья р. Вянты на севере – озера близ Жаренай на северо-западе – р. Митува, правый приток Немана, на юго-западе – Неман на юге и р. Нявежис – на востоке [4, с. 8]. Сохраняют ценность наблюдения А. Салиса относительно границы ВКЛ с Ливонией, проведенной в соответствии с Салинским договором 1398 г. [4, с. 83].

Крупный вклад в изучение населенных областей и межевых пространств Жемайтии, Литвы и сопредельных земель в эпоху средневековья внесли супруги Гертруда и Ханс Мортенсен. В 1927 г. Г. Мортенсен, урожденная Хайнрих, определила пределы межевых пространств со стороны Пруссии и реконструировала западную и южную границы населенных областей Жемайтии и Литвы около 1400 г. на пространстве от жемайтской Медницкой волости до Городна и Волковыска [5]. Х. Мортенсен в монографии 1926 г. «Литва: основные черты региональной географии» особое внимание уделил изучению северных пределов Жемайтии и Литвы до 1400 г., применив новаторские для того времени методы. Он нанес на карту места основания костелов в Великом Княжестве Литовском в период до смерти Витовта (1430 г.),

в 1430–1466, 1466–1506 и последующие годы [6, s. 62–66]. Далее на основе орденских хроник он подготовил еще одну карту – с местностями ВКЛ, которые подвергались набегам Тевтонского ордена в XIII–XIV вв. [6, s. 69]. Исходя из этих и некоторых других данных [6, s. 73–74], Х. Мортенсен пришел к выводу, что около 1400 г. западный предел населенной области Литвы и Жемайтии шел от Городна вниз по Неману через Ковно к устью Дубисы, далее вверх по Дубисе примерно до окрестностей позднейшей д. Буткишке (это непосредственно к югу от Арёгалы). Отсюда условная линия сворачивала в северо-западном направлении, доходя до района Кведарны, делала петлю вокруг Тверай и Мядингенай и затем шла уже на восток к р. Вянте. Северный предел проходил от Мядингенай через Лукники (Луоке), охватывал район Шяуляй, затем резко уходил в южном направлении к Бетигале и оттуда шел на восток до района нынешнего Паневежиса. К востоку от Паневежиса условная линия вновь резко шла в южном направлении до нижнего течения р. Швентойи и далее следовала на северо-восток примерно через Утену до местностей к северу от нынешнего Швенчёниса [7, s. 180].

После выхода в свет монографии А. Салиса Х. Мортенсен вернулся к вопросу о северных пределах Литвы и Жемайтии, обратившись к совершенно новому для этой темы источнику – карте поветов ВКЛ XVI в., опубликованной Я. Якубовским в 1928 г. Как отмечал Я. Якубовский, в центральной части земель Литвы и Жемайтии поветы и волости были невелики по размерам и имели относительно высокую плотность населения. Зато близ границы с Ливонией плотность населения уменьшалась, площадь волостей увеличивалась и часто они приобретали форму длинных поясов, имеющих протяженность от середины края к его границам. Это объяснялось направлением колонизации старых *пуц* в XV–XVI вв. [8, s. 15–16]. Сопоставив карту Я. Якубовского со своей картой населенных областей Литвы и Жемайтии, Х. Мортенсен подтвердил свои прежние выводы относительно конфигурации их северных пределов по состоянию на 1400 г. [9, s. 295–298]. Оговорку он сделал только относительно Шяуляйской волости, отметив, что теперь не уверен, была ли она в территориальном отношении в XIV в. напрямую связана с основной территорией Жемайтии или составляла небольшой обособленный анклав [9, s. 299–301].

Г. Ловмянский во 2-м томе своей монографии «Исследования о началах литовского общества и государства» (1932 г.) посвятил отдельный раздел политической географии балтских племен Пруссии, Ливонии и Литвы [10, s. 1–128]. Вопросы географии и административно-территориального устройства Литвы и Жемайтии в этой работе впервые даны масштабно и комплексно – в увязке и в сопоставлении с соседними балтскими землями. Северные рубежи Литвы и Жемайтии в XIII в. Г. Ловмянский проводил с востока на запад по условной линии: Швенчёнис – Линкменис – Ужпалай – Аникшьяй – Пенёнис – Упите – Шяуляй – Кнетовская волость – Медницкая волость.

Одним из важнейших достижений историографии первой половины XX в. была научная проработка вопроса о так называемых межевых пространствах, или *пуцах* (нем. «Wildnis»; лат. «solitudo», «desertum»), которые выполняли функцию естественных границ между населенными областями в дописьменную и раннюю письменную эпоху. Динамика расширения, сокращения, хозяйственного освоения межевых пространств на окраинах Жемайтии и Литвы в XIII – начале XV в. рассматривалась в работах Гертруды и Ханса Мортенсенов, А. Салиса [5, s. 48–49, карта; 9; 4, s. 74–81; 11]. Установлено, что часть межевых пространств, или *пуцц*, локализуемых на южных, западных и северных рубежах Жемайтии в соответствии с письменными источниками конца XIV – начала XV в., возникла там, где раньше существовали населенные местности (Каршува, Аукайм, Вялюона, Шяуляй и другие), разоренные набегами крестоносцев в XIII–XIV вв. [6, s. 60; 4, s. 76–77].

С 30-х гг. XX в. в историко-географических исследованиях приграничных областей ВКЛ и Ливонии неуклонно возрастала роль археологии. Картографирование городищ и могильников позволяет определить ареалы распространения археологических культур в разные эпохи. Применительно к Литве и Жемайтии крупнейшим справочным пособием является четырехтомный «Археологический атлас Литовской ССР», из которого для нас интерес представляют том 2 по городищам и том 3 по курганам и могильникам I–XIII вв. Также увидел свет ряд работ, посвященных отдельным регионам – Жемайтии, Куронии, Земгалии, Шяуляйской волости, Упитской земле, Селонии, Девольтве и Нальшанам. Вопросы административно-территориального деления средневековой Ливонии, локализации отдельных латгальских округов, входивших в состав княжеств Куkenойс и Герцике в XIII в., проработаны в трудах Г. Лаакмана [12], М. А. фон Таубе [13], А. Швабе [14], Э. Штурмса [15], Э. Д. Шноре [16], Э. С. Мугуревича [17; 18], М. Хеллмана [19].

Проблематика формирования западных и северо-западных рубежей Полоцкой земли изучена неравномерно. Внимание историков было обращено в первую очередь на генезис территории Полоцкой земли в древнерусский период (X – первая четверть XIII вв.). В монографии Л. В. Алексеева «Полоцкая земля» (1966 г.) методом картографирования топонимов типа «Межа/Межно» и «Рубеж» определена примерная конфигурация межевых пространств, отделявших область проживания восточных славян от земель Литвы и Латгалии [20, с. 77–82]. С привлечением результатов археологических раскопок соотношение рубежей кривичей и Литвы проанализировано в работах Г. Ловмянского [21], Е. Охманьского [22], Г. В. Штыхова [23], Л. В. Дучиц [24]. В широком контексте древнерусской истории представлено формирование древних рубежей Полоцкой земли в исследованиях А. Н. Насонова [25, с. 143–158] и Г. Н. Семенчука [26], в которых также рассматривается вопрос о границах зон влияния Полоцка в Нижнем Под-

винье и Латгалии. Однако по последующему периоду, охватывающему почти три столетия (вторая четверть XIII–XV вв.), комплексных исследований полоцко-ливонского порубежья практически нет. Одной из немногих, если не единственной специальной работой на эту тему остается статья К. фон Штерна, посвященная восточным границам Ливонии. Пользуясь ограниченным кругом источников, доступных на тот период (1924–1926 гг.), он пришел к заключению, что с древнейших времен граница Розиттенского и Динабургского дистриктов с Полоцкой землей проходила по рекам Синяя, Сарьянка, Асуница и Индрица [27, s. 234–235].

В последние четыре десятилетия оживился интерес к проблематике формирования линейной границы ВКЛ с Ливонией в XIV–XVI вв. Введен в оборот ряд новых источников: например, акт делимитации 1584 г. [28], 560-я книга Литовской Метрики с описанием восточного отрезка ливонской границы, изданная О. И. Дерновичем [29] (ему же принадлежит общий обзор источников по взаимоотношениям ВКЛ и Ливонии [30]), описания границ времен Витовта, сделанные в 1545 г. [31]. Недавно заново, с географическими комментариями, опубликовано описание границы ВКЛ с Ливонией 1529 г. [32].

Дипломатические, военные и торговые отношения между ВКЛ и Ливонией исследованы в монографии Р. Варакаускаса (1982 г.) [33]. Самой ценной для нас частью этой работы являются разделы, посвященные борьбе ВКЛ с Тевтонским орденом за обладание землями Куронии, Земгалии и Селонии в XIII–XIV вв. [33, p. 202–222]. По мнению автора, в тот период ВКЛ удалось раздвинуть свои границы на севере и северо-западе, заняв южные волости куршей, земгалов и селов. Однако дальнейшему продвижению к Западной Двине помешало сопротивление Тевтонского ордена и то, что великие князья литовские вынуждены были отвлекать силы для экспансии на землях Руси [33, p. 221–222]. Разделы книги о границах и пограничных спорах ВКЛ и Ливонии в XV–XVI вв. устарели, и их выводы требуют пересмотра. Это связано с тем, что Р. Варакаускас неверно интерпретировал важнейшие положения договора ВКЛ с Ливонией 1473 г. о соотношении Войшвилтовой и Шедиборовой границ и не имел в своем распоряжении источников для полноценной реконструкции границ, установленных в XV в. Например, он ошибочно считал, что в 1426 г. граница ВКЛ с Ливонией была проведена только от Балтийского моря до окрестностей Ионишкиса [33, p. 234].

Перу Э. Войтковяка принадлежит монография, посвященная колонизации и заселению Завилейской Литвы в XIV–XV вв., в том числе Браславского повета и замкового округа Дрисвяты [34, s. 51–143]. Установление линейной политической границы между ВКЛ и Ливонией в XV в. он рассматривал как результат столкновения двух колонизационных волн – литовской с юга и ливонской с севера [34, s. 56]. В отдельной его статье о договоре ВКЛ с Ливонией 1473 г. наиболее интересная часть опять же касается

заселения северных волостей Жемайтии и Аукштайтии в средневековье и локализации некоторых местностей. В частности, приводятся данные из 3-й книги записей Литовской Метрики о пожаловании литовским нобиллям имений близ «Немецкой границы» [35, s. 219–228, 249–253].

Важнейшей работой последних лет является краткая статья М. Дорны о договоре 1473 г. [36]. Впервые в историографии автор дал точную и корректную интерпретацию главных положений этого акта (имеющего сложные для восприятия формулировки), определив, что в соответствии с ним новая граница (Радивилова) должна была проходить вдоль посередине пространства между более ранними границами – Войшвилтовой (XIV в.) и Шедиборовой (1426 г.), за исключением участков в районе ливонского замка Бауска и р. Свента [36, s. 91–93, 95, 97].

В монографии Т. Челкиса (2014 г.) [37] подробно исследованы такие вопросы, как возникновение концепции государственных границ ВКЛ в XIV в., процессы делимитации границ ВКЛ с Тевтонским орденом в XV–XVI вв. По мнению автора, первоначально границами служили межевые пространства (*пуци*) между странами, а уже в последние годы правления Витовта в связи с развитием внутренней колонизации ранее незаселенных местностей на месте межевых пространств стали формироваться линейные границы [37, p. 130, 136]. Хотя именно Т. Челкис впервые опубликовал неизвестные описания Шедиборовой границы между ВКЛ и Ливонией [31], в монографии оставлен открытым вопрос о том, где именно проходили линии границ ВКЛ с Ливонией, демаркированных в 1426 и 1473–1477 гг., и как они соотносились между собой. К сожалению, в работе не была учтена статья М. Дорны, что привело к неверной трактовке положений договора 1473 г.

Понятие государственного пространства ВКЛ и его границ в XV–XVI вв. исследовано в монографии Л. Буцевичюте (2015 г.) [38]. На ее взгляд, происхождение линейной границы между ВКЛ и Тевтонским орденом непосредственно связано с колонизацией приграничных районов в XV в. [38, p. 178–182]. Трактую положения договора ВКЛ с Ливонией 1473 г., Л. Буцевичюте предположила, что в соответствии с ним новая граница (Радивилова) была установлена только на участке от Краславы до р. Сидрабе, а от Сидрабе до Балтийского моря она якобы соответствовала границе, проведенной в 1426 г. [38, p. 185]. Эта точка зрения идет вразрез с данными источников, прежде всего описаниями Радивиловой границы из 559-й и 560-й книг Литовской Метрики.

Таким образом, различные аспекты интересующей нас темы – формирования границы Полоцкого княжества и ВКЛ с Ливонией в XIII–XV вв. – имеют разную степень изученности. Превосходно исследован, в том числе в археологическом отношении, такой аспект, как пределы населенных областей Жемайтии, Земгалии, Куронии, Латгалии, Литвы, Селонии, Полоцкой земли в XIII – начале XV в. Обобщение данных историографии и сопостав-

ление их с результатами наших исследований по локализации линий границ позволяет аргументированно предполагать, что на некоторых участках, в частности на полоцко-ливонском, линейные границы ВКЛ с Ливонией в XV в. были проведены на месте древних межевых пространств, существовавших между областями расселения различных племенных общностей. В последние годы вышли важные работы, посвященные процедурам делимитации и демаркации границы ВКЛ с Тевтонским орденом в XV–XVI вв., введены в научный оборот новые ценные источники для реконструкции границ между ВКЛ и Ливонией. Ключ к пониманию процессов формирования и изменения границы ВКЛ с Ливонией в XIV–XV вв. дает работа М. Дорны, посвященная договору 1473 г. Сделанное М. Дорной открытие, касающееся соотношения линий Войшвилтовой (XIV в.), Шедиборово́й (1426 г.) и Радивилово́й (1473–1477 гг.) границ, позволяет также глубже понять споры по поводу нарушения и обновления границ, которые велись представителями ВКЛ и Ливонии в конце XV–XVI вв. Однако линейные границы ВКЛ с Ливонией, установленные в правление великого князя Витовта (1426 г.) и короля Казимира (1473–1477 гг.), в отечественной и зарубежной историографии изучены еще недостаточно полно и тщательно, особенно на полоцко-ливонском и brasлавско-ливонском участках.

Список использованных источников

1. *Данилевич, В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1896. – XXIII, 260 с.
2. *Bielenstein, A.* Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert / A. Bielenstein. – St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1892. – XVI, 548 S.
3. *Zajączkowski, S.* Studya nad dziejami Żmudzi wieku XIII / S. Zajączkowski. – Lwów: Nakładem Towarzystwa naukowego, 1925. – 110 s.
4. *Salys, A.* Die žemaitischen Mundarten. Teil I. Geschichte des žemaitischen Sprachgebiets / A. Salys. – Kaunas: Akc. “Spindulio” B-vės Spaustuvė, 1930. – 147 s.
5. *Mortensen, G.* Beiträge zu den Nationalitäten- und Siedlungsverhältnissen von Pr. Litauen / G. Mortensen. – Berlin: Memelland-Verlag, 1927. – 87 s.
6. *Mortensen, H.* Litauen: Grundzüge einer Landeskunde / H. Mortensen. – Hamburg: L. Friederichsen & Co., 1926. – XIV, 321 S.
7. *Mortensen, H.* Die litauische Wanderung / H. Mortensen // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. – 1927. – S. 177–195.
8. *Jakubowski, J.* Mapa Wielkiego księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku. I. Część północna; skala 1:1600000. Objaśnienie do mapy / J. Jakubowski. – Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności, 1928. – 21 s., 4 mapy.
9. *Mortensen, H.* Neues zur Frage der mittelalterlichen Nordgrenze der Litauer / H. Mortensen // Zeitschrift für Slavische Philologie. – 1933. – Vol. 10. – № 3/4. – S. 273–305.
10. *Łowmiański, H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego / H. Łowmiański. – T. 2. – Wilno: Nakładem Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, 1932. – 448 s.
11. *Mortensen, H.* Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußen bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts. – Th. II. Die Wildnis im östlichen Preußen, ihr Zustand um 1400 und ihre

frühere Besiedlung / H. Mortensen, G. Mortensen. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1938. – VIII, 254 S.

12. *Laakman, H.* Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit / H. Laakman // Beiträge zur Kunde Estlands. – Reval: Franz Kluge, 1932/34. – Bd. XVIII. Heft 1–5. – S. 57–102.

13. *Taube, M.* Russische und Litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der Deutschen Eroberung Livlands (XII. und XIII. Jh.) / M. Taube // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N. F. – 1935. – Bd. XI. Heft III/IV. – S. 367–502.

14. *Švabe, A.* Jersikas karaļvasts / A. Švabe // Senatne un Māksla. – 1936. – Nr. 1. – P. 5–31.

15. *Šturms, E.* Die Lage von Gercike und einigen anderen frühgeschichtlichen Burgen Lettlands / E. Šturms // Contributions of Baltic University. – Pinneberg, 1947. – Nr. 48. – P. 1–14.

16. *Шноре, Э. Д.* Асотское городище / Э. Д. Шноре. – Рига: Изд-во АН ЛатССР, 1961. – 234 с.

17. *Мугуревич, Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв / Э. С. Мугуревич. – Рига: Зинатне, 1965. – 145 с., 32 л. ил.

18. *Mugurēvičs, E.* Novadu veidošanās un to robežas Latvijas teritorijā (12. gs. – 16. gs. vidus) / E. Mugurēvičs // Latvijas zemju robežas 1000 gados / Sast. A. Caune. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999. – P. 54–90.

19. *Hellmann, M.* Das Lettenland im Mittelalter: Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens / M. Hellmann. – Münster: Böhlau-Verlag, 1954. – XXII, 264 s.

20. *Алексеев, Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

21. *Łowmiański, H.* Geneza ziemi połockiej / H. Łowmiański // Z polskich studiów slawistycznych. – Seria Historia, III. – Warszawa, 1966. – S. 7–24.

22. *Ochmański, J.* Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennej do XVI w. / J. Ochmański. – Poznań: UAM, 1981. – 84 s.

23. *Штыхаў, Г. В.* Крыўічы. Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

24. *Дучыц, Л. У.* Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст.: гісторыка-археалагічны нарыс / Л. У. Дучыц. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 118 с.

25. *Насонов, А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование / А. Н. Насонов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 252 с.

26. *Семянчук, Г.* Полацкае княства ў XI ст.: фармаванне дзяржаўнай тэрыторыі / Г. Семянчук // Гадавік Цэнтра Беларускіх Студыяў. – Варшава, 2017. – № 2. – С. 30–62.

27. *Stern, C., von.* Livlands Ostgrenze im Mittelalter vom Peipus bis zur Düna / C. von Stern // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. – Riga, 1924–1926. – Bd. 23. – S. 195–240.

28. *Wojtkowiak, Z.* Delimitacja litewsko-kurlandzka z 1584 roku / Z. Wojtkowiak // Lituanoslavica Posnaniensia. – 1989. – T. 3. – S. 267–276.

29. *Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / Падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск: Беларуская навука, 2007. – 157 с.*

30. *Дзярновіч, А. І.* «...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI стст.: сістэматызацыя і актывы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Т. 1. – Мінск: ATHENAEUM, 2003. – 374 с., 12 іл., 2 карты.

31. *Čelkis, T.* 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.

32. *Рычков, А.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Livonijos 1529 m. sienos aprašas / A. Ryčkov, E. Vasiliauskas // Istorija. – 2022. – T. 127, Nr. 3. – P. 104–131.

33. *Varakauskas, R.* Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 392 p.

34. *Wojtkowiak, Z.* Lithuania Transwilniensis saec. XIV–XVI. Podziały Litwy północnej w późnym średniowieczu / Z. Wojtkowiak. – Poznań: Wyd-wo Poznańskie, 2005. – 192 p.

35. *Wojtkowiak, Z.* Północna granica Litwy w średniowieczu. “Limites inter Litvaniam et Livonia” z 1473 / Z. Wojtkowiak // Poznań – Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego / pod red. Z. Wojtkowiaka. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – S. 213–270.

36. *Dorna, M.* Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Litua-no-Slavica Posnaniensia. – 2013. – T. 14. – S. 87–102.

37. *Čelkis, T.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija / T. Čelkis. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.

38. *Bucevičiūtė, L.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas, Vilnius: Versus aureus, 2015. – 400 p.

(Дата подачі: 23.02.2023 г.)

Д. У. Лішай

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск

D. Lishai

Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk

УДК 027.2(=162.1)(476.1-89)(091)«19»

БІБЛІЯТЭКІ Польшкіх ЛЕГАЛЬНЫХ ГРАМАДСКІХ АБ'ЯДНАННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ПАЧАТКУ ХХ СТ.

LIBRARIES OF POLISH LEGAL PUBLIC ASSOCIATIONS ON THE TERRITORY OF MINSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

У артыкуле разглядаецца функцыянаванне бібліятэк польскіх легальных грамадскіх аб'яднанняў на тэрыторыі Мінскай губерні ў пачатку ХХ ст. Асвятляецца арганізацыя, структура, рэгламент працы ўстаноў, асаблівасці папаўнення і захавання кніжных калекцый, даныя пра якія змешчаны ў матэрыялах з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Характарызуецца палітыка расійскіх улад у дачыненні да дзейнасці бібліятэк польскіх легальных таварыстваў.

Ключавыя словы: Мінская губерня; бібліятэка таварыства; секцыя бібліятэк; кніжны фонд; каталог кніг; перыядычныя выданні; Статут аб цензурі і друку; «Агніска»; «Асвятла»; «Сокол».

The article deals with the functioning of the libraries of the Polish legal public associations on the territory of Minsk province at the beginning of the 20th century. It highlights the organization, structure, work regulations of the institutions, peculiarities of replenishment and preservation of book collections, the data on which are contained in the materials from the funds

of the National Historical Archive of Belarus. Policy of the Russian authorities on regulation of the activity of Polish legal societies' libraries is also described.

Key words: Minsk province; society library; library section; book funds; book catalog; periodicals; The Charter on Censorship and Press; «Ognisko»; «Oświata»; «Sokół».

Прыватная ініцыятыва польскай нацыянальнай супольнасці Мінскай губерні ў пачатку ХХ ст. асабліва заўважна выявілася ў культурна-асветніцкай галіне. Яна была звязана з Указам «Аб часовых правілах аб таварыствах і саюзях» ад 4 сакавіка 1906 г. [1, с. 201–207], які надаў імпульс далейшаму развіццю грамадскіх аб'яднанняў. Выкарыстоўваючы разнастайныя формы працы, арганізацыі імкнуліся захоўваць і пашыраць польскую культуру ў рэгіёне на легальных умовах. Для дасягнення пастаўленай мэты імі адкрываліся бібліятэкі.

Нягледзячы на наяўнасць дастатковай колькасці крыніц па заяўленай тэме, яна не стала асобным аб'ектам даследавання, а разглядалася толькі часткова. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі пытанне закраналася ў манаграфіі А. Смалянчука [2], асобных публікацыях В. Матусевіч [3], І. Забайскай [4], А. Сяркова [5], В. Быля [6]. Польскімі даследчыкамі вывучэнне праблемы пачалося ў міжваенны перыяд [7–8]. На сучасным этапе разгляд заяўленай тэмы ажыццяўляўся ў раздзелах манаграфій Т. Зянкевіча [9], А. Раманоўскага [10], Д. Тарасюка [11], П. Дамброўскага [12], артыкуле З. Вінніцкага [13]. Аўтары абмежаваліся сціслым асвятленнем функцыянавання бібліятэк польскіх легальных грамадскіх аб'яднанняў на тэрыторыі Мінскай губерні. Відавочна, што гэты сюжэт патрабуе больш дэтальнага даследавання. Як паказаў аналіз крыніц (заяў, статута, пратаколаў сходаў, кніжных каталогаў арганізацый, рапартаў і пратаколаў рэвізій губернскай адміністрацыі) з фондаў 22 «Мінская губернская па земскіх і гарадскіх справах прысутнасць» [14], 300 «Мінскае гарадское паліцэйскае ўпраўленне» [15], 306 «Мінская губернская па справах аб таварыствах і саюзях прысутнасць» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) [16–17], заяўленая тэма з'яўляецца актуальнай. Комплекснае даследаванне гэтай навуковай праблемы дазволіць істотна пашырыць веды пра кніжную культуру Беларусі і спецыфіку мясцовай прыватнай ініцыятывы.

На тэрыторыі Мінскай губерні ў пачатку ХХ ст. сярод польскіх легальных грамадскіх аб'яднанняў, якія мелі ў сваёй структуры бібліятэкі, былі Польскі клуб «Агніска» ў Мінску, Мінскае польскае таварыства «Асвята», Польскае спартыўна-гімнастычнае таварыства «Сокал» у Мінску, Нясвіжскі польскі грамадскі сход «Агніска», Нясвіжскае польскае таварыства «Асвята». Дзейнасць бібліятэк ажыццяўлялася на аснове заканадаўчых актаў [1; 18], статутаў арганізацый [14, арк. 8; 16, арк. 32–32 адв. 90; 17, арк. 3, 102; 19, с. 2].

Польскі клуб «Агніска» ў Мінску, які быў заснаваны ў 1906 г., меў у сваёй структуры секцыю бібліятэк і чытальняў пад кіраўніцтвам Я. Малькевіча. Пад яе патранажам была створана бібліятэка і чытальная зала. Ас-

новай кніжнага фонду стала калекцыя доктара Л. Чарніхоўскага з Оршы, якая налічвала 6000 тамоў. Па даных даследчыка З. Вінніцкага, усяго ў бібліятэцы мелася каля 8000 асобнікаў. Установа спыніла сваё існаванне з пачаткам Першай сусветнай вайны [8, s. 110–112; 11, s. 48; 9, s. 94; 13, s. 14; 2, c. 257].

У сакавіку 1906 г. афіцыйныя ўлады зацвердзілі статут Нясвіжскага польскага грамадскага сходу «Агніска», у структуры якога мелася секцыя адукацыі. У функцыі апошняй уваходзіла арганізацыя бібліятэкі і чытальні, выписка польскамоўных і рускамоўных выданняў, правядзенне публічных лекцый [16, арк. 31–32 адв.]. 14 студзеня 1907 г. адбыўся першы гадавы сход «Агніска», на якім быў вызначаны склад старшынь таварыства. Сярод яго членаў значыўся бібліятэкар Б. Грабоўскі [16, арк. 28–28 адв.]. 26 мая 1907 г. на пасяджэнні членаў таварыства Б. Грабоўскі прапанаваў надрукаваць каталог бібліятэкі «Агніска» з мэтай папулярызацыі кніжнай калекцыі. Планаемы тыраж павінен быў скласці 500 экзэмпляраў [16, арк. 51 адв.].

Ужо 3 кастрычніка 1907 г. на пасяджэнні Савета «Агніска» са справаздачай выступіў бібліятэкар Б. Грабоўскі. Ён адзначыў, што кніжны фонд налічваў 2600 сачыненняў, а 3700 тамоў каштавалі 3811 руб. [16, арк. 53 адв.]. Па даных рэвізіі бібліятэкі, праведзенай 6 сакавіка 1910 г. слухчым павятовым спраўнікам Э.-Г. Штрыкерам, кніжны фонд Нясвіжскага польскага грамадскага сходу «Агніска» дасягаў 3000 кніг і перыядычных выданняў [16, арк. 43].

У бібліятэцы Нясвіжскага польскага грамадскага сходу «Агніска» мелася літаратура розных жанраў: мастацкія творы, энцыклапедыі, штогоднікі, бібліяграфіі, спецыялізаваныя выданні па гісторыі, этнаграфіі, літаратуразнаўстве, філалогіі, эстэтыцы, педагогіцы, праве, тэалогіі, матэматыцы, эканоміцы, сельскай гаспадарцы, тэхніцы, прыродазнаўстве, геаграфіі. Выпісваліся перыядычныя выданні, сярод якіх былі «Kraj» (нумары за 1888–1889 гг., 1896–1899 гг., 1902 г., 1907 г.), «Przegląd Tygodniowy» (адзін нумар за 1892 г.), «Przegląd Polski» (чатыры нумары за 1907 г.), «Świat kobiecy» (адзін нумар за 1905 г.), «Wszechświat» (адзін нумар за 1907 г.), «Świat» (адзін нумар за 1907 г.), «Zorza Wileńska» (нумары за 1906–1907 гг.) [16, арк. 132 адв. – 133 адв.]. Акрамя таго, набываліся перыядычныя выданні на рускай мове: «Речь», «Русское слово», «Биржевые ведомости» [16, арк. 43].

Паводле каталога бібліятэкі за 1908 г., Нясвіжскі польскі грамадскі сход «Агніска» валодаў багатай калекцыяй гістарычнай літаратуры. Шэраг твораў былі прысвечаны гісторыі Польшчы. Сярод іх: «Starożytna Polska, pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym» М. Балінскага, «Dzieje Polski w zarysie» М. Бабжыньскага, «Historia książąt i królów polskich» Т. Вага, «Powstanie narodu polskiego» М. Махнацкага, «Rys historii polskiej» Ю. Міклашэўскага, «Historia narodu polskiego» А. Нарушэвіча, «Dzieje Jana III. Sobieskiego, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego»

Л. Рагальскага, «Pamiętnik wojny Chocimskié» Я. Сабескага, «Szkoly historyczne w Polsce» У. Смаленьскага, «Dzieje Polski» Ю. Шуйскага [16, арк. 155–160].

Бібліятэкі культурна-асветных аб'яднанняў мелі ўласныя статуты, якія рэгламентавалі парадак працы ўстаноў. Дакладна прапісваліся правы і абвязкі чытачоў, тэрміны вяртанне літаратуры, штрафы за парушэнні вызначаных правілаў. Адным з узораў такога дакумента з'яўляецца статут бібліятэкі Нясвіжскага польскага грамадскага сходу «Агніска», які захоўваецца ў НГАБ:

USTAWA

Książnicy Ogniska Nieświeskiego

§ 1. Członkowie «Ogniska» korzystają z Książnicy bezpłatnie; goście po złożeniu zastawu w ilości 1 rubla od każdego tomu i opłaty w sumie 2 złotych co miesiąc, albo 3 rubli rocznie.

§ 2. Ofiarujący do Książnicy nowe książkę wartości 3 rubli korzystają z takiej bezpłatnie, w przeciągu roku.

§ 3. Czytelnicy miejscowi mogą brać jednorazowo 2 dzieła, zamieścowi – 4 dzieła i obowiązani są zwrócić książkę: pierwsi w terminie 2 tygodniowym, drudzy – miesięcznym.

§ 4. Niezwracający książek w terminie powyższym opłacają karę w ilości 1 grosza dziennie od dzieła do dnia zwrotu.

§ 5. Winni zniszczenia lub stracenia książki obowiązani są odkupić taką albo opłacić jej wartość podług ceny katalogowej, albo za zgodą bibliotekarza zamienić innymi książkami.

§ 6. Książnica posiada wiele dubletów dla zamiany na inne książki.

§ 7. Książnica przyjmuje z wdzięcznością dary z książek, broszur, roczników, pism, nut, rękopisów, rycin i t. p.

§ 8. W Książnicy można nabywać katalogi takowej po 75 kop. za egzemplarz; co roku będą drukowane dodatki do katalogu.

§ 9. Opłaty pobierane ze sprzedaży katalogów, od czytelników i z kar używane będą w celu nabywania nowych książek [16, арк. 176.]

Нясвіжскі польскі грамадскі сход «Агніска» надаваў вялікую ўвагу захаванню кніжнага фонду. Так, 21 снежня 1907 г. члены таварыства, абмяркоўваючы правядзенне аднаго з баляў, звярнулі ўвагу на тое, што ў памяшканні бібліятэкі планавалася арганізаваць буфет. Апошнія магло пагражаць цэласнасці кніг. Таму было прынята рашэнне ў якасці засцерагальных мер выкарыстаць рухомыя дротавыя сеткі [16, арк. 56 адв.]. 18 чэрвеня 1909 г. на пасяджэнні членаў аб'яднання было прынята рашэнне спыніць выкарыстанне небяспечных газалінавых лямп на карысць лямп класа «Маланка». Гэта тлумачылася неабходнасцю прадухілення магчымых пашкоджанняў памяшкання бібліятэкі [16, арк. 70 адв.].

Бібліятэка Нясвіжскага польскага грамадскага сходу «Агніска» была зачынена ў 1910 г. пасля ліквідацыі арганізацыі ў сувязі з парушэннямі за-

канадаўства. Большасць кніг, што прыносіліся ў дар, была вернута княгіні М. Радзівіл, 114 тамоў літаратуры на рускай мове перадаваліся ў Нясвіжскае гарадское чатырохкласнае вучылішча [16, арк. 93–94].

Нясвіжскае польскае таварыства «Асвятa», зацверджанае афіцыйнымі ўладамі ў снежні 1906 г., таксама звяртала ўвагу на развіццё бібліятэкі [8, s. 60; 7, s. 365; 14, арк. 8, 13–13 адв.]. Праўленне арганізацыі штогод выбірае са свайго складу асобу на пасаду бібліятэкара [14, арк. 10 адв.]. Праектам сметы аб'яднання на 1907–1908 гг. планавалася накіраваць на справы бібліятэкі 210 руб. [14, арк. 55 адв. – 56]. Акрамя таго, увагу бібліятэкам надавалі асобныя аддзелы Нясвіжскага польскага таварыства «Асвятa». 12 жніўня 1907 г. на пасяджэнні членаў Капыльскага аддзела арганізацыі абмяркоўвалася пытанне аб памерах асігнавання на стварэнне бібліятэкі для ўнутранага карыстання [14, арк. 68, 74–74 адв.]. Згодна з прыходна-расходнай кнігай Капыльскага аддзела таварыства, на набыццё літаратуры для бібліятэкі ў 1907 г. выдаткоўвалася 25 руб., у 1908 г. – 30 руб. [14, арк. 41 адв. – 42, 72, 77–79]. Клецкі адзел таварыства таксама выдаткоўваў сродкі на набыццё кніг і перыядычных выданняў на польскай і рускай мовах, аднак асобнай бібліятэкі не меў. Таму імкненне Клецкага аддзела накіраваць 150 руб. на закупку літаратуры ў 1910 г. разглядаліся губернскай адміністрацыяй як фінансаванне тайных польскіх школ [14, арк. 56–57 адв., 59–60, 76–76 адв.].

Расійскія ўлады лічылі, што Нясвіжскае польскае таварыства «Асвятa» парушыла парадак хадайніцтва аб дазvole на права адкрыцця бібліятэкі, якое прадугледжвалася заўвагай да артыкула № 175 Статута аб цензуры і друку. Члены грамадскага аб'яднання арыентаваліся толькі на § 3 і § 21 зацверджанага статута арганізацыі, у якіх адзначалася магчымасць адкрыцця бібліятэк і чытальняў [14, арк. 81–83]. 17 снежня 1909 г. адбылося пасяджэнне Мінскай губернскай па справах аб таварыствах прысутнасці, дзе было прынята рашэнне аб ліквідацыі Нясвіжскага польскага таварыства «Асвятa» ў сувязі з дапушчэннем шэрагу парушэнняў дзеючага заканадаўства. Пасля скасавання грамадскага аб'яднання фонд бібліятэкі, што складаў на той час 286 тамоў, быў размеркаваны паміж членамі арганізацыі [14, арк. 93–95 адв., 100].

22 снежня 1907 г. расійскія ўлады далі дазвол на адкрыццё бібліятэкі Мінскага польскага таварыства «Асвятa». Установа пачала функцыянаваць 4 кастрычніка 1908 г. пад патранажам бібліятэчнай секцыі (загадчык Ч. Грабавецкі). Бібліятэка Мінскага польскага таварыства «Асвятa» размяшчалася ў памяшканні плябані Касцёла Святога Сымона і Святой Алены ў Мінску. Кніжны фонд складаў каля 700 тамоў. Асноўнай крыніцай папаўнення з'яўляліся дары, напрыклад, ад Ю. Тышкевіча і В. Макоўскага [9, s. 94; 8, s. 54; 7, s. 363–364; 11, s. 48; 19, s. 2; 20, s. 8–9]. Па ўспамінах М. Пароўскага, бібліятэка карысталася запатрабаванасцю. Аднак са скасаваннем Мінскага польскага таварыства «Асвятa» восенню 1909 г., якое было выклікана рэза-

нанскай справай тайных польскіх школ, магчымасць легальнай дзейнасці для бібліятэкі была страчана [20, s. 8–11].

У 1907 г. пачало актыўную дзейнасць Польскае спартыўна-гімнастычнае таварыства «Сокал» у Мінску. 8 ліпеня 1907 г. на Агульным сходзе арганізацыі ў склад Праўлення ў якасці бібліятэкара быў выбраны М. Маеўскі, а яго намеснікам – С. Корзан [17, арк. 42–42 адв., 52]. 24 лютага 1908 г. на Агульным сходзе бібліятэкарам быў выбраны К. Прошыньскі (Прушынскі), а яго намеснікам застаўся С. Корзан [17, арк. 67]. 25 сакавіка 1913 г. бібліятэкарам быў выбраны Ч. Грабавецкі, а яго намеснікам – К. Чарноцкі [15, арк. 55 адв.]. Вядома, што актыўным арганізатарам публічных чытанняў у бібліятэцы з’яўлялася член таварыства Г. Баброўская [8, s. 108; 9, s. 94]. З унутраных дакументаў грамадскага аб’яднання «Сокал» вынікае, што пры Настаўніцкім гуртку і Драматычнай секцыі таварыства таксама прадугледжвалася ісаванне асобых бібліятэк [15, арк. 67 адв., 69; 8, s. 108]. Праца бібліятэкі Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокал» ў Мінску рэгламентавалася пэўнымі правіламі. Чытачы мелі права карыстацца мастацкай літаратурай на працягу двух тыдняў, а навуковай літаратурай – да аднаго месяца. Выдача кніг ажыццяўлялася ў аўторак, чацвер, нядзелю. Існавалі штрафы за несвоечасовае вяртанне літаратуры. Чытачам не дазвалялася перадаваць кнігі трэцім асобам [15, арк. 63].

Па даных даследчыка Т. Зянкевіча, у 1908 г. кніжны фонд Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокал» у Мінску дасягаў 1000 тамоў [9, s. 94]. Паводле пратакола памочніка мінскага паліцмаистра П. Л. Цялякоўскага ад 21 снежня 1910 г., які праводзіў рэвізію бібліятэкі грамадскага аб’яднання ў доме Прушынскіх (вул. Магазінная), у фактычнай наяўнасці мелася 572 кнігі. Каталог мастацкай літаратуры налічваў 579 тамоў, каталог навукова-грамадскай літаратуры – 214 тамоў, каталог друкаваных выданняў – 376 тамоў. Акрамя таго, захоўвалася шэраг перыядычных выданняў (часопісы «Pobudka», «Tygodnik ilustrowany», «Mucha», газеты «Goniec», «Kurier Wileński», «Dziennik Kijowski», «Gazeta Warszawska» [17, арк. 127–127 адв.]. Таксама вядома, што таварыства мела экзэмпляры перыядычных выданняў «Kurier Litewski», «Gazeta Dwa Grosza», «Zycie Spółdzielcze», «Litwa i Rus», «Ruch» [15, арк. 63 адв.].

За перыяд ісавання бібліятэкі грамадскага аб’яднання «Сокал» расійскія ўлады выявілі ў яе фондах некалькі забароненых выданняў: «Slabe serca» З. Барткевіча і «Gloria victis» Э. Ажэшкі. Судовы арышт быў накладзены на польскія часопісы «Komar» (№ 1–4, 1912), «Mucha» (№ 38, 1912). Акрамя таго, без уліку захоўвалася 76 выданняў на польскай мове, 2 – на рускай і 3 – на французскай [15, арк. 55 адв., 63]. Ажыццявіўшы 28 красавіка 1913 г. рэвізію справаводства Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокал», памочнік мінскага паліцмаистра У. Лапцеў зрабіў наступную выснову: «...хранение конфискованных изданий является, очевидно»

но, фактом прядумшленным, в целях широкого распространения запрещенных изданий среди польского населения» [15, арк. 55 адв., 57].

17 сакавіка 1911 г. на пасяджэнні Мінскай губернскай па справах аб таварыствах прысутнасці разглядалася пытанне аб дапушчэнні грамадскім аб'яднаннем «Сокал» шэрагу парушэнняў заканадаўства ў галіне дзейнасці прыватных арганізацый, а таксама Статута аб цензуры і друку. Члены Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокал» у Мінску абгрунтавалі легальнасць функцыянавання бібліятэкі паводле § 5 статута, зацверджанага 1 ліпеня 1907 г. Акрамя таго, грамадскае аб'яднанне атрымала дазвол ад Віленскага цензурнага камітэта на друк каталога кніг бібліятэкі. У выніку Мінская губернская па справах аб таварыствах прысутнасць паставіла прызнаць, што бібліятэка таварыства дзейнічала легальна [17, арк. 129–129 адв., 154–155 адв.].

Захавалася апісанне памяшкання бібліятэкі грамадскага аб'яднання «Сокал». У ім змяшчаліся абраз Віленскай Вастрабрамскай Маці Божай, карціны «Бітва пад Грунвальдам» і «Вернігор» мастака Я. Матэйкі, карціна мастака Я. Стыка, аб'явы аб паслугах па вырабе жаночых касцомаў у майстэрні «Labor» [15, арк. 63 адв.]. Дзейнасць бібліятэкі Польскага спартыўна-гімнастычнага таварыства «Сокал» у Мінску была спынена ў 1914 г. у сувязі з пачаткам Першай сусветнай вайны [9, s. 95].

Такім чынам, бібліятэкі легальных грамадскіх аб'яднанняў на тэрыторыі Мінскай губерні ў пачатку XX ст. сталі неад'емнай часткай культурнага жыцця мясцовай польскай нацыянальнай супольнасці. Гэтаму значна паспрыяла лібералізацыя палітыкі расійскіх улад у сферы дзейнасці прыватных арганізацый. Фонды бібліятэк захоўвалі багатую калекцыю рэдкіх кніг і перыядычных выданняў розных жанраў на польскай, рускай, англійскай, нямецкай, французскай мовах. Праца бібліятэк рэгламентавалася як заканадаўчымі актамі, так і статутамі арганізацый. Легальныя грамадскія аб'яднанні надавалі значную ўвагу папаўненню фондаў, стану захаванасці памяшканняў устаноў. На гэтыя патрэбы выдзяляліся пэўныя грашовыя сродкі. Адміністрацыя Мінскай губерні ажыццяўляла кантроль за бібліятэкамі польскіх легальных таварыстваў. У выніку рэвізій справаводства аб'яднанняў выяўляліся парушэнні заканадаўства, што прыводзіла да скасавання некаторых арганізацый разам з бібліятэкамі. Адмоўным чынам на дзейнасць асобных бібліятэк паўплывала Першая сусветная вайна.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. О временных правилах об Обществах и Союзах: Именной Высочайший Указ, данный Сенату, 4 марта 1906 г., № 27479 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. – СПб., 1909. – Т. 26. – С. 201–207.

2. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.

3. *Матусевич, О.* Польское общество «Освята» в Минске / О. Матусевич // Знакамітыя мінчане: Матэрыялы VI Беларуска-польскай навук. канф., Мінск, 9 лістап.

2005 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. А. Вялікі [і інш.]; навук. рэд. А. Вялікі і З. Вінніцкі. – Мінск, 2005. – С. 133–136.

4. *Забаўская, І. І.* Асветніцкая дзейнасць польскай грамадскасці ў заходніх губернях у другой палове XIX ст. – 20 гг. XX ст. / І. І. Забаўская // Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст.: Да 150-годдзя скасавання прыгоннага права ў Расійскай імперыі: матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 4 сак. 2011 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал. А. І. Андарала, В. В. Бушчык, М. М. Забаўскі [і др.] – Мінск: БДПУ, 2011. – С. 322–324 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://elib.bspu.by/handle/doc/3857>. – Дата доступу: 23.02.2023.

5. *Сяркоў, А. В.* Палітыка мясцовай адміністрацыі ў дачыненні да польскіх культурна-асветніцкіх таварыстваў у Беларусі ў 1905–1914 гг. / А. В. Сяркоў // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2014. – Вып. 9. – С. 115–128.

6. *Быль, В. А.* «Mała Warszawka»: польскі нацыянальны рух у Нясвіжы / В. А. Быль // Acta Anniversaria: зб. навук. пр. Нац. гіст.-культ. музея-запаведніка «Нясвіж» / Нац. гіст.-культ. музей-запаведнік «Нясвіж»; рэдкал.: Ю. М. Бохан (гал. рэд.) [і інш.]. – Нясвіж: Нац. гіст.-культ. музей-запаведнік «Нясвіж», 2015. – Т. 1. – С. 45–52.

7. *Myślicki, I.* Zarys historii walk o oświatę polską w Wileńszczyźnie i Mińszczyźnie / I. Myślicki // Nasza walka o szkołę polską 1901–1917 / opracowania, wspomnienia, dokumenty zebrała komisja historyczna pod przewodnictwem Bogdana Nawroczyńskiego. – Warszawa: Nakładem Komitetu Obchodu 25-lecia Walki o Szkołę Polską, Warszawa: s. n., 1934, – Т. 2. – S. 327–370.

8. *Życka, L.* Działalność popowstaniowa polaków na ziemi Mińskiej / L. Życka, M. Łęska. – Warszawa: Wydano nakł. Koła Przyjaciół Uchodźców z Mińszczyzny, 1939. – 312 s.

9. *Zienkiewicz, T.* Polskie życie literackie w Mińsku w XIX i na początku XX w. (do roku 1921) / T. Zienkiewicz. – Olsztyn: Wyższa szkoła pedagogiczna, 1997. – 235 s.

10. *Romanowski, A.* Młoda Polska wileńska / A. Romanowski. – Kraków: Universitas, 1999. – 456 s.

11. *Tarasiuk, D.* Między nadzieją a niepokojem. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków na wschodniej Białorusi w latach 1905–1918 / D. Tarasiuk. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – 211 s.

12. *Dąbrowski, P.* Narodowa demokracja byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego: studium z zakresu myśli politycznej i działalności obozu narodowego na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1897–1918 / P. Dąbrowski. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. – 388 s.

13. *Winnicki, Z. J.* Społeczeństwo Mińska i Mińszczyzny. Skutki społeczno-polityczne wydarzeń rewolucji 1905 roku / Z. J. Winnicki // Знакамітыя мінчане XIX–XX стст. Мінск і Міншчына ў падзеях рэвалюцыі 1905–1907 гг.: матэрыялы [IX] Беларуска-польскай навук. канф., Мінск, 10 верас. 2015 г. / рэдкал.: А. Вялікі, З. Вінніцкі (навук. рэд.) [і інш.]. – Мінск: В. Хурсік, 2016. – С. 5–25.

14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 22. Воп. 1. Спр. 942.

15. НГАБ. – Ф. 300. Воп. 1. Спр. 46.

16. НГАБ. – Ф. 306. Воп. 1. Спр. 1.

17. НГАБ. – Ф. 306. Воп. 1. Спр. 19.

18. Устав о цензуре и печати (Свод зак., т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / Сост. И. Н. Лодыженский и И. В. Ратьков-Рожнов. – СПб.: Гос. тип., 1905. – 68 с.

19. Statut Polskiego towarzystwa «Oswiata» w Minsku / Polskie towarzystwo «Oswiata» w Minsku. – Wilno: Druk E. Nowickiego, 1907. – 8 s.

20. *Porowski, M.* Praca społeczna kobiety-Polki w Mińszczyźnie na polu oświaty ludowej w okresie 1900–1916 roku / M. Porowski. – Nieśwież: Druk «Wspólnej Sprawy», 1917. – 16 s.

(Дата падачы: 23.02.2023 г.)

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет, Минск

A. M. Lukashevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476+470):355.232.6«1805/1815»

МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО КРАЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА (1805–1815 ГГ.)

MOBILIZATION AND TRAINING OF MEDICAL PERSONNEL OF THE BELARUSIAN- LITHUANIAN REGION FOR THE RUSSIAN MILITARY DEPARTMENT (1805–1815)

В статье рассматривается проблема мобилизации медицинских кадров Белорусско-Литовского края для российского военного ведомства. Отмечается, что во время войн 1805 и 1806–1807 гг. с Францией она коснулась только губернских и уездных врачей. При этом нехватка кадров обусловила реорганизацию Медико-хирургической академии в С.-Петербурге. Положение 1808 г. предоставило льготы для уроженцев белорусско-литовских губерний (казенное содержание, оплата проезда к месту учебы), имевших начальную подготовку в латыни. Сделан вывод, что властям не удалось добиться массовой мобилизации уроженцев края для подготовки их в качестве военных врачей. Поэтому на службу привлекались выпускники Виленского университета.

Ключевые слова: Белорусско-Литовский край; доктор медицины; лекарь; Медико-хирургическая академия; Виленский университет; мобилизация.

The article deals with the problem of mobilization of medical personnel of the Belarusian-Lithuanian region for the Russian military department. It is noted that during the wars of 1805 and 1806–1807 with France, it affected only provincial and district doctors. At the same time, the shortage of personnel led to the reorganization of the Medico-Surgical Academy in St. Petersburg. The regulation of 1808 provided benefits for natives of the Belarusian-Lithuanian provinces (state maintenance, payment for travel to the place of study), who had initial training in Latin. It is concluded that the authorities failed to achieve mass mobilization of natives of the region to train them as military doctors. Therefore, graduates of Vilna University were involved in the service.

Key words: Belarusian-Lithuanian region; doctor of medicine; doctor; Medical and Surgical Academy; Vilna University; mobilization.

После включения белорусских земель в состав Российской империи перед правительством встала трудно решаемая проблема мелкопоместной шляхты. Наряду с ее «разбором» российские власти старались привлечь эту категорию населения на службу в Военное ведомство.

Различные аспекты подготовки уроженцев Белорусско-Литовского края в военно-учебных заведениях в конце XVIII в. – начале XIX в. (Шкловское благородное училище / кадетский корпус, Виленское военное шляхетное училище) уже рассматривались в историографии [1; 2]. Однако проблема

мобилизации населения Беларуси с целью подготовки военных врачей, является практически неисследованной [3]. И хотя вопросы становления и развития военной медицины в России в начале XIX в. нашли отражение в публикациях дореволюционных (Н. П. Ивановский, С. И. Езерский) [4; 5], советских (Е. Н. Павловский, С. М. Багдасарьян, В. М. Корнеев, Л. В. Михайлова) [6–8] и современных российских (Л. Ю. Шевченко, И. В. Карпенко, В. С. Карташов) [9–11] исследователей, региональный (белорусский) аспект в них не был изучен. Это и обусловило актуальность темы исследования.

С 1797 г. управление всеми медицинскими работниками на местах в Российской империи осуществляли губернские врачебные управы. Им подчинялись уездные врачи и служащие при войсках, а также «госпитали, полковые лазареты, казенные и партикулярные аптеки». Требования врачебных управ и инспекторов были обязательны для исполнения.

В начале XIX в. подготовку врачей в России осуществляли медицинские факультеты университетов в Москве, Дерпте, Казани, Харькове и Вильно, а также Медико-хирургическая академия в С.-Петербурге. Однако военных врачей готовила только столичная академия.

В 1802–1803 гг. в России было 1625 врачей при наличии 1893 штатных вакансий (85,8 %). Около половины всех врачей (793 человека, или 41,9 %) трудились в военном и морском ведомствах: в армии – 473 (24,9 %), во флоте – 226 (11,9 %), в сухопутных и адмиралтейских госпиталях – 94 (5 %) [8, с. 11]. Основная масса гражданских врачей (629 человек) концентрировалась в городах (в 1775 г. была введена должность городских врачей). Остальные находились в карантинах (43), на казенных заводах, рудниках и т. д. (160 человек) [8, с. 11].

В сельской местности врачей не было. Их заменяли деревенские священники, которые в 1802–1808 гг. получали первоначальные медицинские знания в духовных училищах и семинариях (слушали курс «Первые начала врачебной науки»). 17 июля 1802 г. в духовных училищах был учрежден класс «Врачебной науки». До момента подготовки собственных учителей, в эти училища откомандировывались медицинские чиновники из врачебных управ. Однако практика показала, что во многих семинариях «врачебные лекции» из-за недостатка медицинских кадров вовсе не преподавались [12, л. 370].

4 августа 1805 г. Александр I утвердил доклад министра внутренних дел «О преобразовании медицинской части по армии и флоту» [13, л. 344–344 об.], от которого принято отсчитывать собственно военную медицину. Учитывая большую нехватку военных врачей в условиях начавшейся в 1805 г. войны с Францией, правительство прибегало к мобилизации гражданских врачей. Не стали исключением и белорусско-литовские губернии.

Так, во время войны 1805 г. в Кобрине был организован *временный полевой госпиталь*. В августе 1805 г. в него по «высочайшему повелению»

определили речицкого (Демьяновского) и игуменского (Якова Виковского) штаб-лекарей. На их отправку выдавались прогоны на 2 лошади и «вперед в счет жалованья» 200 руб. «из сумм, остающихся от неполного комплекта в губернии медицинских чинов», а также жалование [13, л. 59–59 об.; 14, л. 320–320 об., 461]. В госпитале эти врачи оставались до начала января 1806 г., когда возвратились на свои прежние места службы [13, л. 59–59 об., 239].

Кроме того, осенью 1805 г. в действующую армию были откомандированы копысский уездный лекарь штаб-лекарь Стаховский [15, л. 145–145 об.] и оператор Минской врачебной управы коллежский советник доктор Бернardt Михельсон. Последний получил назначение в распоряжение Главной квартиры войск, расположенных на Волыни. Поэтому его отправили к войскам немедленно, с выдачей 300 руб. в счет жалования и прогонных денег до Житомира [14, л. 298–298 об.]. Из армии он вернулся только в июле 1806 г. [13, л. 263].

При этом на место откомандированных в армию врачей назначались обычно отставные медицинские работники. Так, вместо Стаховского должность копысского уездного лекаря исполнял отставной штаб-лекарь, коллежский ассessor Станкевич, служивший ранее в Гродненском (бывшем Шкловском) кадетском корпусе. Причем Станкевич выразил желание остаться в Копысском уезде на постоянное жительство, однако ему смогли предложить лекарскую вакансию только в Климовичском уезде с жалованием в 300 руб. в год (лекарская вакансия в Копысском уезде оставалась за Стаховским) [15, л. 145–145 об.].

Использование отставных медицинских чиновников объяснялось нехваткой дипломированных специалистов, среди которых было много иностранцев. Так, в Минской губернии «не экзаменованных» оказалось 11 врачей: 4 доктора (Дефурман, Курини, Кильвейн, Заремски), 7 лекарей (Беккер, Гrefенберг, Гартман, Гаккель, Лантман, Тыкштейн, Гаерсман / Гафсман) [14, л. 355]; а в Могилевской – еще четверо: 2 лекаря (Шульц и Люксин) и 2 подлекаря (Семигродский и Марцинкевич) [15, л. 96].

Правительство не могло использовать этих чиновников на службе в армии. Поэтому в разгар военных действий, 31 августа 1805 г. министр внутренних дел граф В. П. Кочубей разослал предписание о необходимости «экзаменования» подобных медицинских чинов. Для облегчения процедуры сдачи экзамена (многие «по недостаточному состоянию» не могли отправиться в С.-Петербург) разрешалось проводить испытание в течение 6 месяцев в губернских врачебных управах «с приглашением наличных медицинских чинов», которые состояли при должностях. Не явившиеся вовремя не допускались к сдаче экзамена и должны были самостоятельно ехать в Медицинский совет (в С.-Петербург) или в ближайший университет. Экзамен проводился на основании специального наставления [14, л. 349–351 об.]. Впоследствии управе поручалось «неослабно» следить, чтобы

«не получившие законного права на производство практики ни под каким видом оною не занимались» [14, л. 347–348; 15, л. 92–93].

По докладу министра внутренних дел, утвержденного 4 августа 1805 г. Александром I, находящимся на службе врачам были присвоены льготы («выгоды»). Это, по словам графа В. П. Кочубей, привлекло в Медико-хирургическую академию «некоторое число молодых людей». Однако «для выполнения видов Правительства» их число оказалось «весьма недостаточным» [13, л. 344–344 об.]. В целом, принятые меры не смогли восполнить огромную нехватку военных врачей.

Наиболее остро эта проблема встала во время войны с Францией в 1806–1807 гг. По существовавшим нормам, в госпиталях на 60 человек больных должен был приходиться один «лекарь» (врач). Однако в Гродненском госпитале было всего 10 врачей на 5 тыс. больных и раненых [5, с. 9–10]. Поэтому с началом военных действий, которые России пришлось вести в тяжелых условиях – Пруссия была разгромлена Наполеоном за две недели, правительство пошло на новые льготы лицам, желавшим стать военными врачами [13, л. 344–344 об.].

Несмотря на все «попечение» правительства над Медико-хирургической академией с целью скорейшей подготовки «искусных медиков», существенного прогресса в этом вопросе не наблюдалось. Главная проблема заключалась в том, что преподавание многих дисциплин в академии велось на латыни, которую студенты плохо знали, или не знали вовсе. Как отмечал 11 октября 1806 г. граф В. П. Кочубей, правительство встречает *«особое затруднение в недостатке таких молодых людей, кои получив первое в науках образование, могли бы быть способными к обучению врачебной науке»* [13, л. 344].

В этих условиях правительство решило активизировать вербовку в Медико-хирургическую академию молодежи из «польских» (белорусско-литовских и украинских) губерний. Министр внутренних дел надеялся, что в них «есть довольно таких *молодых людей из свободных состояний*, которые в *тамошних народных и катедральных* (кафедральных. – А. Л.) *училищах* приобрели достаточные познания и могут быть способными к обучению врачебной науке» [13, л. 344 об. –345]. Обращаясь к минскому гражданскому губернатору З. Я. Карнееву 11 октября 1806 г., граф В. П. Кочубей просил его «употребить все возможное попечение <...> к склонению таковых молодых людей» для поступления в академию [13, л. 344 об. –345]. Правительство брало на себя не только расходы по их обучению, но даже выделяло прогонные деньги (на 2 лошади на каждого кандидата) для приезда в С.-Петербург. Единственные требования – чтобы претенденты были в возрасте от 16 до 19 лет, и имели «познания в правилах для Медико-хирургической академии изданных» [13, л. 345 об. –346 об.].

Правила же гласили, что желающие поступить в академию должны быть «обучены словесным наукам, или по крайней мере риторике и логике

и *знать латинский и российский языки*, также и физические качества иметь не испорченные» [13, л. 348–349]. Особое внимание уделялось претендентам из губерний «от Польши присоединенных»: «достаточно будет, есть ли молодые люди сии, разуметь российский язык будут; ибо *учение преподается на языке сем и на латинском*» [13, л. 348].

Впрочем, и эти меры, оказались запоздалыми, и они не смогли восполнить пробел в желающих учиться в Медико-хирургической академии.

Поэтому после Тильзитского мира (1807) было решено реорганизовать академию, и изменить правила ее комплектования. В 1808 г. Александр I утвердил новый Устав и штат Медико-хирургической академии (386 290 руб.), а также согласился принять учебное заведение под свое покровительство, с наименованием ее Императорской [16, л. 172–182 об., 184–187].

В сопроводительном докладе, утвержденном императором 28 июля 1808 г., князь А. Б. Куракин обращал внимание, что отныне Медико-хирургическая академия включала «все отрасли врачебной науки» (ей были подчинены «ветеринарное или скотоврачебное» и «фармацевтическое или аптекарское» училища). Согласно новому Уставу академия состояла из 2 отделений: первое (главное) находилось в С.-Петербурге, второе – в Москве [16, л. 169–171].

Число казеннокоштных учащихся в академии было увеличено до 720 человек (в основном за счет ветеринарного и фармацевтического отделений), а за свой счет – не ограничено. По новым правилам в академию принимались молодые люди «*даже из несвободных состояний*, имеющие на то позволение от мест и лиц, коим они принадлежат». Учить их разрешалось только тем предметам, для которых они предназначены. После «испытания» они получали право «на производство практики», а в целях «поощрения дарований», при окончании академии крепостным предоставлялись «*выгоды и приобретение свободного состояния*» [16, л. 170]. Авторы проекта возлагали на это положение большие надежды: «не говоря уже, что сим способом умножится число врачей, аптекарей и проч., воспитанники сего разряда в кругу своем более других будут иметь доверенности и, следовательно, с лучшим успехом производить лечение» [16, л. 170 об.].

Изменения произошли также в управлении академией и в содержании профессорско-преподавательского состава [16, л. 170]. Поскольку в начале XIX в. понятия медик и хирург были близки, но не тождественны, в Уставе предусматривалось новое *разделение врачебных степеней*. Доктора медицины и хирургии приравнивались к профессорам, и им присваивался 7-й класс по Табели о рангах. Доктора медицины и медико-хирурги, как и штаб-лекари, получали 8-й класс и т. д. [4, с. 221–238]. В этом виделась «государственная польза», ибо «каждый учащийся будет вместе стараться о приобретении медицинских и хирургических знаний, и, следовательно, *один будет заменять двух; а при армии, где скорая помощь требуется, та-*

ковое соединение в одном лице обоих родов врачевания совершенно необходимо» [16, л. 171].

Впоследствии это положение было закреплено в «Правилах об экзаменах медицинских чиновников», утвержденных 16 июля 1810 г. Они предусматривали сдачу строгого устного экзамена и демонстрацию практических навыков (кровопускание и т. д.) [8, с. 13].

В связи с реорганизацией Медико-хирургической академии, изменились и «Правила об образовании духовных училищ». 18 июля 1808 г. своим указом Синоду Александр I отменил преподавание в духовных училищах «врачебных лекций». 24 сентября того же года министр внутренних дел князь А. Б. Куракин издал циркуляр, которым предписывалось ликвидировать в духовных академиях и семинариях класс «Врачебной науки», прекратить преподавание медицинских дисциплин, а учителей из духовного ведомства перевести в ведение министра внутренних дел [12, л. 370–371].

С этого момента порядок отбора кандидатов из духовных семинарий был следующий (на примере Могилевской семинарии, август 1810 г.). Министр просвещения уведомлял министра полиции (до 1810 г. – министра внутренних дел) о назначении Синодом определенного количества учащихся для Медико-хирургической академии. Затем министр полиции (внутренних дел) поручал гражданскому губернатору организовать («по сношению с местным духовным начальством») во врачебной губернской управе «испытание» в знании «латинского языка и словесных наук». При выборе будущего студента управа учитывала «нравственность» кандидата, его поведение и возраст (от 16 до 24 лет). В случае избрания кандидата он увольнялся из духовного ведомства и за казенный счет отправлялся в С.-Петербург в академию [17, л. 67–68 об.].

При испытании кандидатов управа должна была соблюдать «надлежащую осторожность». В случае, если избранный ею воспитанник оказывался «слабым знанием в латинском языке неспособным к обучению» и его возвращали, «издержки и ответственность возлагались на членов управы. После окончания академии выпускники производились в «кандидаты хирургии» и назначались в «военные ведомства для распределения лекарями к местам с жалованьем на первый случай по четыреста рублей в год» [13, л. 346 об., 348 об. – 349].

Принятые меры позволили несколько увеличить число выпускаемых врачей: в 1812 г. их общее количество в России достигло 2776 человек [8, с. 11]. В то же время, существенного прогресса в вербовке молодежи из Белорусско-Литовского края для подготовки из них военных врачей правительству добиться не удалось. Так, в 1809 г. из 120 семинаристов, направленных в Медико-хирургическую академию, из белорусско-литовских губерний было только 2 (из Могилевской губернии) [4, с. 221]. Не изменилась эта динамика и в последующие годы. Из тех, кто откликнулся на

призывы правительства, можно назвать только одного уроженца Беларуси – И. О. Александрова [18, т. 1, с. 123–124] (см. таблицу).

Отсутствие интереса к Медико-хирургической академии можно объяснить тем, что наибольшей популярностью у молодежи белорусско-литовских губерний пользовался Виленский университет. Это объяснялось не только близостью его расположения, но и организацией в нем учебного процесса на польском языке, который для большинства местной шляхты являлся в то время уже родным.

Поэтому в 1810–1815 гг. российские власти пытались привлечь на военную службу выпускников Виленского университета. Некоторые из них (с медицинским образованием) сразу же зачислялись в воинские части или военные госпитали (Л. П. Богусевич, И. Буковецкий, Л.-К. Нагумович, И. И. Росцишевский и др. [18, т. 3, с. 156, 447; т. 11, с. 17–18; т. 17, с. 309–310], а другие, не имевшие медицинской подготовки – получали дополнительное образование в Медико-хирургической академии (В. В. Пеликан [9, с. 11–12]) (таблица).

Таблица

**Наиболее известные военные врачи – уроженцы
Белорусско-Литовского края начала XIX в.¹**

№	Ф.И.О., годы жизни	Происхождение	Год окончания Виленского ун-та, степень	Год окончания Медико-хирургической академии, степень	Военно-медицинская служба до 1815 г.
1	Александров Илларион Иосифович (к. 18 в. – после 1846)	?	–	1811, лекарь хирургии, доктор медици- ны (1839)	Лейб-гвардии Казачий полк (1812–1830)
2	Богусевич Лука Павлович (к. 18 в. – 1853)	?	1812, магистр медицины, доктор меди- цины (1812)	–	19-й егерский полк (1812–1814), 25-й егерский полк (1814–1816)
3	Буковецкий Иосафат (1790–1831)	Из дворян	1815, лекарь, доктор меди- цины (1815)	–	Вольнский военный госпиталь (1816–1818)
4	Нагумович Лев-Казимир (1792–1853)	Из дворян	1812, доктор медицины	–	Фаногорийский гренадерский полк (1812–1814)
5	Росцишевский Иосафат Игнатьевич (1788–1856)	Из дворян	1812, доктор медицины	–	41-й егерский полк (1812–1820)

¹ Составлено по [4, прил. с. 213–219; 9, с. 11–12; 11; 18, т. 1, с. 123–124; т. 3, с. 156, 447; т. 11, с. 17–18; 17, с. 309–310].

№	Ф.И.О., годы жизни	Происхо- ждение	Год оконча- ния Вилен- ского ун-та, степень	Год окончания Медико- хирургической академии, степень	Военно- медицинская служба до 1815 г.
6	Пеликан Вацлав Вацлавович (1790–1873)	Из дворян	1809	1813, доктор медици- ны (1816)	Оставлен в МХА

Таким образом, в начале XIX в., когда Российская империя испытывала острый недостаток врачей, основным сдерживающим фактором в расширении военно-медицинских знаний в «русской среде» было незнание латыни. Поэтому в 1806–1808 гг. правительство предприняло попытку расширения контингента учащихся Медико-хирургической академии. В ходе реорганизации академии (1808 г.) был существенно увеличен ее штат и расширены категории учащихся (в том числе разрешен прием крепостных). При вербовке будущих студентов основное внимание уделялось ученикам духовных училищ и семинарий, в том числе уроженцам «польских» губерний (вольные люди, крепостные, семинаристы), имевших начальную подготовку в латыни. Однако для молодежи Белорусско-Литовского края более престижным оставалось получение высшего образования в Виленском университете. Из числа выпускников этого учебного заведения и происходила конечная вербовка медицинских кадров для российской армии.

Список использованных источников

1. *Бригадин, П. И.* Военная школа в Беларуси, XVIII – первая четверть XIX в. / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: Изд. центр БГУ, 2004. – 120 с.: ил., карт. – (Scriptor universitatis).
2. *Лукашевич, А. М.* Виленское военное шляхетное училище: организация деятельности и обучение cadетов (1797–1806 гг.) / А. М. Лукашевич // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Гіст., Філас., Паліт., Сацыял., Педаг., Псіхал., Правазн., Філап. – 2006. – № 1 (36). – С. 5–9.
3. *Лукашэвіч А. М.* Чыншавая шляхта Беларусі ў ваенных планах Расійскай імперыі (канец XVIII ст. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Минск: БДУ, 2007. – С. 45–51.
4. История Императорской Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) академии за сто лет. 1798–1898 / под ред. Н. П. Ивановского. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1898. XV, IV, 828, 337 с., [1] загл. л., [1] л. фронт. (портр.), [16] л. ил., [4] л. план.: ил., табл.
5. Столетие Военного министерства. 1802–1902: в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб.: Тип. поставщиков двора е. и. в. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. – Т. 3. Отд. 2. Главный военно-санитарный комитет. Истор. очерк / сост. С. И. Езерский. – 1902. – [5], 275 с., [1] л. портр.: ил.
6. Военно-медицинская академия Красной Армии имени С. М. Кирова за 140 лет (1798–1938): краткий истор. очерк / сост. Е. Н. Павловский. – Ленинград: Воен.-мед. акад. Кр. Армии им. С. М. Кирова, 1940. – 102 с., 15 вкл. л. портр.

7. *Багдасарьян, С. М.* Очерки истории высшего медицинского образования: к истории Воен.-мед. акад. / С. М. Багдасарьян – М.: Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. Н. А. Семашко, 1959. – 106 с.

8. *Корнеев, В. М.* Медицинская служба в Отечественную войну 1812 года: к 150-летию войны / В. М. Корнеев, Л. В. Михайлова. – Л.: Госмедиздат, 1962. – 91 с.

9. Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798–1998) / Л. Ю. Шевченко (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: Наука, 1998. – 316 с.

10. *Карпенко, И. В.* Подготовка военно-медицинских кадров в России и Западной Европе в дореволюционный период / И. В. Карпенко. – М.: Изд-во Сеченовского ун-та, 2019. – 100 с.

11. *Карташов, В. С.* Врачи российской армии в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1815 годов: справочник / В. С. Карташов. – М.: Спутник, 2016. – 200 с.

12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Канцелярия минского гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 70. Указы Сената и циркуляры МВД. 29.05.1808. – 21.12.1808. – 546 л.

13. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 62. Указы Сената за 1806 год. – 502 л.

14. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 51. Указы Сената за 1805 год. 19.12.1804–28.10.1805. – 524 л.

15. НИАБ. – Ф. 2001. Канцелярия могилевского гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 3. Указы Сената и предписания МВД за 1805 год. 02.01.1805–08.12.1805. – 163 л.

16. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 7. Указы Сената за 1808 год. 01.02.1808–15.01.1809. – 256 л.

17. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 13. Указы Сената за 1810 год. – 189 л.

18. Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Императ. Рус. ист. о-ва А. А. Половцева. – СПб.; Петроград: Тип. И. Н. Скороходова [и др.], 1896–1918. – 25 т.

(Дата подачи: 02.02.2023 г.)

И. А. Макаренко

Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка, Минск

I. Makarenko

Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk

УДК [94:37.014](410)«1997/2001»

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1997–2001 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

SCHOOL POLICY IN THE SUBNATIONAL REGIONS OF GREAT BRITAIN IN 1997–2001: COMPARATIVE ANALYSIS

В статье на основе компаративного подхода проанализирована школьная политика в субнациональных регионах Великобритании в период нахождения у власти первого правительства Т. Блэра. Автор приходит к выводу, что в ходе процесса деволюции администрации Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии существенно расширили круг своих полномочий в сфере образования. Это проявилось в дифференцированных подходах к организации и содержанию учебного процесса и, как результат, в разной степени эффективности такой политики. Базовым элементом преобразований в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии стала концепция общеобразовательной школы.

Ключевые слова: Великобритания; среднее образование; школьная политика; деволюция; Англия; Шотландия; Северная Ирландия; Уэльс.

Abstract: This article attempts to conduct a comparative analysis of school policy in the subnational units of the United Kingdom during the first government of T. Blair. The author comes to the conclusion that after the devolution process, the local administrations of Wales, Scotland and Northern Ireland have significantly increased their powers in the field of educational policy. This was manifested in differential approaches to school education management. In England, which remained under the administration of Westminster, a number of transformations were carried out in the field of school policy, while in other subregions this trend proceeded in line with the concept of a comprehensive school.

Key words: Great Britain; secondary education; devolution; school policy; England; Scotland; Northern Ireland; Wales.

Исследование школьной политики Великобритании в субнациональных регионах² представляется весьма непростой, но в тоже время очень актуаль-

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Реализация государственной политики в сфере школьного образования в субнациональных регионах Великобритании (1997–2010 гг.), выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ, и подготовленной при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

² В данной работе под термином «субнациональные регионы» мы подразумеваем административно-территориальные единицы, входящие в состав Соединенного Королевства: Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия.

ной научной задачей ввиду делегирования властных полномочий в различных областях социально-политической жизни (в том числе, образования), от центрального правительства в Лондоне к местным администрациям в Эдинбурге, Кардиффе и Белфасте. Исходя из этого, автор поставил своей целью проведение сравнительного анализа школьной политики в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии в период нахождения у власти правительства Т. Блэра, и на его основе выявление общего и особенного в ней. Дополнительную актуальность данной теме, лишь фрагментарно изученной в российском и белорусском научном сообществе, придает проблема сохранения территориальной целостности Великобритании, учитывая (сепаратистские) намерения Шотландии выйти из состава Соединенного Королевства.

Обращаясь к историографии проблемы, следует отметить, что научные труды общего характера представлены такими учеными, как Е. Ноздрачев [1], П. Меркулов [2], Н. Шестакова [3], Т. Черноморова [4], Е. Устюжанинова [5], Т. Гелла [6], А. Громыко [7], В. Сафаровой [8], А. Фахретдиновой [9], Е. Вяземского [10]. В белорусской историографии заявленная тема исследования и вовсе не становилась предметом специального научного изучения.

Что касается англоязычной историографии (главным образом, британской), наибольшую научную ценность для нас представляют работы Д. Маккинона [8], С. Горарда [9], Д. Грея [10], К. Шарпа [11]. Также следует упомянуть книгу П. Манн «Школы 21 века. Общенациональные дебаты о школьной политике в Шотландии» [12], в которой содержится информация о школьном образовании в Шотландии в рассматриваемый нами период. Также следует упомянуть научную работу М. Арнетт «Образование и национализм: общественный дискурс образовательной политики в Шотландии», в рамках которой на основе критического анализа рассматриваются ключевые тенденции в шотландской образовательной политике времен нахождения у власти «новых лейбористов» [13]. Немаловажную роль для нас представляет работа Д. Стюарта «Ассистенты учителей. Их роль и влияние в шотландских начальных школах» [14].

Источниковая база исследования представлена нормативно-правовыми актами [20–25], субнациональными документами (планами, концепциями, различным региональным инициативам) [26–28], ресурсами удаленного доступа [29–32]. Хронологические рамки исследования обусловлены периодом нахождения у власти первого кабинета Т. Блэра.

Методологическими принципами, которые использовались в данной работе, являлись историзм и объективность. Ключевую роль при подготовке статьи сыграл историко-сравнительный метод.

После победы лейбористов на парламентских выборах в 1997 г. внутренняя политика Соединенного Королевства протекала в русле «третьего пути». Данная тенденция была распространена и на субнациональные регионы. В Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии начали складываться автономные партийно-политические системы, что являлось признаком де-

волюции¹, и проявлением «федерализации» государственно-политического устройства Соединенного Королевства [7, с. 157].

Первым нормативно-правовым актом Великобритании в области школьного образования, который относился ко всем ее субнациональным единицам, стал Закон о школах 1997 г. (Education School Act 1997) [20]. В нем излагалась идея об отмене программы субсидирования местными властями школьных квот [20, р. 1–7]. Согласно данной программе, дети с высокими интеллектуальными способностями из бедных семей могли поступать в частные элитные школы, но при условии прохождения вступительных испытаний [19, с. 143]. В дальнейшем, предусматривалось структурные изменения, которые должны были затронуть ступени школьного образования. В первую очередь, правительство лейбористов интересовали вопросы повышения грамотности среди учащихся и повышение образовательных стандартов.

Наряду с этим политика лейбористского правительства по отношению к образованию была изложена в Белой книге «Совершенство в школах», увидевшей свет в июле 1997 г. [25]. Содержание указанного документа заключалась в следующих положениях: (1) средним школам было предложено стать «специализированными» с разрешением производить отбор учащихся на основе их интеллектуальных способностей; (2) школы должны были иметь целевые показатели для повышения собственных стандартов, а также таблицы эффективности, где фиксировались уровень и динамика успеваемости своих учащихся; (3) руководство школ не должно было допускать дискриминации по расовым признакам и содействовать повышению успехов учащихся этнических меньшинств (индусы, евреи, мусульмане и др.); (4) оказание социальной поддержки педагогическим кадрам [19, с. 143].

В 1998 г. были проведены референдумы, по итогам которых в субнациональных территориальных единицах были учреждены местные органы власти: в Шотландии – Национальный парламент, в Уэльсе – Национальная ассамблея, в Северной Ирландии – Ассамблея Северной Ирландии. После оглашения результатов референдума Кардифф, Белфаст и Эдинбург получили полномочия на самостоятельную реализацию компонентов социально-политического направления, в том числе школьного образования. В конечном итоге, деволюция в Соединенном Королевстве привела к сложной иерархической структуре регулирования сферы социально-политического комплекса [18, с. 101].

Олицетворением процесса деволюции² в области школьного образования в период первой легислатуры Блэра (1997–2001) стало принятие со-

¹ На Англию процесс деволюции не распространялся. Реализация вопросов, связанных с социально-экономической политикой этого региона, находилась в компетенции Вестминстера.

² Деволюция – в конституционной практике ряда стран процесс передачи властных полномочий центральными правительственными органами местным администрациям.

ответствующих нормативно-правовых актов: Закон о Шотландии 1998 г. (Scotland Act) [22], Закон об образовании Северной Ирландии 1998 г. (Education Act of Northern Ireland) [24], Закон об Уэльсе 1998 г. (Government of Wales Act) [25], Закон об образовании Великобритании 1998 г. (School Standart's and Framework Act 1998) [21].

Названные документы наглядно отражали расхождения в области школьной политики, заключавшиеся в таких вопросах, как предоставление образовательных услуг, соответствующих интеллектуальным способностям и потребностям учащихся, содействие развитию национальной культуры, языка, истории и традиций субнациональных регионов Соединенного Королевства. Так, в Англии был проведен ряд реформ, основанных на разнообразии типов школ и принципов родительского выбора, в то время как учебные заведения в Уэльсе и Шотландии продолжали работать в русле концепции общеобразовательной школы.

Шотландская школьная система образования располагает собственной программой, именуемой как *Учебная программа Шотландии* (Curriculum for excellence in Scotland) [32]. В соответствии Законом о Шотландии (1998) в сферу деятельности местного руководства перешли вопросы, связанные с развитием школьного образования [29]. Поддерживая национальные традиции, Эдинбург делал ставку на широкий охват ключевых школьных дисциплин, в отличие от английской, валлийской и североирландской систем. В данном случае это способствовало повышению общего уровня эрудиции шотландских учащихся. Так, по данным Управления национальной статистикой, Шотландия была признана страной с самым высоким уровнем получения образования в Европе. К тому же было установлено, что от 16 до 64 % шотландцев имели сертификаты местных профессиональных квалификаций (Scotland Vocational Qualification)¹ [29].

После 1998 г. государственные школы в Шотландии перешли в управление местных органов власти. Обязательными этапами школьного обучения являются начальная и средняя ступени. В начальную школу дети идут в возрасте от 4,5 до 5,5 лет, в зависимости от того, на какую дату выпадает их день рождения, и обучаются здесь на протяжении 7 лет. Затем 4 года они обучаются на средней ступени, после чего сдают выпускные экзамены.

В Шотландии существует три типа школьных учреждений: школы, финансируемые государством²; субсидируемые государством школы; независимые (частные. – *прим. авт.*) школы. Шотландские средние школы являлись полностью общеобразовательными и неизбирательными в плане

¹ В Англии, Уэльсе и Северной Ирландии аналогами подобных сертификатов являются Национальные профессиональные квалификации (National Vocational Qualifications).

² В данную категорию могут попадать как конфессиональные, так и неконфессиональные школы. В Англии и Уэльсе данная категория школ не финансируется за счет государственного налогообложения.

набора учащихся¹. Среди них: 188 средние школы, 131 «академия»², 4 колледжа, 14 гимназий [29].

В целом, в Шотландии наблюдалось усиление централизации и управления качеством образования в отличие от остальной Великобритании. При этом самооценка шотландских образовательных учреждений являлась основной формой оценки их качества. Но при этом, школа и ее деятельность оценивалась со стороны региональных советов по образованию [8, с. 144].

Школьная система Уэльса представлена частным и государственным секторами. На государственном уровне получение образования является бесплатным и обязательным для всех детей в возрасте от 5 до 16 лет [31]. Начальная ступень в Уэльсе начинается в возрасте 6 лет. Затем в возрасте 11 лет они переходят на среднюю ступень и по окончании курса средней школы сдают выпускные экзамены³.

В отличие от Шотландии, валлийский вариант образовательной системы большое внимание уделяет изучению национального языка и культуры. Так, в 1997–2001 гг. количество валлийских средних школ, в которых большинство предметов велось на местном языке, увеличилось до 52, по сравнению с 1984 г., когда эта цифра составляла 49 школ [3, с. 177]. В итоге, языковая политика достигла успеха в плане создания двуязычного образования, чего не наблюдалось в Шотландии⁴. Соответственно, количество людей, говоривших на валлийском языке, увеличился с 18,5 % в 1991 г. до 20,9 % в 2001 г. В целом, использование двуязычного компонента в сегменте школьного образования привело к положительным результатам. Это касалось, прежде всего, сдачи выпускных экзаменов по валлийскому языку и литературе и математике [3, с. 177].

В августе 2001 г. Ассамблеей Уэльса был представлен первый отчет о состоянии образовательной системы региона, в котором отмечалось, что она работала на повышение образовательных стандартов, что в перспективе могло повлечь за собой устранение пробелов в дифференциации интеллектуальных способностей между учащимися. Также валлийские чиновники в области образования подготовили и ввели в действие концепцию маги-

¹ В данных школах зачисление проводилось вне зависимости от их академических способностей учащихся.

² В Великобритании – школы, финансируемые центральным правительством и не зависевшие от местных органов власти.

³ Генеральный сертификат о школьном образовании (General Certificate of secondary education) – свидетельство об окончании курса средней школы, получаемое в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии. В Шотландии используется собственный аналог: Шотландский квалификационный сертификат. Впрочем, частные школы Шотландии имели право выдавать английские сертификаты.

⁴ Что касается английской системы школьного образования, то там помимо английского языка, широкое распространение преподавание субнациональных языков не получило.

страли (т. е. непрерывного обучения) в целях прямого поступления из школ в высшие учебные заведения [26, р. 5].

В целом, в образовательных системах Англии и Уэльса присутствовал элемент конвергенции в школьной политике, о чем свидетельствовал факт введения дополнительного финансирования для учащихся из неблагополучных семей, в то время, как подобные ассигнования не получили распространения ни в Шотландии, ни в Северной Ирландии [18, с. 102].

Школьная система образования Северной Ирландии в исследуемый нами период отличалась от остальных регионов Соединенного Королевства тем, что развивалась преимущественно в сельской местности [30]. Возраст ребенка на 1 июля определял момент зачисления в школу, тогда как в Уэльсе и Англии соответствующей датой являлось 1 сентября.

Закон об образовании Северной Ирландии 1998 г. возложил на местные власти обязанность «поощрять и способствовать развитию образования на ирландском языке». Данная форма прочно зарекомендовала себя как эффективная модель двуязычного образования наряду с валлийским вариантом, будучи направленной на повышение образовательных стандартов в лингвистическом профиле в рамках всей учебной программы [30].

Еще одной отличительной особенностью североирландской модели школьного образования являлась ее религиозность. Конфессиональный аспект региональной школьной политики состоял в сосуществовании католических и протестантских учебных заведений. Несмотря на то обстоятельство, что первые финансировались из государственного бюджета, «совет католических школ»¹ имел право рекомендовать того или иного педагога при его назначении на работу [24, р. 6].

Что касается протестантских школ, получивших название «контролируемые» (controlled school's), то они находились в прямом подчинении администрации Белфаста. Данные учебные заведения школы управлялись попечительским советом, в который входили прихожане протестантских городских общин. Несмотря на то, что «контролируемые» школы в большинстве своем являлись протестантскими, их двери были открыты и для представителей других вероисповеданий. Всего в государственном секторе было 379 начальных школ, 53 средних школы и 16 гимназий. Около 147000 учащихся посещали «контролируемые школы», что составляло около 42 % от общего количество учащихся в Северной Ирландии. Что касается религиозной принадлежности в «контролируемом» секторе в целом, то 59 % учащихся были протестантами, 11 % составляли католики, остальные 30 % относили себя либо к агностикам, либо к атеистам [30].

¹ В Северной Ирландии он является попечительским советом, в состав которого могут входить священнослужители, родители учащихся, члены благотворительных фондов, а также представители североирландских региональных органов власти.

Особую актуальность в регионе североирландская модель приобрела ввиду внутренней религиозной сегрегации, что было связано с сохранявшейся проблемой Ольстера, несвойственной для остальной Великобритании. Так, в 2006 г. 90 % детей субнационального региона обучались в отдельных школах. Одновременно, ввиду того факта, что конфессиональные общины Северной Ирландии не поддерживали идею «интегрированных школ», протестантские и католические церкви нередко организовывали межобщинные учебно-воспитательные мероприятия, такие как городские экскурсии, лекции и семинары по актуальным проблемам истории и религиоведению Северной Ирландии, на которых не только педагоги, но и учащиеся излагали свои идеи и пожелания относительно дальнейшего социально-политического развития североирландского региона [30].

В трех вышеназванных субнациональных единицах (в отличие от Англии) образовательные системы представляют собой, по сути, механизмы планирования и финансирования, а также обеспечения качества образования, которые по мере оптимизации институтов местных органов власти и управления становились все более дифференцированными. В Северной Ирландии, например, учащиеся наиболее успешно сдают выпускные экзамены после окончания курса начальной школы. В целом, различия в успеваемости учащихся в возрасте 15 лет в большей степени связаны с социально-экономическим положением их школ [23].

В сентябре 1999 г. в Великобритании была запущена программа «Уверенный старт» («The sure start»), преследующая целью реорганизацию неблагополучных общеобразовательных школ путем их оптимизации. Это планировалось реализовать за счет улучшения качества образовательных услуг в начальных и средних школах, усовершенствований в сфере детского здравоохранения. Согласно данной программе, были упразднены школы с низкой успеваемостью. Учебные заведения, где были выявлены подобные случаи, переходили к специализированному типу управления. Положительные стороны данной трансформации заключались в том, что специализированные школы имели право отказаться от государственного контроля и перейти к частным моделям финансового управления. На этом основании к июню 1999 г. более 330 школ по всей Великобритании получили субсидии от частных спонсоров.

Вместе с тем, наблюдалась и тенденция социальной сегрегации учащихся. Различные меры содействия детям мигрантов в получении доступа к образованию предпринимались как на центральном, так и на местном уровне. Так, в Северной Ирландии и Шотландии действовал многоязычный сайт в сети Интернет, работавший для вновь прибывших семей (главным образом из стран Ближнего Востока), созданный по инициативе региональной Ассамблеи [25]. Отдельные администрации также давали свои рекомендации школам. В Уэльсе, например, рекомендации местных властей касались использования услуг переводчиков.

Привлечение последних практиковалось при зачислении учащихся в школу, первичной оценке знаний учащихся, а также занятия в соответствии с индивидуальными умственными способностями последних [26, p. 13; 31].

Подводя итоги, можно резюмировать, что после процесса деволюции в образовательной системе Соединенного Королевства стали проявляться расхождения. Основное, на наш взгляд, заключалось в дифференциации подходов к управлению школьным образованием. Процесс делегирования полномочий привел к тому, что местные администрации Белфаста, Кардиффа и Эдинбурга существенно повысили свои полномочия, тогда как управление английским школьным образованием находилось в руках центрального правительства. При этом, в политике Соединенного Королевства в области школьного образования присутствовал элемент конвергенции. Так, согласно программе «Уверенный старт» по всей Великобритании осуществлялись мероприятия по финансовой поддержке наиболее неблагополучных районов. В целом, можно говорить о том, что именно первая легислатура Т. Блэра заложила основу для дальнейших расхождений в области школьной политики субнациональных регионов.

Список использованных источников

1. *Ноздрачев, Е. В.* Концепция деволюции в новейшей истории Великобритании / Е. В. Ноздрачев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 5(68). – С. 55–58.
2. *Меркулов, П. А.* Эволюция шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма / П. А. Меркулов, Е. А. Тюрин, Е. Н. Савинова // Журнал «Власть». – 2017 (6). – С. 153–159.
3. *Шестакова, Н. Ф.* Валлийский язык и образование в Уэльсе: исторический опыт и современность / Н. Ф. Шестакова // Педагогическое образование России. Серия «История образования». – 2013. – № 3. – С. 174–178.
4. *Черноморова, Т. В.* Шотландия выбрала свое будущее / Т. В. Черноморова // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 1. – С. 99–116.
5. *Устюжанинова, Е. В.* К вопросу о деволюции в Шотландии / Е. В. Устюжанинова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – С. 69–77.
6. *Гелла, Т. Н.* «Английский вопрос» в политике деволюции современной Великобритании / Т. Н. Гелла // Среднерусский вестник общественных наук. Серия «Политология». – 2017. – № 5 (12). – С. 148–155.
7. *Громыко, А. А.* Модернизация партийной системы Великобритании: монография / А. А. Громыко. – М.: «Весь мир». – 2007. – 342 с.
8. *Сафарова, В. А.* Организация оценки качества школьного образования в Шотландии / В. А. Сафарова // Педагогика и психология. Теория и методика обучения. – 2011. – С. 143–146.
9. *Фахретдинова, А. П.* Различные подходы к гражданскому образованию в Великобритании / А. П. Фахретдинова, О. А. Абакумова // Вестник ТПУ. – 2017. – № 4 (181). – С. 128–131.
10. *Вяземский, Е. Е.* Современная система образования в Великобритании / Е. Е. Вяземский // Проблемы современного образования. – 2010. – № 3. – С. 68–84.

11. *MacKinnon, D.* Devolution, state restructuring and policy divergence in the UK [Electronic resource]. / D. MacKinnon // *The geographical journal*. – 2015. – Vol. 181. – № 1. – P. 47–56. – Mode of access: <https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/geoj.12057>. – Date of access: 17.02.2023.
12. *Gorard, S.* The Welsh school-effect and Initial education trajectories [Electronic resource]. / S. Gorard // A Cardiff and Bristol University ESRC-funded Learning Society Project. – 1997. – 34 p. – Mode of access: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED442945.pdf>. – Date of access: 18.02.2023.
13. *Grey, D.* Scottish education moving towards and evidence-based profession? / D. Grey // Педагогический журнал Башкортостана. Серия «Опыт зарубежных коллег». – 2008 – № 6(19) – С. 83–100.
14. *Sharp, C.* School starting age: European policy and recent research [Electronic resource]. / C. Sharp // Local government Association Conference Centre. – London. – 2002. – 26 p. – Mode of access: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED442945.pdf>. – Date of access: 17.02.2023.
15. *Mann, P.* Schools for 21-st century: the national debate on education in Scotland [Electronic resource]. / P. Mann // *Research papers in education*. – London, 2004. – P. 431–452. – Mode of access: <file:///C:/Users/pc/Downloads/Pdf10Munn-e20a12004.pdf>. – Date of access: 21.02.2023.
16. *Arnott, M.* Educational and nationalism: the discourse of educational policy in Scotland / M. Arnott // Routledge: *Studies in the Cultural Politics of Education*. – 2010. – P. 335–350.
17. *Stewart, J.* Classroom Assistants: Their Impact in Scottish Primary schools / J. Stewart // [Electronic resource]. – University of Glasgow. – 2009. – 226 p. – Mode of access: <https://theses.gla.ac.uk/1121/1/2009stewartedd.pdf>. – Date of access: 23.02.2023.
18. *Сурма, А. А.* Социальная политика в субнациональных регионах Великобритании в 2010–2016 гг.: сравнительный анализ / А. А. Сурма // *Весні БДПУ. Серія 2. Гісторія. Філософія. Палітологія*. – 2021. – № 2. – С. 100–105.
19. *Макаренко, И. А.* Административно-правовые механизмы регулирования системы школьного образования в Великобритании (1997–2007 гг.) / И. А. Макаренко // *Лев Гумилев и Великая степь: история и современность: материалы XIX междунар. евраз. науч. форума*. – Евраз. нац. ун-т, 14 октября 2022. – С. 143–147.
20. Education schools Act 1997 [Electronic resource] / *Education in England: a brief history*. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1997-education-act.html>. – Date of access: 08.06.2022.
21. School Standart's and Framework Act 1998 [Electronic resource] / *Education in England: a brief history*. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1998-school-standards-framework-act>. – Date of access: 10.04.2022.
22. Scotland Act 1998 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents>. – Date of access: 20.02.2023.
23. Education Scotland Act 1980 [Electronic resource] / D. Gillard// *Education in England: a brief history*. – 1980. – 107 p. – London. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1980-education-scotland-act.html>. – Date of access: 20.02.2023.
24. Education (Northern Ireland) Act 1998 [Electronic resource] / D. Gillard// *Education in England: a brief history*. – 1998. – 72 p. – London. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/acts/1998-ni-education-order.html>. – Date of access: 20.02.2023.
25. Government of Wales Act 1998 [Electronic resource] / *National Assembly of Wales*. – 1998. – 194 p. – Mode of access: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/gb/gb441en.pdf>. – Date of access: 21.02.2023.
26. The learning country. A Paving Document [Electronic resource]. – The National Assembly of Wales. – 2001. – 75 p. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/pdfs/2001-learning-country-wales.pdf>. – Date of access: 23.02.2023.

27. In her Majesty's court of appeal in Northern Ireland [Electronic resource]. – Department for education in Northern Ireland. – 2006. – 19 p. – Mode of access: [https://www.judiciaryni.uk/sites/judiciary/files/decisions/Henry%20Brothers%20\(Magherafelt\)%20Ltd,%20FB%20McKee%20&%20Co%20Ltd%20and%20Desmond%20Scott%20and%20Philip%20Ewing%20Trading%20as%20Woodvale%20Construction%20Company%20Ltd%20v%20Department%20of%20Education%20for%20Northern%20Ireland.pdf](https://www.judiciaryni.uk/sites/judiciary/files/decisions/Henry%20Brothers%20(Magherafelt)%20Ltd,%20FB%20McKee%20&%20Co%20Ltd%20and%20Desmond%20Scott%20and%20Philip%20Ewing%20Trading%20as%20Woodvale%20Construction%20Company%20Ltd%20v%20Department%20of%20Education%20for%20Northern%20Ireland.pdf). – Date of access: 23.02.2023.

28. White Paper: Excellence in schools (1997) [Electronic resource] / Education in England: a brief history. – Mode of access: <http://www.educationengland.org.uk/documents/wp1997/excellence-in-schools.html>. – Date of access: 09.06.2022.

29. Education in Scotland [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.m.wikipedia.org/wiki/Education_in_Scotland. – Date of access: 20.02.2023.

30. Education in Northern Ireland [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Education_in_Northern_Ireland. – Date of access: 20.02.2023.

31. Education in Wales [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Education_in_Wales. – Date of access: 20.02.2023.

32. Scotland qualification certificate [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Scottish_Qualifications_Certificate. – Date of access: 27.07.2021.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

A. B. Марданов

Белорусский государственный университет транспорта, Гомель

A. V. Mardanov

Belarusian State University of Transport, Gomel.

УДК 94(470)''1945/62''

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЛАСТИ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ В СССР И США И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ И ДОКТРИНЫ ДВУХ СУПЕРДЕРЖАВ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1962 гг.)

THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL REVOLUTION IN THE FIELD OF NUCLEAR ROCKET WEAPONS IN THE USSR AND THE USA AND ITS IMPACT ON THE MILITARY PLANS AND DOCTRINES OF THE TWO SUPERPOWERS IN THE FIRST DECADES OF THE COLD WAR (1945–1962)

В статье рассмотрены ключевые события, связанные с научно-технической революцией в области ракетно-ядерных вооружений США и СССР в первые десятилетия «холодной войны» (1945–1962 гг.). Особое внимание уделяется исследованию причин ракетно-ядерного противостояния двух супердержав. Дается развернутый анализ по-

слевоенных военно-политических доктрин, противоборствующих сторон, поставивших мир на грань ядерного уничтожения.

Ключевые слова: глобальная угроза; супердержавы; доминирование; локальный конфликт; специальная военная операция; холодная война; военно-политические доктрины; ядерная угроза; МБР; НТР; Карибский кризис.

The article discusses the key events associated with the scientific and technological revolution in the field of nuclear missile weapons in the US and the USSR in the first decades of the Cold War (1945–1962). Particular attention is paid to the study of the causes of the nuclear-missile confrontation between the two superpowers. A detailed analysis of the post-war military-political doctrines, the warring parties that have brought the world to the brink of nuclear annihilation is given.

Key words: global threat; superpowers; dominance; local conflict; special military operation; cold war; military-political doctrines; nuclear threat; ICBMs; scientific and technological revolution; Caribbean crisis.

Геополитические реалии XXI в. заставляют усомниться в способности мировой цивилизации и ее лидеров, представляющих великие державы, реализовать идею сторонников глобализма о создании для человечества единого политического и экономического пространства под названием «всемирная деревня». Теоретически это означает упразднение национальных государств с их границами, свободный доступ всех людей планеты Земля ко всем благам мировой цивилизации эпохи постиндустриального мира, равные права граждан «всемирного государства». Однако реальность мира в эпоху глобализации показывает нарастание кризисных явлений, усиление глобальных угроз и вызовов, нарастание конфликтности между новыми мировыми силами и попытками единственной супердержавы – США – сохранить доминирующее положение, используя новейшие технологии борьбы со своими соперниками. К таковым относятся методы гибридных войн, исключая прямые военные контакты с противниками, изощренные методы идеологической и психологической войны, разжигание локальных военных конфликтов за пределами своей национальной территории. Очень показательна в этом отношении ситуация в Украине, где с февраля 2022 г. Россией ведется специальная военная операция.

В чем основная причина отмеченных нами угроз и вызовов современной цивилизации XX в.? Здесь мы согласимся с выводом известного российско-го историка и политолога А. А. Хлевова, заявившего, что основным содержанием истории современности продолжают оставаться интенции глобального доминирования, успешно апробированные именно на виртуальных (а порой и не только) полях сражений Холодной войны [1, с. 319–320]. Холодная война как явление глобального порядка является реальностью после формального её завершения в начале 90-х гг. XX в. Поэтому актуальными являются научные работы, посвященные этой проблеме в последние годы [1–5], авторы которых приводят ранее неопубликованные материалы и информацию, недавно рассекреченную. Холодная война – явление, вытекающее из геополитических, идеологических и социополитических условий

двух мировых войн и межвоенного периода [1, с. 320]. Её стержнем в течение многих десятилетий было идеологическое противостояние двух супердержав – США и СССР, а наиболее опасным проявлением – гонка ракетно-ядерных вооружений и сопряженные с ней военно-политические доктрины нанесения массированных ракетно-ядерных ударов по территории противника. В результате ракетно-ядерного противостояния мир не раз оказывался на грани ядерной катастрофы. Поэтому, в частности, представляет научный и практический интерес осмысление истории ракетно-ядерной гонки СССР и США в первые десятилетия Холодной войны (хронологические рамки – 1945–1962 гг.), когда завершение этого периода противостояния заставило конфликтующие стороны сесть за стол переговоров, обозначив юридические рамки сокращения ядерных вооружений и перейти к мерам доверия в этой области во 2-й половине 60-х начале 70-х гг. XX ст.

Участие США в Холодной войне представляло собой реализацию единой стратегии, имеющей целью создание нового мирового порядка, мира «открытых дверей», соответствующего интересам Соединенных Штатов и основанного на американских ценностях. Главная их цель – создание мира по-американски базировалась на экономической и военной мощи этой державы, производящей в 1945 г. не менее 50 % мировой продукции и 2/3 мировых товаров и услуг [5, с. 71]. Достижение этой цели было невозможно без устранения главного геополитического соперника США в послевоенном мире – СССР, обладавшего значительными ресурсами и потенциалом и, как показала история, обеспечившими ему доминирующее положение в Восточной и Центральной Европе и части Азии (союзник – КНР с 1949 г.).

Достижение поставленной задачи определялось в военно-политических доктринах США, президентских директивах и внешнеполитических программах США периода Холодной войны. Устранение СССР как одного из ведущих субъектов мировой политики изначально определялось двумя путями:

- первый – военный разгром СССР, но эта задача на рубеже 40-х и 50-х гг. была нереальной в силу отсутствия у США достаточного количества ядерного оружия и его несовершенства, а обычные вооруженные силы США на европейском театре военных действий значительно уступали СССР;
- второй путь предполагал победу над Советским Союзом при помощи политики «сдерживания» и «отбрасывания» с использованием прежде всего экономического потенциала США. Он требовал колоссальных усилий, времени и огромных материальных затрат, но и проявил себя, как оказалось, как самый успешный [5, с. 71].

1947 г. стал знаковым для реализации стратегии Холодной войны, развязанной США против СССР: принятие доктрины Кеннана, план Маршалла послевоенной Европе, первые планы ядерных ударов по СССР.

А следующий 1948 г. оказался вообще критическим в мировой политике: Берлинский кризис в центре Европы и принятие США 14 планов приме-

нения ядерного оружия по 70 городам и целям в СССР [3, с. 49]. Принятый в 1949 г. план ядерного нападения на Советский Союз уже предусматривал использование от 360 до 400 ядерных бомб по 200 городам СССР [3, с. 49]. Одна из главных причин, что он остался на бумаге, создание и испытание ядерного оружия в СССР и победа революции в КНР, ставшем союзником СССР.

Значимым документом эпохи «Холодной войны» стала директива СНБ-68 от 14 апреля 1950 г. (Совет Национальной Безопасности) в котором наиболее ярко было выражено доктрина сдерживания СССР в военном, политическом и идеологическом аспектах. Руководство США в этом документе, утвержденным президентом Трумэнном в 1951 г., делало упор на экономическое и военное истощение Советского Союза, балансируя на грани войны и мира [6].

Время конца 40-х – начала 50-х гг. XX в. характеризовалось быстрым количественным ростом американского стратегического ядерного потенциала, что, в частности, было связано с тем, что американские ученые смогли преодолеть технические трудности при создании ядерных боеприпасов, сделав их более компактными и дешевыми в изготовлении. И у американских политиков ядерное оружие из простого средства усиления огневой мощи обычных войск превратилось в важнейший стратегический фактор. Советская военная мысль до конца 50-х гг. исходила из концепции решающей роли обычных вооружений на поле боя и «атомизация» советской военной доктрины произошла лишь на рубеже 50–60-х гг. XX в. [2, с. 89].

До середины 50-х гг. XX в. основным средством доставки свыше 70 % ядерных боеголовок США являлась стратегическая бомбардировочная авиация, уязвимость которой от реактивной истребительной авиации СССР наглядно продемонстрировала война в Корее в 1950–1953 гг., что являлось одним из сдерживающих факторов в отношении применения ядерного оружия. В пользу СССР в эти годы играло и то обстоятельство, что ЦРУ США не смогло выявить количественный и качественный потенциал ядерного оружия в Советском Союзе, значительно его переоценивая. Так разведка США оценивала число стратегических ядерных боеголовок в 1954 г. у СССР в 200 единиц, которые теоретически возможно доставить на территорию Соединенных Штатов [2, с. 89].

Во второй половине 50-х гг. в США завершился процесс создания ядерной триады:

- МБР наземного базирования межконтинентальной дальности;
- стратегическая авиация с дальностью действия до 16 тыс. км. – В-36 и В-52;
- подводные ядерные ракетноносцы – ПЛАРБ с ракетами типа «Поларис». Техническая революция в развитии ядерных боеприпасов и средств их доставки позволили США резко нарастить ядерный потенциал. Так в 1957 г. США имели на вооружении 5443 ядерных боезаряда с мегатонна-

жем в 17500 МТ ТЭ (мегатонн в тротиловом эквиваленте), при применении которого на территории противника сплошная зона разрушения составила бы 1,5 млн кв. км, зона пожаров – более 2 млн.кв.км, внешнее облучение свыше 300 рад. охватило бы 10 млн.кв.км. То есть СССР превратился бы при нанесении такого удара в радиоактивную пустыню [3, с. 54].

В середине 50-х гг. XX века Соединенные штаты располагали почти 2000 стратегических бомбардировщиков: 386 типа В-36; более 1000 – В-47 и 600 В-52. Это суммарно превосходило стратегическую авиацию СССР в 15–17 раз [3, с. 55]. Отставание СССР в области производства ядерных боеприпасов и средств их доставки военные аналитики сегодня оценивают в 7 лет. Следует отметить, что наиболее разрушительные термоядерные боеприпасы американцы поставили на поток в 1954 г., произведя их за 2 года (1954–1955) более 500, каждый из которых обладал мощностью до 10 МТ ТЭ [3, с. 54]. Подобное производство в СССР было налажено в 1957 г., а в 1960 г. на архипелаге «Новая земля» был взорван термоядерный заряд в 57 МТ ТЭ, самый мощный за всю историю ядерных испытаний.

К концу 50-х гг. США имели около 8 тыс. боезарядов всех классов, а у СССР – лишь около 300, т. е. более чем 25 раз меньше [3, с. 61]. Определенной компенсацией этого дисбаланса явился прорыв СССР в космос, то есть создание МБР стратегической дальности, начало создания мощной системы противовоздушной обороны (ПВО) на базе ракет-перехватчиков с привлечением авиации, оснащение Вооруженных Сил СССР более современными локаторами.

Научно-техническая революция в области развития и совершенствования ядерных вооружений и растущее превосходство США над СССР в этом направлении на протяжении всех 50-х гг. привели политиков Соединенных штатов к мысли о возможности применения ядерного оружия на очень ранней стадии конфликта [7, с. 97]. На смену доктрине «сдерживания» (доктрина Кеннана 1946 г) в январе 1954 года Джон Фостер Даллес сформулировал доктрину «массированного возмездия», согласно которой США могут использовать ядерное оружие не только в ответ на мощный советский удар по Европе, но и в ответ на агрессивные акты меньшего масштаба в других районах земного шара [7, с. 92]. На рубеже 50–60-х гг. в результате развития советского ядерного потенциала и повышения своей уязвимости США оказались заинтересованы в отсрочке применения ядерного оружия в войне. Поэтому военные и политические руководители Соединенных штатов стали разрабатывать стратегию «гибкого реагирования». В отличие от стратегии «массированного возмездия» концепция «гибкого реагирования» предполагала применять ядерные вооружения не в начале войны, а в качестве последней меры. Причем предполагалось поэтапно наращивать удары тактическим ядерным оружием при нападении СССР на Западную Европу, а стратегическое оружие – в качестве последней меры [7, с. 97]. Новая политика в военной области была принята правительством США в начале 60-х гг.

и одобрена в качестве официального документа НАТО в 1967 г. Следует отметить, что все принятые доктрины США в области использования ядерного оружия предполагали нанесение превентивного, первого удара по СССР, несмотря на официальную риторику руководителей Соединенных Штатов о сдерживании, массированном возмездии или гибком реагировании.

Военно-политическое руководство СССР, вынужденное отвечать на растущую военную угрозу со стороны США, предпринимало все возможные меры по укреплению национальной безопасности своей страны. В декабре 1959 г. были созданы Ракетные войска стратегического назначения. В 1957 г. в стране начался серийный выпуск атомных подводных лодок. Таким образом, в СССР, как и в США, хотя и с опозданием к последним, была создана ядерная триада стратегических сил.

Анализ военно-стратегической обстановки конца 40-х – начала 50-х гг. определил военную доктрину СССР, принятую сталинским руководством в конце 1940-х гг. Она предусматривала:

- удар возмездия ракетно-ядерными силами;
- наступательные действия против агрессора всеми имеющимися средствами;
- носила оборонительный характер и отказывалась от любой агрессии против суверенных государств, не обладающих ядерным оружием [8].

В таком случае возникает вопрос: почему же США, обладая в начале Холодной войны монополией на ядерное оружие, позже превосходя СССР в десятки раз по количеству ядерных боеприпасов и средств их доставки, имея десятки детально разработанных планов нанесения ядерных ударов по СССР так и не решились применить ядерное оружие против Советского Союза?

Аргументированный ответ на данный вопрос представлен в монографии Е. В. Буянова «История ракетно-ядерной гонки США и СССР» [3]. По мнению автора, планы американцев каждый раз опирались на то количество бомб, которых у них не было, но которое надо было создать согласно этому «плану». Поэтому начало войны откладывалось до достижения уровня вооружений, предусмотренных планом нападения. Когда же количество запланированных бомб достигало запланированного значения, обстановка и условия войны менялись так, что вновь приходилось пересматривать планы нападения, увеличивать количество боезарядов и их носителей и отодвигать сроки начала войны «до лучших времен». Вот так СССР удалось сначала отсрочить ядерную войну, а потом сделать её совершенно неприемлемой в части тяжести её последствий для США. Следует также отметить и возникшее на рубеже 50–60-х гг. «окно уязвимости» для США, когда СССР получил в свое распоряжение межконтинентальные средства доставки ядерных боеприпасов.

Карибский кризис октября 1962 г. подвел черту в ядерном противостоянии США и СССР. Была открыта новая эра взаимоотношений двух супер-

держав, определившая политическую разрядку и первые соглашения по контролю и сокращению стратегических вооружений между ними в конце 60-х начале 70-х гг.

СССР в течение 60–70-х гг. удалось за 20–25 лет технологически догнать и опередить США в области производства ядерных материалов и боезарядов, ликвидировать отставание в 7 лет. Казалось бы, руководству США, так с помпой отметившему распад СССР в 1991 г. и ослабление современной России во времена правления Б. Н. Ельцина, пора учесть уроки ядерного противостояния и гонки ядерных вооружений, не загонять страны-соперники в тот угол, выход из которого чреват войной. Однако внешняя политика США не меняется и в настоящее время. Она направлена на то, чтобы любыми средствами сохранить ускользающее доминирование в современном мире.

На наш взгляд, необходимо обозначить основные уроки, вытекающие из анализа данной темы:

- резкое изменение баланса вооружений в пользу одного из центров мировых сил чревато обострением международной обстановки до уровня развязывания войны с применением ядерного оружия (пример Карибского кризиса).
- сторона, считающая себя в наибольшей опасности под угрозой нападения превосходящего противника, будет стремиться всеми возможными силами и средствами сократить имеющийся разрыв с потенциальным соперником, а её население окажется способным долгое время терпеть экономические и социальные последствия гонки вооружений.
- взаимная гонка вооружений, особенно в высокотехнологичных областях военного производства, в той или иной мере изматывает обе стороны, порождает новые внутренние и внешние конфликты, является существенным тормозом в решении глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество в XX и XXI вв.

Поэтому взаимному диалогу между великими державами, соблюдению баланса безопасности нет альтернативы в современном мире.

Список использованных источников

1. *Хлевов, А. А.* Три возраста Холодной войны / А. А. Хлевов // Вес. Русск. христ. гум. акад. – 2013. – Т. 14. Вып. 4. – С. 319–324.
2. *Батюк, В. И.* Холодная война между США и СССР (1945–1991): очерки истории / В. И. Батюк. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2018. – 332 с.
3. *Буянов, Е. В.* История ракетно-ядерной гонки США и СССР / Е. В. Буянов. – М.: Изд-во «Родина», 2021. – 470 с.: ил., портр., табл., карты.
4. *Кларк, Р.* Наука войны и мира [Текст]: пер. с англ. / Р. Кларк. – М.: Прогресс, 1972. – 321 с.
5. *Плащинский, А. А.* Начальный период «холодной войны» и формирование концепции глобального лидерства США / А. А. Плащинский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 1. – С. 69–74.

6. Цели и программы Соединенных Штатов по национальной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт «Лекция». – Режим доступа: <https://lektsia.com/1x4c1b.html>. – Дата доступа: 09.11.2022.

7. Жизнь под угрозой ядерного оружия [Текст]: пер. с англ. / А. Карнесэйл [и др.]. – Гарвардская группа по изучению ядерных проблем. – М.: Прогресс, 1984. – 269, [1] с.

8. Военная доктрина СССР и основные направления военно-технической политики СССР в годы «холодной войны» [Электронный ресурс] // Сайт «Академия развития творчества». – Режим доступа: <https://www.art-talant.org/publikacii/47058-voennaya-doktrina-sssr-i-osnovnye-napravleniya-voenno-tehnicheskoy-politiki-sssr-v-gody-holodnoy-voyny>. – Дата доступа: 18.11.2022.

(Дата подачи: 20.02.2023 г.)

Л. І. Масейчук

Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі,
Мінск

L. I. Maseichuk

Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation,
Minsk

УДК 94(476)

«ПРАЛЕТАРЫЗАЦЫЯ» БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА: ПЕРШЫЯ КРОКІ (1923–1925 ГГ.)

«PROLETARIZATION» OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: THE FIRST STEPS (1923–1925)

У артыкуле на падставе аналізу архіўных крыніц разгледжаны змены, якія адбываліся ў нацыянальным, сацыяльным і гендэрным складзе студэнцкага супольніцтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта першай паловы 1920-х гг. Апісаны ўмовы, у якіх адбывалася праверка ў дачыненні да студэнтаў універсітэта. Адзначаецца, што мерапрыемствы па праверцы студэнтаў прывялі да скарачэння колькасці навучэнцаў з акадэмічнай запазычанасцю, умацавалі вучэбную дысцыпліну і садзейнічалі пралетарызацыі і нацыяналізацыі вышэйшай навучальнай установы.

Ключавыя словы: універсітэцкая адукацыя; універсітэт; студэнты; пастанова; палітыка; статыстычныя данныя; праверка.

The article, based on the analysis of archival sources, examines the changes that took place in the national, social and gender composition of the student community at the Belarussian State University in the first half of the 1920s. The conditions under which the inspection, which was carried out against university students, took place are described. It is noted that student screening measures have reduced the number of students with academic debt, increased academic discipline, and contributed to the proletarianization and nationalization of higher education.

Key words: university education; university; students; regulation; policy; statistics; check.

18 красавіка 1921 г. прэзідыум ЦВК БССР прыняў пастанову аб адкрыцці ў г. Мінску Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ) [1,

арк. 3]. Яго ўнутраная арганізацыя ажыццяўлялася паводле «Палажэння аб вышэйшых навучальных установах Беларускай ССР», прынятай Радай народных камісараў Беларускай ССР (далей – СНК) 2 верасня 1921 г., і дэкрэта СНК Беларускай ССР аб «Палажэнні вышэйшых навучальных устаноў» ад 3 ліпеня 1922 г. [2]. Перад вышэйшай навучальнай установай ставіліся задачы падрыхтоўкі спецыялістаў для розных галін народнай гаспадаркі, навукі і культуры, выхаваных у новай марксісцкай ідэалогіі.

30 кастрычніка 1921 г. БДУ пачаў сваю працу ў складзе трох асноўных факультэтаў – працоўнага, медыцынскага і грамадскіх навук [3, арк. 187].

Цэнтральным кіруючым органам БДУ было Праўленне, якое кіравала вучэбна-навуковай і гаспадарча-адміністрацыйнай дзейнасцю ўсяго ўніверсітэта.

Праўленне БДУ працавала ў цесным кантакце з усімі мясцовымі ўрадавымі органамі Беларусі і, у першую чаргу, з Саўнаркамам БССР. Рэктар універсітэта Ул. І. Пічэта і яго намеснік С. З. Кацэнбогін, выступаючы перад членамі Саўнаркама, гаварылі аб недахопе выкладчыкаў, нізкім адукацыйным узроўні студэнтаў, адсутнасці навукова-метадычнага забеспячэння і неабходнасці прымянення новых адукацыйных тэхналогій у адукацыйным працэсе [4].

Напрыканцы 1923 г. кіраўніцтву краіны стала зразумела, што ўкараненне новых метадык і формаў арганізацыі вучэбнай дзейнасці, заснаваных на марксісцкай ідэалогіі, немагчыма без унутранай класова-сацыяльнай санацыі спачатку студэнцкай, а пазней і выкладчыцкай супольнасцяў.

Ужо ў лютым 1924 г. на сумесным пасяджэнні Галоўпрафобра БССР і Саўнаркама БССР было прынята рашэнне аб правядзенні праверкі студэнтаў беларускіх ВНУ, аб чым Праўленне БДУ было праінфармавана да прыняцця афіцыйнага дакумента.

2 мая 1924 г. Саўнаркам БССР выдаў дэкрэт «Аб скарачэнні колькасці навучэнцаў у ВНУ» [5, арк. 1]. У дакуменце падкрэслівалася, што «з прычыны празмернага перапаўнення вышэйшых навучальных устаноў БССР <...> неабходна скараціць кантынгент навучэнцаў», што ў сваю чаргу дазволіць вызваліць ВНУ ад празмернай перагрузкі і забяспечыць магчымасць нармальнай вучэбнай працы; выдаліць з ВНУ студэнтаў, якія не справіліся з навучальнымі патрабаваннямі і з’яўляюцца баластам для навучальнай установы і дазволіць забяспечыць выпускнікоў ВНУ працоўнымі месцамі ў межах рэспублікі [5, арк. 2]. Прымаючы да ўвагі ўсё вышэйпералічанае, Савет Народных Камісараў БССР пастанавіў даручыць Народнаму Камісарыяту Асветы скараціць агульную колькасць навучэнцаў у ВНУ краіны да канца бягучага 1924/1925 навучальнага года. Асноўных крытэрыяў для адлічэння было два: акадэмічная неспяховасць і сацыяльнае паходжанне [5, арк. 1].

У інструкцыі «Аб правядзенні якаснай праверкі студэнтаў ВНУ БССР», прынятай 11 чэрвеня 1924 г. СНК БССР у дадатак да Дэкрэта, падкрэсліва-

лася, што праверцы падлягалі ўсе без выключэння студэнты, незалежна ад іх паходжання і парадку паступлення.

Безумоўнаму выключэнню падлягалі «студэнты, якія праявілі сябе ў якасці антыпралетарскага элемента, варожа настроеныя да палітыкі Савецкай улады, і, у прыватнасці, да пралетарызацыі ВНУ» [5, арк. 2].

Для правядзення праверкі ў БДУ была створана ўніверсітэцкая Камісія, якая падпарадкоўвалася Цэнтральнай Камісіі пры Галоўпрафобры. Яна складалася са старшыні (прызначаўся Галоўпрафобрам) і пяці ўдзельнікаў – па адным прадстаўніку ад Праўлення, Выканбюро, прафсаюза, партыйнай і камсамольскай ячэек БДУ.

Праверка праводзілася «шляхам апытання студэнта», прагляду ягонай асабістай справы і заліковай кніжкі. Адмыслова ўвага звярталася на выкананне практычных прац і працягласць навучання.

Пры праверцы якаснага складу студэнцтва розных сацыяльных груп прымяняўся розны падыход. Больш высокія патрабаванні, якія тычыліся акадэмічнай паспяховасці, прад'яўляліся да матэрыяльна забяспечаных студэнтаў. Калі такі студэнт адставаў – ён падлягаў выключэнню [5, арк. 2].

У адносінах да студэнтаў з сялянскага асяроддзя дапускаліся некаторыя прывілеі: адлічэнню падлягалі студэнты з гадавой акадэмічнай запазычанасцю.

У дачыненні да студэнтаў пралетарскага паходжання, а таксама членаў УЛКСМ і КПБ, праверка ставіла дзве задачы: заахоціць студэнтаў з добрай паспяховасцю і адлічыць тых, хто праявіў «выключную не паспяховасць у праходжанні курса за час працяглага навучання» [5, арк. 3].

У адносінах да студэнтаў, чыя не паспяховасць была звязана з грамадскай працай, рабілася выключэнне: ім прызначаліся канкрэтныя тэрміны для пагашэння акадэмічнай запазычанасці.

Студэнты, якія не з'явіліся для праверкі ў названыя Камісіяй тэрміны, павінны былі прайсці яе не пазней за 10 ліпеня 1924 г., або падаць дакументы аб уважлівай прычыне адсутнасці (цяжкай хваробы, ад'ездзе па важных грамадскіх справах), у адваротным выпадку яны аўтаматычна выключаліся [5, арк. 33а].

Да пачатку новага 1924/1925 навучальнага года праверка была завершана. Да заняткаў былі дапушчаны толькі студэнты, якія атрымалі адпаведны дазвол Камісіі. Усім астатнім выдаваліся пасведчанні з пералікам здадзеных прадметаў і з указаннем прычыны адлічэння [5, арк. 23].

Па выніках праверкі агульная колькасць навучэнцаў у БДУ скарацілася: на медфаку – на 23 %, на педфаку – на 21 %, на факультэце грамадскіх навук – на 48 %. На 62 % скарацілася колькасць студэнта выхадцаў з сямей «непрацоўнага элемента» і дзяцей святароў [5, арк. 61].

Пасля праведзенай праверкі змяніўся і нацыянальны склад студэнтаў. У 1924/1925 навучальным годзе беларусы склалі – 47 %, яўрэі – 44 %, іншыя нацыянальнасці – 9 % ад агульнай колькасці навучэнцаў. У той час як

у 1923/1924 навучальным годзе гэтыя суадносіны выглядалі як 39 %, 53 %, і 8 % адпаведна [5, арк. 61].

Найбольш безабароннай гендэрнай групай у працэсе праверкі аказаліся студэнты-жанчыны.

У 1922/1923 навучальным годзе ў БДУ вучылася 720 жанчын. Іх узрост вагаўся ад 18 да 45 гадоў [6, арк. 47]. У наступным 1923/1924 навучальным годзе было прынята 498 жанчын [6, арк. 379]. Часта жанчыны, якія атрымлівалі адукацыю ва ўніверсітэце, мелі сем'і і маленькіх дзяцей, што не дазваляла ім своечасова здаваць залікі і іспыты. Акадэмічныя запазычанасці па некаторых прадметах складалі больш за два гады. З дадзенай гендэрнай групы з 1921 г. па 1923 г. па «асабістых прычынах» і «сямейных абставінах» былі адлічаны 134 студэнткі.

Па выніках праверкі 1924 г. колькасны склад студэнтаў-жанчын скараціўся з 878 да 560 чалавек [6, л. 47; 5, л. 63]. Сярод прычын адлічэння пераважаюць фармулёўкі: «за акадэмічную непаспяховасць», «палітычную несваядомасць» і «сумніўнае сацыяльнае паходжанне».

Выключэнне з універсітэта за акадэмічную непаспяховасць не было перашкодай для працы ў дзяржаўных установах і нават школах. Таксама былым студэнтам БДУ дазвалялася экстэрнам паступаць у Мінскі і Віцебскі педагагічныя, Горацкі сельскагаспадарчы, Магілёўскі і Мінскі кааператыўныя тэхнікумы. Пры паступленні абітурыенту неабходна было прадаставіць дакументы, выдадзеныя пры адлічэнні. Прыёмныя камісіі ў тэхнікумах працавалі на працягу ўсяго навучальнага года з 1 кастрычніка 1924 г. па 1 траўня 1925 г. [6, л. 88]. Гэтая магчымасць не распаўсюджвалася на студэнтаў, выключаных «па сацыяльнай прыкмеце».

У архіве НАРБ у фондзе № 42 «Народны камісарыят асветы БССР» захоўваюцца дзясяткі лістоў адлічаных студэнтаў універсітэта. За сухімі радкамі разбітыя надзеі, здзіўленне, распач [6, л. 85, 358, 374, 375, 402, 447].

Ліст адной з такіх «палітычна не добранадзейных» студэнтак добра ілюструе ўнутраны стан адлічаных: «Вокруг меня твердят, знающие близко меня: «Это высшая форма несправедливости». Но для меня не это важно, а самый факт поражает. От родных сама ушла, от прежней службы отказалась по убеждению <...>. Я работала, была счастлива и довольна. Это все, что я имела и чем жила и это у меня берут. Я выброшена из Института. Куда ехать? Что делать? Жуткая душевная пустота, легче вероятно смерть. Как же быть? Снова надо перерешить какой-либо из старых проклятых вопросов. Кое-как доживешь остальную жизнь, но душа разбита, лучше добить. Будьте впредь осторожнее, не губите так неосторожно молодые души» [6, л. 85а]. Ліст не падпісаны. Імя рэспандэнта ўстанавіць не ўдалося.

На перагляд вынікаў праверкі ў «Цэнтральную Камісію па правярцы студэнцкага складу ВНУ Беларусі» ад студэнтаў БДУ была пададзена 671 заява. Па медыцынскім факультэце – 160, па педфаку – 186, па факультэце грамадскіх навук – 325 [6, л. 357].

На станоўчае рашэнне пры пераглядзе маглі разлічваць студэнты рабоча-сялянскага паходжання з палітычным развіццём не ніжэй за «сярэдні», адлічаныя за акадэмічную непаспяховасць.

Так, студэнтка 4 курса медфака Р. М. Праэктар-Данцынг у сваёй заяве аб пераглядзе справы просіць звярнуць увагу на тыя цяжкія ўмовы, у якіх ёй даводзілася вучыцца: «Барацьба за існаванне, сям'я, мацярынства – вось тыя тормазы, якія заўсёды перашкаджалі засяродзіцца на занятках» [6, л. 358]. Пасля разгляду заявы Р. М. Праэктар-Данцынг была адноўлена ў якасці студэнткі медыцынскага факультэта з абавязацельствам здаць усю акадэмічную запазычанасць (за якую яна і была адлічана) на працягу 1924/1925 навучальнага года [6, л. 356].

У заяве аб пераглядзе спраў у Галоўпрафобр студэнтка 3 курса медыцынскага ўніверсітэта Б. С. Шляпініна тлумачыць сваю непаспяховасць тым, што вымушана жыць «на сродкі, якія здабываюцца прыватнымі дзяжурнымі ўрокамі», просіць увайсці ў становішча і аднавіць яе ў правах студэнта. Справа перагледжана не была.

Многія студэнты, адлічаныя з універсітэта, былі прызваны ў рады Чырвонай Арміі. Зарэкамендаваўшы там сябе як найлепш, яны хадайнічалі аб аднаўленні ў правах студэнтаў. З хадайніцтвам выступалі партыйныя і камсамольскія ячэйкі. Такім просьбітам, часцей за ўсё, ішлі насустрэч.

Так, студэнт 3 курса медыцынскага факультэта Г. С. Левін, пасля адлічэння быў прызваны ў Чырвоную Армію і, пасля хадайніцтва камсамольскай арганізацыі і прадастаўлення бліскучай характарыстыкі, камісія перагледзела яго справу і аднавіла ў правах студэнта пасля заканчэння службы, з правам здачы залікаў курсу, які прапусціў [6, л. 366].

Па выніках пададзеных апеляцый было адноўлена 90 чалавек. На медыцынскім факультэце – 27, педагогічным – 35, факультэце грамадскіх навук – 28 чалавек [6, л. 60].

Складаней было тым, каго выключалі за «памылковыя навуковыя перакананні», як, напрыклад, студэнтку II курса габрэйскага аддзялення факультэта грамадскіх навук В. Зяльдовіч: «Студэнтка Зяльдовіч выключаная Камісіяй па педфаку з прычыны сіяніскага ўхілу, які выявіўся ў яе, і які, на думку Камісіі, не адпавядае прынцыпам выкладання ў савецкай школе» [5, л. 70].

Прафесар М. М. Нікольскі горача заступіўся за сваю падапечную В. Зяльдовіч, адмаўляючы «сіяніскі» і «нацыянальны ўхіл» у яе навуковых працах, прысвечаных пытанням біблейскай крытыкі і рэлігіі. Выкладчык характарызаваў студэнтку як удумлівага і аб'ектыўнага даследчыка і выказваў меркаванне, што з яе можа атрымацца цудоўны гісторык і прасіў даць ёй магчымасць скончыць адукацыю [5, арк. 72–72 об.]. Нягледзячы на яго заяву, справа перагледжана не была.

Не думаючы аб наступствах для сябе, прафесары М. М. Нікольскі, І. Д. Сосіс, Ул. М. Дзяканаў, Ул. М. Перцаў, Д. А. Жарынаў, высока адзеньва-

ючы навуковы патэнцыял сваіх падапечных, выступалі з хадайніцтвамі аб іх аднаўленні, часцей за ўсё безвынікова.

Такім чынам, да канца 1923/1924 навучальнага года ўніверсітэт прайшоў фазу першапачатковага станаўлення. Былі вырашаны пытанні, звязаныя з адміністрацыйным упраўленнем інстытута, пачала фарміравацца дакладная структура факультэтаў і сістэма арганізацыі адукацыйнага працэсу. Перад універсітэтам ставіліся задачы падрыхтоўкі спецыялістаў, выхаваных у новай марксісцкай ідэалогіі.

Мерапрыемствы па правярцы студэнтаў, якія праводзіліся ў 1924 г., прывялі да скарачэння колькасці навучэнцаў з акадэмічнай запазычанасцю, узялі вучэбную дысцыпліну і садзейнічалі пралетарызацыі і нацыяналізацыі вышэйшай навучальнай установы.

Неабходна адзначыць, што Камісія, дзейнічаючы ў рамках жорсткіх ідэалагічных устаноў, не лічылася з паспяховасцю студэнта, а аддавала перавагу сацыяльнаму походжанню, што прывяло да перагібаў і масавых пераглядаў вынікаў яе працы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 10. Т. 1.

2. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Декрет о «Положении высших учебных заведений» 3 июля 1922 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1350.htm. – Дата доступа: 23.10.2019.

3. НАРБ. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 124.

4. *Мосейчук, Л. И.* Развитие организационно-управленческой структуры Белорусского государственного университета в 1921–1939 гг. / Л. И. Мосейчук // Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы: у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2019. – Ч. 2. – С. 273–276.

5. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 1229.

6. НАРБ. – Ф. 42. Воп. 1. Спр. 213.

(Дата падачы: 27.02.2023 г.)

Е. В. Мацулевич

Республиканский институт высшей школы, Минск;
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

E. V. Matsulevich

National Institute For Higher Education, Minsk;
Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 94(73+47+57):327“1991/2021”

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛИТИКУ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1991–2021 ГГ.¹

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON US POLICY TOWARDS POST-SOVIET INTEGRATION IN 1991–2021

После окончания Холодной войны Вашингтон должен был выработать внешнеполитическую стратегию, отвечающую новым реалиям, в том числе определить позицию в отношении интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Изменяющаяся внутри- и внешнеполитическая обстановка вынуждала каждую новую администрацию корректировать цели и задачи внешней политики США. В статье прослежено влияние политической обстановки в мире на политику США в отношении постсоветской интеграции в 1991–2021 гг., определены постоянные и переменные внешние угрозы, борьба с которыми отвечала «жизненно важным интересам» страны и прямо или косвенно влияла на процессы постсоветской интеграции.

Ключевые слова: США; постсоветская интеграция; постсоветское пространство; новые независимые государства; Дж. Буш-ст.; У. Клинтон; Дж. Буш-мл.; Б. Обама; Д. Трамп.

After the end of the Cold War Washington had to develop a foreign policy strategy that meets the new realities, determine the position regarding integration processes in the post-Soviet space. The changing domestic and foreign political situation forced each new administration to adjust the goals and objectives of US foreign policy. The article considers how the political situation in the world influenced the US policy towards post-Soviet integration in 1991–2021, identifies constant and variable external threats, the fight against which met «vital goals» and directly or indirectly influenced the processes post-Soviet integration.

Key words: USA; post-Soviet integration; post-Soviet space; New Independent States; George H. W. Bush; W. J. Clinton; George W. Bush; B. Obama; D. Trump.

После окончания Холодной войны для США открылась возможность «разыграть партию» на «евразийской шахматной доске» по сценарию

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. – к. и. н., доц. А. П. Косов).

3. Бжезинского: включить «среднюю часть» территории от Лиссабона до Владивостока (примерно границы постсоциалистического пространства) в «расширяющуюся орбиту Запада (где доминирует Америка)», не дать стать ей «активным единым целым» и/или «взять контроль над Югом», или «образовать союз с участием крупной восточной державы» [1]. Это означало, что создание в регионе неподконтрольных Вашингтону интеграционных образований не отвечало интересам США, связанным со стремлением расширить зону своего влияния. Однако американское руководство не смогло выработать четкой стратегии, направленной на противодействие созданию китайских и российских проектов, а руководствовалось насущными внутренними и внешними обстоятельствами, определяющими необходимость предпринять те или иные внешнеполитические шаги. Цель исследования – проследить, как внешние факторы влияли на политику США в отношении постсоветской интеграции в 1991–2021 гг.

Администрация Дж. Буша-ст.

Задачи на других векторах внешней политики

Администрацией Дж. Буша-ст. не было выработано конкретной концепции американской внешней политики, учитывающей новые геополитические условия. Одной из причин, почему пересмотр внешнеполитической стратегии страны затянулся и не был сконцентрирован на процессах в постсоветском регионе, являлась благоприятная обстановка для активной внешней политики США на других векторах, а также вызовы и угрозы, исходящие от них.

Сразу после инаугурации Дж. Буша-ст. и формирования его команды приближенных в 1989 г. США включились в процессы трансформации миропорядка. В условиях деформации принципов советской внешней политики перед Вашингтоном открылась возможность укрепить свои позиции в Европе, добившись объединения Германии и ее интеграции в евроатлантические структуры. Эта «жизненно важная» цель не могла быть брошена после распада СССР, несмотря на появление новых вызовов и перспектив. Аналогично ситуация складывалась в традиционной зоне интересов США – Латинской Америке, в которой в условиях ослабления социалистической угрозы американцы получили возможность установить выгодный для себя политический и экономический режим. Требовало активной внешней политики и ситуация на Востоке. Угрозу экономике США представляли действия С. Хусейна, на противодействие которому были брошены значительные американские военные силы. Все эти мероприятия представляли для Вашингтона стратегическую важность и после распада СССР и не могли отойти на второй план.

Вопросы безопасности и ядерного разоружения

В то же время в обширной внешнеполитической повестке Вашингтона регион бывшего Советского Союза занимал особое место. Перед Белым домом стояла задача определить свою позицию в отношении тех процессов,

которые там проходили, в том числе в отношении образования Содружества Независимых Государств (СНГ), а также не допустить «расползания» советского ядерного оружия, появления региональных конфликтов, и в целом создать благоприятную обстановку для включения постсоветского пространства в «западный мир».

Внимание администрации сконцентрировалось на вопросах ядерного разоружения и региональной безопасности. Создание СНГ в данных условиях было выгодно США, т. к. Статья 6 договора о Содружестве, представленная Б. Ельциным Дж. Бушу-ст., удовлетворяла интересы Белого дома, давая гарантию соблюдения странами-участницами требований международной безопасности и сокращения вооружения и расходов на оборону, подтверждая намерение ликвидировать ядерное оружие и провести полное разоружение [2, р. 3]. Россия при этом была воспринята как гарант данных обязательств. Кроме того, ее особый статус также диктовала необходимость решить вопрос преемственности договорной базы США и СССР.

Администрации У. Клинтона

Вопрос ядерного разоружения

О том, что вопрос ядерного оружия был одним из главных для администрации У. Клинтона при определении политики США в отношении стран бывшего Советского Союза, свидетельствует подход к Беларуси, с которой у Вашингтона стали ухудшаться отношения после смены в республике парламентской формы правления на президентскую в 1994 г.: Сенат в своем обращении к У. Клинтону обозначил, что т. к. белорусская политика по разоружению страны, отвечает интересам США, то Вашингтон должен ответить поддержкой и продвижением интересов Беларуси [3, р. 2631].

Политика России на постсоветском пространстве

Вопрос ядерного оружия и региональной безопасности также определял особое отношение к Российской Федерации. Первоочередное значение в деле сокращения вооружения и нераспространения технологий его создания отводилось именно ей, а также Украине [4, р. 11]. Однако сохранение российских войск в ряде новых независимых государств вело к тому, что в России стали видеть не столько американского партнера, сколько соперника.

В качестве ответной реакции, направленной на снижение российского влияния в регионе, США более активно включились в процессы демократизации новых независимых государств: американское руководство должно было поставить приоритетом своей внешней политики содействие демократизации бывших социалистических стран Евразии, чтобы укрепить свое влияние среди новых независимых государств («доктрина Лейка»). Такая политика не имела прямой цели противодействовать постсоветской интеграции, но, будучи направленной против лидерства России или иной страны, действия которой не отвечали бы американским интересам, она должна

была препятствовать деятельности интеграционных объединений, неподконтрольных Вашингтону.

Кроме того, начался поиск иных средств консолидации стран региона, которые не вели бы их к зависимости от России, а способствовали бы включению в «мир демократий» [например: 5, р. 9216; 6, р. 16304], а также активизировалось обсуждение вопроса о расширении НАТО. В отношении постсоветской интеграции это означало стремление США снизить значение неамериканских проектов и, наоборот, повысить привлекательность установления тесных отношений с Вашингтоном.

Замедление демократической трансформации в ряде новых независимых государств

Еще одной причиной, почему американцы начали поиск более эффективных средств включения новых независимых государств в американскую сферу влияния, стала очевидность замедления трансформационных процессов по западному образцу в этих странах, что создавало новые угрозы мировому порядку и национальным интересам США. В связи с этим продолжение демократического перехода в новых независимых государствах объявлялось долгосрочной перспективной целью [7, р. 32]. По этим же причинам особое внимание стало уделяться анализу проведенных в постсоветских странах реформ, особенно в Украине и в России.

Углубление российско-белорусской интеграции

Появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства, что для американцев означало стремление Кремля отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу и усилить сотрудничество с азиатскими соседями и странами бывшего соцлагеря, а также углубление сотрудничества Минска и Москвы вызвали новую критику со стороны Вашингтона.

Центр стратегических и международных исследований США (CSIS), видя причиной постсоветской интеграции под эгидой Москвы экономические проблемы стран-участниц, чтобы ее избежать и хеджировать американские риски, предложил выделять больше финансов соседям России [8, р. 1], а также стимулировать экономическую «естественную интеграцию» в противовес «политической реинтеграции» в Советский Союз [8, р. 1]. Выгодой для США при реализации такого подхода должна была стать стабилизация постсоветского пространства и создание выгодных условий для международной торговли [8, р. 6].

Администрации Дж. Буша-мл.

Задачи на других векторах внешней политики

Внешнеполитический подход США был изменен после терактов 11 сентября 2001 г. Новая внешняя политика должна была стать активной, направленной на укрепление международной безопасности и мировую демократизацию. В этой связи приоритетное внимание было перенесено на ближневосточный регион и Афганистан. Постсоветское пространство не

составляло главный интерес для администрации президента, Государственного департамента и Пентагона. Однако полностью «уйти» из региона США как позиционирующее себя мировым лидером государство не могло, так как это подорвало бы престижный международный статус.

Теракты 11 сентября 2001 г

Под влиянием событий 11 сентября 2001 г. Вашингтон пересмотрел принцип построения дружеских отношений с новыми независимыми государствами и оказания им помощи. Теперь критерием стало не только стремление той или иной страны к демократическим реформам, но и ее намерение бороться с терроризмом. В отношении постсоветской интеграции такая политика означала, что США усилили экономический инструмент создания конкуренции неподконтрольным Вашингтону интеграционным объединениям.

Политика России на постсоветском пространстве и активизация постсоветской интеграции

Миссия США по борьбе с терроризмом диктовала особый статус России как главного партнера, что было зафиксировано в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. [9, Preface]. Однако, как и ранее, одной из причин, почему российско-американские отношения начали портиться, стала возрастающая непредсказуемость и усиливающаяся активность политики Москвы в постсоветском регионе, в частности активизация российских интеграционных проектов. В американских политических кругах появление любого нового интеграционного проекта рассматривалось как политический шаг, направленный на возвышение России среди стран бывшего СССР. Основания к этому находили в расплывчатых формулировках договорной базы интеграционных проектов [10, p. 3].

Политика Китая в Центральной Азии

Аналогичную угрозу американским интересам стал представлять Китай со своими интеграционными инициативами, затрагивающими Центральную Азию, нефть и газ которой являлись потенциальным резервным источником, дополняющим ресурсы, поступающие в США из стран Персидского залива. Как следствие – неподконтрольная Вашингтону интеграция здесь не отвечала интересам Белого дома, т. к. эти страны надо было держать в американской сфере влияния. Особую актуальность эта задача обрела после 11 сентября 2001 г., когда Вашингтон получил возможность усилить свое влияние в регионе с помощью военного присутствия, используя территорию центральноазиатских республик бывшего СССР как плацдарм для борьбы с террористической угрозой, исходящей из Афганистана.

Для ослабления интеграционных инициатив Китая и России в Центральной Азии Дж. Буш-мл. продолжил развивать интеграционный проект, зародившийся при У. Клинтоне, – Организацию за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), характеризующуюся как «относительно прозападная группа постсоветских государств с общими проблемами безопасности:

Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова» [11]. В начале 2000-х гг. в ГУАМ также входил Узбекистан, а организация носила аббревиатуру ГУУАМ. В 2001 г. была подписана ее Хартия.

«Цветные революции»

Грузинская «революция роз» 2003 г., украинская «оранжевая» революция 2004 г., «тюльпановая революция» 2005 г. в Киргизии, акции протеста 2006 г. в Минске – ключевые события для США, демонстрирующие прозападные настроения в бывших советских странах. Итоги «цветных революций» заставили американцев сделать вывод: «Наши “кнуты” оказались неэффективными, поэтому сфокусируемся на “прянике”» [12]. К таким «пряникам» относились средства «мягкой силы»: проекты в области правовой защиты экономики, юридического образования, обучения английскому языку, научно-технического оснащения школ, расширения возможностей получения стипендий на получение высшего образования в США, трудоустройства [12].

Администрации Б. Обамы

Задачи на других векторах внешней политики

Став президентом США, Б. Обама стремился реализовать три цели во внешней политике: изменить отношения с усиливающимися азиатскими державами, особенно Китаем; трансформировать отношения с мусульманским миром (снизить конфликтность); содействовать ядерному нераспространению и разоружению [13]. Постсоветская интеграция не являлась главной проблемой для Вашингтона, однако, к тому времени уже традиционно рассматриваясь как часть «русской» и «китайской» «угроз», сохраняла свою актуальность.

Украинский кризис 2013–2014 гг., последующий российско-украинский конфликт и политика России на постсоветском пространстве

Новым вызовом для американской внешней политики выступил украинский кризис 2013–2014 гг. и последующий российско-украинский конфликт, развернувшийся на фоне вхождения Крыма в состав России и поддержки Россией независимости Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР). Белый дом поддержал прозападные настроения в Украине и президента П. Порошенко и выступил против тех действий, которые предпринимала Россия: Соединенные Штаты не признали референдум в Крыму, осудили и признали незаконными выборы в Донецке и Луганске.

Политика России в отношении Украины использовалась США как повод для нанесения удара по российской экономике с помощью санкций, также это стало поводом для налаживания военного сотрудничества США с Украиной, в том числе посредством НАТО. К 18 сентября 2014 г. лишь 7 млн долл. направлялись в Украину для гуманитарных нужд, а 46 млн долл. в дополнение к 70 млн долл. «в виде помощи в области безопасности пойдут на поддержку украинских военных и пограничников» [14]. По сцена-

рию Украины аналогичная политика применялась для Молдовы и Грузии [15; 16]. Одна из декларируемых целей при этом была их европейская и евроатлантическая интеграция.

Была актуализирована прежняя стратегия США – включить постсоветское пространство в зону своего влияния через Североатлантический Альянс, который должен был заменить постсоветскую интеграцию под эгидой России или Китая, или любой другой страны (например, Беларуси в рамках проекта «интеграции интеграций» [17, с. 321–329]). На саммите НАТО в 2014 г. Грузии, Украине и Молдове был предоставлен статус «особых партнеров» Альянса, а согласно закону «О предотвращении российской агрессии» (*Russian Agression Prevention Act of 2014*) в том же году им был предоставлен статус «союзника без членства в НАТО».

Политика Китая на постсоветском пространстве

Чтобы снизить интерес бывших республик СССР к китайским интеграционным инициативам, американское руководство в 2015 г. выработало еще один механизм вовлечения новых независимых государств в «западный мир» – площадку «С5+1» с участием США, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана.

Администрация Д. Трампа

Задачи на других векторах внешней политики

Д. Трамп продемонстрировал стремление пересмотреть ряд ключевых вопросов американской внешней политики. Он вывел США из Парижского климатического и Транстихоокеанского партнерств, Совместного всеобъемлющего плана действий по Ирану, принял решения о выводе американских войск из Сирии и Афганистана, пошел на сближение с Индией, Саудовской Аравией и Израилем, реализовывал политику экономического давления на Венесуэлу, ведя борьбу против Н. Мадуро, провел переговоры с лидером Северной Кореи. Политика США на постсоветском пространстве развивалась в рамках «торговой войны» с Китаем и экономических санкций в адрес России.

Рост мировой политической и экономической силы Китая

Политика Д. Трампа показывает, что главной своей целью и врагом Вашингтон видел Китай, темпы роста экономики которого угрожали Вашингтону потерей своего не только экономического, но и политического лидерства в мире. Чтобы ослабить Пекин было необходимо в том числе подорвать его союз с Москвой. Это отвечало не только цели в отношении КНР, но и в целом создавало бы более благоприятные условия для США в международных делах. Также это ликвидировало бы угрозу развития китайской инициативы «Один пояс – один путь» совместными российско-китайскими усилиями, что могло бы реализовать идею Кремля о Большой Евразии.

Чтобы сохранить свое присутствие в постсоветском регионе, администрация Д. Трампа переняла прежний подход – политику, направленную на поддержание прозападных настроений в странах бывшего СССР. Для США

в постсоветском регионе характерно следование стратегии, обозначенной старшим научным сотрудником программы Карнеги «Россия и Евразия» П. Стронским: офшорное балансирование («*offshore balancing*») с помощью политических и экономических вопросов, вопросов безопасности; избирательный подход к партнерству с евразийскими странами; помогать странам региона компенсировать геополитический вес их более крупных соседей (России и Китая); привлекать к такой политике союзников и партнеров США в Азии, Европе и на Ближнем Востоке; т. к. у Соединенных Штатов больше интересов и больше влияния в Восточной Европе и на Южном Кавказе, то приоритетами должны оставаться Грузия, Молдова и Украина [18]. В Центральной Азии ставка делалась на Казахстан как американского союзника в борьбе с китайской инициативой «Один пояс – один путь» и страну, настороженно относившуюся к российским устремлениям укрепить зону своего влияния в регионе, а также недовольную низкой результативностью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [19].

Российско-украинский конфликт и политика России на постсоветском пространстве

Российско-украинский конфликт продолжил использоваться как аргумент для увеличения экономических санкций в адрес России. Кроме того, при Д. Трампе он был воспринят американцами как повод для подрыва российско-белорусской интеграции, в связи с чем с 2014 г. по 2020 г. белорусско-американские отношения перешли в стадию «потепления». Визит М. Помпео в Беларусь планировался и осуществлялся параллельно с развитием договоренностей А. Лукашенко и В. Путина об углублении интеграции в начале 2020 г. Продолжение такого курса американской политики стало невозможным на фоне ряда новых договоренностей по углублению российско-белорусского сотрудничества.

Более успешным оказался курс по составлению конкуренции российским и китайским интеграционным инициативам с помощью платформы «C5+1», которая с 2016 г. демонстрирует тенденцию разрабатывать совместные экономические проекты, заменять российское и китайское влияние американским и принимать форму экономически близкую платформе ЕАЭС [20, с. 158].

Пандемия Covid-19

Новым вызовом для всей международной политики с конца 2019 г. – начала 2020 г. стала пандемия Covid-19. Для США она имела потенциальную выгоду в том, что закрытие границ негативно сказывалось на экономической составляющей интеграционных проектов, в частности на ЕАЭС и китайских экономических проектах. В новых условиях американцы прогнозировали кризис и в российско-белорусских отношениях [21].

Эпидемиологическая ситуация также использовалась как средство ослабления Китая, в адрес правительства которого США озвучили обвинения в причастности к началу пандемии, разработке вируса как биологического

оружия, в скрытии первых заражений, нарушении прав человека в рамках политики по борьбе с эпидемией в стране. Основная цель всех американских обвинений сводилась к намерению дискредитировать КНР в глазах международного сообщества. Эти действия несли непосредственную угрозу китайским международным проектам.

Таким образом, с 1991 г. по 2021 г. внешние факторы оказывали значительное влияние на политику США в отношении постсоветской интеграции. Главными и актуальными для любой администрации являлись активная китайская и российская внешняя политика на постсоветском пространстве, что не отвечало цели Вашингтона расширить зону своего влияния, включив в нее страны бывшего СССР. В связи с этим интеграционные проекты, в которых доминирующие позиции занимали бы Пекин или Москва, также встречали американское противодействие. Характерной чертой политики США в отношении неамериканских интеграционных проектов являлся косвенный негативный характер воздействия на их деятельность: политика борьбы с лидерством Китая и России должна была подрывать политическую и экономическую мощь этих стран, что закономерно вело бы к снижению привлекательности российских и китайских интеграционных проектов для остальных стран-участниц, в то время как американская поддержка должна была продемонстрировать выгоду включения стран, ее получающих, в «западный мир демократий». Переменными факторами, которые определяли политику США в отношении постсоветской интеграции, выступили вопрос ядерного разоружения, а также такие международные события и явления, как замедление демократической трансформации новых независимых государств на рубеже XX–XXI вв., «цветные революции», российско-украинский конфликт и пандемия Covid-19. Внешними факторами, которые сдерживали активную политику США на постсоветском пространстве, в т. ч. направленную на подрыв неамериканских интеграционных проектов в регионе, являлись многовекторность американской внешней политики (приоритет решения задач на иных направлениях), а также необходимость обеспечить международную безопасность, что означало стремление к нормализации отношений с государствами, на территории которых было сохранено советское ядерное оружие до момента разоружения, а также с Россией, ставшей преемницей советской договорной базы с США и участником урегулирования ряда международных конфликтов.

Список использованных источников

1. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Уральской. – М.: АСТ, 2021. – 256 с.
2. Telcon with President Yeltsin of the Republic of Russia [Electronic resource] // George Bush Presidential Library and Museum. – 1991. – December 8. – Mode of access: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1991-12-08-Yeltsin.pdf>. – Date of access: 21.11.2021.

3. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1993. – February 16. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/02/16/GPO-CRECB-1993-pt2-6-2.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
4. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1994. – July. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
5. Congressional Record – Senate [Electronic resource] // Congress.gov. – 1994. – May 4. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/05/04/GPO-CRECB-1994-pt7-3-1.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
6. Congressional Record [Electronic resource] // Congress.gov. – 1994. – July 13. – Mode of access: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/07/13/GPO-CRECB-1994-pt11-6.pdf>. – Date of access: 03.11.2021.
7. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 1999. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2000.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
8. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration [PONARS Policy Memo 15] [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. – 1997. – October. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf. – Date of access: 02.12.2021.
9. The National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. – 2002. – September 17. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2002.pdf>. – Date of access: 09.11.2021.
10. *Sushko, O.* From the CIS to the SES. A New Integrationist Game in Post-Soviet Space [PONARS Policy Memo 303] [Electronic resource] / O. Sushko // CSIS. – 2003. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0303.pdf. – Date of access: 03.03.2022.
11. *Trenin, D.* Central Asia's Stability and Russia's Security Central Asia's Stability and Russia's Security [Electronic resource] / D. Trenin // CSIS. – 2000. – November. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0168.pdf. – Date of access: 01.03.2022.
12. *Olcott, M. U. S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II)* [Electronic resource] / M. Olcott // Carnegie Endowment for International Peace. – 2006. – April 26. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2006/04/26/u.s.-policy-in-central-asia-balancing-priorities-part-ii-pub-18277>. – Date of access: 13.04.2022.
13. *Индик, М.* Оценка внешней политики Обамы [Электронный ресурс] / М. Индик, К. Либергаль, М. О'Хэнлон // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ocenka-vneshnej-politiki-obamy/>. – Дата доступа: 29.01.2023.
14. FACT SHEET: U. S. Support for Ukraine [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – September 18. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/18/fact-sheet-us-support-ukraine>. – Date of access: 27.07.2022.
15. FACT SHEET: U. S. Assistance to Moldova [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – June 7. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/07/fact-sheet-us-assistance-moldova>. – Date of access: 27.07.2022.
16. FACT SHEET: U. S. Assistance to Georgia [Electronic resource] / The White House. Office of the Press Secretary // The White House President Barak Obama. – 2014. – June 7. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/06/07/fact-sheet-us-assistance-georgia>. – Date of access: 27.07.2022.

17. *Косов, А. П.* Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: монография / А. П. Косов, Д. В. Юрчак. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 378 с.

18. *Stronski, P.* There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia [Electronic resource] / P. Stronski // Carnegie Endowment for International Peace. – 2020. – September 16. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693>. – Date of access: 22.09.2022.

19. *Corre, P. le.* Kazakhstan Must Look Beyond the Belt and Road [Electronic resource] / P. le Corre // Carnegie Endowment for International Peace. – 2018. – May 4. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2018/05/04/kazakhstan-must-look-beyond-belt-and-road-pub-76266>. – Date of access: 13.12.2022.

20. *Косов, А. П.* Подходы США к Беларуси, Казахстану и Центральной Азии как отражение политики Вашингтона в отношении ЕАЭС / А. П. Косов, Е. В. Мацулевич // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21–22 мая 2020 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 157–159.

21. *Preiherman, Y.* Pandemic Heightens Need to Reset Belarus-Russia Ties [Electronic resource] / Y. Preiherman // Carnegie Endowment for International Peace. – 2020. – May 27. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/05/27/pandemic-heightens-need-to-reset-belarus-russia-ties-pub-81909>. – Date of access: 22.09.2022.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

Д. А. Мизун

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. A. Migun

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ПАКТА МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА

THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN-GERMAN RELATIONS AFTER THE SIGNING OF THE MOLOTOV – RIBBENTROP PACT

В статье подробно исследуется процесс развития белорусско-германских связей после подписания пакта Молотова – Риббентропа. На основании тщательного анализа архивных документов центральной белорусской прессы, автор приходит к выводу, что после подписания пакта о ненападении и добавочного договора к нему белорусско-германские отношения заметно активизировались.

Ключевые слова: Германия; Беларусь; политические; экономические отношения; советская пресса.

The article examines in detail the process of development of Belarusian-German ties after the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact. Based on a thorough analysis of archival docu-

ments of the central Belarusian press, the author comes to the conclusion that after the signing of the non-aggression pact and an additional agreement to it, Belarusian-German relations have noticeably intensified.

Key words: Germany; Belarus; political; economic relations; Soviet press.

21 августа 1939 г. Гитлер обратился с посланием к Сталину. В нем говорилось, что «... в любой день может разразиться кризис», в который, возможно, будет вовлечен Советский Союз, если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении. «Поэтому я вторично предлагаю, – говорилось в послании, – принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду 23 августа. Министр иностранных дел будет иметь всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол» [1, с. 302].

Риббентроп прилетел в Москву 23 августа 1939 г. на личном самолете Гитлера. После сложных многочасовых переговоров между Сталиным, Молотовым и Риббентропом уже около полуночи договор о ненападении и секретный протокол к нему были подписаны [2, с. 630–632]. Подписание этих документов открывало новый этап в советско-германских отношениях, продлившийся до 22 июня 1941 г. Данный этап характеризовался значительным оживлением и активизацией советско-германских политических и экономических связей. В силу своего геополитического положения Беларусь также играла в них немалое значение.

На страницах центральной белорусской партийной печати очень подробно освещалось открытие воздушной связи между СССР и Германией через Минск. Так на первой странице органа центрального комитета и минского обкома КП(б)Б «Советская Белоруссия», в номере от 28 декабря 1939 г. в официальном сообщении под названием «Соглашение о регулярном воздушном сообщении между Союзом ССР и Германией» отмечалось, что «в течение последних дней проходили переговоры между представителями Главного Управления Гражданского Воздушного Флота при СНК СССР и германского акционерного общества “Люфтганза” об установлении регулярного воздушного сообщения между Союзом ССР и Германией. Переговоры протекали в дружественной атмосфере и закончились подписанием соглашения между обеими организациями, которое предусматривает регулярные ежедневные полеты по линии Москва – Берлин через Минск с 21 января 1940 г.» [3]. Далее указывалось на то, что с 8 января 1940 г. будет выполнено несколько пробных полетов.

В газете «Советская Белоруссия» от 8 января 1940 г., в сообщении под названием «Сегодня в Минске ожидается первый самолет новой линии Москва – Берлин» говорилось о том, что «в первый пробный рейс по новой линии Москва – Берлин вылетает 21-местный пассажирский самолет “ДС-3”. Эта линия проходит через территорию Белоруссии» [4]. Далее говорилось о том, что регулярное сообщение Москва – Берлин устанавливается с 21 ян-

варя. В Минске остановка самолета будет производиться лишь на время, необходимое для заправки горючим, обмена почтой и посадки пассажиров [4].

В газете «Советская Белоруссия» от 9 января 1940 г., в сообщении под названием «На трассе Москва – Берлин» говорилось о том, что «сегодня с Центрального аэродрома города Москвы в 10 часов 45 минут утра поднялась гигантская серебряная птица. Она плавно взмыла в воздух и легла курсом по новой международной трассе Москва – Берлин. Пятерке славных и опытных пилотов выпало счастье провести пробный рейс по трассе, изученной только до Минска и совершенно неизведанной за ним. На минский аэродром самолет “ДС-3” опустился в 13 часов 25 минут. Он привез минчанам свежие московские газеты и оборудование для аэропорта. После небольшой стоянки самолет вырулил на старт, развернулся и взлетел над городом. В Берлине самолет будет завтра в 13 часов 05 минут. В обратный рейс он вылетит 10 января» [5].

На страницах газеты «Советская Белоруссия» от 11 января 1940 г., в сообщении под названием «Советский самолет “ДС-3” прилетел в Берлин» говорилось о том, что «Сегодня в 11 ч. 05 м. по местному времени на берлинский аэродром Рангсдорф опустился советский самолет “ДС-3”, совершивший пробный полет по новой трассе Москва – Берлин. Завтра в 11 ч. 45 м. самолет вылетит обратно в Москву» [6].

В газете «Советская Белоруссия» от 12 января 1940 г., в сообщении под названием «Закончен пробный рейс» говорилось о том, что «после суток, проведенных в Берлине, экипаж самолета, совершающий новый пробный полет по новой международной трассе Москва – Берлин, двинулся в обратный путь» [7]. Далее в этом сообщении говорилось о том, что «первый пробный полет советского самолета по новой международной трассе окончен. Он показал полную подготовленность трассы для налаживания регулярного авиационного сообщения» [7].

В газете «Советская Белоруссия» от 22 января 1940 г., в коротком сообщении под названием «Началось регулярное сообщение Москва – Берлин» говорилось о том, что «со вчерашнего дня началось регулярное воздушное сообщение между Москвой и Берлином. 21 января в 1 час 50 минут в Минском аэропорту опустился самолет “ДС-3”, совершающий регулярный рейс» [8].

В целом об изменении тона советского руководства в отношении Берлина после подписания пакта о ненападении является информирование советских граждан о взрыве в Мюнхене в ноябре 1939 г. на страницах центральной белорусской партийной печати. В газете «Советская Белоруссия» от 12 ноября 1939 г., в нескольких коротких сообщениях очень подробно описываются подробности взрыва в Мюнхене и похороны жертв взрыва [9]. Так в сообщении «Подробности взрыва в Мюнхене» указывается на то, что «после взрыва туда, где Гитлер произносил свою речь, свалились железные балки. Весь зал представляет сейчас груды развалин. Если бы помещение

в момент катастрофы было также переполнено, как во время речи Гитлера, количество жертв взрыва было бы огромным. В момент взрыва в зале находилось всего около 180 человек» [9]. А в сообщении под названием «Соболезнование советского правительства германскому правительству» говорилось о том, что «10 ноября полпред СССР в Германии тов. Шкварцев посетил министра иностранных дел Германии г. фон-Риббентропа и выразил ему от имени советского правительства соболезнование по поводу террористического акта, имевшего место в Мюнхене и повлекшего за собой человеческие жертвы» [10].

Вообще с заключением в августе 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа резко изменились отношения между лидерами СССР и Германии. Свидетельством тому могут служить телеграммы с поздравлениями И. Сталина с 60-летием, лично подписанные Гитлером и Риббентропом [11]. В частности в телеграмме, за подписью Гитлера от 23 января 1939 г. говорится: «Ко дню Вашего шестидесятилетия прошу Вас принять мои самые искренние поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания, желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза» [11]. В телеграмме, за подписью Риббентропа от 23 января 1939 г. говорится: «Памятуя об исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления» [11]. От имени И. Сталина последовали ответные телеграммы на имя Гилера [12] и Риббентропа [13]. Так в телеграмме И. Сталина на имя Гитлера от 25 января 1939 г. говорилось: «Прошу Вас принять мою признательность за поздравления и благодарность за Ваши добрые пожелания в отношении народов Советского Союза» [12]. А в телеграмме И. Сталина на имя Риббентропа 25 января 1939 г. было сказано: «Благодарю Вас, господин министр, за поздравления. Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» [13].

После заключения в августе 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа из советской белорусской и немецкой национал социалистической прессы исчезли материалы, которые могли раздражать Берлин и Москву [14]. На страницах центральных советских газет больше не появлялись публикации о тяжелом положении рабочих и классовой борьбе пролетариата в Германии. Зато продолжали выходить сообщения о бедственном положении трудящихся в Англии, США, Франции и других капиталистических странах.

Если в предшествовавший подписанию пакта Молотова – Риббентропа период на страницах центральной белорусской партийной печати выходили статьи с нападками на внутреннюю и внешнюю политику Германии и фашистов [15], с осуждением террора, развязанного в Германии против еврейского населения [16], описанием хозяйничанья германских фашистов

в чехословацких школах [17], возмущением по поводу установления фашистских порядков [18] и массовых арестах в Чехии и Моравии [19], то уже в сентябре 1939 г. тон публикаций поменялся. Сообщения о внутренней и внешней политике Германии приобретают нейтральный и безобидный характер.

После окончания военных действий Германии и СССР на территории Польши на страницах газеты «Советская Белоруссия» стали появляться как небольшие сообщения, так и статьи о речах в рейхстаге и других местах руководителей национал-социалистической партии Германии.

В газете «Советская Белоруссия» в статье от 2 сентября 1939 г. «Выступление Гитлера» сообщалось, что выступая 1 сентября в рейхстаге Гитлер отметил, что «так как Польша отклонила германские мирные предложения, больше нет путей для мирного разрешения германо-польских спорных вопросов» [20]. Далее он отметил, что «вчера в Москве был ратифицирован германо-советский пакт и что одновременно германское правительство со своей стороны ратифицировало этот пакт» [20]. А в «Советской Белоруссии» от 3 сентября 1939 г. в статье «Заседание германского рейхстага» сообщалось, что коснувшись в своем выступлении в рейхстаге германо-советского пакта Гитлер заявил: «Россия и Германия управляются на основе двух различных доктрин. Германия не станет экспортировать свою государственную доктрину, и если Россия не намеревается экспортировать свою доктрину в Германию, то эти две сильнейшие страны в Европе не имеют основания быть врагами» [21]. Далее он отметил, что: «Борьба между Германией и СССР может быть выгодна только третьим державам. Германо-советский пакт, поэтому определенно исключает применение силы между этими двумя странами. Оба государства дали друг другу обязательства консультироваться и экономически сотрудничать. Это решается решением колоссальной важности, значение которого для будущего трудно даже предвидеть. Я полагаю, что германский народ будет приветствовать эту позицию, так как Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне и обе оказались жертвами мировой войны. Это не случится во второй раз». Пакт был ратифицирован в Берлине и в Москве в четверг» [21]. Также Гитлер заявил, что «он может присоединиться к каждому слову, которое сказал Народный Комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим» [21].

В газете «Советская Белоруссия» в статье от 22 сентября 1939 г. «Речь Гитлера в Данциге» сообщалось, что, выступая 20 октября в Данциге и говоря о польском государстве, Гитлер заявил: «В Польше никогда не было демократии. Правящая клика угнетала не только другие нации, но и собственный народ. Это было государство насилия, управляемое только нагайкой, полицией и армией» [22]. Касаясь вопроса о решении советского правительства взять под свою защиту белорусское население Польши, Гитлер заявил: «Россия оказалась вынужденной со своей стороны ввести свои вой-

ска для защиты украинского и белорусского населения Польши. В Англии и Франции считают преступлением сотрудничество Германии и России. Я хочу дать в этой связи, – сказал Гитлер, следующее разъяснение: Россия остается той, какой она есть, Германия – тоже. Россия и Германия, – продолжал он, не хотят жертвовать ни одним человеком в интересах других стран. Уроки 4 лет войны достаточны для обоих государств и народов. Мы намерены представлять и защищать свои собственные интересы и нашли, что лучше всего двум самым крупным государствам и народам Европы договориться о соглашении» [22]. Далее Гитлер подчеркнул ограниченность целей Германии и высмеял утверждение английских государственных деятелей о том, что Германия, якобы, намерена захватить всю Европу до Урала. «Мы договорились с Россией. В конце концов, мы заинтересованные в этой договоренности соседи. Если вы полагаете, – заявил Гитлер, обращаясь к Англии, – что мы при этом вступим в конфликт, то вы ошибаетесь, так как намерения Германии очень ограничены» [22].

«Советская Белоруссия» в статье от 8 октября 1939 г. сообщала, что, выступая 6 октября в рейхстаге, Гитлер подвел итог войны с Польшей [23]. Так, он заявил, что «причиной победы германской армии является не только героизм и самопожертвование солдат, усовершенствование боевой техники и высокой квалификации командного состава, но и, главное это нежизнеспособность польского государства» [23]. Далее он заявил, что «на костях и крови немцев и русских, без всякого учета исторических, этнографических и экономических условий было создано государство, не имевшее никакого права на существование» [23]. Кроме того, Гитлер открыто заявил, что «Польшей управляла небольшая аристократическая клика, угнетавшая не только украинцев, белорусов и немцев, но и собственный народ. Максимум 15 % населения поддерживало существовавший в Польше режим» [23]. Также Гитлер остановился на вопросе о сотрудничестве Германии и России. Он заявил, «Россия не видит никаких причин, препятствующих установлению тесного сотрудничества между нашими государствами. Различие в режимах не может мешать совместной активной борьбе за мир. Пакт с СССР является поворотным пунктом в развитии германской внешней политики, основой для длительного и счастливого сотрудничества Германии и России в деле ликвидации очагов войны и обеспечения безопасности народов. Заключенное соглашение достаточно ясно показывает, что утверждений о германских планах экспансии на Украину, Урал, Румынию и т. д. является выдумкой. На востоке Европы усилиями Германии и России устанавливается спокойствие и мир. Интересы Германии и России здесь полностью совпадают. Каждый на своем участке будет обеспечивать свои интересы, и строить мирную жизнь» [23].

Выступая 25 октября в городе Данциге перед старыми членами национал-социалистической партии, германский министр иностранных дел Риббентроп заявил, что «заключение германо-советского пакта о ненападении

нии, а позднее договора о дружбе означает принципиально новую ориентацию нашей политики. Восстановлена снова традиционная дружба между нашими странами, имеются все предпосылки для того, чтобы эта дружба углублялась и дальше. Жизненные интересы обеих держав нигде не сталкиваются друг с другом. Какие либо споры между обоими государствами навсегда исключены» [24]. Далее он напомнил в этой связи о том, что «установление новых германо-советских отношений пользуется чрезвычайной популярностью у обоих народов» [24].

В передовой статье «Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища В. М. Молотова 17 сентября 1939 года» вышедшей 18 сентября 1939 г. на страницах газеты «Советская Белоруссия» говорилось о том, что «события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность Польского государства. Польские правящие круги обанкротились. Нет больше и Варшавы как столицы Польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства. Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие» [25]. Далее следовал текст ноты, врученной Народным комиссаром иностранных дел СССР Чрезвычайному и полномочному послу Польши г. Гржибовскому в Москве утром 17 сентября 1939 г. [26]. Как отмечалось в ноте: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью» [26].

17 сентября 1939 г. в соответствии с вышеуказанным приказом советские войска стали занимать восточные области Польши. А уже 27 сентября в Москву прибыл министр иностранных дел Германии г-н фон-Риббентроп. В официальном сообщении, размещенном 28 сентября 1939 г. на страницах газеты «Советская Белоруссия», говорится о том, что «27 сентября в Москву прибыл Министр Иностранных Дел Германии господин фон-Риббентроп в сопровождении господина Форстер, господина Гаус, господина Шнурре и других. Одновременно прибыли Полпред СССР в Германий товарищ

А. А. Шкварцев, и первый секретарь Полпредства СССР в Германии товарищ В. Н. Павлов.

На Центральном аэропорте господин фон-Риббентроп был встречен Заместителем Наркома Иностранных Дел товарищем В. П. Потемкиным, Заместителем Председателя Моссовета товарищем Д. Д. Королевым, Заведующим Протокольным Отделом НКВД товарищем В. Н. Барковым, Заведующим Центральным Европейским Отделом НКВД товарищем А. М. Александровым, комендантом, города Москвы полковником товарищем Ф. И. Суворовым, всем составом Германского. Посольства в Москве во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом господином фон-дер Шуленбург и Чрезвычайным и Полномочным Послом Италии господином Рессо.

Центральный аэропорт был украшен советскими и германскими флагами. Для встречи министра был выставлен почетный караул» [27].

Далее в этом же номере в статье «Беседа Председателя Совнаркома Наркоминдела СССР товарища Молотова В. М. с Министром Иностранных Дел Германии господином фон – Риббентропом» очень коротко сообщалось, что «27 сентября состоялась беседа Председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР товарища Молотова В. М. с Министром Иностранных Дел Германии господином фон – Риббентропом по вопросам, связанным с событиями в Польше. Беседа происходила в присутствии товарища Сталина, Германского Посла господина Шуленбурга и Полпреда СССР в Германии товарища Шкварцева и продолжалась свыше двух часов» [28].

В официальном сообщении «К заключению германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией», опубликованном 29 сентября 1939 г. на страницах газеты «Советская Белоруссия» говорится о том, что «В течение 27–28 сентября в Москве происходили переговоры между Председателем Совнаркома СССР и Наркоминделом товарищем Молотовым и Министром Иностранных Дел Германии господином фон-Риббентропом по вопросу о заключении германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией.

Переговоры закончились подписанием германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией и заявления Правительства СССР и Германии, а также обменом письмами между товарищем Молотовым и господином фон-Риббентропом по экономическим вопросам» [29]. В приводящемся в этом же номере «Советской Белоруссии» совместном заявлении Молотова и Риббентропа говорится, что «после того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов. По этому оба Правительства направят свои общие усилия в случае

нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт» что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах» 30]. Кроме всего прочего В. М. Молотов постарался заверить Риббентропа в «совершеннейшем своем уважении» в отправленном ему теплом, дружественном послании [31]. В данном послании говорится о том, что «Правительство СССР на основании и в духе достигнутого нами общего политического соглашения исполнено воли всемерно развить экономическое отношение и товарооборот между СССР и Германией. С этой целью обеими Сторонами будет составлена экономическая программа, согласно которой Советский Союз будет доставлять Германии сырье, которое Германия в свою очередь будет компенсировать промышленными поставками, производимыми в течение продолжительного времени. При этом обе Стороны построят эту экономическую программу таким образом, чтобы германо-советский товарооборот по своим размерам снова достиг высшего объема, достигнутого в прошлом. Оба Правительства дадут немедленно необходимые распоряжения о введении вышеуказанных мер и позаботятся о том» чтобы переговоры как можно скорее начались и были доведены до конца» [31].

Политической целью Германии на протяжении всего 1940 г. было обеспечение нейтралитета СССР во время начала военной кампании на Западе. Нацисты хотели также усилить доверие Советского Союза к Германии, особенно в свете начавшейся активной разработки планов гитлеровского нападения на Советский Союз.

Список использованных источников

1. Год кризиса. 1938–1939: док. и материалы: в 2 т. / М-во иностр. дел СССР. – М.: Изд-во полит. лит., 1990. – Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / А. П. Бондаренко [и др.]. – 431 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / М-во иностр. дел Рос. Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / В. Г. Комплектов [и др.]. – 1992. – 712 с.
3. Соглашение о регулярном воздушном сообщении между Союзом ССР и Германией // Советская Белоруссия. – 1939. – 28 дек. – С. 1.
4. Сегодня в Минске ожидается первый самолет новой линии Москва – Берлин // Советская Белоруссия. – 1940. – 8 янв. – С. 4.
5. На трассе Москва – Берлин // Советская Белоруссия. – 1940. – 9 янв. – С. 4.
6. Советский самолет “ДС-3” прилетел в Берлин // Советская Белоруссия. – 1940. – 11 янв. – С. 4.
7. Полесский, В. Закончен пробный рейс / В. Полесский // Советская Белоруссия. – 1940. – 12 янв. – С. 4.
8. Началось регулярное сообщение Москва – Берлин // Советская Белоруссия. – 1940. – 22 янв. – С. 4.

9. Подробности взрыва в Мюнхене // Советская Белоруссия. – 1939. – 12 ноя. – С. 4;
Похороны жертв взрыва в Мюнхене // Советская Белоруссия. – 1939. – 12 ноя. – С. 4.
10. Соболезнование советского правительства германскому правительству // Советская Белоруссия. – 1939. – 12 ноя. – С. 4.
11. Господину Иосифу Сталину Москва // Советская Белоруссия. – 1939. – 23 янв. – С. 4.
12. Главе германского государства господину Адольфу Гитлеру // Советская Белоруссия. – 1939. – 25 янв. – С. 4.
13. Министру иностранных дел Германии господину Иоахим Фон-Риббентроп // Советская Белоруссия. – 1939. – 25 янв. – С. 4.
14. АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 24. Д. 29 (Вопросы прессы); АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 24. Д. 30 (Вопросы прессы); АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 24. Д. 81 (Информация о Германии); АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 25. Д. 30 (Переводы статей из немецких газет и журналов); АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 25. Д. 31 (Хроника политических событий по Германии); АВПРФ. – Ф. 82. Оп. 25. Д. 42 (Немецкая пропаганда).
15. «III империя» как она есть // Советская Белоруссия. – 1939. – 1 янв. – С. 4.
16. Продолжение террора против евреев в Германии // Советская Белоруссия. – 1939. – 10 янв. – С. 1.
17. Хозяйничанье германских фашистов в чехословацких школах // Советская Белоруссия. – 1939. – 16 янв. – С. 1.
18. Установление фашистских порядков в Чехии и Моравии // Советская Белоруссия. – 1939. – 27 мар. – С. 4.
19. Массовые аресты в Чехии и Моравии // Советская Белоруссия. – 1939. – 27 мар. – С. 4.
20. Выступление Гитлера // Советская Белоруссия. – 1939. – 2 сент. – С. 4.
21. Заседание германского рейхстага // Советская Белоруссия. – 1939. – 3 сент. – С. 4.
22. Речь Гитлера в Данциге // Советская Белоруссия. – 1939. – 22 сент. – С. 4.
23. Речь Гитлера в рейхстаге // Советская Белоруссия. – 1939. – 8 окт. – С. 4.
24. Речь Риббентропа в Данциге // Советская Белоруссия. – 1939. – 27 окт. – С. 4.
25. Речь по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища В. М. Молотова 17 сентября 1939 года // Советская Белоруссия. – 1939. – 18 сент. – С. 1.
26. Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года // Советская Белоруссия. – 1939. – 18 сент. – С. 1.
27. Прибытие в Москву Министра Иностранных Дел Германии господина фон-Риббентропа // Советская Белоруссия. – 1939. – 28 сент. – С. 1.
28. Беседа Председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР товарища Молотова В. М. с Министром Иностранных Дел Германии господином фон – Риббентропом // Советская Белоруссия. – 1939. – 28 сент. – С. 1.
29. К заключению германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией // Советская Белоруссия. – 1939. – 29 сент. – С. 1.
30. Заявление Советского и Германского Правительств от 28 сентября 1939 года // Советская Белоруссия. – 1939. – 29 сент. – С. 1.
31. Германскому Министру Иностранных Дел Господину Иоахиму фон-Риббентроп, в настоящее время в Москве // Советская Белоруссия. – 1939. – 29 сент. – С. 1.

(Дата подачи: 15.02.2023 г.)

Н. С. Моторова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Витебск

N. S. Motorova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 364(476)(091)“1914/1916”

ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1914–1916 ГГ.

ASSISTANCE TO THE FAMILIES OF MOBILIZED SOLDIERS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN 1914–1916

В статье рассмотрена проблема организации помощи семьям мобилизованных солдат на территории Беларуси в 1914–1916 гг. На основании анализа правовых актов и делопроизводственных материалов выделены учреждения, которые участвовали в ее оказании, выявлены источники финансирования и определены ее основные формы. Сделан вывод о том, что система мероприятий в данной области складывалась хаотично. Выбор конкретных форм помощи зависел от финансовых возможностей органов местного самоуправления, их организационных ресурсов, запросов местного населения. По мере нарастания кризисных явлений к 1916 г. масштабы помощи семьям мобилизованных стали сокращаться.

Ключевые слова: Первая мировая война; мобилизованные; социальная помощь; органы местного самоуправления; белорусские губернии.

The article deals with the problem of organizing assistance to the families of mobilized soldiers on the territory of Belarus in 1914–1916. Based on the analysis of legal acts and office materials, institutions that participated in its provision were identified, sources of funding were identified, and its main forms were identified. It is concluded that the system of measures in this area was formed chaotically. The choice of specific forms of assistance depended on the financial capabilities of local governments, their organizational resources, and the demands of the local population. As the crisis grew, by 1916 there was a reduction in the scale of assistance to the families of mobilized soldiers.

Key words: World War I; mobilized soldiers; social help; institutions of local government; Belarusian provinces.

В годы Первой мировой войны трансформировалась организация социальной помощи населению. Среди ее адресатов появилась новая категория – семьи мобилизованных. Они особенно нуждались в поддержке со стороны государства и общества, так как из-за потери кормильцев их материальное положение резко ухудшилось.

В отечественной историографии до настоящего времени данная проблема не получила широкого освещения. Соответственно, цель статьи заключается в определении сущности помощи семьям мобилизованных на территории Беларуси в 1914–1916 гг. через выявление правовых, организационных и финансовых факторов, влиявших на ее реализацию и эффективность. Хронологические рамки исследования охватывают финальную стадию су-

ществования Российской империи. После Февральской революции 1917 г. условия оказания помощи семьям мобилизованных коренным образом изменились.

Организация помощи семьям мобилизованных базировалась на правовых нормах, изложенных в законе от 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств. Согласно статье 1 за счет средств казны помощь должна была оказываться нижним чинам, лишившимся трудоспособности из-за ранений или болезней, полученных во время службы, а также вдовам и круглым сиротам погибших военнослужащих. В статье 60 уточнялось, что право на призрение имели мобилизованные лица (в том числе и добровольцы), поступившие в государственное ополчение и военные дружины. Основным видом помощи являлась выплата пенсий, ее размер определялся степенью потери трудоспособности. Устанавливалось пять разрядов пенсионного обеспечения. Наивысший размер пенсии при полной потере трудоспособности составлял 216 руб., наименьший – 30 руб. Право на получение пенсии имели вдовы и сироты лиц, погибших во время военных действий, умерших от ран либо умерших в мирное время от ран и болезней, полученных на войне. Предусматривалась возможность получения пенсии супруга, если брак был заключен не менее чем за год до его смерти. Пенсия для вдов колебалась от 84 до 48 руб., пенсии для круглых сирот назначались в меньшем размере [1, с. 935–937, 941–942].

Помимо этого, в статье 62 подчеркивалось, что должностные лица и учреждения, в обязанности которых входила организация призрения, должны были способствовать обеспечению всем необходимым семей мобилизованных нижних чинов, их вдов и сирот. В данном случае формы помощи включали установление опеки над несовершеннолетними и предоставление продовольственного пособия в денежном эквиваленте. При объявлении мобилизации требовалось выяснить положение семей мобилизованных. В сельской местности эта обязанность возлагалась на волостные попечительства, в случае их отсутствия – на волостного старосту; в городах – на городские управы, городских старост, особые исполнительные комиссии или городские попечительства. На основании подготовленных ими заключений о положении семей мобилизованных назначались казенные пособия [1, с. 943–944].

После начала военных действий 29 августа 1914 г. был подписан указ о порядке применения закона от 25 июня 1912 г. в отношении призрения семей мобилизованных нижних чинов. В нем был сделан акцент на необходимость привлечения городских и земских органов самоуправления, общественных деятелей к сотрудничеству с правительственными учреждениями. В каждом уезде, где была объявлена мобилизация, создавалось уездное попечительство под председательством уездного предводителя дворянства или председателя уездного съезда. В их состав входили представители

местного управления и самоуправления, ведомства православного исповедания, приходских попечительных советов о семьях лиц, находившихся в войсках, а также волостные старшины по делам отдельных приходов и волостей. В городах с населением более 75 тыс. человек образовывались городские попечительства с правами уездных. Они могли создаваться и в городах с меньшим количеством населения на основании ходатайств органов городского самоуправления по разрешению губернаторов. Функции председателя городского попечительства были возложены на городского голову. Их состав был схож с составом уездных попечительств и включал представителей местной администрации и городского самоуправления, ведомства православного исповедания, одного делегата от уездной земской управы, председателей приходских попечительных советов о семьях лиц, находившихся в войсках [2, с. 3455].

При рассмотрении проблемы оказания помощи семьям мобилизованных возникает вопрос: какое количество населения подпадало под действие указанных выше законов? Пять белорусских губерний затронули 22 мобилизации, проведенные до 1 марта 1917 г. [3, с. 177]. Однако вопрос о точном количестве мобилизованных остается дискуссионным, что обусловлено неполнотой статистических данных.

Так, по материалам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. общее количество крестьян, призванных в войска, в Могилевской и Витебской губерниях, а также семи уездах Минской губернии составило почти 505 тыс. человек [подсчитано по: 4, с. 42–43; 5, с. 58, 206–207]. Однако, согласно данным переписи, уточненным по сведениям МВД, количество мобилизованных в Витебской, Минской и Могилевской губерниях составило 634,4 тыс. человек, а с учетом Виленской губернии – 682,2 тыс. человек [подсчитано по: 6, с. 49]. В белорусской историографии советского периода указывается 634,4 тыс. мобилизованных (например, в исследовании Л. П. Липинского [7, с. 75]). В обобщающих работах по истории Беларуси, изданных в начале 2000-х гг., в качестве общего количества мобилизованных в белорусских губерниях отмечается либо 634 тыс. человек [8, с. 420] либо 682,2 тыс. человек [9, с. 436]. При этом речь идет исключительно о крестьянах, мобилизованных в неоккупированных белорусских губерниях до осени 1917 г. На основании этих данных можно примерно судить о количестве мобилизованных на территории Беларуси в период существования Российской империи.

Современные белорусские исследователи предпринимают попытки более точно определить их число. По подсчетам М. М. Смольянинова, к концу лета 1914 г. из белорусских губерний было мобилизовано до 150 тыс. человек [10, с. 34]. В. Г. Корнелюк пришел к выводу, что только из Гродненской губернии к осени 1915 г. в армию было призвано около 103 тыс. человек. Общее количество мобилизованных на территории Беларуси, по его мнению, могло достигать 923,2 тыс. человек [3, с. 178–179].

Так как вопрос о количестве мобилизованных в белорусских губерниях за период с начала Первой мировой войны и до Февральской революции носит дискуссионный характер, то тем более дискуссионным остается вопрос о количестве семей мобилизованных, нуждавшихся в помощи, и их составе. В этом отношении отсутствуют точные статистические данные, поэтому приходится оперировать сведениями, представленными в делопроизводственных материалах органов местного самоуправления.

Для определения количества семей мобилизованных, их состава и потребностей в помощи по постановлению городских дум создавались комиссии из гласных. В Витебске и Минске они были учреждены еще до начала боевых действий – 21 и 22 июля 1914 г. соответственно [11, л. 277–277 об.; 12, л. 765 об. – 766].

В августе 1914 г. в структуре органов местного самоуправления начали создаваться учреждения для оказания поддержки семьям мобилизованных. Например, на основании циркуляра витебского губернатора М. В. Арцимовича от 5 августа 1914 г., подготовленного в соответствии с телеграммой МВД, в Полоцке и Лепеле были созданы городские попечительства [13, л. 37–37 об.; 14, л. 170–171]. Их преобразование было обусловлено изданием указа от 29 августа 1914 г. о порядке применения закона от 25 июня 1912 г. в отношении призрения семей мобилизованных нижних чинов. На этом основании 21 сентября 1914 г. витебский губернатор М. В. Арцимович разослал циркуляр, в котором рекомендовал городским властям Витебска и Двинска создать попечительства по призрению семейств нижних чинов, а в остальных городах – обсудить такую возможность. Суть нововведений заключалась в том, что в случае создания городских попечительств представители городов не могли входить в состав уездных попечительств. В то же время по своему статусу они не различались [13, л. 123–124 об.]. В итоге в Двинске городское попечительство по призрению семейств нижних чинов было создано в октябре, в Витебске – в ноябре [15, л. 190–190 об.; 11, л. 445–445 об.]. На новых основаниях было преобразовано попечительство в Полоцке [13, л. 124 об.]. Подобные учреждения были созданы в Невеле, Городке [16, л. 182 об.; 17, л. 479]. На аналогичных принципах попечительства возникли и в других городах белорусских губерний.

При организации помощи в сельской местности правительство обратилось за содействием к органам земского самоуправления. Речь шла о проведении сельскохозяйственных работ. Телеграммы с соответствующими предложениями были разосланы МВД. Однако в Витебской и Могилевской губерниях на чрезвычайных заседаниях губернских земских собраний, проходивших 27 июля 1914 г., решения о реализации конкретных мероприятий приняты не были [18, с. 9–10; 19, с. 9–10]. По мере развертывания военных действий и увеличения количества семей, нуждавшихся в помощи, земства начали создавать специальные органы для ее оказания. Например, в Оршанском уезде для этих целей был учрежден комитет в августе 1914 г. [20, л. 15].

В целом в начале Первой мировой войны развернулась активная деятельность общественной благотворительности по оказанию помощи семьям мобилизованных. Однако она складывалась хаотично, отсутствовала единая программа помощи. На это в ноябре 1914 г. указало Особое совещание, учрежденное под председательством виленского губернатора П. В. Веревкина, для обсуждения мероприятий городских общественных управлений Виленской губернии, обусловленных обстоятельствами военного времени [21, л. 100].

При оказании помощи возникла проблема ее финансового обеспечения. На получение пособия из казны в соответствии с законом от 25 июля 1912 г. могла претендовать только часть семей мобилизованных. Оставшимся без финансовой поддержки государства помощь оказывали органы местного самоуправления. Например, городские власти Велижа и Невеля назначили на эти цели по 500 руб. [22, л. 284, 285; 23, л. 125 об.]. Витебская городская дума до конца 1914 г. на оказание помощи семьям мобилизованных выделила 11,5 тыс. руб. [11, л. 467].

Не менее активно участвовали и органы земского самоуправления. Так, Минское уездное земство до середины октября 1914 г. на поддержку семей мобилизованных потратило около 14,5 тыс. руб. [24, л. 12]. Оршанское уездное земское собрание в августе 1914 г. выделило 10 тыс. руб. для оказания помощи раненым воинам и семьям мобилизованных [20, л. 15]. По 1 тыс. руб. на эти цели в 1914 г. направили Себежское, Лепельское и Городокское уездные земские собрания, в 1915 г. – Мстиславское [25, с. 3, 5; 26, л. 83–83 об.; 27, л. 39–39 об.; 28, с. 3, 5].

На губернском уровне на эти цели выделялись более значительные средства. Так, Минское губернское земское собрание в августе 1914 г. назначило 50 тыс. руб. для выплаты дополнительных пособий семьям мобилизованных. Эта сумма поровну (по 5 тыс. руб.) распределялась между уездными земствами и городом Минском [24, л. 1]. Могилевское губернское земское собрание в августе 1914 г. на оказание помощи семьям призванных на войну солдат назначило 100 тыс. руб. [29, с. 33].

Так как в условиях военных действий финансовые возможности органов местного самоуправления Беларуси были ограничены, то уже с августа 1914 г. они начали направлять ходатайства о выделении займов из Кассы городского и земского кредита. Например, Минская городская дума просила о назначении 90 тыс. руб. [12, л. 768 об. – 769]. Также заимствования производились из капиталов, находившихся в распоряжении органов местного самоуправления. В 1915 г. Минское уездное земское собрание получило разрешение МВД использовать 50 тыс. руб. из дорожного капитала [30, л. 194–194 об., 196]. Могилевское губернское земское собрание в 1915 г. позаимствовало 30 тыс. из страхового капитала [29, с. 33].

Средства направлялись на выплату пособий семьям мобилизованных. Они могли носить целевой характер: на аренду жилья, приобретение топли-

ва и продуктов. Например, решение выплачивать денежные пособия семьям мобилизованных приняла Минская городская дума [12, л. 817 об. – 818]. Средства на аренду квартир и покупку топлива выделяли городские власти Велижа и Невеля, Городокское уездное земское собрание [22, л. 284, 285; 23, л. 125 об.; 27, л. 39–39 об.]. Игуменское уездное земское собрание дополнительно назначило 1,5 тыс. руб. на оказание продовольственной помощи [31, с. 39–40].

В уездных городах размер денежного пособия был небольшим. Например, в Невеле оно составляло от 30 до 65 коп. на человека в месяц [23, л. 125 об.]. В Полоцке размер пособия колебался от 1 до 2 руб. в зависимости от состава семьи мобилизованного, но в начале 1915 г. выплаты были прекращены из-за отсутствия у города средств [13, л. 37 об.; 32, л. 54–54 об.]. В Мозырском уезде по предложению Уездной земской управы пособие было установлено в размере 5 руб., в Минском – 10 руб. [24, л. 12, 22, 24 об.].

В ряде случаев практиковалась выдача натуральных пайков. Например, по данным на 1916 г. только в Невеле ежемесячно выдавалось более 600 пайков семьям мобилизованных [16, л. 183 об.]. По тому же пути пошли органы земского самоуправления в Себежском уезде [27, л. 164–164 об.].

В сельской местности денежные пособия могли выплачиваться для поддержки семей, которые в результате мобилизации остались без работников и попали в тяжелое материальное положение. Эти средства использовались для обеспечения текущих бытовых нужд и осуществления сельскохозяйственных работ. Соответствующие решения приняли Минское, Бобруйское, Новогрудское, Речицкое, Слуцкое, Лепельское уездные земские собрания [24, л. 12–12 об., 22, 24–24 об., 136, 155–155 об., 175; 26, л. 83–83 об.]. За счет уездных земств организовывался обмолот хлебов на частных молотилках, приобретались машины и приспособления для обмолота. По такому пути, например, пошло Пинское уездное земское собрание в 1915 г. [33, л. 28 об. – 29].

При оказании помощи семьям мобилизованных в сельской местности на первый план выходила организация сельскохозяйственных работ. В данном случае органы местного самоуправления старались привлечь к содействию самих крестьян. С соответствующими возваниями к населению обратились Бобруйское и Мозырское уездные земские собрания. В некоторых случаях (например, в Новогрудском уезде) односельчане приходили на помощь семьям мобилизованных по собственной инициативе [24, л. 22, 24–24 об., 136, 191 об.].

Отдельную категорию мобилизованных, пусть и немногочисленную, составляли земские служащие, призванные в войско. Их семьи получали помощь на общих основаниях, однако в Борисовском уезде была предпринята попытка разработать механизм адресной помощи таким лицам путем открытия лицевых счетов. Из средств, зачисленных на них, предполагалось выплачивать пособия семьям мобилизованных земских служащих. В слу-

чае неполучения средств с лицевого счета они переводились в казначейские билеты [34, л. 15, 16].

Таким образом, с начала Первой мировой войны в белорусских губерниях стала актуальной помощь семьям мобилизованных. В городах они сталкивались с проблемой обеспечения текущих бытовых нужд: оплаты жилья, приобретения топлива и продуктов питания. В сельской местности на первый план выходила помощь при проведении сельскохозяйственных работ. Оказание помощи семьям мобилизованных регулировалось законом от 25 июня 1912 г. и указом от 29 августа 1914 г. Однако в целом она складывалась хаотично, под влиянием текущих запросов населения. Важную роль в реализации помощи семьям мобилизованных играли органы местного самоуправления – городского и земского. Они выплачивали денежные пособия, выдавали натуральные пайки, в сельской местности оказывали помощь при проведении сельскохозяйственных работ. Масштабы их деятельности зависели от финансовых возможностей. По мере ухудшения социально-экономического положения в государстве и увеличения дефицита местных бюджетов к 1916 г. наблюдалось сокращение масштабов помощи семьям мобилизованных.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 34 т. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 32, отд.-ние 1: 1912. – 1915. – 1790, [53] с.
2. О порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 года, в части, касающейся призыва семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу: Высочайший указ, 29 авг. 1914 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – 1914. – Отд. 1. – № 247. – Ст. 2345.
3. Карнялюк, В. Р. Пра колькасць прызваных у расійскае войска з Віленскай, Віцебскай, Гарадзенскай, Менскай і Магілёўскай губ. у часы Першай святовай вайны (1914–1917 гг.) / В. Р. Карнялюк // Гіст. альманах. – 2000. – № 1 (3). – С. 177–180.
4. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. – М.: 14-я Гос. тип., 1921. – VIII, 89 с. – (Труды Центрального статистического управления; Т. 5, вып. 1).
5. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. – М.: Тип. М. К. Х., 1923. – XII, 219 с. – (Труды Центрального статистического управления; Т. 5, вып. 2).
6. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: б/и, 1925. – 103 с.
7. Липинский, Л. П. Крестьянское движение в Белоруссии в 1914–1917 гг. / Л. П. Липинский. – Минск: БГУ, 1975. – 182 с.
8. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. – Минск: Беларус. навука, 1997–2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. – 2002. – 552 с.
9. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
10. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 317, [34] с.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5768.

12. НИАБ. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 3639.
13. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5774.
14. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5779.
15. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5771.
16. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6405а.
17. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5776.
18. Журнал четвертого чрезвычайного [Витебского] губернского земского собрания и доклады Губернской управы. Заседание 27 июля 1914 г. – Витебск: Тип. наследников М. Б. Неймана, 1914. – 60 с.
19. [Доклад Губернской земской управы пятому чрезвычайному Могилевскому губерньскому земскому собранию по вопросам, вызываемым военными обстоятельствами. Журнал заседания пятого чрезвычайного Могилевского губерньского земского собрания 26 июля 1914 г.]. – [Могилев: б/и, 1914]. – 19 с.
20. НИАБ. – Ф. 2089. Оп. 1. Д. 34.
21. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1574. Оп. 3. Д. 6.
22. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5769.
23. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5772.
24. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1207.
25. Доклады Себежской уездной земской управы 4-му чрезвычайному Себежскому уездному земскому собранию и журнал последнего от 21 августа 1914 года. – Себеж: Тип. Д. С. Жаржавского, 1914. – 18, 6 с.
26. НИАБ. – Ф. 2660. Оп. 1. Д. 7.
27. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5752.
28. [Журналы Мстиславского уездного земского собрания пятой очередной сессии 1915 г.]. – [Б/м: б/и, 1915]. – 17, 97, 236 с.
29. Журналы [четвертого очередного Могилевского] губерньского земского собрания и подготовительных комиссий (сессия 17–24 февраля 1915 г.). – Могилев: Типо-литогр. Я. Н. Подземского, [1915]. – 107, 110 с.
30. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 708.
31. Доклады [Игуменской] уездной управы и постановления [Игуменского] земского собрания XII-й чрезвычайной сессии 29 июля 1916 г. – Игумен: Тип. М. Нисневича, 1916. – V, 65 с.
32. НИАБ. – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6090.
33. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1241.
34. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1237.

(Дата подачи: 01.02.2023 г.)

Е. Н. Мох

Национальный институт образования, Минск

А. А. Швед

Браславская центральная районная больница, Браслав

Е. N. Mokh

National Institute of Education, Minsk

A. Swed

Braslav Central District Hospital, Braslav

УДК 355.48-054.65 (476-074) «1941/1944»

ЛАГЕРЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УРОЧИЩЕ «ДРОЗДЫ»

CAMP OF SOVIET PRISONERS OF WAR DROZDY STORE

В статье рассматривается режим содержания советских военнопленных в лагере урочища «Дрозды». Представлена характеристика основных документов, которые регламентировали отбор узников, режим их содержания. Авторами подробно рассмотрены нацистские «преступные приказы».

Ключевые слова: лагерь; советские военнопленные; урочище «Дрозды».

The article discusses the normative regulation of the situation of Soviet prisoners of war in the camps. Presents the characteristics of the main documents that regulated the selection of prisoners, the regime of their detention. The authors examines in detail the Nazi "criminal orders".

Key words: camp; Soviet prisoners of war; criminal orders; tract "Drozdy".

29 июня 1941 г. был создан один из первых лагерей советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси в урочище Дрозды, получивший в советской послевоенной историографии название «лагерь Дрозды», в котором оказались не только советские воины, окруженные под Минском, но и все гражданское мужское население Минска в возрасте от 15 до 60 лет, в их числе и гражданские мужчины-беженцы с западных областей Белорусской ССР.

Лагерь располагался северо-западнее г. Минска, в нескольких километрах от него, в урочище Дрозды на территории совхоза им. Н. Крупской по левому (восточному) берегу р. Свислочь. И представлял собой огромное поле, ограниченное с одной стороны рекой, а с остальных сторон – веревками, натянутыми на деревянные столбики. В докладной записке советника Дорша рейхслейтеру А. Розенбергу от 10 июля 1941 г. сообщалось, что в этом лагере вблизи Минска находятся приблизительно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных [1; 2, с. 23–24].

Военнопленные и гражданские узники, разделенные проходами для охраны, размещались на поле, на котором не было никаких укрытий, даже

деревьев. Страшная скученность, тридцатиградусная жара днем и холод ночью, дожди, жажда, голод, антисанитария создавали для них невыносимые условия пребывания. По оценке многочисленных источников за 19 дней в Дроздах погибли и были расстреляны нацистами около 10 тысяч человек, которые были захоронены в траншее-канаве длиной 400 м.

*Рис. 1. Лагерь «Дрозды» на берегу р. Свислочь
(Фото Вейднера от 05.07.1941 г., Бундесархив)*

Лагерь в Дроздах просуществовал до 17 июля 1941 г., после чего началось его расформирование. Жители Минска после регистрации были отпущены по домам, евреи после разделения на интеллигенцию и рабочих были или расстреляны, или переведены в тюрьму, одна часть военнопленных была отправлена в Дулаг № 130, который был создан в бывшей воинской части возле д. Масюковщина, другая – в Дулаг № 126, расположенный в так называемых Пушкинских казармах по Логойскому тракту. В конце августа 1941 г. военнопленных и территории воинских частей, где оба этих Дулага располагались, принял под свое управление Шталаг № 352, который и стал одним из самых крупных нацистских лагерей советских военнопленных в оккупированной Беларуси.

Практически сразу после освобождения г. Минска от немецких захватчиков в июле 1944 г. следственными органами были допрошены свидетели из местных жителей п. Дрозды, которые рассказали всё, что знали о лагере в урочище Дрозды и его захоронениях.

Так, в протоколе опроса свидетеля от 24 июля 1944 г., проводившемся старшим лейтенантом госбезопасности Гусевым в п. Дрозды, указано, что в качестве свидетеля был допрошен Милашевский Иван Марининович. По его воспоминаниям: «В конце июня 1941 года местность совхоза им. Крупской, пос. Дрозды Минского р-на и область, были оккупированы немцами. Около совхоза имени Крупской немецкие власти устроили лагерь гражданского населения и военнопленных. Лагерь существовал около 12–14 дней, а потом все пленные и советские граждане были отправлены

в лагерь Масюковщина. На поле совхоза им. Крупской была вырыта траншея – канава для прокладки труб, расстоянием в 2 километрах от совхоза. В первой половине июля 1941 года немцы на машинах привозили к этой траншее – канаве советских граждан: мужчин, женщин и детей. Примерно в день машин с советскими людьми приходило по 18–20 шт., полные, с людьми. Вид машины имели грузовых, большие, крытые. Сколько в каждой машине было людей я сказать затрудняюсь. Ставили их лицом к канаве и расстреливали из автоматов. Расстрелянных зарывали привезенные на расстрел другие партии советских граждан. Я лично сам видел, как привозили на расстрел советских граждан. Продолжалось это около недели. Возили немцы днём и ночью. Возили также немцы советских людей из г. Минска. В этой траншее-канаве похоронено расстрелянных мужчин, женщин и детей около 10–12 тыс. человек» [3].

В последствии выводы, сделанные следствием на основании показаний свидетелей и при изучения вещественных доказательств из захоронения возле п. Дрозды были зафиксированы в Акте Минской областной комиссии о массовом истреблении советских граждан на территории г. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. (13.08.1944 г.). В данном документе сообщалось, что северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории поселка Дрозды, обнаружена траншея-канавы, в которой при раскопках в нескольких местах на глубине 0,5 м найдены остатки трупов (черепа, кости, истлевшая одежда). Размеры траншеи – 400 на 2,5 м. По свидетельским показаниям, в траншее-канаве захоронены расстрелянные немцами советские граждане, привозившиеся сюда для экзекуции из г. Минска, в количестве около 10 тыс. чел. [2, с. 224].

Подробное ежедневное описание событий, происходивших в лагере «Дрозды» представил в своих воспоминаниях гражданский партизан Гречаник Михаил Мордухович, 1911 г. р., еврей по национальности, прибывший в партизанский отряд из гетто Минска: «... мы колонной отошли от города (Минска) на километр... На поле кругом стояли часовые. Партия за партией на поле прибывал народ. Ночью на чистом поле стало холодно, но люди лежали друг возле друга и так грелись. Так прошла первая ночь на поле. Наступил день. Народу было очень много, а кушать не дают. Люди просят воды, но и воды не дают. Как только народ подходит просить, немцы стреляют. Так кончился второй день. Наступила вторая ночь. Люди лежат голодные, холодные. Кто одет, а кто в летних рубашках. Наступил день. Народ прибывает. Вот показался немец с ведром и начал раздавать воду. Народ окружил его и чуть не повалил. Опять эти гады стреляют в народ. Третий день. Люди голодные. И вот уже 12 часов дня. ...Вдруг явился с переводчиком офицер и объявляет, что с 10 часов до 4 часов дня будут пускать в лагерь родных с продовольственной передачей. Кончился день. Прогнали женщин

и детей. Четвертая ночь. ...ведут пленных красноармейцев. Но их к гражданским не пускают» [4].

Рис. 2. Фрагмент немецкой аэрофотосъемки г. Минска от 28.05.1944 г. Эллипсом выделена предполагаемая территория лагеря «Дрозды», стрелками указана траншея-захоронение лагеря «Дрозды»

Далее Гречаник продолжает рассказ о ежедневных событиях до закрытия лагеря: «Ежедневно военные и гражданские на берегу Свислочи находятся отдельно. Красноармейцы бегут к вольным. Гражданские их кормят. Немцы по ним стреляют. В лагерь поступают колонны военных, гражданских, а также заключенных из Минской тюрьмы. По ночам происходят побегі через речку или по полю. На 9-й день на машине немцы снимают фильм, фотографируют.

На 13-й день для евреев подготовлено место возле речки, огороженное веревками. Отпускают поляков домой. На 14-ю ночь на другой стороне речки немцы всю ночь расстреливали политруков и командиров. На 17-й день немцы провели перепись еврейской интеллигенции и рабочих. На 18-ю ночь машинами вывезли евреев-интеллигентов и расстреляли, что было понятно по пулеметным очередям вскоре после отъезда машин, которые минут через 15 после расстрела возвращались за новой партией евреев. Так всех и вывезли. Кончился последний день в «Дроздах».

На 19-й ночь увели из лагеря военнопленных. Остались только еврей-рабочие, которых гестаповцы построили в ряды и повели в тюрьму, часть которых после направили на работу, а остальных – за городом расстреляли».

В воспоминаниях танкиста 8-го танкового полка 36-й кавалерийской дивизии им. Сталина Б. А. Попова, отступавшего с боями от западной границы СССР и попавшего в плен 5 июля 1941 г. под Минском, подробно описаны события в лагере с 6.07.41 по 17.07.1941, т. е. до момента его расформирования. Колонну пленных, в которой шел Б. А. Попов, «привели в лагерь,

точнее к месту сбора военнопленных, расположенному на берегу Цнянки, где уже были собраны десятки тысяч солдат и офицеров Красной армии, а рядом, на территории, отгороженной только кольщиками и канатами, находилось собранное мужское население Минска. В первую, как и последующие ночи, спать пришлось на голой земле. В одной гимнастерке, без нижней рубашки и головного убора ночью было довольно холодно, даже в июле. Скорее это был не сон, а полузабытье» [5].

По воспоминаниям Б. А. Попова ночью в июле было холодно и в сухую погоду, и под проливными дождями, от которых негде было укрыться. Приходилось сидеть в мокрой одежде спина к спине, согревая телами друг друга.

Днем была жара, от которой возникала сильная жажда. Вода в реке хоть и была рядом, но пить ее было опасно, так как она была грязная, мутная, с многочисленными возбудителями кишечных инфекций и паразитами из-за десятков тысяч страждущих пленных на ее берегу. А в тех, кто заходил чуть поглубже, чтобы набрать воды почище, стреляла охрана с другого берега.

«В первые дни пребывания с проезжавшей по лагерю машины бросали на землю ящики с макаронами, на другой день селедку. Получить что-либо из этого не удавалось – уж очень было много желающих. Большая часть сброшенных на землю продуктов затаптывалось ногами пленных. На третий день сбросили вяленую воблу.»

«Немцы поняли, что примененный способ обеспечения пищей ничего не дает, и отказались от него. В последующие дни вообще ничего не привозили.»

«За двенадцать дней моего пребывания в лагере у реки, только в последние три дня была организована раздача пищи. Для этого немцы привезли на отгороженный канатами участок армейские кухни... Так за день им удавалось «накормить» весь лагерь.

17 июля нам выдали впервые по 200 грамм хлеба, и повели колонной через город по улице (ныне Богдановича) на новое место базирования лагеря.»

Таким образом Б. А. Попов оказался в лагере военнопленных Дулаг № 130 на территории бывшей воинской части в около д. Масюковщина, который в последствии был принят под управление Шталагом № 352.

Но только с получением доступа в последние годы к немецким документам Вермахта за 1941–1945 гг. появилась возможность ответить на многие вопросы по лагерям военнопленных.

Из них становится известно, что через неделю после начала оккупации Минска, т. е. 6 июля 1941 г. в город прибывает комендант 559-го армейского тылового района генерал-лейтенант Шмидт-Логан и принимает на себя решение всех вопросов, связанных с военнопленными, попавшими в плен под Минском. Совместно с ним прибыли подчиненные ему 2-й и 6-й армейские сборно-пересыльные пункты (АСПП), Дулаги 126 и 127 [6, с. 23–28].

Рис. 3. Военнопленные в лагере «Дрозды»
(«Deutsche Wochenschau» № 568 07.1941 г.)

«Комендант принимает дальнейшие меры для быстрой организации лагеря военнопленных, в котором абсолютно ничего нет: ни удовлетворительных ограждений, ни санитарной базы, ни достаточного количества продуктов питания и т. д. Задача требует быстрых действий. Количество десятков тысяч пленных, среди них находятся также 20 000 гражданских пленных, приближается к 100 000 и ежечасно следует считаться с дальнейшим увеличением этого количества...»

«До сих пор пленные находились под караулом 9-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки», который был приказом привлечен для несвойственной ему функции охраны пленных, как незадействованное в боевых действиях на тот момент боевое подразделение. «Дулагу 127 и 6-му армейскому сборно-пересыльному пункту поручено местное руководство главным лагерем» (лагерем «Дрозды». – *прим. авт.*).

«Комендант обследует удобно расположенный лагерь у дороги Москва – Минск на восточной окраине Минска и дает указание перевести туда на следующий день из главного лагеря (лагеря «Дрозды») около 500 офицеров и 3000 солдат. Обустройство возложено на 2-й армейский сборно-пересыльный пункт...»

Пересыльный лагерь Минска располагается строго к северо-западу от города на восточном берегу протекающей через Минск реки лагерь «Дрозды» на р. Свислочь). Для отправки на прибывающем с фронта порожнем транспорте у места выезда из города в северо-восточном направлении, в начале покрытого асфальтом шоссе, сооружено отделение лагеря у автостреды. (Небенлагерь, Автобан). Оба лагеря управлялись Дулагом 127. Для охраны Дулагу 127 подчинены два батальона 286 охранной дивизии. Эти формирования остаются задействованными и подчиняются командованию

2-й армии. Пересыльный лагерь («Дрозды») Минска занят приблизительно 47-ю тысячами пленных, лагерь у автострады (Небенлагерь Автобан) – приблизительно 7-ю тысячами. Месторасположение лагеря (лагерь «Дрозды») выбрано по той причине, что снабжение водой может быть обеспечено только посредством реки (р. Свислочь).

Командант 559-го армейского тылового района нашел лагерь на этом месте – в то время заполненным 100 тысячами пленных. Место имеет еще одно преимущество, заключающееся в том, что оно может быть наблюдаемо и охраняемо с вереницы холмов, сопровождающих реку. Однако оно имеет большой недостаток, состоящий в том, что пленные должны пребывать только под открытым небом.

Размещение на укрытых пространствах может быть произведено вблизи отделения лагеря, но до сих пор там отсутствовала необходимая вода. Как только снова начнет функционировать водопровод, должна последовать передислокация лагеря туда. Со времени принятия (лагеря Дрозды) 20 000 гражданских пленных были освобождены и приблизительно 30 000 человек вывезены транспортными средствами, имевшимися в распоряжении 4-й танковой армии. Размещение на укрытых пространствах может быть произведено вблизи отделения лагеря.

Обеспечение горячей пищей производится посредством приблизительно 140 русских полевых кухонь. Варятся также убойные лошади. Подвоз продовольствия осуществляет Дулаг 127 с помощью автомобиля и транспорта из крестьянских подвод. Хлеб выпекался русскими пекарями в двух пекарнях, а именно 5000 и, соответственно, 1000 буханок хлеба ежедневно – всего 9000 кг хлеба [7, с. 30–31]

В немецкой кинохронике «Deutsche Wochenschau» № 568 07.1941 г. показан Gefangenen Sammelstelle, т. е. армейский сборно-пересыльный пункт в урочище «Дрозды» в июле 1941 г., военнопленные и гражданские на поле возле реки, разделенные канатами на колышках. Отдельно сняты евреи. На заключительных кадрах кинохроники видна пешая колонна пленных, идущая 17.07.1941 из АСПП по ул. Богдановича Минска в Масюковщину [8].

Таким образом лагерь военнопленных в урочище «Дрозды» просуществовал всего 19 дней, с 29.06.1941 по 17.07.1941 г., располагался северно-западнее г. Минска, в урочище Дрозды, возле п. Дрозды, на землях совхоза им. Крупской, в пределах рек Свислочь и Цнянка. Территорией лагеря было поле, обтянутое веревками на колышках, ограниченное с одной стороны рекой в качестве обязательного для существования лагеря источника воды.

С 29.06.1941 по 08.07.1941 г. лагерь «Дрозды» подчинялся 9 дивизиону артиллерийской инструментальной разведки, а с 08.07.1941 по 17.07.1941 г. – 6-му армейскому сборно-пересыльному пункту и Дулагу № 127. На 09.07.1941 количество заключенных составляло около 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских. Лагерный контингент составляли

военнопленные защитники Минска и окруженцы от западных границ до Минска; гражданские – минчане, мужчины 16–60 лет, мужчины – беженцы с западных областей, евреи Минска, евреи – беженцы и заключенные, которых освободили из тюрьмы, подготовив камеры для евреев и врагов Рейха. Питание гражданского населения осуществлялось их родственниками в течении всего срока существования лагеря. Питание военнопленные до 07.07.1941 не получали совсем. И только с 08.07.1941, когда лагерь принял Дулаг № 127, вначале был сухой паек (селедка, вобла, сухие макароны), а в последствии – баланда по 0,5 литра на человека один раз в день. Маршевый паек 17.07.1941 г. составил 200 гр. хлеба на человека.

*Рис. 4. Армейские полевые кухни в лагере «Дрозды» (Дулаг № 127)
Фото из фондов БелГМИВОВ*

В 1996 г. 1-я специализированная поисковая рота в/ч 28443 произвела поисковые работы в районе массовых захоронений в урочище Дрозды, а именно в районе ямы-траншеи бывшего Минского водопровода вблизи бывшего лагеря военнопленных и мирных граждан г. Минска «Дрозды», а на тот момент на территории, принадлежащей Минской птицефабрике им. Крупской и в/ч 22210-«Д».

В результате проведения шурфовки местности личным составом роты была выявлена траншея шириной 3 м, длиной 305 м, глубиной 0,9–1,7 м, в которой обнаружены множественные останки военнослужащих и гражданского населения. Определить точную численность захороненных не представилось возможным. Останки из раскопов и шурфов не изымались по всей длине траншеи.

В 2009 г. за счет средств, заработанных на республиканском субботнике, территорию у памятника погибшим в лагере «Дрозды» благоустроили. В 2010 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1351 захоронению придали статус историко-культурной ценности регионального значения. Воинское захоронение № 5333 военнопленных и гражд-

данских жителей г. Минска и его окрестностей расположено по адресу: г. Минск, Долгиновский тракт. В паспорте воинского захоронения учтено 10 тыс. захороненных. Все – неизвестные...

Список использованных источников

1. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944. – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944; справочник / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. В. И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004. – 192 с.

2. Докладная записка министерального советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу о лагере военнопленных и гражданских лиц в гор. Минске 10.07.1941 г. // Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Ин-т истории АН БССР, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; Сост. З. И. Белуга [и др.]. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – С. 23–24.

3. Протокол допроса Милашевского И. М. // ГАМн. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 31.

4. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 768 с.

5. *Попов, Б. А.* «Еще о войне (автобиографический очерк одного из пяти миллионов)» / Б. А. Попов. – Минск, Энциклопедике, 2015. – 182 с.

6. *Карпов, С. К.* Журнал боевых действий коменданта 559-го армейского тылового района за июль-август 1941 г. / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок // Помнить вечно! Штаблаг 352 «Масюковщина» – Минск, 2019. – С. 23–28. (Военный архив г. Фрайбурга, 21 RH 23/124, Kriegstagebuch Nr. 2 der Abt. Ia, mit Anlagen, 17. Juni – 31. Aug. 1941.

7. «Пояснения к передаче пересыльного лагеря пленных Дулага № 127 комендантом 559-го армейского тылового района командованию 2-й армией / обер-квартирмейстеру 2-й армии от 14 июля 1941 г.» / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок // Помнить вечно! Штаблаг 352 «Масюковщина». – Минск, 2019. – С. 30–31.

8. Цифровой архив кинохроники и документальных фильмов «Die Deutsche Wochenschau № 568 (1941)» (кадры 00:06:32:00–00:08:10:00) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.net-film.ru/en/film-59346/>. – Дата доступа: 25.02.2023.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

С. В. Мянчэня

Беларуская сельскагаспадарчая бібліятэка імя І. С. Лупіновіча
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі;
Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

S. V. Mianchenya

I. S. Lupinovich Belarus Agricultural Library of the National Academy
of Sciences of Belarus;
Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 070.48:63:001.92"1906-1915"

**ПАПУЛЯРЫЗАЦЫЯ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ВЕДАЎ
І АЦЭНКА СТАНУ І ПЕРСПЕКТЫЎ СЕЛЬСКОЙ
ГАСПАДАРКІ БЕЛАРУСІ НА СТАРОНКАХ
«НАШАЙ НІВЫ» (1906–1915 ГГ.)**

**PROMOTION OF AGRICULTURAL KNOWLEDGE
AND ASSESSMENT OF THE STATE AND PROSPECTS
OF THE BELARUSIAN AGRICULTURE ON THE PAGES
OF «NASHA NIVA» (1906–1915)**

Арткул прысвечаны дзейнасці газеты «Наша Ніва», накіраванай на папулярызацыю і распаўсюджванне сельскагаспадарчых ведаў у 1906–1915 гг. Аналізуюцца разнастайныя формы падачы інфармацыі, перыядычнасць, змест матэрыялаў, выдавецкая дзейнасць рэдакцыі, удзел яе ў сельскагаспадарчых выставах. Пашырэнне сельскагаспадарчых ведаў і перайманне новых тэхналогій гаспадарання павінны былі павысіць матэрыяльны ўзровень жыцця сялян і стаць эканамічнай асновай беларускага нацыянальнага Адраджэння.

Ключавыя словы: «Наша Ніва»; сельская гаспадарка; сельскагаспадарчыя веды; кааперацыя; хутарская гаспадарка.

The article is devoted to the activities of the newspaper “Nasha Niva” aimed at the popularization and dissemination of agricultural knowledge in 1906–1915. Various forms of information submission, periodicity, content of materials, publishing activities of the editorial office, its participation in agricultural exhibitions are analyzed. The distribution of agricultural knowledge and the adoption of new farming technologies were supposed to raise the material standard of living of the peasants and become the economic basis of the Belarusian national Renaissance.

Key words: “Nasha Niva”; agriculture; agricultural knowledge; cooperation; farm.

Тэма сельскай гаспадаркі мела важнае значэнне для аўтараў-выдаўцоў «Нашай Нівы», бо яны разглядалі сялянства, як сваю мэтавую аўдыторыю і сацыяльную базу беларускага Адраджэння, а сялянскі дабрабыт – як эканамічны падмурак краю [1, с. 60]. З гэтай нагоды на старонках газеты размяшчаліся разнастайныя матэрыялы, прысвечаныя аграрнай палітыцы ўлад, новым сельскагаспадарчым тэхналогіям, аграрнай адукацыі, замежнаму вопыту вядзення гаспадаркі.

Першыя матэрыялы «Нашай Нівы», прысвечаныя сельскай гаспадарцы, не былі сістэматызаваны і з'яўляліся асобнымі невялікімі артыкуламі на розную тэматыку. Сярод іх аўтараў трэба адзначыць Вацлава Іваноўскага (псеўданім – Вацок Тройца) і Юрыя Булгака (Бусел з-пад Слуцка) [2; 3]. В. Іваноўскі актыўна супрацоўнічаў у гэты час з «Нашай Нівай», негледзячы на стажыроўку за мяжой. У яго артыкулах даюцца практычныя рэкамендацыі па апрацоўцы глебы, інфармацыя аб дзейнасці сельскагаспадарчай суполкі ў Банюках (сёння вёска ў Шчучынскім раёне) (№ 2, 1907). У пачатку 1908 г. ён публікуе чатыры гутаркі «Цукер», у якіх былі падрабязна апісаны гісторыя цукраварэння ў Беларусі, тэхналогія вырабу і ачысткі цукру [4]. Пазней гутаркі былі аб'яднаны і выйшлі асобным выданнем. «Дзесяць заповедзей для вясковага гаспадара» Бусла з-пад Слуцка ўтрымлівалі кароткія парады: «якім зярном пасееш, такі і колас будзе; не заворвай гной глыбока і ў мокрую зямлю; часцей бярыся за барану, менш гартай зямлю плугам» [3]. Яны прыйшліся да спадабы і чытачам, і рэдакцыі. У звароце да аўтара рэдакцыя раіла: «старайцеся трымацца такога спосабу напісання: вялікія рэчы слаба чытаюць, а такіх наказаў больш слухаюць і помняць добра» [5, с. 8].

З № 25 1907 г. у газеце з'яўляецца асобная рубрыка «Рада для гаспадароў». Тут размяшчаліся невялікія парады па розных пытаннях гаспадаркі, асобнага загатоўка яны часта не мелі, у некаторых выпадках не пазначаўся і аўтар. Першапачаткова выходзіла яна спарадычна – па 2 разы ў 1907, 1908 і 1909 гг. (№№ 25 і 28; №№ 11, 18; №№ 39, 40). У 1910 г. яна сустрэкаецца ў 15 нумарах, у 1911 г. – у 19, у 1912 – у 3. З пачаткам выдання А. Уласавым асобнага сельскагаспадарчага часопіса «Саха» (красавік 1912 г.) рубрыка знікае. Выданне «Сахі» паўплывала і на змест сельскагаспадарчых матэрыялаў у «Нашай Ніве» – газета засяродзілася на эканамічных пытаннях вядзення гаспадаркі, аграрнай адукацыі і рэкламе.

Вялікі попыт на сельскагаспадарчыя матэрыялы з боку чытачоў і абмежаваны аб'ём газеты прымусілі рэдакцыю шукаць выйсце ў выпуску асобных спецыялізаваных выданняў. У № 22 за 1908 г. у раздзеле «Паштовая скрынка» у адказ на ліст чытача з Барысава адзначалася: «...кажаце, што мала пішам пра сельскую гаспадарку. Гэта праўда! Пішам колькі можам, толькі месца мала»; далей паведамлялася пра план выдання сельскагаспадарчага календара [6, с. 8]. Аднак ажыццявіць гэты план атрымалася толькі праз год. Яшчэ адной формай распаўсюджвання сельскагаспадарчых ведаў сталі брашуры. У 1911 г. «Наша Ніва» прапаноўвала 5 брашур, што ўтрымлівалі раней надрукаваныя ў ёй матэрыялы: «Гутаркі аб гаспадарцы», «Зямельная справа ў Новай Зеландыі», «Як рабіць добрыя рамавыя вуліі», «Аб гаспадарцы на хутары і шнурах» і «Як ужываць штучны навоз». Першыя чатыры былі ў кірылічным і лацінскім варыянце, апошнія – толькі ў кірылічным. Кошт выданняў вагаўся ад 2 да 5 кап. [7, с. 4].

Па змесце матэрыялы «Нашай Нівы» на сельскагаспадарчую тэматыку можна падзяліць на наступныя групы: практычныя парады; новыя тэхнало-

гіі і замежны вопыт; эканамічныя пытанні; папулярызацыя сельскагаспадарчых ведаў і аграрная адукацыя.

Практычныя парады датычыліся ў асноўным методыкі апрацоўкі глебы і пасадкі сельскагаспадарчых культур, жывёлагадоўлі, садаводства, будаўніцтва і пчалярства. Сярод земляробчых парад вылучаліся пытанні паляпшэння сенажацяў і барацьбы з празмернай вільготнасцю глебы, рэкамендацыі па даглядзе за бульбай і карысць ад кармавых культур (лубіна, «бульвы» – тапіамбура, гароху, кармовай морквы). Значная ўвага надавалася свінагадоўлі і малочнай гаспадарцы. Свінагадоўля, на думку сталага аўтара «Нашай Нівы» агранома М. Б. (сустракаюцца таксама наступныя варыянты подпісу: М. Б-н, М. Смаргонскі), магла стаць эканамічнай асновай сельскай гаспадаркі Беларусі. Для гэтага меліся і пэўныя падставы. Так, у Магілёўскай, Мінскай і Віленскай губернях на 1000 чал. прыходзілася 240 свіней, тады як сярэдні паказчык па Расійскай імперыі складаў 122. Развіццю свінагадоўлі ў Беларусі павінна была паспрыяць пашырэнне пасаваў бульбы і ячменя [8]. Сярод праблем свінагадоўлі і аўтары, і чытачы «Нашай Нівы» адзначалі хваробы, перш за ўсё «рожа карбункулавая», і паразітаў. Для барацьбы з рожай рэдакцыя ў адказе на ліст чытача Тамаша з Горлікаў рэкамендавала хутчэй звярнуцца да ветэрынара і зрабіць прышчэпку, а пры адсутнасці такой магчымасці – забіць жывёлу на стадыі пачатку хваробы, пакуль мяса не стала шкодным для людзей [9, с. 8]. Яшчэ аднаму чытачу – Я. Разоры з Дзісны – рэдакцыя раіла не давяраць загаварам ведуноў, а ўсё ж зрабіць свінні прышчэпку, спасылаючыся на вопыт Чэхіі, дзе ў 1907 г. было прышчэплена 37910 свіней [10, с. 8]. У 1910 г. быў апублікаваны артыкул з малюнкамі «Трыхіны і солітэр» аб забруджанасці свінога мяса трыхінілёзам і саліцэрамі, яго шкоднасці і спосабах пазбегнуць заражэння [11].

Перспектыўнай галіной гаспадаркі ва ўмовах пашырэння хутароў лічылася пчалярства. У артыкуле К. Барысовіча «Гутарка аб пчолах» (1910, № 1) даваліся парады аб тым, як расстаўляць вуллі, уцяпляць іх зімой, ратаваць пчол ад мышэй [12]. У наступных двух нумарах выйшла публікацыя «Як рабіць добрыя рамавыя вуллі», якая, як адзначалася вышэй, стала затым асобным выданнем. Для пчаляроў публікаваліся спісы спецыялізаванай літаратуры, а ў самой рэдакцыі можна было набыць выданне «Пчаліна – жывёлка малая, а карысці дае многа», што выйшла ў 1911 г. у Пецярбургу беларускай лацінкай пад аўтарствам ксяндза Генрыка Бэты (псеўданім – Н. Bierożko) [13, с. 3].

З практычнымі парадамі вядзення гаспадаркі цесна звязана інфармацыя аб новых тэхналогіях і тэхніцы. «Наша Ніва» распавядала чытачам аб прымяненні ў гаспадарцы спрынжыновак, дыскавых барон, бараны для выдзірання моху. З 1907 г. у газеце стала прысутнічае рэклама склада сельскагаспадарчых машын Зыгмунда Нагродзкага з Вільні. У красавіку 1912 г. рэдакцыя зрабіла рассылку сваім чытачам каталога прадукцыі Нагродзкага

разам з першым нумарам часопіса «Саха» [14, с. 4]. У 1913 г. рэкламавалася бульбакапалка Судакова з Арлоўскай губерні, пры гэтым пакупнікам абяцалі вярнуць грошы, калі прылада ім не спадабаецца [15, с. 4]. Улічваючы мяса-малочную спецыялізацыю сельскай гаспадаркі рэгіёна, не заставалася без увагі і гэта галіна вытворчасці. Для вытворцаў малочнай прадукцыі прапаноўваўся малочны сепаратар «Дыябола» (1913, № 6). Падчас вайны ў 1915 г. «Наша Ніва» паведамляла аб перадачы на склад Віленскага сельскагаспадарчага таварыства тэхнікі, вывезенай з Усходняй Прусіі, коштам амаль на 500 тыс. руб., і аб планах раздаць яе пацярпелым ад вайны жыхарам Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай і Сувалкскай губерняў [16, с. 4].

Вялікая ўвага надавалася выкарыстанню ўгнаенняў – як арганічных, так і мінеральных («штучны гной»). З першай групы вылучаліся торф («Торф у сельскай гаспадарцы», 1908, № 10), кампост, попел і птушыны гной. Аўтар Тутэйшы раіў для ўгнаення глебы зрабіць прыбіральню тым гаспадарам, у якіх яе яшчэ не было [17]. Сярод мінеральных угнаенняў рэкамендавалася выкарыстоўваць суперфасфат, томас-шлак, каліт, калійную соль, салетру і вапну. Асабліваці выкарыстання гэтых угнаенняў разглядаліся ў раздзеле «Рады для гаспадароў» (1910, №№ 30–32). У 1909 г. была апублікавана справаздача аб вопытах з аўсом і жытам у в. Астрэмчава (суч. – Брэсцкі раён). Для вопыта палі былі падзелены на шэсць частак, для кожнай з іх выкарыстоўваліся розныя ўгнаенні і іх спалучэнні. Аднак, калі ўраджайнасць аўса атрымалася прааналізаваць, то з жытам эксперымент скончыўся няўдала – нехта скраў з поля снапы [18]. Зладзіць падобны эксперымент чытачы «Нашай Нівы» маглі і самастойна. Жадаючыя павінны былі адаслаць у рэдакцыю паштоўку са зваротным адрасам, і тады ім адсылалі 10 фунтаў (каля 4,5 кг) угнаенняў і інструкцыю па іх выкарыстанні бясплатна [19, с. 4].

Замежны вопыт гаспадарання быў прадстаўлены шэрагам артыкулаў сацыяльна-эканамічнага характару: «Законы аб арандатарых-мужыках у Індыі» (1907, № 7), «Зямельная справа ў Новай Зеландыі» (1907, № 8), «Закон аб дробных зямельных гаспадарках у Англіі» (1907, № 20), «Вясковыя таварыствы ў Гішпаніі» (1909, № 49), «Нямецкі сельскі парабак» (1910, № 35). За артыкул «Зямельная справа ў Новай Зеландыі» разам з фельетонам «Дума і народ» на адзначаны нумар віленскім інспектарам па справах друку быў накладзены арышт [1, Дело IV отделения канцелярии Главного Управления по делам печати. По издании в гор. Вильно газеты «Наша нива» (1906–1915 гг.), арк. 3]. У артыкуле разглядалася падаткавая сістэма Новай Зеландыі, палітыка ўрада па выкупе латыфундый і арэндная практыка для дробных гаспадароў. Паляпшэнне становішча сялян звязвалася з увядзеннем аўтаноміі і стварэннем выбарных органаў самакіравання [20]. У самім нумары аўтар не быў пазначаны, толькі давалася спасылка на пераклад з украінскай мовы. Пазней «Зямельная справа...» выйшла асобным выданнем – у лацінскім і кірылічным варыянце – коштам па 3 кап. Тут аўтарам-перакладчыкам быў пазначаны А. Б. [6, с. 8]. У артыкуле «Нямецкі сельскі

парабак» А. Уласаў параўнаў узровень даходаў, выдаткі і рацыён нямецкага сельскага наёмнага рабочага і гаспадароў в. Мігаўка Вілейскага павета. Атрымлівалася, што першы меў чысты гадавы прыбытак амаль у чатыры разы больш за беларускіх сялян [21]. Дабрабыт галандскіх сялян тлумачыўся тым, што «там парадкі ў гаспадарстве надта добрыя, і ўсе мужыкі вучоныя» [22].

Для беларускіх сялян шлях да добрабыту, ва умовах адсутнасці рэальнай магчымасці паўшываць на дзяржаўную палітыку і недасканаласці зямельнага заканадаўства, бачыўся праз кааперацыю і адукацыю. «Наша Ніва» прапагандавала ідэю сялянскай кааперацыі, сярод форм якой вылучаліся сельскагаспадарчыя гурткі, хаўрусныя крамы, крэдытныя хаўрусы і пазыкова-ашчадныя касы. «Наша Ніва» сачыла за дзейнасцю сельскагаспадарчых гурткоў (Баннокоўскі Лідскага павета, Ухвішчанскі Лепельскага павета і інш.), асвятляла стварэнне новых аб'яднанняў, перавагі кааператывунай гаспадаркі над індывідуальнай (магчымасць набыцця тэхнікі і пародзістых жывёл, сумесная рэалізацыя прадукцыі). У артыкуле «Сельска-гаспадарскія хаўрусы» давалася падрабязная інструкцыя па стварэнні гуртка: асаблівасці статута, неабходная колькасць падпісантаў, памер узносаў [23].

Паспяховасць кааперацыі залежыла ад самаарганізацыі саміх сялян, якія павінны былі самі адказаць за свой лёс і не чакаць рэформаў зверху [1, с. 57]. З гэтай прычыны падтрымлівалася і ідэя распаўсюджвання хутарскіх гаспадарак, якія часам называлі «фальварковымі». У 1908 г. «Наша Ніва» пісала аб дзейнасці Зыгмунда Трускаляцкага, які праводзіў гутаркі з сялянамі аб перавагах хутароў і сельскагаспадарчых гурткоў, арганізаваў паездку сялян ва ўзорныя хутарскія гаспадаркі і выдзяліў чатыры дзесяціны сваёй зямлі пад узорны хутар, куды на тры гады запрасіў селяніна Язэпа Цытку, у якога быў раўназначны зямельны надзел, але падзелены на шнуры. Праз тры гады на хутар павінны быў прыйсці новы гаспадар, але Трускаляцкі не дачакаўся вынікаў эксперымента, бо заўчасна памёр ва ўзросце 45 гадоў [24, с. 5]. Даняе ўзорнага хутара і шнуравой гаспадаркі былі прааналізаваны А. Уласавым і ляглі ў аснову асобнага нумара «Нашай Нівы» «Паказальны хутар “Бабоўня”» (суч. – в. Бабоўня, Капыльскі раён). Тут падаваліся падрабязныя планы будынкаў, поля і змены сельскагаспадарчых культур, ураджайнасць, колькасць свойскай жывёлы, яе рацыён, даходы і выдаткі; параўноўваўся фінансавы бок вядзення хутарскай і шнуравой гаспадаркі Цыткі за тры гады [25].

Для папулярацыі хутароў друкаваліся водгукі саміх сялян. Так, напрыклад, сяляне Наваградскага павета адзначалі, што да былой сістэмы «нават за грошы не вернуцца» [26, с. 2]. Меліся таксама аб'явы аб продажы зямлі для хутароў (1913, № 48; 1914, № 2).

Пашырэнне хутароў, на думку рэдакцыі, магло паспрыяць скараненню п'янства, як адной з прычын «цёмнасці» і беднасці сялян: «Каб гарэлку піць зракліся, з вёсак на хутары разышліся, тады роўнае права слабы меў бы

з дужым: не пасвіў бы каня на чужым, кожны сеяў бы кармавыя травы, не рабіў бы другому шкоды ні патравы...» [27]. Такія выпадкі рэальна мелі месца. Пасля адыходу на хутары жыхароў в. Шчажэрэ (суч. – в. Шчажэр-1 і Шчажэр-2, Магілёўскі раён) мясцовая казённая «вінная крама» не стала мець прыбыткаў [28].

Наладжванне гаспадаркі павінна было вырашыць яшчэ адну праблему – працоўную міграцыю ў Амерыку. Так, у 1912 г. праз порт у Лібаве (суч. – Ліепая, Латвія) у Амерыку выехала 58 507 чал., з іх 21 791 (37 %) – жыхары Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў. У найбольшай ступені эміграцыя закранула Гродзеншчыну (7018 чалавек, ці 12 % ад агульнай колькасці мігрантаў) і Міншчыну (8320, ці 14 %), але, улічваючы розніцу ў памерах і колькасці насельніцтва, маштаб гэтай з’явы ў Гродзенскай губерні падаецца большым [29, с. 2]. Адзначалася, што людзі, якія едуць на заробкі, адвыкаюць ад гаспадаркі і сям’і, не цэняць грошы, хутка іх марнуюць па прыездзе і ад’язджаюць зноў [30, с. 4].

«Наша Ніва», якая сама з’яўлялася адукацыйным суб’ектам, сачыла за станам адукацыйнай сістэмы у галіне сельскай гаспадаркі. У газеце друкавалася інфармацыя аб сельскагаспадарчых установах (Варанецкая ніжэйшая школа, Нова-Александрыйскі інстытут сельскай гаспадаркі і лесаводства, Горацкія вучэбныя ўстановы) і іх выпускніках. Была наладжана сувязь з Секцыяй аграномаў Беларускага краю, якую арганізавалі студэнты ў Нова-Александрыйскім кіраўніцтвам вышэй згаданага М. Б. [31, с. 3]. Паведамлялася пра адкрыццё новых сельскагаспадарчых школ, ахвяраванне для іх зямлі; адсочвалася сітуацыя вакол стварэння ў Мінску сельскагаспадарчага інстытута. Так, у 1913 г. разглядаліся варыянты стварэння новай установы, ці пераносу ў Мінск Нова-Александрыйскага інстытута [32, с. 3]. Аднак, ні адзін з іх рэалізаваць з пачаткам Першай сусветнай вайны не атрымалася.

Прапагандаваліся кароткатэрміновыя сельскагаспадарчыя курсы. Пры гэтым інфармацыя «Нашай Нівы» дазваляе скласці графік іх правядзення і вызначыць найбольш папулярную тэматыку. Акрамя агульнаадукацыйных курсаў, на якіх разглядаліся розныя аспекты вядзення гаспадаркі найбольш пашыраны былі курсы малочнай гаспадаркі і жывёлагадоўлі, што было абумоўлена гаспадарчай спецыялізацыяй рэгіёна. У № 3 за 1914 г. змешчана падрабязная справаздача аб курсах малочнай гаспадаркі ў маёнтку Сакалоўшчына Лідскага павета з 1 лістапада 1913 г. па 1 лютага 1914 г. Курсы скончылі 19 слухачоў, з якіх было 12 хлопцаў, 6 дзяўчын і адзін чалавек сталага ўзросту. У Віленскай губерні у сувязі з актыўным развіццём садаводства ў 1913 г. праводзіліся таксама курсы сушэння фруктаў (5–13 сакавіка) [33, с. 4], пчальарства і садаводства (1–15 жніўня і з 1 лістапада да 12 снежня) [34, с. 4].

Яшчэ адной формай пашырэння сельскагаспадарчых ведаў з’яўляліся выставы. Як і ў сітуацыі з курсамі, «Наша Ніва» друкавала аб’явы аб іх правядзенні і справаздачы аб выніках. Аднак гэтым справа не абмяжоўва-

лася: рэдакцыя і сама з'яўлялася актыўным удзельнікам некаторых выстаў. У жніўні 1911 г. у Капылі пры ўдзеле «Нашай Нівы» падчас выставы былі арганізаваны чытанні на беларускай мове на тэму «Як выбраць добрага каня, карову, як даглядаць іх і карміць» [35, с. 3]. У тым жа годзе «Наша Ніва» арганізавала беларускую секцыю на выставе ў Быхаве, на якой атрымала вялікі срэбраны медаль за «Беларускі каляндар». У маі 1913 г. на выставах у м. Гарадок Вілейскага павета і ў Глыбокім былі таксама арганізаваны беларускія аддзелы і продаж календароў. У Гарадку наведвальнікам раздаваліся некаторыя нумары «Нашай Нівы» і «Сахі», у Глыбокім – брашуры «Як ужываць штучны навоз», «Як ратаваць уздутую жывёлу» і «Як рабіць добрыя рамавыя вулі» агульнай колькасцю 3000 асобнікаў [36, с. 2; 37, с. 3–4].

Такім чынам, «Наша Ніва» з'яўлялася актыўным правадніком ідэі пашырэння сельскагаспадарчых ведаў і пераймання новых тэхналогій гаспадарання, што павінна было павысіць матэрыяльны ўзровень жыцця сялян і стаць эканамічнай асновай беларускага нацыянальнага Адраджэння. Рэдакцыяй выкарыстоўваліся розныя формы падачы інфармацыі, што павінна было зрабіць сельскагаспадарчыя веды даступнымі для грамадскасці і спрыяць іх укараненню ў жыццё. Гаспадарчыя парады «Нашай Нівы» датычыліся розных сфер: ад пчальарства і ветэрынарыі, да апрацоўкі глебы і выкарыстання ўгнаенняў. У сваю чаргу, будучыня сельскай гаспадаркі Беларусі бачылася аўтарам «Нашай Нівы» ў развіцці сялянскай кааперацыі, пашырэнні асветы і хутарскіх гаспадарак. Хутарызацыя і кааперацыя не супярэчылі адно аднаму. Першая павінна была павысіць ініцыятыўнасць сялян, спрыяць развіццю жывёлагадоўлі і пчальарства; другая – забяспечыць сялянскія гаспадаркі сельскагаспадарчай тэхнікай і ўгнаеннямі, гарантаваць фінансавую дапамогу, стварыць умовы для рэалізацыі прадукцыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Унучак, А. У.* «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А. У. Унучак. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 186 с.
2. *Тройца, В.* Як правіць сенажаць / В. Тройца // *Наша Ніва*. – 1906. – № 5, 6, 7.
3. Бусел с-пад Слуцка. Дзесяць заповедзей для вясковага гаспадара // *Наша Ніва*. – 1907. – № 22. – С. 8.
4. *Тройца, В.* Цукер (з гутарак з дзядзькам Сымонам) / В. Тройца // *Наша Ніва*. – 1908. – № 4. – С. 4–5; № 5. – С. 5–6; № 6. – С. 5–6; № 7. – С. 5–6.
5. *Наша Ніва*. – 1907. – № 24.
6. *Наша Ніва*. – 1908. – № 22.
7. *Наша Ніва*. – 1911. – № 23.
8. *М. Б.* Эканамічная апора нашага краю / М. Б. // *Наша Ніва*. – 1913. – № 49. – С. 1–2.
9. *Наша Ніва*. – 1907. – № 2.
10. *Наша Ніва*. – 1908. – № 24.
11. *Буда, І.* Трыхіны і солігэр / І. Буда // *Наша Ніва*. – 1910. – № 5. – С. 3.
12. *Барысовіч, К.* Гутарка аб пчолах / К. Барысовіч // *Наша Ніва*. – 1910. – № 1. – С. 2.
13. *Наша Ніва*. – 1912. – № 3.
14. *Наша Ніва*. – 1912. – № 11–12.

15. Наша Ніва. – 1913. – № 24–25.
16. Наша Ніва. – 1915. – № 14.
17. *Тутэйшы*. Як можна мець болей гною у гаспадарцы / Тутэйшы // Наша Ніва. – 1910. – № 13. – С. 3.
18. *Немо*. Пробы штучнага гною / Немо // Наша Ніва. – 1909. – № 46. – С. 3.
19. Наша Ніва. – 1913. – № 15.
20. Зямельная справа ў Новай Зеландыі // Наша Ніва. – 1907. – № 8. – С. 6–8.
21. А. У. Нямецкі сельскі парабак / А. У. // Наша Ніва. – 1910. – № 35. – С. 3.
22. Сельскія палі ў Галандыі на беразі мора // Наша Ніва. – 1906. – № 7. – С. 5.
23. *Шкленнік, А.* Сельска-гаспадарскія хаўрусы (кружкі) / А. Шкленнік // Наша Ніва. – 1912. – № 48. – С. 2.
24. Наша Ніва. – 1908. – № 25.
25. Паказальны хутар «Бабоўня» // Наша Ніва. – 1909. – № 6–7.
26. Наша Ніва. – 1913. – № 38.
27. *Перэкладка*. Дзісенскі павет Іодзская воласць / Перэкладка // Наша Ніва. – 1911. – № 21. – С. 3.
28. і-м-і. Карысная работа / і-м-і // Наша Ніва. – 1912. – № 41. – С. 3.
29. Наша Ніва. – 1913. – № 43.
30. Наша Ніва. – 1913. – № 16–17.
31. Наша Ніва. – 1911. – № 4.
32. Наша Ніва. – 1913. – № 47.
33. Наша Ніва. – 1913. – № 8.
34. Наша Ніва. – 1913. – № 28.
35. Наша Ніва. – 1911. – № 34.
36. Наша Ніва. – 1913. – № 19.
37. Наша Ніва. – 1913. – № 21.

(Дата падачы: 10.02.2023 г.)

Д. В. Низович

Республиканский институт высшей школы, Минск

D. V. Nizovich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 322.22 (34.047)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-Х ГГ.

LEGAL STATUS OF THE ORTHODOX CHURCH IN BELARUS AT THE TURN OF THE 1980S – 1990S

В статье проводится сравнительный анализ правового статуса Православной церкви в период перестройки и становления белорусской государственности. Рассмотрен процесс формирования новой системы государственно-церковных отношений. Определено, что деятельность Церкви играет важное значение в возрождении духовно-нравственных традиций белорусского народа. Установлены причины и концептуальная основа выбора государством Православной церкви в качестве социального партнера.

Ключевые слова: правовой статус; православная церковь; государственно-церковные отношения; социальное партнерство

The article provides a comparative analysis of the legal status of the Orthodox Church during the period of rearrangement and the formation of the Belarusian statehood. The process of formation of a new system of state-church relations was considered. It is determined that the activity of the Church plays an important role in the revival of the spiritual and moral traditions of the Belarusian people. The reasons and conceptual basis for the state's choice of the Orthodox Church as a social partner were established.

Key words: legal status; Orthodox Church; state-church relations; social partnership.

За последние три десятилетия религиозная картина в государстве изменилась коренным образом. Безусловно, это было связано с изменениями в политико-правовой системе и с высокой степенью информатизации социума. В 1988 в Беларуси насчитывалось всего 9 конфессий, а к 2015 году их уже было около 25. Соответственно, роль и влияние религиозных организаций на социально-культурное пространство нельзя недооценивать. Советская пропаганда, не смотря на атеистическую идеологию, так и не смогла искоренить религиозные чувства в глубинах народного сознания – после распада СССР в обществе произошло интенсивное религиозное возрождение. М. Л. Рыбаков обуславливает этот процесс пятью причинами:

- 1) кризис бывшей системы ценностей;
- 2) изменения в социально-экономической сфере;
- 3) способность религии приспосабливаться к изменившимся историческим условиям;
- 4) нравственный кризис отдельной личности и социума в целом;
- 5) политико-правовые изменения в государстве [1, с. 2–3].

Дальнейшая демократизация общественно-политической сферы усилила и в значительной степени оживила деятельность традиционных конфессий в регионе – в первую очередь, деятельность Православной церкви. Установлено, что авторитет и доверие к Православной церкви со стороны общества, а также некая оттепель со стороны властей отмечались еще до распада СССР. Изменения положения Церкви и активизацию ее деятельности можно хронологически обозначить с момента подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Юбилейная дата являлась своеобразным толчком, который пробудил православную религиозность и определил главные векторы развития в государственно-церковных отношениях. Накануне празднования 29.04.1988 в Кремле прошла встреча генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Патриарха Московского и всея Руси Пимена. На ней обсуждались вопросы регистрации новых религиозных обществ, открытия новых духовных учебных заведений и др. Одновременно с этим, шла передача бывших зданий церквей и костелов в собственность религиозных общин.

Отметим, что тема возрождения религиозной жизни в республике и становления государственно-церковных отношений еще не стала в полной

мере объектом научного исследования. Изучение указанной проблематики, процесса трансформирования правового статуса Православной церкви и ее влияния на социокультурное пространство в Республике Беларусь является важным вкладом не только в изучение конфессиональной и отечественной истории. В первую очередь исследование ценно тем, что создает необходимую теоретическую, историографическую и материальную базу для поисков эффективных методов регулирования межконфессиональных отношений в современном государстве. Вместе с тем, справедливо отметить, что оживление в конфессиональной структуре общества все же вызвало научный интерес. Из исследователей, которые занимались непосредственно конфессиональной историей на территории Беларуси, можно выделить Т. П. Короткую [2], В. М. Завальнюка [3], Л. Федотова [4]. Проблемы религиозного образования и сохранения суверенитета Республики Беларусь рассматривает О. В. Дьяченко [5]. Также известны авторы, которые уделяли внимание религиозно-государственной проблематике. Например, Л. Е. Земляков [6] в своей монографии рассматривает религию и ее институты в социально-политической жизни общества в последнее десятилетие XX века. Более детально раскрывает способы и особенности организации антирелигиозной пропаганды, а также определяет содержание взаимоотношений между государством и православной церковью на территории Беларуси в первой половине XX века в своих работах И. И. Янушевич [7]. А. И. Осипов [8] в своей статье обосновывает необходимость долгосрочного и продуманного сотрудничества государства и церкви в сфере духовно-нравственного развития белорусского общества. Однако, отсутствует научное исследование и определенный анализ партнерских отношений между государством и православной церковью в социально-культурной сфере Республики Беларусь в настоящее время. Научный интерес определяется в вопросах, почему именно Православная церковь выбрана в качестве партнера государством, и в чем заключается ее роль в современном обществе.

Правовой статус Православной церкви в 1980-е гг. существенно отличался от статуса, который начал формироваться после распада СССР. В условиях антирелигиозной пропаганды и стремления БССР быть первой атеистической республикой в советском союзе, Православная церковь была не только сильно ограничена в своей деятельности, но и строго отслеживалась государственными структурами. Велся тотальный контроль деятельности религиозных организаций и регулировалось их количество. Записывались дословные проповеди священников на праздничные службы, данные об аренде домов для отправления культовых действий; высылались запросы от государственных органов для идентификации личностей, желающих поступить в Московскую семинарию или пройти курсы чтеца и т. д. На 01.01.1988 г. по республике насчитывалось 399 приходов, из них 51 находился в Минске. В Минске и области действовало следующее количество религиозных обществ: 51 – Русская православная церковь;

16 – Римско-Католическая церковь; 32 – Евангельские христиане баптисты; 17 – Христиане веры Евангельской; 1 – Иудейская община; 3 – Старообрядческая церковь [9, л. 2].

Однако среди населения была заметна тенденция роста интереса к религиозной жизни, о чем свидетельствуют сведения об основной религиозной обрядности за 1986 г. Так, из 171 989 рожденных детей в республике было крещено 26 171 (в том числе в костеле 2735), что составляет 15,2 %. Из 99 620 зарегистрированных браков венчалось 1046 (в том числе в костеле 571) – 1 % от общего количества. Из 97 795 умерших было погребено 18 052 (в том числе в костеле 2510), то есть 18,4 % от общего количества. Наивысшие показатели этих данных относятся к Брестской области, а наименьшие – к Могилевской, что обусловлено соответствующим количеством приходов [10, л. 52–53].

Таким образом, Православная церковь на территории Беларуси уже в конце 1980-х гг. занимала ведущее положение. С 1978 г. на епископскую кафедру современной Республики Беларусь был назначен митрополит Филарет (Вахромеев). В 1981–1989 гг. он совмещал управление епархией с должностью Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. По этой причине БССР стали часто посещать иностранные делегации из стран Европы, США, Японии, Африки и даже Латинской Америки, тем самым сделав ее площадкой для межконфессионального и интернационального диалога. Стремления советских властей создать привлекательный имидж и хорошую репутацию на международной арене способствовали смягчению позиций к православной церкви и даже позволили стабилизировать ее положение в Беларуси [11, с. 363, 372].

Установлено, что трансформация государственно-церковных отношений способствовала еще большей активизации деятельности церкви. Буквально за год на территории БССР количество приходов увеличилось на 78 единиц, а в конце 1990 г. их стало около 660. В 1989 г. в собственность Православной церкви были переданы женские монастыри Спасо-Евфросиниевский в Полоцке и Рождество-Богородичный в Гродно. 1 сентября 1989 г. возобновились занятия в Минской Духовной семинарии, которая, как и ранее, разместилась в Жировицком Успенском монастыре. В этом же году в Минске начало свою работу духовное училище для подготовки псаломщиков и регентов церковных хоров.

В октябре 1989 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в пределах Беларуси был учрежден Белорусский Экзархат. Минско-Белорусская епархия прекратила свое существование. Завоевав расположение властей, Митрополит Филарет начал активную работу по восстановлению исторических епархий. К 1993 г. число епархий в Белорусском Экзархате достигло 10.

Со Стороны Патриархии повысилась требовательность к притчу и настоятелям церквей. В 1993 г. Синод Белорусского Экзархата принял решение

об открытии Минской Духовной Академии, которая начала свою деятельность в 1996 г. при Жировицком монастыре Успения Пресвятой Богородицы. Далее началась активная работа для создания целой системы духовных учебных заведений. Это открытие духовных училищ в Витебске (1998), Слониме (2000), и открытия первого в странах СНГ факультета теологии Европейского гуманитарного университета в Минске в 1993 г., (сейчас это Институт теологии Белорусского государственного университета) и школы катехизаторов в Минске (1996). В начале 2000 г. была открыта первая в истории Беларуси школа церковных звонарей при Минском епархиальном управлении.

Стало налаживаться издательское дело – начали выпускать такие печатные издания, как «Епархиальные ведомости», «Православный вестник», «Наше православие», «Полоцкий листок», «Могилевские епархиальные ведомости», журнал «Православие в Беларуси и в мире». Помимо этого, впервые было издано Евангелие от Матфея на четырех языках: греческом, старославянском, белорусском и русском.

Важно отметить, что Православная церковь сделала значительный поворот к культурным и историческим традициям белорусского народа. Была создана Библейская комиссия по переводу Священного Писания на белорусский язык. Главным его отличием от предыдущих переводов является то, что комиссия была направлена на перевод писания с древнегреческого оригинала. Помимо этого, некоторые священники вели проповеди на белорусском языке, либо делали вставки молитв на белорусском языке во время богослужений. Согласно отчетам в комитет по делам религии и национальностям, государственные структуры считали, что «БПЦ обладает богатым потенциалом в вопросах осуществления возрождения белорусской культуры» [12, л. 28].

Государство отошло от ограничительных мер по отношению к духовенству и начало процесс интеграции священства в белорусское общество. Священнослужители было уравниены в правах с обычными гражданами страны: с них стали взимать выплаты подоходного налога, начали обеспечивать пенсиями, жильем и разрешили приобретать транспорт в личных целях. Показателем увеличения интереса к православной церкви со стороны общества служило более частое появление священнослужителей на страницах газет, журналов, на каналах теле- и радиовещания. Среди населения стало популярным совершать традиционные, но фактически запрещенные в СССР обряды – освящение жилищ, колодцев, сараев, личных автомобилей, отправлять требы в домах и квартирах верующих.

При возвращении бывших культовых зданий в собственность религиозных организаций, в основном, органы власти шли навстречу православной церкви. Вместе с тем имели место быть дискуссии относительно храмов между традиционными конфессиями. В качестве примера можно привести Иосифский костел пиаров в г. Лида, построенный католиками в 1797–

1824 г. В 1842 г. он горел и до 1863 г. бездействовал. В 1863 г. был восстановлен православными и переоборудован для них же, а в 1920 г. был закрыт. В итоге католики пользовались им 56 лет, православные – 57. И те, и другие просили передать храм в их собственность [13, л. 18–19]. Примерно также обстояло дело с планетарием в г. Гродно, где местные власти решили оставить все как есть и не передавать здание никому. В 1996 г. было передано здание бывшего духовного училища в г. Витебске в собственность Витебской епархии, Гродненскому женскому монастырю вернули ряд помещений Республиканского музея религии. Приходам деревень Боровцы и Судники Вилейского района, д. Плебань Молодечненского района были также возвращены культовые здания [14, л. 4].

Православная церковь стала активно осуществлять благотворительность, запрещенную в СССР. Священнослужители получили доступ к исповедованию тяжелобольных в больницах, в местах лишения свободы. Группа верующих Минского кафедрального Собора и церкви Александра Невского начала обслуживать больных 2-й и 5-й больниц г. Минска [15, л.108]. Священники кафедрального собора г. Витебска взяли шефство над воспитанниками трудовой колонии № 3 для подростков, в которой находилось 570 заключенных, в том числе 27 сирот. 24 декабря 1996 г. в колонии был открыт православный храм, где добровольно крестилось свыше ста подростков. Всего в исправительных учреждениях МВД работало 22 священника [16, л. 4].

Изначально религиозное законодательство и политика правящей элиты верховного совета на тот момент были нацелены на предоставление возможности развития для всех религиозных организаций, даже для нетрадиционных. Закон 1992 г. не учитывал духовно-нравственные традиции религиозных культов. Однако, в середине 1990-х гг. с учетом негативного влияния новообразованных религиозных организаций на духовно-нравственную и политическую жизнь республики властями были предприняты шаги по формированию государственно-церковных отношений в соответствии с интересами белорусского государства.

Римско-католическая церковь также пыталась расширить сферу своего влияния на социокультурное пространство страны. Но власти относились к ней настороженно, так как считали Католическую церковь в некоторой степени политизированной и подверженной влиянию союза поляков Беларуси и польского католического епископата. Государство в этот период держало РКЦ на контроле – нередки были случаи проникновения священнослужителей из-за рубежа с нарушением закона об иностранных гражданах. В качестве примера можно привести архиепископа Л. Я. Свѣнтека, назначенного Ватиканом для управления Минско-Могилевской епархией без согласования с Правительством Беларуси [17, л.195–196].

Православная церковь, согласно отчету Совета по делам религии и национальностей Республики Беларусь, характеризовалась как самая законопо-

слушная религиозная организация, в которой священство лояльно относится к государственной власти [18, л. 132]. Она была менее политизирована, но все же это не говорит о том, что она не предпринимала попытки влиять на политику государства. Несмотря на Определения архиерейского собора, запрещающего священникам выставлять свои кандидатуры на выборах, 4 священнослужителя являлись депутатами Верховного Совета Республики, а 14 были депутатами местных советов по состоянию на 1995 г. [19, л. 95].

В 1996 г. в республике насчитывалось около 1000 православных служителей, 29 из которых были участниками ВОВ. С учетом важного значения Православной церкви в деле государственного строительства и патриотического воспитания населения, 29.05.1998 г. указанная религиозная организация привлеклась к проведению первой научно-практической конференции внутренних войск МВД РБ «Военная служба и Православная церковь в Республике Беларусь» в г. п. Околица. Результатом этой конференции стало подписание первого соглашения о сотрудничестве между церковью и белорусским государством – соглашение между Белорусской православной церковью и внутренними войсками МВД РБ. Белорусская православная церковь стала единственной конфессией, которая получила легальную возможность работать в армии [20, л. 40].

Несмотря на развернутую деятельность и увеличение численности последователей, Православная церковь все же ощущала на себе резкое усиление влияния соперничавших с ней конфессий из-за острого недостатка в кадрах, бедной материальной базы и отсутствия финансирования из-за рубежа. В этих условиях она была вынуждена модернизировать некоторые формы своей деятельности и преодолеть традиционный консерватизм, чтобы найти новое место в общественном сознании населения.

Определено, что с обретением независимости Республика Беларусь вынуждена была формировать новую систему государственно-церковных отношений. Но религиозное возрождение активизировало не только традиционные конфессии, но и дало возможность широкому распространению духовных объединений самого разного толка – от оздоровительных центров до целенаправленного внедрения деструктивных неокультов. А. И. Жилинский, первый председатель комитета по делам религий и национальностей, в своем отчете «Об итогах поездки в ФРГ» отмечал, что опыт совместной деятельности государства и церкви полезен против распространения деструктивных сект» [21, л. 20].

Проведенное исследование показало, что в период 1988–1990-х гг. система государственно-церковных отношений значительно трансформировалась. Изменился правовой статус и положение Православной церкви в социуме, существенно увеличилось количество ее общин, снялись почти все ограничения в деятельности церкви и началось взаимодействие государства и церкви в социально-культурной сфере. Потенциал Православной церкви стал задействоваться государством в русле социального партнерства. Новая

система государственно-церковных отношений, направленная на сотрудничество, стала выступать гарантом стабильности в обществе и поддержкой белорусской государственности.

Список использованных источников

1. *Рыбаков М. Л.* Проблемы распространения новой религиозности в Беларуси / М. Л. Рыбаков. – Минск: Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, 2000.

2. *Короткая Т. П.* Традиционные религии в социокультурном пространстве современной Беларуси / Т. П. Короткая // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.]; под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2010. – С. 257–272.

3. *Завальнюк, У. М.* Адраджэньне і дзейнасьць Рымска-Каталіцкай канфэсіі ў Беларусі (сярэдня 1980-х – 2000 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гістар. навук: 07.00.02 / У. М. Завальнюк; Беларус. дзярж. пед. ун-т. – Минск, 2002. – 21 с.

4. *Федотов, Л.* Внешние связи белорусской православной церкви: краткий обзор / Л. Федотов // Бел. журн. Междунар. права и междунар. отнош. – 1999. – № 3. – С. 55–58.

5. *Дьяченко, О. В.* Религиоведческое образование и проблема сохранения суверенитета Республики Беларусь / О. В. Дьяченко // Религия и общество – 8: сб. науч. ст. [сб. материалов науч. трудов VIII Междунар. науч.-практ. конф. «Религия и общество – 8» и Междунар. круглого стола «Религиоведение в системе социогуманитарного знания и образования», г. Могилев, 13–15 мая 2014 г.] / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – С. 185–187.

6. *Земляков, Л. Е.* Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л. Е. Земляков. – Минск, 2001. – 398 с.

7. *Янушевич, И. И.* Взаимоотношения государства и Православной церкви в Беларуси: периодизация и содержание (1917–2004 гг.) / И. И. Янушевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 4. – С. 32–39.

8. *Осипов, А. И.* Диалог государства и Православной Церкви по проблемам духовно-нравственного развития белорусского общества / А. И. Осипов // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / О. А. Павловская [и др.]; под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2010. – С. 272–283.

9. Государственный архив Минской области // Дополнение к исторической справке Управления по делам религии и национальностей СССР. – Ф. 812. Оп. 1–2.

10. Государственный архив Минской области. – Ф. 812. Оп 1–2. Д. 88.

11. *Поспеловский, Д. В.* Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М., 1995.

12. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 7.

13. Там же. – Д. 3.

14. Там же. – Д. 28.

15. Там же. – Д. 1.

16. Там же. – Д. 28.

17. Там же. – Д. 10.

18. Там же. – Д. 16.

19. Там же. – Д. 22.

20. Там же. – Д. 58.

21. Там же. – Д. 58.

(Дата подачи: 27.02.2023 г.)

А. А. Огородников

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии
Полоцкой, Полоцк

A. Ogorodnikov

Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Polotsk

УДК 94(476)“1944/1954”

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛОЦКА В 1945–1991 ГГ.

URBAN SPACE OF POLOTSK IN 1945–1991

Анализируется во всем многообразии трансформация городского пространства Полоцка в период с окончания Великой Отечественной Войны и до распада СССР. Делается вывод, что из-за ликвидации Полоцкой области и уменьшения финансирования генеральный план 1948 г. был реализован частично, что позволило сохранить исторический облик города и во многом предопределило современную застройку Полоцка.

Ключевые слова: Полоцк; городское пространство; генеральный план; Полоцкая область; градостроительство; монументальная пропаганда.

The transformation of the urban space of Polotsk in the period from the end of the Great Patriotic War to the collapse of the USSR is analyzed in all its diversity. It is concluded that due to the liquidation of the Polotsk region and the reduction in funding, the general plan of 1948 was partially implemented, which allowed preserving the historical appearance of the city and largely predetermined the modern development of Polotsk.

Key words: Polotsk; urban space; general plan; Polotsk region; urban planning; monumental propaganda.

Организация городского пространства Полоцка 1945–1991 гг. находилась под огромным влиянием генерального плана реконструкции и восстановления города, утверждённого 30 августа 1948 г. Советом Министров БССР [1, с. 6]. Этот проект был разработан архитекторами Г. В. Заборским, Л. П. Мацкевичем, А. А. Хегаем и был рассчитан на 20 лет [2, с. 452]. Планом предусматривалось восстановление и развитие города как административного (областного), промышленного и культурного центра БССР [3, л. 8]. Без такой документной основы осуществить целенаправленные изменения было бы невозможно.

Авторы проекта исходили из того, что Полоцк делился на четыре микро-района: центральный – в пределах правого берега р. Западная Двина, левого берега р. Полота и железнодорожной магистрали Полоцк – Бигосово; район Задвинье – левобережная часть города; район Громы и район Лозовка [4, л. 11]. Развитие города предполагалось во всех его частях, однако, приоритетом являлось территориальное развитие Полоцка в юго-западном и западном направлениях вдоль основной композиционной оси города – р. Западная Двина [3, л. 1]. Это было естественным и очевидным решением.

Графической основой для составления генерального плана реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г. послужила сохранившаяся в Харьковском водоканале копия с плана 1936 г. [4, л. 11]. В содержательном отношении генеральный план реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г. во многом опирался на план 1936 г. и предусматривал активное строительство административных и жилых зданий в 3–4 этажа в историческом центре города, обустройство набережной р. Западная Двина в пределах центральной части Полоцка.

Для реализации задач, поставленных генеральным планом по восстановлению, реконструкции, строительству и благоустройству Полоцка, предусматривалось выделение значительных средств из госбюджета. Ориентировочная стоимость работ по проекту на 1949–1970 гг. должна была составить 668 млн руб. [5, л. 2]. В эту сумму включались: возведение инженерных сооружений в городе, строительство общественных зданий, работы по озеленению города и другое. Существенная часть выделенных средств должна была пойти на жилищное строительство: в расчётный период планировалось построить 325 тыс. кв. м жилья (стоимость работ 232 млн руб.) [5, л. 3]. По этажности жилая застройка распределялась следующим образом: трёхэтажная – 15 %, двухэтажная – 40 %, одноэтажная – 45 % [3, л. 1]. Так, строить в городе высотные здания не планировалось.

Подбирая архитектурно-планировочное решение генерального плана, авторы проекта собирались исправить существовавшие, на их взгляд, недостатки градостроительной организации Полоцка. Подчёркивалось, что в Полоцке не было ярко выраженного центра, административные и общественные организации были рассредоточены по территории города [4, л. 98]. Отмечалось, отсутствие архитектурного оформления набережных р. Западная Двина [4, л. 99]. По генплану главной магистралью города предполагалось сделать улицу К. Маркса, соединив ею три городских площади. Первую из них, площадь Свободы, планировалось расширить, заасфальтировать и окружить архитектурными строениями [3, л. 9]. Вторая площадь должна была находиться на перекрёстке улиц К. Маркса и Гоголя, где намечалось построить драмтеатр, а около него установить памятник Ф. Скорине. Третья площадь задумывалась на пересечении улицы К. Маркса с магистралью Минск – Полоцк – Ленинград. В центре этой площади планировалось установить монумент в честь победы в Великой Отечественной войне [3, л. 11]. Всё это логически отражало происходившие в недавнем прошлом события.

Как уже отмечалось, архитектурно-градостроительное решение предлагалось и для обустройства набережной р. Западная Двина. Авторы проекта генплана 1948 г. отмечали, что река допускала лишь частичное судоходство на участке Полоцк – Витебск [3, л. 10; 5, л. 122]. В связи с этим, решением Министерства речного флота (МРФ) СССР планировалось р. Западная Двина превратить в судоходную реку на всём участке Полоцк – Витебск.

В соответствии с письмом МРФ СССР от 4 сентября 1946 г. в генплане 1948 г. предусматривалось строительство в Полоцке речного вокзала вместимостью 100 человек, грузовой пристани и затона. В перспективе предполагалось оставить в центральной части города только пассажирский речной вокзал с выносом грузовой пристани и затона ниже проектируемого моста [5, л. 122]. Однако идея сделать р. Западная Двина основной композиционной осью города так и не была реализована.

Генеральный план реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г. представлял собой грандиозный по финансовым затратам градостроительный проект, который мог быть реализован только при сохранении областного статуса Полоцка. Именно по причине изменения административного статуса Полоцка генеральный план 1948 г. так и не был реализован полностью. Из запроектированных административных зданий было построено только здание Управления МГБ по улице Л. Толстого [6, с. 4].

Реализация всего плана привела бы к значительным изменениям градостроительного пространства Полоцка. Центр города переместился бы от Верхнего замка и площади Свободы с их культовыми зданиями (Софийским и Свято-Николаевским соборами) и памятниками светского зодчества (кадетским корпусом, домом губернатора) на несколько сотен метров восточнее по улице К. Маркса, на которой предлагалось создать три площади с памятниками и четырёхэтажными административными и жилыми зданиями. Исторический облик Полоцка, сложившийся в течение столетий, изменился бы радикально. Однако в 1964 г. была произведена корректировка плана 1948 г., которая предусматривала масштабную перепланировку центральной части города и строительство в центре города административных зданий в 3–4 этажа [7, с. 42; 8, с. 20]. Данные предложения были уже более обстоятельны.

В рамках осуществления мероприятий по подготовке Полоцка к 50-летию Октябрьской революции городскими властями планировалось на острове р. Западная Двина, расположенном в непосредственной близости от Кургана Бессмертия, разбить парк и превратить остров в общественный культурно-спортивный центр [9]. На острове предполагалось построить летний ресторан, буфет, танцплощадку, спортивные площадки [10], теннисный корт, выставочный и читальный павильоны, установить аттракционы и скульптуры [11, л. 6; 12, л. 48]. По причине недостатка средств план строительства парка на острове не был реализован в полном объёме.

Однако к июлю 1967 г. на острове были разбиты, заасфальтированы и озеленены аллеи, установлена скульптурная композиция «Клятва партизан». Были построены фонтан, танцевальная и спортивная площадки, открыты торговые павильоны. Неподалеку от центральной эстрады были установлены аттракционы (виражные самолёты и колесо обозрения) [13, с. 1]. На берегу р. Западная Двина был оборудован пляж и открыта лодочная станция.

Градостроительные решения всё время дополнялись. С 1970-х и по 1991 г. Полоцк развивался в соответствии с генеральным планом 1972 г. (архитекторы В. П. Чернышов, Г. Е. Булдов, М. М. Трегубович), скорректированном в 1977 г. По генеральному плану архитектурно-планировочная структура центра города развивалась как прямоугольная сетка улиц с небольшими кварталами, застроенными преимущественно 3–5-этажными домами. Основная часть города формировалась вдоль главной городской магистральной и берега р. Западная Двина, застраиваясь 5–9-этажными жилыми домами, включая в себя исторически сложившееся ядро центра и парковую зону [14, л. 83]. Индивидуальное жилищное строительство развивалось в северо-восточной части города.

Советская эпоха наложила отпечаток и на состояние культуры. В рамках осуществления монументальной пропаганды в Полоцке в начале 1950-х гг. были установлены два памятника И. В. Сталину (в центральном парке недалеко от горкома партии и возле здания вечерней школы № 1) [15, с. 217]. В сквере на проспекте К. Маркса, на Привокзальной площади (1959 г.) и возле здания средней школы № 1 (1979 г.) были возведены памятники В. И. Ленину [16, с. 350]. После прихода к власти Н. С. Хрущёва, в рамках развенчания культа личности, памятники И. В. Сталину в Полоцке демонтировали.

В связи с празднованием в Полоцке 450-летия белорусского книгопечатания (1967 г.), 18 августа 1967 г. горожане присутствовали при закладке памятного знака на месте будущего мемориала Ф. Скорине [17]. Торжественное открытие памятника состоялось 11 августа 1974 г. Монумент изготовили из бронзы и красного гранита.

В 1960-х гг. в СССР началась новая волна борьбы с религией в связи со вступлением страны в период развёрнутого строительства коммунистического общества [18, с. 9]. Религиоборческая деятельность полоцких властей привела в начале 1960-х гг. к уничтожению Свято-Николаевского собора, бывшего до переосвящения 5 февраля 1833 г. костёлом святого Стефана. Собор был возведён в стиле позднего барокко и являлся архитектурной доминантой центральной площади Полоцка [19, л. 52]. В 1963 г. Свято-Николаевский собор решением Совета Министров БССР был исключён из перечня памятников историко-культурного наследия БССР. 3 октября 1963 г. исполком Полоцкого горсовета утвердил снос Свято-Николаевского собора и части бывшего кадетского корпуса путём проведения взрывных работ [20, с. 44]. Уничтожение храма с частью строений кадетского корпуса произошло 11 января 1964 г. [21, с. 8]. Впоследствии на месте взорванного Свято-Николаевского собора был построен многоквартирный жилой дом.

Свято-Николаевский собор был уничтожен в силу нескольких причин. Прежде всего, он являлся архитектурной доминантой центральной площади города, что было несовместимо с новым градостроительным обликом Полоцка. В сравнении с Софийским собором, возведённым в середине XI в.

и имевшим мировую известность, Свято-Николаевский собор был возведён в 1733–1745 гг. и имел региональный статус. Его разрушение, по мнению властей, имело бы гораздо меньший общественный резонанс, чем снос Софийского собора. От полного уничтожения составной части ансамбля Свято-Николаевского собора – бывшего кадетского корпуса – спасло размещение с 1944 г. в корпусе военного госпиталя [22, с. 5]. Тем не менее, в 1960–1980-х гг., было снесено около 60 % бывшего кадетского корпуса.

В свою очередь судьба Софийского собора в советское время определялась идеологической конъюнктурой эпохи. После своего закрытия собор использовался в утилитарных целях. В послевоенное время он стал важным идеологическим символом: наличие в Полоцке, Киеве и Новгороде Софийских соборов свидетельствовало в пользу официальной доктрины о существовании в X–XIII в. «древнерусской народности» и едином государстве восточных славян – Киевской Руси. Этот фактор стал причиной реставрации Софийского собора в Полоцке. Первые реставрационные работы в Софийском соборе были начаты в 1969 г. В 1980-х гг. реставрация Софийского собора была продолжена с привлечением специалистов Государственного Эрмитажа из Ленинграда [23, с. 78].

Во второй половине 1980-х гг. на волне политики перестройки властями в отношении культовых сооружений был взят курс на использование таких зданий как элементов культурно-духовной инфраструктуры города. Таким решением было постановление Совмина БССР от 10 июля 1980 г. № 255 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в БССР» [24, с. 6]. Принятие этого постановления благоприятным образом отразилось на судьбе памятников истории и культуры Полоцка.

Повсеместно проявила себя в городе монументальная пропаганда. В течение всего послевоенного периода власти Полоцка большое внимание уделяли увековечиванию памяти подвига народа в Великой Отечественной войне. В Полоцке были возведены: мемориал «Освободителям Полоцка», памятники Героям Советского Союза И. К. Айтыкову, И. Е. Алексееву, А. К. Горовцу, Т. С. Мариненко, 23 воинам-гвардейцам [25, с. 270]. Бронзовый бюст Героя Советского Союза, кавалера медали имени Ф. Найтингейл Международного Красного Креста З. М. Тусноловой-Марченко был установлен в начале 1980-х гг. на доме, где она проживала [26, с. 480]. Также был открыт и ее мемориальный музей-квартира.

Позитивным решением стала широкая музеефикация города. В 1971 г. в Полоцке был создан музей боевой славы – филиал краеведческого музея [212, л. 41]. Музей боевой славы расположился вблизи Кургана Бессмертия. Мемориал представлял собой конус высотой 10 м [27]. Автором проекта стал главный архитектор города Н. П. Глазунов. В основании Кургана поместили землю с могил Героев Советского Союза Т. С. Мариненко и В. А. Веденко, с братских захоронений советских воинов и партизан, с мест со-

жжённых деревень Полоцкого района, земля из мемориальных мест Бреста, Минска, Витебска, городов РСФСР, а также с могил советских солдат на Ольшанском кладбище в Праге. Торжественное открытие Кургана Бессмертия состоялось 3 июля 1966 г. [28, л. 15].

Подводя итог рассмотрения организации городского пространства Полоцка в 1944–1991 гг., следует отметить наличие у Полоцка статуса областного центра в период 1944–1954 гг. Именно благодаря этому статусу в первое послевоенное десятилетие в Полоцке был реализован генеральный план реконструкции и восстановления Полоцка 1948 г.

Для осуществления задач, поставленных генеральным планом 1948 г., предусматривалось выделение значительных средств из госбюджета. Однако этот план не был реализован полностью: удалось осуществить застройку проспекта К. Маркса, а также произвести благоустройство правобережья р. Западная Двина в пределах городской черты. Реконструкция трёх площадей в центре города с возведением монументальных зданий в стиле псевдоклассицизма и сооружение монумента в честь победы в Великой Отечественной войне реализованы не были. Частичная реализация плана 1948 г. во многом предопределила современную застройку и вид центральной части Полоцка, полное воплощение плана привело бы к коренным изменениям исторического облика Полоцка, сложившегося на протяжении столетий.

В вопросе сохранения историко-культурного наследия Полоцка период 1945–1991 гг. отличался противоречивостью. Использование в утилитарных целях ряда памятников истории и культуры стало причиной их частичной или полной сохранности. При этом в числе главных утрат следует назвать разрушение в 1964 г. Свято-Николаевского собора с частью коллегиума. Собор являлся архитектурной доминантой центральной площади города и не вписывался в видение социалистического облика Полоцка согласно генеральным планам реконструкции Полоцка 1936 и 1948 гг.

Список использованных источников

1. *Воднева, И. П.* Этапы развития / И. П. Воднева // Полац. весн. – 2017. – 14 крас. – С. 6.
2. *Штыхаў, Г. В.* Полацк / Г. В. Штыхаў [і інш.] // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 12. – С. 451–454.
3. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). – Ф. 3. Оп. 4. Д. 347.
4. БГАНТД. – Ф. 3. Оп. 4. Д. 336.
5. БГАНТД. – Ф. 3. Оп. 4. Д. 342.
6. *Сергеенко, Н.* Полоцкий проект Владимира Короля / Н. Сергеенко // Полац. весн. – 2008. – 1 крас. – С. 4.
7. *Орлова, Т. А.* Изменение планировочной структуры Полоцка с конца XVIII по XX в. / Т. А. Орлова // Матэрыялы навук.-прак.канф.: (па выніках навук.-даследчай работы ў 2004 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк: НІГКМЗ, 2005. – С. 39–45.
8. *Анисковец, Н. В.* Архитектура и градостроительство Полоцка на втором этапе послевоенного развития (1954–1960-е годы) / Н. В. Анисковец // Труды молодых специалистов Полоц. гос. ун-та. – 2008. – № 28. – С. 19–21.

9. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 002495-11.
10. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 002495-38.
11. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2820. Оп. 10. Д. 32.
12. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Ф. 1152. Оп. 4. Д. 107.
13. Імя слаўнага пяцідзесяцігоддзя // Сцяг камунізму. – 1967. – 4 ліп. – С. 1.
14. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 6. Д. 525.
15. *Дэйніс, І. П.* Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. – Мінск: Медисонт, 2007. – 330 с.
16. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцикл., 1985. – 496 с.
17. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 002504-06.
18. *Чумаченко, Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958–1964 гг.) / Т. А. Чумаченко // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А. И. Филимонова. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – С. 8–34.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 903. Оп. 3. Д. 36.
20. Иезуиты в Полоцке: 1580–1820 гг.: в 2 ч. / сост., примеч. и вступ. ст. Л. Ф. Данько, А. И. Судника. – Полоцк: А. И. Судник, 2005. – Ч. 2. – 48 с.
21. *Огнев, Н.* Кто поднял руку на Христа / Н. Огнев // Вестн. культуры. – 1996. – Июнь-июль (№ 1). – С. 8.
22. *Соловьёв, А. А.* Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археолог. очерк / А. А. Соловьёв. – Полоцк: Полоц. кн. изд-во, 2012. – 97 с.
23. *Джумантаева, Т. А.* Музееграфічны агляд з нагоды 30-годдзя самастойнасці Полацкага музея-заповедніка / Т. А. Джумантаева // Искусство и культура. – 2015. – № 4 (20). – С. 75–81.
24. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцикл., 1984. – 368 с.
25. Полоцк: ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
26. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – 912 с.
27. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 029963.
28. ЗГАП. – Ф. 658. Оп. 1. Д. 519.

(Дата подачы: 02.02.2023 г.)

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет,
Минск

V. Ostroga

Belarusian State Technological University, Minsk

УДК 377.8 (091)“19/20”

**УЧИТЕЛЬСКИЕ СЕМИНАРИИ В СИСТЕМЕ
ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
В СТРАНАХ ЗАПАДА И РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

**TEACHER'S SEMINARIES IN THE SYSTEM OF TRAINING
PEDAGOGICAL STAFF IN THE WESTERN COUNTRIES
AND RUSSIA (SECOND HALF OF THE 19TH –
BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)**

В статье отмечается, что изменения в социально-экономическом развитии России второй половины XIX в. ставили новые задачи перед всей системой образования, включая проблему подготовки педагогических кадров, без решения которой серьезная реорганизация просвещения была невозможна. Должное внимание этому вопросу уделялось в странах Запада, особенно в Германии, где была создана строгая, на то время образцовая система педагогической подготовки. На основе анализа, в первую очередь, материалов педагогической журналистики рассматривается образовательная и кадровая политика стран Западной Европы и России (в том числе и в белорусских губерниях), подходы и направления решения проблемы и результативность предпринятых решений.

Ключевые слова: учительские семинарии; педагогические кадры; система народного образования; образовательная политика; реформа; учебное заведение; начальная школа.

The article notes that changes in the socio-economic development of Russia in the second half of the nineteenth century. set new tasks for the entire education system, including the problem of training teachers, without which a serious reorganization of education was impossible. Due attention was paid to this issue in Western countries, especially in Germany, where a strict, at that time, exemplary system of pedagogical training was created. Based on the analysis, first of all, of the materials of pedagogical journalism, the educational and personnel policy of the countries of Western Europe and Russia (including in the Belarusian provinces), approaches and directions for solving the problem and the effectiveness of the decisions taken are considered.

Key words: teachers' seminars; pedagogical staff; public education system; educational policy; reform; educational institution; elementary school.

В странах Запада развитие буржуазных отношений вызывало глубокие перемены во всех сферах жизни и приводило к серьезным изменениям в системе народного образования. Прогресс в деле просвещения во многом зависел от степени заботы и внимания со стороны правительств. В Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции, Чехии и других странах наблюдался достаточно быстрый количественный рост сети учебных заведений, вклю-

чая педагогические, создавались новые направления учреждений просвещения. Качество образования находилось в непосредственной зависимости от профессионализма учителей – непосредственных проводников знаний в народные массы.

Первые шаги в осмыслении и изучении вопросов подготовки учительских кадров в странах Запада сделали исследователи XIX – начала XX в. – современники и свидетели происходивших событий (Я. Т. Михайловский, Г. Г. Генкель, А. Готлиб, А. Обухова, П. Мижув и др.). Накопленный опыт открытия европейских учительских семинарий и организация в них учебно-воспитательного процесса представляли неподдельный интерес для чиновников Министерства народного просвещения России. Эти сведения часто популяризировались через каналы педагогической журналистики. С. Рождественский, Г. Фальборк, В. Чарнолуский, А. Ярушевич и др. изучали создание и деятельность учительских семинарий на территории России. В советский период эта проблема находит отражения в работах Ф. Г. Паначина, Н. А. Константинова, Кравцова А. И., обобщающих трудах по истории народного образования. Также ценны исследования современных авторов (В. М. Лухверчик, М. А. Гулюк, Н. Е. Новик и др.).

Важную роль в развитии образования в Германии сыграло «просветительское движение» конца XVIII в. Колоссальный духовный подъем, развившийся в так называемых «освободительных войнах», мощном пробуждении национального самосознания, уничтожении крепостничества, благоприятно сказался на судьбах немецкой народной школы. Законом 1819 г. было введено всеобщее обязательное образование. Прусская Конституция 1850 г. утверждала свободу преподавания и гарантировала бесплатность обучения в народных школах. Все учебные заведения были отданы в ведение министерства просвещения, учителям же предоставлялись права государственной службы [1, с. 97].

В Германии уже с XVIII в. к занятию учительской должности допускались лишь лица с наличием соответствующего диплома. В одной только Пруссии к середине XIX в. было открыто 50 учительских (мужских) семинарий для подготовки педагогических кадров, но и этого считалось недостаточно для населения 17 миллионов человек [2, с. 339]. Современники были убеждены, что государство сделало все возможное, чтобы поднять общий уровень и положение народного учителя. Например, в Баварии «путь к учительству был строго намечен» и включал обучение в начальной школе (7 лет – в сельской, 8 – в городской), 3 года в подготовительной школе при семинарии и 3 года в учительской семинарии. Выпускники год работали практикантами, потом еще 3 года помощниками учителя. После сдачи итогового экзамена кандидат назначался младшим учителем. Специальная подготовка осуществлялась в учительской семинарии, в программу которой входили, кроме обычных для средней школы предметов (исключая иностранные языки), психология, учение о воспитании, дидактика и методика

предметов, история педагогики, чтение педагогических сочинений, школьная практика [3, с. 491].

Вместе с тем молодые люди в силу сравнительно невысокой зарплаты не спешили навсегда связать свою судьбу со школой. Но не только в немецких землях, во всех странах Западной Европы был еще один источник, откуда можно было бы «весьма легко почерпнуть в изобилии педагогические силы и притом наиболее подходящие для народно-школьного дела. Источник этот – женщины-учительницы» [4, с. 134–135]. Для подготовки учительниц открывались семинарии или педагогические курсы. К началу XX в. в Германии насчитывалось 115 женских педагогических семинарий, из которых 24 основаны и содержатся за счет государства, 42 – городами и 49 частными лицами. Вследствие этого общее число женщин-учительниц за 30 лет с 1860 и до 1890-х гг. увеличилось в семь раз, в то время как количество учителей даже не удвоилось [5, с. 11–12]. Как правило, эти курсы-семинарии организовывались при женских гимназиях и были особым их отделением. Существовали также семинарии в качестве самостоятельных учебных заведений.

Условия приема на учебу были везде одинаковыми: девушка должна быть не моложе 16 лет, представить свидетельство об окончании гимназии и выдержать вступительный экзамен. Но семинарии во многих городах Германии являлись практически единственным учебным заведением, где можно было продолжить обучение, начатое в гимназии, поэтому многие слушательницы посещали эти классы, вовсе не имея ввиду впоследствии заниматься педагогической деятельностью.

Например, в прусских семинариях в течение трех лет преподавались: Закон Божий, немецкий язык, французский язык, английский язык, арифметика, история, география, естествознание, педагогика, чистописание, пение, рисование, рукоделие, гимнастика и практические занятия. В Бадене вводились и дополнительные занятия «по желанию», которые также ставились в сетку расписания. Педагогическая практика организовывалась или при гимназии, или при городских училищах. Экзамен на звание старшей или научной учительницы в Германии был установлен только с 1894 г. Требовалось не менее 5 лет учебной практики в качестве учительницы старших классов и сдача специального экзамена [5, с. 11].

Но даже в образцовой в вопросе постановки образования Пруссии число женских семинарий относилось к мужским в пропорции 1:12. В других землях этот показатель был значительно ниже. Сыграло определенную роль и то, что система среднего педагогического образования вплоть до середины XIX в. была представлена исключительно мужскими семинариями [6, с. 218–219]. Расширение сети женских педагогических заведений проходило медленно и достаточно неохотно со стороны власти.

В 1907 г. в Чехии было 16 правительственных мужских семинарий (2744 учащиеся) и две женские (575 учениц), а также две частные (168 учащихся) семинарии. Курс обучения в «Учительском уставе» объявлялся

четырёхлетним. Объем преподавания предметов для мужских и женских учительских семинарий практически ничем не отличался от средней школы (без древних языков). Кроме общеобразовательных предметов, обязательными для изучения были специальные предметы: педагогика, дидактика, методика, история педагогики, психология, физиология, логика. Для всех учащихся вводилась также игра на скрипке и органе. «Полноправными учителями» выпускники семинарий становились после прохождения педагогической практики и сдачи специально утвержденной Комиссией теоретического блока, а также образцовых практических уроков [7, с. 74–75].

Первые семинарии в Венгрии появились в 1840 г. Первоначально они и учреждались, и находились под управлением церковно-приходских властей. Принятый министерством народного просвещения школьный закон 1868 г. радикально изменил существующее положение. Правительство решило утвердить и содержать на свои средства 24 учительские семинарии. Такое же предложение поступило к различным учреждениям и частным лицам при условии строгого соблюдения некоторых условий: семинарии должны помещаться в собственных специально приспособленных зданиях, иметь соответствующий контингент учителей, начальную школу для практических занятий учащихся, сад для работы по огородничеству и сельскому хозяйству.

Для поступления в семинарию требовалось окончание полного курса начальной и дополнительной школы (это 8–9 лет обучения). Возраст поступающих составлял не менее 15 лет для мальчиков и 14 лет для девочек. Зачисление велось на конкурсной основе. От кандидатов требовалось безупречное поведение и хорошее здоровье. Курс в семинарии был трехлетним с переходными экзаменами в конце года. В 1881 г. парламент принял поправки к старому закону, утвердив дополнительно к трем годам теоретического курса в качестве обязательного четвертый год практических занятий в школе.

В министерских семинариях на образование каждого учителя и учительницы выделялось 750 крон (300 р.) в год, церковные семинарии тратили значительно меньше – от 400 до 120 крон (160–48 р.) на каждого. После 4-х лет подготовки учащиеся сдавали устные и письменные экзамены по всем предметам программы и получали дипломы на звание народного учителя начальной шестиклассной школы. На право преподавания в высших народных школах вводился дополнительный экзамен [8, с. 65–66]. В курсе подготовки основное внимание уделялось педагогическим предметам. Важное место программа отводила венгерскому и немецкому языкам, грамматике, теории словесности и истории литературы. 13 часов в неделю выделялось на изучение математики (алгебры и геометрии). В семинарии преподавались также география, история, зоология, ботаника, минералогия, геология, физика, химия. В программу включались пение и музыка, рисование, Закон Божий, мораль, физическая культура. Во внеурочное время

ученики занимались ручным трудом, изучали пчеловодство, садоводство и огородничество.

В семинарских программах других государств встречались разнообразные предметы. Так, в Бельгии давали знания о законах страны, обучали лесоводству, счетоводству и двум языкам – французскому и немецкому; а в Голландии и Швеции, кроме этих языков, изучали также и английский. В Португалии дополнительно сообщались элементарные знания по философии и сельскому хозяйству (земледелию); в Испании преподавали теорию поэзии, риторику, административное право, понятие об отечественной промышленности, торговли, а также о правилах вежливости. В США курс учительских семинарий отличался такой же многопредметностью, как и курс народной школы. Учебные планы дополнялись необязательными предметами: латинским и древнегреческим языками, политической экономией, государственным правом. Современники отмечали, что в США звание народного учителя «пользуется большим уважением и почетом, как нигде в Западной Европе: молодые люди, даже богатые, не только не брезгают этим званием, но еще всячески добиваются его». Многие высокопоставленные лица, полковники и генералы – бывшие народные учителя [4, с. 100].

В начале XX в. в Лондоне из 16 000 учителей 13 500 человек имели дипломы об окончании учительских семинарий. В Англии большинство таких учебных заведений было основано частными лицами и религиозными обществами. Многие из них открывались при университетах (такое право было получено в 1902 г.). Лондонский совет смог организовать обучение в семи женских и мужских семинариях. Для лиц, изъявивших желание работать на педагогическом поприще, читались специальные курсы лекций по педагогике и методике преподавания. После окончания установленного трехлетнего курса обучения учащиеся сдавали итоговый университетский экзамен, на основании которого Учебный Совет выдавал дипломы [9, с. 32].

Во второй половине XIX – начале XX в. в России, в состав которой входили белорусские губернии, развернулось широкое общественно-педагогическое движение, направленное на борьбу с «вековым русским врагом – невежеством и безграмотностью». В данный период четкая система профессиональной подготовки учителей для средней и начальной школы не сложилась: ее осуществляли многие учебные заведения, принадлежащие разным министерствам и ведомствам, поэтому отсутствовала согласованность учебных планов и программ, соответственно, отличалась теоретическая и практическая подготовка. Россия заимствовала опыт и изучала успехи в области просвещения в западных государствах, которые активно популяризировались на страницах педагогической печати.

Российские педагоги того времени справедливо отмечали: «Если государство желает создать здоровую, серьезную и полезную школу, то оно должно позаботиться о том, чтобы учительская карьера не только никого

не запугивала, как в настоящее время, но и стала бы в известной степени заманчивой» [10, с. 80]. России подготовка молодых людей к преподавательской деятельности началась еще в XVIII в. Первым таким учебным заведением стала учительская семинария при Московском университете (1779 г.). В Петербурге в 1782 г. было открыто народное училище, позже преобразованное в учительскую семинарию. Создавались и другие педагогические учреждения (институты, курсы, педагогические школы). После закрытия Главного педагогического института в Петербурге, который в течение 1828–1859 гг. дал в учебную службу 682 человека (в высшие учебные заведения – 43, в средние – 377, в низшие – 262 человека), подготовка новых учителей шла в слишком ограниченном масштабе, не соответствовавшим потребности в них.

В 1860–1870-е гг. на территории Беларуси были открыты четыре учительские семинарии: в Молодечно (1864 г.), Полоцке, Несвиже и Свислочи. В качестве основы проекта новых учебных заведений на территории Виленского учебного округа была взята программа Бременской учительской семинарии, которая признавалась немецкими педагогами образцовой [11, с. 4]. Изначально семинарии относились к разряду низших учебных заведений, были лишены преемственной связи со средней школой (их выпускники не имели права поступления в гимназии, а тем более, в университеты). Учебные планы и программы были достаточно узкими и ограничивались теми предметами, которые нужны были учителю для практической работы в начальной школе: Закон Божий, основы педагогики и методики преподавания учебных предметов, церковнославянский и русский языки, арифметика и основы геометрии, чистописание, история, география и пение. Срок обучения объявлялся двухлетним, так как на более продолжительный курс не приходилось рассчитывать из-за отсутствия средств и необходимых преподавателей. В первом классе учащиеся должны были пройти основной курс общеобразовательных предметов. Во втором классе в основном изучалась методика преподавания и проводились практические занятия в школе для приобретения навыков учительского труда.

В 1870 г. утверждается новое «Положение об учительских семинариях» [12, с. 6–16], которое предусматривало 3-летний срок обучения, увеличивается количество изучаемых предметов и часов. На более высоком уровне была организована педагогическая практика, которая начиналась со 2-го класса: разработка планов урока в нескольких вариантах, пробные уроки, знакомство с документацией в школе, заполнение классного журнала, проверка ученических тетрадей и др. В 3 классе практиковалось обязательные однодневные дежурства и самостоятельное ведение школьных занятий в течение целой недели. К руководству практикой привлекался весь педагогический коллектив семинарии.

В конце XIX в. при учительских семинариях создаются подготовительные классы с целью повышения общеобразовательного уровня будущих

специалистов. С 1907 г. в семинариях Беларуси был введен четырехлетний срок обучения [13, с. 13]. Дополнительно учащиеся обучаются различным ремеслам (плетению корзин и мебели, выпиливанию, столярному и токарному делу и др.). В образовательных и воспитательных целях во время каникул для семинаристов организовывались экскурсии в культурные центры России.

Рост школьной сети заставил власти пойти на дальнейшее увеличение количества семинарий. В 1909 г. начала работу Рогачевская семинария, а с 1911 г. министерство разрешило открыть первую в Виленском округе женскую Оршанскую учительскую семинарию. В 1914 г. созданы Борисовская женская, в 1915 г. – Гомельская, в 1916 г. – Бобруйская женская семинарии.

В 1882 г. всего в России насчитывалось 48 учительских семинарий Министерства народного просвещения, не считая семинарий и школ, которые были открыты земствами и частными лицами. Но в связи со значительным ростом сети начальных народных училищ и такого количества было недостаточно. В начале 1914 г. было создано 128 учительских семинарий и школ (122 – казенные и 6 – частные). В марте 1917 г., к моменту падения в России самодержавия, насчитывалось 183 учительских семинарий, которые содержались на средства казначейства, и 9 учительских семинарий и школ, созданных на средства общественных и частных лиц [14, с. 96–97].

В июне 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об изменении штата учительских семинарий». Обязательным стал 4-летний срок обучения. Объявлялось, что они могли быть мужскими, женскими и смешанного типа, а также многокомплектными. 3–8 августа в Москве на Всероссийском съезде деятелей учительских семинарий был принят учебный план, положительной чертой которого стало введение таких дисциплин, как тригонометрия, химия, космография и сельскохозяйственное производство [15, с. 203]. Только в 1917 г. учительские семинарии получили статус средних педагогических учебных заведений.

Таким образом, история европейской школы в XIX в. представляет собой непрерывную цепь реформ, имевших целью приспособить наследие прошлых столетий к педагогическим, государственным и общественным потребностям каждой отдельно взятой страны. Странами Запада был накоплен огромный опыт в вопросе подготовки учительских кадров, а идеи видных педагогов легли в основу организации учебно-воспитательного процесса в учительских семинариях, которые готовили профессиональные кадры для стремительно растущей сети начальной школы. Во второй половине XIX – начале XX в. шло становление и развитие системы педагогической подготовки учителей для народных училищ Российской империи. Наиболее эффективным ее звеном являлись учительские семинарии, которые, как правило, имели достаточную материально-техническую базу обучения, опытных преподавателей, разработанные учебные планы и программы, да-

вали специальное педагогическое образование и устойчивые навыки профессии учителя.

Список использованных источников

1. *Генкель, Г. Г.* Народное образование на Западе / Г. Г. Генкель. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1911. – 153 с.
2. *Ушинский, К. Д.* Проект учительской семинарии / К. Д. Ушинский // Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1968. – С. 339–346.
3. *Обухова, А.* Подготовка, положение и условия работы сельского учителя в Баварии // Педагогический листок. – 1913. – Кн 7. – С. 489–512.
4. *Михайловский, Я. Т.* Очерк современного состояния заграничной народной школы / Я. Т. Михайловский. – СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1881. – 251 с.
5. *Мижухев, П.* Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии / П. Мижухев // Русская школа. – 1904. – № 4. – С. 1–16.
6. *Готлиб, А.* К вопросу о подготовке преподавателей средних учебных заведений. Система подготовки в Германии / А. Готлиб // Русская школа. – 1901. – № 7. – С. 208–219.
7. *Любченко, Е. Д.* Современное народное образование в Чешском королевстве / Е. Д. Любченко // Педагогический вестник. – 1912. – № 2. – С. 65–80.
8. *Страхова, М.* Народный учитель в Венгрии / М. Страхова // Русская школа. – 1902. – № 5. – С. 59–67.
9. *Яворская, Я.* Организация народного образования в Лондоне / Я. Яворская // Педагогический вестник. – 1912. – № 7–8. – С. 3–54.
10. *Готлиб, А.* О материальном и служебном положении учебно-административного персонала средних учебных заведений в некоторых государствах Европы / А. Готлиб // Русская школа. – 1901. – № 10. – С. 79–97.
11. Бременская учительская семинария. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук., 1872. – 21 с.
12. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / сост. П. Аннин. – СПб.: Тип. Глазунова, 1890. – 435 с.
13. Журналы совещания директоров и наставников учительских семинарий Виленского учебного округа, происходившего 25–29 апреля 1907 г. в г. Вильна. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1908. – 50 с.
14. *Кузьмин, Н. Н.* Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы (лекция по истории педагогики) / Н. Н. Кузьмин. – Курган, 1970. – 102 с.
15. *Паначин, Ф. Г.* Педагогическое образование в России / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1979. – 215 с.

(Дата подачи: 22.02.2023 г.)

Я. О. Перевалов

Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет, Витебск

Ya. O. Perevalov

Vitebsk State Order of Friendship of Peoples Medical University,
Vitebsk

УДК 32: [378.1 : 61] "1946–1991" (476.5)

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР В 1946–1991 ГГ.

SOCIAL EVOLUTION OF HIGHER MEDICAL EDUCATION OF THE BSSR IN 1946–1991

В статье рассматривается эволюция высшего медицинского образования БССР в 1946–1991 гг. как элемент социальной трансформации советского общества. Отмечены цели и задачи, которые ставило советское государство перед системой здравоохранения и, в частности, перед медицинскими институтами. Показана специфика реформ в сфере высшего медицинского образования. Сделан общий вывод о тенденциях развития в системе подготовки медицинских работников высшей квалификации.

Ключевые слова: высшее медицинское образование; история высшего медицинского образования; медицинские институты; система подготовки медицинских кадров; производственная практика; учебные планы.

The article discusses the evolution of higher medical education in the BSSR in 1946–1991 as an element of the social transformation of Soviet society. The goals and objectives that the Soviet state set for the health care system and, in particular, for medical institutions are noted. The specificity of reforms in the field of higher medical education is shown. A general conclusion is made about the development trends in the system of training medical workers of the highest qualification.

Key words: higher medical education; history of higher medical education; medical institutes; medical personnel training system; Internship; educational plans.

Подготовка специалистов с высшим медицинским образованием является определяющим звеном в деятельности системы здравоохранения и в свою очередь полностью зависит от потребностей и перспектив социального и экономического развития страны. Государственная политика, проводимая в области здравоохранения БССР 1946–1991-х гг. отводила первостепенное место учебно-воспитательной работе в медицинских институтах. Министерства здравоохранения СССР и БССР неоднократно ставили перед руководителями медицинских вузов задачу повышения уровня профессиональной подготовки путём совершенствования учебно-воспитательной работы среди сотрудников и студентов.

Вопрос изучения социальных аспектов высшего медицинского образования всегда был в центре внимания исследователей. Процессы трансформации государственной политики БССР и её социального значения

были рассмотрены в трудах отечественных историков советского периода Л. С. Абецедарского [1], И. М. Игнатенко [2], В. А. Круталевича [3], И. О. Царюк [4].

Общий исторический анализ развития высшей школы в послевоенный период дается в исследованиях В. П. Елютина [5], Г. М. Кованцевой [6], П. И. Саевича [7], С. А. Умрейко [8], Е. И. Фирсовой [9].

В постсоветский период вопросы социальной составляющей высшего образования как элемента государственной политики отражены в работах ряда отечественных историков О. В. Бригадиной [10], А. А. Ковалени [11], М. П. Костюка [12; 13], А. Г. Кохановского [14], В. Л. Лакизы [15], И. А. Марзалюка [16], Н. В. Смеховича [17], Н. С. Сташкевича [18], О. А. Яновского [19]. Вопросы гендерной составляющей высшего образования и научной деятельности хорошо отражены в работах отечественного историка И. Р. Чикаловой [20; 21].

Деятельность по подготовке врачей и провизоров в высших медицинских учебных заведениях БССР 1946–1991 гг. проводилась на медицинских факультетах по следующим специальностям: Лечебный факультет – по специальности «Лечебное дело», срок обучения 5 лет (с 1968 г. – 6 лет); Педиатрический факультет – по специальности педиатрия, срок обучения 5 лет (с 1968 г. – 6 лет); Санитарно-гигиенический факультет – по специальности «Санитария», срок обучения 5 лет (с 1968 г. – 6 лет) Стоматологический факультет – по специальности «Стоматология», срок обучения 5 лет; Фармацевтический факультет – по специальности «Фармация», срок обучения 4,5 года (в конце 1980-х гг. увеличен до 5 лет).

Для организации набора студентов на первые курсы медицинских институтов БССР, в соответствии с правилами приёма в высшие учебные заведения от 1.06.1946 г. приказами директоров институтов создавались приёмные комиссии, которые рассматривали и проверяли документы лиц, участвовавших конкурсе, организовывали и проводили вступительные испытания [22, л. 1–2].

В 1957 г. вышли новые правила приёма в высшие учебные заведения, которые предусматривали преимущественный набор в медицинские институты лиц, имеющих практический стаж работы в качестве среднего и младшего обслуживающего медицинского персонала. В связи с этим были внесены изменения в правила приёма. Студенты, имевшие стаж практической работы, заняли 45 % от общего числа принятых в медицинские институты в 1957 г., а уже к 1959 г. их число уже достигло 77 %. Большая часть таких абитуриентов, которые ранее работали в практическом здравоохранении, не имела должной общеобразовательной подготовки и в последующем снова увеличилось количество абитуриентов, окончивших средние школы. В конце 60-х гг. только 24 % абитуриентов, работавших ранее в практическом здравоохранении, были приняты на обучение [23, с. 60; 24, л. 40–47].

В результате реформы высшего образования СССР 1958 г., направленной на укрепление связи образования с практикой, значительно расширились возможности для поступления в медицинские институты лиц, имеющих трудовой стаж, что соответственно увеличило возраст абитуриентов. Так в 1954 г. в медицинские институты было принято около 35 % лиц с производственным стажем и демобилизованных с воинской службы, в 1959 г. – 78,3 %, в 1960 г. – 77,8 %, в 1963 г. – 80 % [25, с. 48–49].

Проводимая государственная политика по привлечению лиц с производственным стажем привела к сокращению общего количества женщин в медицинских институтах БССР. Так, например, доля женщин в категории абитуриентов со стажем работы была на 10 % меньше, чем среди абитуриентов, без стажа [26, л. 10–15]. К уменьшению количества женщин в медицинских институтах БССР привело привлечение в вузы лиц, уволенных в запас с воинской службы, которые имели преимущества при зачислении. В 1961 г. удельный вес студентов-первокурсников, уволенных в запас, в Гродненском медицинском институте составлял 21 %, в 1963 г. – 14 % (необходимо отметить, что в 1968 г. в Минском и Гродненском медицинских институтах из абитуриентов, прошедших службу в армии, были зачислены почти все, кто подал заявления). В целом, в 1960 г. доля зачисленных абитуриентов, демобилизованных из Советской Армии, в медицинских институтах БССР составляла 15 % [27, с. 6–7]. Как пример в 1959 г. основной контингент студентов, принятых на первый курс Гродненского медицинского института, составили производственники, демобилизованные из армии, колхозники западных областей Беларуси [28, с. 79]. Вместе с тем, механизм отбора абитуриентов в медицинские вузы в конце 1950-х гг. снизил эффективность учебного процесса, так как большая часть студентов, имеющих производственный стаж работы, имела слабую общеобразовательную подготовку [29, л. 8, 31].

Преподавание в медицинских институтах БССР 1946–1991 гг. проводилось по единым учебным планам и программам, утвержденными Министерством здравоохранения СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР, которые трансформировались в соответствии с целями и задачами, которые ставились перед системой здравоохранения на различных этапах развития. Сама же учебная работа практически не изменилась. Обучение осуществлялось на лекциях, лабораторных, семинарских и практических занятиях, а также методом самостоятельной работы, на которую в 1946–1960-х гг. отводилось около 30 %, в 1970–1980-х гг. более 50 %, а в 1990-х гг. более 60 % планируемого учебного плана.

Для первых и вторых курсов лечебного, педиатрического, санитарно-гигиенического и стоматологического факультетов учебный план был одинаковый и включал преподавание общеобразовательных и медико-биологических дисциплин, являвшихся необходимой базой для подготовки врача любой специальности (общеобразовательные и медико-биологические) (Диаграмма 1).

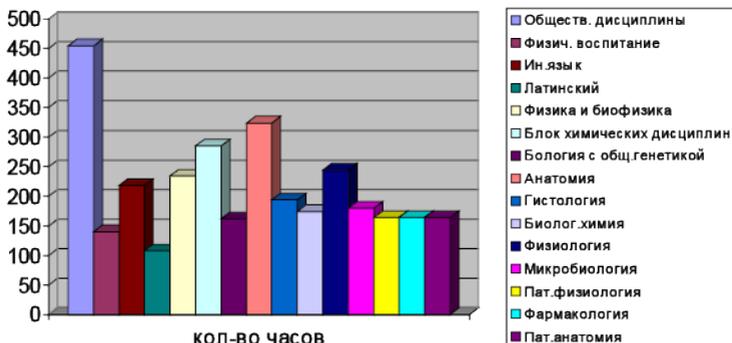

Диаграмма 1. Количество часов по общеобразовательным и медико-биологическим дисциплинам по специальностям «Лечебное дело», «Санитария», «Педиатрия», «Стоматология»

Отдельно необходимо отметить различие учебного плана фармацевтического факультета по общеобразовательным и медико-биологическим дисциплинам (Диаграмма 2).

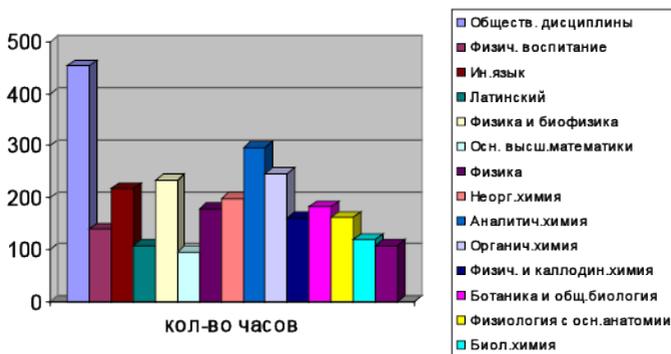

Диаграмма 2. Количество часов по общеобразовательным и медико-биологическим дисциплинам по специальности «Фармация»

Начиная с третьего курса, подготовка врачей на различных факультетах проводилась уже с учетом врачебной специальности и включала преподавание пропедевтических, клинических и специальных дисциплин в зависимости от профиля подготовки врачей (как уже было показано выше, на фармацевтическом факультете разделение по специальности и профилю начиналось с первых и вторых курсов). Так, например, на лечебном факультете пропедевтические дисциплины: пропедевтика внутренних болезней – 200 ч, общая хирургия – 164 ч, медицинская психология – 17 ч; клинические дисциплины: оперативная хирургия с топографической анатомией – 128 ч,

рентгенология и медицинская радиология – 72 ч, кожные и венерические болезни – 90 ч и т. д. (Диаграмма 3).

На педиатрическом факультете пропедевтические дисциплины хотя были и схожи с лечебным факультетом, однако количество часов на изучение дисциплин разнилось. Так, пропедевтика внутренних болезней – 130 ч., общая хирургия – 126 ч, медицинская психология – 19 ч; клинические дисциплины – оперативная хирургия с топографической анатомией – 106 ч, рентгенология и медицинская радиология – 72 ч, кожные и венерические болезни – 80 ч и т. д. (Диаграмма 4). На стоматологическом факультете: пропедевтические дисциплины – пропедевтика внутренних болезней – 140 ч, общая хирургия – 140 ч, основы лечебной физкультуры – 32 ч; клинические дисциплины – оперативная хирургия с топографической анатомией – 72 ч, гигиена с организацией здравоохранения – 176 ч, кожные и венерические болезни – 70 ч, рентгенология и медицинская радиология – 68 ч и т. д. (Диаграмма 5).

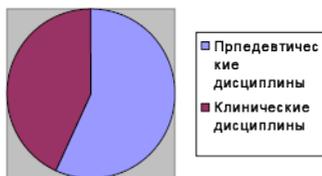

Диаграмма 3. Соотношение препедевтических и клинических дисциплин на лечебном ф-те

Диаграмма 4. Соотношение препедевтических и клинических дисциплин на педиатрическом ф-те

Планы на санитарно-гигиеническом факультете предполагали: пропедевтические дисциплины – пропедевтика внутренних болезней – 186 ч, рентгенология – 32 ч, общая хирургия – 184 ч; клинические дисциплины – внутренние болезни 72 ч, туберкулез – 48 ч, хирургические болезни – 136 ч, нервные болезни – 90 ч, кожные и венерические болезни – 72 ч и т. д. (Диаграмма 6). На фармацевтическом факультете дисциплины по фармацевтическому профилю – медицинское товароведение – 102 ч, фармакогнозия с основами биохимии лекарственных растений – 288 ч, технология лекарств – 462 ч, фармацевтическая химия – 438 ч, экономика и организация фармацевтического дела – 215 ч, гигиена – 40 ч, токсикологическая химия – 93 ч и т. д. (Диаграмма 7).

Учебные планы в медицинских институтах на протяжении 1946–1991 гг. видоизменялись несколько раз. Первое изменение учебных планов было связано с увеличением практической составляющей подготовки врача. Для обучения студентов VI курса предлагалось использовать большие больницы других городов, превратив их тем самым в клинические базы типа филиала

госпитальных клиник. Преподавание таких учебных дисциплин как – нормальная и патологическая анатомия, физиология, биохимия, фармакология пересматривались в сторону большей связи с клиникой, с пациентами [30, с. 34–35].

Диаграмма 6. Соотношение препедвеческих и клинических дисциплин на санитарно-гигиеническом ф-те

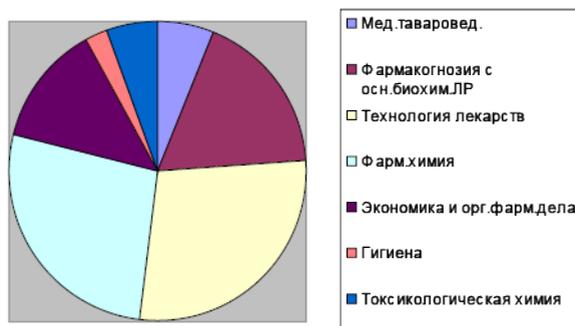

Диаграмма 7. Соотношение дисциплин на фармацевтическом ф-те

Учебные планы, введенные в 1971 г. для лечебного и педиатрического факультетов, предполагали новую форму подготовки врачей-терапевтов и врачей-педиатров с непрерывной первичной специализацией по широким клиническим профилям в течение двух лет – один год в период обучения в вузе, второй год после окончания медицинского института.

С 1976–1977 учебного года в медицинских вузах БССР началась подготовка по вновь изменённым учебным планам. Их принципиальное отличие от действовавших ранее заключалось в кардинальном изменении характера преподавания теоретических, клинических и специальных профильных дисциплин с учетом новых требований здравоохранения. Изменялись прежние сроки прохождения клинических дисциплин. Преподавание общей хирургии, препедвеческие внутренних болезней осуществлялись уже на четвертом семестре, было уделено больше внимания поликлинической подготовке. Введено преподавание новых дисциплин – введение в специальность, советское право, медицинская электроника и кибернетика, онкология, анестезиология и реаниматология, эндокринология. Общественные дисциплины стали преподаваться на протяжении всего срока обучения. Это

позволило обеспечить постоянное влияние кафедр общественных дисциплин на мировоззрение студентов [31, с. 9].

С конца 1970-х гг. в медицинских вузах в учебный процесс стали активно внедрять новые комбинированные методы преподавания. Они включали в себя сочетание традиционных форм обучения с самостоятельной исследовательской деятельностью студентов. Так, в 1977 г. в Витебском медицинском институте начали проводиться 20-часовые занятия по основам научно-исследовательской работы. На первом курсе читались лекции в рамках данной тематики по общественным наукам, также формировали навыки поиска информации и самостоятельной работы студентов над литературой. На втором курсе рассматривались общие принципы постановки экспериментов и применение физиологических, гистохимических и иммуноморфологических методов исследования. На третьем – диалектический материализм, методологическая основа современной медицинской науки, элемент НИР в клинической практике и т. д. В результате к старшим курсам студенты оказывались более подготовленные к индивидуальному выполнению научной работы [32, л. 7, 44, 87].

Во второй половине 1980-х гг. реформа системы высшего медицинского образования СССР (БССР в частности) была более масштабной, в сравнении с рассмотренными выше. Её главные направления были обозначены в утвержденном 18 марта 1987 г. Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране». В медицинских институтах республики с 1988 г. были введены новые учебные планы, в которых приоритет отдавался клиническим дисциплинам и самостоятельной работе студентов. Также повышался уровень требований к знаниям, были введены аттестация преподавателей и новые принципы их конкурсного избрания [33, с. 39, 44].

В конце 1980-х гг. при формировании учебных планов происходило существенное изменение учебных часов в сторону увеличения различных видов клинической подготовки студентов. Так, в 1988 г. в учебных планах медицинских вузов БССР для лечебного, педиатрического, санитарно-гигиенического и стоматологического факультетов, количество часов отведенных на преподавание клинических дисциплин было увеличено до 60 % от общего количества учебных часов, а на общетеоретические и медико-биологические 40 % соответственно (в 1970 г. соотношение было – 45 % на 55 %; в 1980 г. 40 % на 60 %; в 1985–1987 гг. 50 % на 50 %) (Диаграмма 8) [34, л. 7, 38; 35, л. 30].

Шестой год обучения в медицинских институтах БССР с 1968 г. был выделен для прохождения студентами первичной специализации (субординатуры) по одной из следующих основных клинических дисциплин: на лечебном факультете – терапия, хирургия, акушерство и гинекология; на педиатрическом факультете – педиатрия с детскими инфекционными болезнями, детская хирургия с ортопедией.

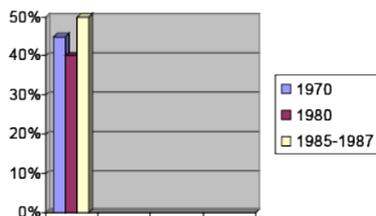

Диаграмма 8. Соотношение общетеоретических и медико-биологических дисциплин

Прохождение первичной специализации (субординатуры) по другим специальностям на VI курсах не допускалась, имея в виду, что полноценная подготовка врачей может осуществляться только при наличии полной и хорошей подготовки по основным клиническим дисциплинам.

После прохождения первичной специализации на VI курсе в субординатуре студенты сдавали государственные экзамены, установленные учебным планом, получали диплом врача и, в последствии, проходили одногодичную стажировку в качестве интернов лечебно-профилактических учреждений под руководством соответствующих специалистов.

С начала 1990-х гг., в связи с переходом системы подготовки врачей и фармацевтических кадров в БССР на новые формы хозяйствования и финансирования, в медицинских вузах республики, при составлении учебных планов, наряду с общемедицинской системой начала внедряться система правовой подготовки студентов мединституты. Она являлась пролонгированной программой преподавания основ советского права с учетом изменений законодательства и специфики будущей специальности [26, с. 3–4].

Важнейшим условием повышения качества подготовки врачей считалось приближение учебного процесса к практике медицинских учреждений. В период обучения на старших курсах всех факультетов проводилась производственная практика непосредственно в учреждения здравоохранения, после сдачи курсовых экзаменов.

В период производственной практики студенты закрепляли теоретические и практические знания, полученные в своих медицинских институтах; приобретали навыки по основным разделам специальности; обучались методам диагностики и лечения пациентов; осваивали различные формы работы по специальности. Так, на лечебном факультете в качестве медицинской сестры в лечебно-профилактических учреждениях – 4 недели; по терапии, хирургии и акушерству в областных и районных больницах в объеме работы врача – 6 недель; в объеме работы участкового врача поликлиники – 4 недели. На педиатрическом факультете – по уходу за детьми в детских больницах – 3 недели; по терапии, хирургии и акушерству в объеме работы врача областной или районной больницы – 5 недель; в объеме работы участкового

педиатра в условиях объединенной детской больницы – 4 недели. На стоматологическом факультете – в лечебно-профилактических учреждениях в качестве медицинской сестры – 3 недели; в поликлинике по терапевтической, хирургической, ортопедической стоматологии в качестве субординаторов – 8 недель; врачебная практика по терапевтической и хирургической стоматологии – 4 недели. На фармацевтическом факультете – аптечная технология лекарств – 10 недель; фармацевтический анализ – 3 недели; экономика и организация фармацевтического дела – 6 недель [36, с. 14–15].

Проведение учебной практики для лечебного и педиатрического факультетов осуществлялось по всем клиническим дисциплинам в лечебно-профилактических, педиатрических учреждениях, являвшихся базами клинических и педиатрических кафедр. Время определялось сеткой учебного плана, не менее 25 % из этого времени отводилось для учебной практики в поликлинике. Для стоматологического факультета по клиническим дисциплинам в лечебно-профилактических учреждениях и по профильным дисциплинам – в стоматологических поликлиниках. Время прохождения учебной практики определялось сеткой учебного плана. Для фармацевтического факультета учебная практика подразделялась на: полевую практику по ботанике – 1 неделя; пропедевтическую практику в аптечных учреждениях – 3 недели; фармакогнозию – 3 недели и заводскую технологию лекарств – 3 недели [37, с. 16].

Подводя итог, необходимо отметить, что деятельность учреждений высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. носила плановый характер и была частью общей подготовки профессиональных кадров в стране. Система высшего медицинского образования БССР за рассматриваемый период прошла сложный путь своей социальной эволюции: от узкоспециального обучения медицинских кадров, до сложной системы подготовки многофункциональных медицинских работников, способных решать широкий спектр задач поставленных обществом. Движущей силой проводимых реформ являлись социальные потребности советских граждан. К ним можно отнести потребность в качественном медицинском обслуживании, в обеспеченности медицинскими кадрами, в расширении сети лечебных учреждений и некоторые другие. Это позволяет утверждать, что преобразования в сфере высшего медицинского образования БССР были взаимосвязаны и являлись элементом общей социальной политики советского государства.

Список использованных источников

1. История БССР: учебное пособие для учащихся средней школы / Л. С. Абецдарский, М. П. Баранова, Н. Г. Павлова; под ред. Л. С. Абецдарского. – Минск: Народная асвета, 1980. – 287 с.
2. *Игнатенко, И. М.* Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск, Госиздат БССР, 1967. – Ч. II (1921–1966). – 585 с.
3. *Круталевиц, В. А.* Станаўленне дзяржаўнасці да 70-годдзя абвяшчэння БССР / В. А. Круталевиц. – Минск: Голас радзімы. 1989. – 125 с.

4. *Хадасевич, А. С.* Ираида Осиповна Царюк – историк, декан, педагог / А. С. Хадасевич // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сборник научных статей по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты. – Минск, 2018. – С. 110–116.

5. *Елютин, В. П.* Высшая школа общества развитого социализма / В. П. Елютин. – М.: Высш. школа, 1980. – 560 с.

6. *Кованцева, Г. М.* Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. М. Кованцева; Минск, 1955. – 19 с.

7. *Саевич, П. И.* Народное образование БССР / П. В. Саевич, министр просвещения БССР; О-во по распространению полит. и науч. знаний Белорус. ССР. – 2-е изд., доп. – Минск: Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., 1950 (тип. им. Сталина). – 39 с.

8. *Умрейко, С. А.* Очерки народного образования Белорусской ССР: автореф. канд. пед. наук / С. А. Умрейко. – М., 1952. – 19 л.

9. *Фирсова, Е. И.* Подготовка специалистов народного хозяйства и культуры БССР / Е. И. Фирсова; Науч. ред. д-р ист. наук И. Е. Марченко; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1976. – 172 с.

10. *Бригадина, О. В.* Деятельность комсомола Белоруссии по развитию системы политической учебы молодежи (1966–1975 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / О. В. Бригадина. – Минск, 1998.

11. *Коваленя, А. А.* Исторический путь формирования государственности белорусского народа / А. А. Коваленя // Проблемы управления: научно-практический журнал / учредитель Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2009. – № 2. – С. 59–69.

12. *Гісторыя Беларусі: у 6 т. / пад рэд. М. Касцюк [і інш.].* – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]. – 738 с.

13. *Касцюк, М. П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 307 с.

14. *Каханюўскі, А. Г.* Гісторыя Беларусі. XX – пачатак XXI ст.: вучэб.-метад. дапам. / А. Г. Каханюўскі, У. Ф. Ладыеў. – Мінск: БГУ, 2011. – 115 с.

15. *Акадэмічная гуманітарыстыка: 2016–2020 гады. Важнейшыя вынікі дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» / А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Аддз. гуманітар. навук і мастацтваў. – Мінск: Беларускае навука, 2021. – 278 с.*

16. *Марзалюк, И. А.* Беларусь – от этнографической общности к нации. Истоки и генезис белорусской национальной идентичности / И. А. Марзалюк // Государственность – национальная идея Беларуси. – М.: Кн. мир, 2016. – С. 17–56.

17. *Смехович, Н. В.* История советского государства в зеркале «новой» исторической науки России (конец XX – начало XXI века) / Н. В. Смехович // Белорусская думка. – № 10. – 2020. – С. 56–62.

18. *Сташкевич, Н. С.* Идеология белорусской государственности в системе национальных ценностей: основные этапы её осмысления и реализации в конце XIX – начале XX века / Н. С. Сташкевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 5.

19. *Яновский, О. А.* Трудовой вклад вузовской молодежи Белоруссии в выполнение народнохозяйственных задач девятой пятилетки (1971–1975 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук / О. А. Яновский. – Минск, 1981. – 26 с.

20. *Чикалова, И. Р.* Первое поколение женщин в высших учебных и научных заведениях Советской Беларуси (1920–1930-е гг.) / И. Р. Чикалова // Запад – Восток. Науч.-практ. ежегодник. – № 11. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. – С. 192–204.

21. *Чикалова, И. Р.* Женщины в сфере научного труда в Беларуси (1991–2010 гг.): итоги трех исследовательских проектов / И. Р. Чикалова // Белорусская наука в условиях

модернизации: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 20–21 сентября 2018 г. / Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск, 2018. – С. 29–38.

22. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 2.

23. *Шишко, Е. И.* «Минский ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт» / Е. И. Шишко, А. А. Ключарев, А. И. Кубарко. Минск: Вышэйшая школа, 1990. – 189 с.

24. ГАВО. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 240.

25. *Крюк, А. С.* Роль методического совета института в улучшении учебно-педагогического процесса / А. С. Крюк, Е. И. Шишко // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1963. – № 5.

26. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 218. Оп. 3. Д. 223.

27. *Олесик, Е. Я.* Подготовка женщин специалистов в вузах БССР 1944–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / Е. Я. Олесик; Ин-т истории Нац. АН Беларуси. – Минск, 2015. – 24 с.

28. *Супрун, Л. Ф.* Первые итоги / Л. Ф. Супрун // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1959. – № 4.

29. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 9. Д. 2.

30. *Богданович, И. И.* О перестройке работы в медицинских ВУЗах / И. И. Богданович // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1959. – № 1.

31. *Медведский, Е. Н.* Подготовка медицинских кадров – важнейшая задача улучшения народного здравоохранения / Е. Н. Медведский // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1978. – № 12.

32. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 2. Д. 4318.

33. *Кубарко, А. И.* Некоторые аспекты взаимодействия медицинского ВУЗа и практического здравоохранения в условиях перестройки / А. И. Кубарко, С. Д. Денисов, Ф. М. Гайдук // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1988. – № 6.

34. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 3395.

35. НАРБ. – Ф. 1250. Оп. 5. Д. 8202.

36. *Улащик, В. С.* Задачи органов и учреждений здравоохранения в период перехода республики на новые условия хозяйствования / В. С. Улащик // *Здравоохранение Белоруссии.* – 1991. – № 1.

37. *Рыжиков, Г. В.* «Высшее медицинское образование в СССР» / Г. В. Рыжиков, Главное управление учебных заведений // *Методические рекомендации. Методический кабинет МЗ СССР.* – М., 1990. – 18 с.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, Минск

Aleh Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(55)+297

К ВОПРОСУ ОБ ОКРУЖЕНИИ ВЕЛИКОГО МОГОЛА АКБАРА И ФОРМИРОВАНИИ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АКБАРНАМА)

TO THE QUESTION OF THE GREAT MOGHUL AKBAR'S ASSOCIATES AND THE FORMATION OF HIS WORLDVIEW (ACCORDING TO THE АКБАРНАМА)

Статья посвящена двум ближайшим соратникам Великого Могола Акбара – Байрамхану и Бирбалу, чье влияние на становление самого правителя и его мировоззрение оказываются очень значительными. Основные сведения о жизни и деятельности этих исторических фигур излагаются по данным Акбарнама Абу-л Фазла. Названный источник является, пожалуй, самым значительным произведением, посвященным жизни и деятельности и Байрамхана, и Бирбала. Наряду с этим рассматривается связь Байрамхана со становлением государственных институтов державы, а Бирбала – с учением дин-и иллахи.

Ключевые слова: Байрамхан; Бирбал; Акбарнама; дин-и иллахи; Акбар; Государство Великих Моголов; мировоззрение.

The article is devoted to the two closest associates of the Great Mogul Ruler Akbar – Bayramkhan and Birbal, whose influence on the formation of the ruler himself, and to his worldview was very strong. The main information about the life and work of those historical figures has been presented with Akbarnama of Abu-l Fazl. That source should probably be considered as the most significant work, dedicated to the life and work of both Bayramkhan and Birbal. Along with that, the paper reviews a connection of Bayramkhan with formation of state institutions of the Moghul state, and of Birbal with the doctrine of Din-i Illahi.

Key words: Bairamkhan; Birbal; Akbarnama; Din-i Illahi; Akbar; the State of the Great Moghuls; a worldview.

История жизненного пути и эволюция мировоззрения вельмож и сановников крупных восточных государств средневековья и раннего Нового времени имеют существенное значение не только для создания исторических биографий и изучения микроистории. Они позволяют отразить важнейшие тенденции формирования идеологических основ государств, объединявших разные народы, приверженцев разных религий, носителей разных убеждений.

В статье речь пойдет о двух ключевых фигурах, оказавших влияние на становление Акбара, правителя Великих Моголов (правившего в 1556–1605 гг.), а именно о Байрамхане и Бирбале.

Первый много лет был более чем влиятельным военачальником [6, с. 247], а в 1556–1560 гг. даже регентом Государства Великих Моголов, второй – великим визирем государства, членом государственного совета [8, т. 3, с. 787].

Пожалуй, самым значительным произведением, посвященным жизни и деятельности Байрам-хана, является фундаментальный историко-литературный труд Абу-л Фазла «Акбарнама» [10], и, прежде всего, его первая и вторая книги.

Рассказ о Байрам-хане начинается в рамках боев Хумаюна с султаном Гуджарата Бахадур-шахом за Чампанир 1535 г., когда речь идет о штурме стены города, в ходе которого Байрам-хан сороковым взбирается на стену по вбитым железным гвоздям, а сразу за ним следует Хумаюн, названный здесь и во многих последующих фрагментах «джаханбани» («повелитель мира» на фарси и урду) (Акбарнама I, 23) [10, т. 1, с. 300–318].

Следующее упоминание касается данных об участии Байрам-хана в военном походе Хумаюна на Восток в составе многочисленной свиты правителя, в ходе которого состоялось Хумаюн принял присягу на верность от родственных отношениях между Байрам-ханом и Хумаюном, а также о кровной связи Байрама с Бабуром.

Согласно приведенным в источнике данным, жена Байрам-хана Салима была его дальней родственницей и внучкой (или даже правнучкой) Бабура, которому Байрам-хан приходился четвероюродным племянником по линии своего отца из клана Бахарлу. Также Байрам-хан был племянником Хумаюна по женской линии через Гюль Ранг-бегум (Акбарнама I, 25) [10, т. 1, с. 326–348].

Немалую роль сыграл Байрам-хан и в последующих боях Хумаюна за Бенгалию, которые не принесли правителю желаемого результата (Акбарнама I, 25), а также в последовавших за тем боях за земли на левом берегу Инда в апреле 1543 гг. Правда, прежде, чем снова оказаться в рядах армии Хумаюна, Байрам-хану пришлось несколько лет скитаться (Акбарнама I, 27) [10, т. 1, с. 377–383].

После описанных событий, Байрам-хан упоминается среди военачальников во времена сражений Хумаюна за Кандагар и Кабул и похода на Запад, в пустынные земли Персии, конечной целью которого рассматривалась даже Мекка (Акбарнама I, 29) [10, т. 1, с. 387–397].

Состоял Байрам-хан в свите Хумаюна и при заключении союза последнего с Шахом Ирана Тахмаспом I в 1544 г. в качестве самого приближенного к правителю военачальника (Акбарнама I, 33) [10, т. 1, с. 412–457] и активно участвовал во взятии Кандагара в 1545 г., где он был управляющим до 1554 г. (Акбарнама I, 54+56) [10, т. 1, с. 596–597, 610–614], а также принимал участие в дипломатических и представительских миссиях в регионе (Акбарнама I, 37+41+50) [10, т. 1, с. 461, 501, 577–580].

Во второй половине 1554 г. в Кабуле Байрам-хан написал оду в честь победы принца Акбара в состязании стрелков из лука (Акбарнама I, 56) [10, т. 1, с. 610–614].

В самом конце 1554 г. Байрам-хан покидает Кабул и присоединяется к войскам Хумаюна, снова двинувшимся на левый берег Инда. В феврале 1555 г. Байрам-хан командует войсками в Харьяне и участвует во взятии Лахора (Акбарнама I, 58) [10, т. 1, с. 620–628], а осенью того же года становится регентом Пенджаба при малолетнем Акбаре, который, в свои 13 лет, по воле Хумаюна, стал правителем этой территории (Акбарнама I, 60) [10, т. 1, с. 639–640].

После смерти Хумаюна 27 января 1556 г. Байрам-хан находился рядом с Акбаром в Пенджабе, возглавляя главные военные силы наследника в борьбе за престол с другими претендентами (Акбарнама I, 63) [10, т. 1, с. 662].

После воцарения Акбара 14 февраля 1556 г. Байрам-хан получил титул «Вакил-ас-султанат» (перс. «правитель государства»). В его руках были установление и разрыв международных и внутренних отношений страны, которую источник называет Халифатом, созыв и роспуск армии (Акбарнама II, 1+5) [10, т. 2, с. 9, 26].

17 февраля 1556 г. по приказу Байрам-хана был арестован Шах Абу-л Маали, влиятельнейший фаворит Хумаюна, который был объявлен спившимся безумцем (Акбарнама II, 6) [10, т. 2, с. 27–31].

Среди первых действий Байрам-хана как правителя государства, имевшегося в это время титулом «хан ханан» («хан ханов») были также назначение шейха Гадаи Камбу садром Дели (Акбарнама II, 7) [10, т. 2, с. 36], убийство обманным путем своего названного брата, командующего войсками Дели, хана Тардибека (совершенное без позволения Акбара, но прощенное Байрам-хану) (Акбарнама II, 9) [10, т. 2, с. 51], участие в создании группировки передовых сил наступающей армии Акбара (Акбарнама II, 10) [10, т. 2, с. 54], победа в войне над индуистским полководцем Хему Чандрой Викрамадितьей (Акбарнама II, 11) [10, т. 2, с. 62].

После того, как Байрамхан женился на младшей сестре жены Акбара, 17 декабря 1556 г. у Байрам-хана в Лахоре родился сын Абду-р Рахим (Акбарнама II, 12) [10, т. 2, с. 76].

В следующем 1557 г. Байрам-хан принял участие в осаде крепости Манкот (Акбарнама II, 13–14) [10, т. 2, с. 81–82, 86], став даже, на какое-то время, командующим осадой. В это время он выступил против брачного союза Акбара с дочерью правителя Бухарского ханства Абдулла-хана Могула, но признал свою неправоту и стал распорядителем торжеств по поводу заключения этого брака. Помимо этого, Байрам-хан на какое-то время вынужден был отойти от дел, поскольку страдал от нарывов на теле (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 92–100].

После взятия Манкота Байрам-хан, как военачальник-победитель на какое-то время перестал считаться даже с интересами Акбара, что проявилось в даровании трофейных боевых слонов своим приближенным. Таким образом были подарены даже некоторые слоны из личного резерва самого Акбара без ведома последнего (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 94–95].

В конце 1557 г. в Джаландхаре Байрам-хан женился на Салиме Султан-бегум, которая была обещана ему ещё Хумаюном как награда за покорение Индии (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 97].

На основании этой главы Акбарнама (Акбарнама II, 15) [10, т. 2, с. 98–100], о родственных связях Байрам-хана можно сказать следующее.

Али Шукр-бек из Чернобаранных туркмен был отцом Паши-бегум, которая в первый раз вышла замуж за Хаджу Хасана. Их сыном был Мирза Алааддин Мухаммад, а его сыном был Мирза Нураддин Махмуд, который женился Гульбарг (или Гульрух)-бегум. Их дочерью была Салима Султан-бегум.

Во второй раз Паша-бегум вышла замуж за Султана Махмуда Мирзу. Их внуком был Байрам-хан. Матерью Байрам-хана названа была Нагина-ханум.

Дочь Султана Махмуда Мирзы и Паши-бегум и тетка Байрам-хана Махам-бегум стала женой Бабура и матерью Хумаюна. Таким образом, Хумаюн и Байрам-хан были двоюродными братьями по линии Паша-бегум.

Отец Бабура Умар-шейх Мирза был родным братом деда Байрам-хана Султана Махмуда Мирзы. Таким образом, Бабур был двоюродным дядей Байрам-хана. И по этой линии Байрам-хан и Хумаюн были троюродными братьями.

Таким образом, Мирза Нураддин Махмуд и Байрам-хан были двоюродными братьями по линии Паша-бегум. Соответственно, жена Байрам-хана Салима Султан-бегум, по линии своего отца, была Байрам-хану и Хумаюну двоюродной племянницей, а Акбару – троюродной сестрой.

Эти данные не совпадают с тем, что следует из сказанного о родственных связях Байрам-хана с Салимой Султан-бегум в первой книге Акбарнама (см. выше), однако из самого текста памятника установить, которая из версий является более верной, не представляется возможным.

Весной 1558 г. Байрам-хан, сопровождал Акбара в Сирхинд, где на тот момент покоился саркофаг Хумаюна, после чего, вместе с армией, вернулся в Дели, где оказался втянутым в споры между богословами (Акбарнама II, 16+21) [10, т. 2, с. 101–103, 130–136].

В 1560 г. Байрам-хан впервые упоминается как тот, кто совершил деяние, не совместимое с приемлемыми в окружении Акбара нормами. По его приказу был казнен личный погонщик слона Акбара, хотя этот человек не был виноват в том, что управляемый им слон повел себя агрессивно. Хотя Акбар и не придал этому поступку особого значения, репутация Байрам-хана при дворе пошатнулась (Акбарнама II, 23) [10, т. 2, с. 138–144].

В дальнейшем, политические и административные решения Байрам-хана не раз приводили к росту напряженности в стране, что последовательно снижало его авторитет в глазах как окружения Акбара, так и самого правителя (Акбарнама II, 24) [10, т. 2, с. 145–151].

Одновременно с этим процессом, Акбар всё больше брал власть в свои руки, всё меньше обращаясь к Байрам-хану по вопросам, касающимся управления страной. Особенно неприятно было Байрам-хану его частичное отстранение от военных вопросов.

К середине 1560 г. такое положение дел стало вызывать у Байрам-хана серьезное беспокойство. В результате, окруженный льстецами и подхалимами, военачальник стал планировать собственные военные действия по наведению порядка в том виде, в каком он сам его себе представлял. Постепенно это вылилось в фактическое противостояние с планами и замыслами Акбара (Акбарнама II, 24–26) [10, т. 2, с. 149–158].

В августе 1560 г. в Пенджабе произошло открытое столкновение войск, ведомых Байрам-ханом, и армии Акбара. В результате войска Байрам-хана потерпели тяжелое поражение (Акбарнама II, 27) [10, т. 2, с. 159–160]. В сентябре 1560 г. Байрам-хан был смещен с должности главнокомандующего и управляющего страной. Его место при дворе Акбара занял Муним-хан, а в армии – Атка-хан (Акбарнама II, 29) [10, т. 2, с. 168–176].

Сам Байрам-хан с верными силами отступил в Тальвару. После того, как за ним туда двинулись войска Акбара, Байрам-хан решил прекратить сопротивление и сдаться, признав все свои ошибки. И Акбар принял его и простил, разрешив при этом совершить хадж, в который Байрам-хан и отправился (Акбарнама II, 31) [10, т. 2, с. 178–175].

В январе 1561 г., в Паттане, где Байрам-хан остановился по пути в Мекку, он был убит афганскими разбойниками. Один ударил его кинжалом в спину, другой поразил мечом в голову (Акбарнама II, 32) [10, т. 2, с. 199–201].

Так скончался Байрам-хан. Последними его словами были «Аллах Акбар». По велению Акбара он был похоронен с почестями, достойными верховного правителя (Акбарнама II, 32) [10, т. 2, с. 202].

О жизни Бирбала совершенно точных данных нет. Считается, что он родился в бедной брахманской семье в Тикван-пуре (округ Канпур), при рождении получил имя Махеш-дас. Датами его жизни принято считать 1528–1586 гг. [7, с. XIII].

После службы при дворах разных раджей, где проявились его необыкновенные способности и ум, Бирбал в начале 1560-х гг. попал ко двору самого Великого Могола. Своей сообразительностью и остроумием, а также поэтическим и писательским талантами, он обратил на себя внимание Акбара, и тот наградил его большим именем, присвоил титул эмира (что соответствовало индийскому радже) и множество других титулов, например, «мудрый советник», «царь поэтов», «вершитель правосудия». Тогда же Махеш-дас получил и новое имя – Раджа Бирбар («царь из героев»),

впоследствии вошедший в индийские языки как «Бирбал» (Акбарнама III, 8) [10, т. 3, с. 52].

Именно Бирбал, как полагают, был одним из инициаторов и искренним приверженцем «дин-и иллахи» («божественной веры») – нового учения, связанного с именем Акбара [4, с. 247].

Как известно, «дин-и иллахи» – это синкретическая религиозная доктрина, созданная Акбаром Великим в надежде объединить ислам, индуизм и некоторые положения других религий Империи Великих Моголов, а именно христианства, джайнизма и зороастризма. Акбар полагал, что новая религия устранил религиозную рознь между его поданными [9, с. 209–222].

Дин-и иллахи признавала единство Бога (разумеется, под именем Аллаха), который открывал себя в различных религиях с разных сторон. Новое вероучение сочетало идеи ислама, индуизма, христианства, зороастризма и джайнизма, критически переосмысленных в окружении Акбара. Особое внимание учение уделяло Солнцу и огню, как это было принято у зороастрийцев и индуистов. Акбар сам совершал возжигание неугасимого пламени, носил брахманский шнур и особый знак на лбу. Примечательно, что при дворе Акбара была запрещено есть мясо [5, с. 135].

Приветствовались при дворе Акбара также внимание и уважение к другим религиям. Сам властитель в своей резиденции Фатехпур-Сикри учредил ибадат-ханэ (молитвенный дом), где представители различных школ религиозной мысли – мусульмане, индусы, парсы, джайны и христиане – участвовали в философских диспутах на различные темы [3, с. 191–192].

Изучая разные учения, Акбар пришёл к мысли, что все религии прославляют единого Бога, и, следовательно, никакая из них не обладает монополией на истину. В этом случае религиозные распри не должны иметь никакого смысла [3, с. 192].

Итак, в результате размышлений и бесед со своим окружением в 1581 г. Акбар Великий объявил о создании нового учения дин-и иллахи. Судя по всему, оно всегда представляло собой более этическую, нежели религиозную систему. Вожделие, чувственность, клевета и гордость рассматривались в ней как грехи, а набожность, благоразумие, воздержание и доброта почитались как основные добродетели. Душа очищалась посредством жажды общения с Богом. Убийство животных было запрещено. Примечательно, что новое учение не имело собственных священных писаний и иерархов, признавая все существующие писания и служителей. Тем не менее, многие мусульманские авторитеты сразу объявили дин-и иллахи вероотступничеством. Примерно такой же была реакция и со стороны служителей других культов [9, с. 210–216].

Следует также заметить, что такое отношение к новому учению, особенно со стороны мусульман, могло быть вызвано и еще одним обстоятельством. Дело в том, что в дин-и иллахи отчетливо просматривался культ самого Акбара. Во-первых, благосклонность правителя прямо зависела от

того, насколько его приближенный был предан ему лично. Причем эта преданность, очевидно, должна была выражаться в поклонении Акбару как божеству, в том числе и в рамках следования правилам дин-и иллахи. Поскольку Акбар позиционировал свое учение как реформу ислама, происходящую через 1000 лет после откровения пророка Мухаммеда [2, с. 207–211], правитель, как считают некоторые исследователи, не возражал, чтобы его объявили новым пророком. В частности, именно так предлагают толковать в рамках дин-и иллахи формулу «Аллах велик» («Аллаху акбар») – а именно, «Бог – это Акбар».

Сложность, отсутствие массовой поддержки, а также, возможно, культ правителя, привели дин-и иллахи к тому, что оно распространилось лишь в придворных кругах, да и то ненадолго. Так, главнокомандующий императорской армии Раджа Ман Сингх отказался обратиться в новую религию, утверждая, что признаёт только индуизм и ислам. Кроме самого Акбара, единственным, кто остался приверженцем новой религии до самой смерти, был великий визирь Бирбал.

На одной из площадей Фатехпур-Сикри до сих пор стоит двухэтажный дом, в котором причудливо переплетаются черты мусульманской и индуистской архитектуры. Этот дом в 1572 г. Акбар Великий приказал построить для Бирбала и навел на него там. Таким образом, Бирбал был удостоен великой чести проживать в новой столице по соседству с самим великим правителем (Акбарнама III, 60) [10, т. 3, с. 617].

Согласно источникам, Акбар Великий почти никогда не расставался со своим любимым советником и брал его с собой во все военные походы. В одном из сражений Бирбал погиб, тело его не было найдено. Говорят, что Акбар в течении долгого времени оплакивал его смерть, которая, по всей видимости, произошла в результате предательства, а не военного поражения.

Имя Бирбала окружено множеством легенд и преданий. Его образ, созданный индийским народом, живет в сказках, смешных историях и анекдотах. Его заметными гранями являются политическая гибкость, не переходящая при этом в подхалимаж, и природная смекалка. Вот лишь один пример.

Настало время подвести итог. За свои деяния Бирбал удостоился того, чего не было дано большинству великих мира сего, в т. ч. ни Байрамхану, ни даже самому Акбару Великому, – доброй народной памяти. Хотелось бы закончить словами одного индийского предания. После смерти Бирбала Акбар спросил его сына: «Сколько жен сожгли себя на погребальном костре вместе с телом твоего отца?». Тот ответил: «Три: Смелость, Щедрость и Мудрость. Четвертая, Добрая слава, осталась жить!» [1, с. 5].

Список использованных источников

1. Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала. – М.: Наука, 1978. – С. 269.
2. *Chaurasia, R. S. History of Medieval India: From 1000 A.D. to 1707 A.D. / R. S. Chaurasia.* – New Delhi: Atlantic Publishers & Dist., 2002. – 337 p.

3. *Eraly, A. Emperors of the Peacock Throne: The Saga of the Great Mughals / A. Eraly.* – New Delhi: Penguin Books India, 2000. – 555 p.
4. *Farooqui, S. A. A Comprehensive History of Medieval India: Twelfth to the Mid-eighteenth Century / S. A. Farooqui.* – New Delhi: Pearson Education India, 2011. – 415 p.
5. *Puskar-Pasewicz, M. Cultural Encyclopedia of Vegetarianism / M. Puskar-Pasewicz.* – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. – 290 p.
6. *Ray, S. Bairam Khan / S. Ray.* – Institute of Central and West Asian Studies, Faculty of Arts, University of Karachi, 1992. – 287 p. (с. 247).
7. *Sarin, A. V. Akbar and Birbal / A. V. Sarin.* – New Delhi, Puffin Books, 2005. – 143 p.
8. *Sharma, S. R. Mughal Empire in India: A Systematic Study Including Source Material / S. R. Sharma.* – New Delhi, Atlantic Publishers & Dist, 1999. – Vol. 3.
9. *Smith, V. A. Akbar the Great Mogul, 1542–1605 / V. A. Smith.* – Oxford: The Clarendon Press, 1917. – 379 p.
10. *The Akbarnama of Abu'l Fazl: transl. from the Persian by H. Beveridge.* – Calcutta: Arunima Printed Works, 2000. – Vol. 3.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

Д. В. Пясецкий

Белорусский государственный университет, Минск

D. Piasetski

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476ВКЛ)«13/14»(092)+94(438)«13/14»

**ТИТУЛ «НАИВЫСШИЙ КНЯЗЬ ЛИТВЫ»
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО И ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В 1386–1413 ГГ.**

**THE TITLE “THE HIGHEST PRINCE OF LITHUANIA”
IN THE RELATIONS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA AND THE KINGDOM OF POLAND
IN 1386–1413 YEARS**

В статье рассматривается вопрос политического сюзеренитета польского короля Владислава Ягайло над Великим Княжеством Литовским в 1386–1413 гг. Это прослеживается через использование специального титула «наивысший князь Литвы», который в это время принадлежал Ягайло. Основное внимание принадлежит тому, что польский король Владислав II воспринимал территорию Великого Княжества Литовского как свою личную собственность в составе Ягеллонской унии. Отмечено, что Великое Княжество Литовское входило в состав Ягеллонской унии именно как собственность короля Владислава, а новый титул позволял легализовать власть польского короля в Великом Княжестве Литовском.

Ключевые слова: Ягеллоны; Великое Княжество Литовское; наивысший князь Литвы.

In the article we consider the issue of the political suzerainty of the Polish King Vladislav Jagiello over the Grand Duchy of Lithuania in 1386–1413. This can be traced through the use of

the special title “the highest Prince of Lithuania”, which belonged to Jagiello in this time. The main attention belongs to the fact that the Polish King Vladislav II perceived the territory of the Grand Duchy of Lithuania as his personal property as part of the Jagiellonian Union. We have noted that the Grand Duchy of Lithuania was part of the Jagiellonian Union precisely as the property of King Vladislav, and the new title made it possible to legalize the power of the Polish king in the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: Jagiellons; Grand Duchy of Lithuania; the Highest Prince of Lithuania.

В конце XIV в. Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ/Княжество) вступает в особый период своей истории, когда оно тесно связано с Польским королевством. Актуальность нашей работы состоит в необходимости рассмотрения титула короля Польши, прослеживании и установлении связи между государственно-политическими процессами, а также трансформации правящих династий в ВКЛ и Польском королевстве в 1386–1413 гг.

Вопросу унии между двумя государствами в этот период посвящено большое количество специальной литературы, созданной под влиянием идей национальных школ XX в. Данной проблемой в историографии XX–XXI вв. занимались О. Халецкий, С. Кутшеба, Л. Коланковский, Х. Ловмянский, Х. Пашкевич, Ю. Бардах, Г. Блащик в исследованиях по унии между ВКЛ и Польским королевством, а также истории двух государств в эпоху Ягеллонов; исследуя происхождение и деятельность Сейма ВКЛ, М. К. Любавский также анализировал межгосударственные отношения двух держав в XIV–XVI вв. Вопросами знати и политических элит в ВКЛ в XIV–XV в. занимались М. В. Довнар-Запольский, В. И. Пичета, Р. Петраускас в исследованиях по истории социально-экономического, политического и культурного развития ВКЛ затрагивали вопрос унии ВКЛ и Польского королевства. Вопросами исследования династической истории и легализации власти правителя в ВКЛ занимается А. В. Любый; титула правителя ВКЛ – О. И. Дернович. Исследуя власть великого князя литовского, Э. Гудавичюс затрагивает тему развития унийных отношений в конце XIV–XVI вв.

Основной комплекс источников был опубликован в археографических сборниках А. Левицкого (Codex epistolaris...), И. Даниловича (Skarbiec duplmatow...), С. Кутшебы и В. Семковича (Akta unji Polski z Litwą...), которые опубликованы в Польше. В Беларуси на сегодняшний момент опубликован сборник документов (Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст. ...), содержащий переводы некоторых документов; совместно с российскими историками были опубликованы «Полоцкие грамоты» в 2015 г. Наличие материалов актового и законодательного характера позволяет проанализировать использование, роль и компетенции титула наивысшего князя Литвы в к. XIV – нач. XV в. Таким образом, на основании сложившегося нарратива в историографии, комплексно анализируя актовые источники конца XIV–начала XV в., мы можем исследовать вопрос титула «наивысший князь Литвы» по отношению к деятельности короля Польши и установления связи между государственно-политическими процессами.

В этом исследовании мы попытались проследить закономерность использования титула «наивысший князь Литвы» в отношениях ВКЛ и Королевства Польского, обозначить конкретные моменты, через которые произошло соподчинение родственных правителей и монархов в одной династии. При этом следует придать важное значение месту его использования в формулярах актов, законодательных и эпистолярных источников. Данный титул в документах не употребляется отдельно, но используется в месте сразу после королевского в отношении монархов из династии Ягеллонов.

Впервые в истории ВКЛ данная титулатура упоминается во времена правления Ольгерда для обозначения его главенства в правлении с Кейстутом [1, с. 65]. При этом он подчёркивал положение великого князя как самого главного (верховного) правителя в Великом Княжестве Литовском, которое позже перешло к Ягайло.

После смерти Ольгерда титул принимает т. н. «спящее» состояние, т. е. факт её использования был, однако, пока она не актуальна, то не используется. Ситуацию меняет факт унии между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским, который мы связываем с коронацией Ягайло в 1386 г. Однако нельзя обойти стороной Кревский акт 14 августа, где великий князь Ягайло обещает венгерской королеве Елизавете, что в случае, если она выдаст за него свою дочь Ядвигу и т. д. Самый интересный, по нашему мнению, пункт договора заключён в оригинале под латинским словом «applicare», который традиционно принято рассматривать как «присоединить» [Княжество к Короне]. Х. Ловмянский приводит несколько расшифровок значения этого слова, которое проявляется в двух смыслах: во-первых, вассализация Великого Княжества Литовского в пользу Короны Польской, во-вторых, смена физического владельца какого-либо объекта, в нашем случае ВКЛ [2, с. 58].

Анализируя ряд документов, где употреблялся этот термин в эту эпоху, Х. Ловмянский высказывает мнение, что, в данном случае более правдоподобна вторая интерпретация термина «applicare» [2, с. 58]. Развивая эту идею, можно заключить, что Княжество – объект собственности великого князя Ягайло, который пообещал передать его королю польскому, если королева Елизавета согласится на условия, изложенные в Кревском акте. В данном случае Ягайло поклялся передать Великое Княжество Литовское от себя как великого князя себе как королю польскому, если будет одобрен как кандидатура мужа для Ядвиги.

Создание унии путём выбора и коронации Ягайло как короля польского определило дальнейшее развитие отношений ВКЛ с Королевством Польским. Употребление титула «наивысший князь Литвы» мы видим уже 1 марта 1386 г. в листе Михаила Явнутовича, где он применяет его в отношении короля Владислава [3, с. 6]. С этого момента можно говорить об употреблении титула «наивысший князь Литвы» в отношении польского короля. В актах чаще всего встречается две формулировки этого титула:

«supremus dux Lithuaniae» и «princeps supremus Lithuaniae», которые стоит переводить одинаково. Разные варианты употребления титула возможно рассматривать как то, что политический институт сюзеренитета ещё не был так развит внутри династии Гедиминовичей и через титулатуру просматривается в таком виде.

Однако действительное и реальное влияние Владислава Ягайло на ВКЛ наблюдается ещё с 1386 г. Существует документ от 13 марта 1386 г., где Ягайло в соглашении с королевой Ядвигой и королевской Радой определили литовского князя Скиргайло правителем в Княжестве. По акту его подчинённое королю положение отмечается тем, что Скиргайло упоминается как «princeps dominus» (первый господин. – *Д. П.*), а это в свою очередь говорит ещё и о том, что документально он занимал положение первого среди равных литовских князей, что безусловно было в интересах короля Владислава [3, с. 9].

Что касается реального проявления власти сюзерена, то можно указать, что в «Полоцких грамотах» присутствует привилей 27 апреля 1387 г. от короля польского Владислава Ягайло в адрес своего брата Скиргайло на Трокское, Менское и Полоцкое княжения. Интересная особенность этой грамоты заключается в том, что титул присутствует на печати, что говорит о формальном сопровождении титула «наивысший князь Литвы» вместе с королевским титулом на всех государственных документах [4, с. 81]. Здесь наблюдается интересный момент, связанный с тем, что устанавливается традиция, при которой первый среди равных литовских князей владеет большим территориальным доменом, который на примере Скиргайло был установлен через Полоцкое, Минское и Трокское княжества.

Наблюдается общая тенденция, что после коронации Ягайло идёт череда присяжных листов в адрес Ягайло, Ядвиги и Короны Польской и что немаловажно – детям Ягайло и Ядвиги, которых еще нет на тот момент [3, с. 10–14; 16].

Политическая борьба в конце 80-х – начале 90-х гг. XIV в. привела к заключению Островского соглашения 1392 г. Присяга привела к переменам на политическом поле ВКЛ: Ягайло отдаёт ему в домен отцовские наследственные земли. И так получается, что Витовт теперь владел доменом в состав которого, входили: Брест, Луцк, Гродно и Троки, что является серьёзными территориальными владениями, однако о полной независимости Витовта речи по тексту не идёт [3, с. 26–27].

Однако, здесь интересна ситуация, связанная с тем, кому приносил присягу Витовт. Этот акт был присягой в адрес сначала Ядвиги как королевы Польши, короля Владислава, а также Короне Польской, но внутри Княжества все политические перемены выполнены от имени короля Владислава, что является очередным примером сюзеренитета со стороны Ягайло. В чём же причина того, что Витовт дал присягу прежде всего королеве Ядвиге? Можем выдвинуть следующую версию: было необходимо завязать присяж-

ные отношения с собственно Королевством Польским, через общепризнанную королеву, обладавшей большей легитимностью внутри Короны, чем Ягайло.

Однако, несмотря на это, необходимо учитывать, что расширение частного домена Витовта внутри ВКЛ осуществляет король Владислав, а не королева Ядвига, которая не обладала правами на реализацию внутренней политики в ВКЛ от своего имени. Так, Витовт стал первым среди равных литовских князей в ВКЛ. Статус Скиргайло и Витовта (до 1413 г.) имеет много общего: признают верховную власть Ягайло и подчиняются его решениям, не являются полноправными монархами ВКЛ (мы не знаем о факте их коронаций), власть наивысшего князя Литвы продолжает действовать в виде его компетенций, о которых будет сказано ниже. Однако есть и существенное различие, которое заключается в том, что Витовт проявил и оформил партикуляристские тенденции в политике ВКЛ от Короны. И здесь необходимо понимать положение Ягеллонской унии на данный момент развития, суть которой в том, что Княжество – владение не собственно Королевства Польского, а личное владение короля Владислава, который реализует удобную ему политику от своего имени.

Специфика Островского соглашения помимо выше обозначенных моментов заключается и в том, что возникла необходимость в поручительстве за Витовта со стороны его жены княгини Анны. Известно два её присяжных листа: один из которых в адрес королевы Ядвиги, как одному из контрагентов соглашения, а другой – короля Владислава. Так, мы видим подтверждение того, что Ядвига присоединена как одна из сторон договора и в обоих актах было утверждено, что «Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен» [3, s. 27–29; 5], что подтверждает гипотезу о том, что Ядвига – это дополнительный посредник в соглашении, которая своей личностью выводит обязательства Витовта в адрес Короны Польской. Более того, в обоих актах княгини Анны есть формулировка, что обязательства по верности и защите действуют с тех пор как «Витовт ... как только пост свой займёт». Вероятно, формулировка «пост займёт» несёт смысл занятие должности «главного литовского князя» в виде ставленника короля Ягайло в ВКЛ.

Какими же были полномочия наивысшего князя Литвы Ягайло в период конца XIV в.? Ответ на этот вопрос нам дадут документы данного периода. Так, он имел полномочия назначать наместника в Великом Княжестве Литовском, регулировать отношения между князьями Великого Княжества Литовского, передавать отдельные княжества и территории в составе ВКЛ, управлять территорией Княжества и передавать это право [3, s. 27, 34–36; 7]. При этом следует иметь в виду, что Ягайло исполнил обязательства по Кревскому акту 1385 г. по крещении Великого Княжества Литовского в католицизм, что он делает как наивысший князь Литвы при назначенном наместнике в 1387 г. [7, с. 13].

Существует несколько документов об урегулировании внутривосточных отношений между князьями Витовтом и Скиргайлой. Так, в г. Белз 6 декабря 1392 г. было заключено два акта, которые фиксируют политическое положение внутри ВКЛ. Это акт о примирении Скиргайло и Витовта, где Ягайло фигурирует как «наивысший князь Литвы» [6; 8, s. 17] и документ от имени Ягайло такой же сути, но его титулатура предполагает титул «великий князь Литвы», что является скорее исключением из правила, так как этот титул вакантен и право его использования принадлежит Владиславу как верховному сюзеру.

Историк М. К. Любавский указывает на то, что в 1398 г. Витовт, не заручаясь поддержкой Ягайло, пытался установить мирные переговоры с Тевтонским орденом при уступке части Жмуди. Однако текст прелиминарного договора содержит тот факт, что Витовт может запросить у Ягайло разрешение в виде «маестатной печати» на эту уступку, если сочтёт нужным [9, с. 25; 10, s. 314].

Это имело определённые последствия: в 1403 г. Витовта заставили дать присягу, по которой он без ведома Ягайло не будет заключать договоров и соглашений ни с Ливонским ни с Тевтонским орденами [9, с. 32; 3, s. 47–48]. О. Халецкий развивает эту мысль в случае, когда Витовт в 1404 г. заключил очередное соглашение с крестоносцами, и за это король Владислав отобрал из его личного домена Кременецкое княжество [11, s. 178–179], после чего была заключена очередная присяга Витовта в адрес короля и Короны [3, s. 48–49].

Дальнейшее развитие политико-правовых отношений между ВКЛ и Королевством Польским было вызвано смертью королевы Ядвиги в 1399 г. Дело в том, что она была одним из контрагентов в ряде рассматриваемых нами актов: присяжные листы на её имя и на имя короля Владислава, и что важнее – на имя их детей, которых в силу естественных обстоятельств быть уже не могло. Исходя из этого возникла необходимость вновь присягнуть королю Владиславу и Короне Польской [3, s. 33]. Л. Коланковский единственный из представителей польских историков первой половины XX в., который высказал мнение, что Виленско-Радомские акты не обновили политико-правовое положение между двумя государствами. Исследователь высказывает свою точку зрения, которая гласит, что договоры 1401 г. фактически оставили положение, существовавшее до этого [12, s. 30]. Х. Ловмянский, развивая эту мысль и делает интересное заключение, ссылаясь на присяжный лист литовских князей и бояр от 18 января 1401 г., где заметил, что положение Великого Княжества Литовского в унии показывает следующая формулировка: «*supremum principatum terrarum earundem Litwanaie caeterorumque dominiorum suorum*» (Владислав, король и т. д., взявши его (Витовта) на наивысшее княжество Литовское своё. – Д. П.) [12, s. 69; 3, s. 39–40]. Однако Х. Ловмянский делает из этого вывод, что Ягайло передал ему титул наивысшего князя Литвы, через передачу права на управле-

ния в ВКЛ [2, s. 70]. Мы же с этим мнением согласиться не можем, так как в будущем данная титулатура всё равно остаётся за королём Владиславом, и дальнейшие акты эту версию не подтверждают. Таким образом, этот документ как бы уточняет правовое положение ВКЛ, которое в тогдашнем понимании являлось «наивысшим княжеством Литовским» и было неотъемлемой частью Ягеллонской унии как личная собственность короля Владислава, но не Королевства Польского.

Более того, виленский акт Витовта от 18 января 1401 г. содержит в себе формулировку, на основании которой С. Кутшеба и В. Семкович сделали предположение о существовании документа, который передавал от имени короля Владислава прав на управление ВКЛ в отношении Витовта, который не сохранился [3, s. 33]. Мы можем высказать гипотезу, что этим документом могло быть и Островское соглашение 1392 г., которое предполагало так называемый «пост». И ещё один важный момент заключается в том, что в этом документе Витовт называет короля Владислава «rex Poloniae ... supremumque principatum terrarum suarum Luttuaniae» (король Польши ... наивысший князь земель его литовских. — *Д. II.*) [3, s. 35], что говорит о том, что территория ВКЛ находится в личной собственности монарха. И в это подтверждении нужно учесть, что переписяга отдельных князей [3, s. 41–44] и Господарской рады [3, s. 36–41] предполагала, что после смерти Витовта ВКЛ вернётся в собственное владение короля Владислава, а князья и Рада будут признавать только его как господина.

В Радомском акте от коронной Рады от 11 марта 1401 г. король Владислав упоминается в том числе и как «supremum principem Lithuaniae» [3, s. 45–46].

Политико-правовые отношения между двумя государствами существенно меняются после Грюнвальдской битвы и окончания Великой войны 1409–1411 гг. Заключенные акты в Городло-над-Бугом в 1413 г., по мнению, Л. Коланковского изменили систему подчинения ВКЛ, а уния вступила в стадию не логического развития, а наоборот деградации [12, s. 46–48]. Это объясняется несколькими фактами и снова титулатурой: за Витовтом впервые в межгосударственных отношениях с Королевством Польским был употреблён титул «великий князь литовский», что ситуацию меняет достаточно кардинально: если раньше он был наместником наивысшего князя Литвы, первым среди равных, то теперь за ним был признан фактический монарший титул, система подчинения претерпела явную деградацию на примере того, что был добавлен пункт о выборности короля в случае его бездетной смерти и наоборот [3, s. 60–72]. По нашему мнению, данное изменение вызвано не только политическими предпосылками, но и династическими: у короля на тот момент не было сына и престол передать было некому. Поэтому молодая династия в Королевстве Польском еще была в неокрепшем положении и её права на престол не были окончательно оформлены. Таким образом, ситуация складывается не в пользу коро-

ля Владислава и сделала уверенный шаг для ВКЛ в пользу самостоятельности.

Помимо этого, в текстах Ягайло упоминается как «наивысший князь Литвы», что также отобразено на его печати [3, s. 60].

Таким образом, наиболее вероятно, что польский король Владислав-Ягайло воспринимал ВКЛ в 1386–1413 гг. как свой личный домен, который не был присоединён к собственно Короне Польской, но отождествлялся с монархом и посредством титула «наивысший князь Литвы» власть короля осуществлялась в Княжестве. Титул смог легализовать власть польского короля Владислава в ВКЛ и после коронации Ягайло в 1386 г. стал составным элементом польского королевского титула.

Стоит сказать, что данный элемент титула польского короля будет сохраняться на протяжении XV и XVI вв. и будет претерпевать эволюцию своих компетенций вместе с изменением статуса унии между ВКЛ и Польским королевством, где польский король Владислав Ягайло является верховным сюзереном.

Список использованных источников

1. Дзярновіч, А. «Дзень народзінаў» Вялікага Княства Літоўскага: тытулатура вялікага князя літоўскага і праблема суверэнізацыі ВКЛ у сярэдзіне XIII – пачатку XV ст. / А. Дзярновіч // Актуальныя праблемы гісторыі і культуры: Вялікае Княства Літоўскае: заканадаўчае забяспячэнне дзяржаўнага суверэнітэту / Інстытут Гісторыі НАН Беларусі; сост. В. Ф. Голубеў [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – С. 57–82.

2. *Łowmiański, H. Polityka Jagiellonów* / H. Łowmiański, K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – XII, 673 s.

3. Akta unji Polski z Litwą 1385–1791 / Polska Akademia Umiejętności, Towarzystwo Naukowe Warszawskie; uкл.: S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków: Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1932. – 570 s.

4. Полоцкіе граматы XIII – пачатку XVI в.: в 2 т. / редкол.: А. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – Т. I. – 864 с.

5. Гагуа, Р. Б. Островские акты княгини Анны / Р. Б. Гагуа, О. Ф. Жилевич // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV междунар. научнопракт. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 145–148.

6. Помнікі права Беларусі XIV–XVI ст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній / Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. – Мінск: БелНДДАС, 2015. – 388 с.

7. Гагуа, Р. Б. Акты мірнага дагавора ў Белзе ад 6 снежня 1392 г. як гістарычная крыніца / Р. Б. Гагуа // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.) / рэдкал.: В. І. Кураш (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2019. – С. 59–68.

8. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti: w 3 t.* / Polska Akademia Umiejętności; uкл. A. Lewicki. – Kraków: Drukarnia “Czasu”, 1891. – Т. 2: 1382–1445. – LXXVII. – 531 s.

9. *Любавский, М. К.* Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. – М.: Университетская типография, 1901. – 1100 с.

10. Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi litewskiej i ościennych im krajów: w 2 t. // ukl. Ignacy Daniłowicz. – Wilno: Druk. A. H. Kirkora i sp, 1860. – T. 1. – 391 s.

11. *Halecki, O.* Dzieje Unii Jagiellońskiej / O. Halecki. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1919. – T. 1.: W wiekach średnich. – 482 s.

12. *Kolankowski, L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – T.1: 1377–1499. – Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1930. – 474 c.

(Дата подачі: 24.02.2023 г.)

A. P. Раюк

Незалежны навуковец, Мінск

A. R. Rayuk

Independent scientist, Minsk

УДК 94(476) «1863/1915»

УРБАН КРУПСКИ (1863–1915): АД БЕЛАРУСКАГА НАРОДНІКА ДА КРАЁЎЦА-КАНСЕРВАТАРА

URBAN KRUPSKY (1863–1915): FROM A BELARUSIAN NARODNIK TO A CONSERVATIVE KRAJOVETS

У артыкуле выяўляецца, як праз Урбана Крупскага многія ідэі народнікаў-«гоманаўцаў» значна паўплывалі на погляды і праграмы краёўцаў-кансерватараў Беларусі ў пачатку XX ст.

Ключавыя словы: народніцкая група «Гоман»; Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі; беларускі палітычны кансерватызм; краёўцы; Урбан Баніфацевіч Крупскі; Эдвард Адамавіч Вайніловіч.

The article reveals how via Urban Krupsky many ideas of the "Homon"'s narodniks significantly influenced the views and programs of the Krajowcy conservatives of Belarus in the early XXth century.

Key words: "Homon"'s narodniks; Minsk agricultural society; Belarussian political conservatism; the Krajowcy; Urban Krupsky; Edward Voinilovich.

У сваёй кнізе «Гісторыя Беларусі» (1925) Мітрафан Доўнар-Запольскі ў раздзеле «Зародкі нацыянальнага адраджэння» адзначаў: «У Пецярбургу гуртком студэнтаў выдаецца нелегальная газета “Гомон”. Гэта быў першы прадвеснік» [1, с. 449]. Беларускі гісторык Алена Сакольчык ідэі народнікаў-«гоманаўцаў» абагульніла наступным чынам: а) прызнанне беларускага этнасу як «асобнай галіны славянскага племені» з адпаведным выплучэннем двухбаковага пратэсту і супраць русіфікацыі, і супраць паланізацыі; б) абавязковы ўздым «маральнага, разумовага і эканамічнага ўзроўню народа», даць народу магчымасць праявіць свой «нацыянальны геній <...> свабодна развіваць сваю культуру і распараджацца ў сваім унутраным жыцці»;

в) наданне права беларусам «на аўтаномную федэратыўную самастойнасць у сям’і іншых народнасцей Расіі», змагаючыся разам з партыяй «Народная воля» супраць царскага самадзяржаўя [2, с. 338–339]. А гістарычнае значэнне «Гомона», паводле А. Сакольчык, заключаецца «ў сфармуляванні і тэрэтычным доказе існавання самастойнага беларускага народа, што ў многім каталізавала розныя формы мясцовай грамадскай ініцыятывы» [2, с. 339].

Алег Латышонак указваў, што ў тэкстах беларускіх народнікаў назіраюцца два розныя падыходы: арганічная праца на карысць уласнага беларускага народу (публіцыстыка «Данілы Баравіка») і інтэрнацыянальная рэвалюцыя (публіцыстыка «Шчырага Беларуса», які на самой справе выказваў погляды не беларускіх народнікаў, а рускага кіраўніцтва «Народнай волі»), якое не хацела дзяліць партыю на асобныя нацыянальныя арганізацыі [3, с. 116].

Сцяпан Александровіч вызначыў, што кіраўнікамі студэнцкай народніцкай групы «Гомон» былі Аляксандр Марчанка і Хаім Ратнер, а ў асноўны склад групы (ядро) уваходзілі таксама Урбан Крупскі, Марцін Стацкевіч і Станіслаў Нясціошка-Буйніцкі, з якім былі звязаны менш уплывовыя члены – Лявонцій Насовіч, Баляслаў Рынкевіч, Марцэлій Янчэўскі, Л. Гардзішча, Арцём Высоцкі, Аляксандра Ратнер (сястра Хаіма) і інш. [4, с. 10].

Андрэй Унучак пра ўплыў ідэй беларускага народніцкага часопіса «Гомон» на беларускіх сацыялістаў пачатку ХХ ст. адзначыў: «Мы не бачым механізму трансляцыі тэксту – проста не выяўлена. Часопіс не цытуецца ў “Нашай ніве”. Але самае істотнае, што ва ўспамінах, перапісцы таго перыяду згадкі пра “Гомон” мы не сустракаем аж да Першай сусветнай вайны» [5, с. 43]. Ігар Марзалюк дадаў: «Пра існаванне “Гомона” ў Мінску ведалі. І Адам Багдановіч ведаў пра яго са слоў мінскіх і віцебскіх народнікаў. Іншая справа, ці чытаў ён яго сам, бо лічыў, што “Гомон” быў беларускамоўным выданнем» [5, с. 43]. А. Унучак ацаніў, што пецяярбургскі «Гомон» не зрабіў вялікага ўражання на народнікаў у Мінску (як пацвярджаецца сведчаннем А. Багдановіча, аднаго з кіраўнікоў мінскай арганізацыі «Народнай волі») і ўплыву на інтэлігенцыю «нашаніўскага» перыяду [2, с. 488].

Польскі гісторык Рышард Радзік прывёў інфармацыю ад дзесяча сацыялістычнага руху Вітальда Наркевіча-Ёдкі (1864–1924), які нарадзіўся ў Слуцку, скончыў слуцкую гімназію і ў 1903 г. надрукаваў у лонданскім часопісе «Przedświt» нататку пад назвай «3 прычыны беларускай адозвы», дзе ўказвалася: «Маем перасцярогу, каб намаганні групы БРП (Беларускай рэвалюцыйнай партыі. – А. Р.) не напаткаў лёс яе папярэднікаў – рэдактараў «Гомона». Пад такой назвай у 1882 г. выдаваўся гектаграфічны часопіс на рускай мове, які паставіў перад сабой мэту стварыць беларускую інтэлігенцыю і культуру. Яго рэдактарамі былі маладыя палякі, якія знаходзіліся ў навучальных установах Пецяярбурга і падчас вучобы пачулі ў сябе прыналежнасць да беларускага народа. Рэчаіснасць, якая не давала ніякага пад-

мацавання іх памкненням, і адсутнасць рэальнай рэвалюцыйнай праграмы вельмі хутка зрабілі з іх звычайных літоўскіх філістараў, акрамя маленькай групы, якая абмаскалілася» [6, с. 56–57]. І Р. Радзiк дапусціў тое, што В. Наркевіч-Ёдка разумеў слова «палякі» максімальна шырока і што ў рэдагаванні падпольных часопісаў прымалі ўдзел у тым ліку асобы «рускага роду, польскай нацыі», асабліва калі ўлічыць сацыяльны склад тагачаснага студэнцкага асяроддзя [7, с. 302]. Аднак Р. Радзiк усё ж заключыў, што народнікі-гоманаўцы «не пакінулі пасля сябе ні непасрэдных прадаўжальнікаў, ні выразных слядоў у свядомасці стваральнікаў беларускасці дарэвалюцыйнага перыяду ХХ ст.» [7, с. 306].

У дадзеным артыкуле мы ставім за мэту выявіць, ці мела дзейнасць народніцкай групы «Гомон» непасрэдных прадаўжальнікаў і якія ўплывы на погляды беларускіх палітычных дзеячоў канца ХІХ – пачатку ХХ ст. яна зрабіла. Для гэтага нам спатрэбілася адшукаць факты біяграфіі аднаго з удзельнікаў народніцкай групы «Гомон» – Урбана Баніфацевіча Крупскага (1863–1915). Ён нарадзіўся 15 ліпеня 1863 г. у фамільным маёнтку Навасёлкі Ігуменскага павета ў сям’і сярэднезаможнага беларускага двараніна-католіка Баніфацыя Урбанавіча Крупскага (1822–1903) і яго жонкі Стэфаніі Фларыянаўны Свіды (1841–1896) і быў хрышчаны ў каталіцтва [8].

Баніфацый Крупскі скончыў слуцкую гімназію і прыродазнаўчы факультэт Санкт-пецярбургскага ўніверсітэта, а пасля рэалізоўваў сялянскую рэформу (1861), быў выбраны на пасаду міравога пасрэдніка Ігуменскага павета, заслужыўшы прызнанне і павагу жыхароў сваёй акругі, і заснаваў у Навасёлках народную школу. Ён не быў прыхільнікам узброенай барацьбы супраць расійскай улады, але ўсё ж удзельнічаў у Студзеньскім паўстанні (1863–1864), заняўшы пасаду паўстанчага камісара Ігуменскага павета. Хутка быў арыштаваны, прысуджаны да пазбаўлення правоў стану, канфіскацыі маёнтка Навасёлкі і высылкі на катаргу на 8 гадоў. У Сібір у 1864 г. па сваёй волі з Баніфацыем Крупскім адправілася яго жонка Стэфанія, пакінуўшы дома дваіх малых дзяцей (у тым ліку Урбана). Ва Уsole ў сям’і Крупскіх нарадзіліся яшчэ дзве дачкі. У жніўні 1874 г. Баніфацый Крупскі атрымаў дазвол вярнуцца на радзіму; спачатку паехаў у Варшаву, а пазней вярнуўся ў Мінскую губерню, у 1876–1880 гг. жыў у маёнтку Мяцвявічы Слуцкага павета, які належаў яго сёстрам, у 1883 г. стаў членам Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (МТСГ).

Урбан Крупскі нарадзіўся ў час, калі бацька быў вязнены ў Мінску, таму маці Стэфанія прынесла немаўля прама ў вязніцу, каб бацька змог пабачыць сына [8]. апеку над дзецьмі Крупскіх узяла сястра Баніфацыя – Леакадзія Урбанаўна Арачэўская, у якой у маёнтку Васільчыцы ў Слуцкім павеце Урбан Крупскі правёў свае першыя 10 гадоў жыцця [8]. Бацькі добра пазналі Урбана Крупскага толькі пасля пераезду ў Мяцвявічы. Гімназію Урбан Крупскі скончыў у Слуцку, а ў 1878 г. паступіў у Санкт-пецярбургскі ўніверсітэт на фізіка-матэматычны факультэт [8].

Ва ўніверсітэце ён уключыўся ў беларускую студэнцкую групу, якая спачатку называлася «Беларуская грамада» (1881), а пазней «Сацыяльна-рэвалюцыйная беларуская народная партыя» (1882), «Беларуская арганізацыя» (1883–1884) і «Гоман» (1884), якая выдавала газету «Гомон». Сходы групы ў Пецярбургу адбываліся ў тым ліку на кватэры Марціна Стацкевіча і Урбана Крупскага [4, с. 11]. У ліку іншых членаў групы Урбан Крупскі быў затрыманы, дапрошаны расійскімі ўладамі і папаў пад следства; універсітэт скончыў толькі ў 1887 г. [4, с. 11; 8].

У 1889 г. жонкай Урбана Крупскага стала дваранка Гелена Свіда, якая памерла ў 1901 г., але паспела нарадзіць чатырох сыноў – Чэслава (1889–1940), Конрада, Януша (1898–1939) і Стэфана. Пасля шлюбу Урбан Крупскі асеў і гаспадарваў у сваім маёнтку Засулле Мінскага павета (каля Стоўбцаў), у тым жа 1889 г. стаў членам МТСГ – і з таго часу, пазбягаючы ідэй сацыяльнага радыкалізму, энергічна ўключыўся ў дзейнасць многіх афіліятыўных арганізацый МТСГ. Так, з 1889 г. быў адным з дырэктараў Мінскага таварыства вінакурнікаў [9, с. 192].

У МТСГ, у якім пачалі згрупоўвацца мясцовыя заможыя і ўплывовыя ліберальна-кансерватыўныя маянткоўцы, Урбан Крупскі сышоўся з яго кіраўніком – Эдвардам Вайніловічам (выпускніком случкай гімназіі), а таксама іншымі аўтарытэтнымі дваранамі-землеўласнікамі як Мінскай губерні, так і суседніх. У 1899 г. Урбан Крупскі быў выбраны ў члены Рады МТСГ, дзе засядаў побач з Эдвардам Вайніловічам, князем Геранімам Друцкім-Любецкім, графам Каралем Чапскім, графам Ежы Чапскім, Яўстахам Любанскім, Раманам Скірмунтам, Міхалам Валовічам і інш., бо пастаянна перавыбіраўся на гэтую пасаду да самай сваёй смерці ў 1915 г. Аб хутка атрыманым уплыве і аўтарытэце сярод карэнных маянтковых дваран Мінскай губерні сведчыла тое, што Урбан Крупскі на пасяджэнні МТСГ 10 снежня 1899 г. у Мінску быў выбраны ў члены распарадкага камітэта па ўладкаванні Юбілейнай сельскагаспадарчай і саматужна-прамысловай выстаўкі МТСГ у Мінску, якая адбылася ў 1901 г. [10, с. 5]. У 1900 г. Урбан Крупскі разам з Аляксандрам Любанскім, Эдмундам Барткевічам, Марыянам Хелхоўскім і Эмануэлем Абрампальскім увайшоў у рэвізійную камісію новастворанага Мінскага таварыства ўзаемнага сельскагаспадарчага страхавання (ад агню) [9, с. 237]. З 1901 г. часта жыў у Мінску: у 1910–1911 гг. у доме Ленскага (завулак Захар’еўскі), а ў 1913 г. у доме Поляка (на вулгу Петрапаўлаўскай і Захар’еўскай вуліц).

У 1902–1903 гг. многія члены МТСГ (у тым ліку яго лідар Эдвард Вайніловіч) прынялі актыўны ўдзел у працы Мінскага губернскага камітэта Асобнай нарады аб патрэбах сельскагаспадарчай прамысловасці, дзе імі была разгорнута дыскусія як пра гаспадарчае, так і культурнае і палітычнае становішча беларуска-літоўскіх губерняў у Расійскай імперыі. У мінскі павятовы камітэт Нарady былі выбраны такія члены МТСГ, як браты граф Караль Чапскі і граф Ежы Чапскі, князь Геранім Друцкі-Любецкі, Міхал

Ленскі, Вільгельм Ельскі, Урбан Крупскі, Рамуальд Хелхоўскі, Францішак Лянтоўскі, Альгерд Свіда. 20 ліпеня 1902 г. на пасяджэнні мінскага павятовага камітэта Урбан Крупскі выказаў прапанову, што паколькі большасць пытанняў праграмы Асобнай нарады датычацца сялянскіх гаспадарак, то на пасяджэнні камітэта неабходна запрасіць сялян або ўпаўнаважаных ад сельскіх таварыстваў, якія б і патлумачылі камітэту аб сваіх патрэбах. Крупскі заўважыў, што паколькі селянін у цяперашні час знаходзіцца адасобленым ад астатняга насельніцтва, і таму пазбаўлены магчымасці ў пастаянных зносінах з больш развітымі людзьмі пашырыць свой разумовы круггляд і атрымаць палепшанае выхаванне, то хай бы гэтак запрашэнне сялян было першым пачынаннем да знішчэння гэтай адасобленасці [11, с. 177]. Гэтым Крупскі арыентаваў дваран-землеўласнікаў на кансалідацыю з простым беларускім сялянствам.

У 1903 г. у Дынабургу сельскагаспадарчая выстаўка, арганізаваная Віцебскім таварыствам сельскай гаспадаркі, па сутнасці ператварылася ў значны з’езд беларуска-літоўскіх дваран-землеўласнікаў. На выстаўцы выступіў лідар МТСГ Эдвард Вайніловіч і адкрыта заявіў сябе беларусам па нацыянальнасці, што было заўважана прысутнымі [12, с. 72]. Яўгеніўш Ромер, які чуў прамову Вайніловіча ў Дынабургу, у сваім дзённіку адзначыў, што тое самае было і ў 1901 г. падчас выстаўкі ў Мінску [12, с. 72]. Вайніловіч у Дынабургу ў аптымістычнай прамове па-польску заклікаў маянткоўцаў трымацца за зямлю і дадаў у канцы беларускамоўнае выслоўе «*Ромahaј Воже!*», сказаўшы, што многія народы прайшлі праз Беларусь, «але нязменным застаўся той карэнны беларускі народ, які ў хвілінах бяды прыпадаў да роднай зямлі і ў ёй чэрпаў суцэшэнне і сілу <...> і кончу, звяртаючыся да вас, землеўласнікі, нашым родным [выслоўем] “Памагай Божа!”» [13, с. 18].

Памятныя кніжкі Мінскай губерні і календары газеты «*Kurjer Litewski*» зафіксавалі вельмі актыўны і шырокі ўдзел Урбана Крупскага ў адміністрацыйных, гаспадарчых і культурных арганізацыях Мінскай губерні. Так, у 1906 г. ён быў кандыдатам (намеснікам) земскага гласнага ад Мінскага павета ў Мінскім губернскім камітэце па справах земскай гаспадаркі, а ў 1912–1914 гг. – гласным у мінскім павятовым земскім сходзе. З 1908 г. быў членам, а ў 1913–1914 гг. ужо значыўся сярод старшын Мінскага грамадскага сходу (разам з Ігнатам Віткевічам, скарбнікам МТСГ, Міхалам Валовічам, Эмануэлем Абрампальскім і інш.). У 1908 г. па ініцыятыве случкага аддзела МТСГ, дзе з 1905 г. віцэ-старшынёй быў брат Урбана Крупскага – Станіслаў, у МТСГ была створана камісія (Урбан Крупскі, Францішак Лянтоўскі, С. Трускаласкі, К. Загорскі, Уладзіслаў Лопат, Канстанцін Дзямідэцкі-Дзямідовіч, граф Уладзіслаў Замойскі) для стварэння ў Слуцкім павеце дапаможна-пазыковай касы для афіцыялістаў і сельскіх работнікаў [9, с. 214]. У 1910 г. Урбан Крупскі і Міхал Ястржэбскі ўпаміналіся як віцэ-старшыні (пры старшыні Яўстаху Любанскім) мінскага аддзела Усерасійскага саюза вінакурнікаў. У 1907 г. у Мінску было створа-

на таварыства «Ognisko» (на чале з Яўстахам Любанскім), дзе скарбнікам стаў Урбан Крупскі, а ў 1909 г. апошні ўпамінаўся як член рады «Ognisko», у 1910 г. – як член нагляднай рады Польскага таварыства «Асвета» ў Мінску, а ў 1912 г. як член гімнастычнага таварыства «Sokol».

У маі 1907 г. адбыліся выбары віцэ-старшыні МТСГ (каб быць намеснікам старшыні – Эдварда Вайніловіча), на якіх Урбан Крупскі (ад 70 галасуючых асоб) атрымаў 33 галасы, а Раман Скірмунт – 32 [14]. Вайніловіч прапанаваў Крупскаму прыступаць да абавязкаў, аднак пазней усё ж палічылі, што выраз «простая большасць» у статуте МТСГ трэба разумець як «абсалютная большасць» [15]. У кастрычніку 1907 г. адбыліся паўторныя выбары, калі віцэ-старшынёй МТСГ стаў Скірмунт. Члены МТСГ больш за ўсё цанілі і былі ўдзячны выдатнай дзейнасці Урбана Крупскага ў 1905–1909 гг. на пасадзе аднаго з дырэктараў праўлення Мінскага таварыства ўзаемнага крэдыту (МТУК), а ў 1909–1915 гг. ужо на пасадзе старшыні МТУК. Сябры характарызавалі яго ў тэя часы як сур’эзнага, заўсёды спакойнага, жорсткага на першы погляд, маламоўнага, адважнага, шчырага, спагадлівага і справядлівага чалавека [8]. Адносіны паміж Урбанам Крупскім і Раманам Скірмунтам былі добрыя. 21 мая 1912 г. Урбан Крупскі стаў сузаснавальнікам Мінскага таварыства аматараў прыродазнаўства, этнаграфіі і археалогіі, якое ставіла за мэту вывучэнне прыроды, культуры і гісторыі Мінскай губерні і шырэй, а створаны таварыствам у 1912 г. мінскі гарадскі музей стаў асновай сучаснага Нацыянальнага гістарычнага музея Беларусі. 20 кастрычніка 1912 г. Рамана Скірмунта адзінагалосна выбралі пажыццёвым членам таго таварыства [16, с. 11].

Акрамя таго, Урбан Крупскі вельмі любіў паляванне, для чаго з вялікай кампаніяй ездзіў у прыватныя лясы сваіх сяброў – графаў Чапскіх і нявіжскіх князёў Радзівілаў. Паводле Марыі Чапскай, блізкімі сябрамі дому графаў Чапскіх у Прылуках былі маянткоўцы-суседзі – Міхал Ленскі з маёнтка Хотавы, Ядвіга Любанская (з роду Кеневічаў) з Лошыцы, Зянон Ленскі з жонкай Анетай, Пётр Ваньковіч з жонкай Габрыэлай (з роду Горватаў) са Сляпянкі, а ў Станькаве (бо было больш ясоў для палявання) – маянткоўцы Альгерд Свіда, Урбан Крупскі, Зянон Ленскі, а з Варшавы – пан Пульбяноўскі і пралат Зыгмунт Хелміцкі (заўзяты паляўнічы) [17, с. 144–145].

У пачатку XX ст. МТСГ становіцца галоўным цэнтрам распрацоўкі ліберальна-кансерватыўнага кірунку так званай «краёвай ідэі» («краёвай канцэпцыі»), якая сумяшчала ў сваёй праграме аўтанамісцкія («краёвыя»), ліберальныя і інтэрнацыянальныя лозунгі (у тым ліку заяўленне пра беларусаў як пра асобны славянскі народ), а яе цэнтральнай ідэяй было ўвядзенне ў Расійскай Імперыі адміністрацыйна-тэрытарыяльнай аўтаноміі кіравання сваім беларуска-літоўскім «Краем» (з мясцовым парламентам у Вільні). Нашчадкі разгромленых паўстанцаў 1863–1864 гг., калі ішла гаворка пра поўную дзяржаўную незалежнасць «Края» ад Расійскай Імперыі, разумелі, што цяпер аўтаномія ў складзе Расіі – гэта максімум, чаго можна патраба-

ваць ад цара. Урбан Крупскі належаў да краёўцаў-кансерватараў і з даверам ад выбаршчыкаў актыўна ўдзельнічаў з 1906 г. у выбарчым камітэце Мінскага павета да выбараў у Дзяржаўную Думу, Дзяржаўны Савет Расійскай Імперыі і мінскае земства [8; 18], хоць католікам з 1907 г. заўсёды ставіліся вялікія перашкоды з боку ўлад.

Урбан Крупскі памёр ад працяглай хваробы 17(30) мая 1915 г. у Мінску і быў пахаваны сваякамі ў маёнтку Засулле 22 мая (4 чэрвеня) 1915 г. у прысутнасці сяброў і калег, а галоўным прамоўцам над труной быў князь Геранім Друцкі-Любецкі [19; 20]. Сын Урбана Чэслаў Крупскі стаў папличнікам Эдварду Вайніловічу [21, с. 247, 249], рэдактарам газеты «Dziennik Miński», членам Рады БНР, членам Камітэта абароны Крэсаў (1918), выканаўцам абавязкаў навагрудскага ваяводы (1921) і соймавым паслом (1938–1939) Польшчы.

Такім чынам, дзейнасць і сетка кантактаў Урбана Крупскага сведчаць не проста аб «эстафетнай» пераемнасці, а непасрэдным уплыве многіх ідэй «гоманаўцаў» (у першую чаргу, аб асобнасці і самабытнасці беларускага народа, палітычнай суб’ектнасці Беларусі ў форме аўтаноміі ў складзе Расіі, абуджэнні беларускай самасвядомасці і прагрэсіўнага развіцця грамадства) на погляды ліберальна-кансерватыўнага каталіцкага маянтковага дваранства Беларусі (галоўным чынам, членаў МТСГ), якія распрацавалі кансерватыўны варыянт «краёвай канцэпцыі» ў пачатку ХХ ст. і не саромеліся адкрыта называць сябе беларусамі.

Аб значэнні прадмовы да «Дудкі беларускай» (1891) Францішка Багушэвіча, якая лічыцца своеасаблівым маніфестам беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння ў канцы ХІХ ст., М. Доўнар-Запольскі напісаў: «Багушэвіч у наступстве быў вельмі папулярны ў беларускім асяроддзі, але цяпер цяжка сказаць, у якой меры яго кніжка, выдадзеная ў Кракаве, была вядома ў самой Беларусі, але выказаныя ім ідэі спавядаліся тады многімі» [1, с. 450]. На нашу думку, тое самае можна сказаць і пра беларускія палітычныя рухі канца ХІХ – пачатку ХХ ст.: ідэю палітычнай суб’ектнасці Беларусі і асобнасці беларускага этнасу выказвалі не толькі беларускія сацыялістычныя групы, але і, у першую чаргу, беларускія ліберал-кансерватары з ліку маянтковых дваран.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Довнар-Запольскі, М. В.* История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 678 с.
2. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – 573 с.
3. *Латышонак, А.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны ХVІІІ ст. да пачатку ХХІ ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2013. – 368 с.
4. *Александровіч, С.* Яны выдавалі «Гоман» / С. Александровіч // Літаратура і мастацтва. – 1970. – № 46. – С. 10–11.
5. Метрыка нацыянальнай ідэі. Круглы стол да 130-годдзя выдання часопіса «Гомон» // Беларуская думка. – 2014. – № 12. – С. 38–45.

6. Wroń [Narkiewicz-Jodko, W.] Z powodu odezwy białoruskiej / Wroń // Przedświt. – 1903. – № 2. – S. 53–57.
7. *Радзік, Р.* Вытокі сучаснай беларускаці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе XIX ст. / Р. Радзік; пер. з польск. мовы Н. Дзенісюк; навук. рэд. С. Рудовіч; С. Токць. – Мінск: Медысон, 2012. – 376 с.
8. Ś.p. Urban Krupski // Kurjer Litewski. – 1915. – № 136. – S. 1.
9. *Jurkowski, R.* Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza / R. Jurkowski. – Warszawa: Przegląd Wschodni, 2001. – 606 s.
10. Отчет Юбилейной сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки, устроенной в г. Минске в 1901 году Минским обществом сельского хозяйства. – Минск: И. и В. Тасман, 1902. – 179 с.
11. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXI. Минская губерния. – СПб.: Исидор Гольдберг, 1903. – 444 с.
12. *Romer, E.* Dziennik: w 2 t. / E. Romer. – Warszawa: Interlibro, 1995. – T. 1. 1914–1918. – 639 s.
13. W Dźwińsku. Zjazd okręgowy. Uroczyste otwarcie zjazdu, 1 września // Kraj. – 1903. – № 36. – S. 18.
14. Mińsk // Kurjer Litewski. – 1907. – № 103. – S. 3.
15. Echa Mińskie // Kurjer Litewski. – 1907. – № 233. – S. 3.
16. Известия Минского общества любителей естествознания, этнографии и археологии. – Минск: Д. Форин, 1914. – Вып. 1. – 58 с.
17. *Czapska, M.* Europa w rodzinie. Czas odmieniony / M. Czapska. – Kraków: Znak, 2014. – 384 s.
18. Ś.p. Urban Krupski // Świat. – 1915. – № 26. – S. 12.
19. Ś.p. Urban Krupski // Kurjer Litewski. – 1915. – № 130. – S. 1.
20. Pogrzeb ś. p. Krupskiego // Kurjer Litewski. – 1915. – № 135. – S. 2.
21. *Woyńłłowicz, E.* Wspomnienia. 1847–1928 / E. Woyńłłowicz. – Wilno: Józef Zawadzki, 1931. – cz. 1. – 368 s.

(Дата падачы: 27.02.2023 г.)

О. Д. Русин

Белорусский государственный университет, Минск

O. Rusin

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“1944|1965”+329.733(476)“1944|1965”

РОЛЬ ВЫСШЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР (1944–1965 ГГ.)

THE ROLE OF HIGHER AGRICULTURAL EDUCATION IN THE PROCESSES OF SOCIAL MOBILITY OF THE RURAL POPULATION OF THE BSSR (1944–1965 YEARS)

В данной статье высшее сельскохозяйственное образование рассмотрено в качестве одного из социальных лифтов сельского населения БССР. Выявлены основные тенденции в подготовке кадров высшей сельскохозяйственной квалификации в 1944–1965 гг., а также определено, каким образом высшее сельскохозяйственное образование давало возможности социального роста жителям деревень БССР.

Ключевые слова: высшее образование; кадры сельского хозяйства; мобильность; сельское население БССР; колхозы; совхозы.

In this article, higher agricultural education is considered as one of the social elevators of the rural population of the BSSR. The main trends in the training of highly qualified agricultural personnel in 1944–1965 were identified, and it was also determined how higher agricultural education provided opportunities for social growth to the residents of the villages of the BSSR.

Key words: higher education; agricultural personnel; mobility; rural population of the BSSR; collective farms; state farms.

В 1944–1965 гг. происходили изменения в сельскохозяйственном производстве, которые заключались в механизации труда крестьян, создании колхозов в западных областях БССР, постепенном увеличении доли квалифицированных специалистов сельского хозяйства. В сентябре 1953 г. советским руководством была поставлена задача по улучшению положения в сельском хозяйстве и увеличению производства продукции. Эта задача не могла быть решенной без достаточного количества квалифицированных кадров, в том числе и с высшим образованием. Для сельских жителей, которые получали высшее сельскохозяйственное образование, появлялись возможности социального роста, связанного с выполнением квалифицированного труда, престиж и оплата которого были выше, чем у неквалифицированных работников сельского хозяйства. Кадры высшей сельскохозяйственной квалификации работали ветврачами, агрономами, инженерами, выполняли административные функции при колхозах, совхозах, машинно-тракторных станциях. В связи с этим можно говорить о высшем сельскохозяйственном

образовании как одном из возможных социальных лифтов для жителей деревень БССР в изучаемый период.

Цель исследования – раскрыть роль высшего сельскохозяйственного образования в процессах социальной мобильности сельского населения БССР. Для выполнения цели необходимо решить задачи: выявить основные тенденции в подготовке кадров высшей сельскохозяйственной квалификации, проследить, каким образом наличие высшего сельскохозяйственного образования влияло на возможности социального роста сельских жителей БССР.

Отдельные аспекты, связанные с высшим сельскохозяйственным образованием, были раскрыты в советской историографии и современной белорусской историографии. Е. П. Беязо связывала получение высшего образования сельским населением с ростом культурно-технического уровня белорусского крестьянства. И. В. Полуян обратил внимание на нехватку в 1959–1965 гг. кадров высшей квалификации в сельском хозяйстве. Н. В. Смехович рассмотрел отдельные аспекты подготовки кадров для сельского хозяйства, связав эти процессы с попытками улучшения положения в данной отрасли. Однако роль высшего сельскохозяйственного образования в процессах социальной мобильности жителей деревень БССР, место специалистов высшей квалификации в структуре сельского населения республики, возможности социального роста специалистов высшей сельскохозяйственной квалификации остаются нераскрытыми аспектами в отечественной историографии.

Образовательная сеть высших сельскохозяйственных учебных заведений в 1944–1965 гг. была представлена Белорусской сельскохозяйственной академией, Белорусским институтом механизации и электрификации сельского хозяйства, Витебским ветеринарным и Гродненским сельскохозяйственным институтами. Уже в первые послевоенные годы началось восстановление сети высших сельскохозяйственных учебных заведений. В 1945 г. в Минске был открыт институт народного хозяйства имени Куйбышева, а также в г. Горки началась деятельность сельскохозяйственного института. На базе института в г. Горки началась работа в 1948 г. Белорусской сельскохозяйственной академии. В 1953 г. был открыт Гродненский сельскохозяйственный институт. В 1954 г. произошло открытие Белорусского института механизации и электрификации сельского хозяйства в 1954 г. [6, с. 155–159].

В этот период выпуск кадров с высшим сельскохозяйственным образованием не удовлетворял потребности народного хозяйства. Например, среди 29 выпускников 1947 г. сельскохозяйственного института в г. Горки часть осталась работать в республиканском аппарате, часть в областных управлениях сельского хозяйства, а два человека отправились работать в Сумскую область Украинской ССР. В 1951 г. по всей республике было всего 135 инженеров-механиков с высшей квалификацией. В первые послевоенные годы кадры высшей сельскохозяйственной квалификации в большинстве своем были сконцентрированы в административно-управленческом аппа-

рате районных органов по руководству сельским хозяйствам, машинно-тракторных станций (МТС) [3, с. 65–67].

После пленума в сентябре 1953 г. колхозы и совхозы стали укрепляться квалифицированными кадрами, которые стали непосредственно включены в повседневную работу сельскохозяйственных предприятий. Потребность сельского хозяйства в кадрах приводила к тому, что каждую следующую пятилетку планировалось удваивать выпуск сельскохозяйственных кадров, как с высшим, так и средним образованием [12, с. 44]. С 1953 г. отмечена тенденция укрепления кадрами высшей квалификации руководящих должностей колхозов. За 1953–1958 гг. количество председателей с высшим образованием выросло с 78 до 320, агрономов с 17 до 408, зоотехников с 2 до 171, ветврачей с 4 до 21. Всего же, на 1958 г. количество руководящих сельскохозяйственных кадров с окончанным высшим образованием насчитывалось 920 [2, с. 56–58].

Конкуренция за место в рядах студентов сельскохозяйственного ВУЗа в 1950-е гг. была высокой. В Белорусской сельскохозяйственной академии в 1954 г. на поступление был высокий конкурс, который составлял 7 человек на одно место, на отдельные специальности – до 18–22 человек. Конкуренция за место в рядах студентов говорит о престижности специальности среди молодежи [1, с. 46–49].

По данным переписи населения 1959 г. в колхозах, совхозах и других государственных предприятиях сельскохозяйственного производства специалистов с высшим образованием насчитывалось 3375. В период 1958–1965 гг. число занятых работников совхозов с высшим образованием выросло с 5,3 % до 9,9 %. В 1959–1965 гг. количество инженеров с высшим образованием в колхозах варьировалось в пределах от 384 до 629, а среди ветврачей, зоотехников, лесоводов и агрономов количество людей с высшим образованием было в пределах от 2392 до 3453 [13, с. 155].

Постепенно происходило увеличение контингента студентов заочной формы обучения. В 1950 г. все 225 выпускника с высшим образованием по сельскохозяйственному профилю обучались в очной форме. Набирала популярность заочная форма получения высшего образования, например из 1580 выпускников 1959 г. на дневном отделении обучалось 1377. Через периодическую печать сельская молодежь ориентировалась на работу в колхозах при одновременном заочном обучении [4, с. 13]. В 1950-х гг. в ВУЗах сельскохозяйственного профиля в БССР было подготовлено более 7 тыс. специалистов, а за 1960–1965 гг. уже 10,4 тыс. [5, с. 47–50]. На протяжении 1958–1965 гг. количество выпускников ВУЗов по сельскохозяйственному профилю ежегодно варьировалось от 1275 до 1548 [22, с. 122–124]. Показатели выпуска специалистов высшей сельскохозяйственной квалификации оставали от промышленности, образования. Это не позволяло решить вопрос комплектации кадрами колхозы и совхозы БССР. В то же время положительные сдвиги в подготовке специалистов с высшим сельскохозяй-

ственным образованием наблюдались в 1950–1960-е гг., поскольку каждый год количество студентов росло. На 1965 г. во всех сельскохозяйственных ВУЗах БССР на всех курсах обучалось около 16 тыс. студентов [6, с. 255–260].

В 1959 г. усилилась роль колхозов и совхозов в подготовке кадров высшей сельскохозяйственной квалификации. Постановление Совета Министров СССР от 18 сентября 1959 г. регламентировало прием на учебу посылаемых колхозами и совхозами на учебу в ВУЗы работников. Для поступающих по направлению от данных типов предприятий предусматривалось внеконкурсное зачисление. Руководители колхозов и совхозов выплачивали за счет своих предприятий стипендии студентам, которые были отправлены на обучение. Получение высшего образования было один из путей улучшения подготовки организаторов в области сельского хозяйства [6, с. 241–247]. Лучшим выпускникам Минской партийно-советской школы, которая повышала квалификацию партийных работников без высшего образования, по итогам выпуска давалось направление на учебу в Белорусской сельскохозяйственной академии или других ВУЗах по данному профилю [10, л. 8–9]. Чаще всего, рекомендация давалась тем выпускникам, чья профессиональная деятельность была связана с сельским хозяйством [9, л. 4–6].

За 1944–1965 гг. полностью не удалось решить проблему с работниками сельского хозяйства высшей квалификации. Примечательны цифры 1966 г., согласно которым на 1 тыс. работников сельского хозяйства приходилось 2,7 человек с высшим и средне-специальным образованием. Для сравнения, в промышленности БССР этот показатель составлял 26 [5, с. 33].

Использование сельскохозяйственных кадров с высшим образованием происходило в разных типах хозяйств неравномерно. На 1958 г. при общем числе в 7659 специалистов сельского хозяйства высшей квалификации по БССР на МТС работало 2072 [17, с. 52–55]. После ликвидации МТС кадры с высшим образованием стали переходить на работу в колхозы или совхозы. Совхозы были более предпочтительным местом для работы кадров высшей сельскохозяйственной квалификации. Это было вызвано как более высоким размером заработной платы в государственном секторе сельскохозяйственного производства, так и большей технической оснащенностью совхозов. В 1965 г. из 2350 колхозов инженеры с высшим образованием были только в 120 хозяйствах. В совхозах ситуация была иной, из 630 хозяйств было 473, где работали инженерные кадры с высшим образованием. При снижении общего числа инженеров сельского хозяйства за период 1963–1965 гг. с 845 до 614, в совхозах республики численность этих специалистов постоянно росла [8, с. 287–293].

Дефицит специалистов высшей квалификации в хозяйствах был вызван не только темпами подготовки, но и тем, что они использовались на работе в организациях сельхозхимии, лабораториях, сельскохозяйственных

станциях. В 1965 г. в колхозах и совхозах работало 10845 чел. с высшим образованием, а в учреждениях по обслуживанию сельского хозяйства, научно-исследовательских учреждениях, аппарате управления сельским хозяйством еще 8546 [18, с. 277].

Сельские жители с высшим сельскохозяйственным образованием представляли собой производственную интеллигенцию [11, с. 330]. Рост потребности в агрономах, ветврачах, инженерах приводил не только к перераспределению данных кадров между колхозами и совхозами, но и миграции части кадров в города [18, с. 268].

Специалистам с высшим образованием в деревнях БССР, особенно в западных областях БССР, приходилось сталкиваться с недоверием сельского населения к тракторам и комбайнам. Об этом в своих воспоминаниях писали работники МТС Е. И. Милейко и А. И. Белякова, которые работали в Ивьевском и Дятловском районе. Увеличение урожайности и облегчение труда благодаря новым формам работы в сельском хозяйстве постепенно повышало авторитет специалистов высшей квалификации среди жителей деревень [15, с. 23–44].

Большой проблемой для сельского хозяйства было закрепление кадров высшей квалификации в деревнях. В 1959 г. в ВУЗы и средне-специальные учреждения подготовили в БССР 4,8 тыс. специалистов, однако приступили к работе в сельскохозяйственном производстве только 3,6 тыс. Среди выпускников были распространены отказы от работы в деревнях. Многие кадры после отработки распределения уезжали в города и уходили из сельскохозяйственного производства. Влияние на решение молодых кадров с высшим образованием переехать из деревни в город оказывал характер работы, выполняемый специалистами [21, с. 15]. В качестве причин оттока кадров высшей квалификации из деревень можно выделить трудные бытовые условия, а также условия труда с ненормированным рабочим днем [19, с. 123–126]. Также, слабое закрепление кадров с высшим сельскохозяйственным образованием было вызвано несоответствием уровня образования и культуры и характера труда, который приходилось выполнять в сельском хозяйстве [19, с. 141].

О приоритетах кадров высшей сельскохозяйственной квалификации говорил инструктор сельскохозяйственного отдела ЦК КПБ М. Алексеев в 1953 г., который указывал на то, что специалисты отправлялись в экономически сильные колхозы, расположенные недалеко от железнодорожных станций и городов [18, с. 121]. В ряде районных управлений сельского хозяйства на территории Брестской области молодым специалистам выдавались на руки справки, по которым они могли покинуть колхозы и совхозы, куда были распределены.

Таким образом, закрепление кадров высшей сельскохозяйственной квалификации на протяжении 1944–1965 гг. было одной из важнейших проблем для руководства БССР. По СССР за период 1940–1966 гг. около 25 %

выпускников сельскохозяйственных ВУЗов не работали в сельском хозяйстве, отдавая приоритет работе в городах [19, с. 34].

Нерешенность вопроса с кадрами высшей сельскохозяйственной квалификации в 1965 г. подтверждается расчетами Министерства сельского хозяйства. В хозяйствах БССР на этот период не хватало 18 096 специалистов с высшим образованием [18, с. 265]. В Постановлении ЦК КПСС от 9 мая 1963 г. указывалось на то, что некоторые выпускники не работали по специальности, желая оставаться в городах. Для решения этой проблемы предлагалось улучшить жилищные условия для специалистов в сельской местности [20, с. 113].

Обладатели высшего сельскохозяйственного образования могли продолжать свою трудовую деятельность в науке. Например, председатель колхоза Ф. О. Дукель работал над диссертацией по проблеме создания кормовой базы с опорой на опыт своей артели [23, с. 11]. В 1962 г. успешно защитил диссертацию по проблеме экономической эффективности кормового лубина на Полесье Л. Д. Залевский [16, с. 15]. Научные работники опытных станций после защиты диссертаций отправлялись на работу в ВУЗы или руководящие органы сельского хозяйства, а не продолжали трудовую деятельность непосредственно в хозяйствах или опытных станциях [7, с. 33].

Для кадров высшей сельскохозяйственной квалификации существовали возможности работать не на самом предприятии, а в организациях по обслуживанию сельского хозяйства, научно-исследовательских учреждениях, аппарате государственного управления. В самих хозяйствах существовала проблема взаимоотношения руководителей хозяйств и специалистов, особенно в случае, когда руководитель был практиком или имел более низкий уровень образования, чем специалист. Полностью решить вопрос закрепления квалифицированных кадров сельского хозяйства до конца 1965 г. не удалось. Это обстоятельство объясняет тот факт, что в 1959–1965 гг. количество выпускников всех сельскохозяйственных учебных заведений выросло в два раза, а количество занятых в народном хозяйстве в 1,5 раза [13, с. 112–114].

Таким образом, высшее сельскохозяйственное образование в БССР выступало в роли одного из социальных лифтов для сельского населения БССР. Обладатели высшей квалификации в сельском хозяйстве выполняли более оплачиваемый, престижный и квалифицированный труд, в сравнении с полеводцами, животноводцами, механизаторами. В 1944–1965 гг. в колхозах и совхозах БССР был дефицит специалистов высшей сельскохозяйственной квалификации. Он был вызван не только низкими темпами подготовки в ВУЗах, но и слабым закреплением молодых специалистов в деревнях БССР. Тяжелые условия труда, несоответствие уровня подготовки в ВУЗах и характера труда в колхозах и совхозах, наличие возможности трудоустройства в городах - все это обусловило желание молодых специалистов искать возможности переезда из деревни в город, перехода из колхоза в бо-

лее развитые в агротехническом плане совхозы. Наличие высшего образования увеличивало мобильность кадров сельского хозяйства. Именно это обстоятельство не позволило в 1944–1965 гг. укомплектовать ими все колхозы и совхозы нашей республики.

Список использованных источников

1. Белорусская сельскохозяйственная академия / авт.-сост. Н. Н. Добролюбов, В. М. Лившиц. – Минск: Ураджай, 1986. – 126 с.
2. *Белязо, Е. П.* Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму (1951–1960 гг.) / Е. П. Белязо. – Минск: Наука и техника, 1982. – 204 с.
3. *Бяляза, А. П.* Беларускае вёска ў пасляваенныя гады (1945–1950) / А. П. Белязо. – Минск: Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1974. – 175 с.
4. *Виноградов, Г.* Лучший путь в вуз / Г. Виноградов // Калгасная праўда. – 1954. – 13 февр. – С. 13.
5. Внутрикласовые изменения крестьянства / редкол.: М. А. Бабич [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1966. – 46 с.
6. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Минск: Высшая школа, 1972. – 328 с.
7. *Монич З. И.* Интеллигенция в структуре сельского населения: (на материалах БССР) / З. И. Монич; кол. авт. Академия наук БССР, Институт философии и права. – Минск: Наука и техника, 1971. – 166 с.
8. Народное хозяйство БССР: статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – 511 с.
9. Национальный архив Республики Беларуси. – Ф. 1413. Оп. 1. Д. 7. Список слушателей советской партийной школы при ЦК КП Белоруссии набора 1955 г.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1413. Оп. 1. Д. 29. Список выпускников Минской советско-партийной школы выпуск 1959 г.
11. *Носевич, В. Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Л. Носевич. – Минск: Тэхналогія, 2004. – 350 с.
12. *Патоличев, Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Белоруссии XXII съезду КПБ / Н. С. Патоличев. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1956. – 80 с.
13. *Полуян, И. В.* Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики / И. В. Полуян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 222 с.
14. *Раков, А. А.* Население БССР / А. А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 219 с.
15. Рассвет над Неманом: Воспоминания актив. участников колхоз. стр-ва в Гродн. обл. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Гродн. обл. Компартии Белоруссии; редкол.: В. П. Верхось [и др.]. – Минск. Беларусь. – 1982. – 221 с.
16. *Скапа, У. М.* Дысэртацыя паспяхова абаронена / У. М. Скапа // Калгасная праўда. – 1962. – 18 ліп. – С. 15.
17. *Смяховіч, М. У.* Аплата працы ў калгасах і саўгасах БССР (1944–1985 гг.) / М. У. Смяховіч // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. Серыя гуманітарных навук. Humanitarian series. – Мінск, 2015. – № 3. – С. 50–60.
18. *Смяховіч, М. У.* Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт / М. У. Смяховіч. – Мінск: Беларуская навука, 2017. – 439 с.
19. Социальные проблемы села / под общ. ред. К. М. Солнцева [и др.]. – Минск: Ураджай, 1971. – 173 с.
20. Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права; редкол.: А. А. Головки [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1966. – 246 с.

21. Чэховіч, Ф. У школе механізацыі / Ф. Чэховіч // Калгасная праўда. – 1952. – 13 ліст. – С. 15.

22. Экономика Советской Белоруссии. 1917–1967 / АН БССР, Ин-т экономики Отв. ред. чл.-кор. АН БССР д-р экон. наук Ф. С. Мартинкевич. – Минск: Наука и техника, 1967. – 571 с.

23. Яфімаў, А. М. Дысертацыю піша старышня калгаса / А. М. Яфімаў // Калгасная праўда. – 1962. – 30 вер. – С. 11.

(Дата подачи: 24.02.2023 г.)

О. И. Рышкевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Средняя школа № 32 им. Т. Г. Ларионовой, Гродно

O. Ryshkevich

Yanka Kupala State University of Grodno,
School № 32 named after T. G. Larionova, Grodno

УДК 94(476)

**РОЛЬ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ГІСТОРЫЯ: ПРАБЛЕМЫ ВЫКЛАДАННЯ»
В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СТРУКТУРА,
СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ**

**THE ROLE OF THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL
JOURNAL «HISTORY: PROBLEMS OF PUBLICATION»
IN THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL PERIODICALS
OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
STRUCTURE, CONTENT, FEATURES**

В статье анализируются схожие и отличительные черты в структурно-содержательном наполнении научно-методического журнала «Гісторыя: праблемы выкладання» с целью подтверждения его весомого вклада в развитие и популяризацию белорусской исторической науки. Отмечается важность периодических научно-методических изданий для реализации научного потенциала историков. Автор приходит к выводу, что научно-методические издания по истории являются частью научно-исторической периодики Республики Беларусь.

Ключевые слова: историческая периодика; исторические журналы; типологизация; историография.

The article analyzes the similarities and distinctive features in the structural and content content of the scientific and methodological journal “History: problems laid out” in order to confirm its significant contribution to the development and popularization of Belarusian historical science. The importance of periodical scientific and methodological publications for the realization of the scientific potential of historians is noted. The author comes to the conclusion

that scientific and methodological publications on history are part of the scientific and historical periodicals of the Republic of Belarus.

Key words: historical periodicals; historical journals; typology; historiography.

Активное развитие научной исторической периодики Беларуси приходится на 90-е гг. XX в., что совпало с моментом создания независимого и суверенного государства Республика Беларусь.

Вопросы изучения научно-исторической периодики Республики Беларусь остаются актуальными и в настоящее время, где одним из направлений является рассмотрение научно-методических периодических журналов как ее неотъемлемой части. На сегодняшний момент нет отдельного масштабного исследования по изучению научно-методических исторических изданий как группы или части научно-исторической периодики Беларуси. Существуют отдельные статьи, которые носят фрагментарный характер по анализу белорусской научно-исторической периодики. Среди белорусских исследователей, которые затрагивали данный вопрос, можно выделить Д. В. Карева [1], С. М. Токтя [2], И. А. Фролова [3], А. П. Минич [4] и др.

Необходимо отметить, что в первые годы существования независимой Республики Беларусь область изучения и преподавания научно-методических подходов по истории страны была представлена лишь одним журналом «Беларускі гістарычны часопіс» (с 1993 г. по настоящее время) [5]. Позже к научно-методической группе периодических изданий по истории Беларуси присоединились журналы: «Чалавек. Грамадства. Свет» (с 1995–2011 гг.) [6], «Гісторыя: праблемы выкладання» (1997–2011 гг.) [7], «Гісторыя і грамадазнаўства» (с 2011 г. и в данное время) [8]. Данную группу журналов можно считать одной из важных площадок для реализации результатов научной и научно-практической деятельности ученых, специалистов и работников сферы образования и культуры в области изучения белорусской истории.

На примере материалов журнала «Гісторыя: праблемы выкладання» проанализирован вклад этой группы изданий в использовании научно-исторической периодики Республики Беларусь в изучении и преподавании исторических дисциплин.

Неоценимый вклад в развитие белорусской научной периодики внесло Республиканское унитарное предприятие «Издательство “Адукацыя і выхаванне”», которое явилось основателем и издателем многих научно-методических изданий. В 1995 г. по инициативе Владимира Павловича Пархоменко была разработана концепция и организован выпуск научно-методических журналов серии «У дапамогу педагогу» [9; 10]. Данная серия пополнилась с первого квартала 1997 г. ежеквартальным научно-методическим журналом «Гісторыя: праблемы выкладання». Ежеквартально журнал выходил с 1997 по 2003 г., с 2003 по 2006 г. печатался шесть раз в год, с января 2006 г. по июль 2011 г. издавался ежемесячно. Формат и объем журнала также менялся: с 1997 по 2002 г. формат соответствовал

листу А5, количество страниц одного издания примерно равнялось 130; с 2003 по 2011 г. формат стал альбомным, примерное количество страниц одного номера стало около 65. Рабочие языки для публикаций были русский и белорусский. Однако, необходимо отметить, что с 1997 по 2003 г. белорусский язык доминировал в публикациях, а с 2003 по 2011 г. практически все материалы исследований излагались на русском языке.

Основополагающую роль в создании и развитии данного журнала можно подчеркнуть тем, что финансирование являлось бюджетным и работа издания поддерживалась государством.

Огромную роль в развитии журнала оказал бессменный главный редактор (с 1997 по 2011 г.), доктор исторических наук, методолог Николай Иосифович Миницкий, который неоднократно размещал свои работы и как белорусский историк, и свои обращения к читателям как руководитель издания [11]. В своих обращениях к читателям и авторам Н. И. Миницкий всегда подчеркивал важность и значимую роль журнала в сохранении культурного наследия и исторической памяти народа, неразрывную взаимосвязь исторической науки и практики, поднимал проблему создания национального учебника по истории Беларуси.

Научно-методический журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» в первую очередь был рассчитан в помощь учителям-историкам. В журнале находили отражение исследования в области всемирной и национальной истории, методологии исторической науки, размещались материалы новых учебников и рекомендации по работе с ними, нормативные документы Министерства образования Республики Беларусь, касающиеся преподавания истории, календарно-тематическое планирование по истории, программы факультативных занятий и материалы для проведения школьных олимпиад и экзаменов. Приоритетным направлением деятельности журнала оставалась публикация лучших методических разработок уроков истории.

Структура построения рубрик журнала менялась в зависимости от редакционного портфеля. Несомненно, что можно разграничить материалы по содержанию на научно-методические и научно-исторические.

К научно-методическим можно отнести неизменные рубрики: «Теория и методология», «Дидактика и технология обучения», «Организация учебного процесса», «Содержание исторического образования», «Организация методической работы», «Краеведение», «Нормативные документы», «Теория и практика учебника» и др. Например, материал рубрики «Краеведение» можно сочетать применительно к урокам, факультативам и использовать во внеурочной деятельности в объединениях по интересам. В основе краеведческих знаний, применяемых на практике, в первую очередь лежат научно-исторические факты, которые невозможно применить практически, не имея фундаментальную доказательную основу.

Интересными информационными направлениями были наполнены рубрики: «Страницы исторической памяти», «Колонка редактора», «Учителю

на заметку», «Библиотека учителя», «Справочная литература», «Познавательное образование и дидактика», «Юбилеи» и др. Рубрика «Юбилеи» знакомила с выдающимися историками, которые внесли неоценимый вклад в развитие белорусской исторической науки. Рубрика «Страницы исторической памяти» неоднократно и развернуто затрагивали вопросы и проблемы трагических страниц истории белорусского народа. Одной из таких подробно освещаемых трагедий является Великая Отечественная война. Только через сохранение и передачу из поколения в поколение всех ужасов этой войны, возможно рассчитывать на предотвращение подобных событий в истории государства и человечества. Все более широкую необходимость приобретает рассмотрение причин и последствий Великой Отечественной войны в наши дни.

В начале и в конце журнала для любознательных читателей размещалась информация, которая не выделялась в самостоятельные рубрики, но являлась познавательной и информативной: библиографическая презентация, рекомендации для авторов и подписчиков, руководителей учебных заведений, научные связи, стихотворения белорусских и русских поэтов, поучительные выдержки из Библии, поздравления с праздниками и др. Данные материалы легко и непринужденно разбавляли научно-методическое содержание журнала, не нарушая при этом учебно-воспитательное назначение информации.

Опираясь на практическое применение материалов издания, педагогам можно рассчитывать на высокий потенциал уроков и осознанное усвоение знаний, умений и навыков учащимися по историческим дисциплинам, в том числе дополнить информационное пространство учебного процесса, показать многогранность и неисчерпаемость исторических дисциплин.

Следовательно, можно говорить о том, что методическая направленность издания ярко выражена в материалах публикаций данного журнала.

Однако, в журнале были и рубрики, которые указывали и на его весомую научно-историческую составляющую, такие как «Рецензии», «Научная жизнь», «Информация», «Справочная литература», «Информационные материалы», публикации научных статей и документов, которые внесли свой вклад в развитие научной исторической периодики Беларуси.

Содержание публикуемых научных исторических статей весьма разнообразно, охватывает разновременные и разноплановые тематики исторической науки. Не представляется возможным в журнале выделить приоритетные области исторического исследования, определить основополагающий вектор в изложении публикуемых статей. Например, по интересующей автора статьи теме о политической истории ВКЛ в журнале размещено небольшое количество публикаций, по которым нельзя определить, какие из направлений в изучении ВКЛ историками имели большее предпочтение. Среди авторов, которые затрагивали политические аспекты истории ВКЛ, следует отметить Б. Сымона и Л. Курчаву [12], В. Милованова [13], В. Ани-

перкова [14], В. Герасимова [15], С. Грачева [16], В. Вирскую [17], А. Литвинского [18], И. Степанова [19], С. Кудрявцеву [20], С. Чаропка [21], К. Герасимовича [22], З. Конопакскую [23], В. Ермоленко [24], И. Саверченко [25], Р. Гагуа [26], Э. Иоффе [27].

На страницах журнала «Гісторыя: праблемы выкладання» один из самых известных белорусских и советских историков, социолог и политолог, историограф, доктор исторических наук Эммануил Григорьевич Иоффе разместил публикации, которые затрагивали период существования и политического развития ВКЛ [27], приводил методику исследования социально-экономической истории Беларуси [28]. Одной из тем, которая интересовала С. Грачева [16], В. Кудрявцеву [20], Р. Гагуа [26; 29], была тема противостояния и борьбы с крестоносцами. Например, В. Ермоленко и Р. Гагуа посвятили теме о Грунвальдской битве несколько статей [24; 26; 29].

Высокую научную оценку журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» подтвердил и своим вхождением в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований [30]. Многие авторы используют ссылки на научные публикации данного журнала.

Научно-методический журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» несомненно является одним из высоких примеров среди зарождавшейся научно-исторической белорусской периодики. Данными доказательствами являются следующие характеристики: от грамотного руководства и коллектива журнала, сотрудничества с учеными других стран, авторов содержательных материалов, опубликованных исторических источников, вхождением в Перечень ВАК Республики Беларусь и до распространения журнала за пределами страны, в том числе и в интернетпространстве. Журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» шел в ногу со временем отражал и соответствовал всем запросам для развития системы образования Республики Беларусь.

Поскольку первично журнал рассчитан на помощь учителям в преподавании исторических дисциплин, то разумно заметить, что публикуемые научно-методические материалы при их использовании несомненно способствуют повышению качества преподавания истории, совершенствуют образовательную и воспитательную деятельность педагогов государства, помогают их профессиональному росту и развитию.

Материалы, приведенные учеными-историками, молодыми исследователями исторической науки, позволяют сделать вывод, что они несомненно оказали влияние на формирование и развитие научно-исторической периодики Беларуси.

Несмотря на то, что журнал «Гісторыя: праблемы выкладання» как самостоятельная единица исторической периодики прекратил свое существование, все изданные в нем материалы используются, являются актуальными для практического и научного применения и в настоящее время.

Вопрос изучения и роли научно-методической периодики в системе научно-исторической периодики Республики Беларусь остается на начальном этапе осмысления и систематизации опубликованных материалов.

В середине 2011 г. произошло слияние двух журналов «Гісторыя: праблемы выкладання» и «Чалавек. Грамадства. Свет» и на основе этих изданий появился новый научно-методический журнал «Гісторыя і грамадазнаўства».

Список использованных источников

1. *Карев, Д. В.* Изучение истории Беларуси в историографии 90-х годов XX – начала XXI века (Основные проблемы и тенденции изучения истории феодальной Беларуси, белорусской историографии и источниковедения) / Д. В. Карев // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2012. – № 9. – С. 6–15.
2. *Токть, С.* Обзор белорусской исторической периодики [Электронный ресурс] / С. Токть. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/articles/tokc_o/ Токть Сергей_Обзор_белорусской_исторической_периодики.html. – Дата доступа: 15.01.2021.
3. *Фролов, И. А.* Отражение в научной периодике основных направлений исследований по истории Беларуси Нового и Новейшего времени / И. А. Фролов // Вестн БДПУ. Серия 2. – 2016. – № 2. – С. 16–20.
4. *Минич, А. П.* Историческая публицистика Республики Беларусь 90-х годов XX века / А. П. Минич // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы респ. науч.-практ. конф., г. Гродно, 30 сент. 2004 г. / под ред. Е. А. Ровбы, А. Н. Нечухрина, И. П. Крени. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 257–260.
5. Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 124.
6. Чалавек. Грамадства. Свет. – 1995. – № 1. – С. 128.
7. Гісторыя: праблемы выкладання. – 1997. – № 1. – С. 128.
8. Гісторыя і грамадазнаўства. – 2011. – № 1. – С. 72.
9. О нас [Электронный ресурс] // Выдавецтва «Адукацыя і выхаванне». – Режим доступа: <https://aiv.by/stati/o-nas/>. – Дата доступа: 22.02.2023.
10. *Пархоменка, У.* Гістарычны момант у лесе часопісаў / У. Пархоменка // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 1999. – № 2. – С. 3–8.
11. *Миницкий, Н.* Философия исторического образования завтрашнего дня / Н. Миницкий // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2000. – № 1. – С. 3–4.
12. *Сымон, Б.* Асобы ў гісторыі Беларусі (X–XVIII стст.) Праграма факультатыўнага курса для VI–VII класоў / Б. Сымон // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 1999. – № 1. – С. 67–71.
13. *Милованов, В.* Беларусь в начале нового времени (первая четверть XVI в.) / В. Милованов // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2001. – № 1. – С. 78–85.
14. *Аніяркоў, В.* Вялікае княства Літоўскае ў палітычнай сістэме Рэчы Паспалітай / В. Аніяркоў // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2000. – № 4. – С. 64–77.
15. *Герасімаў, В.* Новогородок – Наваградак – Навагрудак / В. Герасімаў // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2000. – № 4. – С. 111–122.
16. *Грачоў, С.* Ваенныя сутыкненні крыжакоў са славянскімі дружынамі (XII–XIII стст.) / С. Грачоў // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу». – 2001. – № 2. – С. 61–70.

17. *Вирская, В.* Белорусская историография в контексте школьного исторического образования (вторая половина 1980 – середина 1990-х гг.) / В. Вирская // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2022. – № 4. – С. 59–74.

18. *Литвинский, А.* Концепция истории ВКЛ и Речи Посполитой в западнорусистской историографии / А. Литвинский // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2003. – № 3. – С. 50–55.

19. *Степанова, И.* Образование и развитие Речи Посполитой / И. Степанова // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2004. – № 2. – С. 28–33.

20. *Кудраўцава, С.* Знешнепалітычнае становішча ВКЛ у канцы XV – першай палове XVI ст. / С. Кудраўцава // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2011. – № 3. – С. 14–17.

21. *Чаропка, С.* Вывучэнне казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гадоў на Беларусі / С. Чаропка // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2005. – № 1. – С. 32–35.

22. *Герасімовіч, К.* Рэфармацыя і Контррэфармацыя ў Заходняй Еўропе. Іх асаблівасці ў ВКЛ. / К. Герасімовіч // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2005. – № 6. – С. 35–40.

23. *Канапацкая, З.* Прававое становішча татараў у Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стагоддзях паводле Статутаў 1529, 1566, 1588 гадоў / З. Канапацкая // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2008. – № 3. – С. 54–58.

24. *Ермоленко, В.* К мечам рванулись наши руки ... : к 600-летию Грюнвальдской битвы / В. Ермоленко // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2010. – № 10. – С. 57–59.

25. *Саверчанка, І.* Люблінская вайскова-палітычная унія 1569 года паміж Вялікім княствам Літоўскім і Польшчай / І. Саверчанка // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2008. – № 2. – С. 6–12.

26. *Гагуа, Р.* Малоизвестные сообщения источников о Грюнвальдской битвы: материалы для учителя / Р. Гагуа // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2010. – № 9. – С. 61–62.

27. *Иоффе, Э.* Восстание под руководством Тадеуша Костюшко и евреи Великого княжества Литовского / Э. Иоффе // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2002. – № 4. – С. 26–35.

28. *Иоффе, Э.* Методика исследования социально-экономической истории Беларуси (XV–XIX вв.) / Э. Иоффе // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 1998. – № 3. – С. 20–27.

29. *Гагуа, Р.* Лісты Ягайлы як крыніцы даследвання Грюнвальдскай бітвы: матэрыялы для настаўніка да тэмы «Беларусь у ВКЛ (другая палова XIII – першая палова XVI ст.)», IX, XI класы / Р. Гагуа // *Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя «У дапамогу педагогу».* – 2010. – № 11. – С. 55–58.

30. Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований в 2005 году: Приказ Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 4 июля 2005 г. № 101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vak.gov.by/article2005-12-13>. – Дата доступа: 26.02.2023.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

Д. Саджади

Белорусский государственный университет, Минск

D. Sadjadi

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(73:532) +322.8+339.9

АМЕРИКАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА (2008–2016 ГГ.)

AMERICAN-SAUDI RELATIONS IN THE CONTEXT OF IRAN'S NUCLEAR PROGRAM (2008–2016 YEARS)

В статье рассмотрены американо-саудовские отношения в контексте ядерной программы Ирана в период президентства Б. Обамы. Особое внимание обращается на отход Соединенных Штатов от жесткой политики в отношении Исламской Республики Иран (ИРИ), что вызвало серьёзное беспокойство правящей саудовской элиты. Сделан важный вывод о том, что ядерная сделка, достигнутая в 2015 г., стала поворотным пунктом в американо-саудовских отношениях. С этого времени противоречия между двумя сторонами только возрастали. Саудовская Аравия открыто демонстрировала свою внешнеполитическую самостоятельность, тем не менее США по-прежнему оставались для нее основным партнером и союзником в ближневосточном регионе.

Ключевые слова: США; Саудовская Аравия; Иран; ядерная программа Ирана; отношения; противоречия; безопасность.

The article considers US-Saudi relations in the context of Iran's nuclear program during the presidency of B. Obama. The positions of the parties on the Iranian nuclear program are analyzed, the departure of the United States from the tough policy towards the Islamic Republic of Iran (IRI), which caused serious concern of the ruling Saudi elite, is shown. An important conclusion is made that the nuclear deal reached in 2015 marked a turning point in US-Saudi relations. Since that time, the contradictions between the two sides have only increased. Saudi Arabia openly demonstrated its foreign policy independence, but the United States remained its main partner and ally in the Middle East region.

The article considers US-Saudi relations in the context of Iran's nuclear program during the presidency of B. Obama. Particular attention is drawn to the withdrawal of the United States from a tough policy towards the Islamic Republic of Iran (IRI), which caused serious concern among the ruling Saudi elite. An important conclusion is made that the nuclear deal reached in 2015 marked a turning point in US-Saudi relations. Since that time, the contradictions between the two sides have only increased. Saudi Arabia openly demonstrated its foreign policy independence, but the United States still remained its main partner and ally in the Middle East region.

Key words: USA; Saudi Arabia; Iran; Iran's nuclear program; relationship; contradictions; security.

Представленная статья посвящена американо-саудовским отношениям в период президентства Б. Обамы (2009–2017). Цель статьи заключается в том, чтобы взаимоотношения между двумя странами рассмотреть через призму иранской ядерной программы, по которой в 2015 г. было достиг-

нуто специальное международное соглашение – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Это Соглашение известно также под названием «ядерная сделка».

Исследование опирается на достаточно широкий круг источников и публикаций на русском, английском и арабском языках. При этом особое внимание уделяется оригинальным материалам, отражающим официальную позицию сторон и прежде всего США и Саудовской Аравии. Автором учтены также научные публикации и экспертные заключения российских и зарубежных авторов по разнообразным аспектам современной ближневосточной политики. Изучение американо-саудовских отношений в недалеком прошлом позволяет лучше понять процессы, происходящие на Ближнем Востоке в настоящее время.

Ядерная программа Ирана восходит ко второй половине 1950-х годов. Причем ее развитие в мирных целях началось при непосредственном участии Соединенных Штатов, а затем и других западных государств. С новой силой она возобновилась только в первой половине 1990-х годов, когда руководство Исламской Республики Иран (ИРИ) подписало соответствующие соглашения с Россией и Китаем.

Интерес Ирана к ядерным технологиям не прошел незамеченным ни в США, ни в ведущих странах международного сообщества. Уже с середины 1970-х гг. Соединенные Штаты начали выражать обеспокоенность в связи с тем, что Тегеран может разработать ядерное оружие [1]. Американские научные круги подогревали подобные настроения, априори исходя из стремления Ирана к овладению технологиями по его созданию. Многочисленные официальные заявления иранской стороны об использовании ядерной программы в мирных целях заведомо в расчет принимались. Тем более игнорировались заявления религиозного характера, например, фетва верховного руководителя ИРИ аятоллы Али Хамени от 2003 г. против ядерного оружия, в которой говорилось, что «производство, накопление и использование ядерного оружия запрещено исламом и что Исламская Республика Иран никогда не будет приобретать это оружие» [2].

Не внес особой ясности в ситуацию и доклад разведывательного сообщества США, вышедший в ноябре 2007 г. под названием «Иран: намерения и возможности в ядерной сфере». В нем «с высокой степенью уверенности» утверждалось, что с осени 2003 г. иранское руководство «приостановило программу создания ядерного оружия». Отмечалось также, что Иран «не имеет ядерного оружия», но «обладает в перспективе научными, техническими и промышленными возможностями» для его производства, если только решится на это» [3]. Прогнозировалось возможное появление атомной бомбы у Ирана в 2010–2015 гг. В то же время доклад свидетельствовал об отсутствии у американского руководства исчерпывающих данных, которые бы подтверждали или опровергали стремление Тегерана к созданию ядерного оружия. Несмотря на это, американская администрация ис-

ходила из необходимости максимального ограничения ядерной программы Ирана.

Между тем после прихода к власти в Иране в 1998 г. президента Мохаммада Хатами в иранской внешней политике наметилась тенденция большей открытости в отношении стран Запада. Иранский президент недвусмысленно подчеркивал важность цивилизационного диалога, а после событий 11 сентября 2001 г. даже выразил желание сотрудничать с США по Афганистану. Однако администрация Дж. Буша-младшего не откликнулась на этот призыв. Она заняла крайне жесткую позицию в отношении ИРИ, придерживаясь политики силового давления. В 2002 г. президент Буш в своем обращении к Конгрессу причислил Иран к «оси зла», обвинил его руководство в финансировании террористических организаций, в стремлении к овладению оружием массового уничтожения. Следует подчеркнуть, что в этом обращении применительно к Ирану использовался термин именно «оружие массового уничтожения», тогда как иракский режим открыто обвинялся в том, что «замышлял» разработку «ядерного оружия на протяжении более десяти лет» [4]. Как отмечал позднее в своих мемуарах Б. Обама, «слова Буша» в обращении к Конгрессу в 2002 г. «захлопнули дипломатическую дверь в отношениях между Америкой и Ираном» [5, р. 453].

Иранские предложения не вызвали интереса у администрации Буша-младшего, которая считала, что США не обязаны идти на уступки иранцам, какими бы незначительными они ни были. Подобная позиция Вашингтона привела к тому, что правительство Махмуда Ахмадинежада, пришедшее к власти в 2005 г., возобновило работу над ядерной программой, воспользовавшись трудностями, с которыми американцы столкнулись в Ираке и Афганистане. В результате позиция Ирана на переговорах с США и странами ЕС по ядерной программе ужесточилась [6].

С приходом к власти Б. Обамы в политике США в отношении иранского ядерного досье наметился сдвиг от жесткой и бескомпромиссной позиции к более гибкой дипломатии и диалогу. В своей инаугурационной речи от 20 января 2009 г. новый президент заявил, что «для мусульманского мира» США готовы предложить «новый путь вперед, основанный на взаимном интересе и уважении», а Ирану «протянуть руку», если он «разожмет кулак» [7].

Спустя несколько дней после этого новый госсекретарь США Х. Клинтон получила от своего заместителя по политическим вопросам У. Бёрнса докладную записку под красноречивым названием «Новая стратегия в отношении Ирана» [8]. В документе Иран определялся в качестве «значительного регионального игрока», что следует особенно подчеркнуть. Исходя из этого основная цель внешней политики США заключалась «в том, чтобы найти долгосрочную основу для сосуществования с иранским влиянием, ограничивая при этом проявление иранских эксцессов, а также в том, чтобы изменить поведение Ирана, но не его режим» [8]. Такой подход серьезно

расходился с политикой предыдущих администраций, которые, хотя и не официально, угрожали Ирану сменой режима, и, конечно же, с позицией Саудовской Аравии. Предвидя трудности на пути реализации новой стратегии, Бёрнс рекомендовал начинать с незначительных, но конкретных шагов. В частности, сначала «задать новый тон» в отношениях с Ираном, а затем «тщательно прощупать почву» и «наладить предварительные контакты с авторитетными иранскими представителями» [8]. Рекомендовалось также более активное участие США в работе группы «5+1» («шестерка») по иранской ядерной проблеме, созданной в 2006 г. из постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии с целью недопущения использования иранской ядерной программы в военных целях.

Почти сразу после иранского Нового года Б. Обама сделал первые шаги на пути реализации нового стратегического плана. Во время выступления в Каирском университете в апреле 2009 г. он подчеркнул право Ирана на обладание мирной ядерной энергией в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия [9]. В мае 2009 г. президент США направил Высшему руководителю Ирана Али Хаменеи письмо, в котором изложил перспективы «сотрудничества в региональных и двусторонних отношениях» и разрешения спора по поводу ядерной программы [10]. Наконец, американская администрация объявила о том, что дипломатические представители иранского правительства могут быть официально приглашены в американские посольства и консульства по всему миру по случаю празднования Дня независимости США [11]. Экспертное сообщество положительно оценивало движение Обамы в направлении предполагаемого американо-иранского диалога. При этом аналитики, отмечая ряд препятствий и проблем на этом пути, обращали внимание американской стороны на необходимость учитывать интересы арабских соседей Ирана и прежде всего Саудовской Аравии [12].

Комментируя ядерную программу Ирана, министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал дипломатично заявил в апреле 2009 г., что Саудовская Аравия приветствует «позитивный подход правительства США к рассмотрению кризисной ситуации вокруг иранского ядерного досье, используя средства дипломатии и диалога» [13, р. 6].

В действительности руководство Саудовской Аравии было более чем обеспокоено актуализацией иранской ядерной проблемы. Внешнеполитический нарратив Королевства в отношении Ирана определялся требованием короля Абдаллы «оторвать голову змее», то есть Ирану, прозвучавшем в его обращении к американскому руководству в апреле 2008 г. [14]. После избрания Обамы президентом саудовцы уже публично высказывались в подобном духе, а принц Турки ибн Фейсал угрожающе заявлял, что с 2011 г. Саудовская Аравия может быть вынуждена приступить к реализации собственной программы создания ядерного оружия [15, р. 93].

Между тем в этом же 2009 г. американское правительство активизировало свою работу в группе «5+1». Прибегая к дипломатии «мягкой силы»

и будучи сторонником прямых переговоров с иранцами, оно тем не менее выступало за суровые международные санкции в отношении Ирана в случае его отказа остановить уранообогатительную программу. Об этом откровенно говорит в своих мемуарах Х. Клинтон [16, р. 412–420]. При активном участии США Совет Безопасности ООН 9 июня 2010 г. принял резолюцию № 1929, введившую против Ирана самые жесткие за всё время санкции [17], которые, как отмечает Клинтон с известным преувеличением, погрузили экономику страны «в состояние хаоса» [16, р. 430]. Наряду с усилением давления на Иран Америка укрепляла военное партнерство в регионе Персидского залива, координировала действия с Израилем. Цель этой политики заключалась в том, чтобы успокоить своих союзников и партнеров. По словам Х. Клинтона, в отношении Ирана «рассматривались все варианты, включая применение военной силы» [16, р. 424]. Одновременно Соединенные Штаты всячески подчеркивали свою готовность к диалогу с иранским руководством. Так, в декабре 2010 г., принимая участие в конференции по безопасности в Персидском заливе, Клинтон заявила, что Иран имеет право на мирную ядерную программу, но взамен должен «развезть всеобщие опасения по поводу своей деятельности в области ядерной энергетики» [16, р. 420].

Как известно, в конце 2012 г. Иран пересмотрел свою позицию в отношении предложений США. В столице Омана состоялись тайные переговоры между представителями США и ИРИ. Правда, ощутимых результатов они не принесли из-за разногласий, существовавших в высшем руководстве Ирана относительно серьезности намерений США [18]. Вскоре ситуация изменилась в связи с избранием в 2013 г. президентом Ирана Хасана Рухани, политика умеренного толка, который сразу же сделал примирительные заявления в адрес международного сообщества и даже поздравил в твиттере евреев с Новым годом Рош ха-Шана [19]. Более того, в сентябре 2013 г. Рухани и Обама провели исторический телефонный разговор. Это был первый контакт на высшем уровне между двумя странами после исламской революции 1979 г. и захвата иранцами заложников – американских дипломатов в Тегеране [18]. В результате тайные американско-иранские контакты успешно продвигались до тех пор, пока в конце ноября 2013 г. в Женеве между ИРИ и группой «5+1» не было подписано промежуточное соглашение под названием «Совместный план действий» сроком на шесть месяцев с возможностью его продления [20].

Принципиальные договоренности по всем спорным вопросам, как известно, были достигнуты только 2 апреля 2015 г. на переговорах в Лозанне. В этот же день Б. Обама во время пресс-конференции, состоявшейся в Белом доме, сообщил, помимо всего прочего, о том, что только что позвонил саудовскому королю Салману бин Абдель Азизу, чтобы подтвердить приверженность Соединенных Штатов делу укрепления безопасности своих партнеров в регионе Персидского залива. Обама отметил

также, что пригласил лидеров шести стран Совета сотрудничества стран Персидского залива встретиться с ним в ближайшее время в Кэмп-Дэвиде для обсуждения вопроса о «дальнейшем укреплении нашего сотрудничества в области безопасности при разрешении многочисленных конфликтов, приведших к стольким лишениям и нестабильности на всем Ближнем Востоке» [21]. Саудовское информационное агентство кратко сообщило о телефонном звонке Обамы и о том, что американский президент проинформировал саудовского монарха о достигнутом рамочном соглашении с Ираном по ядерному досье, подчеркнув при этом стремление Соединенных Штатов «к миру и стабильности в регионе». Король Салман, в свою очередь, «выразил надежду на то, что будет достигнуто окончательное и обязывающее соглашение, которое приведет к укреплению безопасности и стабильности в регионе и мире» [22]. Представители Омана и Бахрейна также увязывали заключение Лозаннского соглашения с возможностью укрепления региональной безопасности и невмешательства Ирана «во внутренние дела государств региона», и прежде всего стран ССАГПЗ [22].

Таким образом, Саудовская Аравия, как и остальные монархии Персидского Залива, воспринимавшая Иран как основного соперника в регионе, рассматривала ядерную сделку через призму региональной безопасности и возможного нарушения баланса сил не в свою пользу. Поэтому совсем не случайно, а именно для того, чтобы разъяснить свою политику в отношении Ирана американский президент и пригласил лидеров ССАГПЗ на встречу в Кэмп-Дэвид.

В преддверии кэмп-дэвидского саммита, состоявшегося 13–14 мая 2015 г., лидеры ССАГПЗ опубликовали совместное заявление, в котором выражали надежду на то, что рамочное соглашение по иранской ядерной программе проложит путь к всеобъемлющему и окончательному соглашению лишь при условии, что оно будет соответствовать общим для всех критериям и чаяниям. В заявлении подчеркивалось, что «нормальные отношения с Ираном» могут быть «восстановлены на основе взаимного уважения принципов добрососедства и уважения суверенитета всех государств» [23]. Однако американские ожидания от саммита были омрачены тем фактом, что на нем на высшем уровне присутствовали только двое из шести лидеров ССАГПЗ – эмир Сабах (Кувейт) и эмир Тамим бин Хамад Аль Тани (Катар). Саудовскую Аравию представлял не король, а наследный принц Мухаммед бин Наиф Аль Сауд.

В совместном заявлении, опубликованном после саммита, было объявлено о новом стратегическом партнерстве между США и странами ССАГПЗ. Американцы подтверждали использование всех элементов национального могущества как для защиты своих интересов в зоне Персидского залива, так и для сдерживания и противостояния внешней агрессии, направленной против «союзников и партнеров» США [24].

Многообещающие заявления США не могли снять тревогу и чувство озабоченности у руководства Саудовской Аравии. По некоторым данным, в 2015 г. саудовцы более чем удвоили расходы на лоббирование своих интересов в Вашингтоне – главным образом для того, чтобы сорвать ядерную сделку между США и Ираном. Однако их попытки, как и аналогичные попытки Израиля, предотвратить американо-иранское сотрудничество оказались безуспешными [25]. В соответствии с ранее достигнутыми договоренностями 14 июля 2015 г. участники переговоров добились окончательного соглашения по иранской ядерной программе. Совместный всеобъемлющий план действий предполагал исключительно мирный характер развития ядерной энергетики Ирана в обмен на поэтапное снятие санкций с этой страны.

По мнению профессора Ливанского университета А. Мелли, после Женевского соглашения по иранской ядерной программе, достигнутого между «шестеркой» и Ираном, «саудовское разочарование в отношении администрации Обамы достигло критической степени» [26]. Больше всего Саудиты были возмущены не столько самим фактом соглашения, сколько тем, как и каким образом оно было достигнуто, а именно: в ходе секретных переговоров между американцами и иранцами, за спиной у Саудитов, в соседнем дружественном Омане. Конечно, такое откровенное игнорирование Саудовской Аравии было немаловажным, но все же дополнительным раздражителем для саудовцев. Главное же заключалось в том, что руководство Саудовской Аравии боялось восстановления того равновесия сил в регионе Персидского залива, которое существовало до конца 1970-х гг., когда с согласия Соединенных Штатов главную роль здесь играл Иран, а Саудовская Аравия оставалась их второстепенным партнером.

Американо-иранское сближение и заключение ядерной сделки по праву стало «катализатором новой внешней политики Саудовской Аравии» на американском направлении [27]. Особенно четко ее контуры проявились с приходом к власти нового короля Салмана бин Абдул-Азиза после смерти его брата короля Абдаллы в январе 2015 г. Король Салман приступил к проведению более активной, чем его предшественник, внешней политики, без особой оглядки на США. Тем самым Саудовская Аравия демонстрировала свою самостоятельность и открытое противостояние растущему влиянию Ирана в регионе. По мнению египетского автора М. Марзука, именно в этом контексте следует рассматривать основные внешнеполитические акции Саудовской Аравии этого времени. К ним следует отнести военную операцию в Йемене, укрепление политического режима в Бахрейне, поддержку сирийских оппозиционных сил и, что весьма примечательно, демонстративную ориентацию на развитие экономических и политических отношений с Францией и Россией [28, с. 125–126].

Негативное отношение к ядерной сделке со стороны саудовских властей стало очевидным, когда в начале января 2016 г. в Эр-Рияде был казнен по обвинению в причастности к терроризму шиитский проповедник шейх

Нимр ан-Нимр, имевший тесные связи с Ираном. Казнь было совершена буквально за несколько дней до того, как началась реализация ядерной сделки и санкции с Ирана были сняты. Казнь проповедника вызвала кризис в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией. Иран заявил, что Саудовская Аравия заплатит «высокую цену» за этот «проступок», после чего дипломатические отношения между двумя странами были разорваны [29].

Пытаясь разрядить напряженную обстановку в отношениях с Эр-Риядом, в апреле 2016 г. Б. Обама посетил Саудовскую Аравию. Американскому президенту был оказан более чем прохладный прием. Король Салман не встретил президента Обаму в аэропорту, а телевидение не транслировало церемонию прибытия в прямом эфире, что свидетельствовало о крайнем недовольстве Саудовской Аравии политикой США. Электронная арабская версия «Жэньминь жибао» рассматривала визит Обамы в Эр-Рияд как возможный поворотный пункт в американо-саудовских отношениях [32].

Во время встречи с лидерами Совета сотрудничества государств Персидского залива в Эр-Рияде Б. Обама особое внимание уделил отношениям США с Ираном именно в контексте ядерной сделки. Он заверил присутствовавших в неизменно твердой позиции США в отношении Ирана и подтвердил готовность Вашингтона оказывать помощь странам Персидского залива перед лицом возможных агрессивных действий со стороны Тегерана. Несмотря на подобные заверения, визит Б. Обамы не снял сомнений Саудовской Аравии относительно надежности внешней политики США в ближневосточном регионе. Тем не менее, по словам одного из бывших сотрудников ЦРУ, ни Саудовская Аравия, ни Соединенные Штаты не собирались «разводиться», так как были «нужны друг другу» [33].

В заключение сделаем несколько обобщающих выводов. Отметим прежде всего то, что американская политика по иранской ядерной программе определялась исключительно соображениями стратегического характера. Интересы Саудовской Аравии, как и других государств региона, занимали в ней подчиненное положение. Соединенные Штаты стремились не допустить превращения Ирана в крупную региональную державу, обладающую ядерными технологиями и реальной перспективой создания ядерного оружия.

Что касается Саудовской Аравии, то ее позиция в отношении иранской ядерной программы необходимо рассматривать в контексте ирано-саудовского соперничества и той турбулентной обстановки, которая сложилась на Ближнем Востоке в период и после так называемой «арабской весны».

Список использованных источников

1. Iran's Nuclear Program: Status [Electronic Resource] / Congressional Research Service Report for Congress. – 2019, December 20. – 91 p. – Mode of Access: <https://sgp.fas.org/crs/nuke/RL34544.pdf>. – Date of access: 12.03.2023.

2. Iran's Statement at IAEA Emergency Meeting [Electronic Resource] / Mehr News Agency. – 2005, August 10. – Mode of Access: <https://nuke.fas.org/guide/iran/nuke/mehr080905.html>.
3. Iran: Nuclear Intentions and Capabilities [Electronic Resource] / National Intelligence Estimates. – November 2007. – Mode of Access: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/20071203_release.pdf. – Date of access: 12.03.2023.
4. President Delivers State of the Union Address [Electronic Resource] // georgewbush-whitehouse.archives.gov. – Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>. – Date of access: 01.10.2022.
5. *Obama, B.* A Promised Land / B. Obama. – New York: Crown, 2020. – 751 p.
6. *Юсеф, Б.* Ядерный Иран... от «разоблачения секрета» к попыткам вернуться к «соглашению 2015 года») [Электронный ресурс] / Б. Юсеф // Рухья аль-ахбарийа. – 2022, 2 марта. – Режим доступа: <https://goayahnews.com/?p=1073586/>. – Дата доступа: 11.10.2022.
7. President Barack Obama's Inaugural Address. 2009, January 21 [Electronic Resource] / The White House. President Barack Obama. – Mode of Access: [https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/01/21/president-Barack-obamas-inaugural-address#:~:text=On%20this%20day%2C%20we%20gather,We%20remain%20a%20young%20nation](https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/01/21/president-Barack-obamas-inaugural-address#:~:text=On%20this%20day%2C%20we%20gather,We%20remain%20a%20young%20nation.). – Date of access: 12.03.2023.
8. State Department, Note, William J. Burns for the Secretary of State, “A New Strategy toward Iran,” SECRET, January 24, 2009 [Electronic Resource]. – Mode of Access: <https://nsarchive.gwu.edu/document/24693-document-07-state-department-note-william-j-burns-secretary-state-new-strategy/>. – Date of access: 12.03.2023.
9. Remarks by the President at Cairo University, 2009, April 6 [Electronic resource] / obamawhitehouse.archives.gov. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09>. – Date of access: 13.10.2022.
10. Obama sent letter to Khamenie before the election, report says [Electronic resource] // theguardian.com. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2009/jun/24/khamenei-obama-letter>. – Date of access: 12.10.2022.
11. *Sharp, T. U. S.* Foreign Policy toward Iran in the Obama Era [Electronic resource] / T. Sharp / ISPI – Policy Brief. – № . 145. – June 2009. – Mode of access: <https://www.ispionline.it/en/publication/us-foreign-policy-toward-iran-obama-era-8667>. – Date of access: 12.03.2023.
12. *Jahanbegloo, R.* The Obama Administration and Iran: Towards a Constructive Dialogue [Electronic resource] / Ramin Jahanbegloo / The Centre for International governance Innovation. – Working Paper № 43, June 2009. – 27 p. – P. 9–10. – Mode of access: https://www.cigionline.org/sites/default/files/wp_43-web.pdf. – Date of access: 12.03.2023.
13. Iran: Regional Perspectives and U. S. Policy // CRS Report for Congress R40849. – October 7, 2009. – 40 p. – Mode of access: https://www.everyersreport.com/files/20091007_R40849_4c8def82fa4365b100ad93bdaa476cb7227bfff3.pdf. – Date of access: 12.03.2023.
14. *Colvin, R.* Cut off head of snake Saudis told U.S. on Iran [Electronic resource] / R. Colvin // Washington (Reuters). – 2010, November 29. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-wikileaks-iran-saudis/cut-off-head-of-snake-saudis-told-u-s-on-iran-idUSTRE6AS02B20101129>. – Date of access: 12.03.2023.
15. *Parmly, C.* The Role of Iran Policy the Saudi-American Rift (2015) [Electronic resource] / C. Parmly / FIU Electronic Theses and Dissertations. 2301. – Mode of access: / <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/2301>. – Date of access: 12.03.2023.
16. *Clinton, H. R.* Hard Choices / H. R. Clinton. – New York: Simon and Schuster, 2014. – 656 p.
17. S/RES/1929 (2010) [Electronic resource] / un.org. – Mode of access: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1929-%282010%29>. – Date of access: 25.10.2022.
18. *Esfandiari, G.* Senior Iranian Official Reveals Details About Secret Talks with U.S. [Electronic resource] / G. Esfandiari. – RFE/RL. – 2015, August 6. – Mode of access: <https://>

www.rferl.org/a/iran-secret-talks-salehi-nuclear-united-states/27174643.html. – Date of access: 26.10.2022.

19. As the sun is about to set here in #Teheran I wish all Jews, especially Iranian Jews, a blessed Rosh Hashanah [Electronic resource] / [twitter.com](https://twitter.com/hassanrouhani/status/375278962718412800?lang=ru). – Mode of access: <https://twitter.com/hassanrouhani/status/375278962718412800?lang=ru>. – Date of access: 27.10.2022.

20. U.S., Iran held secret talks on march to nuclear deal [Electronic resource] / Geneva (Reuters). – 2013, November 24. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-bilateral-idUSBRE9AN0FB20131124>.

21. Statement by the President on the Framework to Prevent Iran from Obtaining a Nuclear Weapon [Electronic resource] / The Whitehouse president Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/02/statement-president-framework-prevent-iran-obtaining-nuclear-weapon#:~:text=Today%2C%20the%20United%20States%20%2D%2D,security%20of%20the%20American%20people>. – Date of access: 28.10.2022.

22. Король Салман бин Абдель Азиз: мы надеемся на обязывающее соглашение, которое положит конец ядерному досье Ирана [Электронный ресурс] // elaph.com. – 2015, 3 апреля. – Режим доступа: <https://elaph.com/Web/News/2015/4/996413.html>. – Дата доступа: 29.10.2022.

23. GCC Consultative Meeting issues final communique [Electronic resource] // Emirates News Agency – Wam. – Mode of access: <http://wam.ae/en/details/1395280186960>. – Date of access: 29.10.2022.

24. Annex to U.S.-Gulf Cooperation Council Camp David Joint Statement [Electronic resource] // The Whitehouse president Barack Obama. – Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/05/14/annex-us-gulf-cooperation-council-camp-david-joint-statement>. – Date of access: 30.10.2022.

25. *Ashgar, M. J.* US Foreign Policy towards Iran under Obama and Trump Administration [Electronic resource] / M. J. Ashgar // IUB Journal of Social Sciences. – 2019. – Vol. 1, № 2. – P. 35–48. – Mode of access: <https://journals.iub.edu.pk/index.php/joss/article/view/715/266>.

26. *Мелли, А.* Американско-саудовские отношения: «бури в пустыне» / А. Мелли // Международная жизнь. – 2016. – № 3. – Mode of access: [interaffairs.ru/https://interaffairs.ru/jauthor/material/1455](https://interaffairs.ru/jauthor/material/1455).

27. *Zaccara, L.* Tensions Between the US and Iran and the Role of the Gulf States [Electronic resource] / L. Zaccara. – IEMed Mediterranean. Yearbook 2020. – Mode of access: <https://www.iemed.org/publication/tensions-between-the-us-and-iran-and-the-role-of-the-gulf-states/>. – Date of access: 30.10.2022.

28. *Марзук, А.* Американско-саудовские отношения в свете региональных изменений (2008–2016) / А. Марзук. – Берлин: Демократический арабский центр, 2020. – 190 с.

29. Sheikh Nimr al-Nimr: Saudi Arabia executes top Shia cleric [Electronic resource] / [bbc.com](https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35213244). – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35213244>. – Date of access: 04.11.2022.

30. Комментарий: Визит Обамы в Саудовскую Аравию может стать поворотным моментом в отношениях двух стран [Electronic resource] / arabic.people.com.cn. – 2016, 5 мая. – Режим доступа: <http://arabic.people.com.cn/n3/2016/0505/c31662-9053665.html>. – Дата доступа: 02.11.2022.

31. White House: Obama ‘cleared the air’ with Saudi Arabia [Electronic resource] / CNN. – April 20, 2016. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2016/04/20/politics/obama-saudi-arabia-tensions/index.html>. – Date of access: 30.10.2022.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Антановіч З. В.</i> СТАНАЎЛЕННЕ АРГАНІЗАЦЫЙНАЙ СТРУКТУРЫ ЕПАРХІЯЛЬНЫХ КАНСІСТОРЫЙ ХРЫСЦІЯНСКІХ КАНФЕСІЙ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ ХVІІІ – ПАЧАТКУ ХІХ СТ.	3
<i>Аўсейчык У. Я.</i> СТАРАВЕРСКІЯ АБШЧЫНЫ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1960-Я – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1980-Х ГГ.	11
<i>Бай Сюзетун.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И ФРГ В ЭПОХУ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (2004–2020 ГГ.)	19
<i>Бодрыкаў Я. А.</i> АДУКАЦЫЙНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ТАВАРЫСТВА ДАПАМОГІ ПАЦЯРПЕЛЫМ АД ВАЙНЫ (1915–1918 ГГ.)	27
<i>Гуль Н. А.</i> ВЛИЯНИЕ ИДЕЛОГОВ ДВИЖЕНИЯ «ХИНДУТВА» НА ИСТОРИОГРАФИЮ РАННЕЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ	35
<i>Дзям'ян П. Л.</i> ДЫПЛАМАТЫЧНЫЯ КАНТАКТЫ Б. РАДЗІВІЛА ЯК СРОДАК АБАРОНЫ СВАІХ УЛАДАННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА ПАДЧАС ВАЙНЫ 1654–1667 ГГ.	41
<i>Довматовіч К. Д.</i> СЕЙМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА ХІХ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ В.	48
<i>Довнар Л. А.</i> ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧАСОВОГО МЕХАНИЗМА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ХVІ–ХХ ВВ.	56
<i>Дубовік А. К.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В 20–30-Е ГГ. ХХ В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	62
<i>Дулов А. Н., Мацулевич Е. В.</i> ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ» В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ	71
<i>Ерашэвіч А. У.</i> ПРАФЕСІЙНАЯ ПАДРЫХТОЎКА КВАЛІФІКАВАННЫХ ПЕДАГАГІЧНЫХ КАДРАЎ ДЛЯ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ БЕЛАРУСКА-ЛІТОВСКИХ ГУБЕРНЯЎ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.: АРГАНІЗАЦЫЙНА-ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ	80
<i>Зянько А. Л.</i> САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ СТАНАЎЛЕННЯ ТУРЫСТЫЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ.	90

<i>Казак А. Г., Кімбар А. У.</i> СТАНАЎЛЕННЕ СЯРЭДНЯЙ СПЕЦЫЯЛЬНАЙ ПЕДАГАГІЧНАЙ АДУКАЦЫІ ў МІНСКУ ў 1920–1930-Я ГГ.	98
<i>Карпович К. Н.</i> ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	106
<i>Касяноўская Г. С.</i> МЯСТЭЧКІ ў СІСТЭМЕ ПАСЕЛІШЧАЎ БЕЛАРУСІ (XVI–XX СТСТ.).....	113
<i>Кежа Ю. Н.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦАХ РУСИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ	120
<i>Келлер О. Б.</i> НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ АТРИБУТЫ ПАЛОМНИЧЕСТВА ХРИСТИАН В СРЕДНИЕ ВЕКА	129
<i>Киселёв А. А.</i> ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX В.	138
<i>Климко М. К.</i> ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1860–1914 ГГ. НА ВОЕННУЮ ПОДГОТОВКУ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА	145
<i>Ковяко И. И.</i> ПРОЕКТ ЕДИНОЙ ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ 1945–1990 ГГ.: АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	152
<i>Козлов А. А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ БССР И РСФСР В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	159
<i>Кравченко В. А.</i> КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СОЗДАНИЯ И ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ ИРЛАНДИИ 1937 Г.	166
<i>Крепский Ю. Г.</i> ЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ УСТАВОВ 1786 И 1828 ГГ. ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	174
<i>Ландина Л. В.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И РАБОТА ИСТОРИКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)	182
<i>Лань Пэнхэ.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ГРУЗИЕЙ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1992–2022 ГГ.).....	189
<i>Лицкевич О. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦЫ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С ЛИВОНИЕЙ В XIII–XV ВВ.: ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ	199
<i>Лішай Д. У.</i> БІБЛІЯТЭКІ ПОЛЬСКИХ ЛЕГАЛЬНЫХ ГРАМАДСКІХ АБ’ЯДНАННЯЎ НА ТЭРЫТОРЫІ МІНСКАЙ ГУБЕРНІ ў ПАЧАТКУ XX СТ.	207
<i>Лукашевич А. М.</i> МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО КРАЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА (1805–1815 ГГ.).....	215

<i>Макаренко И. А.</i> ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1997–2001 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	224
<i>Марданов А. В.</i> НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЛАСТИ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ В СССР И США И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ И ДОКТРИНЫ ДВУХ СУПЕРДЕРЖАВ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1962 ГГ.).....	233
<i>Масейчук Л. І.</i> «ПРАЛЕТАРЫЗАЦЫЯ» БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСИТЭТА: ПЕРШЫЯ КРОКІ (1923–1925 ГГ.)	240
<i>Мацулевич Е. В.</i> ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛИТИКУ США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1991–2021 ГГ.....	246
<i>Мигун Д. А.</i> РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ПАКТА МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА	256
<i>Моторова Н. С.</i> ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1914–1916 ГГ.	266
<i>Мох Е. Н., Швед А. А.</i> ЛАГЕРЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УРОЧИЩЕ «ДРОЗДЫ»	274
<i>Мяньчэня С. В.</i> ПАПУЛЯРЫЗАЦЫЯ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧЫХ ВЕДАЎ І АЦЭНКА СТАНУ І ПЕРСПЕКТЫЎ СЕЛЬСКАЙ ГАСПАДАРКІ БЕЛАРУСІ НА СТАРОНКАХ «НАШАЙ НІВЫ» (1906–1915 ГГ.)	283
<i>Низович Д. В.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-Х ГГ.	290
<i>Огородников А. А.</i> ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛОЦКА В 1945–1991 ГГ.	298
<i>Острога В. М.</i> УЧИТЕЛЬСКИЕ СЕМИНАРИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В СТРАНАХ ЗАПАДА И РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.).....	305
<i>Первалов Я. О.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР В 1946–1991 ГГ.	313
<i>Перзашкевич О. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОКРУЖЕНИИ ВЕЛИКОГО МОГОЛА АКБАРА И ФОРМИРОВАНИИ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АКБАРНАМА).....	324
<i>Пясецкий Д. В.</i> ТИТУЛ «НАИВЫСШИЙ КНЯЗЬ ЛИТВЫ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА В 1386–1413 ГГ.	331
<i>Ряюк А. Р.</i> УРБАН КРУПСКИ (1863–1915): АД БЕЛАРУСКАГА НАРОДНІКА ДА КРАЁЎЦА-КАНСЕРВАТАРА.....	339

<i>Русин О. Д.</i> РОЛЬ ВЫСШЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР (1944–1965 ГГ.).....	347
<i>Рышкевич О. И.</i> РОЛЬ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ГІСТОРЫЯ: ПРАБЛЕМЫ ВЫКЛАДАННЯ» В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ	354
<i>Саджади Д.</i> АМЕРИКАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА (2008–2016 ГГ.)	361

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 23

В трех частях

Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 28.07.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 21,9. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 100 экз. Заказ 72.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.